Вячеслав Каликинский

ЛЕГИОНЕР

ОТ АВТОРА

Здравствуй, уважаемый читатель!

Если ты читаешь эти строки, значит, тебе интересно наше прошлое, наша история. И я рад, потому что под обложкой моей книги собрано немало исторических событий и персонажей. Часть этих персон широко известна даже в наше, ставшее не слишком просвещенным, к сожалению, время. Император Александр Второй, замечательный русский юрист Кони, гений русского сыска Путилин, знаменитая Сонька Золотая Ручка.

Далее по «убывающей» упомяну графа Тотлебена, фактическую супругу императора Александра Второго Екатерину Долгорукую, военного губернатора Сахалина Ляпунова, «белого генерала» Скобелева, Обер-Прокурора Святейшего Синода Победоносцева – их нынче знают только историки. Имена одного из шефов всесильного Жандармского ведомства России Дрентельна, губителя «Народной воли» полковника Судейкина, градоначальника Санкт-Петербурга Зурова, министра Перетца знакомы, вероятно, лишь тем историкам и архивистам, которые специализируются на России 19-го века.

Перечень исторических персонажей из моей книги замыкают люди и вовсе малоизвестные читающей публике – первый полномочный посол Японии в России Эномото Такэаки, герой Восточных походов генерал Кауфман, министры двора Александра II, экипаж парохода Добровольного флота «Нижний Новгород», перевозившего из Одессы на Сахалин осужденных каторжников, чиновники Главного тюремного управления, офицеры Саперного

Лейб-Гвардии батальона и Сахалинского гарнизона, сыщики, аптекари, дворники… Не стыдно похвалиться, что при работе над этой книгой мне удалось восстановить историческую справедливость и поименно назвать большинство «делателей» истории непростого для России времени. Так что имей в виду, читатель: большинство персонажей в этой книге – реальные люди с подлинными именами.

А объединяет их всех Карл Ландсберг. Едва ли не единственный каторжник, которого, по мнению А.П.Чехова и В.М.Дорошевича, не смогла сломать жесткая пенитенциарная система. Потомок крестоносцев, блестящий гвардейский офицер элитного батальона, жених фрейлины Императрицы – одной из дочерей того самого Тотлебена, Карл фон Ландсберг неожиданно для всех окружающих и себя самого совершил тяжкое преступление и был приговорен к каторжным работам в рудниках.

Такие люди из такой каторги никогда не возвращаются… Именно это обстоятельство и сделало лишенного приговором суда под председательством Кони дворянства и всех прав состояния человека объектом пристального внимания высокопоставленных заговорщиков. Их раздражал царь-реформатор Александр Второй, их бесили неуклюжие попытки недоучившихся студентов и мещан расправиться с ним, и им потребовались военно-инженерные знания героя двух войн Ландсберга. Вокруг него начинает плестись многоходовая интрига.

Ему выносит свой приговор и преступный мир - те, кого сегодня называют ворами в законе. Он становится объектом шантажа Соньки Золотая Ручка, оказавшейся на той же Сахалинской каторге в одно время с Ландсбергом.

После перечисления из ссыльнокаторжных в ссыльнопоселенцы, Ландсберг – больше от скуки – начинает заниматься коммерцией. И довольно скоро становится едва ли не самым богатым сахалинцем. Огромное состояние не препятствует, однако, его вступлению в ополчение, и старый легионер воюет с японскими интервентами во время русско-японской войны 1904-05 годов. Плен и более полугода в японском лагере – он проходит через все это, и в 1909 году получает, наконец, полное помилование. Однако во Владивостоке, где он делает краткую остановку перед

возвращением на родину, его, кажется, настигает мистическое проклятье рода Ландсбергов…

Часть первая

Дорога в каторгу

Пролог
Литерный мчится в Одессу

Арестантские шеренги вступили на пустой по ночному времени дебаркадер Псковской станции железной дороги за пять минут до полуночи. Экстренный поезд уже ждал своих невольных пассажиров.

Сей поезд состоял из одних вагонов третьего класса, переделанных фабричным образом в арестантские. Переделки, впрочем, были небольшими: стекла из оконных проемов были вынуты и заменены частыми решетками. По зимнему и весеннему времени в таких вагонах вовсю гуляли холодные сквозняки, зато начальство было спокойным: невольники-пассажиры не наделают беды со стеклами. Не порежутся сами и не понаделают из осколков опасное оружие.

Первыми в один из вагонов, сняв с общей цепи, завели политических – душ около двадцати. Несмотря на громкие требования не смешивать их с уголовниками, начальник конвоя усадил их на скамейки поплотнее и велел заводить в вагон уголовных. Когда все скамейки оказались занятыми, конвойный начальник передал партионному офицеру пакет, козырнул и занялся загрузкой другого вагона.

Для партионного офицера и его писаря в вагоне было отгорожено нечто вроде отдельного помещения – без окна и без дверей. Первое обеспечивало относительное тепло, а второе – присмотр за арестантами.

Точно такое же отделение напротив полагалось для арестантов из благородных, и когда туда прошли пятеро арестантов, политические вновь громко запротестовали по поводу явной, как они полагали, несправедливости. И на эти их протесты конвой не обратил никакого внимания.

Вскоре посадка арестантов была закончена, и дебаркадер станции опустел. Однако состав все еще стоял на первом пути.. Причину задержки не могли объяснить ни конвойные солдаты,

разместившиеся среди арестантов, ни начальник партии. Последний, отчаявшись уяснить причину задержки, вытребовал у кондуктора переносную железную печку с тлеющими древесными углями, выдул прямо из горлышка полубутылку коньяку и преспокойно заснул, не дождавшись отправления.

Задержка объяснилась лишь через час: к станции подкатил возок с поездным арестантским пайком. Арестантам раздали по деревянному ящичку, в коем лежало по фунту вареной говядины, и столько же тяжелого черного хлеба.

Ящички было велено не выбрасывать и не ломать: без наличия оного арестанты в дальнейшем лишались дорожного довольствия.

Одни из арестантов, помещенный в закуток для благородных, дрожал от холода, и громко жаловался на озноб. Арестант был стар, явно немощен и слаб. Его товарищ, крепкий молодой мужчина в щегольской арестантской куртке польского покроя, не обритый по тюремному обыкновению, явно озаботился состоянием старика. Нетрудно было представить себе – что будет, когда состав тронется и по вагону начнет гулять ветер. Выйдя из своего отделения – конвойный не препятствовал передвижениям арестантов из благородных – молодой мужчина нашел железнодорожного кондуктора, мыкающегося в тамбуре, и, показав блеснувшую в свете фонаря серебряную монету, что-то прошептал. Кондуктор, оценив достоинство предлагаемой мзды, тут же куда-то умчался, велев станционному дежурному не давать отправления до его возвращения.

Впрочем, вернулся кондуктор довольно быстро, неся в обеих руках такую же раскаленную переносную печурку, как у партионного офицера. Следом некий железнодорожный служащий, пыхтя, втащил в отделение для благородных арестантов горячий полуведерный самовар. То и другое было «позаимствовано» из кабинета начальника станции, отсутствовавшего в эту ночь. Политические, от глаз которых сие внимание железнодорожного персонала к «обыкновенным уголовникам», разумеется, не укрылось, снова загомонили.

Наконец, кондуктор дал два пронзительных свистка, паровоз в ответ сипло рявкнул и рванул состав. Экстренный поезд номер три-

бис сначала медленно, а потом все быстрее покатил на юг.

Этот состав не был обычным. Начальникам железнодорожных станций по пути следования экстренного поезда по телеграфу было дано приказание держать для него открытыми все семафоры. А на узловых станциях, под парами, только и ждали своего часа «впрячься в арестантскую упряжку» самые мощные по тому времени паровозы, все еще называемые паровыми машинами, или просто машинами. Россия спешила поскорее избавиться от беспутных и преступных своих сыновей.

Той весной 1881 года на юг, в сторону Одессы, мчались четыре таких литерных железнодорожных состава с арестантами. Там их ждал пароход общества Добровольного флота, оборудованный для перевозки невольных пассажиров.

- Ну, слава Богу, поехали! – перекрестился старый арестант, до последней минуты боявшийся, что его могут по причине болезни и старческой немощи снять с партии и не допустить до дальней отправки.

Его молодой товарищ промолчал: лично у него не было ровным счетом никаких оснований для оптимизма.

В статейных списках арестантов, следующих экстренным поездом номер три-бис до Одессы и далее морским путем на далекий остров Сахалин, старик значился как разжалованный полковник Жиляков. Его молодой товарищ в куртке польского образца тоже был из бывших офицеров и некогда гордо рекомендовался фон Ландсбергом. Окружной суд Санкт-Петербурга в своем приговоре лишил его не только свободы, но и всех прав состояния, и, конечно, титула барона. Ландсберг был осужден на 14 лет каторжных работ, приговор у старика Жилякова был и вовсе бессрочным.

В отличие от Жилякова, чье судебное дело в свое время было удостоено лишь нескольких строк в газетной хронике – тому, конечно, были причины – имя его молодого товарища, бывшего барона фон Ландсберга весной и летом 1879 года многократно прогремело на всю Россию. Не было, наверное, ни одной столичной и даже провинциальной газеты, не публиковавшей судебных отчетов с его процесса. Дело, действительно, получилось громким.

Блестящий гвардейский офицер одного из столичных

батальонов под монаршим патронажем, жених весьма высокопоставленной особы – опять же состоящей на службе при царском дворе - оказался уличен в двойном убийстве. Да каком! Свет северной столицы России был шокирован: Ландсберг убил не просто штатского «штафирку», а своего благодетеля, квартирного хозяина Власова, который собирался преподнести своему протеже не только королевский подарок на свадьбу, но и сделал его единственным наследником состояния. Пусть и небольшого, но разве в этом дело! Заодно была убита и престарелая прислуга Власова – ну, с ней было всё понятно: убийца не желал оставлять в живых свидетеля своего преступления.

Несмотря на подробнейшее освещение в газетах самого судебного процесса Ландсберга, многие пикантные для обывателей подробности остались, как говорится, в тени. В частности, не было названо, как ни бились газетчики, имя невесты Ландсберга. Непонятным для многих, в том числе и юридически грамотных людей, остался весьма лояльный приговор, вынесенный широко известным в России юристом - председателем Окружного суда Санкт-Петербурга господином Кони. Александр Федорович, блестящий юрист и правовед, задолго до этого своего процесса снискал себе славу беспристрастного судьи, которого невозможно ни задобрить, ни подкупить. Стало быть, приговор вынесен «по совести». Однако общество недоумевало: почему же, этот приговор столь мягок – всего-навсего 14 лет за двойное убийство?! Сам Александр Федорович Кони от комментариев по поводу своего приговора уклонялся – даже в тесной компании близких друзей.

Мало-помалу шум вокруг процесса фон Ландсберга поутих, газеты нашли, как водится, новые источники привлечения читательского внимания. И о дальнейшей судьбе Ландсберга грамотная Россия очень долго ничего не знала. Это имя появилось в газетах лишь спустя 30 лет…

Пока четыре экстренных литерных состава с арестантами, каждый по своей линии «чугунки», день и ночь мчались по просторам России к Южному порту Одессы, там шли поспешные приготовления к приему пассажиров-невольников.

Общества Добровольного Флота пароход «Нижний Новгород»

встретил своего нового капитана, Сергея Ильича Кази, как и подобало – сдержанно сияя свежей серо-стальной окраской обводов низкого корпуса, до блеска надраенными бронзовыми поручнями, почтительным «поеданием» глазами вахтенного матроса у трапа.

Легко взбежав по трапу, капитан по многолетней привычке чуть замедлил шаг и взглянул на тыльную сторону белоснежных перчаток, коими по традиции военных моряков, им были совершенно машинально проверены поручни. На перчатках не должно было остаться даже пыльной тени!

Господи, и чего это я, одновременно с движением глаз подумал Сергей Ильич. Я ведь больше не на военном флоте. А на «торгашах» флотская стерильность, как известно, не в почете. А у меня, к тому же, не просто «торгаш», а плавучая тюрьма…

Но на перчатках, тем не менее, не было ни пятнышка! Видать, Общество Добровольного Флота, находящееся под высочайшим патронажем Императорского Дома, хранило верность старым военно-морским традициям! Кази чуть заметно кивнул вахтенному у трапа и неожиданно-шутливо посоветовал:

- Не тянись ты так, братец! Я ведь всего лишь капитан, а не адмирал…

Палуба привычно чуть заметно вибрировала в унисон гулу судовой машины, работавшей на холостом ходу. В таком же белоснежном, как и у капитана кителе, к нему с должной почтительной прытью приблизился человек с умными маленькими глазками на широком лице.

- Старший помощник капитан-лейтенант Стронский, господин капитан! Имею честь рекомендоваться и приветствовать вас на борту вашего парохода, господин капитан!

- А по имени-отчеству как? Роман Александрович? Очень приятно. Ну-с, давайте сразу посмотрим – что тут и как. Показывайте, Роман Александрович!

Многое о «Нижнем Новгороде» новый его капитан, впрочем, знал и так. Заочно – по рассказам, чертежам и документам. Построено судно – изначально, разумеется, парусное - было на немецких верфях почти тридцать лет назад, и долгое время именовалось «Саксонией». С парусами оно попало и в Россию.

Качество работы немецких корабелов позволило недавно оснастить бывшую «Саксонию» паровой машиной, однако силу ветра в русском флоте еще долго не сбрасывали со счетов и зачастую использовали параллельно с механическим двигателем. Пароход имел длину 94,2 метра, ширину палубы – 12,2 метра. Кроме машины мощностью 1600 лошадиных сил, «Нижний Новгород» нес три мачты с парусами, позволявшими при попутном ветре развивать скорость до 13 узлов. Трюм парохода был совсем недавно переделан под перевозку арестантов.

Поначалу, узнав о сем новшестве, отправке российских преступников- каторжников на остров Сахалин и в Амурский лиман морским путем, Сергей Ильич немало тому подивился: что за забота о негодяях? Шли бы в каторгу как и раньше, пешим порядком! Долгонько? Так ведь и срок каторги у большинства немал. К тому же, по законам того времени, для арестантов время этапа в срок наказания не засчитывалось. Если же нужно отправлять арестантов именно на Сахалин, так и это можно было бы решить более практичным путем – пешим ходом, как и прежде, через всю Сибирь, а уж там баржами из устья Амура. И почему, собственно, на Сахалин? Нешто Сибирь малой стала для каторжан? Однако, верный своей старой привычке семь раз подумать прежде чем задавать вопросы, Кази самолично навел кое-какие справки и даже специально посидел денек в Публичной библиотеке северной столицы.

И оказался прав: большая часть вопросов отпала сама собой.

Татарский пролив, отделявший остров Сахалин от громады материка, некогда спас русских моряков от преследования английской эскадры от берегов Камчатки. У противника были старые карты и лоции, согласно которым Сахалин считался… полуостровом. Эскадра и кинулась вдогонку за русскими вдоль восточного побережья острова – а те, зная об островном статусе Сахалина, пошли «напрямки», проливом. Тогда им просто повезло с погодой – ибо Татарский пролив всегда был крайне неприветливым для мореплавателей и практически непредсказуем в погодном смысле. Шторма налетали тут совершенно не сообразуясь с обычными признаками, знакомыми каждому опытному моряку. И никакое судно, кроме оснащенного для дальних переходов в открытом океане,

просто не выдерживало здешнего буйства стихии. Так что речные суда для перевозки каторжан из Николаевска на Сахалин тут явно не годились.

Многое удалось выяснить Сергею Ильичу Кази и относительно необходимости создания на Сахалине самой каторги. Во-первых, островное положение само по себе было надежной изоляцией для преступников. Во-вторых, на сей остров начала делать совершенно недвусмысленные заявки Япония. Реально ее военную угрозу в те годы в России всерьез, конечно, никто не воспринимал, но совершенно ни к чему было бросаться этаким кусищем земли у самых российских восточных границ.

В-третьих, исследователи Сахалина утверждали об огромных, в большинстве своем еще даже не разведанных толком, запасах угля на острове. И вот это представлялось капитан-лейтенанту Сергею Ильичу Кази едва ли не самым привлекательным – заиметь на далеком острове собственные российские угольные копи с прямым выходом к морю. До сих пор военные и торговые корабли в Тихом океане были целиком зависимы поставками от японского порта Нагасаки и вынужденно набирали про запас огромное количество угля для дальневосточных маневров и походов. Появись на Сахалине своя угольная «яма» - можно было подумать и о создании совершенно автономной тихоокеанской военной русской эскадры.

Были и другие военные и экономические перспективы освоения далекого острова – пока весьма отдаленные и затруднительные из-за того, что о массовом добровольном переселении туда первопроходцев не могло быть и речи. И в самом деле: ну какой здравомыслящий переселенец из Центральной России поедет на край света, если и в Сибири еще земли хватает? А каторжник, отбыв на Сахалине наказание, вполне может остаться тут и вольным хозяином.

Стал понятен капитан-лейтенанту и еще один аргумент в пользу «арестантской кругосветки»: обратным ходом, выгрузив на Сахалине арестантов, корабли-«добровольцы» могли основательно оживить торговлю с Китаем и товарооборот с дальневосточным форпостом России, Владивостоком.

Все это Сергей Ильич Кази уяснил. Но сейчас, обходя корабль с

первым своим помощником, капитана сделал для себя несколько неприятных открытий.

Ну, хотя бы проблема сохранности «живого» груза.

Кази был старым морским волком, и будущий маршрут «Нижнего Новгорода» знал не понаслышке. Добрая – а, вернее, недобрая часть пути по маршруту Одесса – Стамбул – Порт-Саид – Аден – Коломбо – Сингапур – Нагасаки – Дуэ будет проходить в нелегких даже для профессиональных моряков погодных условиях. Штормов в южных морях будет с избытком – значит, большую часть времени перехода все иллюминаторы и вентиляционные решетки «Нижнего Новгорода» с его низкой осадкой должны быть задраены. А температура в широтах предстоящего плавания столь высока, что арестантский трюм, обитый железом изнутри, поневоле станет для каторжан раскаленным гробом. К тому же и арестантов тут будет немало. Убедить же далеких петербуржских министерцев в разумно-великом числе арестантов на каждый рейс было и вовсе маловероятным. Будут считать каторжан по кубатуре трюма, да еще и добавят: не баре, мол! Потеснятся, да доплывут!

Но сколько их доедет живыми? Спрос, опять-таки, будет с него, с капитана…

Тем временем старшие офицеры обошли все судно и поднялись на капитанский мостик. Сергей Ильич в целом был доволен состоянием «Нижнего Новгорода», его готовностью к дальнему плаванию, командой и профессионализмом старшего помощника. С количеством арестантов и окончательной датой выхода в море пока было неясно, и Кази решил раньше времени не волноваться. Оставалась, правда, еще одна проблемка: в четко-молодцеватых пояснениях Стронского и его ответах на все вопросы капитана еле заметно чувствовалась этакая тщательно маскируемая служебная ревность. И Кази решил выяснить все сразу и до конца.

- Роман Александрович, батенька мой, - капитан всем корпусом развернулся к Стронскому, - А скажите-ка мне: отчего это правление Общества вас мною наказало, так сказать? Чины у нас равные, ваш послужной список – вы уж простите, я интересовался - не короче моего, да и на «Нижнем» вы уже давненько – а на капитанскую вакансию меня назначили? Человека со стороны, можно сказать, а?

Почему не вас, батенька? Как сами полагаете?

- Полагаю, что это компетенция правления Общества Добровольного Флота, - чуть помедлив, официально ответил Стронский. Но было заметно, что внутреннего напряжения у него поубавилось. – Обсуждать приказания начальства возможным не считаю.

- Разумеется, разумеется, батенька! Наверху всегда виднее, - Кази, вложив в последнее утверждение изрядную долю иронии, на лице сохранил серьезность. – Ну, а все-таки, Роман Александрович? По-товарищески – как полагаете?

- А тут и полагать нечего! – вздохнул Стронский. – Знаю причину своей неугодности, и сам в том виноват: не надо было писать рапортов о том, как должно организовать перевозку арестантов. Многие мои наблюдения во время первой арестантской «кругосветки» пошли вразрез с указаниями высокого начальства. И, к сожалению, не подтвердили его расчетов, о чем я и имел дерзкую неосторожность рапортовать. А кому это понравится?

- Никому, батенька! – вздохнул с пониманием Кази. – Тем более, адмиралам нашим, которые последний раз выходили в море лет сорок назад… М-да… Надеюсь, вы понимаете, что я к своему назначению сюда никоим образом не причастен? И вам дороги не перебегал?

- Разумеется, господин капитан!

- Честно говоря, для меня, еще вчера военного моряка, сие назначение – тоже не подарок. Завершить послужной список капитанством на «арестантском» пароходе – тут, батенька, трижды подумаешь, вставлять ли «Нижний Новгород» в свои будущие мемуары. Обидно-с! Всего-то и не хватало до почетной отставки трех месяцев! Мог бы и в адмиралтействе это время перекантоваться – а вот поди-ка!

- Хм! «Морской телеграф», господин капитан, донес, меж тем, что не только я честными, но весьма опрометчивыми рапортами грешен, - принимая товарищеский тон беседы, Стронский чуть улыбнулся.

- И это уже разузнали? – подивился Кази. – Впрочем, какие на море секреты… Ладно, Роман Александрович, будем служить далее!

Не адмиралам, чай, служим – русскому флоту! – посерьезнев, Кази тут же поинтересовался. – Что слышно о сроках нашего выхода в море? Я, признаться, не в курсе последних телеграмм.

- Полагаю, что теперь уж скоро. Сюда, в Одессу, уже прибыл гражданский начальник острова Сахалин, князь Шаховской, заведывающий заключенными на острове по линии Министерства внутренних дел. Он возвращается на Сахалин из отпуска, и просил дать знать, когда вы прибудете и сочтете «Нижний» готовым к приему каторжных и выходу в море. Так что, если позволите, я пошлю вестового к князю в гостиницу?

- Распоряжайтесь, батенька! Конечно!

- Когда прикажете с обедом?

- Тоже распоряжайтесь, Роман Александрович! – рассмеялся Кази. – Вот о чем я, признаться, давно уж мечтаю-с…

* * *

Ландсберг еще по дороге на причал приметил эту чугунную круглую тумбу, окинул глазами оцепленное конвоем пространство. Погрузка за день вряд ли закончится, прикинул он. Значит, ждать долго – удобнее место для того, чтобы посидеть с относительным комфортом, прислонившись спиной к этой тумбе, не найти. Ускорив шаги, он обогнал озиравшихся по сторонам арестантов, кинул котомку к подножию тумбы и оглянулся, ища глазами Жилякова. Когда их выводили из вагонов, старик замешкался, отстал, а потом конвой не позволил нарушать строй. Ага, вот и он – подслеповато щурясь, семенит по причалу, разыскивая товарища. Ландсберг, привстав, помахал ему обеими руками – но старик явно не заметил жестикуляции и продолжал поиски своего молодого друга.

Прибывший вчера под вечер в Одессу литерный состав № 3-бис на железнодорожной станции простоял недолго. Паровую машину отцепили, потом лязг железа и ощутимый толчок раздался уже в хвосте поезда. И состав задним ходом покатил по подъездным путям к причалу. Там, в тупике, вагоны и встали. На сей раз уже надолго.

Впрочем, из вагонов опять-таки никого не выпустили – даже конвойных. Только партионный офицер, проспавший почти всю дорогу от Пскова и просыпаясь только для того, чтобы осушить очередную полубутылку коньяку, очнулся, наконец, от «летаргии»,

собрал бумаги, и, сердито обругав всех, кто только попался на глаза или сунулся под руку, куда-то ушел.

Ночью рядом с псковским составом на соседний путь встал еще один поезд с арестантами, литерный номер один. Несмотря на вялые окрики расхаживающих между вагонами конвойных, арестанты из двух поездов до утра перекликались, искали знакомых и земляков – по сути, это было единственное развлечение измотанных долгой дорогой людей.

Утром раздали еду – ту же самую вареную говядину. Сменился и конвой, стороживший арестантов снаружи. Новая охрана оказалась местной, воинской, а оттого и более разговорчивой. От солдат арестантам и стало известно, что их два прибывших в Одессу состава не единственные, и что вот-вот должен подойти еще один «каторжанский» поезд. А то, может, и два.

Потом в тупик прикатило на колясках какое-то местное начальство и потребовало к себе партионных офицеров. А вскоре арестантам дали долгожданную команду выходить из опостылевших им за время пути вагонов. Двумя колоннами арестанты и пришли на причал, где впервые увидели серую махину «Нижнего Новгорода». Однако на пароход, вопреки ожиданиям, никого не пустили, а каторжников согнали на огороженную канатами площадку. Здесь арестанты из двух поездов смешались и начали в ожидании погрузки устраиваться поудобнее.

Докричавшись-таки Жилякова, Ландсберг усадил того поудобнее и уже хотел было устроиться рядом, как вдруг из серой толпы вынырнули, бесцеремонно распихивая локтями встречных и поперечных, трое явных иванов – очевидно, из другого поезда. Сапоги с голенищами в гармошку, подвернутые за пояс полы халатов и расшитые воротники косовороток не оставляли сомнений в высоком тюремном ранге троицы.

Котомки всех трех тащил впереди них голый по пояс мужичонка. Он искательно заглядывал в лица своих «господ» и с наглым пренебрежением поглядывал по сторонам, явно чинясь своим статусом приближенного к сильненьким.

Группа явно облюбовала ту же самую тумбу и направлялась к ней. Глот с котомками, вырвавшись вперед иванов, подбежал к

Ландсбергу и Жилякову первым.

- А ну, шпана несчастная, брысь отседова! – закричал глот, бросая увесистые мешки прямо на ноги Жилякова. И повернулся к Ландсбергу. – А ты, жердяй, чего тута…

Закончить он не успел: Ландсберг легко развернул гонца, ухватил его за пояс штанов и резко повернул сжатый кулак. Ветхая материя тут же лопнула. А Ландсберг, сдернул глотовы штаны до колен, легонько пихнул того в спину – да так, что тот, запутавшись, шлепнулся на четвереньки в малопотребном виде. Вся пристань, включая конвоиров, грохнула смехом. Смеялись все, кроме иванов. В лице глота, по тюремным обычаям, оскорбление было нанесено и его хозяевам.

Однако иваны не спешили покарать «неразумного» – уж больно тот оказался дерзок. Дерзость же в тюрьме – верный признак силы. И хотя на ивана высокий арестант в аккуратной куртке польского образца и почему-то с бамбуковой тросточкой в руке был не похож – но кто их, южан, знает?

- Место занято, господа! – вежливо повернулся к иванам Ландсберг и легко швырнул в их сторону все три котомки.

- Кто таков? – процедил один из иванов, обращаясь больше не к Ландсбергу, а к толпе вокруг.

- Барин! Это же Барин! – послышались возгласы.

Про Барина иваны явно слыхали. Поэтому когда глот, поддерживая обеими руками разорванные штаны, сунулся к ним с намерением пожаловаться, то получил лишь оплеуху за то, что поставил иванов в неудобное положение.

- Барин, говоришь? Слыхали, как же. В личность не знали – извини, паря, за нашего придурка…

- Ничего, господа, ничего! Будем считать это недоразумением! – также вежливо ответил Ландсберг и повернулся к иванам спиной.

Те помедлили: тюремный неписанный «кодекс» обязывал «равных» интересоваться именами новых знакомцев, поговорить с ними «за жизнь»… Но раз не стал человек знакомиться – Бог с ним. С Барином лучше не связываться, - такой слушок побыстрее телеграфных депеш уже успел обойти многие российские централы и пересылки. Барин по крови как посуху ходит, передавали. Сел за

двух «жмуриков» и потом, в тюрьмах, неколько человек на три аршина под землю не раздумывая определил. Ишь, смотрит как неласково – тронь такого-то…

Подталкивая взашей своего «носильщика», иваны бесцеремонно навьючили на него свои котомки и отошли подальше.

- Хорошо все-таки, мой друг, быть сильным и зубастым! – вздохнул Жиляков, устраиваясь поудобнее. – Право, барон, мне очень стыдно за свое поведение в день нашего знакомства! Вы бесконечно правы: в этой волчьей стае просто нельзя быть овцой! Да что там овцой – сильным, но миролюбивым псом тоже быть никак невозможно! Ибо миролюбие будет тут же воспринято как очевидная слабость…

- Отдыхайте, полковник! – невесело усмехнулся Ландсберг. – Мне кажется, мы еще не скоро попадем на свой «ковчег»…

Пока арестанты, звеня кандалами и переругиваясь, устраивались на огороженной для них «арене», все свободное пространство причала заполнялось праздными людьми. Сюда пришли любопытствующие одесские обыватели, корреспонденты местных газет, мелькали мундиры чиновников различных ведомств – среди них попадались и такие, чьи служебные обязанности с отправкой арестантов решительно никак не соприкасались.

На трех тарантасах прибыли дамы из местного благотворительного общества. Тут же укрывшись под кружевными зонтиками, дамы с помощью слуг извлекли из тарантасов целые кипы душеспасительных брошюр религиозного содержания и стали требовать к себе местное начальство – с тем, чтобы оно дозволило раздать брошюры уезжающим в далекие края арестантам.

Ландсберг за год пребывания своего в тюрьмах и пересылках совершенно отвык видеть яркие дамские наряды, их руки и плечи, слышать нежные голоса и смех. Как и прочие арестанты, он с жадностью вглядывался в ту сторону.

Одна из дам на причале статью и чернотой пышно взбитых под шляпкой волос до боли напомнила Карлу Ландсбергу его невесту Марию… Приглядевшись, он с разочарованием и одновременно с облегчением убедился, что это не она…

Партионные офицеры, стоявшие за канатами особой группой,

скептически морщились, улыбались, крутили усы – но дать дозволения насчет брошюрок решительно не желали. Назревал скандал – ибо одна из прибывших дамочек сказалась супругой одесского полицмейстера полковника Бунина, а другая – женой капитана одесского порта Перлишина.

- Ничем не могу помочь, сударыни! – отбивался от дамочек старший партионный офицер, вытирая лоб платком. – Решительно ничем! Ну, посудите сами, будьте благоразумны! Не могу же я вас без охраны запустить к этим злодеям! Ведь и охрана потребуется немалая – а где я ее вам возьму? А, не дай Бог, случится что? Что у них на уме, у каторжных злыдней? Один черт, извините за грубое слово, знает… Нет, сударыни, не могу-с! Вот погрузят варнаков на пароход, запрут как следует – и милости прошу со своими брошюрками и словами напутствия!

- Да и то сказать, сударыни – зряшное, извините, дело затеяли! – попытался поддержать оборону второй офицер. – На что им ваши книжки, ежели из каждой дюжины один – много двое только читать и умеют! Вот я, сударыни, не первый год арестантов в Сибирь сопровождаю – верьте слову офицера, видел, знаю – что они с книжками, со словом Божиим творят! Хорошо, если на раскурку употребят! Это у которых бумага потоньше. А то и иначе, извиняюсь, употребляют – самым богохульным, доложу я вам, образом…

Солнце, меж тем, поднималось все выше, становилось жарко. Отвыкшие от тепла арестанты, блаженно щурясь на небо, начали потихоньку раздеваться, разматывать самое немыслимое тряпье. Несколько человек, немало не стесняясь устремленных сотен глаз (а может, именно в расчете на зрителей?) прямо на причале справляли естественные нужды, большие и малые.

Публика, меж тем, все прибывала – и пешком, и в колясках. Казалось, вся Одесса бросила свои дела и пришла насладиться редким, щекочущим нервы зрелищем. Однако смотреть на внешне спокойную серую арестантскую массу скоро прискучило, и публика переключила внимание на корреспондентов и фотографов газет, стоящих в первых рядах, у самых канатов.

Пользуясь вниманием, те с видимой неохотой, заглядывая в блокноты, начали перечислять знаменитых преступников, наверняка

пребывающих здесь, за канатами. И рассказывать об их злодеяниях, о которых в разное время писали газеты. Несколько бойких личностей распродавали фотографические портреты известных преступников – их охотно покупали, сожалея о том, что никак не возможно получить от «оригиналов» автографа.

Вскоре публика с корреспондентами во главе изменила тактику «осады». Партионный офицер, втихомолку получив от газетчиков собранную ими мзду, начал по одному выкликать фамилии арестантов, «прославившихся» громкими преступлениями. Их по одному, в окружении трех-четырех солдат подводили к канатам. Затрещали магниевые вспышки фотографов.

Нашлись добровольцы-«гиды» и среди каторжан. Вступив в переговоры с окружающей канаты толпой, «гиды» готовы были за гривенник – другой показать почтеннейшей публике того или иного «знаменитого» преступника. Дошла очередь и до Ландсберга. Услыхав свое имя, он лишь покрепче зажмурил глаза и сделал вид, что спит. Однако чаша сия его не миновала. Вскоре рядом с ним на корточки присел один из незнакомых глотов.

- Барин, слышь! Там публика желает на тебя поближе поглядеть. Смотри, полтинничек дали! Давай, я им скажу – мало, мол! Поделимся! Тебе, чай, деньги тоже надобны? Барин!

- Пшел прочь, животное! – процедил Ландсберг. – Я не обезьяна из зоологического сада, чтобы меня за полтинники показывать. – Он приоткрыл один глаз и так свирепо глянул на глота, что тот мигом исчез.

Однако интерес к «тому самому Ландсбергу» не пропал – скорее уж, наоборот. Вскоре к нему приблизился уже не собрат-арестант – конвойный солдат.

- Господин каторжник, вас партионный офицер кличут, - солдат с опаской дотронулся прикладом ружья до сапога Ландсберга. – Подойти к канату велено!

- Пошел к черту со своим партионным офицером. Он мне тут не начальник. Никуда я не подойду. Так и передай: к черту!

Потоптавшись рядом, конвойный ушел. С другим каторжником он бы и церемониться не стал, однако Ландсберг одним своим именем вызывал боязнь и невольное уважение. Партионный офицер,

которому солдат добросовестно и не без злорадства передал пожелание строптивого арестанта, лишь побагровел, но сам, опасаясь конфуза, за канаты не пошел.

Ближе к полудню послали за высоким начальством – настолько велико было скопление на причале любопытствующих. К тому же кто-то пустил слух, что каторжане только и ждут, когда народу в порту будет поболее. А тогда по сигналу они разом сомнут хилую цепь конвоя, смешаются с толпой, охваченной паникой, и скроются.

Дополнительную достоверность этому слуху придало самовольное снятие несколькими арестантами кандалов. Один из них дерзко попросил у конвоя дозволения на снятие оных, и, естественно, получил отказ. Тогда арестант сел на камни и… снял заранее согнутые ножные «браслеты», как носки. Толпа так и ахнула, подалась назад - ожидая, как в цирке, дальнейшего развития «головокружительных» событий. Однако ничего не произошло: снявши кандалы, арестант заботливо засунул их в собственный мешок, подложил его под голову и расположился дремать и дальше в самой живописной позе.

Глядя на него, еще трое кандальников, помогая друг другу, несколько раз согнули и разогнули свои «браслеты», отчего заклепки в них полопались и вылетели. Никаких действий к побегу эти арестанты тоже предпринимать не стали – было видно, что сделано это было больше для форсу, «на публику».

- Помилуйте, господа, никаких поводов для беспокойства нет! – громко рассказывал какой-то офицер в мундире тюремного ведомства. – Я разов шесть партии от Владимира до Тобольска водил, знаю! Верите ли – сам давал распоряжение снять кандалы и везти их отдельно, в телеге. Отчего? Ну, с кандалами люди злее. Да и ноги они в дороге «браслетками» портют. Изволь потом задерживать в каком-нибудь городишке весь этап, пока двое – трое лечатся у докторов. А самое главное, господа, что кандалы эти – пострашнее ружья будут. В случае драки или бунта больше всего этих цепей знающие люди опасаются. Так что не волнуйтесь, дамочки и господа. Ну, сняли и сняли – непорядок, конечно! Однако опасаться нечего, бунта не будет. При погрузке на судно закуют, голубчиков, как положено!

Однако слух о «надвигающемся бунте» не прекращался, и вскоре на причал прибыл одесский полицмейстер Бунин и сам градоначальник Зеленой в сопровождении капитана Одесского порта Перлишина и двух десятков городовых.

Начальство быстро навело порядок: солдаты и городовые оттеснили народ подалее и натянули вторую линию канатов, дополнительно огородив прилегающее к каторжанам пространство. В этом пространстве остались лишь наиболее уважаемые в городе люди, корреспонденты газет и, конечно же, дамочки из благотворительного общества. Остальных Павел Алексеевич Зеленой, страстный ругатель и любитель крепкого словца, отогнал на почтительное расстояние. Дамочки-благотворительницы, до которых явственно доносились ругательные раскаты и переливы, картинно затыкали уши, возводили очи к небу, но далеко не уходили. И вскоре во главе с супругой полицмейстера Якова Ивановича Бунина окружили Зеленого плотным кольцом кисеи, пышных турнюров и зонтиков. Выслушав просьбу дам, Зеленой скривился, устало махнул перчаткой и кивком подозвал Бунина.

- Яков Иваныч, распорядись ты за-ради-Бога, шоб показали дамочкам ихнего Ландсберга! Покоя ведь от сорок этих не будет!

Козырнув, Бунин передал распоряжение по инстанции. И по ней же вскоре получил отказ: каторжник Ландсберг категорически отказался подходить к канатам.

- А ежели у градоначальника есть желание познакомиться, так пусть сам подходит! – заявил Ландсберг оторопевшему партионному.

- Дамы, ушки! – привычно проговорил Зеленой, и, нимало не заботясь о том, действительно ли дамы заткнули уши, обрушил на полицмейстера целый поток виртуозной ругани. А в заключение осведомился. – Может, этот байстрюк не понял – кто его зовет?! А ну – иди сам, Яков Иваныч!

При виде представительного полицмейстера Ландсберг из вежливости встал, выслушал вторично переданное распоряжение и неожиданно согласился.

- Я понимаю, ваше превосходительство, что господин градоначальник желает потрафить чаяниям толпы. Как ему угодно – я подойду. Только при одном условии…

- Да ты кто таков, чтобы условия ставить?! – завелся было Бунин, однако его дернули за рукав и что-то прошептали. – Г-м… Впрочем… И что же это за условие?

- Чтобы никаких корреспондентов рядом не было. И никаких фотографирований, ваше превосходительство. Распорядитесь – а я через три минуты буду там-с…

Вопреки опасениям Бунина, условия каторжника не вызвали у градоначальника нового гневного «словоизвержения». Скорее, он одобрил скромность осужденного и махнул городовым на корреспондентов: гоните их к чертовой бабушке, за второй канат!

Перед дамочками поставили шеренгу солдат с ружьями. Подошедшего Ландсберга с двух сторон тоже сторожили рослые городовые. На него обрушился град вопросов.

Сколько вам лет? Есть ли у вас семья? Правда ли, что убийство совершено из ревности к ростовщику, приударившему за невестой гвардейца? Кто, наконец, была его невеста? Тяжело ли ему в тюрьме?

Ландсберг ответил только на один вопрос – о возрасте: 27 лет от роду. Остальные вопросы он будто бы и не слыхал. Терпеливо выстояв несколько минут и, встретившись взглядами с градоначальником, громко попросил:

- Ваше высокопревосходительство, распорядились бы несколько уборных, извините, для арестантов поставить. Чтобы каторжане, вынуждаемые природой, здешнюю публику не шокировали.

- Дело говоришь! – кивнул Зеленой и повернулся к свите. – А вы, вахлаки, и не догадались? Жива-а, в Бога и душу, в святых мучеников мать! Срам, право слово! А тебе спасибо, братец, за дельное слово. Ступай, храни тебя Бог!

Ландсберг молча поклонился, и, не обращая более внимания на сыпавшиеся вопросы дам, направился обратно, к тумбе.

- Ну, что, поговорили по душам? – поинтересовался Жиляков. – Не узнали случаем – скоро ли нас грузить будут?

- Эх, господин полковник! К чему вы торопитесь?

- Так ведь надоело, барон! И толпа эта еще…

- Вы бы лучше подумали – куда девать золотые монеты.

Думаете, что наградная табличка на тросточке от какого-то псковского тюремщика поможет нам избежать при погрузке тщательнейшего обыска? Найдут-с! И – плакали тогда ваши денежки.

- «Ваши»! Барон, барон! Ну, зачем вы так? – обиделся Жиляков. – Мы уже неоднократно с вами решили вопрос, что деньги эти – наши общие. А, во-вторых, что я могу придумать? Кроме того, чтобы проглотить эти девять золотых, аки удав… Вы, батенька, у нас голова – вам и думать!

- Проглотить? И немедленно попасть под нож к докторам? – возразил Ландсберг. – Нет, тут нужно придумать что-то другое. Оригинальное. А в голову мне решительно ничего не идет, полковник!

Однако судьба была нынче благосклонна к Ландсбергу. Он давно уже обратил внимание на матроса из караульных, пристально и с каким-то значением поглядывавшего на него издали. Матрос несколько раз подходил совсем близко, как будто хотел что-то сказать или спросить – но всякий раз ему что-то мешало это сделать. Однако вскоре такой случай матросу представился.

По распоряжению градоначальника на ломовике привезли несколько будочек специального назначения – явно реквизированных с ближайших дач. К будкам немедленно выстроились очереди, к одной из них примкнул и Ландсберг. Тут его матрос и окликнул:

- Господин прапорщик, ваше сиятельство! Не узнаете меня, господин Ландсберг?

Тот отрицательно покачал головой – хотя лицо матроса и особенно его голос показались знакомыми.

- Яков Терещенко я, ваше сиятельство! В одном полку со мною вы изволили «вольнопером» быть! Нешто не помните, господин Ландсберг?

Карл внимательно поглядел на матроса, память услужливо восстановила мелкие ребячьи черты паренька из Малороссии.

- Яков? Узнаю, брат, теперь узнаю! А вот тебе не надо бы с каторжником знаться, - невесело усмехнулся Ландсберг. – Какое я теперь «сиятельство», какой барон! Все, брат, в прошлом…

- Господин прапорщик, зачем вы так? Старая дружба не ржавеет - помните, такая поговорка у нас в полку была?

- Помню, конечно. А как ты в матросы-то попал? Да еще в конвойные? Проштрафился?

- Никак нет, ваше сиятельство! Я ведь, ежели изволите помнить, в гальваническом отряде учился, нас потом засекретили и в Кронштадт перевели. Ну, это история долгая – так что я теперь матрос и специалист 2-го класса, - не без гордости отрапортовал Терещенко. – На одном пароходе поплывем, ваше сиятельство!

- Но почему конвойным-то, если ты классный специалист-гальваник?

Терещенко звучно шморгнул носом.

- А это начальство так распорядилось. Нашу братву, гальванщиков, во Владивосток переводят, там буду службу продолжать. А чтобы в пути даром хлеб не ели – приставили вот каторжников охранять, будь они неладны! Ох, извините, ваше сиятельство!

- Ничего, брат, я уж привык! – снова усмехнулся Ландсберг. – Ну, давай, брат, служи! И… Прошу, не подходи лишний раз, Яков! И мне душу бередишь, и себе неприятности накликать можешь. Ступай себе.

- Господин прапорщик, как скажете! Спасибочки, что не забыли, - Терещенко подвинулся ближе, понизил голос. – Ну, а ежели помощь нужна будет – только знак дайте! Я полчанина в беде в жизнь не оставлю!

- Спасибо, Яков, не надо… Впрочем, - неожиданно решился Ландсберг. – Помощь твоя может потребоваться! Боюсь вот только – как бы не подвести тебя…

- Ваше сиятельство – не обижайте! Говорите, все исполню! Убегнуть желаете? Скажите как – помогу!

- Да нет, не убежать… Понимаешь, Яков, со мной на Сахалин едет еще один офицер, полковник. Деньги у него… у нас с ним имеются – боюсь, отберут при обыске. Возьмешь на сохранение?

- Какой разговор, господин прапорщик! Сохраню, как в банке! Все сделаем! – обрадованный возможностью помочь, Терещенко аж засиял.

- Хорошо. Сегодня до нас очередь, гляжу, не дойдет. Ночевать, полагаю, партию здесь оставят?

- Так точно! Уже получено распоряжение прожектора подвезть.

- Ладно. Как стемнеет – подойди, отдам я тебе узелок. А на пароходе, Бог даст, вернешь при случае. Сделаешь?

- А то! А то, ваше сиятельство! Может, мне до вечера, - Яков многозначительно заморгал, оглянулся и страшным шепотом продолжил. – Говорю, может пилку какую для вас раздобыть? Только скажите, господин прапорщик! Это ведь срам-то какой – гвардейского офицера, дворянина со всей этой сволочью держать, а? Вас ведь оболгали, поди, ваше сиятельство! В жизнь не поверю!..

- Нет-нет, больше ничего не надо. Яков! Ну, до вечера.

* * *

Шел четвертый день погрузки арестантов на «Нижний Новгород». Этот крайне неспешный, по мнению капитана Кази темп, начал уже вызывать раздражение и у князя Шаховского, который в первые дни пытался успокоить Сергея Ильича. Но ускорить процесс он и сам не мог: ответственность за погрузку, согласно министерской разнарядке, несла тюремная администрация Одессы.

Князь Шаховской в свою каюту на «Нижнем» еще не перебрался, благоразумно предпочитая проводить большую часть времени на берегу, в гостинице, и лишь пару раз на день заскакивал на пароход – чтобы без особой надежды поинтересоваться – как идут дела?

- Поймите, Сергей Ильич, - в который уж раз принимался он объяснять капитану. – Это на Сахалине я, как говорится, царь и бог! Брови нахмурил только – и народишко уж бегает как посолённый! А здесь, в Одессе, распорядительными правами обладает господин Закрайский! И эти молодые эскулапы, привлеченные тюремным ведомством от земской больницы… Руки бы им поотрывал, ей-богу! За порядок же на дебаркадере отвечает штабс-капитан Особой конвойной службы Теньков – а это и вовсе по линии Жандармского управления. Сами видите – какая каша получается, Сергей Ильич!

- Не знаю, не знаю, батенька! – раздраженно шагал из угла в угол кают-компании капитан. – Простите, князь, но мне все же кажется, что, будь вы здесь неотлучно, погрузка шла бы куда быстрее. Иногда я чувствую себя словно в некоем казенном присутствии, где мздоимцы-чиновники просто выжимают из

просителей подношения! Но там бы я, Бог уж с ними, дал бы – а здесь кому?! Все в мундирах и предлагать, извините, страшно!

Капитан остановился у большого иллюминатора и несколько минут смотрел в него. Потом обернулся к присутствующим:

- Кстати о мундирах! Господа, полюбуйтесь на тех двух негодяев в статском и в котелках. Они здесь по причалу все время шныряют. Кто они? По какому ведомству? У них, меж тем, чрезвычайно многозначительный вид…

Князь с болезненным видом допил рюмку рома, выбрался из кресла и подошел к капитану. Старший помощник капитана Стронский, помедлив, присоединился к ним. Однако ни он, ни князь Шаховской, ни пароходный доктор Александр Симеонович Иванов, заскочивший в кают-компанию за какой-то надобностью, «негодяев» не определили. Всерьез заинтересовавшись этой парочкой, капитан кликнул вахтенного мичмана Владимира Пуаре, слегка обалдевшего за последние дни от всего происходящего на пароходе. Но и мичман не внес ясности в личности «негодяев». Однако, поразмыслив, высказал здравое предположение о том, что они, видимо, хорошо известны чинам местного тюремного ведомства. И уж, конечно, жандармскому начальству, без дозволения которого за оцепленную часть причала, где стояли и сидели в ожидании своей очереди каторжные, никого посторонних не пускали.

- Господин мичман! Владимир – э… Архипович, если не ошибаюсь? Не ошибся? Чудесно! Владимир Архипович, батенька мой, сходите-ка в разведку, - капитан взял Пуаре за пуговицу на кителе. – Узнайте поаккуратнее – кто они? Чем черт не шутит: сдается мне, что от них может кое-что зависеть. Разузнайте, батенька! И если что – тащите их сюда, голубчик! Уж очень физиономии у них значительные – как, по-вашему, князь?

Шаховской от неожиданности поперхнулся очередной рюмкой рома и согласился с капитаном.

«Негодяи» оказались представителями еще одного ведомства – чинами Сыскной полиции, чьи предписания внушительно, но туманно говорили об обеспечении «порядка и взаимодействия во время погрузки арестантов на судно». Пуаре передал сыскным чинам любезное приглашение капитан-лейтенанта проследовать к нему в

кают-компанию, на чашку чая.

Чины будто бы ждали этого приглашения. Они дружно затопали по трапу, были введены в кают-компанию и представлены присутствующим.

- Господа, вот вы у нас – «порядок и взаимодействие», - ознакомившись с их бумагами, сходу принялся рассуждать капитан. – Может, хоть вы нас вразумите – что, собственно, происходит? Мне, батеньки мои, трудно судить, но, ей-богу, можно ведь, наверное, как-то ускорить приемку-погрузку? Посоветуйте, господа! Четвертый день ведь канитель сия – и конца ей не видать! Господи, да что же это я! – спохватился Кази, перехватив словно бы нечаянный взгляд гостей на накрытый стол. – Не угодно ли закусить? Да и освежиться, а? Денек-то сегодня, кажется, прохладный. И мы уж с вами! Ваше сиятельство, господа - прошу!

Особо чиниться пришлые господа не стали. После третьей чарки, уничтожив на столе изрядную часть рыбных деликатесов и холодной дичи, гости разговорились. Порядку могло быть больше, признались они. Отчего медленно дело движется? А по двум причинам, господа флотские! Обыскивают арестантов с должным тщанием – но медленно. И доктора земские, призванные для выявления больных и немощных, очень уж неопытны для каторжанских хитростей и «мастырок».

Более же всего ошеломило господ флотских откровенное заявление «гостей» о том, что местному тюремному начальству с погрузкой спешить вовсе нет нужды! Ведомство, как уверяли сыскные, за каждый божий день пребывания большого этапа в Одессе получает от казны кормовые деньги на каторжных. Прибыло же их сюда по «чугунке» пять сотен душ, вот ведомство и получает на эти пять сотен арестантов кормовые все время, пока пароход от причала не отойдет.

- Но, позвольте! – возмутился Сергей Ильич Кази. – Кормит-то ГШлавное тюремное управление только оставшихся на берегу! Те, кто уже на борту, поступили на довольствие Общество Добровольного Флота, которое по итогам рейса предъявит счет тому же министерству…

Гости враз понимающе ухмыльнулись: предъявляйте счета кому

хотите, господа флотские! Нам это без разницы! Вы просили причины раскрыть – вот мы вам, за ваше уважение, и раскрываем!

- Да-да, простите, господа! – взялся за виски Кази. – Ну и что же нам делать в такой ситуации? Посоветуйте!

Для значительного ускорения погрузки нужна самая малость, пояснили сыскные. До сей поры каторжников обыскивают четверо надзирателей – а вы добейтесь от местного начальства еще одной пары! Ведь сейчас что делается? Арестантов заводят попарно, а обыскивают по одному. Не придерешься: двое надзирателей стоят столбами, присматривают за обыскиваемым и ожидающим. А двое работают – и то не шибко скоро, потому как наверняка негласное указание получили. Вы на Сахалин поплывете, а кормовые-то здесь останутся, верно?

- Я сейчас же еду к губернатору! – взорвался князь Шаховской. – Пусть дает распоряжение начальнику местной тюрьмы, пусть сносится с Петербургом, наконец! И с кормовыми разобраться надо, черт возьми!

Гости, осмелев, уже без приглашения снова потянулись за графинчиками, налили, закусили и вежливо посмеялись. Воля ваша, господа флотские, да только такой способ действия дела не ускорит. Лишь сутолоку внесет, сумятицу и неразбериху. Делать дело нужно иначе – не угодно ли сперва их совет послушать?

- Да-да, господа, продолжайте, прошу вас! А вы, ваше сиятельство, погодите, - со значением попросил Шаховского капитан.

Гости продолжили. По их разумению, решить вопрос с дополнительной парой надзирателей мог бы и лично начальник местной тюрьмы. С соответствующими… э-э… полномочиями они могли бы взять решение этого вопроса на себя. На себя же они могут взять и приватные переговоры непосредственно с надзирателями – для усиления их рвения, так сказать. Не пожалеете, господа флотские, по двугривенному за каждого осмотренного и пропущенного арестанта – нешто это для казны Добровольного флота накладно? И пыль столбом стоять будет!

- Как хотите, а я не могу в этом участвовать, господа! – вновь взвился Шаховской. – Не забывайте, что я тоже представляю Главное тюремное управление Министерства внутренних дел! И

вынужден сейчас сидеть тут и слушать ваши р-р-рассуждения о необходимости мздоимства!

- Господин начальник острова Сахалин! – подал голос Стронский. – Вы, по-моему, неоднократно заявляли, что очень спешите вернуться туда! Вам угодно дать сему делу официальный ход, ваше сиятельство? Воля ваша. Но пароход, осмелюсь напомнить, принадлежит Обществу Добровольного Флота, вашему ведомству неподчиненному. Полагаю, господин капитан, - он повернулся к Кази. – Полагаю, что в сложившейся ситуации нам следует без промедления потушить котлы в машине и не жечь понапрасну уголь, оплаченный Обществом. Когда вы, ваше сиятельство, решите – здесь или в Санкт-Петербурге, не знаю! – свой вопрос – дайте нам знать! Если правление примет во внимание ваши объяснения, мы вновь разожжем огонь в котлах, проведя, разумеется, положенную предварительную ревизию всей судовой машины. Это дней двадцать, не меньше, ваше сиятельство. К тому времени в Индийском океане, полагаю, наступит сезон штормов, и плавание до его окончания может быть сочтено нецелесообразным. К тому же, на время выяснения всех ваших вопросов, я уверен, Общество Добровольного Флота попросит тюремное начальство освободить трюм от каторжан. Куда вы их изволите девать? Снова по тюрьмам развозить? За чей счет, позвольте спросить? Словом, подумайте, ваше сиятельство!

- Да я, в общем-то… Собственно…Срам ведь, господа! - забормотал Шаховской, выразительно глядя на бутылку рома, но не решаясь под взглядами всех присутствующих налить себе очередную рюмку. – Ну, допустим… Но кто же, интересно, будет платить за все это дополнительное усердие? Из каких средств двугривенные эти платить?

- Я думаю, что сей вопрос решаемый! – поддержал своего первого помощника капитан. – Есть корабельная касса. Есть, наконец, и у капитана некоторая сумма на непредвиденные путевые расходы. Что-нибудь придумаем, господа! В конце концов три сотни арестантов уже на борту!

Сыскные, деликатно молчавшие во время перепалки, снова привлекли к себе внимание. Не забудьте еще про докторов, господа

флотские, напомнили они. Как вы изволите видеть, в тюремном деле они новички, арестантов боятся, работают медленно, да и хитростей каторжанских не знают. Вот можно было бы порекомендовать очень знающего, опытного доктора. И надежного – он чуть не полвека в местной тюрьме практиковал. Сейчас в отставке, правда. Но жить-то всем надо, и если его попросить как следует, то согласится доктор Старкович, никуда не денется! Особенно если одесский губернатор его лично попросит.

- Вот и чудесно! – обрадовался Кази. – Князь, мне и самому все эти игры не по душе, но ведь надо что-то делать! Соблаговолите взять на себя доктора, а мы берем на себя все остальное! Согласны, батенька? Ну, тогда езжайте к губернатору, ваше сиятельство, используйте все свои полномочия, обаяние и красноречие, а мы тут с господами «порядок и взаимодействие» обеспечим. Согласны? Ну, и слава Богу!.. Действуем, господа!

Действия были настолько успешными, что уже через день князь Шаховской перебрался на пароход со всем своим весьма объемистым багажом и двумя десятками ящиков, спущенными в грузовой трюм. Оставались последние формальности и мелкие дела, не портившие общей атмосферы, знакомые, наверное, каждому отъезжающему.

Старенький, но весьма подвижный тюремный доктор Старкович превосходно справился со своей задачей. Среди отстраненных молодыми коллегами от морского «путешествия» на каторгу арестантов он легко выявил с десяток симулянтов, а позже, за стаканом грога в кают-компании, рассказал всем желающим немало занимательных историй о каторжных «мастырках». Последний вечер Исаак Старкович, по личной просьбе капитана, обещал «скоренько, но внимательно» осмотреть уже размещенных в трюмах арестантов – чтобы постараться выявить тех, кто может на самом деле не выдержать тяжелых условий путешествия.

И сейчас присутствующие в кают-компании как раз поджидали старенького доктора, коротая время за грогом. Собрались здесь все свободные от вахты офицеры, включая капитана, а также князь Шаховской, корабельный священник дьякон Ионафан и начальник канцелярии Одесской городской тюрьмы надворный советник Салье. Вспоминали вчерашний рассказ доктора Старковича об арестантских

хитростях, членовредительстве – настоящем и «замастыренном». Дивились диким и непостижимым порой фантазиям и умениям, порожденным тюрьмой.

- Право, господа, всё это порой превосходит человеческое воображение! – гудел басом второй помощник капитана «Нижнего Новгорода» фон Кригер. – Ну, наглотаться всякой дряни, чтобы симулировать болезнь сердца или желудка – это я еще понимаю! Но засыпать себе в глаза наструганный стержень от химического карандаша для временной слепоты – увольте-с! Как можно сотворить с собой этакое, будучи темным человеком, не зная законов физики, химии и прочих наук? Не ведая возможных последствий? Впрочем – каких наук, если и грамоте почти никто из этого тюремного сброда не обучен?! Невежество, темнота – а все туда же-с! А вдруг эта временная слепота так и останется?!

- А специально вживляемые в разрезах на собственном теле нитки? Бр-р! А иголка, которую вчера доктор вытянул из сустава какого-то разбойника? – поддержал капитан. - Земские-то доктора единогласно признали у него раздробление сустава!

- А вдувание воздуха соломинкой под кожу – бр-р, увольте-с! Поглядишь на разбойника – не жилец. А ему, каналье, после осмотра для «лечения» только и надо, что кожу проткнуть той же иголкой! – продолжал Кригер. – И вам, ваше сиятельство, по своей должности тоже, вероятно, приходится с этаким фарисейством соприкасаться?

- Только понаслышке, - сухо ответил Шаховской, все еще не оправившийся после недавнего публичного конфуза. – Я ведь, смею напомнить, гражданский начальник острова. И хотя заведываю ссыльно-каторжными, но лично с ними, слава Богу, почти не общаюсь.

- А я все больше переживаю, князь, о том, насколько переполнены арестантские трюмы, - угрюмо заметил капитан. – Почти пять сотен душ! Мне страшно представить, что будет твориться в арестантских отделениях в тех широтах, где нам предстоит пройти!

- А я все более не доверяю этому местному эскулапу, столь легко втершемуся к вам в доверие, Сергей Ильич! – сердито парировал князь. – Право, можно подумать, что он получает гонорар

за каждого негодяя с легкой простудой или пустяковым недугом, им же и выдуманным. Этот ваш Исаак – или как его там? – уже отстранил от плавания более тридцати человек! Мне предстоят по этому поводу неприятнейшие объяснения, уверяю! Не удивлюсь, если он и сегодня найдет среди арестантов сотню-другую тех, кому также не рекомендованы морские прогулки!

- Ну-у, батенька…

- Простите, Сергей Ильич! Но при всем уважении к вам я не потерплю, чтобы этот одесский иудей списал на берег дополнительных каторжных! Нет, я не буду препятствовать выходу «Нижнего» в море – но приложу все свои усилия и влияние к тому, чтобы организовать всем отстраненным им арестантам подробнейшую и тщательнейшую медицинскую комиссию. И – горе ему, ежели кто-то из больных, выявленных им, на самом деле окажется здоровым.

- Вы забыли добавить, князь – горе ему и его покровителям! – подал из угла спокойный голос старший помощник Стронский. – Не так ли, ваше сиятельство?

- Господин капитан-лейтенант! Ваш характер уже сам по себе достаточно навредил вашей карьере до сих пор! Не пора ли вам сделать вполне очевидные выводы?..

- Ну, хватит! Хватит ссориться, господа! – возвысил голос капитан Кази. – Наше плавание еще не началось, а вы тут у меня еще дуэли, поди, устроить собрались? Пр-рошу – хватит!

В кают-компании воцарилось неловкое молчание.

Любопытно, подумал меж тем Сергей Ильич Кази. Любопытно: а ведь этот князь что-то знает о причинах, мешающих карьере моего помощника! Надо подождать более благоприятного момента и попробовать расспросить Шаховского о том, почему я, а не капитан-лейтенант Стронский командует «Нижним Новгородом». Не исключено, что наш «тюремный князь» приложил к этому свои светлейшие ручки…

В кают-компании появился доктор Старкович.

- А вы знаете, господа, какую прелюбопытную личность я только что видел в арестантском трюме? – с порога начал доктор, уверенно пробираясь к буфетчику, разливающему горячий грог. –

Ландсберг, господа! Помните? В прошлом году о нем писали все газеты!

- Как же! Это который зарезал своего благодетеля, сделавшего его своим наследником и собравшегося подарить на свадьбу прощенные долги?

- А где он, доктор? Посмотреть бы…

- Невероятно – герой Плевны и он жн банальный, простите, убийца!..

- Надеюсь, доктор, этот тип не принадлежит к числу тех, кому может повредить плавание? – холодно осведомился Шаховской. – И вообще: вы бы лучше потрудились сперва отчитаться о выполнении своего поручения, а потом уж и сплетничайте здесь!

- Не любите евреев, ваше сиятельство? И не даете себе труда скрывать сие, да-да… У нас в Одессе говорят, что громче всех не любит евреев тот, кто чувствует себя глупее их, - спокойно ответил доктор, усаживаясь со своим грогом в угол. – Не надо сверкать на меня глазами, ваше сиятельство! Даже князь Шаховской ничего не сделает старому еврею, который дожил до почетной отставки! Я не боюсь вас, князь! А что касается существа моего поручения, то оно дано господином капитаном этого корабля. И отчет будет предоставлен именно ему – нравится это кому-либо или нет.

- Расскажите, доктор! – кивнул головой капитан, одновременно бросая на князя предостерегающий взгляд.

- У меня, конечно, было немного времени для осмотра всех каторжных, господин капитан. Но мои коллеги, кажется, потрудились на совесть. Я не выявил более больных, неспособных перенести трудное морское путешествие. Некоторые сомнения вызвали у меня двое каторжных, явных уроженцев Кавказа. У них не совсем в порядке легкие – но они совсем не говорят по-русски, а в таких случаях без подробного анамнеза верный диагноз поставить весьма затруднительно. Я сделал все, что мог: указал на них своему коллеге, корабельному доктору, и рекомендовал присматривать за ними. Что же касается Ландсберга, ваше сиятельство, - старый доктор с неопределенной улыбкой посмотрел на князя. – Что же касается Ландсберга, то он, как мне кажется, переживет многих из присутствующих здесь. На редкость здоровый организм, совершенно

не обессиленный годичным пребыванием в тюрьмах. Сам он говорит, что это следствие его системы гимнастических упражнений.

- Намерил себе две жизни, по всей вероятности, - фыркнул Шаховской. – Ничего, на Сахалине он очень быстро позабудет о своих гимнастических упражнениях! На нашем благословенном острове с каторжанами разговор короткий! Проштрафился – добро пожаловать на «кобылу»!

- Кобылу? – удивленно переспросил Кази. – Это в каком же смысле?

- «Кобылой» арестанты называют особую скамью, на коей порют провинившихся, - пояснил Шаховской, наливая себе еще рюмочку. – К сожалению, плеть нынче не в почете, всякие там почитатели гуманничанья считают ее варварским орудием. Так что нынче порем розгами-с… И не надо делать такого удивленного лица, господин капитан! На флоте, если мне не изменяет память, телесные наказания тоже пока не отменены!

* * *

Пришел день, когда огороженный канатами участок одесского порта опустел – все без малого шесть сотен каторжных душ, признанных годными для длительного плавания, очутились на борту «Нижнего Новгорода».

В трюм парохода «Нижний Новгород» Ландсберг и Жиляков попали на пятый день пребывания на причале Одесского порта. Очутившись на палубе, Ландсберг, перед ступенями к тюремному трюму, замедлил шаги и оглянулся, стараясь запомнить последнюю картину свободы. Увидит ли он когда-нибудь русские берега? Сам Ландсберг в это не верил – но так хотелось!..

Глава первая.
Через два океана (начало плавания)

Толком рассмотреть устройство корабля, который стал для

арестантов «домом родным» на предстоящие долгие недели плавания, они не сумели. После обыска и осмотра каторжников отводили в носовую часть судна, и по крутой железной лестнице, по-морскому трапу, велели спускаться двумя палубами ниже, мимо отделения для вольных пассажиров 3-го класса, которое пока пустовало. «Вольняшки», как словоохотливо поясняли всем желающим матросы-караульные, будут допущены на судно после того, как последний арестант будет заперт внизу. К пассажирам 2-го и 1-го классов сие правило не относилось – их каюты были расположены в кормовой части судна. Там же был капитанский мостик, каюты командира и старших офицеров «Нижнего Новгорода». Матросы, как и арестанты, обитали на третьей палубе. Это отделение было отделено от арестантского двойной переборкой.

Арестантский трюм был обит изнутри листами железа со всех сторон и разделен пополам двойной решеткой. Коридорчик между отделениями вдоль судна шириной в полтора аршина был предназначен для часовых. Выход из коридора был только один, в носовой части. В потолочной части другого конца коридора был устроен люк, также обитый железом и напоминающий колодец.

«Колодец» имел выход на верхнюю палубу и был наглухо отделен от палубы 3-го класса. Как пояснили караульные, «колодец» предназначался для смены часовых, коим приходилось карабкаться по спускаемому веревочному трапу с деревянными перекладинами, а также для дополнительной вентиляции тюремного отделения. Матросы многозначительно упомянули и про еще одно предназначение «колодца» - в случае бунта перевозимых каторжников капитан был уполномочен отдать приказ о затоплении арестантского отделения морской водой…

- Людёв как крыс, значить! – возмутился было кто-то из каторжников.

- А ты не бунтуй, дядя, и всё будет мирком да ладком! – возразили матросы. – Будете себя как люди вести – вас и расковать собираются, слышно. И кормежка на «Нижнем» приличная, и вино, сам от старослужащих слыхал, вашему брату-арестанту, как и вольному экипажу, в южных широтах полагается. Так что сами глядите…

Вдоль обеих бортов в стенах арестантского трюма были чудные круглые окошки, которые матросы называли иллюминаторами. Окантовка окошек из толстенного стекла была металлической и крепилась двумя винтами-барашками. Пока иллюминаторы были наглухо задраены, и открывать их часовые не велели до особого распоряжения. Это тоже вызвало поначалу глухое недовольство каторжников.

- Тута и так дыхать нечем, а вы, ироды, последние дырки стёклами позавинчивали. А полы-то горячие прямо, ровно печи под нами. Пошто окны енти открывать-то нельзя?

- Под нашей палубой машинное отделение, - поясняли в который раз матросы. – Там паровая машина, которая ход кораблю дает – вот и жар от нее. А иллюминаторы задраены на время стоянки в порту. Вот выйдем в море – развинчивайте на здоровье. Тока глядите: у «Нижнего» осадка низкая, большая волна непременно зальет. Так что в шторм задраивать снова будете, коли не хотите как рыбы в воде сидеть. А что до духоты, потерпите, братцы-арестанты! Видите под потолком парусиновые трубы? Они выходят на самый верх, и когда судно на ходу, через эти «рукава» ветер к вам попадать будет. И механический вентилятор имеется – вот разведут перед отплытием пары в машине – сразу включат. Потерпите!

Хочешь не хочешь, а терпеть надо. Куда денешься?

Двухъярусных нар-шконок хватило на всех. Арестанты щупали доски, колупали ногтями дерево, дивились: ни одного сучка не видать. И материал не гнилой, не то что на пересылках да в «централах».

- Без сучков – потому как в них гниль начинается, да и выпасть со временем сучки могут, - охотно поясняли матросы-караульные. – А дырка в обшивке корабля на море – никак невозможна! Дело флотское, сюды материал только первосортный идет!

Хотя Жиляков и Ландсберг попали на судно в предпоследний день загрузки «живого груза», свободных мест на шконках было еще предостаточно. Да и старый знакомец Ландсберга, матрос Терещенко успел вовремя подсказать, какие места в невольном трюме наиболее предпочтительны. Именно поэтому экс-офицеры выбрали себе местечки не подальше от решетки, отделяющий отсек от

караульного, а поближе к жерлам парусиновых рукавов. Единственное, с чем не согласился старик – это забираться на второй «этаж», где, как уверял Терещенко, воздух почище.

- Нет уж, барон, увольте-с! – упрямился Жиляков. – Не в том я возрасте, чтобы, аки мартышка, по этим полатям скакать! Бог с ним, с воздухом, как-нибудь и внизу перекантуюсь!

Ландсберг не стал спорить, забросил свою котомку на второй ярус, легко забрался туда следом и начал обживаться на новом месте.

Жизнь на плавучей тюрьме не слишком отличалась от обычного камерного бытия. Арестанты расселялись по отсеку сообразно своим симпатиям, наклонностям и тюремной иерархии. Кое-где шконки уже были завешаны тряпьем, и оттуда уже доносились шлепки карт по доскам и азартные выкрики игроков. Каторжные из крестьян сидели тесными кучками, опасливо поглядывая на снующих по отсеку глотов: те уже начали традиционную охоту на последние медяки мужиков «от сохи».

К вечеру об отходе судна еще ничего не было известно. Не внес ясности в этот вопрос и некий чин из Одесской тюремной администрации, спустившийся в трюм с толстой пачкой бумаги и несколькими бутылками чернил. Бумага раздавалась по два листа на душу. На одном было велено записать свои пожелания относительно покупок в ближайших портах съестных припасов и фруктов, главным образом – лимонов. Чиновник уверял, что лимоны в таком плавании – первейшее дело и богатый источник полезных витаминов. Второй лист предназначался для писем – конверты и казенные марки чиновник обещал раздать позже.

От бумаги не отказывался никто – даже те, кому писать было некому, или вовсе неграмотные. Первые, по тюремному обыкновению, рассчитывали продать бумагу нуждающимся, либо выменять ее на что-нибудь. Особое оживление появление бумаги и предстоящее писание писем и заказов на продукты вызвало у глотов. Здесь они могли изрядно поживиться – но не сегодня, конечно…

Обед поразил всех: арестантам подали не обычное жидкое тюремное варево, а настоящий флотский борщ – густой, обильно заправленный капустой, свеклой и прочими овощами. В тому же в

каждую миску матрос-раздатчик шлепнул изрядный кус вареной говядины. На завтрак была обещана гречневая каша с настоящим коровьим маслом.

- Этак-то и можно жить! –судачили арестанты-новички. – Чем же на Сахалине угощать-то станут, если уже нынче жрачка от пуза?

Несколько опытных каторжан, которым уже довелось побывать на самой дальней российской каторге, подняли оптимистов на смех:

- На Сакалине этом, дядя, ты гнилому куску рыбы в баланде рад будешь! Мяско – на острове тока солонина - тоже с душком, порядочные люди и есть такую не станут…

На следующий день последниме невольные пассажиры принесли в трюм весть о том, что вместе с ними на корабле поплывет судовой священник – разумеется, православный. Перед отправкой будет отслужен молебен – однако наверх арестантов навряд ли выпустят.

День опять протянулся, длинным и скучным. Небольшое разнообразие в его течение внесли только визиты неких важных господ – двух в мундирах тюремного ведомства и одного в статском. Обе группы посетителей раздавали всем брошюры и книжки религиозного содержания. От них тоже никто не отказывался, хотя многие, получив книжки, равнодушно и безо всякого почтения покидали их в свои мешки.

И вдруг неожиданно общее внимание привлекли крики наверху. Матросы, взобравшись на снасти, вразнобой кричали «Ура!» Арестанты кинулись к иллюминаторам, и только тут поняли, что пароход как-то незаметно отошел от причала, серая замшелая его стенка отодвинулась.

- Буксир нас от причала оттаскивает, - пояснил караульный. – Сей момент и машину запускать будут на полные обороты.

Словно в ответ на его слова, еле слышный доселе под палубой гул машины резко усилился. Железо под ногами арестантов мелко завибрировало. Словно что-то живое и большое внизу проснулось и начало тяжело ворочаться.

- Все, братцы, поплыли! Прощай, Расеюшка! – закричал кто-то.

Кто-то из арестантов заплакал в голос, в другом углу дрожащими голосами затянули старую каторжанскую песню,

православные невольники усердно молились, мусульмане тоже творили свою заунывную молитву.

- Всё, поплыли! – нарочито бодрым голосом окликнул старого своего товарища Ландсберг. – Теперь до самой Турции, полагаю, ничего интересного не будет. Одни только волны… Извольте отдыхать, господин полковник!

Рассвет третьего дня плавания застал «Нижний Новгород» на подходе к Босфору. В турецком портовом городишке Кавак русский пароход ждала большая пузатая баржа с грузом масла для судовой машины и провиантом. Однако, прежде чем отдать приказ бросить якорь, капитан Кази распорядился определить точную девиацию по створной линии у турецкого маяка Большого Фонтана: власти некогда Блистательной Порты наблюдали за всеми русскими кораблями в зоне своих жизненных интересов весьма пристально. Малейшее отклонение от правил и подписанных после заключения Сан-Стефанского мира соглашений расценивались в Константинополе как грубейшее нарушение. А дымящие на горизонте трубами английские военные корабли только и ждали, казалось, момента – чтобы щелкнуть Россию по носу. Кази вздохнул: вот тебе и победители… Но ничего не поделаешь – политика!

Пока вахтенный офицер трудился над счислением, Кази распорядился отправить на берег шлюпку с тщательно выверенными с судовыми документами: в выполнении всех формальностей, связанных с проходом по проливу русских, турецкие власти также были до тошноты щепетильны. Слишком свежи, по всей вероятности, были турецкие раны и горька память поражения в последней войне.

Шлюпка весьма скоро вернулась обратно с тамошним агентом Общества Добровольного Флота, господином Юговичем. Тот привез уже выхлопотанный им у турецких властей правительственный Фирман о разрешении на проход русского корабля через по проливу.

Матросы «Нижнего Новгорода» и загоревшие до черноты турецкие грузчики, подтянув баржу, начали перегружать бочки, ящики, тюки и корзины с фруктами – к явному удовольствию и облегчению Юговича, достаточно быстро. Судя по опасливым взглядам, которые он бросал в сторону трапа в нижние трюмы, и по тому, как агент вздрагивал от каждого громкого рыканья боцмана,

командующего перегрузкой, он явно тяготился каждой лишней минутой на пароходе, полном каторжников. Его вежливо пригласили остаться к завтраку, обещая тотчас отправить после оного на берег – Югович так отчаянно замотал головой, что капитан не выдержал и улыбнулся.

Вновь загремела, теперь уже вытягиваемая, якорная цепь. Застучала быстрее машина, и «Нижний Новгород» медленно двинулся проливом Босфор вблизи утопающих в зелени турецких берегов. Из туманного марева робко проявились зыбкие шпили Константинопольских минаретов.

Ландсберг неподвижно стоял у раздраенного иллюминатора, глядя на медленно уплывающую назад картину береговой линии. Подумать только – каких-то четыре года назад он столь же ясно видел те же самые турецкие берега, жадно вдыхал напоенный незнакомыми ароматами воздух чужой земли. Здесь он ходил победителем – вместе с другими русскими офицерами, своими товарищами. В самом Константинополе Ландсбергу, правда, побывать так и не довелось – война как-то быстро прекратилась, свернулась под презрительно-угрожающими взглядами англичан, вовсе не желающих усиления роли России на Балканах и тем более там, за проливом. Что ж, мир так мир! Саперной роте, к которой был приписан Ландсберг, нашлось занятие и после того, как смолкли пушки. Саперы чинили мосты, дороги – не для турок, разумеется! Вскоре русские полки двинутся из Европейской Турции назад, на зимние квартиры.

Но пока высочайшего приказа не поступало, и офицеры в летних лагерях коротали время кто как умел. Целыми днями в палатках шли отчаянные карточные баталии. Ландсберг же карт не любил. Севши как-то скуки ради за стол, он уже через час-другой проиграл 250 рублей. Обиднее всего было то, что как раз накануне он отправил почти все полученное денежное содержание семье, оставив себе какую-то мелочь. Слава Богу, поручик Марк Ивелич выручил: узнав о проигрыше друга, граф тут же размашисто подписал его вексель, не преминув слегка подтрунить над ничтожностью (по графским, увы, меркам!) суммы долга…

Капитан Кази не впервые шел Босфором. Но каждый раз у него

было впечатление, что он открывает его для себя заново. Картины мирной чужой жизни, уплывающие назад вдоль борта, настраивали моряка на философский лад.

Неторопливые размышления прервал стук в дверь. На мостик просунулся матрос-буфетчик:

- Господин капитан, завтрак готов! Прикажете накрыть у себя или в кают-компании?

- Да-да, голубчик, поставь мой прибор в кают-компании, пожалуй, - Сергей Николаевич опустил бинокль, кивнул вахтенному помощнику и направился вслед за буфетчиком.

Присутствующие там при виде капитана поднялись.

- Садитесь, господа, прошу вас! – капитан прошел на свое место, встряхнул захрустевшую от крахмала салфетку и поглядел на старшего помощника Стронского.

- Ну-с, Роман Александрович, как там внизу ваши подопечные?

Старший помощник, отвечавший во время всего плавания за арестантский трюм, пожал плечами.

- Жалоб нет, все спокойно. Курят, брякают кандалами, играют в карты, спят.

- Боже, опять карты! – вздохнул Кази, заправляя салфетку за воротник. – Их ведь обыскивали перед погрузкой, да и вчера, кажется, нашли в трюмах с десяток колод – и опять! Откуда они?

- Народец ушлый, Сергей Ильич! – усмехнулся Стронский. – Вы уж мне поверьте, я не первый «сплав» на Сахалин везу. Их, хитрецов, хоть на день по десять раз обыскивай – все равно ухитрятся запретное схоронить! Да и потом: вы же сами дозволили еще в Одессе этим дамочкам из благотворительного кружка раздать арестантам душеспасительную литературу! И депутации какие-то дважды на судно приходили, уже после погрузки арестантов. Тоже душеспасительную литературу приносили, бумагу. Вот это все и идет на изготовление карт. Впрочем, сие ничуть не опасно, я уже запретил караульным свистеть всякий раз, когда они в трюмах увидят карты. Пусть их! Надо же и арестантам чем-то заняться.

- Делание карт из книг Божьих есть сурьезный грех, - зарокотал иеромонах Ионафан. - За это нашим грешникам и линьки по филейным частям полагаются!

- Бросьте, святой отец. Эк вы – «линьки»! Что же мне, весь сплав перепороть, что ли? – миролюбиво отозвался Стронский. – Что грех, не спорю. На том свете им и воздастся, надо полагать. Ну, а мы-то зачем без особой нужды озлоблять арестантов станем? Кстати, Сергей Ильич, - Стронский повернулся к капитану. – Когда расковывать людей прикажете?

Князь Шаховской громко и неодобрительно фыркнул, но промолчал, сдержался. Стронский покосился на него, но тоже ничего не сказал, ждал ответа. Капитан же пожал плечами.

- Это уж вам видней, Роман Александрович. По поведению арестантов и соразмерно погоде, полагаю? Как вы-то думаете?

- Думаю, что денька через два, у Порт-Саида. Или после прохождения канала – не знаю, право… Пока еще прохладно, а там начнется жара, никакие иллюминаторы и вентиляция не спасут. А в штиль или при попутном ветре наша вентиляция и вовсе бессильна. Согласно неписаному обычаю, расковывают арестантов обычно там – при условии благонравного их поведения, разумеется.

- Азартные игры есть серьезное нарушение и благонравного поведения, и тюремного устава, - сварливо заметил Шаховской. – Дело ваше, конечно. На пароходе вы хозяин, господин Кази. Но к чему это гуманничанье? Уж я-то ихнего брата знаю…

- Опасаетесь бунта, князь? – с еле слышной насмешкой спросил Стронский. – Странно слышать такое от человека, окруженного на острове гораздо большим числом головорезов. Их ведь у вас там, ваше сиятельство, слышал, много больше, не так ли?

Шаховской открыл было рот, чтобы ответить резкостью – это было видно по его враз побагровевшей шее. Однако, встретив предостерегающий взгляд капитана, он опять сдержался, передохнул и подчеркнуто сдержанно ответил:

- Вы правы, господин старший помощник: на Сахалине каторжан гораздо больше. Однако замечу, что и охрана там посерьезнее. Солдаты с ружьями, надзиратели с револьверами – да у каждого тюремного чиновника есть оружие, в конце концов! А здесь? Несколько карабинов у матросов-караульщиков, которые не имеют никакого понятия, смею заметить, ни о нравах арестантов, ни о правилах надзора за ними. Да и опыта у них никакого, если не

ошибаюсь. Так что отнюдь не страхом я руководствуюсь, господин старший помощник, а соображениями разумной предосторожности!

- Вряд ли подобная предосторожность необходима в море, - миролюбиво возразил Стронский. – Должен заметить, князь, что в случае бунта ручные кандалы превращаются в серьезнейшее оружие! К тому же мои матросы-караульщики докладывают, что добрая четверть каторжников в трюме и без нас снимает на ночь кандалы. Как уж они это делают – Бог его знает. Но делают! А утром, к раздаче чая, все снова в кандалах!

- Позвольте, позвольте, батенька! Это как же-с? Снимают на ночь? – забеспокоился теперь уже капитан. – Почему же вы мер не приняли, Роман Александрович? Почему мне до сей поры не доложили, в конце концов? Непорядок-с!

- Господин капитан! Смею напомнить, что я несу за арестантов полную личную ответственность, - официальным тоном отчеканил старший помощник. – И за них, и, стало быть, за жизнь и безопасность каждого пассажира, каждого члена экипажа. Поверьте, Сергей Ильич, - сменил тон Стронский. – Я на них насмотрелся! Раз утром они снова в кандалах – значит, порядок знают и бунтовать не думают.

- Ну не знаю, батенька, не знаю. – Кази отложил нож с вилкой. – Непорядок-с, все равно непорядок! А вы как полагаете, князь?

- Непорядок, а никуда не денешься, - неожиданно поддержал Стронского Шаховской. – Эти башибузуки и в кандальной тюрьме этакое порой выделывают, что страх берет! Даже меня, грешника, всего навидавшегося… знаю! И надзиратели наши про их фокусы знают, только ночью-то они в кандальную тюрьму ни за какие коврижки не пойдут порядок наводить. Солнце село – «час варнака» в тюрьме настал. Да и я, откровенно говоря, не сторонник. Бунт будет! Был случай, дай Бог памяти, году в 72-м, еще до меня. Послал прежний начальник надзирателей с караульной командой – вытащить из тюрьмы тех, кто снимает самовольно кандалы. Так, представьте, команду ту арестанты в тюрьму-то не допустили! Заперлись у себя, насилу штурмом тюрьму со второй попытки взяли. Зачинщиков на виселицу, конечно – а тюрьма снова бунтует. Начальнику же потом и попало от генерал-губернатора по первое

число – за допущение беспорядков. Так-то!

- Позвольте, князь, да вы же сами несколько минут назад были противником снятия кандалов! – изумился капитан. – Нич-чего не понимаю!

- Это разные вещи, Сергей Ильич! Гуманничать – и соблюдать строгость. Озлоблять ихнего брата никак нельзя! Тем более, что от кандалов-то самые отпетые освобождаются. Заводилы! Которые терпят – с теми что хошь делай! А «головка» – бродяги, иваны - публика серьезная и авторитет свой соблюдает! Тронешь их – греха не оберешься. Карбонарии арестантской республики, словом!

- Ну, глядите, господа! – развел руками капитан. – Вам и карты в руки, в таком случае. Только как я тогда со своим актом милосердия выглядеть буду, ежели они сами, когда хотят, кандалы снимают, а? Смешно-с! Обидно даже!

- Не извольте беспокоиться, Сергей Ильич! Еще ура в вашу честь кричать станут! – ухмыльнулся Стронский.

- А у меня один этот карбонарий книгу почитать попросил, - подал голос второй помощник капитана фон Кригер. И, вдохновленный общим вниманием, продолжил. – Спустился я, грешник, вчера к арестантам: очень уж хотелось на Ландсберга того взглянуть. Помните, доктор одесский рассказывал? Так вот, выкликнули его – подходит к решетке дядя такой, выше меня на голову. Тут-то я заметил, что он вроде замешкался, когда его позвали. Лежал он, несмотря на духоту, под халатом – теперь-то я понимаю, что, замешкавшись, кандалы, подлец, надевал! Подходит, значит, глядит на меня – все вопросы, верите ли, в глотке застряли. Лицо спокойное, даже улыбается – почувствовал, видно, мое смущение. Что, говорит, решили посмотреть на Ландсберга – каков он есть? Может, говорит, спросить чего хотите, ваше благородие? Но глаза, глаза, господа! Кинжалы! Лед! Сталь! Я, признаться, растерялся, спрашиваю, что первое в голову пришло. Как он плавание переносит, нет ли в чем нужды. А он: спасибо, мол, все хорошо, скучно только. Вот книжечку бы какую, дескать, дали почитать – был бы премного благодарен. А у меня, признаться одни лоции да литература по судовождению. Из литераторов только Фридрих Ницше, «Странник и его тень». Да и то на немецком языке.

Ничего, говорит, я по-немецки читаю… Ну, я пообещал спросить позволения и, если будет дозволено… Как, господа?

- Ну-у, если у нас арестанты Фридриха Ницше читать станут! – развел руками Шаховской. – Кстати, а о чем пишет сей господин литератор? Я, признаться, только слышал о нем.

- Это, скорее, философское рассуждение, а не литературное сочинение, - Кази покосился на старшего помощника, перевел взгляд на отца Ионафана. – Как вы, батюшка, полагаете?

- Не знаю, не обучен языкам. Если не богопротивного содержания, то почему бы и не дать? Смотрите только, Василь Васильич, как бы на раскурку ваше печатное философствование не пошло, хе-хе… Вы меня лучше вразумите, господа: как это арестанты могут из оков железных избавляться и вновь надевать их без членовредительства? Словно рукавицы какие-то… Никак в толк не возьму, ваше сиятельство!

- Отче, если я поставлен заведывать островными арестантами, сие не значит, что мне знакомы все их хитрости и плутни. Полагаю, однако, что без кузнецов-мерзавцев здесь не обходится, - усмехнулся Шаховской. – Впрочем, чего гадать? Давайте-ка позовем вашего – как его? – Ландсберга, да и спросим. Он, хоть и бывший, но все-таки офицер. Некогда дворянский чин имел, как-никак. Что про него в сопроводительных бумагах сказано, господин старший помощник? Не опасен он?

- Склонные к неповиновению и буйные нравом у меня на особом учете, князь. Насчет Ландсберга я уже, признаться, полюбопытствовал. В приложении к «Статейному списку» сказано, что характер имеет спокойный, немногословный. К начальству почтителен, заключение переносит смиренно. Но – во время заключения в различных тюрьмах убил и покалечил нескольких арестантов. Судя по всему – негодяев. И поскольку дополнительного наказания за сии дела не получил, стало быть, вины его в тех случаях не усмотрено. Полагаю, что Ландсберг нам не опасен, имеются отличные аттестации на него и от начальника Псковской пересыльной тюрьмы. Только не знаю, господа, как-то неудобно – как зверя диковинного на поглядки вызывать. Хоть и убийца, но человек все-таки!

- Экий вы щепетильный, господин старший помощник! – снова усмехнулся Шаховской. – Так ведь за делом позовем вашего че-ло-ве-ка! Книгу дадим, про кандалы спросим. А, господа? Дадим книгу?

- Только с завтраком покончим прежде, - решил капитан. – А то, право, неудобно получится: и за стол не посадишь, и дразнить едой совестно. Заканчивайте, господа!

Меж тем волны за бортом «Нижнего Новгорода» становились все круче, и турецкий берег постепенно исчез в туманной дымке. Ландсберг вздохнул и отошел от иллюминатора к своей шконке. По соседству надсадно кашлял Жиляков.

Старик за последние дни сильно сдал, и Ландсберг считал, что всему виной вагонные сквозняки: от них простыла едва ли не половина арестантов. Несколько раз, уже после отплытия, Ландсберг предлагал старику записаться на прием к корабельному доктору – однако Жиляков решительно был против.

- Сергей Владимирович, да не повернут же пароход ради вас обратно! – убеждал Жилякова Ландсберг. – Право, откройтесь доктору! Ведь вы и впрямь больны! У вас жар!

- Не надо, мой друг! Оставьте меня! Все пройдет, - через силу улыбался старик. – Вы мне лучше, барон, расскажите что-нибудь из своих туркестанских приключений. Там-то я, признаться, не бывал…

Ландсберг пожал плечами:

- Да какие там приключения, Сергей Владимирович? Пески, зной, дикая жажда и орды кочевников. Миражи, высохшие или отравленные колодцы.. И я – совсем еще зеленый вчерашний «вольнопер» с новенькими погонами прапорщика. Право, я даже не знаю…

По трапу кубарем скатился вахтенный матрос, закричал:

- Который тут Ландсберг? А ну, давай на выход! Помощник капитана к себе требует! – и, повернувшись к караульному, весело закричал теперь уже на него. – Чего встал столбом, чучело? Отпирай!

В арестантских трюмах, как и в камерах, всякое необычайное или внезапное событие вызывает сильный интерес. Вот и сейчас отделение, в котором сидел Ландсберг, сначала притихло, а потом зашушукалось. А когда за ним захлопнулась железная дверь и скрежетнул замок, кто-то из темного угла нарочито громко, с

расчетом, что его услышат, предположил:

- Барин-то наш никак руку начальству держит!

Ландсберг обернулся: обвинение было, по тюремным меркам, серьезным. Так говорили о людях, докладывающих начальству о том, кто и что делает и говорит в камерах. Ландсберг прищурился, вглядываясь в темноту, недобро усмехнулся:

- Твое счастье, дядя, что не видел я – кто сказал. Ну, да ничего, я ведь вернусь, разберемся – кто чью руку держит!

В отделении загоготали, а смельчак, столь неудачно выбрав объект для измышлений, сильно приуныл: с Барином, известно, шутки были плохи!

Через 15 минут Стронский, распахнув дверь в кают-компанию, слегка посторонился. Через комингс сначала шагнул, запнувшись, караульный матрос с карабином. Потом, согнувшись и звякнув кандалами, зашел арестант. Следом протиснулся еще один караульный. Арестант обвел взглядом кают-компанию, с достоинством, но не слишком низко поклонился и замер, глядя в пол перед собой. Капитан заерзал на месте, откашлялся.

- Вы, кажется, просили что-нибудь почитать, любезный? – спросил он.

- Да, ваше высокоблагородие. Скучаю! – ровным голосом тут же отозвался арестант.

- Немецкий язык, стало быть, знаете?

- Я немец, ваше высокоблагородие. Бывший дворянин Ковенской губернии – впрочем, в моих бумагах все это есть, полагаю. Знаю также английский и французский языки, могу объясниться по-гречески, по-испански.

- Присядьте, любезный, - предложил капитан и предостерегающе поглядел на зашевелившегося было Шаховского. – Присаживайтесь, не смущайтесь. Вот мы хотели еще узнать… Надеюсь, что, будучи благородного происхождения и воспитания, не откажете удовлетворить любопытство наше…

- Помилуйте, господин капитан! Какое благородство? Был когда-то и благородным, а ныне арестант. Как и все прочие, там, внизу, - тем же ровным голосом произнес Ландсберг. – Впрочем, если могу быть вам полезен - спрашивайте, ваше высокоблагородие, не

смущайтесь!

- Гм! Гм… Верно ли, любезнейший, что часть арестантов на ночь кандалы снимает? Я, как человек в таких делах неопытный, просто в недоумении. Как сие возможно вообще?

- Не могу знать, ваше высокоблагородие. По ночам я сплю, и за товарищами не наблюдаю.

- Гм… Да, да, разумеется, - капитан слегка смутился, но тут же нашелся. – Видите ли, вскорости я предполагал распорядиться снять кандалы со всей партии. И вот хотел спросить про ваше мнение – не опасно ли будет? Как вы полагаете, любезнейший?

- Бежать с парохода некуда, ваше высокоблагородие. Полагаю, что люди за человечность вашу спасибо вам скажут. Ну, а насчет опасности… Мне кажется, что при попытке бунта вы всегда успеете задраить трюмы и пустить туда воду. Как крыс бунтовщиков перетопите, разве не так? Про сие все там, внизу, знают.

- Ну, это крайняя мера, любезнейший! Я очень надеюсь, что мне никогда не надо будет к таковой прибегнуть. Так… Ну что – все, господа? Ни у кого больше вопросов нет? Василь Васильевич, книгу, полагаю, вы можете дать. Идите, Ландсберг!

- Погодите! – Шаховской встал и подошел к арестанту. – Ну, ты! Встать! Покажи-ка свои браслеты!

От грубоватого «тыканья» Ландсберг лишь чуть дернул углом рта, но, помедлив, покорно вытянул вперед скованные кандалами руки. Шаховской внимательно осмотрел цепь, браслеты, потрогал закрепки, попробовал, плотно ли охвачены железом руки арестанта. Поглядел на каторжника снизу вверх и со зловещим спокойствием спросил:

- Значит, не знаешь, как от кандалов на ночь избавляться?

- Слышал про это, ваша милость, а вот чтобы избавлялся кто – не видал. Может, правда. А, может, и болтают зря люди – не знаю…

- Я тебе не «ваша милость», прохвост! Я начальник сахалинской каторги, статский генерал князь Шаховской!

- Извините, не знал, ваше сиятельство, господин начальник! – тон Ландсберга не изменился, только взгляд поднялся с полу и скрестился с нахмуренными бровями князя.

- С-смотри у меня! Насидишься на Сахалине в темной! –

остывая, бросил Шаховской, обманутый смиренным тоном арестанта. – Ты мне лучше без утайки скажи, как так получается? Офицер вот, фон Кригер, рассказал, что видел тебя давеча без браслетов...

- Показалось ему, ваше сиятельство! Сами изволили браслетики только что проверить.

- Показалось, говоришь? Ну-ну! А скажи-ка, любезный, ведь ты лежал, как утверждает господин помощник, укрытый своим халатом? Так? А когда тебя господин офицер к себе подозвал, то ты замешкался?

- Так, наверное, ваше сиятельство. Дремал, должно быть. Не сразу сообразил со сна – кто зовет.

- Бывает, конечно! «Со сна»! – князь с улыбкой повернулся к капитану. – Ну, а теперь спросите-ка у него, капитан, как это он умудряется снимать и надевать халат со скованными руками! Господин фон Кригер, он ведь к решетке без халата подходил?

- Не помню, право… Кажется…

- А сейчас в халате! – торжествующе возгласил Шаховской. – Как вы полагаете, господа, возможно ли со скованными руками одежду снимать и надевать по своему желанию? Ну, что скажешь, мерзавец?

- Господин офицер что-то путает, - не смутясь ответил Ландсберг. – Сами изволили слышать, ваше сиятельство – не помнит он...

- Я вот сейчас корабельного кузнеца прикажу позвать и велю перековать тебя, мерзавца, - закричал Шаховской. – И ежели он какую хитрость в кандалах найдет, так и плетей попробуешь! Ну, признавайся!

- Довольно, князь! – капитан Кази стремительно встал и подошел к Шаховскому. – Кажется, вы забыли, что находитесь не на своем острове, а на моем пароходе! – капитан, не сводя глаз с князя, отдал распоряжение конвойным. – Уведите арестанта! Хотя… погодите! – он повернулся к Ландсбергу. – Надеюсь, вы понимаете, что всему виной мое любопытство, милейший? Я… я не думал, что наша беседа зайдет в столь неприятную область… Идите, Ландсберг, книгу вам принесут, обещаю! И другие книги из моей скромной библиотеки, если пожелаете.

Когда арестант и конвойные вышли, Кази нервно оттянув воротник ставшего вдруг тесным кителя, налил себе сельтерской и в два глотка осушил стакан. Шаховской, которого оборвали как мальчишку, онемел от негодования. Офицеры, корабельный священник и доктор Иванов старались не смотреть на него.

- Да, князь, вы забылись! – словно и не было тягостных минут молчания, продолжил капитан Кази. – Я повторяю это при всем моем уважении к вашему происхождению, заслугам, чинам и наградам. Как!? Как можете вы, дворянин и лицо, облеченное столь высокими полномочиями и доверием, устраивать подобные безобразные сцены?! Вы намеренно унижали человека, который не мог вам достойно ответить! Который, попав на ваш проклятый каторжный остров, будет целиком в вашей власти. Стыдитесь, князь!

- Гос-с-подин капитан, - почти прошипел Шаховской. – Я не потерплю, чтобы меня отчитывали как мальчишку, да еще в присутствии этих… Этих господ, - нашелся князь.

- Стерпите, князь! – спокойно прервал его капитан. – Волею Великого Князя, брата нашего монарха, я получил под свое командование этот корабль. А капитан, должен вам напомнить, на вверенном ему корабле и царь, и Бог! Только я здесь могу давать распоряжения кузнецу. Только я определяю меру вины и целесообразность наказания вверенных мне арестантов. Вы нанесли оскорбление не только ему, бесправному и уже наказанному за его грехи человеку. Вы, князь, бесцеремонно покусились и на мои полномочия, смею заметить. Меж тем, вы для меня - пассажир, и не более того! Вам не нравится мой пароход и мои порядки? Извольте: через двое суток, в Порт-Саиде, вы вольны сойти на берег и сесть на другое судно! Стоимость проезда будет вам судовым казначеем немедленно возмещена. Ну, а до тех пор я настоятельно рекомендую вам не пытаться вступать в любой контакт с арестантами и отдавать на их счет какие-либо распоряжения. И еще: надеюсь, вы понимаете, что в донесении, которое долг обязывает меня отправить из первого же порта, я самым подробным образом изложу и события, имевшие место, и свое мнение?

Последнего Кази мог и не говорить: князь был опытным интриганом, и понял, что своей выходкой поставил себя в крайне

невыгодное положение. К тому же о моментально вспомнил, что Великий Князь и высочайший покровитель Общества Добровольного Флота весьма благоволил к капитан-лейтенанту Кази, под началом которого в свое время осваивал азы морского дела. Его же положение в должности заведывающего ссыльно-каторжной частью острова Сахалин в последнее время вызывало немало неудовольствия сразу двух министров из северной столицы России – внутренних дел и сельского хозяйства. В министерстве внутренних дел князя считали персоной не в меру либеральной и скандальной – не говоря уже о том, что Шаховской был там пришлым, чужаком, выскочкой, не имеющим никакого опыта работы с тюремным контингентом. Весьма похожее раздражение князь вызывал и в министерстве сельского хозяйства. Министерские чиновники Сахалин видели только на географических картах, и свои циркуляры о необходимости развития земледелия на далеком острове базировали исключительно исходя из географической широты сей восточной колонии. К тому же, читая пространные объяснения князя о невозможности занятия ссыльнопоселенцев сельскохозяйственными ремеслами, в министерстве просто не понимали того, что для успешного занятия оными необходим не только опыт, но и желание. Ничего такого у вчерашних каторжан не было, да и быть не могло.

В довершение ко всему, Шаховской, быстро вкусив «прелестей» восточной окраины России и поняв, что блестящей карьеры здесь нипочем не сделать, откровенно махнул рукой на все и с великим тщанием в последнее время занимался лишь тем, что могло, по его разумению, заставить говорить о нем. Одним из его последних сахалинских прожектов был задуманный тоннель под мысом Жонкьер, неподалеку от поста Дуэ и одновременно главного порта острова.

Шаховского нимало не беспокоило отсутствие необходимости в таком тоннеле. Не смущало его и то, что никто на Сахалине, включая самого князя, не имел ни малейшего представления о том, как, собственно, надо прокладывать эти сложнейшие инженерные сооружения. Главным было другое: рожденный от скуки и не без влияния винных паров прожект в свое время был представлен

Александру Второму. И более того – заслужил одобрительной монаршей резолюции!

Правда, знающие Александра Второго люди утверждали, что царская резолюция была ничем иным, как тонкой насмешкой над никому не нужной выдумкой. Что монарх на склоне жизни, озабоченный множеством реальных и насущных проблем, просто не успел толком разобраться в «тоннельной инициативе» князя. И что дошел сей прожект до императора лишь потому, что будущий тоннель должен был носить его имя…

Смерть Александра Второго и восшествие на престол его наследника не похоронили «тоннельного прожекта», скоропалительно обретшего статус памятника убиенному революционерами монарху. Заявив на всю Европу о том, что станет продолжателем всех отцовских начинаний, Александр Третий простер десницу и над идеей Шаховского. Тем более, что князь, мгновенно сориентировавшись, отправил на высочайшее имя слегка исправленный документ, в котором будущий тоннель под горой Жонкьер на Сахалине должен был стать носителем имени уже нового монарха.

От Шаховского с его прожектом тогда нехотя, но весьма почтительно отступились. И нынче враги его в Санкт-Петербурге лишь терпеливо ждали – не обернется ли сей тоннель очередным конфузом сахалинской администрации? К этому были все предпосылки. Хватало и доносов на князя со стороны недовольных им сахалинских чиновников – в этом Шаховской убедился во время последнего своего пребывания в российской столице, где ему показали целую кипу обличающих его бумаг.

В сложившейся ситуации новая возможная жалоба на него со стороны капитана Кази была бы совершенно ненужной. Кази, в конце концов, вес в столице имел поболее, чем любой сахалинский чиновник-неудачник, пусть даже и с княжеским титулом, и его рапортом с радостью воспользуются враги князя.

Все это Шаховской просчитал очень быстро. И счел за благо не ссориться с капитаном. Поэтому, вздохнувши, он миролюбиво затеребил капитана за пуговицу кителя:

- Будет, будет, господин капитан! Признаю – погорячился. Вы не

поверите, господин капитан, но нервы у меня на моем благословенном острове совсем ни к черту стали! Мир, Сергей Ильич! А, батенька?

Капитан, чуть помедлив, пожал протянутую руку.

* * *

Вернувшись к себе в арестантский трюм, Ландсберг подсел на нары к Жилякову, в который раз уже с тревогой отмечая – как за последнее время сдал старик. Ввалившиеся глаза, тяжелые набрякшие веки и просвечивающие через пергаментную сухую кожу кости, хриплое дыхание, то и дело прерываемое приступами кашля – все это складывалось в удручающую картину с самыми мрачными перспективами.

Почувствовав рядом с собой легкое движение, Жиляков открыл глаза, чуть улыбнулся своему молодому другу:

- Ну, барон, что понадобилось от вас высокому корабельному начальству? Не секрет?

Ландсберг покачал головой.

- Ничего особенного, полковник. Там, наверху, полюбопытствовали – верно ли, что арестанты умеют самостоятельно снимать кандалы, без кузнеца. Нынче утром, кажется, я был неосторожен, и офицер, спускавшийся в трюм, заметил что-то неладное. Впрочем, все обошлось.

- Ну, и слава Богу, барон! И слава Богу! Но вам надо быть поосторожнее, право! Мне кажется, вы иногда бравируете своим положением.

- Ну откуда же мне было знать, что тот офицер позовет именно меня, Сергей Владимирович? Но вы не извольте беспокоиться: все эти «шалости» нашего брата, арестантов, насколько я понял, никого здесь не тревожат. Им, наверху, просто скучно. Любопытство, изволите ли видеть, одолевает. Впрочем, господин начальник острова был весьма строг! И пригрозил мне припомнить на Сахалине мою дерзость.

- Вот видите, барон! – забеспокоился старик. – Ну к чему вам было дерзить, голубчик? Право, это мальчишество какое-то!

- Клянусь, Сергей Владимирович, я не дерзил! Взгляд тяжелый, мне с детства это в вину частенько ставили.

- И не надо смотреть на начальство, коли так. Ну что вам до него? Смотрите вниз…

- Хорошо, полковник. Слушаюсь! – Ландсберг снова невесело усмехнулся и потянулся всем телом. – А наверху хорошо, Сергей Владимирович! О воздухе на верхней палубе даже вспоминать радостно! А здесь – бр-р!

- Запах неволи! – вздохнул без особой грусти Жиляков, снова прикрыв веки.

- Вы отдыхайте, отдыхайте! – спохватился Ландсберг, легко поднимаясь на ноги.

- Да от чего же мне отдыхать, голубчик? От безделья? – вяло запротестовал Жиляков.

Однако собеседника он удерживать не стал. И Ландсберг, поняв намек, пересел на свои нары.

<u>Ретроспектива-1</u>
Перстень с неприятностями

Телеграфное сообщение начальник Псковской пересыльной тюрьмы Ерофеев получил под вечер. Перечитав его дважды, он перекрестился и вызвал старшего надзирателя. Ознакомив его с текстом телеграммы, начальник распорядился начать приготовления к отправке этапа, велев, как и было рекомендовано в депеше, до последнего момента держать все в секрете.

Но тюрьма, как известно, секретов не знает, да и и не признает. Арестанты почувствовали дух грядущих в их жизни перемен еще во время завтрака: к традиционной каше были добавлены «неположенные» луковица и немного сахара. Кинулись к дежурному надзирателю, многозначительно крутящему усы в дверях.

- Что? Что, господин начальник? Ваш-бродь, не томите! Сегодня, что ли?

- А ну, осади назад, не смерди! Что – «сегодня»? Чего всполошились, варнаки? – строжился надзиратель, однако традиционную витиеватую ругань на сей раз не прибавил.

И даже «холодной» не пригрозил! Арестанты многозначительно переглядывались: все признаки скорых перемен были налицо!

Тюремное начальство, обычно не скупившееся на ругань, зуботычины и карцер, накануне этапа обычно смирнело, стараясь ничем не спровоцировать напоследок малопредсказуемую массу арестантов. И лук с сахаром! Сахар в тюрьме обычно давали по большим праздникам, лук же, да тем паче ранней весной, и вовсе был невиданной роскошью.

Этап… Этап? Этап! – шелестело и гудело в камерах пересыльной тюрьмы. И хотя надзиратель не сказал про это ни слова, тюрьма вывод для себя сделала!

Занаряженные с утра на мытье полов в канцелярию арестанты едва не побежали выполнять ненавистную обычно работу – тоже без обычной ругани и сетований на судьбину. Тюрьма затаилась, ожидая от них новостей.

И дождалась! Вернувшиеся поломои, державшие сегодня ушки на макушке бдительнее обычного, донесли: в тюрьму вызваны цирюльник, доктор и кузнец. Кашевары получили распоряжение сделать на обед лишнюю закладку для вызванной местной воинской команды. И вообще все в канцелярии тюрьмы «бегали как посоленные» – попадающимся же то и дело арестантам из хозобслуги при этом не грубили. Начальник даже распорядился выпустить из карцеров проштрафившихся накануне бузотеров.

Все было ясно: этап! Сегодня!

Ближе к обеду старосты камер получили распоряжение составить и подать списки немощных и больных, если таковые имеются.

Полковник Жиляков, заразившийся общим настроением, подсел к Ландсбергу. Он давно уже слезно попросил у Карла прощения за свое поведение, и теперь не называл его иначе, как «господин прапорщик», «барон» или «мой юный друг».

Произошло это вскоре после того, как начальник тюрьмы Ерофеев, выполняя данное Ландсбергу слово, исхлопотал у высокого начальства из Главного тюремного управления разрешение на свидание старика с родственниками. Супруга Жилякова и его племянник, штабс-капитан одного из расквартированных в Северной столице полков, лишь подтвердили старику то, что тюрьма знала и без того: его сын-гимназист пал не от пули жандарма, а от рук своих

же «товарищей». Вернее – от руки руководителя революционной тройки боевиков, побоявшегося, что раненый юноша может выдать соратников.

Вскоре после суда над Жиляковым-старшим где-то на конспиративной квартире под Петербургом была арестована целая группа боевиков-революционеров. В их числе оказался и тот самый руководитель тройки, известный под кличкой Рябой. Жандармы умели работать с арестованными – тем паче с теми, кто особенным умом не блистал. Рябой оказался как раз из таковых. К тому же после расправы с Жиляковым-младшим Рябой не скрывал от товарищей сего факта своей «революционной решительности» и убеждал единомышленников в аналогичных случаях поступать так же, как он – т. е. оставлять врагам только трупы! Мертвый не выдаст… Словно в насмешку судьбы, товарищи Рябого на допросах выдали про сию революционную решительность своего лидера.

Получив эту информацию, жандармский следователь насел на Рябого. Тем паче Корпус был заинтересован в том, чтобы смыть со своего мундира не заслуженное в данном случае пятно. Рябого без особых стараний сумели убедить признаться в убийстве гимназиста на следствии и во время суда, а также громогласно, при публике, объявить, что этим убийством террористы рассчитывали добыть сразу двух зайцев. То есть избежать возможной выдачи мальчишкой товарищей и привлечь на сторону революции его отца. Здесь в планах Рябого, правда, вышла небольшая промашка: сраженный горем Жиляков-старший самолично расправился с «убийцей», однако в дальнейшем, уже в тюрьме выяснилось, что он совершенно не разделял идеи бунтовщиков, и сотрудничать с ними в какой бы то ни было форме отказался.

- Вы только представьте себе, барон! – горячась, рассказывал Жиляков Ландсбергу после состоявшегося примирения. – Явились ко мне сразу после того злосчастного налета, впятером. Двух или трех я в нашем доме раньше видел. И объявляют: сынка-де вашего жандарм подстрелил. Супруга – в обморок, я и сам близок к тому же, растерялся. Не знаю – что делать? Бежать – но куда? А этот, главарь ихний, не нашел другого времени, подлец, чтобы агитацию свою развести. Держитесь, мол, господин полковник! Ваш сын пострадал

за народ, за правое дело, им надо гордиться, мол! Я спрашиваю – где тело-то искать? В полиции, по больницам, или как? А он, этот Рябой, который самолично моего Володеньку, как собаку, пристрелил, еще и утешает: крепитесь, г-н Жиляков! Поскольку ваш сын и наш боевой товарищ умер от жандармской пули – мы, мол, им отомстим. Да-с… Понимаете ли, барон – у меня сердце разрывается, жена без чувств на полу лежит – а он свое гнет. Справки, мол, наведете после в полиции, да она и сама к вам заявится скоро. Спасите, мол, нас – в память о вашем сыне, как его друзей! Просит дать ему записку к моей прислуге дачной – у меня дачка в Парголово небольшая была. И про это, подлецы, знали! Впрочем, Володенька, простая душа, сам их туда раньше, наверное, и возил. Дайте, говорит, записку, чтобы мы несколько дней там пересидели.

Ландсберг слушал старика со смесью сострадания, брезгливости и негодования. Он понимал: полковнику надо высказаться, излить душу. А Жиляков, вспоминая какие-то малозначительные детали, рассказывал дальше. Совершенно потеряв голову и желая побыстрее отделаться от посетителей, он черкнул распоряжение дачной прислуге принять «господ студентов». Те моментально исчезли, не соизволив даже зайти к жившему по соседству врачу, пригласить того к супруге Жилякова, хотя и пообещали. Пришлось посылать денщика – сначала к доктору, потом за племянником.

Доктор, приведя немолодую женщину в чувства, дал какие-то успокаивающие капли и старику. Едва оправившись, тот собрался было ехать в полицейскую часть, но полиция и жандармы появились в доме сами, как и предсказывали «соратники» сына. Они утверждали, что жандармский офицер только ранил подростка, и на его глазах кто-то из террористов, вернувшись, добил того выстрелом в упор и затем скрылся.

Этому Жиляков, разумеется, не поверил – будучи «вполне подготовлен» визитом террористов. Старого полковника повезли на опознание тела сына, и он, уходя из дома, тайно прихватил свой армейский револьвер.

Дав старику поплакать над телом сына, полицейские и жандармские чины предложили полковнику отвезти его на квартиру,

отложив допрос до утра. Все по-прежнему в один голос утверждали, что раненого Володю застрелил кто-то из террористов. Обещали представить случайных свидетелей перестрелки. Но Жиляков-старший потребовал немедленного разговора с жандармом, который стрелял в сына – якобы желая самолично убедиться в его невиновности. Поколебавшись, жандармское начальство дало Жилякову такую возможность.

- Понимаете, барон, я ведь поначалу и не думал никого убивать. Просто хотел посмотреть в глаза человеку, который стрелял в моего сына! Покайся он, поведи себя как-то по-другому – вряд ли я поднял бы на офицера, представителя власти, руку. Христианин, как никак! А тот жандармский офицер, как я теперь понимаю, и сам испуганный случившимся, начал на меня кричать. Стыдить начал! Полковник, мол, дворянин – а кого вырастил?! Бандита и убийцу – это мой-то Володинька бандит и убийца?! Я спрашиваю – видел ли он, что перед ним почти ребенок? А он мне: ребенок с бомбой для меня – террорист! Ну, я и не выдержал. Выхватил револьвер и весь барабан ему в грудь выпустил.

Потом, когда старика схватили и обезоружили, он бился в истерике. Что именно сулил он «палачам» сына – Жиляков точно уже и не помнит. Обещал, пока жив, расправляться со всей «жандармской сволочью». Сгоряча и назло «палачам» подписал признание, что разделял революционные убеждения сына и его товарищей.

- И пошло-поехало! – вздохнул Жиляков. – Меня, разумеется, арестовали, посадили в Петропавловскую крепость, к политическим. Те приняли как родного, начали в «свою веру» обращать. Суд потом… Спасибо, следователь все-таки не поверил в то, что я мог быть «матерым террористом». Написал в суд свое особое мнение. Но все равно – каторга. Да-с, барон… Вы-то еще молоды, у вас есть шанс выжить и вернуться к нормальной жизни. А мой возраст, увы, говорит в пользу того, что я и помру там!

- Напрасно вы меня утешаете, господин полковник! – грустно улыбался Ландсберг. – С каторги людьми не возвращаются. Это – каинова печать, на всю жизнь – даже если меня не зарежут иваны. Если не засыплет где-нибудь в штольне. Мое существование, увы,

бессмысленно! Видите – чтобы выжить здесь, чтобы не сдохнуть под нарами, я пытаюсь стать на одну доску со всякой швалью. И часто думаю – а зачем? Зачем жить?

- Вы молодцы, мой друг, в вашем возрасте жить – это такое естественное желание! Зачем же себя им укорять?

- Между нами, господин полковник, целая пропасть. Вы были правы, между прочим, когда в первый день, узнав меня, отказались подать мне руку. Знаете, господин полковник…

- Называйте меня Сергеем Владимировичем, барон! Сына я назвал Володей в честь своего отца.

- Хорошо, господин полковник, как вам будет угодно. Только пропасти между нами это не засыплет. Вы каетесь, что убили невинного человека – но ведь вы сделали это по ошибке, ослепленный гневом и болью. Я… я тоже, наверное, был ослеплен… Но… месть за сына и денежная, в конечном счете, причина убийства – разве это сравнимо? Да и здесь, в тюрьме, мне случилось убить и искалечить нескольких людей – вы знали об этом? Нет? Ну, так знайте… И что – по-прежнему будете подавать мне руку?!

- Барон, я не верю в то, что ваша душа была черна изначально! Когда-нибудь вы мне расскажете свою историю, раскроете душу – и сами убедитесь в том, что ваша трагедия – тоже ошибка! Вот вы раскаиваетесь – значит, заслуживаете прощения уже за это!

- Господин полковник… Сергей Владимирович, простите! У меня есть единственный ответ на вопрос – зачем я живу и стараюсь выжить. Не ради чьего-то прощения. Я хочу наказать себя безысходностью своего бытия. Долгими годами страданий и мучений – а не единовременным раскаянием я хочу искупить свою вину… И еще, господин полковник. У меня будет к вам величайшая просьба. Никогда не возвращайтесь, прошу, к теме и мотивам моего преступления! Не расспрашивайте, не утешайте, не приводите доводы в мое оправдание. Хорошо? Обещайте мне!

- Ну… Ну хорошо, барон. Обещаю…

Старый полковник свое обещание пока сдерживал. Сблизившись с Ландсбергом, он много и часто рассказывал о своем сыне, жене, о былых походах, войнах. Эти темы бесед Ландсберг поддерживал. Но сразу замолкал и уходил в себя, если Жиляков

пытался выспросить у него что-нибудь о дотюремной жизни Ландсберга. О его жизни в Петербурге, увлечениях… Со временем старик усвоил «границы» дозволенного и не нарушал их – что сблизило двух бывших офицеров еще больше.

И вот нынче утром, прослышав про близкий этап, старый полковник в тревоге кинулся к Ландсбергу.

- Мой друг! Вы, конечно, слышали новость насчет отправки этапа в ближайшее время?

- Вся камера об этом с утра только и гудит, Сергей Владимирович! – усмехнулся Ландсберг. – Нужно быть глухим, чтобы не услышать!

- Да, конечно… Но нынче арестантов, говорят, отправляют не пешим ходом в Сибирь. А пароходом, на какой-то остров Сахалин?

- Да, говорят, туда…

- Карл Христофорыч, я ужасно боюсь, что меня по состоянию здоровья могут забраковать. И я не попаду в команду отправляющихся!

- Помилуйте, полковник! – изумился собеседник. – Я не понимаю! Ну и слава Богу, если не попадете! Радоваться надо бы вам, а не бояться, Сергей Владимирович!

- Барон, вот вы смеетесь, а я серьезен как никогда!

- Простите мою веселость, Сергей Владимирович – но зачем вам-то на этот Богом проклятый остров? Написали бы прошение – с учетом ваших былых заслуг и в силу преклонных лет вас вполне могут оставить если не в здешней пересылке, так где-нибудь в тихой и спокойной российской тюрьме. Да так оно, скорее всего, и без прошения выйдет. А там, глядишь, какая-нибудь амнистия – и обнимете вскорости свою дражайшую супругу! К чему вам Сахалин? Н-не понимаю!

- Во-первых, мне не хотелось бы расставаться с вами, мой дорогой друг! – седые усы полковника, сильно отросшие в тюрьме, задрожали. Он отвернулся.

- Спасибо, весьма тронут, но…

- Барон, я имею в виду не только свою личную глубокую привязанность к вам. Да, мне будет трудно и одиноко без вас – но, кроме этого, я весьма рассчитываю на вашу помощь и в другом

вопросе, - старик придвинулся к Ландсбергу и оглянулся по сторонам, желая убедиться – что его никто не слышит.

Ландсберг, все еще недоверчиво улыбаясь, тоже оглянулся. Цыкнул мимоходом на мужичка, мастерившего неподалеку подметку для «кота». Тот, недовольно буркнув что-то, все же пересел подальше.

- Я слушаю вас, Сергей Владимирович! Говорите!

- Как вы знаете, после свидания с женой и племянником, штабс-капитаном Сашей Яковлевым, мне дозволена переписка. И я успел договориться с Сашей насчет простейшего шифра, замаскированного в обычном с виду письме. Криптография, знаете ли, наше старинное семейное увлечение. Впрочем, все это пустяки. Так вот: недавно Саша тайно сообщил мне, что Рябой – помните того негодяя, что застрелил Володю? – тоже осужден в каторжные работы. И будет, скорее всего, тоже отправлен на остров Сахалин. Он молод и представляет, черт возьми, опасность для властей и общества. Племянник пишет, что в последнее время политических ссылают преимущественно на Сахалин. Теперь вы понимаете, мой юный друг?

- Да, мне стоило бы догадаться, полковник! Зная ваш характер и подлый поступок Рябого, вашему решению я не удивляюсь, - вздохнул Ладнсберг. – Меня удивляет другое. Вы же не знаете наверняка, что Рябой окажется на Сахалине вместе с вами, верно? Поговорите со старыми каторжниками, коли не верите мне – но вся Восточная Сибирь буквально усеяна местами ссылки и для уголовных, и для политических! Например, рудники на Каре. Я слышал, что эта глухомань еще похуже Сахалина будет. У вас мало шансов встретить на этом острове своего врага, Сергей Владимирович! Кроме того…

- Погодите, барон! Я согласен: этот негодяй может и не попасть на Сахалин! Но ведь племянник пишет, что имеет на сей счет самые верные сведения. Так что, согласитесь, шансы у меня все же есть! Даже если он будет на Каре – мой друг, все равно на Сахалине я буду ближе к нему, нежели будучи отправленным куда-нибудь в Тобольск или Николаевск...

- Опомнитесь, полковник! Значит, если вы не сыщете Рябого на Сахалине, то сбежите и направитесь на Кару только для того, чтобы

посчитаться с этим негодяем? Это же абсурд! Извините, Сергей Владимирович, но вы явно переоцениваете свои возможности! Спросите-ка тех, кто бегал – легко ли бежать с каторги? А в вашем случае надо будет не просто бежать. А с острова, заметьте! Полагаю, что вы отдаете себе отчет в том, что естественная водная изоляция Сахалинской каторги создает для беглецов дополнительные трудности! Черт возьми, но ведь это не курортное место, где всякого желающего ждет услужливый лодочник или гондольер. И потом – сбежать с одной каторги, чтобы рыскать по другим местам заключения... Опомнитесь, прошу вас!

- Мое решение твердо и обсуждению не подлежит! - сердито ответил Жиляков.

- Допустим, мне не удастся отговорить вас от этой чудовищной лотереи, полковник. Лотереи, заметьте, где вашим выигрышем будет расплата с Рябым, новая ваша поимка, новый приговор. Вы слышали, что пойманных беглых каторжников приковывают цепями к тачке?

- Я уже сказал: мое решение твердо!

Ландсберг помолчал, с сожалением глядя на старика.

- Хорошо. Пусть ваше решение непоколебимо. Но сначала вам надо попасть в этапную команду – а здесь я вам никак не могу помочь, если вы имеете в виду именно это. Не забывайте, Сергей Владимирович, что Ландсберг – такой же арестант, как и Жиляков. Да, здесь, в камере, мое слово кое-что значит. Но приказать начальнику тюрьмы включить вас в этап я, увы, не в силах!

- Но он глубоко уважает вас, мой юный друг! После того, как вы выручили его, спасли тюрьму от разрушения…

- Мне жаль вас разочаровывать, но единственная «плата» за мои усилия и скромный вклад в спасение здания – это ваше свидание с родными. Господин Ерофеев, выхлопотав по моей просьбе это свидание, счелся со мной. К тому же у него наверняка есть инструкции, приказы, ограничения и тому подобное! Оставьте эти мысли, полковник! Вам остается надеяться только на чудо. И на заключение доктора, который сегодня будет отбраковывать больных и немощных…

Однако Жиляков был буквально одержим своей идеей во что бы то ни стало попасть в этапную команду. Ради этого он был готов

на все. Придвинувшись поближе, он шепотом поделился с Ландсбергом другим своим безумным планом: дать «на лапу» начальнику тюрьмы.

Как оказалось, во время свидания с супругой та сумела передать Жилякову фамильную ценность – перстень с изумрудом, переходящий в их роду от старшего мужчины к младшему. Жиляков честно признался, что камень в перстне имеет дефект, который сразу увидит любой ювелир. Так что коммерческая цена перстня, несмотря на немалые размеры изумруда, была не слишком велика.

Ландсбергу едва удалось отговорить старика от затеи с дачей взятки, из которой все равно бы ничего не вышло: перстень у старика-арестанта просто-напросто конфисковали бы и в самом лучшем случае – переслали бы супруге. Чтобы удержать Жилякова от новых фантастических прожектов, Ландсбергу пришлось пообещать ему подумать над способом непременно попасть в сахалинский этап.

Камера по-прежнему бурлила, а Ландсберг неподвижно лежал на своих нарах, неторопливо обдумывая решение столь непростой задачи. Вообще-то, у него в голове практически сразу сложился единственно возможный, как ему представлялся, способ действий. Если кто и мог помочь Жилякову в его желании непременно попасть в этап, так это был… майданщик Ахметка.

Майданщик в тюрьме – фигура значительная. И значительная, прежде всего, своими связями с волей. Во все времена тюремное начальство, как ни билось, нигде и никогда не могло искоренить сего явления. Правда, иногда борьба была чисто показушной. Нередкими в российских, особенно в сибирских тюрьмах были и случаи, когда само начальство являлось одним из звеньев цепочки, связывающей тюрьму с волей. Порой на это просто закрывали глаза. А в подавляющем большинстве тюремщики и солдаты охранных команд пополняли свои скудные казенные заработки с такими ухищрениями, что начальство просто ничего не замечало.

У Ахметки тоже, несомненно, была и связь с волей, и своя «лапа» среди тюремной команды – в этом Ландсберг был уверен. Иначе как бы попадали в камеру водка, молоко, свежие яйца и мясо? И как могло бесследно исчезать из камеры тюремное «барахло»,

проигранное здешними обитателями в карты или кости?

Очевидным было и то, что в одиночку никто из тюремщиков или караульных солдат помогать майданщику просто не смог бы: слишком узки и тесны были тюремные коридоры, где каждый был у всех на виду.

Размышления Ландсберга прервал выкрик просунувшегося в дверь камеры надзирателя: осужденного Ландсберга снова требовал к себе начальник тюрьмы господин Ерофеев!

Догадываясь о причинах вызова, Карл Ландсберг невесело хмыкнул, соскочил с нар и пошел впереди надзирателя по тюремным коридорам и лестницам, сцепив, как и предписывалось тюремным уставом, руки за спиной.

Ерофеев был занят: сердито распекал за что-то старшего надзирателя. Однако, увидев за дверью высокую фигуру Ландсберга, махнул на надзирателя рукой и велел арестанту заходить.

- Ну-с, господин Ландсберг! – Ерофеев выбрался из-за стола и подошел к арестанту совсем близко, остановился буквально в одном шаге, раскачиваясь с носка на пятку и сцепив, подобно ему, руки за спиной. – Ну-с, господин Ландсберг, вы, разумеется в курсе относительно последней новости, которую мне строжайше предписано держать в тайне до последнего момента. И о которой знает уже, не сомневаюсь, вся тюрьма?

- Шила в мешке не утаишь, господин начальник, - пожал плечами бывший офицер.

- Да-да, разумеется! – Ерофеев склонил голову к левому плечу и прищурился. – Полагаю, что вы догадываетесь и о причинах моего вызова, Ландсберг, не так ли?

- Думаю, что догадываюсь, господин начальник…

- И что же вы мне скажете? Не передумали насчет моего предложения остаться при пересылке в качестве внештатного инженера-строителя? Если передумали, то сегодня еще не поздно сказать об этом, Ландсберг!

- Не передумал, господин начальник! Пусть все будет как будет…

- Напрасно, напрасно, Ландсберг! Я уважаю целеустремленных людей, но ваш случай особый! – начальник продолжал раскачиваться

с носка на пятку. – Позволю себе напомнить вам еще раз, Ландсберг: на каторге вам придется особенно тяжело… Впрочем, отчего же мы стоим? Присядем! Прошу вас! – Ерохин широким жестом указал на кожаный массивный диван, занимающий чуть ли не четверть кабинета.

- Не угодно ли? – начальник, хмыкнув, похлопал по туго обтянутой спинке дивана. – С широкого губернаторского плеча сия диванная меблировка, Ландсберг! И, строго говоря, диван этот тоже может быть записан в ваш актив! Ибо наш губернатор распорядился насчет вспомоществования тюрьме от города после того, как посетил нашу «обитель» и убедился, что я не намерен ябедничать либо давать ход той злополучной его резолюции… Г-м, да… Впрочем, я отвлекся. Не хочу вас пугать, Ландсберг, но вы пока просто не представляете себе, с чем и с кем вам придется столкнуться на Сахалине! Слава Создателю, я там тоже не был, и, надеюсь, не попаду никогда. Но и того, что я слышал, вполне хватает для самых мрачных предположений относительно вас!

- Простите, господин начальник – но все неизвестное, что часто пугает людей, при соприкосновении часто оказывается вовсе не таким уж и страшным. А то и вовсе – досужей выдумкой людей с богатым воображением! - слегка улыбнулся арестант.

- Это не более чем философствование, Ландсберг! А вот я в разное время встречался с двумя чиновниками тюремного ведомства, хорошо знающими этот проклятый остров. С одним – во время отпуска, на водах в Швейцарии, с другим – на Европейском тюремном конгрессе. Оба – отъявленные пьяницы. Один, с кем я неосторожно сел играть в карты, оказался еще и шулером! А если верить хотя бы половине их пьяных россказней, то Сахалин оскотинивает не только каторжан! Ландсберг, Ландсберг, не совершайте глупость! Вы не в ладах с иванами – но, поверьте, те, с кем вы не ладили до сих пор – сущие агнцы по сравнению с отпетой сволочью, собранной на сахалинской каторге! Зная ваш нрав, я наперед могу сказать, что не сойдетесь вы там и с тюремной администрацией! Ибо Сахалин не любит умных и добрых людей – он признает только законы стаи! Мне жаль, искренне жаль вас, Ландсберг!

- Благодарю вас и за добрые слова, и за вашу заботу, господин начальник! Право, мне даже неудобно – но мое решение неизменно.

- Понимаю, - вздохнул Ерофеев. – Вернее, признавая ваше право на упрямство, однако не его причины. В сущности, я мог бы настоять на своем не силой убеждения, а вверенной мне властью, Ландсберг! Знаете ли, я ведь уже отправил начальству доклад о состоянии здания здешней пересыльной тюрьмы. И присовокупил всеподданнейшее прошение оставить при себе подходящего по своему образованию и нраву арестанта в качестве инженера. Более того – получена резолюция высокого начальства, и решение этого вопроса оставлено на мое усмотрение, Ландсберг! Фактически – это мой карт-бланш! Вот захочу – и останетесь здесь, хотите этого или нет!

- Зная вас как порядочного человека, я не верю, что вы воспользуетесь этим карт-бланшем, господин начальник. Арестант – и без того существо бесправное. Оставьте, прошу, мне свободу выбора хоть в этом. Свободу распорядиться своей судьбой…

Ерофеев помолчал, вздохнул, и, наконец, энергично хлопнул ладонями по коленям, как бы ставя в разговоре точку. Поднялись с дивана начальник тюрьмы и арестант практически одновременно.

- Ну, что ж, - Ерофеев быстро пересек кабинет, вернулся за свой стол. -Прощайте, Ландсберг! Я по-прежнему убежден, что вы делаете ошибку – и тут я ничего поделать не могу. Страшную ошибку! Но… Храни вас Бог! Прощайте.

Дождавшись, когда любопытство арестантов по поводу неожиданного вызова арестанта к начальнику иссякнет, Ландсберг поймал взглядом Ахметку, мигнул майданщику, и они уединились, насколько это было возможно в набитой людьми камере.

Если хитрый татарин Ахметка и удивился вниманию со стороны Барина, то виду не подал. Сунув руки в рукава арестантского халата и чуть наклонив голову, он показал, что готов выслушать все, что ему скажут. Ландсберг изложил дело – желание старого полковника непременно попасть в этап на Сахалин и его опасения быть забракованным по возрасту. Не может ли он, Ахметка, помочь?

Ахметка опять же не высказал своего удивления, хотя про себя подумал, что старик определенно спятил. Сам Ахметка ни на какой

Сахалин, естественно, не собирался. С самого утра, когда знакомый надзиратель шепнул ему про подготовку этапа, он срочно принял меры к тому, чтобы доктор его забраковал. «Мастырка», сделанная им сразу же, была довольно болезненной, однако внезапно появившиеся язвы на ногах и груди выглядели совсем как настоящие, и часа через два – три должны были вполне натурально загноиться. Ахметка проделывал подобное не раз и не считал болезненные ощущения от накладывания на тело раскаленных медных пятаков, последующее сдирание пузырей и натирание ран растертым табаком чересчур дорогой платой за «откуп» от страшного Сахалина. Но вот чтобы человек сам просился туда?..

О причинах столь необычного желания Жилякова расспрашивать Ахметка не стал: раз Барин не объяснил, значит, и не скажет. Да и какое ему, Ахметке, дело? Он покачал головой:

- Трудный дело, Барин. Аскер ведь совсем старый, да? Сколько ему?

- Пятьдесят девять. Почти…

- Трудный дело, - повторил майданщик. – Дорого стоить будет старому аскеру. У него есть деньги?

- Сколько? – потребовал Ландсберг. – Только чтобы точно! Иначе… Ты ведь меня знаешь, Ахметка: обманешь – пополам сломаю!

- Не пугай, Барин! Ахметка старый, его много кто пугал, однако до сих пор живой Ахметка! И слово держать умеет: если возьмусь – уйдет старый аскер на Сахалин. Пятьдесят «желтяков» – такой мой цена!

- С ума сошел? Двадцать полуимпериалов! – отрезал Ландсберг.

- Мало! – покачал головой Ахметка. – Мне с писарем из канцелярии говорить надо – чтобы он в бумагах у старого аскера возраст подчистил. Писарь дешево не возьмет. Морда у старый аскер исправлять надо, морщины убирать, седой волос красить, лекарство покупать – чтобы глаза блестел и кожа розовый был. Мало! Ладно – пусть будет сорок «желтяков».

- Тридцать, и конец разговору! – Ландсберг вынул завернутый в тряпицу перстень полковника, развернул и подал Ахметке. – Смотри! Любой ювелир даст за эту вещь в десять раз дороже, даже самый

скупой. Так что сделаем так: я даю тебе перстень, а ты устраиваешь дело с полковником и возвращаешь мне двадцать полуимпериалов. «Желтяков» по-вашему. Идет?

Ахметка внимательно осмотрел перстень. На воле он, помимо всего прочего, промышлял скупкой краденого и немного разбирался в драгоценных камнях. Ландсберг явно ошибся: камень стоил еще дороже, чем он предполагал. Но Ахметка был тертый калач, и решил торговаться дальше.

- В тюрьма ювелира нет, Барин, сам знаешь. А Ахметка старый, темный человек. Откуда мне знать цену камня? Откуда я знай, что он настоящий? Давай перстень, баш на баш – и дело с концом!

Ландсберг решительно забрал изумруд и повернулся, чтобы уходить. Бросил через плечо:

- Не хочешь, дурак, нажиться – сам все сделаю! Думаешь, не смогу?

Ахметка был уверен, что Барин сможет. Он махнул рукой и предложил свою последнюю цену перстня: этап для полковника и 10 золотых полуимпериалов он возвращает. Поминая аллаха, он поклялся, что это последняя его уступка!

Ударили по рукам. Ахметка принялся тут же колотить в дверь, просясь к доктору, а Ландсберг, предусмотрительно оставив перстень у себя, поспешил порадовать старого полковника. Сам он, разумеется, рад не был. Считая затею Жилякова авантюрой, он серьезно сомневался в том, что тот выдержит и длительное морское путешествие, и полную тягот жизнь на каторжном острове.

Примерно через час Ахметка вернулся с лоханкой воды, склянкой с краской для волос и какими-то порошками. Шепнул Ландсбергу, что с писарем поговорить удалось. Тот согласился помочь, но требует очень уж много, упирая в немалый для себя риск за подчистку документов. Однако Ландсберг отрезал: уговор дороже денег!

Повздыхав, Ахметка принес из своего тайника бритву и ножницы, кликнул доверенного арестанта, знакомого с цирюльным делом. Пригласили самого Жилякова. Поругиваясь, старый полковник терпел и туповатые ножницы, и незаправленную бритву. Скоро его подстриженные волосы и усы приобрели темно-рыжий

цвет. Ахметка проинструктировал Жилякова насчет капель для глаз и порошка, который должен придать ему бодрости и живости. Снадобья было необходимо принять непосредственно перед врачебным освидетельствованием.

Все эти приготовления, разумеется, вынужденно делались на глазах у всей камеры. Замечены, разумеется, они были и Филькой, который вскоре подозвал к себе Ахметку и долго его выспрашивал. Впрочем, тема расспросов была понятной. Выждав время, Филька плюхнулся на нары рядом с Ландсбергом и без обиняков попросил показать «камушек». Карл усмехнулся, протянул ивану перстень. Сопя, тот долго вертел его перед глазами, наконец вернул и с показным равнодушием тихо поинтересовался, есть ли у Жилякова другие «побрякушки»?

- А тебе-то что за дело? – недобро прищурился Ландсберг, снова пряча перстень в тряпицу.

- Так, интересуюсь, - неопределенно ответил Филька и тут же перешел на другую тему. – Слышь, Барин, рисковое вы дело со стариком затеяли! Твой рыжий полковник выглядит сейчас как крашеный мерин, каких цыганы на ярмарках за молодых жеребчиков выдают.

- А тебе-то что за печаль? – снова поинтересовался Ландсберг.

- Мое дело сторона, - согласился Филька. – Да ведь только дохтур-то, который нас осматривать будет, в нашей пересылке часто бывает. Может и припомнить, что раньше-то старику по документам больше годков было. Заметит подчистку – знаю про писаря я, Барин, знаю! - и сгорит вся ваша затея синим пламенем! Не опасаешься, Барин?

- Филька, ты что задумал? Говори, не тяни душу!

- Когда дохтур дедку твоему осмотр станет производить, да в бумаги таращиться, его отвлечь бы маленько надо! – Филька понизил голос. – Бузу поднять в нужный час! А, может, спереть у дохтура какую-нито склянку или железку блестящую, кою он в пасть людям пихает. Глядишь, тут и проскочит твой дедок. Что скажешь, Барин?

- Дело говоришь, Филька! – Ландсбергу с трудом давалось просторечие и обычные тюремные обороты речи, но иначе здесь было просто нельзя. – Полагаю, в долю войти желаешь?

- Вот я и толкую тебе – есть у дедка другие «побрякушки» ?

- Драгоценностей у него больше нет, - покачал головой Ландсберг. – Да если бы и были – многовато было б для небольшой бузы. Не сам же, поди, цирк у доктора на осмотре ломать собрался? Заставишь ведь кого-нибудь. Ту же «шпанку»… Ты, Филька, с Ахметки свою долю за это дело стребуй. Очень дешево он перстень оценил, много ему будет, полагаю. А придумал ты хорошо, Филька! – через силу похвалил ивана Ландсберг. – Голова у тебя работает, вижу!

- Что к Ахметке попало, то пропало. С него не стрясешь. Давай так, Барин: ты мне пять «желтяков» из того, что тебе Ахметка вернет, отсыплешь – и будет тебе такой цирк на осмотре, что любо-дорого! Опять-таки: обыскивать же всех будут перед отправкой! Найдут у старика либо у тебя золото – и вовсе отберут. Вы ж в варнацком ремесле люди новые, вам учиться да учиться… Ну, как, по рукам?

- Деньги не мои. Спрошу у господина полковника. Согласится – значит, и ты в доле будешь. Но – эта, как ее… буза? – должна быть что надо!

- Будь спокоен, Барин! Я за свои слова отвечаю!

Избавившись от Фильки, Ландсберг еще раз обдумал предложение матерого бандита, и пришел к выводу, что надо соглашаться. Только бы Филька поверил, что у Жилякова и впрямь больше ничего нет – иначе алчность бандита рано или поздно может выйти старику боком. Отдать Фильке пять золотых монет – тоже выход. Можно было бы и упереться – но за полгода, проведенные за решеткой, Ландсберг уже усвоил психологию иванов. Будучи весьма щепетильными в своих обязательствах перед каторжной элитой, иваны ни во что не ставили не только бесправную «шпанку», но и случайных в тюрьме людей. Вроде него, Ландсберга. Донести на людей не своего круга, случайных в тюрьме людей грехом не считалось. И с Фильки вполне бы сталось: начни с ним торговаться – возьмет и шепнет конвою о золоте старика…Нет, он решил правильно!

К наступлению сумерек пересыльная тюрьма обезлюдела. Камеры опустели. Тюремщики и конвойная команда в широком

коридоре обыскивали последних арестантов, которые прямо от стола писаря попадали в руки уже изрядно уставших кузнецов. Отчаянно матерясь, очередной этапник садился на пол, пододвигая ноги как можно ближе к переносной наковальне. Впрочем, сопротивления никто не оказывал. Арестанты понимали, что тяжелый молот лупит по наковальне возле самой ноги. Дернись нечаянно, либо у уставшего кузнеца рука дрогнет – и пойдешь с раздробленной ногой в инвалидную команду. А то и под пилу «дохтуров».

Закованных попарно арестантов с котомками и мешками выгоняли во двор, уже оцепленный солдатами конвойной команды. Там каторжники, пользуясь последними минутами относительной свободы, собирались в кучки, парами бродили под неумолчный звон цепей, угрюмо молчали или показушно веселились – дожидаясь команды становиться «на прут».

Ландсберг проходил обыск и заковку одним из последних, убедившись в том, что с полковником все в порядке. Медицинский осмотр, довольно поверхностный, прошел для Жилякова удачно. Городской доктор, глянув на бодрящегося рыжеволосого старичка, слегка нахмурился и взял в руки его статейный список. Однако отвлекающий маневр науськанных Филькой глотов сыграл свою роль. В кучке арестантов, дожидающихся осмотра, внезапно вспыхнула драка. Клубок тел покатился прямо под ноги доктору – тот испуганно отскочил к стене. Солдаты и надзиратели бросились разнимать дерущихся, и в этот момент доктор заметил арестанта, который, воспользовавшись суматохой, схватил какую-то склянку со стола и попытался укрыться с ней в толпе…

Впрочем, через несколько минут порядок был восстановлен, надзиратели вернули докторову склянку.

- Дурачье! – покачал тот головой. – Это же йодоформ, его нельзя пить!

С опаской поглядывая на драчунов, доктор быстро подписал бумаги Жилякова и позвал к столу следующего.

Ландсберг, как и прочие арестанты благородного происхождения, по тюремному уложению был от сковывания попарно освобожден. Не сковывали «благородным» и ног, ограничиваясь ручными кандалами. Обыска он тоже практически избежал: когда

конвойный офицер потребовал у него пожитки для осмотра, старший надзиратель что-то вполголоса ему сказал. Помяв руками котомку Ландсберга и даже не заглянув внутрь, офицер махнул рукой: проходи! Скрывая облегченный вздох, Ландсберг торопливо вышел в тюремный двор, жадно вдыхая свежий воздух и разыскивая Жилякова.

Однако разыскать старика оказалось непросто. Темноту двора едва освещали с десяток факелов в руках солдат, да фонари тюремщиков. Ландсберг постоял немного, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте, и пошел искать знакомую фигуру: Жилякова тоже сковали без пары.

Однако полковника нигде не было видно. Время шло, и Ландсберг начал тревожиться: куда мог подеваться Жиляков? Он несколько раз громко окликнул его, но ответа не получил. Вдруг кто-то тронул Ландсберга за плечо, и он резко обернулся.

- Барин, твоего дедка Филькины дружки за поленницей «ощипывают»! – шепнула какая-то плохо различимая в темноте фигура. Напарник фигуры тут же дернул цепь к себе, уволакивая «разговорчивого» приятеля подальше от греха.

Ландсберг бросился к огромной поленнице, сложенной на обширном тюремном плацу из предосторожности не у забора, как водится обычно, а посреди двора. Навстречу ему из темноты выплыли под звон кандалов две фигуры – явные филькины «стремщики».

- Ты, что ли, Барин? Не ходи туда, не велено! – попытались остановить Ландсберга глоты.

Ни слова не говоря, он наклонился, схватил цепь, сковывающую ноги «стремщиков», и изо всех сил рванул ее вверх. Кувыркнувшись в воздухе, те брякнулись о землю – и Ландсберг, перепрыгнув через них, рванулся дальше, отметив мимоходом про себя, что этот угол двора тюремщики почему-то не охраняли.

Старик лежал за поленницей – полураздетый и неподвижный. Возле него копошились две пары арестантов. Сюда едва достигали отблески света от фонарей и факелов, но по фасонисто подвернутым и заткнутым за пояс полам халата Ландсберг тут же узнал в одной из фигур Фильку. Услыхав позади шум, тот обернулся,

в руке что-то остро и хищно блеснуло.

- Филька, я же тебе сказал – у старика больше ничего нет! – Ландсберг остановился, оценивая обстановку. – Оставь старика, слышишь?!

Такого не мог стерпеть ни один иван – особенно, прилюдно. Взъярился и Филька. Выругавшись, он торопливо отстегнул браслет, стянутый ландсберговской лже-заклепкой, и сделал шаг навстречу.

- Ну, Барин, конец тебе! – прошипел Филька, перебрасывая из руки в руку железнодорожный «костыль». – Долго тебя терпел, нахальство твое! Молись, охфицерик!

Освобожденный напарник Фильки стал заходить сбоку. Двинулась на Ландсберга и вторая пара.

Ландсберг сделал шаг назад, быстро глянул по сторонам: рядом больше никого не было. Ну, что ж, спасибо и на этом! Одно плохо: старику, похоже, сильно досталось. Но, чтобы спасти эту жизнь, прежде надо было спасать свою.

- Филька, стой где стоишь! – прикрикнул Ландсберг. И уже тише, но с металлом в голосе добавил. – Себя пожалей, убью ведь! Предлагаю перемирие. А если старик жив – обещаю, и ты жить останешься!

Филька на мгновение приостановился, оценивая услышанное, но потом снова двинулся вперед.

- Ты кому грозишь, сука?! –заорал он в голос. – Мне, ивану?! А ну-ка, лови «гвоздик»!

К броску «костыля» Ландсберг был готов: мгновение назад он, словно оступившись, ухватился одной рукой за тяжеленное полено в крайнем ряду. Уловив взмах руки Фильки, рывком выдернул саженный кусок ствола и заслонил им голову и грудь. Тотчас он почувствовал удар – тяжелый «костыль» вонзился в полено. А у Фильки в руках уже блестела вторая «заточка», заботливо поданная прихвостнем.

Дальнейшее произошло мгновенно. Миг – и тяжелое полено сбило на землю скованных ножными кандалами филькиных подельников. Они еще только падали, когда Ландсберг прыгнул вперед, к Фильке, и принял на цепь своих ручных кандалов удар «заточки». Молниеносно обмотав цепью филькину руку с

«костылем», Ландсберг опрокинулся на спину, приняв на согнутые ноги повалившегося было на него ивана. Ноги Ландсберга тут же разогнулись, и Филька тяжело перелетел через него, грохнулся спиной оземь.

Четвертый бандит, свистя в воздухе намотанной на кулак цепью, чуть промедлил, опасаясь задеть своим страшным оружием главаря. И это спасло Ландсберга. Лежа на спине и распутывая свою цепь, обмотанную вокруг филькиной руки, он словно по наитию крикнул:

- Стрёма! Солдаты!

Каторжник невольно обернулся, а когда тут же, никого не увидев, снова нацелился тяжелым браслетом в голову противника, в лицо ему полетел выхваченный Ландсбергом из филькиной руки «костыль». Времени перехватить «заточку» поудобнее для броска у бывшего офицера просто не было, но фунт железа, с маху ударив человека в лицо плашмя, заставил того вскрикнуть и повалиться на землю.

Далее можно уже было не спешить, но Ландсберга захватила волна ярости. Уже вскочив на ноги, поленом он нанес четвертому бандиту страшный удар по голове сбоку. Хрустнули кости.

Обернувшись к Фильке, Ландсберг размозжил голову и ему. Сделал шаг к оставшейся паре бандитов, которые, подвывая, пытались отползти подальше.

- Барин, прости! Не тронь, Барин!

Словно не слыша, Ландсберг сделал шаг вперед, замахнулся. И только в последний момент, когда бревно уже летело вниз, немного изменил траекторию удара. Хватит смертей! Хруст перебитой ноги и вопль одного из бандитов прозвучал практически одновременно. Будет с них и этого! Еще взмах, снова хруст и вопль…

Тяжело дыша, Ландсберг бросил полено и упал на колени рядом с Жиляковым. Приник ухом к его груди – слава Богу, сердце старого полковника билось! Бандиты только слегка придушили жертву, торопясь ее обыскать и найти драгоценности, которых не было…

Ландсберг подхватил легкое тело Жилякова на руки, понес было к зданию тюрьмы – но остановился: шум побоища и вопли уже привлекли внимание караульных. Сюда бежали, топая сапогами и

размахивая факелами, солдаты и надзиратели.

Ландсберг бережно уложил тело на землю, поближе к забору и бегом вернулся к поленнице. Саженным поленьям мешали раскатиться вбитые либо вкопанные в землю еще с осени колья. Схватившись за один из них, Ландсберг рванул. Кол дрогнул, поленница надсадно заскрипела, но устояла. А отсветы факелов был уже совсем близко. Тогда Ландсберг снова обхватил руками окаменевшую на морозе лесину, и, чувствуя как от напряжения что-то хрустит в спине, рванул снова – что было сил. В глазах потемнело, но кол оказался у него в руках. Однако проклятая поленница не рассыпалась - только скрипнула и лишь чуть сдвинулась. Ничего не поделаешь – Ландсберг повернулся и почти на ощупь побрел к телу Жилякова.

- А ну стой! – заорал выскочивший из темноты солдат, тыча во все стороны факелом.

Второй, набежав следов, клацнул затвором ружья и тоже рявкнул:

- Стой, тебе говорят! Счас стрельну!

И в это мгновение поленница, в последний раз натужно заскрипев, поползла вниз – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Подхватив с земли один из обрубков, Ландсберг упер его концом в землю, пытаясь заслонить себя и Жилякова от случайного бревна. Солдаты шарахнулись назад, бросив факел на землю.

В неверном свете Ландсберг видел, что в основном смертоносная многопудовая масса хлынула мимо лежащих, чуть в стороне Фильки и его подручников. Однако несколько поленьев прошлись и по ним. Ландсберг же почувствовал лишь два удара по своей опоре – и устоял.

Когда грохот стих, и только снежная пыль еще висела в воздухе, Ландсберг снова подхватил Жилякова и, перешагивая через поленья, понес его к распахнутой двери тюрьмы. Каторжники, многие из которых знали или догадывались о том, зачем Филька увел старого полковника в темный угол двора, молча расступались перед ним.

Зайдя в коридор, Ландсберг плечом оттолкнул солдата, пытавшегося заступить ему дорогу и бережно положил Жилякова на

скамью. Солдат что-то кричал, грозил ружьем, а Ландсберг, не обращая на оружие внимания, в упор посмотрел на него и тихо сказал:

- Доктора позови. Жива-а!

И солдат, попятившийся под взглядом арестанта, послушно убежал.

Тем временем тишина во дворе сменилась гвалтом голосов. Начальник караульной команды громко приказывал всем арестантам попарно строиться под прицелом ощетинившихся штыками солдат. Часть караульной команды была тут же отправлена на разбор завала – полагали, что под бревнами мог кто-то остаться.

Пришел доктор. При его появлении Ландсберг встал, сдернул арестантскую шапку и вежливо попросил:

- Доктор, посмотрите, пожалуйста, что с моим другом?

Со двора доносились крики. Начальник тюрьмы едва не рвал на себе волосы.

- Через три часа у меня погрузка этапа! Что это? Бунт?! Что? Извольте немедленно разобраться и доложить! Кто зачинщик?

Потом раскаты и переливы начальственного голоса стали отдаляться – Ерофеев, отобрав у кого-то фонарь, сам отправился на место драки.

Доктор, с опаской поглядывая на Ландсберга, наконец разогнулся:

- Со старичком все в порядке. Небольшая гематома на теменной части головы и кратковременная потеря сознания, - он помолчал. – И у меня такое впечатление, что кто-то старался его задушить – на шее следы пальцев. А что с то… с вами? – запнулся он, не осмелившись почему-то «тыкать» этому арестанту.

- Со мной? – удивился Ландсберг, поднял и осмотрел свои руки, одежду – и понял испуг доктора. Он был весь забрызган кровью – Не знаю, господин доктор. Возможно, когда я вытаскивал друга из завала, у меня от напряжения пошла носом кровь…

Осмелевший доктор поднес к лицу Ландсберга сильный фонарь и уже внимательно осмотрел его одежду. Потом, отступивши на всякий случай подальше, он хмыкнул:

- Носом кровь? А откуда у вас, позвольте спросить, выскочили

кусочки мозгового вещества, господин арестант?

Ландсберг знал точный ответ на этот вопрос, но счел за лучшее промолчать. Тем временем солдаты затащили в коридор пару скованных арестантов – у обоих были перебиты ноги. При виде Ландсберга арестанты завыли в голос, пытаясь отползти от него как можно дальше.

Потом занесли еще одну пару – тех «стремщиков», которых Ландсберг вывел из строя первыми. Они были целы и только очумело ворочали головами. Ощупав их, доктор дал им понюхать нашатыря. Окончательно придя в себя, эта парочка тоже пришла в ужас при виде Ландсберга. И точно таким же образом, мешая друг другу, каторжники попытались отползти от него подальше.

Доктор, с опаской и любопытством поглядывая на это, чуть дрожащими руками достал из аптечки бутыль, на этикетке которой были изображены череп с костями, налил стаканчик и с удовольствием выпил.

- Однако у вас тут, господа, скучать не приходится! - заметил он и повернулся к топтавшемуся рядом надзирателю. – Все? Больше раненых нет?

- Двоих не стали и заносить сюда, ваш-бродь! Мертвяки! У одного, прости господи, головешка прямо в лепешку, - он перекрестился. – Как будто под паровой молот попала.

- Ясно! – доктор многозначительно посмотрел на Ландсберга. – Этих двоих, с перебитыми ногами, надо расковать. Я забираю их с собой – здесь, в тюрьме, нет никаких условий для ампутации. Гм… Значит, вы и есть тот самый Ландсберг?

Бывший офицер молча поклонился.

- Двое убитых, двое покалеченных. Да еще эта парочка с явным сотрясением мозга, - подвел итог доктор. – За что? Извините, конечно, за любопытство…

- Они напали на беспомощного старика, моего друга. И на меня потом…

- М-да… Впрочем, не мое дело, - отмахнулся доктор. – Слава Богу, это компетенция здешнего начальства. А с ним у вас, я слышал, - доктор подпустил в голос сарказм, – полное взаимопонимание. Так что, полагаю, неприятностей вам, Ландсберг, ждать не надобно. К

тому же покидаете наши пенаты сегодня…

- Разрешите идти на построение? – ровным голосом спросил Ландсберг.

- Идите, любезнейший! – махнул рукой доктор. – Насчет вашего пострадавшего друга не извольте беспокоиться, я распоряжусь отправить его в вокзал железной дороги на повозке с арестантским имуществом.

- Спасибо, господин доктор.

- Советовал бы вам, господин арестант, привести в порядок свою одежду. От носового, гм, кровотечения и прочего. Кроме того, - доктор усмехнулся. – Кроме того, мне кажется, что другие э… пациенты в вашем присутствии что-то нервничают.

Ландсберг не успел ответить – в коридор стремительно зашел Ерофеев.

- Подумать только – этакий скандал за три часа до отправки этапа! – все еще возмущался он. – Список этапируемых придется перебелять, насколько я понимаю… Господи, еще четверо… Пятеро! Ландсберг, Бога ради – что случилось? Ведь вы наверняка знаете?

- Извольте, господин начальник! Некто Филька, один из местных иванов, со своими подручными обманом увлек в темный угол двора моего друга, полковника Жилякова. Его оглушили, и, как утверждает доктор, пытались задушить. Случайно оказавшись рядом, я заступился за господина Жилякова и вынужден был обороняться, ибо злодеи напали и на меня. Потом кто-то из них задел поленницу, и она раскатилась, поранив нескольких негодяев.

- А Фильке падающее бревно весьма удачно размозжило голову, - с серьезным видом кивнул начальник. – И еще одному снесло полчерепа, м-да… Доктор, мне понадобится свидетельство о смерти. Идите в строй, Ландсберг!

- Обронил где-то в суматохе, господин начальник! Дозвольте поискать?

- Ох, Ландсберг, Ландсберг! Право, лучше бы вам все-таки передумать! А? Впрочем… Доктор, а этих пятерых вы забираете в больницу?

- Двоих – несомненно. Полагаю, обоим предстоит ампутация нижних конечностей. У другой парочки лишь сильные ушибы спины и

затылка. А вот этот господин в возрасте и с крашенными волосами – на ваше усмотрение, господин начальник! Знаете, если б я не видел его «статейного списка» – нипочем бы не поверил, что осужденному Жилякову всего 51 год. М-да, - доктор игриво поглядел на Ландсберга, однако, встретившись с ним глазами, тут же улыбаться перестал.

Махнув рукой, начальник торопливо отправился к себе, приказав срочно вызвать всех писарей.

За час до полуночи двойные, окованные железом ворота Псковской пересыльной тюрьмы широко распахнулись. Две шеренги арестантов ждали последнего слова начальника.

Спустившись по парадной лестнице, Ерофеев встал в воротах, снял по традиции фуражку и громко крикнул:

- Прощайте, ребята! Бог с вами!..

- Прощевайте и вы, господин начальник! Не поминайте лихом! – вразнобой откликнулись арестанты.

- Ну, двигай! Пшел вперед! – отозвались конвойные от каждой шеренги, и арестанты, брякая кандалами, попарно потянулись за ворота, за которыми гулял совсем не по-весеннему холодный порывистый ветер. Несмотря на начало апреля, снега на улицах еще было достаточно.

Первой вышла шеренга уголовных арестантов, за нею – политические. Их точно так же, как и уголовников, сковали попарно, а сквозь звенья общих для каждой пары кандалов, просунули длинную цепь.

Между уголовниками и политическими конвойные отвели места для нескольких арестантов благородного происхождения. Их, кроме Ландсберга и Жилякова, в тюрьме оказалось еще трое. Их попарно не сковали и «на прут» не поставили.

Ландсберг шел, бережно поддерживая под руку старого полковника. В другой руке он нес две котомки – свою и его. Жиляков, очнувшись, категорически отказался от места в телеге и пожелал идти рядом с товарищем.

Глава вторая.
Суэцкий канал

- Это черт знает что! - капитан Кази с раздражением опустил бинокль и тут же снова поднес его к глазам. - Сколько мы уже стоим здесь? Вахтенный!

- Четвертый час по судовому хронометру, ваш-бродь, - тут же отозвался вахтенный матрос. В его голосе тоже слышалось сдержанное негодование. - Извольте обратить внимание, ваш-бродь, два судна, которые подошли к якорной стоянке после нас, уже взяли на борт лоцманов. А тот английский клипер и не останавливался вовсе, так напрямки и почапал в канал. Без лоцмана!!

- Видел, братец, видел! - вздохнул капитан. - Что поделаешь - хозяева тут англичане! Наш российский флаг никогда особенно не

любили. А после турецкой кампании и вовсе носы задрали, черт побери!

"Нижний Новгород" лениво покачивался на якорной стоянке, отведенной для кораблей, ожидающих в очереди на проход. Сам вход в Суэцкий канал преграждали многочисленные сторожевые башни на небольших, искусственно насыпанных островках. С наступлением темноты и до самого утра между башнями огромные лебедки поднимали со дна цепи толщиной с торс человека. А днем вход сторожили многочисленные пушки.

- Кажись, плывет ктой-то, господин капитан! - вахтенный матрос, прищурившись, и без бинокля углядел движение у крайней башни. - Да, плывет! Но это не лоцманский катер, ваш-бродь! Помощник лоцманский! Поди, бакшиш просить будет, аспид!

- Вижу, голубчик! - Кази поймал, наконец, окулярами шлюпку, отчалившую от острова и явно направлявшуюся к "Нижнему". - Ни гроша не дам мерзавцу! - взъярился капитан. - Положенную пошлину и сбор за проход каналом - пожалуйста! И никаких бакшишей!

Кази помолчал, некоторое время неприязненно вглядываясь в шлюпку, и, уже остывая, добавил:

- Если бы сразу отрядили лоцмана - ну, тогда, черт с ними, дал бы, наверное... Обычай ежели у них такой... Но - ишь, негодяи, что делают! Сначала выдержали русский корабль на стоянке, радовались, что мы совсем тут сварились. А, напарившись, торговаться не будем! Вот вам! - и капитан скрутил в сторону шлюпки внушительный кукиш.

Не желая смотреть более на шлюпку, Кази перевел бинокль на бросающее неподалеку якорь судно под греческим флагом. В лучах заходящего солнца на "греке" сверкнула короткая вспышка света - оттуда тоже кто-то рассматривал русский корабль в бинокль или подзорную трубу.

Капитан Кази всегда отличался недюжим упрямством. Прервав пространные речи помощника лоцмана, объясняющего на приличном французском языке занятость своего начальства и большую загруженность судоходного канала, он категорично заявил:

- Милейший, мне здешние порядки хорошо известны! Передайте господину лоцману, что в намеренной задержке русского судна я

усматриваю явное неуважение к российскому флагу. И непременно сообщу об этом возмутительном происшествии русскому консулу в Порт-Саиде. Все, милейший! Не смею, как говорится, задерживать! Бумаги и сбор за проход канала я направил вашей администрации своевременно. Адью, милейший! - и повернувшись, ушел в свою каюту.

- Напрасно вы так, Сергей Ильич! - тут же сунулся в капитанскую каюту князь Шаховской. - Горбатого, говорят, могила исправит! Чего мы с ними тут будем спорить? Ну, берут взятки - и черт с ними! Кто ж не берет нынче на лапу? Хе-хе... Ну, хотите - я заплачу этому мерзавцу?

- И не думайте даже, ваше сиятельство! Выбросите из головы! Настоятельно вам рекомендую – не делайте этого! Тут дело принципа...

- Принципы, принципы! - вздохнул Шаховской, выглядывая в иллюминатор. - Этот проходимец, гляньте! - к "греку" от нас направился. Ей-Богу, это греческое корыто с парусами раньше нас пройдет! А мы со своими принципами тут до утра куковать станем... Ну, в самом деле, Сергей Ильич! Есть же суммы на непредвиденные расходы в вашей кассе! А если уж никак невозможно – давайте, действительно, я уплачу! И в Порт-Саиде, между прочим, тогда больше простоим, а? Я слышал, тут местные мадамы чудо как хороши и изобретательны. Берут за свои услуги совсем пустяки, а что выделывают, негодные! А, Сергей Ильич?

- Ваше сиятельство! - капитан смерил князя недобрым взглядом. - Не заставляйте меня напоминать вам, что капитан на судне пока я! И решения здесь принимаю тоже я!

- Молчу, уже молчу, Сергей Ильич! - поднял обе руки Шаховской. - Может, вы и правы. Хотя... Впрочем, не буду. К ужину вас ждать, Сергей Ильич?

- Ужинайте сегодня без меня, господа. Извините - не то настроение, ваше сиятельство!

Когда за Шаховским закрылась дверь, Кази тут же схватил бинокль и стал наблюдать за шлюпкой помощником главного лоцмана. С греческим капитаном сей вымогатель договорился, по всей вероятности, практически мгновенно: шхуна вскоре стала с

грохотом выбирать якорь. Фыркнув от злости, Кази упрятал бинокль в футляр, вынул из шкафчика бутылку рома и две стопки.

Это было давней привычкой, данью безысходности и верности честному слову одновременно. Жена капитана Кази, будучи еще невестой, серьезно опасалась, что будущий муж, как и многие моряки, может рано или поздно увлечься спиртным в дальних морских походах. И поставила условием своего "да" то, что Серж не будет злоупотреблять крепкими спиртными напитками. Подумав, жених дал слово: он будет доставать бутылку только раз в день. И наливать тоже один раз. Слово свое он держал - даже в одиночестве. То, что стопок было всегда две, слову не противоречило. А когда на душе было особо скверно, стопок оказывалось и три – но не более. Наливал-то их капитан за один раз!

Убрав бутылку и стопки в шкафчик, капитан захватил с тарелочки несколько орехов, а с полки рядом - первую попавшуюся книгу. Чтение всегда отвлекало капитана Кази от текущих неприятностей.

* * *

Капитан Кази не ошибся, заметив на соседнем греческом судне мгновенную вспышку света и предположив, что кто-то, в свою очередь, рассматривает "Нижний Новгород" через отполированные призмы бинокля. Он ошибался в другом: вовсе не хитрый и скуповатый шкипер-киприот по имени Тако отвалил пройдохе-помощнику лоцмана солидный бакшиш за внеочередной вход в канал. Заплатил единственный пассажир этого грузового судна, напросившийся в рейс в Константинопольском порту. Это было дополнительным условием шкипера, поначалу вовсе не собиравшегося брать на борт никаких пассажиров.

Жизнь в тюремном трюме, меж тем, шла своим неспешным чередом. Арестанты убивали время и скуку кто как мог – спали, глазели в раздраенные по случаю хорошей погоды иллюминаторы, переговаривались, чинили одежонку. Сразу в нескольких местах, занавесившись одеялами и тряпьем, неугомонные картежники азартно шлепали самодельными картами.

Некоторое разнообразие в монотонное тюремное бытие внес

охвативший многих арестантов со вчерашнего дня эпистолярный зуд. Опытные каторжане, не впервой отправляясь в далекие края, учили новичков жизни.

- Перво-наперво бабу тебе выписать на каторгу следовает, дядя! – со знанием дела вразумлял темных деревенских слушателей ушлый многоопытный «глот». – На каторге без них, бабов, совсем худо! И закон дозволяет – чего же тебе ишо надо? Да и то сказать – что твое семейство без хозяина в деревне делать-то станет? Одни надсмешки терпеть. Каждый пальцем тыкать станет – каторжанское, мол, племя! Одно и останется твое бабочке – сума да христорадничание по добрым людям.

- Оно так! – уныло соглашались деревенские мужики, вырванные злой волей или собственной глупостью из привычного крестьянского уклада. – Да что теперь поделать-то? Баба-то ладно, проживет как-нибудь, Бог даст. Вот детишков жалко, да…

- Вот я и говорю про то самое, - поддакивал глот. – Но ты не горюй, дядя! Хоть наш брат, каторжник, и лишенный правов, да не совсем! Скажи спасибо, дядя, что на остров Сахалин тебя определили, факт!

- За что ж спасибо? – уныло чесал в затылке дремучий собеседник. – В Сибири, конечно, тож не сахар, да все к дому поближе. А тут – остров какой-то, черте-где. Спасибо, скажешь тоже!

- И скажешь, дядя! – веселился «консультант». – Беспременно скажешь – потому как нашему брату на Сахалин дозволяется семейство выписывать! Глядишь – и увидишь скоро и бабу свою, и детишков!

- Что же – баба моя зарезать, не приведи Господи, кого должна, чтобы туды попасть?

- Ну, дядя, да ты совсем темный! – смеялся глот, хлопая себя по коленкам и приглашая повеселиться вместе с ним таких же знающих и опытных арестантов. – Ты меня слухай, я дело тебе советываю! Темнота! Остров, конечно, дикий, необжитый, людев там вольных, окромя тюремщиков, почитай и нету. А начальству землю эту надобно, хоть она и у черта на рогах, обживать. Кумекаешь? А как туды вольных людёв заманивать? Добром, известное дело, не поедут. Вот и выходит, что только через нашего брата, каторжника

заселение делать надобно! И получается, что всем хорошо – и начальству, и каторжникам, и ихним семействам – у кого есть, конечно!

- Да ты говори толком-то! Что вокруг да около ходишь! – начинал сердиться деревенский мужик.

- «Толком», «толком»! – передразнил собеседника исполненный собственной важности глот. – Толковые-то советы дорогого стоят, деревенщина! Али не слыхал?

- Слыхали, как же! Только не все, поди, толковые советы для нашего брата, мужика, годятся. Ты обскажи мне – как и что. И ежели к нашей пользе совет твой будет – сговоримся, чай!

- Ну, смотри! – глот погрозил мужику корявым грязным пальцем. – Свидетели – вот оне, слыхали твое обещание, ежели что. Гривенничек пожертвуешь, дядя? Ну, тады слушай! Сей же час писать тебе надобно письмо свой Дуньке – али Машке, как ее кличут-то? Так и так, мол, разлюбезная наша супруга, прошу и приказываю тебе, послушной и верной женке, обратиться к исправнику и по инстанциям к начальству разному, с покорнейшей просьбой о дозволении ехать вслед за мужем моим разлюбезным в каторгу, куда его, невинного, злые люди понапрасну законопатили. Желаем с ним, мол, соединиться ради детушек малых и обчего хозяйствования на новых землях. Полицейские власти твоё письмо по инстанциям направят, дойдет грамотка до тюремных властей, и получит супружница твоя дозволенье добровольно следовать за мужем в каторгу. И прогонные ей дадут, и все расходы по переезду твоей семействы оплатят. А как приедет она к тебе, голубка, тюремное начальство сей же час из тюрьмы тебя выпустит – закон такой! На домообзаводство получишь – и деньгами, и матерьялом, и семенами. Умным будешь – и скотину получишь в пользование – вот оно как! Что, нешто такой совет гривенника не стоит, дядя?

- Стоит-то, оно, может, и стоит – дык как Марфу мою с места-то стронешь? – недоверчиво улыбался деревенский. – Без мужика-то, без кормильца, в деревне ей не сахар, конечно. И виной моей все, кому не лень, бабу тычут, знаю! Дык все одно последнее бросать страшно! Избенка там у нас, огород есть, лужок для скотины мир выделил. А коровенку куды? Поросят, опять-таки? Рази бросишь все

это? Дитев-то кормить, подымать надо!

- Ну и дурень ты, дядя! Зачем же бросать-то? Пущай продает все на круг, на Сахалине копейка лишняя сгодится! А на острове, как женка твоя приедет, и впрямь на обзаведение дадут, по закону. Опять-таки - нешто тебе охота в тюрьме париться, с варнаками? То ли дело – своим домом жить, семействой!

- Оно так, конечно… А вдруг не дадут ничего?

- Вот дурень-то! – сердился глот. – Не веришь мне, у людёв спроси, которые эту самую каторгу вдоль и поперек прошли.

- «У людев»! – сомневался деревенский. – У кого спрашивать-то, где ты тут людёв-то видишь? Кажный обмануть только норовит. Самому увидеть надобно твой Сахалин, будь он неладен! Точно разузнать все, разнюхать…

- Ну и дурак! Время только потеряшь, сарай деревенский! На Сахалин два раза в год пароходы из России приходют. Вот мы, к примеру, весенним сплавом идем. А ишо осенний есть – и все! До следующего лета куковать надо. Письмо оттель, коли ты до Сахалина ждать собрался, к бабе твоей, в Расею, только зимой попадет, да и то не наверняка – летом, скорее, через год. Пока бабочка твоя хлопотать начнет, пока дозволение за мужем следовать получит – и на осенний сплав опоздает! Барахлишко-то ишо продать надобно, так? Вот и считай, куриная твоя башка – два годка дожидаться тебе бабенки с семействой надобно будет. Сладко ли?

- Так-то оно так, - отчаянно скреб затылок мужик. – Но все же не знаю прямо…

- Чего не знаешь, дура? Вот уж сарай и есть сарай, прости мя, Господи! Ему всей душой, а он рыло от счастьишка своего воротит! Ты о главном-то подумай! Закон, говорю, на твоей стороне здеся, но и казна-то тюремная не резиновая! Пока будешь думать – все мужики семействы свои повыписывают, всем на обзаведение денег в казне не хватит – вот и останешься ты с носом.

- Не знаю, добрый человек, что и делать. Самому бы, конечно, все увидеть да разузнать. Да и баба моя под гольные обещания нипочем не поедет, я ж ее знаю! Бабы – оне такие, нешто не знаешь? Пока в лавке опять же товар весь не перешшупает, на зуб не

попробует – в чулок за деньгой не полезет.

- Да ты слухай сюда, дядя! Я ж тебе не все обсказал! Слыхал, что завтра наш пароход в Порт-Саиде будет? И что конверты с бумагой да марками казенными всем желающим раздавать будут – чтобы письма писали кому требывается? Слыхал? Вот и отпиши Дуньке своей сейчас, а завтра письмо сдашь, и оно в Расею обратно поедет. Мы с тобой до Сахалина дочапать не успеем, а Дунька твоя уже над весточкой мужниной слезы лить будет! Соображаешь? И если ты ей как следовает, со строгостью все накажешь – глядишь, на нынешний осенний сплав семейства твоя и успеет.

- Дык как же писать-то, не доехавши до каторги?

- Дурак ты, ей Богу! Дурак недоделанный, дядя! Ну откель твоя бабенка прознает, что ты еще до места не доехал? Пиши – будто бы уже оттуда, с Сахалина.

- Рази ж я могу, не видевши, обсказывать?

- А зачем тебе видеть? Люди видели, они все доподлинно знают и аккурат напишут так, что комар носа не подточит! Полтинничком, конечно, поклонишься… Сам-то грамоте обучен?

- Кой там… Фамилию нашу по буквицам дьякон выучил подписывать – и слава Богу… Полтинник, говоришь? А не много ли? Энтих полтинников у меня не мешок, чай! Доехать в каторгу не успел, а уже везде совать приходится…

- Меньше грамотный человек и не возьмет! – авторитетно заявил глот, радуясь про себя еще одному околпаченному клиенту. С «писарем», специалистом по написанию подобных писем, у глота уже была давняя уговоренность. С каждого полтинника за письмо «писарь» возвращал уговорщику 30 копеек. Да гривенник тот брал себе с каждого «дяди-сарая». – Погоди-ка, я сей момент все устрою!

Глот сорвался со шконки и убежал, но вскоре вернулся, торжествующе потрясая измятой и захватанной четвертушкой бумаги с текстом «стандартного» письма домой.

- Вот, слушай! «Любезная супруга наша – ну, тут пропуск для имени твоей бабоньки оставлен… С низким поклоном и весточкой к вам пишет муж ваш, Богом вам данный. Извещаем вас, любезная наша супруга, что мы прибыли на Сахалин, слава Богу, благополучно. Клеймат здесь превосходный – ну, это погоды так ученым словом

умные люди называют… Так… Превосходный, значит… И земля тутошняя для произрастания всяких злаков как нельзя лучше. Чистый чернозем. Кажному арестанту, как только приедет к нему жонка, начальство выдает для домообзаводства сейчас же бесплатно: лошадей двух, корову одну, овец четыре и свиней тож, курей шесть, петуха, и уток шесть, с селезнем. Избу дают совсем готовую, телегу, соху, борону и протчее, что следывает для справного хозяйства. А посему, любезная супруга наша, сразу по получению моего письма распродавайте все, что имеется нами нажитого. За ценою не стойте, что люди дадут, то и слава Богу. И не откладывая делов в долгий ящик, отправляйтесь, любезная супруга наша, к начальству, заарестовывайтесь и едьте сюда, на Сахалин»… Ну, как тебе, дядя? – с гордостью поинтересовался глот.

- Важно прописано! – деревенский с уважением посмотрел на бумагу и даже поколупал неровные строки корявым пальцем.

- А я что говорю! Эт-та ещо не все, дядя! В конце надо обязательно добавить про твою судьбу, коли женка твоя не послушает мужа своего! Али жалости подпустить, али строгости. А еще двугривенный добавишь – в конце письма божий человек, из монахов, благословение свое добавит и крест приложить даже могёт!

- Какой божий человек? – захлопал глазами деревенский. – Поп, что ли, пароходный?

- Дура, у нас тут свои попы есть, каторжанские! – рассмеялся глот. – Согрешил где-нито в мирской жизни – а святости-то от этого не убавилось. Опять-таки – и копеечка лишняя божьему человеку не в тягость! А как ему еще заработать? Оченно помогает такое напутствие! Ну так что, дядя, будешь письмо-то отправлять? Тогда готовь денежки, деревня! А я пошел с писарем договариваться…

Ландсберг с вялым интересом прислушивался к этому разговору. Только что перед ним раскрылся еще один мрачноватый кусочек каторжной мозаики. Поверив в общем и целом в россказни глота, Ландсберг все же не мог отделаться от ощущения фальши, и недоговоренности явного прохвоста, принимавшего столь деятельное участие в судьбе недалекого и неискушенного каторжника-«первоходка», деревенского «дяди-сарая», как с презрением именовала таких арестантская шпанка.

«Дядя-сарай», тем временем, воспользовавшись отсутствием проныры-«глота», сопя, шарил в недрах своего тряпья, разыскивая заветный узелок с припрятанными деньгами. С опаской поглядывал по сторонам – как бы кто ловкий не заметил заветную «нычку» – тайник. Поймав взгляд Ландсберга, деревенский было нахмурился, попытался прикрыть узелок с мелочью, но скоро сообразил, что столь солидного арестанта из благородных бояться нечего. Улыбнулся искательно:

- Вот, Барин, семейству свою выписать люди присоветовали. Слыхал, небось?

- Слыхал, - кивнул Ландсберг. – Не специально, конечно, слушал – ты с этим прохвостом так громко говорил, что полтрюма в курсе твоих сердечных дел оказалось.

- Ага, я же на ухи тугой малость, - осклабился мужик, показывая для верности руками на уши, из которых росли клочья рыжеватых волос. – Ну, а раз слыхал – что думаешь, ваш-бродь, про энто самое дело? Стоящее али как?

- Ну, коли жену с детьми не страшно тебе к каторге приобщать, отчего ж? – неопределенно высказался Ландсберг.

- Э-х, Барин! Сразу видать, извиняй, конечно, что ты в нашей жизни деревенской совсем не петришь! Я вот мыслю, что бабенке моей с ребятенками в деревне нашей нынче похуже каторги будет. Душа изболелась, как подумаешь!

- Отчего ж похуже? – удивился Ландсберг.

- Да приходила баба моя в пересылку еще по осени, когда засудили меня. Порассказывала, сердешная, всю душу разбередила… Перво-наперво мир наш надела ее лишил – как неспособную, значить, землю обиходить. Порядки такие у нас – землю нарезают по числу взрослых мужиков-работников. А как меня заарестовали – так работника, выходит, и не стало. За семена, что я весной у лавочника в долг до осени брал, как водится у нас - всю живность со двора, почитай, свели – едва коровенку, да поросят баба слезами отбила да вымолила. Да… Куды ей теперь? Тока в работницы наниматься. А и не берут ведь ишо такую. Мною, «каторжанской мордой», всяк ее попречь норовит. Платят так, чтобы только с голоду ноги не протянула, а спину ломает цельный день.

Свой огородишко бурьяном зарос – некогда ей заниматься им, а дети малые совсем. Летом ягодами-грибами лесными, как звери дикие, кормились, а сейчас и подумать страшно об том, что едят… Канешно, я сам кругом виноват – да что теперь поделаешь? Головенку свою дурную разбил бы о стену, коли помогло бы… А ты говоришь – каторга страшна! Эх, Барин! Да если семейства моя на глазах будет на каторге этой самой – жилы вытяну, а прокормлю как-нито…

- Все так говорят, - встрял в разговор еще один мужичонка по-соседству. – Я-то был на каторге уже, зна-аю! Приедет к такому вахлаку бабенка с дитями – а он ее на «фарт» сей же час пустит.

- Это как так – на «фарт»? – замигал глазами деревенский.

- Оченно даже просто, как всякую бабу на каторге, - пожал плечами новый собеседник. – По рукам, тоись, пойдет, за копейку малую.

- Погоди, погоди-ка! – встревожился мужик. – Так что же, востроглазый этот врет, что ли, насчет закону и послабления тем, кто семейству на каторгу выписывает?

- Почему врет? Не врет. Да и говорит не все, однако! – собеседник с опаской поглядел по сторонам – не видать ли близко давешнего глота. – На каторге, первое дело, из артели тюремной выходить нельзя: кормят там. Дрянью, конечно, но кормят, ноги не протянешь, коли в карты не пристрастишься. Вот… А приедет к тебе семейства твоя – тебя сейчас из острога под зад коленом, с довольствия сымут. Нет, деньги какие-то дадут на домообзаводство, это верно! И семена там… Лесу дозволят заготовить на избу, тоже верно. Да только как ты энти бревна в одиночку из тайги приволокешь, ежели одно хорошее бревно вдесятером, само малое, ташшить требовается – да и то по зимнему времени, по снегу? Чем помощникам платить будешь? То-то и оно, что кормовые свои все и отдашь… Земли, правда, на Сахалине этом много свободной – дык ведь ее же еще обиходить надобно! Деревья повыкорчевать, распахать. А чем ты пахать-то будешь? Собой, али бабой своей? Лошадей рабочих, на моей памяти, никто никогда никому там не давал. Коровенку – могут дать, ежели смотрителю лапу хорошо помажешь. И – опять-таки: ежели на корове пахать станешь – молока от нее не жди! Да и глаз с нее не спустишь, потому как оченно много

желающих тую коровенку у тебя сожрать. Не звери дикие животину твою сомнут, так беглые варнаки сведут да зарежут. Сам видел – прямо из со двора, средь бела дня скотину уводили. А выскочишь, вступишься – тебе же башку и проломят. А то и избу сожгут, коли отобьешься. Медведей, опять же, на Сахалине этом – видимо невидимо, что сусликов в Расее. Ягод, грибов, конечно, тоже пропасть – да как в лес-то пойдешь, где одни медведи да лихие люди? Вот я и говорю, что на Сахалине бабу свою на «фарт» легче выпустить. Оно и спокойнее, и выгоднее.

- Как девок непотребных, что ли? – потемнел лицом мужик.

- Ага! – легко согласился собеседник. – Бабов-то этих на Сахалине совсем мало, особенно молодых да на рожу не страшных. Противно, конечно, грешно, прости Господи – да как иначе проживешь? Привыкает народишко, - вздохнул собеседник.

- Но… Но это же подло, гадко, безнравственно! – возмутился в свою очередь Ландсберг. – Как можно мать детей своих на панель посылать?! Какой скотиной надо быть, чтобы на этакое решиться?

- Эх, мил-человек, Сахалин этот тем и знаменит, что любого человека под свою мерку и обтесывает, и оскотинивает. Жить-то всем охота – скотине тоже, хоть о двух ногах, хоть о четырех, а жить надобно.

- Мерзости говоришь, любезный! – Ландсберг резко отвернулся, заканчивая разговор. Лег на свою шконку, закинул руки за голову. Разум его, помимо воли, примерял услышанное к себе. Значит, и Марии разрешили бы приехать к нему на каторгу, если другим разрешают?

Вспомнив о Марии, Ландсберг в бессильной ярости скрипнул зубами. К чему, зачем эти воспоминания? Только душу рвать… Да разве поедет за ним Мария? Из Петербурга да на край света… Может, и поехала бы, кабы не убийство… Нет, Мария, конечно, давным-давно вычеркнула из своей жизни гвардейского сапера прапорщикаКарла фон Ландсберга. Вычеркнула – да и думать забыла…

- Ум-му непостижимо! - князь Шаховской, наконец, оторвался от бинокля и с видимым сожалением вернул его капитану. - Второй день

мы плывем по этому творению рук человеческих! С трудом, знаете ли, господа, осознаешь, что это - искусственное сооружение! А ваши ощущения, господа?

"Нижний Новгород", убрав все паруса, одной машиной второй день шел Суэцким каналом. Минувшую ночь провели на станции, у длинного причала для ночевки судов, а с рассветом снова двинулись к Красному морю. По берегам канала медленно уплывали назад бесчисленные рощи, сады и целые плантации фруктовых деревьев. Слабый ветер был влажен и доносил до пассажиров парохода чарующие тропические ароматы. Но стоило ветру усилиться - и знойная пустыня давала о себе знать. Сушила губы, вызывала в горле жжение, порошила глаза микроскопической пылью.

Капитан Кази любезно передал бинокль по кругу столпившимся вокруг него пассажирам. Старший помощник капитана Стронский и все свободные от вахты офицеры тоже были здесь - со своими биноклями.

Кази откашлялся и счел своим долгом просветить тех, кто шел Суэцким каналом впервые.

- Да, господа, сей канал - чудо человеческой мысли и непостижимого труда! Его протяженность составляет ровно сто верст. И строили его десять лет, господа! В этих песках работало 25 тысяч землекопов - поначалу использовался труд заключенных, а потом, ближе к концу, условия для рабочих стали столь привлекательны, что из многих стран сюда потянулись добровольцы. Да-с...

- И во сколько же обошлось египтянам это чудо? – поинтересовался князь Шаховской.

- О, финансовая сторона строительства канала - не менее увлекательна! - усмехнулся Кази. - Идеей соединения Средиземного и Красного морей французы в свое время сумели заразить главу египетского правительства, Мохаммеда Саид-пашу. Оставался, как говорят в Одессе, "пустячок": деньги! Саид-паша более всего рассчитывал на английское золото: ведь канал сокращал путь между британской крупнейшей колонией, Индией и метрополией более чем на шесть тысяч морских миль! Но англичане не верили в то, что такое грандиозное сооружение во власти человека. Деньги, правда, они

дали - но под чудовищные проценты. И представьте себе, господа, что из 100 миллионов фунтов стерлингов, занятых правительством Египта у лондонских банкиров, непосредственно на строительство пошло только шестнадцать! Менее, чем пятая часть займа, господа!

- А остальное? – Шаховской, задавая этот вопрос, заранее понимающе покривил губы и украдкой оглядел пассажиров.

- Украдено, превратилось в комиссионные разным подрядчикам, пошло на выплату процентов... Акции раскупались с трудом, господа! Кстати, банкиры сумели пристроить пакет акций и в среде одесских богатеев. И если бы те через несколько лет не продали эти акции, Россия стала бы одной из совладельцев канала!

- А почему так случилось? Зачем было продавать?

- Англичане! - Кази поднялсокрушенно плечи. - Это, господа, всё происки англичан! Сначала они, как я уже упоминал, нипочем не желали ввязываться в предприятие, казавшееся им дорогостоящей авантюрой. И деньги в виде займов давали, господа, не веря в осуществление идеи строительства – так, потакали прихоти под более чем солидное обеспечение и проценты. А позже, когда поняли, что канал вскоре будет действительно прорыт и буквально озолотит тех, кто им будет владеть, начали свою игру. Проценты от займа банкиров уже не устраивали! Они начали постепенно и осторожно скупать акции и при этом одновременно играть на их понижение. Пошли слухи о бесперспективности затянувшейся стройки. Нашлись ученые, которые доказывали, что весь затеянный проект – зряшное дело из-за разницы в высоте над уровнем моря у начала и конца канала. Владельцы акций, в том числе и в России, запаниковали, начали их продавать - пока хоть что-нибудь можно выручить. Ну, вот так англичане и оказались у штурвала, так сказать.

- Мой брат был в числе приглашенных на торжество открытия, - кивнул князь Шаховской. - По его рассказам, это было нечто грандиозное! Со всего мира были приглашены 500 лучших поваров, тысячи лакеев обслуживали богатых и знатных гостей. Известному композитору, господину Джузеппе Верди из Италии была заказана опера, которая должна была прозвучать на торжестве открытия. Он, правда, не успел - "Аида" была сыграна, кажется, на первой годовщине со дня открытия Суэцкого канала.

- Совершенно верно, ваше сиятельство, - кивнул Кази. - Но и без оперы торжества были весьма помпезными. Кстати, англичане пригласили французскую императрицу Евгению - как бы в знак уважения нации, чьи инженеры осуществили сей грандиозный проект. Но все понимали, конечно, что это дипломатический щелчок по носу, господа! Англичане в очередной раз щелкнули Францию!

- Однако жара усиливается, господа! - князь Шаховской покрутил шеей в распухшем от зноя крахмальном воротничке. - И это весной, обратите внимание! Что же тут будет делаться через два-три месяца? Летом?

- Пекло адово, - согласился капитан. - Возблагодарите бога, господа, что мы все стоим тут, на свежем ветерке. А каково сейчас в трюмах? Там, где борта накалены солнцем, а палуба - жаром от работающей машины...

- Сергей Ильич, вы, кажется, изволите жалеть каторжников? - слегка поднял брови князь. – Там же воры и убийцы!

- Они тоже люди, - капитан в упор посмотрел на князя. - Они уже наказаны лишением свободы, впереди у них - долгие годы каторги на вашем "благословенном" острове. К чему желать им большего зла? Да, я не стыжусь признаться в том, что в настоящий момент мне их жалко! Именно поэтому я принял решение после Адена расковать этих несчастных.

Шаховской хотел было снова возразить, но передумал. Пожав плечами, он промолчал.

Однако тему тут же подхватил судовой доктор Иванов.

- Позволю себе не согласиться с вами, господин капитан! – поддержал он князя. – Я тоже, в некотором роде, разделяю идеи либерализма, но к каторжникам они, извините, совершенно неприменимы! Уж кому, как не мне это знать!

Доктор отработанным жестом снял с мясистого носа пенсне, без надобности протер стеклышки изящным платком и снова водворил пенсне на место.

- Вы, господин капитан, судя по всему, относитесь к числу ученых, но чрезвычайно близоруких в определенном смысле интеллигентов, - доктор хихикнул. – Жизнь вас, видно, баловала, Сергей Ильич! Уберегла, так сказать, от близкого знакомства с этим

сбродом. Не встречались с ними в темных переулках, да? Не обворовывали вас, не грабили-с!? Слава Богу, конечно! Иначе бы на них смотрели, уверен!

- А вы, доктор, встречались с кем-то в темных переулках? – насмешливо спросил Кази.

- Знаете, я ведь без револьвера на службу не ходил-с! – заявил Иванов. – И стрелять даже как-то пришлось, да-с! Впрочем, это дело житейское. А вот пообщались бы вы с ними, Сергей Ильич, как я! Насмотрелся, благодарю покорно! Я ведь последние годы по тюремному ведомству служил-с. И имею твердое, подтвержденное практикой убеждение: все сволочи! Мразь, которой неведомо ни почитание властей и законов, ни элементарная благодарность... Хитрецы, симулянты, поганцы без стыда и чести – вот кого вы расковывать собираетесь, Сергей Ильич! Пока вольными соколами летали – все, мерзавцы, здоровы были! А как попались, как тюрьмы нюхнули – откуда что и взялось! Болезней себе навыдумывают сразу – лишь бы в лазарет попасть! Пайку лишнюю получить-с... Ну, я их быстро на чистую воду выводить умею, - похвастал доктор. – У меня разговор короток: раз-два, и в карцер, на хлеб и воду! Посидит субчик пару дней – и про болезни свои забывает-с!

- Да, что-то такое я про вас слыхал! – с той же брезгливой насмешкой кивнул капитан.

- От кого же, смею спросить? – сразу ощетинился доктор. – Впрочем, догадаться нетрудно: наслушались, поди, в Одессе этого местного отставного докторишки из евреев? Не так ли? И совершенно напрасно, господин капитан! Откуда ему про меня что-то знать, ежели вместе, слава Богу, не служили-с? Известное дело, от арестантов, с которым этот Еврей Евреич якшался как с родными. А уж они порасскажут!

- А чего это вы, доктор, так разволновались? – усмехнулся капитан.

- И вовсе нет! – запротестовал доктор. – Обидно просто, знаете ли, когда такой интеллигентный человек начинает всяких жидов слушать. Обидно и непонятно-с...

- Ну, вот что, любезный господин доктор! – прервал словоизлияния Иванова капитан. – Попрошу вас в дальнейшем

держать свои великодержавные измышления и оценки при себе! Неприятно просто, да и непонятно, выражаясь вашими же словами! Доктор, служитель Гиппократа – и с такой неприязнью отзываетесь о своем коллеге. Чем он вам дорогу перешел со своим происхождением? Прекрасный человек, знающий доктор, опытный... И вообще – не желаю больше на эту тему разговаривать, уж простите!

- Как угодно, как угодно! – пробормотал Иванов и подчеркнуто вежливо поклонившись, отвернулся в сторону.

Капитан нервно покрутил шеей, бросил в спину доктора сердитый взгляд и вновь принялся отвечать на вопросы пассажиров.

Между тем температура воздуха в тюремных трюмах действительно повышалась с каждым часом. Иллюминаторы по случаю тихой погоды были раздраены, но движение воздуха было еле заметным и ничуть не освежало. Многие арестанты давно сбросили с себя всю одежду и пребывали в чем мать родила. Испарения давно не мытых тел делали атмосферу в трюме еще более тяжелой.

Заветные места у немногочисленных иллюминаторов брались с боем и руганью - прослышав от часовых о том, что "Нижний Новгород" плывет по рукотворному каналу, каторжники жадно пялились на уплывающие назад берега с диковинного вида деревьями, громко обменивались впечатлениями.

Ландсберг с тревогой и состраданием глядел на полковника Жилякова: старик продолжал стремительно сдавать. Он практически перестал вставать, почти не ел, часто просил пить, надолго впадал в тяжелое забытье. Ландсберг то и дело смачивал водой нижнюю рубашку Жилякова; в жарком воздухе мокрая ткань, принося минутное облегчение, быстро высыхала.

Опыт туркестанских походов и молодость помогали Карлу Ландсбергу переносить жару гораздо легче, чем остальным. Он старался поменьше двигаться, в отличие от других арестантов пореже подходил к питьевому бачку. По его просьбе караульный матрос Яков Терещенко принес в трюм выпрошенную у кока небольшую склянку с уксусом, и Ландсберг добавлял по несколько

капель в питье себе и Жилякову. Подкисленная вода лучше утоляла жажду - это люди пустыни знали еще много веков назад.

Свое давнее знакомство с караульным матросом Ландсберг старался никоим образом не афишировать, ибо вполне допускал, что среди арестантов вполне могут оказаться фискалы, готовые за малую подачку сообщить об этой дружбе корабельному начальству. Тогда на Терещенко обратят серьезное внимание, могут допросить, попугать, а то и выведать про несколько золотых монет, отданных Ландсбергом на сохранение матросу. Сам он ничуть не дорожил этими деньгами, не считая их своими. Однако ответственность перед Жиляковым щепетильный Ландсберг остро сознавал.

Попросив же у матроса уксуса, Ландсберг, по сути дела, ничем не рисковал. Караульные матросы, не будучи профессиональными тюремщиками, в большинстве своем к арестантам относились с жалостью и состраданием, охотно выполняли их мелкие просьбы, без волокиты передавали судовому доктору жалобы на нездоровье, втихомолку снабжали арестантов табаком, спичками, а иной раз и картами фабричного изготовления.

Каждый раз, заступая на караульную вахту, Терещенко почтительно окликал Ландсберга, неизменно осведомлялся о здоровье, выражал готовность услужить чем может. Ландсберг же старался держать себя с бывшим однополчанином сухо-официально – главным образом, боясь того подвести.

Терещенко же, за годы службы так и не растерявший былой деревенской наивности, немало дивился холодности и отчуждению бывшего однополчанина, который ранее не кичился ни дворянством, ни баронским титулом, ни офицерским чином. И, подозревая виной в этой холодности непонятную ему гордость, даже обижался.

Увидев, что Жиляков снова впал в дрему, Ландсберг осторожно сменил ему мокрую примочку на лбу и, чтобы немного размяться, занялся приседаниями и упражнениями для дыхания.

Арестанты, поначалу втихомолку посмеивавшиеся над причудами Барина, давно уже к этим упражнениям привыкли и больше не смеялись. Не осмеливаясь мешать разговорам Барина со стариком, многие из них с нетерпением ждали возможности повыспросить у бывшего офицера, человека ученого, то, до чего не

могли дойти их умы, образованием не отягощенные.

- Барин, слышь! А верно брешут люди, что мы второй день плывем не по море-океану, а по каналу?

- Верно, - усмехнулся Ландсберг, не прерывая приседаний. - А ты сам, любезный, разве не замечаешь отсутствия качки? Берегов разве не видишь?

- Мало ли! - арестант пожал плечами и яростно поскреб под мышками. Он был абсолютно гол - не считая кандалов да густой растительности по всему телу. - Вдруг около самого по-над берегом плывем, вот и не качает...

Ландсберг опустил глаза и больно закусил губу, стараясь не рассмеяться - настолько вид чешущегося голого и волосатого арестанта напомнил ему обезьяну из зоологического сада.

- А еще брешут, будто канал этот не Всевышним создан, а людьми выкопан, - не отставал арестант. - Ну, то чистая брехня, понятно!

- И это не вранье, любезный! - перебил его Ландсберг. - Действительно, Суэцкий канал создан людьми и существует чуть больше десяти лет, с 1869 года.

Каторжник переглянулся с товарищами и настороженно вгляделся в лицо Ландсберга - не смеется ли тот над ним? Вроде не смеется...

- И мне не верится! - поддержал обезьяноподобного арестанта другой. - Помню, мы в деревне всем миром мельничную запруду копали. От снега до снега по 40 - 60 душ лопатами махали от зари до зари. А ямка-то получилась - тьфу, смех один! А энта? Энто ж река цельная! Ты погляди - берега еле видать.

Ландсберг закончил упражнения, вытер лицо, шею и грудь мокрой рубашкой, присел на нары.

- Сорок - шестьдесят душ, говоришь? Ну, а здесь поболее народу работало. Да не одно лето, а десять годков. Если не ошибаюсь, в газетах называли цифру в двадцать пять тысяч рабочих-землекопов. Да и техника тоже была задействована.

- Все одно - не верится! - покачал головой первый арестант. - Вот смотри, Барин: тут же песок, верно? Ты мальчишкой не копался в песке, Барин? Нешто не замечал - роешь, роешь что-нибудь, а на

другой день дождь пошел, ветер подул - и нету твоей работы! Как и не было будто...

- Это верно, песок - проклятье здешних мест, - согласился Ландсберг. - Но ты пойми, что канал-то не мальчишки строили! Не только рыли - но и одновременно укрепляли берега. Я ведь сапер, знаю - как это делается. В Туркестане, после усмирения диких орд, наша саперная рота оросительный канал в Голодной степи копала. Не чета этому, конечно - но принцип-то один! Впрочем, и здесь людям природа немного подсобила: канал прошел по нескольким озерам. Да и старое русло кое-где сохранилось, от прежних каналов.

- От каких-таких прежних? - раскрыл рот каторжник.

- От таких, что нынешний Суэцкий канал, любезнейший, это, по сути, четвертая попытка человечества поспорить с природой. Первый канал здесь люди пытались прорыть еще за 500 лет до рождения Христа. Слыхал про фараонов, борода? Да не про тех, коими полицейских кличут, а про настоящих, древних царей этой земли?

- Откуда нам, мы люди темные! - вздохнул арестант и снова яростно почесался. - Расскажи, Барин! Сделай обчеству уважение - все время быстрее пойдет, да и о жаре забудешь. А, Барин?

- Изволь, любезный! - пожал плечами Ландсберг. - Слушай: было это давным-давно, задолго до рождения Христа, когда на месте России были чащобы лесные и непролазные болота, а предки наши не знали огня и сами были звероподобными ордами. Здесь же уже в те давние времена вовсю царствовал человек. Древние египтяне знали науки, изобрели колесо, занимались земледелием и строили каменные пирамиды в сотни саженей высотой. Пирамиды эти до сих пор удивляют весь мир, ибо даже нынче, с развитием цивилизации, человек такое повторить не может. И вот в VI веке до нашей эры египетский царь Нехо повелел прорыть канал, рассекающий пустыню надвое и соединяющий два моря. Согнали сюда 120 тысяч рабов с деревянными лопатами да корзинами - и начали рыть. Налетит песчаная буря - и засыплет все, а они снова роют. Тысячами гибли от болезней, от жажды, от солнца. Единственная ошибка у древних была - узким задуман был канал. Да... Потом Нехо умер, а его наследник, следующий царь, работы приказал бросить. Недорытый

канал скоро пустыня бесследно поглотила, только письменные свидетельства и остались. Много позже, уже за 500 лет до рождества Христова, могучий царь персов Дарий решил остаться в памяти потомков Великим Строителем Великого Канала. Тоже много тысяч рабов погубил в этих песках, а сделано было еще меньше, чем предками. Венецианские дожи - ну, правители, значит - тоже пытались здесь сократить морской путь в Индию. У французского короля Людовика Четырнадцатого были планы строительства канала, а позже и у Наполеона.

- И Наполеошка тута пробовал мир удивить? - развеселился арестант. - Ну, куды ему - с Россией-матушкой справиться не мог, а все туда же...

- И в нынешний проект мало кто верил, - продолжал Ландсберг. - Долгое время считалось, что из-за разницы в уровне высот строительство канала здесь невозможно. Но, как видишь, построили.

- А как же его песком бури не засыпают? - все еще сомневался обезьяноподобный арестант.

- Все дело в ширине, глубине канала, в прочности его рукотворных берегов, - пояснил Ландсберг. - Да и чистят его все время, углубляют дно. Так-то, любезнейший!

Жиляков застонал, заворочался, и Ландсберг, прервав разговор, бросился к старику. Подал воды, смочил лоб и грудь.

- Умру я скоро, барон! - вдруг спокойно, с легкой улыбкой сказал Жиляков, с благодарностью чуть сжав рукой локоть Ландсберга.

- Что за мысли, Сергей Владимирович! - возмутился Ландсберг. - Такие мысли недостойны дворянина и офицера.

- И дворян, и старых, тем паче, офицеров Бог к себе со временем прибирает, Карл Христофорыч! А мое время, чувствую, совсем близко... Дайте, голубчик, еще воды, пожалуйста!

- Оставьте эти мрачные мысли, полковник! Завтра-послезавтра с нас капитан обещал снять кандалы. Через две-три недели, как утверждают матросы, "Нижний Новгород" минует тропические широты и будет гораздо прохладнее. А там, глядишь, и снова холод - но уже на Сахалине.

- Да, холод...

- К тому же у вас есть цель, не забывайте о ней, полковник! - нарочито строжась, улыбнулся Ландсберг.

- Цель? Цель... Не по Сеньке, видать, оказалась шапка, барон, - вздохнул Жиляков и посмотрел прямо в глаза молодого друга. - Умру я скоро, барон. Простите великодушно за все хлопоты, которые я причинил вам своим наивным сумасбродством...

- Сергей Владимирович, голубчик, о чем вы говорите?

- Не надо, барон! Я старый солдат, и в утешительном обмане не нуждаюсь! Я много думал... Знаете, Карл Христофорыч, как ни дико это может прозвучать, тот злополучный удар по голове в последнюю ночь в пересыльной тюрьме, перед этапом, меня словно бы отрезвил. Н-не возражайте, барон! Я рвался на Сахалин отомстить за сына - но что я, в сущности, могу? Что, барон? Первое же столкновение с уголовником напрочь выбило меня из седла! Да, и тогда, и сейчас рядом были и есть вы, моя защита и опора. Но что я буду делать один? Что я смогу? Старый, больной конь...

- Но я не собираюсь вас бросать, Сергей Владимирович! Даю вам в этом честное слово!

- Перестаньте, мой юный друг! Вы - такой же каторжник, как и я. И, стало быть, не хозяин своей судьбы. Нас могут разлучить на Сахалине, и это наверняка произойдет! И потом - неужели вы думаете, что я позволю себе втянуть вас в мою вендетту, подвергну риску более строгого наказания? Ни за что, мой юный друг! Так что... Так что все к лучшему, барон! Все к лучшему!

- Позвольте, я скажу часовому, чтобы он позвал доктора, господин полковник! Вы серьезно больны!

- Не надо, прошу вас! Доктор мне не поможет. Как ни поливай старое дерево, как ни рыхли почву у его корней - молодым оно уже не станет. И когда-нибудь свалится - если раньше его не спилят. Теперь уже, видать, скоро...

- Сергей Владимирович!

- Барон, я устал и, извините, хочу немного поспать, - улыбнулся Жиляков. - Простите уж меня великодушно...

* * *

Утро следующего дня вольные и невольные пассажиры "Нижнего Новгорода" встретили уже в Красном море. Длинные

пологие волны усилили бортовую качку, берега исчезли за горизонтом. Ветер стих, и матросы убрали последние паруса.

Необычно багровый диск солнца выплыл из мутной дали моря. Удушливая жара с новой силой навалилась на корабль, беспрепятственно обрушилась в нижние трюмы.

Капитан Кази сдержал слово: в десять часов утра две пары матросов, обливаясь потом, снесли вниз и поставили в проходе между решетками небольшие наковальни, разложили кузнечные и слесарные инструменты. Но даже расковка не слишком обрадовала арестантов, и они не толпились у дверей, через которые конвойные выпускали их по одному. Несколько ударов молота - и кандалы со звоном ложились в кучу. Каждому освобожденному из оков боцман давал большую кружку красного вина - сухого и терпкого.

К двум часам пополудни все цепи с каторжан были сняты. Капитан Кази спустился в тюремный трюм, прошел по проходу и, пытливо глядя на каторжан, сказал им несколько слов. Смысл этой короткой речи был ясен всем. Капитан оказал арестантам доверие, проистекающее из хорошего их поведения и соблюдения порядка на судне. Кази выразил надежду, что арестанты оправдают доверие до конца рейса. Ввиду усиливающейся жары капитан пообещал выпускать каторжан небольшими партиями на верхнюю палубу - для окатывания забортной водой разгоряченных тел. Для стирки белья было также обещано поставить на палубе несколько лоханей с пресной водой и мылом.

Впрочем, не обошлось и без сурового предупреждения: любой беспорядок, учиненный каторжанами, будет немедленно пресечен, а остальные арестанты будут в этом случае наверх более не выпущены.

Первая партия освобожденных от оков арестантов вернулась вниз через три четверти часа - несколько оживленная купанием под сильной струей из помпы. Однако вместе с оживлением счастливчики принесли и тревожную весть: прямо по носу парохода над морем стояла какая-то мутная непрозрачная мгла, в которой солнце совершенно скрылось и обозначало себя лишь более светлым, еле заметным пятном. Матросы, как могли, успокаивали арестантов: это не буря, в противном случае корабельный барометр

показал бы понижение атмосферного давления. Сие сильный туман, объясняли моряки. А густота и плотность его объясняется наличием в воздухе большого количества пыли и песка, поднятого предыдущими бурями.

Через час, задолго до наступления вечера, корабль, наконец, вошел в стену клубящегося тумана - настолько сильного, что караульные матросы прежде времени зажгли и развесили в тюремном трюме фонари.

Ветер стих совершенно, а "Нижний Новгород" максимально сбавил ход: в условиях плохой видимости капитан опасался столкновения со встречными судами.

Но даже при самом малом ходе "Нижнего Новгорода" лаг показывал, что пароход идет со скоростью шесть узлов! Такая скорость была по-прежнему рискованной для безопасного плавания в условиях нулевой видимости. Каждые 20 - 30 минут вахтенный помощник переводил ручку машинного телеграфа на "стоп" - чтобы еще более уменьшить ход и избежать риска возможного столкновения.

Матросы и офицеры "Нижнего Новгорода" страдали от несусветной жары почти так же, как и каторжники. И даже, пожалуй, еще больше, ибо не могли, подобно арестантам, сбросить с себя для облегчения одежду и стоять на вахте в костюмах Адама.

Одуряющая жара и частые остановки машины "Нижнего Новгорода" стали к вечеру первого дня плавания в Красном море причиной и первой серьезной аварии. Когда в очередной раз после короткой остановки вахтенный помощник капитана дал команду "малый ход", машина повернула вал два - три раза - и остановилась сама по себе…

Ретроспектива-2
Убийство

Весна в тот год в Петербурге была долгой и слякотной. Тепла она прибавляла по чуть-чуть, постоянно отступала, пряталась с последними почерневшими ледышками в темных подворотнях и вечно-сумеречных узких проходных дворах северной российской столицы. А то вдруг налетала откуда-то на разомлевших по нечаянности под выглянувшим из туч солнышком людей холодом и сыростью. Заставляла ежиться, поплотнее запахиваться в одежду и лишь мечтать о том, что где-то и когда-то бывает тепло.

А уж на ночь нерешительная девица-весна и вовсе куда-то исчезала из Петербурга. И городовые до утра сердито стучали в своих будках промерзшими сапогами по приступкам, кутались в башлыки и до исступления мечтали о том, как утром, отстояв свои часы, нырнут во влажную теплынь трактиров и чайных, где ждут их огненные суточные щи в миске, зубец чеснока и чарка горькой очищенной. Вытянешь ее сквозь зубы, истово, выдохнешь вместе с водочным духом холодную пустоту минувшей ночи – и снова вроде жизнь чуть милее. И не беда, что скоро снова топать в полицейскую часть, вспоминать летнее тепло и костерить капризную девицу-весну за ее дикость, переменчивость и нерешительность. А уж если пройдет ночка спокойной, без лиходеев и протоколов, без необходимости лишний раз тащить в околоток ворюгу-чердачника – и вовсе славно!

Вот и городовой пятого года службы Василий Степанович Скородумов, в очередной раз обходя свой участок, тоскливо мечтал о конце очередного дежурства в ночь с 29 на 30 мая 1879 года. Конечно, полностью спокойной минувшую ночь не назовешь. С вечера пьяные мастеровые разодрались меж собой, ночью с приказчика загулявшего лихие люди в подворотне шапку сняли. Ну, это все так, пустяки. Скородумов даже в часть никого не сволок -—к чему лишний раз ноги бить? Забиякам – по шеям надавал, приказчика протоколом о пьяном состоянии припугнул – все честью, с благодарностью и разошлись себе. И Василий Степанович Бога не гневил – обошлось без задавленных и зарезанных – слава те, Господи! Впрочем, дежурство еще не закончилось.

Нет, не миловал Господь, не обошлось – вон кричат с угла

Гродненского переулка, что темным коридором одинаковых плоских доходных домов выперся в Саперную улицу. Бегут и кричат что-то, и не успеть уже городовому Василию Скородумову добраться до спасительного тепла и уюта чайной «Тамбов». Чтоб им ни дна ни покрышки – кричат, зовут. Вот и дворники засвистели – все, «улыбнулась» нынче городовому чарка очищенной и суточные щи! Сожрет их торопливо какой-нибудь извозчик либо мастеровой – тьфу, ты, пропасть!

Мальчишки первыми налетели. Сквозь их торопливый стрекот городовой понял, что в Гродненском переулке мертвое тело обнаружилось. И не на улице, не в подворотне где-нибудь, а в третьем этаже доходного дома № 14. Приличный господин, значит, коли в своей квартире преставился. Вздохнул Скородумов, еще раз с сожалением глянул на близкую уже вывеску «Тамбова», плюнул с досады и пошел к месту происшествия, придерживая бьющую его по левой ноге шашку. Мальчишки брызнули обратно в переулок, да и не знают они ничего более, не стал он их задерживать.

Дворник в подворотне во фронт встал – он, Яков Дударов, из бывших служивых, с понятием. Сдернул шапку и доложил, кивая на человечишку в заляпанной краской фуфайке: так, мол, и так: мертвое тело. Маляр вот и обнаружил, как по стене полез фасад красить с утра пораньше. Мертвое, говорит, женского полу тело.

Дело было так. В тот день ни свет ни заря, как и было условлено с владельцем доходного дома № 14 по Гродненскому переулку господином Дрейером, маляр Прошка Бабунов явился в переулок, чтобы выполнить подряд – покрасить фасад трехэтажного дома. Краску, кисти, доску и изрядный моток прочной веревки с полиспастом Прошка еще вчера, договорившись с земляком-ломовиком, привез на место работы. Старший дворник дома № 14 Яков Дударов вполне определенно обещал помощь – и не обманул: еще подходя к дому, Прошка увидел два железных кольца, закрепленных на коньке крыши.

Прошка начал активно готовится к работе. Прежде всего младший дворник, помощник Якова, был услан в ближайший трактир за четвертью литра горькой калганной настойки: накануне артель Бабунова крепко погуляла, и маляр желал до начала работы

«поправить голову». К возвращению гонца краска была разведена и разлита в два низких ведерка с привязанными к ручкам кусками веревки, а широкая доска уже лежала вдоль фасада. Запыхавшийся младший дворник был тут же послан на крышу дома, откуда он, следуя указаниям маляра, и спустил пропущенные через кольца концы прочной веревки.

Прошка, насвистывая, сноровисто завершил на земле остальное: из свисающих концов веревки и доски приготовил подвесную «люльку» для подъема на требуемую высоту.

- Кто ж тебя, дяденька-маляр, будет подымать и держать наверху? – с любопытством спросил белоголовый вездесущий сынишка старшего дворника. – Папаня?

- Нет, Петька, не папаня твой, а вот это самое приспособление – похлопал по полиспасту маляр. – Ты, чем вертеться под ногами, дуй к мамке за соленым огурцом. Покрепче пусть выберет, скажешь – папаня для маляра велел дать. А придешь – сам все увидишь.

Дворники, которым бабуновские привычки были известны, только посмеивались. Маляр, зайдя из приличия в подворотню, выдул прямо из горлышка пахнущую сивухой жидкость, отдал пустую посудину вернувшемуся Петьке, шумно сгрыз прошлогоднего посола огурец и приступил к работе. Петька, как завороженный, глядел на маляра: словно играючи протягивая пропущенную через полиспаст веревку, маляр ловко поднял сам себя до третьего этажа, закрепился там, подтянул к себе одно из ведер к краской и начал плавно махать кистью, закрепленной на длинной жерди.

Смотреть на однообразную работу Петьке скоро стало скучно, дворники тоже разошлись по нехитрым своим делам, и только старший, Дударов, время от времени выходил из ворот и глядел – как движется работа, да вдоль переулка, по привычке к порядку.

- Слышь, дядя! - окликнул вскоре Дударова сверху Прошка. – Хорошо, говорю, людям! Мы с тобой работаем, а она лежит, спит. Прямо на полу – хорошо, видать, приняла!

- Кто лежит-то? – не понял Дударов. – Где лежит?

- А во-он в ентом, крайнем окошке, - показал кистью маляр. – Баба какая-то спит.

- Чего врешь-то? – усмехнулся дворник. – Это квартира

отставного надворного советника, господина Власова. Он там один с прислугой живет, да и не видать уж несколько дней ни его, ни старухи. Сам-то на дачу собирался съехать, а Семенидова, прислуга, моей бабе говорила, что на богомолье пойдет сразу. Скажешь тоже – «лежит»! Кому там лежать? Да и непьющая она, старуха-то…

- Старуха – не старуха, мне отсюда не видать: стекло отсвечивает. А что лежит баба на полу – точно тебе говорю. И подушка еще под мордой ейной, - упрямо возразил Прошка, продолжая сноровисто красить стену.

- А ну-ка, глянь еще раз, мил-человек! - помолчав, попросил дворник. Он действительно несколько дней не видел ни самого жильца, ни его прислуги. И сейчас, говоря маляру об их отъезде, вдруг ясно вспомнил, что и самого отъезда Власова не наблюдал. И не знал об этом с точностью, хотя по должности своей должен был!

- Счас глянем, - с готовностью согласился маляр. – А ты, дядя, пока ведерко второе мне ближе к стене переставь. Поднимать сейчас буду, полное оно, не плеснуть бы краской…

Но поднимать второе ведро в тот день маляру Бабунову уже не пришлось. Осушив кистью первое, он аккуратно спустил его вниз и, пройдя до края доски, долго вглядывался через стекло внутрь квартиры. И, наконец, рассмотрев все, трясущимися руками принялся отвязывать закрепленный конец самоподъемного своего устройства.

- Беги за полицией, дядя! – громким шепотом закричал он сверху. – Мертвячка лежит в квартире! Не шевелится, и вся подушка в крови…

- Ты что, паря? Шутки шуткуешь с пьяных глаз? – рассердился дворник. – Типун тебе на язык!

- Верно говорю – мертвячка! – уже в голос кричал маляр, торопясь поскорее спуститься на землю. – Дуй за городовым…

Выслушал Скородумов маляра неласково, и тут же на всякий случай потребовал предъявить паспорт – кто их разберет, пришлых работничков. Сегодня здесь, завтра там. С видимым сожалением убедился, что и паспорт есть, и дозволение на жительство в столице имеется. Первым делом поинтересовался – чегой-то маляр на стену полез ни свет ни заря? И сердито дергал усами, услыхав пространные объяснения и про краску, и про то, что инструменты

приходится у чужих людей держать, и про большие подряды на обновление фасадов. А насчет мертвого тела, при виде которого только что с доски не свалился и руки дрожью дрожат до сих пор – верное дело. Бабунов даже перекрестился. Городовой всем телом к дворнику развернулся – что ты, братец, скажешь? Как допустил?

Дворник засуетился, подтвердил, что есть в квартире лицо проживания женского пола, прислуга. Да только еще третьего дня должна была с барином, отставным чиновником Власовым, на дачу съехать. А вот съехали жильцы либо нет – дворник не знает, подвод мебельных не видел. Вот почтальону никто два раза не открыл, это точно! И дрова он, дворник, напрасно барину Власову вчерась поколол – дверь никто так и не открыл. Стало быть, съехали.

Все эти задачки городовому настроение испортили окончательно. Посулив мужикам отсидку в «холодной», Скордоумов отправил дворника к управляющему за ключами, а сам, нещадно колотя по ступеням ножнами шашки, поднялся на третий этаж. Сначала покрутил звонок, потом загрохотал руками – дверей никто не открывал. Наконец пришел дворник с ключами и свечкой, и в ее неровном свете острые глаза маляра, почтительно суетившегося поодаль, углядели под дверью, на ступенях и перилах темные пятна. Кровь!

Наконец дверь распахнулась, и на площадку сразу выкатилась душная волна тления. Перекрестившись, городовой поправил свечу и, велев остальным дожидаться на лестнице, шагнул в квартиру. Очень скоро там загремело, затопало, и бледный городовой, изрядно перепугав собравшихся жильцов, бегом выскочил на площадку. Отдышавшись на свежем воздухе, Скородумов закрыл поплотнее дверь, загородил ее для верности спиной и махнул рукой обоим дворникам, жавшимся вместе с жильцами на лестнице:

- Дударов, ты поди-ка стань под окна сей квартиры, - распорядился он. – И ни шагу оттуда! А ты, как тебя, духом в часть беги, расскажи там – что и как. Мигом!

Вскоре в Гродненский переулок прикатили две пролетки из полицейской части с сыщиками и двумя уголовными хроникерами, забредшими в часть с вечера на огонек, в поисках свежего материала для газет. В квартиру корреспондентов пустить

поостереглись, дозволили только заглянуть в прихожую, наполненную тяжелым сладковатым смрадом, и в кухню – глянуть на убитую женщину. После этого хроникеров не слишком деликатно выставили вон, и полицейские принялись за свою рутинную работу.

Едва закрытый полицейский возок увез трупы двух убиенных, как в переулок влетел, нахлестывая лошадь, лихач с известным, наверное, всему Санкт-Петербургу начальником Сыскной полиции столицы. Дворник Дударов вытянулся при виде начальства во фронт, городовой Скородумов лихо откозырял и доложил о происшествии, прибавив, что сыщики, судебный следователь Павлов и его письмоводитель уже в квартире.

На то время в Сыскной полиции российской столицы вот уже более двадцати лет начальствовал Иван Дмитриевич Путилин – личность весьма и весьма неординарная. Выучившись в ранней юности за «медные деньги», он к 17 годам хлопотами старшего брата получил скромное и спокойное место делопроизводителя в хозяйственной части МВД. Однако уже через самое малое время полусонное министерское бытие наскучило Путилину, и он подал рапорт о переводе его на «живое» место. Этим местом оказалась должность помощника старшего надзирателя на Толкучем рынке Санкт-Петербурга.

Здесь юного полицейского подстерегали не только опасности со стороны многочисленного преступного темного элемента, но и философские поучения надзирателя Шерстобитова, любившего игру на гитаре, мордобой для порядка и всевозможного рода подношения.

«Живи сам и давай жить другим» – это кредо исповедывалось полицией не в меньшей степени, чем в других ипостасях государевой службы. Полицией – едва ли не более других, ибо никаких социальных гарантий хоть как-то обеспеченного будущего эта служба никак не давала. «Хапен зи гевезен. Что успел хапнуть, то твое», – говаривал Шерстобитов своему молодому помощнику.

Но Путилину повезло и здесь. Жизнь еще не била его по-настоящему, в будущее Иван глядел с оптимизмом молодости, а все рассуждения о необходимости «сбивания тугой копейки на черный день» представлялись ему не столько аморальными, сколько преждевременными. Путилину работать в «наружней» – так она

тогда называлась – полиции было просто интересно.

Он находил забавным свои перевоплощения в подвыпившего мастерового, извозчика, бродягу, недалекого крестьянина, только что попавшего в Петербург. В «маскараде» он нырял порой на самое дно жизни столичного города, и всякий раз всплывал с отличным уловом. С информацией, помогающей раскрывать порой самые запутанные преступления той поры.

Старания молодого сыскного агента не остались начальством незамеченными. Путилину давали расти и всячески поощряли тот рост: на сыщицкой стезе, ввиду ее крайней опасности, у него почти не было завистников и конкурентов, а когда они появились, было поздно: Путилин быстро дорос до начальника всей Сыскной полиции, будучи при этом одним из самых известных и любимых в Санкт-Петербурге человеком.

Возле казенной квартиры Путилина, на Лоскутной улице, днем и ночью вполне добровольно дежурили извозчики – несмотря на то, что по должности Ивану Дмитриевичу полагался служебный выезд с кучером. Казенных лошадей Путилин использовал только на запланированные выезды и в экстренных случаях. Ждать Иван Дмитриевич не любил, и когда его поднимали в ночь – заполночь по поводу серьезных преступлений, то всегда пользовался услугами извозчиков, «ванек» либо лихачей. Пока кучера Федора растолкаешь, пока он запряжет – так оно быстрее было.

Полицейская сыскная машина второй половины XIX века при отсутствии сегодняшних быстрых средств связи и передвижения была, тем не менее, удивительно мобильной. Так случилось и с убийством в Гродненском переулке: уже спустя час после обнаружения трупов сыщицкая команда выехала на место происшествия на дежурных при полицейской части извозчиках. Еще через полчаса об убийстве был поставлен в известность следователь окружного суда: предупрежденный посыльным из части, он спешно выехал на место происшествия со своим письмоводителем. Сыщики же по дороге в Гродненский заехали за доктором. А на квартиру к Путилину, нахлестывая лошаденку, помчался лихач-доброволец: начальник службы требовал, чтобы его немедленно ставили в известность обо всех неординарных преступлениях в столице.

В этот утренний час Иван Дмитриевич Путилин уже собрался было в канцелярию градоначальника, где ежедневно бывал с докладом о криминальных столичных событиях последних суток. Украдкой – его супруга терпеть не могла чтения за столом – он проглядывал свежие номера газет. У начальника Сыскной полиции, редко возвращавшегося домой до полуночи, было свое расписания рабочего дня. В присутствии он появлялся обычно уже после полудня.

Путилинский конюх Федор, навесив на конские морды торбы с овсом, и всласть наговорившись с дворником, совсем было нырнул уже в каретный сарай, однако, услыхав в конце улицы дробный топот копыт, приостановился. Ну, так и есть: опять по душу его барина!

- Куды ты прешь? – Федор попытался тяжелым брюхом оттеснить нахального извозчика от парадного. – Что за дело до барина?

Потыкавшись без толку в непреодолимое брюхо, извозчик вынужденно отступил. И, задрав бороденку к открытым форточкам второго этажа, нарочито громко, с расчетом проговорил:

- Двойное, сказывают, убийство! Пусти, не засти! Велено срочно Ивану Дмитриевичу доложить!

- Ты не ори! Говори, где убийство, да и ступай себе. Сам барина свезу, коли ему охота будет, - в последнее время Федор, чьими услугами пользовались крайне редко, начал всерьез опасаться своей очевидной ненадобности и конца тихой и спокойной жизни.

- Ты? Свезешь? – усмешливо, но на всякий случай отступив на шаг спросил извозчик. – Да ты на лестнице, не дойдя, уснешь. Аль лопнешь от усердия – ишь, пузо наел на господских хлебах да на безделье!

- Ах ты, сопля чухонская! – начал сердиться Федор. – Сказано тебе, сам свезу! Куда тебе со своей дохлятиной. Сказывай, где убийство случилось – и ступай себе.

Однако острый слух Путилина уже вычленил из перебранки под окном слово «убийство». Он скомкал салфетку, с большим облегчением отодвинул тарелку с отвратительной фруктово-овощной мешаниной, рецепт которой его супруга вычитала в модном разделе о правильном питании какого-то журнала и подошел к окну. Рама

чуть скрипнула, и в столовую вместе с гомоном голосом ворвался сырой ветер с Невы. Путилин громко откашлялся, спорщики, как по команде, подняли головы и сдернули шапки.

- Что разорались, людей нервируете? Где?..

- В Гродненском, ваше сиятельство! «Наружка» за следователем в евонную камеру поехала и туда. Дохтура должны привезть – отрапортовал извозчик. – Мне ждать, ваше сиятельство, или как?..

- Жди, я сейчас.

Извозчик с торжеством поглядел на барского кучера, выбил шапку о колено и с достоинством направился к своей лошади.

Через сорок две минуты Путилин уже поднимался по лестнице злополучного дома в Гродненском переулке.

- Ты обнаружил покойника? – не оборачиваясь, спросил топающего рядом городового Путилин.

- Я-с, так точно…

- Хорошо, не уходи пока никуда.

В квартире Путилин быстро прошел по комнатам, постоял там, где мелом были обозначены места расположения трупов. Снова обошел квартиру, изредка останавливаясь и приглядываясь к интерьеру, и, наконец, сел на диван в кабинете, где собралось большинство должностных лиц.

- Итак, господа, у нас два трупа по меньшей мере трехдневной давности, - Путилин начал ловко крутить из левой баканбардины косицу. – Неприятно, господа! Сегодня утром собирался докладывать господину градоначальнику об отсутствии сколько-нибудь серьезных происшествий – и на тебе. Да еще два-три дня тому назад! Александр Елпидифорович просто не поймет нашего незнания, господа! Итак, что мы имеем?

Не считая Путилина, выше всех здесь был следователь окружного суда. Стало быть, и вопрос был адресован прежде всего ему. Почувствовав устремленные на него взгляды, следователь заметно смутился, долго откашливался, и, наконец, начал:

- Личности убитых установлены. Хозяин квартиры – некто Власов, отставной чиновник по медицинской части. Второй труп – прислуга Власова, Семенидова. Оба убиты холодным оружием.

Прислуга – в кухне, хозяин – на диване в кабинете. У обоих перерезано горло – как говорится, от уха до уха. Под голову старухи убийца позже подложил подушку – по всей вероятности, чтобы кровь не натекла под половицы. Мужское тело так и осталось на диване, где предположительно и находилось в момент смерти.

- Вы полагаете, что убийца был один? – склонил голову Путилин.

- На обоих телах совершенно сходные раны – покраснев, объяснил следователь. – Убийца подходит к жертве сзади, обхватывает шею одной рукой, поднимает ей голову и наносит второй рукой удар ножом или кинжалом чуть выше левой ключицы. Жертва пытается вырваться и, сама того не подозревая, весом своего тела помогает убийце перерезать собственную шею до правой ключицы. Почерк один, так что, скорее всего, преступник был здесь один.

- Убедили. Ну, а дальше, голубчик?

- Вряд ли целью убийства было ограбление, - продолжил следователь. – Об этом свидетельствует оставшийся при покойном явно дорогой брегет на золотой цепочке. На кухне, в шкатулке, обнаружены деньги – очевидно, на хозяйственные нужды. В шкапу – несколько дорогих мужских пальто на меху. И вместе с тем…

- Что, голубчик? – подался вперед Путилин.

- Бюро и шкап для бумаг носят следы торопливого обыска. Кроме того, мы обнаружили на полу у бюро желтый портфель свиной кожи – полагаю, брошенный не хозяином. Портфель имеет следы пыли и извести. Уверен, что портфель стоял за шкапом – там обнаружился чистый от пыли прямоугольный участок пола и царапины от ручки на стене. Портфель пуст, однако на бюро в беспорядке свалены ценные бумаги и облигации, причем явно не хозяином-аккуратистом.

- Голубчик, а ну, поглядите-ка на моих сыскарей! Землю копытом роют, в бой рвутся. Вы скажите им только – куда бежать, кого искать, а?

- Я не фокусник, уважаемый Иван Дмитриевич! – снова покраснел следователь. – А предположения относительно розыска убийцы слишком расплывчаты. Я, например, склоняюсь к мысли о

том, что покойный Власов, подобно многим отставным чиновникам, потихоньку занимался ростовщичеством. Играл с огнем, как говорится – и доигрался. Нужно хорошенько порасспросить дворника, соседей Власова, просмотреть все бумаги покойного. Только тогда можно будет и конкретные указания к розыску вашим сыщикам дать.

- Верно рассуждаете, голубчик! – вздохнул Путилин. – Этим вы и займитесь – бумагами, соседями. Вам спешить некуда, вам к господину Зурову с отчетом не ходить, на вас ногами стучать не станут и в бесталанности обвинять не будут… Значит, на сию минуту решительно никаких указаний к розыску дать не можете?

- Не могу-с…

- А квартиру внимательно осмотрели?

- Всю как есть, ваше превосходительство.

- Угу. И вот то полотенце в углу видели? Кровь на обоих умывальниках видели? У входных дверей, на лестнице?

Почуяв подвох, следователь Павлов снова покраснел, сгорбился за столом и преувеличенно внимательно стал смотреть в бумаги.

- Так как же, голубчик? – не отставал Путилин.

- Раны широкие и кровеобильные. Убийца испачкался и наследил повсюду. Умывался, полотенцем кровь вытирал.

- А вы обратили внимание, голубчик, что кровь на полотенце несколько светлее, чем натекшая из ран жертвы? А капли у двери, на лестнице? С убийцы просто лило, извините, кровью! Это же как надо перепачкаться, чтобы с тебя до лестницы текло? И потом – умывальников два, а полотенце в наличии одно. Где же второе? Вряд ли господин Власов при жизни был настолько беден или скуп, чтобы иметь на два умывальника одно полотенце… Эх, молодежь, молодежь! Ну-ка, молодцы – Путилин повернулся к сыщикам. – марш по окрестным аптекам! Выясните в ближайшей полицейской части адреса всех частнопрактикующих врачей в округе. Все это – в радиусе трех-четырех кварталов. Не найдете – расширим круг, весь Санкт-Петербург перетряхнем.

- Чего искать-то в аптеках да у докторов? – криво усмехнулся следователь.

- Не чего, а кого! Преступник в пылу борьбы с Власовым явно порезался сам. Кровь артериальная, она светлее венозной. И хлещет сильнее. Одно полотенце в крови, второго и вовсе нет – о чем это говорит? Что рана у преступника серьезная, он наверняка обратится за медицинской помощью. Найдем место, где раненому медицинскую помощь подавали – глядишь, и полотенце второе всплывет. Его, конечно, могли и выбросить, но вспомнят!… Часы настольные вон валяются на полу. Они от удара встали и показывает девять с четвертью. Утра или вечера? Ну-ка, голубчик, что скажете?

- Откуда же мне знать, Иван Дмитриевич? Сие знает только преступник, который, по вашему предположению, уронил эти часы.

- А вот я думаю, что это был вечер, голубчик! Видите – свечи в кабинете и на кухне? Догорели до конца. Кто ж с утра свечи жжет, а? На кухне остатки обеда, помойное ведро полное. На столике возле хозяйского дивана – рюмка с остатками мадеры и окурок сигары – не с утра же Власов вино хлестал, а, голубчик?

Путилин подошел к входной двери и попытался наложить ладонь правой руки на кровавый отпечаток. Распахнул дверь, мотнул головой, выпроваживая сыщиков.

- Убийца явно выше меня, как видите – моя ладонь в его не ложится. Ищите, ребята. А ты, Жеребцов, по соседям иди. Попытайка их насчет знакомых Власова. Знакомый тут был, хороший знакомый! Разве постороннего человека допустят со спины подходить? Извините старика за урок, Платон Сергеевич – но глаза человеку даденыдля того, чтобы смотреть. А не как антураж для модного нынче пенсне-с…

С досадой крутанув напоследок бакенбардину, Путилин, расстроенный невнимательностью следователя и предстоящими объяснениями с градоначальником, вышел из квартиры и направился прямо в дворницкую под лестницей.

- Ну-с, дворник, как тебя? Дударов Яков? Ага, Дударов. Как же ты, дорогуша, обязанности свои исполняешь, если не помнишь – кто к жильцам идет, кто выходит, когда они сами входят-выходят? А?

- Виноват, ваше превосходительство! Дом наш тихий, говорю, вот все дни в один и сливаются!

- «Сливаются»! Ну, а жилец квартирный, Власов-покойник – он-

то куда-нибудь обычно ходил? Или дома сиднем сидел?

- Почему сиднем? В сад ходил по хорошей погоде – это до обеда обычно. А после обеда спал немного, выходил редко очень, до кухмистерской Рябушкина дойдет, или до аптеки – и обратно. Иногда и далече ходил, а куда – нам же не докладывают. Вот, говорил, погода установится – и на дачу съеду, душно ему тут, в городе было-с… И съехал вот – дворник перекрестился, а вслед за ним перекрестилось и все его семейство.

- Двадцать пятого мая господина Власова видел?

- Не помню, ваше превосходительство! – плачуще замотал головой Дударов.

- Не помнишь… Ну-ка, что в газетке про этот день писано было? Ага, не то, не про то… Во! А скажи-ка, братец Дударов, дождик когда последний раз был?

Дударов подозрительно, ожидая подвоха, покосился на представительного начальника сыска. И вдруг посветлел лицом, хлопнул картузом об пол.

- Вспомнил, ваше превосходительство! Вспомнил – дай вам Бог здоровьица! Дождь ведь в тот день лил с утра. Господин Власов один раз только под ворота вышли, на погоду пожаловались: дождался, мол! Нет, мол, чтобы вчера на дачу съехать! Чего ж не съехали, спрашиваю? Дело есть, говорит, гостя сегодня жду. И вправду: приходил к нам в тот день офицер молодой. Затемно уже было…

- Офицер, говоришь? – насторожился Путилин. – Кто таков? Видел раньше?

- А как же, ваше превосходительство! Он, почитай, редкую неделю не приходил, офицер этот. Старый знакомый господина Власова, как же!

- Хм! Офицер, говоришь? Молодой – а знакомый старый - нахмурился Иван Дмитриевич Путилин. – Чего несешь-то братец?

- Истинную правду, ваше превосходительство! – Дударов для верности снова перекрестился. – Офицер этот господину Власову еще по прежней квартире знакомый, когда юнкером были и у господина Власова комнату снимали. Вот я и говорю – старый знакомый! Господин Власов его привечали, Карлом называли, а чаще Карлушей, как сродственника какого…

- А они не в родстве? – быстро спросил Путилин.

- Не могу звать, ваше превосходительство! Говорил мне как-то господин Дрейер, управляющий наш, что у господина Власова только и есть что брат. А так – ни жены, ни деток ему Бог не дал.

- Так, Дударов – значит, приходил 25 мая Власову его бывший жилец-офицер? – покашлял Путилин.

- Был, ваше превосходительство! Два раза был, значит…

- Это как же?

- Пришел как обычно, часов в девять вечера. Часу не минуло – вышел, спрашивает у меня - где здесь ближайшая мелочная торговля, чтобы лимонаду, дескать, купить. Я и показал… Офицер только в лавку тую направился, как его господин Власов обратно в дом позвали: прислугу в лавку Власов отрядил

- Странно, братец! – Иван Дмитриевич Путилин снова взялся за свою левую бакенбардину, и вскоре, к восторгу Петьки, лицо начальника сыска украсила вполне настоящая, хоть и короткая, косица. Впрочем, заметив внимание мальчишки к своей внешности, Путилин чуть сконфузился, косицу тут же расплел, бакенбарды расчесал, посуровел лицом и продолжил. – Странно, все-таки, братец! Говоришь, два раза офицер приходил – а он, выходит дело, только хотел выйти в лавку, да не пошел. Ты, опять же, ему попался – почему тебе офицер поручения сего не передал?

- Не могу знать, ваше превосходительство! Я-то предложил ему сбегать – завсегда готов – но насильно ведь мил не будешь, верно? Может, на чаек пожалел… А что прислуга – да, было! Семенидова Анна, упокой, Господь ее душу, нехотя в лавку шла, ворчала. Офицер ее вернуть хотел – сам, говорит, прогуляться желаю! Да Власов не позволил

- Так-так! – Путилин с силой потер лоб –Сколько времени было? А когда офицер окончательно уходил - видел его?

- На часы не смотрел, ваше превосходительство! – Дударов опять подпустил в голос плачущие нотки. – Слышу, сапогами стучат – ну и высунулся из окошка. Смотрю – офицер уходит. Со спины его видел – шинель внакидку, сапоги – он!

- Ладно, Бог с тобой, Яков. Толку от тебя самая малость, как посмотрю. Ну-ка, о Семенидовой мне расскажи лучше, хозяюшка, -

Путилин повернулся к доселе молчавшей дврничихе. - Что она? Как? Не из кликуш? И в тот вечер – после того, за лимонадом сходила – сразу к себе поднялась? Или как?

Расчет Ивана Дмитриевича Путилина был таков: ввести в разговор перепуганную насмерть дворничиху. Кому, как ни ей, знать все домовые тайны, тщательно оберегаемые обычно прислугою – тем более, пожилой.

Расчет оказался верным: поначалу Анна Семеновна, судорожно вцепясь в руку сынишки, только тихонько подвывала и хлюпала носом. Но у Путилина было великое терпение и оригинальная метода общения с разными людьми. Успокаивая дворничиху, Иван Дмитриевич вдруг жестом фокусника достал из пустой вроде шляпы и ловко вручил взвизгнувшему от счастья мальчонке незамысловатый леденец на палочке. Глядя на осчастливленного сынишку, дворничиха понемногу успокоилась.

- Так что, голубушка, с Семенидовой этой? Забегала, поди, к вам – или просто поговорить останавливалась? Что она за человек-то? Вы же у нас наблюдательная, как муж по должности – польстил Путилин.

Мало-помалу дворничиха разговорилась. Впрочем, и тут Путилин выяснил немногое – но весьма исчерпывающее. Прислуга Семенидова была обычной бедной старушонкой, взятой в услужение более удачливым дальним родственником по мужской линии. Религиозный фанатизм Семенидовой (хождение на богомолье) подтверждения не нашел – во всяком случае, в отношении кликушества и прочих крайних проявлений характера, влекущих за собой подозрительные знакомства. Службой своей Анна Семенидова была премного довольна. Часто поминала, что ради нее как родственницы

г-н Власов отказал от места прежней прислуге, проработавшей ранее у него 3 или 4 года.

Жизнь господин Власов вел трезвую, тихую и степенную. Проснувшись, имел обыкновение вставать сам. Одевался, умывался, даже платье сам чистил. Ждал со стаканом кофея (или чая – по погоде и настроению) почтальона. Передвигал календарь, читал газету. Если погода была ясной то, отдав распоряжения насчет

обеда, ненадолго выходил прогуляться. Если моросил дождь, то дремал в кресле у окна.

Из всех родственников Власова дворничиха также упомянула брата Петра – заштатного, судя по всему, преподавателя гимназии где-то в российской глубинке. Брат был беден – и, как положено, присылал г-ну Власову поздравительные открытые письма на Пасху и Рождество Христово. Егор Власов же, без всякой «поздравительной ерунды», «отвечал» брату денежными переводами на 80-100 рублей в год. Квитанции сохранял – более того: на особую бумажку выписывал суммы пожертвований. Чем старуха Семенидова и была неоднократно обижена: г-н Власов не делал разницы между рублем, пожертвованным неизвестному студенту на улице и таким же рублем, но подаренным ей, дальней родственнице по случаю какого-то праздника.

Относительно офицера выяснилось: Власов своих деток не имеющий, очень был привязан душой к молодому человеку, приехавшему несколько лет назад в Петербург поступать по военной части и случайно набредшему на билетик во власовском окне. Сдав молодому человеку комнату, г-н Власов, по его же словам, долго к нему присматривался. - Немчура ведь!, - вставил дворник. Но в конце концов Власов к постояльцу душой потеплел, следил за его карьерой, экзаменами на офицерский чин. Ждал весточек от него, когда молодой офицер уехал на войну в Туркестан, а потом и на турецкую войну. Долго не хотел менять квартиру – «вот, мол, Карл вернется – а меня нету!» Очень был обрадован г-н Власов, когда офицер, вернувшись с войны награжденным, навестил его. Хвастал Егор Алексеевич орденами подопечного как своими собственными. Велел своему знакомому Флерову, у которого квартировал до получения казенного жилья офицер, оказывать офицеру всяческое уважение – когда тот, по старой памяти, запанибрата попытался было с ним держаться.

Офицер приходил к Власову два-три, много – четыре раза в месяц. Каждый раз жилец непременно провожал его – либо до входной подъездной двери, либо до ворот, по погоде. Расставались очень приязненно, по-родственному. К отставному надворному советнику гости нечасто, но все же ходили – ни одного из них он не

отмечал так, как этого офицера.

Путилин, слушая все это, быстро терял к офицеру профессиональный интерес. Но все же поинтересовался: а в тот вечер Власов провожал своего гостя? Дворничиха развела руками: не заметила. Дождь ведь лил, а у нее еще, как на грех, зубы на погоду разболелись, прилегла к печке и задремала.

- Значит, подозрительных знакомых у вашего покойного жильца так и не было? – подал голос незаметно спустившийся судебный следователь. – Ну, а кого вообще еще можете назвать?

Посовещавшись, Дударов с женой отметили лишь некую женщину, которая впервые появилась у Власова совсем недавно, где-то в середине апреля. Знакомы ранее они, по мнению дворника, не были: появившись впервые, женщина спрашивала – как пройти к отставному надворному советнику. Интересовалась – не принимает ли Власов заклады? Не дает ли деньги в рост?

Получив отрицательный на сей счет ответ, женщина все же навестила Власова. Потом приходила еще раз, примерно в середине мая. Насчет внешности дворник сказать ничего не мог, возраст посетительницы определил как средний.

- На вид барыня. Одета по-господски, с вуалью. Духами пахла сильно – вспоминал Дударов.

Путилин стал собираться. Дворника похлопал по спине, мальчишку потрепал за вихры. Со следователем Иван Дмитриевич попрощался за руку, пару оставшихся сыщиков поманил за собой и что-то сердито выговорил им уже на улице. Сел на дожидавшегося лихача – и уехал.

Скоро на подмогу сыщикам из полицейской части прибыло подкрепление из личного, как считалось, резерва начальника Петербургского сыска. Поиск человека с порезанной, как предполагалось, рукой, закипел. Начали искать и офицера, благо тут след был: один из сыщиков пошел по старому адресу Власова, и из домовой книги в тамошней полицейской части быстро установил, что этим знакомцем был прапорщик Саперного Лейб-Гвардии батальона Карл Христофорович Ландсберг. Однако найти и расспросить его не удалось: как сообщили в казармах Саперного батальона, прапорщик Ландсберг 26 мая испросил у командира краткосрочный отпуск по

случаю болезни матери и выехал по железной дороге в свое имение куда-то в Ковенскую губернию.

А 1 июня в камеру к судебному следователю Павлову вихрем, без доклада, ворвался один из путилинских «резервистов» – агент Жильцов. Оказалось, что в аптеке Фридлендера, что у Каменного моста, с уверенностью вспомнили, что поздним вечером 25 мая подавали медицинскую помощь… саперному офицеру, по приметам схожему с Ландсбергом!

Из рапорта сыскного агента следовало, что к Грингофу (так звали младшего провизора аптеки, дежурившего в ту ночь) обратился офицер, правая рука которого была обернута окровавленным полотенцем. Размотав его, Грингоф увидел глубокую резаную рану у основания двух пальцев – мизинца и безымянного. Судя по артериальному кровотечению, рана была глубокой и требовала хирургического вмешательства. О чем Грингоф и заявил офицеру, оказывая ему первую помощь. Он наколол льда, завернул его в салфетку и дал офицеру жгут – предупредив, что долго им пользоваться нельзя. Грингоф также сообщил офицеру адрес ближайшего частного доктора и даже разбудил мальчишку-рассыльного, чтобы тот проводил офицера – но тот отказался. И, поблагодарив, ушел. Рану свою, меж тем, сапер объяснил собственной неосторожностью: вставлял-де саблю в ножны и порезался. Лично он, Грингоф, считает подобное объяснение ложью: саблей, скорее всего, можно было порезать левую руку, придерживающую ножны.

С этим судебный следователь Павлов и отправился в казармы Саперного батальона. Там он прежде всего разыскал военного доктора Мартова, который подтвердил, что ранним утром 26 мая подавал помощь делопроизводителю батальона прапорщику фон Ландсбергу. На штатского следователя доктор смотрел с плохо скрытым презрением, и когда Павлов поинтересовался – не вызывали ли у военного медика, человека, понимающего толк в ранах, сомнения по поводу объяснений Ландсберга, только фыркнул. На службе, милостивый государь, все бывает, мол!

Дома его поджидала телеграфная депеша от самого Путилина: он срочно приглашал следователя к себе в присутствие.

Про ранение знакомца Власова, сапера Ландсберга начальнику сыска доложить уже успели. Очень заинтересовался Путилин и бумагами, которые следователь нашел в изъятом архиве покойного Власова. Иван Дмитриевич велел подать всем чаю с бубликами и быстро просмотрел эти бумаги.

Из записей Власова следовало, что Карл Ландсберг сделал у него более полугода назад заем на сумму 5 тысяч рублей – в виде ценных бумаг. А в начале нынешнего года – новый заем в 4 тысячи, уже наличными – для чего Власов продал два своих заемных билета по 2 тысячи рублей. По поводу обеспечения заемных сумм стояла пометка Власова: «пр. расписка». Срок возвращения обоих займов был определен как 25 мая 1879 года…

Кроме того, был найден черновик поздравительного письма. Судя по тексту – письмо приготовлялось Власовым ко дню бракосочетания Карла Ландсберга. В этом письме отставной надворный советник с торжественностью сообщал, что в качестве подарка новобрачному преподносит ему погашенные векселя на сумму 9 тысяч рублей. Даты в черновике письма не было.

Нашел Павлов и завещание Власова, в котором тот единственным своим наследником называл опять-таки Карла Ландсберга. Ему же было вверено оказание посильной финансовой помощи семейству брата Власова – не менее 100 рублей в год. Наследство заключалось в ценных бумагах на сумму около 40 тысяч рублей.

- Ну, что вы обо всем этом думаете? – поинтересовался Путилин, возвращая бумаги следователю.

- Дарственная и завещание у меня никак «не пляшут», - пожаловался следователь. – А так все вроде ясно: Ландсберг занял у Власова крупную сумму, отдать не смог. Пришел к старику просить отсрочки, а тот отказал. Ну, Ландсберг его и того… со старухой вместе. Но проклятые дарственная и завещание, повторяю, меня смущают. Ладно, Ландсберг про них мог и не знать. Но Власов-то знал, что прощает ему долг! Зачем ему в тайне сие держать? Ну, а все остальное вполне вписывается в схему. Аптекарь, не сомневаюсь, опознает Ландсберга: подобных совпадений, извините, не бывает! Болезнь матери? Чушь! Убил и уехал от греха подальше,

пока все уляжется. Вот увидите!

- Ну, а длительное знакомство Ландсберга с Власовым вас не смущает? Их добрая дружба, теплые отношения? Жили-жили душа в душу – и вдруг бах, ножом по горлу?

- Смущает, ваше превосходительство, - согласился следователь. – Но что делать – улики-то больно тяжкие.

- Что думаете делать, господин следователь? – перешел на официальный тон Путилин.

- Ехать в Ковенскую губернию и арестовывать Ландсберга! – пожал плечами следователь.

- Воля ваша – Путилин постучал пальцами по столешнице и начал в который раз терзать свою бакенбардину. – Хочу только предостеречь вас: арест офицера-гвардейца из славного батальона под высочайшим патронажем – это вам, батенька, не фунт изюму! Шум-то, представляете каков будет? А не дай Бог что – от вас же мокрого места не останется! Кстати: а вы знаете, на ком должен был жениться фон Ладсберг?

- На девице, поди! - усмехнулся следователь.

- Вот вы смеетесь, голубчик! И напрасно! Девица девице рознь!, -вздохнул Путилин. - На дочери графа Эдуарда Ивановича Тотлебена, одного из царских фаворитов, фрейлине двора Ее Императорского величества!

Павлов, допивая чай, от неожиданности проглотил дольку плавающего в стакане лимона, поперхнулся и долго кашлял под выразительным взглядом начальника Петербургского сыска.

- И что же теперь делать? – упавшим голосом спросил, наконец, Павлов.

- Исполнять свой долг. И не пороть горячку! – поднял палец Путилин. – Пару толковых сыщиков я завтра же курьерским поездом отправлю в Ковенскую губернию: пусть осторожно понаблюдают за нашим гвардейцем. Далее: вместе с расписками Ландсберга из портфеля Власова все-таки исчезла и часть прочих ценных бумаг. Сегодня же отправить людей по банкам и меняльным лавкам. К командиру батальона, князю Кильдишеву, завтра съезжу сам, предупрежу осторожно об имеющемся подозрении. Сегодня же вечером или завтра утром проведем на квартире Ландсберга

литерное мероприятие номер один – не желаете ли поучаствовать?

- Негласный осмотр помещения? Пожалуй…

Глава третья.
В трюме (авария)

Только несколько человек на «Нижнем Новгороде» - да и то не сразу – оценили опасность внезапной остановки машины. Ни вольные пассажиры, ни каторжники, ни даже большинство матросов и членов экипажа парохода не увидели поначалу в стихшей вибрации паровой паровой судна тревожных симптомов большой беды.

Не сразу оценил серьезность ситуации и капитан корабля, Сергей Ильич Кази. В момент остановки он как раз намеревался ненадолго покинуть капитанский мостик, еще раз наказав вахтенному помощнику, мичману Владимиру Пуаре и рулевому матросу Михаилу Скокову глядеть в оба.

- Хотя глядеть-то особо некуда, - сердито вздохнул Кази, с отвращением глядя на мутное облако, медленно и неотвратимо накрывшее пароход плотной пеленой. И скомандовал. – Малый ход, мичман! А минут через 10 снова остановку командуйте, батенька...

Ручка машинного телеграфа, звякнув, передвинулась на одно деление, и глубоко в недрах парохода вахтенный машинист Никита Соловьев, смахнув тряпкой пот с лица, взялся за рычаг хода. В который уж раз сегодня... Он первым и услыхал непривычный резкий звук в механизме, после которого одновременно с треньканьем предохранительного устройства паровая машина сама отключилась. Одуревший от жары машинного отделения, трехчасовая вахта в котором превращалась в пытку, Соловьев поначалу не вник в ситуацию. Подумав, что не довел рычаг хода до конца, он снова взялся было за него. Снова тренькнуло предохранительное устройство. Только теперь машинист осознал, что произошла беда.

Мгновенный взгляд на стрелку манометра, регистрирующего давление в котле – стрелка дрожала у самой границы красного сектора. Соловьев сделал отмашку своему помощнику, монотонно забрасывающему в жаркую топку уголь, и рванул тросик клапана,

сбрасывающего излишек давления. Услышав рев пара, Соловьев наклонился к переговорной трубке, связывающей машинное отделение с мостиком, и закричал в нее:

- Авария! Машина на «стоп» сама встала!

Ревущий свист сбрасываемого из котла пара заглушил его крик, но на мостике и так все поняли.

Через минуту старший механик Семен Головня уже скатился по трапу в машинное отделение. Следом, поднятые по тревоге, мчались матросы аварийной вахты. Оттолкнул Соловьева, Головня буквально ввинтился в переплетение труб и исчез в глубине машинного отделения. Для оценки аварийной ситуации ему хватило одного взгляда: массивный шток от насоса, закачивающего в отделение воды для охлаждения машины, был чудовищно и неправдоподобно согнут – вместе с тяжеленным балансиром.

Обратно из раскаленных недр машинного отделения Головня выбрался помедленнее. Велев Соловьеву сбросить давление пара до минимума, он побежал с докладом на мостик.

Едва выслушав Головню, капитан Кази понял и причину аварии: слишком часты были вынужденные остановки парохода, едва ползущего в сплошной мгле. Слишком большое давление воды под поршнем насоса – и вот, изволите видеть, - шток не выдержал! Это произошло, конечно, не сразу, шток наверняка гнулся постепенно, и старший механик Головня при подобном вынужденном режиме работы машины должен был предусмотреть все возможные последствия. Впрочем, разбираться с этим надо уже потом, после ликвидации аварии, в результате которой «Нижний Новгород» в условиях мертвого штиля потерял ход.

Кази знал, что на судне был и запасной балансир, и нужный шток. Вопрос был в другом: насколько быстро удастся заменить выведенные из строя тяжеловесные, да к тому же деформированные детали? В эту минуту только он, капитан, мог мгновенно осознать в полной мере всю серьезность ситуации, которая в средних широтах была бы досадной задержкой – и не более того. Но в условиях страшной жары и полного безветрия сия досадная задержка мгновенно обратилась большой бедой с непредсказуемыми последствиями. Остановка машины имела буквально смертельные

последствия – прежде всего для нескольких сотен каторжников, запертых в железном трюме, и без того накаляемом снизу жаром машинного отделения. Да еще и без малейшего доступа воздуха: вентиляторы при остановленной машине не работали.

- Сколько времени потребуется для устранения неисправности? Минимально? – потребовал капитан, заранее зная, что ничего обнадеживающего от старшего механика не услышит.

- Минимально? Сорок восемь часов, не меньше, - прикинул Головня. – Сначала надо охладить место аварии, к раскаленной машине и в рукавицах не притронешься, прожигает! Стало быть, только через пять-шесть часов можно будет начать демонтаж штока и балансира... Потом еще вытаскивать их оттуда как-то надо – они ж деформированные, в узких проходах не повернешься. Надо резать будет, и только потом…

- Ты что, братец, спятил? Какие пять-шесть часов?! Нет у тебя этих пяти часов, господин старший механик! Да люди в трюме перемрут от теплового удара гораздо раньше! Вентиляция-то не работает! А за бортом – полный штиль. Соображай, братец! И к тому же мы в открытом море, в условиях нулевой видимости, не забыл, стармех? Не дай Господь, встречное судно по курсу – оно же отвернуть не успеет, Головня! Про всё остальное я уж и не говорю...

О том, что Красное море «славилось» в это время года неожиданно налетавшими штормами, что мертвый штиль через несколько часов вполне мог обернуться бурей, Кази говорить старшему механику не стал. Зачем накаркивать лишнюю беду – опытному моряку и так все понятно. Вот и Головня сразу покосился на барометр – значит, понимает. Но медлит с ответом – тоже понятно. Пообещаешь управиться быстро, да не сделаешь – плохо. Назовешь срок с запасом – опять получится, что он, старший механик, не на месте.

- Поднять по авралу всю команду! – не дожидаясь ответа, скомандовал капитан.- Всю, включая свободных от вахты конвойных и матросов машинного отделения! Шесть человек – на помпы, пусть качают забортную воду вручную. Поливать аварийный насос и все вокруг, пока не остынет. Мочить парусину и обкладывать ею паропроводы. Через час доложить о начале работ по демонтажу

штока и балансира. Понял, Головня?

- Так точно, ваш-бродь! – старший механик мгновенно почувствовал облегчение от того, что срок устранения назван не им. И пулей вылетел с мостика.

- Боцмана ко мне, старшего помощника на мостик! – продолжил командовать капитан.- И доктора нашего сюда, немедленно! Вахтенный, беспрерывно подавать сигналы сиреной - для предупреждения судов на встречных курсах!

Старший помощник капитана Стронский прибыл на мостик первым.

- Слушаю вас, Сергей Ильич! – не тратя времени на расспросы, старпом был серьезен, спокоен и деловит.

Капитан коротко сообщил о случившейся беде, и, помедлив, взял Стронского за пуговицу:

- Вот что, батенька! Сейчас должен подойти наш доктор, и я хочу направить его в арестантский трюм. Каторжники у нас в самом отчаянном положении, полагаю… Так?

- Согласен, Сергей Ильич. Полагаю, что и корабельного священника надо тоже привлечь…

- Молодец, Роман Александрович! Теперь вы… Вы у нас отвечаете за арестантский трюм в первую очередь, батенька. Статейные списки арестантов, полагаю, досконально успели проштудировать?

- Так точно, господин капитан!

- Скажите мне по совести, как на духу, Роман Александрович: насколько безопасно будет пребывание среди арестантов доктора и священника? Доктора – в первую очередь, ведь до сих пор он общался с ними поодиночке, под наблюдением караульных. Не любит он арестантов, да и они платят доктору, кажется, той же монетой. А сейчас ему придется зайти непосредственно в отделения.

Кази помолчал, потом продолжил:

- Ситуация аховая, батенька: температура и духота в трюме без вентиляции будет увеличиваться с каждой минутой… Вы понимаете мои опасения, голубчик? Там ведь у нас ангелов нет!.. Как, по-вашему, арестанты поведут себя в нынешней аварийной ситуации? Они наверняка будут требовать, чтобы их выпустили наверх – а это

совершенно невозможно! Может, поставить в коридоре между решетками с десяток вооруженных людей? Для спокойствия нашего доктора, а?

- Н-не думаю, что это было бы правильным, - покачал головой Стронский. – Толпа малопредсказуема, как вы знаете, Сергей Ильич. Тем более – толпа арестантов. Ручаться тут ни за кого и ни за что совершенно невозможно! А вооруженные охранники скорее явятся последней каплей для перепуганных людей. Держать вооруженную команду где-нибудь поблизости, не на виду – одно дело… На мой взгляд, Сергей Ильич, одного доктора с отцом Ионафаном для успокоения арестантов и подачи им помощи будет мало.

- Что вы предлагаете, старший помощник? – тон капитана стал официальным.

- Полагал бы полезным, если бы для начала с арестантами поговорил капитан, - твердо заявил Стронский. - И лучше всего сделать это прямо сейчас, пока обстановка не стала критической. Вы спокойно объясните там, внизу, причину остановки, вынужденного дрейфа, и, как следствие, отсутствие вентиляции. Надо честно предупредить о том, что в ближайшие часы будет еще хуже. Скажите сразу, что всех арестантов наверх выпустить никак невозможно, - не потому, что мы их опасаемся, а чтобы не мешали экипажу устранять причину аварии. Можно упомянуть о том, что вольным пассажирам также запрещен выход из своих кают… Ну, а с доктором к нашим мазурикам пойду я!

- Стоит ли, батенька? – засомневался капитан. - Откровенно говоря, в случае бунта я предпочел бы потерять одного доктора. Вы ведь его не спасете, ежели что – давайте смотреть правде в глаза! И его разорвут на части, и вас заодно… А наверху вы понадобитесь, ежели арестанты, не приведи, Господи, все ж взбунтуются…

- Сергей Ильич, если бунт случится, никто и ничто на «Нижнем Новгороде» не остановит шесть сотен паникующих и испуганных арестантов! Поэтому надо всеми силами не допустить этого! Стало быть, я и иду с доктором, господин капитан! Будут успокаивать, кликну среди них охотников покрепче для помощи экипажу – на помпы…

- Такой необходимости нет, - покачал головой Кази.

- Согласен – пока нет! И, возможно, не будет. Но подобный шаг в глазах арестантов будет свидетельством доверия к ним!

- Что ж, вы правы, - сразу же согласился капитан и повернулся к появившемуся на мостике доктору Иванову. Кази быстро объяснил причину остановки, последствия аварии и закончил. – Так что придется вам, батенька, идти в трюм. В компании моего старшего помощника.

Распоряжение капитана, облеченное в вежливую упаковку, Иванов выслушал, разумеется, без радости. Он долго молчал, и по лицу доктора было ясно, что он мысленно выискивает разумную причину отказа для своего участия в столь опасном предприятии.

- Не знаю, стоит ли, Сергей Ильич? – проговорил, наконец, доктор.- Арестантам все можно объяснить и через решетку, из коридора. Призвать их к спокойствию, и объявить, что совсем больных или потерявших сознание они могут подносить поближе. Если случай будет серьезным, я распоряжусь вынести этого типуса на палубу. Или переместить его в лазарет. Но входить туда, прямо черту в зубы – увольте-с! Боюсь, господин капитан! Как на духу – боюсь! Да и вы должны отдавать себе отчет, господин капитан! А ну как останетесь на полпути к дальнему берегу без единственного доктора?!

Капитан и старший помощник переглянулись. Заметив это и приняв паузу в разговоре за колебания, Иванов воодушевился и продолжил, доверительно понизив голос:

- И вообще, Сергей Ильич, я решительно не понимаю этого вашего либерализма, извините! Называть это стадо людьми – ф-фу! Проявлять заботу об отбросах общества… Ну, передохнет там от жары десяток-другой – и слава Богу, если уж откровенно! Баба с возу, как говорится…

- Извольте держать подобные мнения при себе, господин доктор! – устало оборвал Иванова капитан. – М-да, фрукт вы, однако, господин эс-ку-лап! Не знал, не знал…

Пересилив себя, капитан решил разобраться с доктором и его настроением позже, в более спокойной обстановке. Сейчас же было не до того. Вздохнув несколько раз, чтобы успокоиться, капитан вновь повернулся к Иванову.

- Доктор, смею вам напомнить, что распоряжения и приказания капитана корабля не обсуждаются! Тем более, в экстренной ситуации, - Кази постарался нивелировать жесткий смысл своего решения мягкостью тона. – Вы же врач, медик, батенька! Должны прежде нас, моряков, понимать – чем чревато долгое пребывание людей без вентиляции, в раскаленной железной коробке! Да и каторжники – люди все же, не скоты безмозглые. Они знают, что только доктор может их спасти – кто ж вас обидит-то? Ступайте, батенька! Надо!

- В конце концов, я сам плохо себя чувствую, - забормотал Иванов, отводя глаза и с силой растирая грудь рукой. – Люди они, как же! Скоты бесчувственные и есть эти каторжники… Что они понимают, господин капитан? Для них что тюремщик, что доктор – один черт! Почему нельзя через решетку с ними общаться? У меня ведь даже револьвера нету…

- Какого револьвера?! – не выдержал и сорвался Стронский. – Вам спасать людей должно, а не револьвером махать! Н-не понимаю! Решительно не понимаю вашего настроения! Вы же, в конце концов, клятву Гиппократа давали!

- Попрошу на меня не кричать! – взвизгнул Иванов, повернувшись к Стронскому так резко, что пенсне сорвалось с его носа, описало в воздухе дугу и закачалось на шнурке. – Да-с! И попрошу не учить меня, господин Стронский! Для меня вы вообще, извините, никто-с! К капитану я еще обязан прислушиваться, но в ваших moralite`s не нуждаюсь!

Иванов обеими руками бережно водворил на нос пенсне – пальцы у него дрожали и плохо слушались. Бросив на Стронского уничтожающий взгляд, он обратился подчеркнуто к капитану.

- Извольте, Сергей Ильич! Я, разумеется, пойду в трюм. Это мой долг, в конце концов… Но нуждающихся в подаче помощи арестантов буду осматривать по одному, в коридоре. Вы не вправе понудить меня очертя голову лезть в каторжные отделения! Да-с, не вправе! При необходимости в отделения будет заходить санитар… И попрошу вас, господин капитан, отрядить со мной не менее двух вооруженных матросов для предотвращения всяческих эксцессов. Зна-а-ю я эту публику! Симулянты, все до одного! Скоты!

- Хватит, доктор! – едва сдерживаясь, произнес капитан. – Позже мы вернемся к этому разговору. Сейчас, простите, некогда! Идите, господин Иванов! И никаких этих ваших «осмотров» через решетку! Понятно вам? Хотите вы того или нет, но двери в оба арестантских отделения будут отперты! Ступайте!

Иванов пожал плечами, для чего-то снял и снова надел пенсне, потоптался рядом с капитаном, словно ожидая, что тот передумает. Однако Кази подчеркнуто отвернулся от доктора, и тому ничего не оставалось, как идти.

- Да, вот еще что, господин доктор!

Иванов резко остановился и глянул на капитана так просительно-жалко, что того даже передернуло.

- Я не советую слишком рьяно начать разоблачать в нынешней обстановке «симулянтов», - многозначительно завершил разговор Кази. - А то, знаете, до меня уже доходили жалобы. Не дай вам Бог, чтобы они получили фактические подтверждения, доктор…

Иванов открыл было рот, но капитан уже подчеркнуто отвернулся от него. Потоптавшись, доктор оскорблено пожал плечами и вышел.

- Каков негодяй! – капитан возбужденно покрутил шеей в тесном воротничке. – Вот как, батенька, большая беда людей проверяет, а? Впрочем, меня еще тот одесский доктор – ну, старичок, из евреев, помните? – предупреждал относительно настроений и компетентности нашего эскулапа. Вот уж не знаю, что хуже – то, что господин доктор не считает каторжников за людей, или не в состоянии увидеть признаки болезни, поставить верный диагноз… Впрочем, старпом, черт с ним! Позже разберемся и с ним, пока не до этого!

* * *

Очередная остановка парохода сама по себе поначалу не вызвала в арестантском трюме «Нижнего Новгорода» беспокойства. Гораздо большие опасения одуревшие от жары каторжане высказали стремительно наступившей средь бела дня темноте. Успевшие занять места у иллюминаторов напрасно силились разобрать в закрывшей свет мгле хоть что-нибудь – и не видели даже волн в двух саженях.

Посыпались предположения о нежданной мгле – поначалу грубовато-шутливые, маскирующие испуг. Однако вслед за остановкой парохода палуба перестала вибрировать от ставшей привычной работы машины. А мгновением позже ревущий звук сбрасываемого в машинном отделении пара убедил всех, что с пароходом случилась какая-то беда.

Люди замолчали, переглядываясь в неверном тусклом свете фонарей, через один утром, как обычно, погашенным.

В довершение ко всему заревел басовитый гудок парохода – раз, другой, третий… Пароход ревел, словно раненый зверь – монотонно, хрипло, отчаянно. Тут уже и самые завзятые игроки побросали свои карты. Каторжники отхлынули от иллюминаторов и кинулись с расспросами к единственному, кто мог сейчас объяснить и успокоить – к караульному в длинном коридоре между решетчатыми стенами отделений.

Однако караульный, и сам немало озадаченный, лишь задрал голову к квадрату люка над головой и вяло отмахивался от посыпавшихся вопросов: откуда ему здесь было знать, что случилось где-то наверху и в машинном отделении?

- Эй, малый! Нас что – поджарить решили тут?

- Пошто тилятор-то не вертится, мил-человек? Ты начальству-то доложи! Вишь, пот глаза уж выедает…

- Почему стоим, служба?

- Откель темень-то такая? День на дворе, а в окнах как у арапа в заде. Ох, грехи наши, грехи!

- Ребяты, а, може, нас прямо к преисподней подкатили, чтоб даром на Сакалин не возить…

- Господа арестанты, вы ж люди понимающие! – прорвало, наконец, караульного. - Ну, как я начальству доложу, ежели мне пост покинуть никак невозможно? А вахлак наверху, верхний караульный, то есть, куда-то подевался. Подумайте сами, братцы!

- А нам како дело? Нет такого манифесту, чтоб, значить, невольных людёв травить! Пущай выпущают наверх, где дыхать есть возможность!

- Чичас всем калганом за решетку возьмемся, да сами выберемся! Тады уж не обессудь, служба! – не слишком шутливо

пригрозили конвойному.

- Не шумите, братцы! Аврал, видать, - попробовал успокоить каторжников караульный, и задрав голову, закричал: - Эй, наверху, кто там есть? Что случилось-то?

Но в квадрате люка никто не появился. Прислушавшись и досадливо отмахиваясь от галдящих арестантов, конвойный все же сумел различить в перерывах между пароходными гудками трель боцманского рожка и топот бегущих ног.

Теперь беспокойство арестантов передалось и конвойному. Он знал, что по судовому расписанию на верхней палубе у люка, в арестантский трюм должен неотлучно находиться вахтенный матрос. Да вот только что, минут пять назад, он заглядывал вниз и сообщил, что по курсу и по обе стороны до самого горизонта – стена плотного тумана.

- Куда он делся, чертяка? – пробурчал конвойный. Помедлив, он постучал увесистой связкой ключей по трубе, выходящей наверх.

За такую «музыку» вахтенный или любой оказавшийся поблизости офицер наверняка даст ему взбучку. Однако тревога оказалась сильнее устава службы, и конвойный снова загромыхал ключами по трубе – уже в полную силу.

- Эй, наверху! Есть там хоть кто-нибудь? – закричал караульный. – Как службу несешь, оглоед! Бакланов считаешь?

И снова в люке никто не появился.

- Должно, учебная тревога, - попробовал схитрить конвойный. И обернулся к десяткам лиц, прилипших к решеткам.- Бывает на кораблях, братцы-арестанты! Должно, капитан решил проверить готовность команды к авралу и объявил тревогу. С него ведь тоже спрашивают…

Более ничего тревожного пока не происходило. Палуба под ногами не качалась и была ровной, запаха дыма от пожара (тюфу-тюфу-тюфу, сплюнул конвойный) не было. Необычным пока было только то, что лопасти огромного вентилятора, перемалывающего обычно воздух, вовсе остановились.

- Не дрейфь, публика! – крикнул арестантам сквозь их гомон и вопросы караульный. – Соображать надо: ежели бы что случилось, нас бы тут никак не обошли!

И снова караульный зашагал по коридору, досадливо шевеля лопатками под насквозь пропотевшей форменной блузой и с невольной завистью поглядывая на раздетых – иных и без исподнего! – арестантов.

- Хорошо вам, господа арестанты! – не удержался матрос. – Захотели – и хоть нагишом сидите… А тут единой пуговицы не расстегнешь, не положено! Сразу наряд внеочередной схватишь от начальства.

Всякий раз, приближаясь к той самой трубе, конвойный брякал об нее то ключами, то рукояткой штыка в ножнах у пояса. И всяких раз никто наверху не отзывался.

- Что-то больно долго твой верхний вахтенный где-то гуляет! – уже со злинкой в голосе загомонили арестанты.

- Нам тут что – от жары подыхать?!

- Зови начальство, служба! Хучь и тревогу подымай!

- А я не зову? – огрызался караульный. – Али ухи у всех позавесило, не слышите, какой я перезвон устроил? Ровно дьяк на колокольне, чес-слово.

- Сильнее шуми, стало быть, малахольный!

- А ты стрельни из ружья свово, служба! Враз прибегут, - посоветовали конвойному.

- Разуй глаза, дядя! Где ты у меня ружье видишь? Из штыка стрелять, по твоему? – парировал часовой. – И так шумлю, хотя за такие штуки по головке не гладют! - А ежели мы не шутейно сейчас за решетку всем миром возьмемся? – в голосе каторжника слышалась уже настоящая злоба. – А ну-ка, навались, братцы!

Озлобленность задыхающихся людей за стальными прутьями всплеснулась, словно вода в тихом бочаге, потревоженная упавшим булыжником. Несколько рук затрясли решетку с обеих сторон, этих сжатых в кулаки рук мгновенно стало больше, и стальные прутья отозвались гулом и таким сотрясением, что конвойный ощутил толчки даже подошвами грубых матросских ботинок, через палубу.

Мгновение – и обстановка в каторжном трюме накалилась до страшного. Конвойный, с надеждой поглядывая на дюймовой толщины стальные прутья, все же отступил в дальний угол, взялся за ремень, на котором висел штык. Зашуметь, поднять тревогу?

Накажут, конечно – черт с ним, с наказанием, с «фонарем», коим на пароходе называли тесную утробу основания полой мачты за медной выгнутой дверкой. Пусть накажут – только бы не оставаться одному в страшном окружении взбесившейся толпы.

Все же матрос-конвойный, на глазах у которого мирные и безобидные досель люди за решеткой – вмиг превратились в клокочущую злобой страшную стаю, еще попытался было образумить готовых к бунту арестантов.

- Погоди бунтовать, братцы-арестанты! – умоляюще закричал матрос.- Чичас все разъяснится, право!

- А ну, навались, братва! – вразнобой отвечали каторжники. – Счас растрясем решетку, наверх выберемся! А ну-ка, дружнее!

- Я те возьмусь! Я те возьмусь! – тут же с нервным смешком отозвался караульный, все же отступив ближе к люку, ведущему наверх. – Погодите, честью прошу! Сей момент вернется вахтенный наверху - и все узнаем!Ежели тревогу подниму, капитан и вас по головке не погладит, небось знаете! В момент опять браслетики прикажет надеть, а заводил – в «фонарь»! Охолонитесь, господа арестанты!

Гомон арестантов превратился в грозный рев теряющей управление толпы. Словно в ответ опять зазвучал сигнальный ревун парохода. Едва замолкнув, он снова и снова гудел с малыми промежутками.

Притихшие было каторжники снова загомонили.

- Никак топнем, братцы! – А нас тута заперли! Выпущай нас, мать твою, служба! Сей момент выпущай!

Шум в арестантском отделении, наконец, привлек внимание наверху. В светлом прямоугольнике верхнего люка показались чьи-то головы. Стараясь перекрыть гомон каторжников, караульный задрал голову и заорал:

- Братцы! Кликните начальника караула!

Головы исчезли.

- Счас позовут начальство! Сей момент! – караульный повернулся к арестантам, облепившим решетки по обе стороны прохода, умоляюще сложил руки на груди. – Не шумите, господа арестанты!

Но его не слушали.

В общем шуме лязг металлической задвижки не был услышан. И лишь когда рядом с караульный оказался старший помощник капитана Стронский, арестанты на мгновение смолкли – чтобы тут же закричать еще громче, снова с остервенением затрясти металлические прутья решетки.

- Караул! Топнем!

- Выпущай нас наверх!

- В бога-мать, спасите!

Стронский, призывая к тишине, поднял над головой обе руки, замахал ими.

От этого ли жеста, от неожиданной ли широкой улыбки на лице офицера первые ряды каторжников постепенно смолкли и, призывая к тишине, даже принялись пихать локтями соседей и прикрикивать на напиравших сзади товарищей. Когда шум смолк настолько, что можно было говорить, Стронский опустил руки.

- Успокойтесь, господа! – зычно крикнул он. – Оснований для паники нет. У нас небольшая неприятность с машиной. С пароходом же все в порядке, потери плавучести нет. Так что не надо шуметь, господа!

- А пошто гудят все время?

- Темнотища какая-то – откель она?

- Зачем тилятор вертеть перестали?

Стронский снова поднял руки:

- Успокойтесь! – повторил он. – В машинном отделении, повторяю, произошла небольшая авария. Беда не великая, но весьма досадна. К сожалению, машину пришлось на время ремонта остановить. А без силовой установки вентиляция не работает! К тому же наш пароход, как назло, очутился в полосе мертвого штиля. Такое в море случается. Ни малейшего ветерка, господа! Потерпите, прошу вас! Господин капитан лично просит вас об этом, и намерен сейчас же спуститься сюда.

- Стало быть, не топнет пароход-то? Побожись, господин хороший! – к решетке протиснулся совершенно голый каторжник, прикрытый лишь бородой, да густой порослью на груди и ногах.

Стронский снял фуражку и с готовностью перекрестился.

Арестанты успокоено загомонили, но теперь уже гораздо тише. Напор на решетчатые стены коридора ослаб, однако толпа не отступала.

- Сумнительно все ж! – закричал другой каторжник. – День на дворе, а тут темень египетская. Пошто так? Знамение божие, должно… Али как?

Стронский начал было рассказывать про бури, которые поднимают над пустыней огромные массы песка, про ветер, разносящий эти песчаные тучи на сотни и тысячи верст вокруг, но тут рядом с ним появился капитан Кази. Он вполголоса спросил что-то у замолчавшего Стронского, тот кивнул, и капитан выступил вперед, откашлялся:

- Господа арестанты, прошу внимания! Как вам уже сказал мой старший помощник, в машинном отделении произошла досадная поломка. Ремонт осложнен тем, что на месте аварии очень высокая температура, вокруг – раскаленные трубы и детали. Сильный свист слышите? Это в машинном отделении сбрасывают лишний пар, а место аварии охлаждается забортной водой. Как только температура там снизится и даст возможность работать, аварийная вахта тут же приступит к починке механизма. Придется потерпеть, господа! Уверяю вас, что наверху, на палубе, почти такая же духота, как и здесь. А матросам аварийной вахты несколько часов предстоит работать в истинно адских условиях. Им придется гораздо тяжелее, чем вам – подумайте об этом, господа! Я, капитан этого судна, недавно оказал вам доверие, распорядившись снять с вас кандалы. Надеюсь, что вы не заставите меня пожалеть об этом решении! Что все вы с пониманием отнесетесь к нашей общей беде…

Капитан помолчал, вглядываясь в заросшие угрюмые лица вокруг, и продолжил:

- Не хочу скрывать от вас, господа, что жара и духота в арестантском трюме скоро повысятся. Вас тут шесть сотен душ, да и огонь в пароходной топке, несмотря на остановленную машину, гасить никак не возможно. Потерпите, голубчики! Кому станет совсем плохо – доктор распорядится вынести наверх, под душ. Но всех вас вывести наверх никак не возможно! Поймите, господа, что, оказавшись на верхней палубе, вы создадите помехи экипажу в

устранении аварии. Если есть желающие встать на помпы и качать воду – извольте! Шестерых охотников помоложе и покрепче выберет мой помощник, господин Стронский. Сейчас сюда спустятся доктор и корабельный священник. Они помогут вам перенести тяготы этого нежданного испытания. Если вы дадите честное слово не своевольничать, я распоряжусь отпереть двери ваших отделений, чтобы доктор, священник и господин Стронский могли беспрепятственно оказывать вам помощь. Да и вам посвободнее будет… Ну, как?

Арестанты одобрительно загомонили.

- Благодарствуем, господин капитан!

- Не сумневайтесь!

- Беспорядков не допустим – люди ж, все-таки! Не бараны, чай, неразумные…

- Вот и славно, господа! – кивнул Кази, делая знак караульному передать ему ключи, а самому ему покинуть трюм. – И последнее, господа арестанты! – голос капитана посуровел. – Мне очень не хочется этого говорить, а тем паче делать, но… Если вы не сдержите своего слова и попытаетесь покинуть трюм, я прикажу задраить верхний люк! И тогда – спаси, Господи, ваши души!

Кази перекрестился, круто повернулся, и, отдав ключи Стронскому, исчез на трапе.

Стронский, позвенев ключами, несколько помедлил перед ближайшей дверью. Арестанты подались назад.

- Не сумневайся, господин хороший! – выкрикнул кто-то. – Ежели к нам с доверием – не сумневайся и не опасайся! Пальцем никто не тронет, вот те крест!

Покраснев, Стронский быстро отпер оба замка и распорядился:

- Бачки с питьевой водой вынесите сюда, в коридор. Воду на пол выливать категорически не рекомендую: легче дышать не станет, уверяю вас! Воду сейчас заменят свежей – правда, боюсь, она будет не намного прохладнее…

* * *

Остановка парохода, свист сбрасываемого пара и смолкнувший гул машины под палубой, последующая нескончаемая серия тревожных гудков – все это, разумеется, не прошло мимо внимания

Ландсберга. Тревога арестантов, бросившихся к решетке, передалась и ему. Однако, легко спрыгнув со своей шконки, он тут же присел к ложу Жилякова. Старый полковник, пребывающий в полузабытье, очнулся от поднятого шума и попытался было приподняться на локтях, но тут же бессильно рухнул обратно. Ландсберг, как мог, успокоил старика, напоил подкисленной уксусом водой из кружки и смочил высохшую тряпку на лбу умирающего.

Что Жиляков умирал – сомнений у Ландсберга уже не оставалось. Вопрос был в другом – долго ли протянет полковник?

Ландсберг грустно поглядел на умирающего старика, осторожно погладил кончиками пальцев высохшую руку с возрастными пигментными пятнами и вздувшимися венами. И подумал: может, и впрямь надо было принять предложение начальника Псковской пересыльной тюрьмы? Остаться там вместе с Жиляковым… Ландсберг почему-то не сомневался, что сумел бы выторговать у начальника тюрьмы и эту невеликую милость. Жиляков был бы сейчас бодр и здоров…

Ландсберг вздохнул, бросил взгляд на поначалу расходившихся и тепрь несколько успокаивающихся после возникшей паники арестантов.

Как и эту основную массу людей, Ландсберга встревожила необъяснимая тьма средь бела дня. За время службы в Туркестане ему случалось пару раз попадать в песчаные бури – но они совсем не походили на нынешнюю. Там выл ветер, песок забивал рот, нос, глаза – здесь же было настолько тихо, что даже вечно беспокойные волны превратились в едва заметное шевеление воды.

Отметил Ландсберг и то, что в отделении нашлись, кроме него, люди, не бросившиеся к решетке. Остались на своих местах с десяток «татар» и «политика» - восемь осужденных в каторжные работы политических заключенных.

Ну, с «татарвой», как огульно называли здесь выходцев с Кавказа и из Закавказья, было более-менее понятно. Вырванные из привычного жизненного уклада и не зная русского языка, они все время держались друг друга. Все, что происходило с ними и вокруг них, было непонятно, страшно. Жиляков, долго прослуживший на Кавказе и умевший с грехом пополам объясняться с местными

жителями, утверждал, что почти все они вообще не понимают – за что их осудили, куда везут и что их ждет на каторге.

Любопытно, а политические что – настолько хладнокровны, что не боятся смерти на дне морском? – подумал Ландсберг.

Сам он остался на месте по двум причинам. Во-первых, не хотел бросать старого полковника. Ну, и боевой опыт офицера удержал в стороне от толпы, где могли смять, раздавить, растоптать. Ландсберг за время прелюдии к стихийному бунту успел для себя определить стратегию поведения. Если опасность для парохода реальна, вряд ли экипаж бросит на произвол судьбы шесть сотен арестантских душ. Пусть паникеры давят и топчут друг друга – когда основная их масса вырвется наверх, он возьмет старика на руки и спокойно выйдет следом.

Однако капитан парохода и его старший помощник довольно быстро успокоили арестантов. Верным был, с точки зрения Ландсберга, и тактический ход, предпринятый офицерами. Распахнутые двери в отделения дали арестантам ощущение доверия к ним и даже некоторой свободы. Немногим больше риска было и для всего экипажа: арестантам из трюма деваться все равно некуда. Трап перекрыт, до верхнего люка не допрыгнешь…

Напрасно только капитан честно предупредил, что жара и духота будут усиливаться, - подумал Ландсберг. Не надо было бы… Человек мнителен, и непременно станет ждать «обещанного». Похужеет на гривенник – а человек со страху решит, что на целый рубль… И опять паника начнется…

Несмотря на то, что отпертые и распахнутые двери, в коридор никто из арестантов выходить не спешил. Там суетились одни моряки. Несколько человек из команды спустились вниз по веревочному трапу, и, с опаской поглядывая на голых и полуодетых каторжников, стали принимать подаваемые сверху дополнительные фонари и бачки с водой.

Немного погодя в трюме появились корабельный священник отец Ионафан и доктор в сопровождении двух матросов-санитаров. Батюшка, помедливши и взявшись за крест обеими руками, шагнул в отделение, заговорил с оказавшимися рядом арестантами. Доктор же, задрав голову к люку, громко потребовал стул для себя, уселся

на него и сложил руки на саквояже, украшенном красным крестом.

- Господа арестанты! – снова послышался громкий голос Стронского. – Кому станет совсем худо – обращайтесь без стеснения к господину доктору. Держитесь, братцы! Матросикам в машинном отделении сейчас гораздо труднее, чем вам. И доктора там нет, между прочим!

Держа в руке фонарь, старший помощник остановился неподалеку от Ландсберга, по-прежнему опекающего старика.

- Ну что, господа арестанты, есть желающие поработать на помпе? – весело поинтересовался Стронский, вглядываясь в смутно белеющие вокруг лица.- Денег за это не полагается, зато первыми солнышко увидите! Ну, есть охотники?

- На каторге успеется этак-то спину работой наломать! – буркнул в ответ кто-то из темноты. – Дыхать нечем, а ён туды же – «на помпу»!

Стронский вгляделся в темноту, пытаясь определить невидимого собеседника.

- Ну, тебя, дядя, я наверх не возьму, - добродушно хмыкнул старший помощник. - У тебя, видать, со слухом неважно, раз не понял, что сказано было… Сам-то откуда будешь, борода?

- Ухи у меня в порядке, ваш-бродь! – обидчиво отозвался каторжник, пробираясь несколько вперед. – Спину ломать тока зазря нет охоты. Пусть ломають те, значить, кто машине вашей башку свернул. Али не справедливо говорю, робя?

Окружающие вразнобой зашумели. Прислушавшись, Стронский понял, что в гомоне доминировали одобрительные интонации.

- Что ж,- помощник решил не нажимать.- Поищем кого помоложе, да посговорчивее. А насчет виноватых, борода, это ты напрасно! Я же говорил, что там матросики работают.

- Помоложе, гришь, охотники нужны? Тады, ваш-бродь, политику бери! Оне все молодые, - подал насмешливый голос еще кто-то. – И сознательные, грят, оне, и работой на каторге избалованы не будут, потому как – политика! Пусть на помпе хоть постоят ихние благородия!

- Верно! – поддержал другой голос. – Верно, политику возьми, ваш-бродь! А то ихнему брату среди нас, сиволапых, неспособно. Вр-

он оне, у решетки, кучкой гуртуются.

Стронский двинулся туда, куда указал каторжник. Ни минуты не сомневаясь в ответе политических, он все же решил поговорить с ними – хотя бы прозондировать настроения.

- Ну, господа политические, здравствуйте. Позвольте представиться: старший помощник капитана Стронский, Роман Александрович. Об аварии, полагаю, слыхали?

- Напрасно время тратите на агитацию, - скривил губы худощавый арестант из кучки политических. – Заставлять нас работать вы не вправе, господин помощник! Мало вам того, что поместили нас, в нарушение правил содержания, вместе с уголовниками? А теперь и работать хотите заставить? Не выйдет-с!

- Старший, - мягко поправил Стронский. – Я – старший помощник, господа! О претензиях ваших наслышан – но упреки насчет общего содержания на свой счет принять никак не могу! Жалуйтесь, если угодно! Но, честно признаться, оснований для подобных жалоб не вижу - вот если бы на судне были предусмотрены отдельные помещения для политических, а я бы их вам не предоставил – другое дело… А насчет помощи наверху – что ж, мое дело предложить…

Стронский повернулся на каблуках.

- Господин старший помощник! – окликнул его другой арестант из политических, язвительно делая акцент на слове «старший». – Раз уж вы здесь – то не угодно ли вам будет распорядиться, чтобы нас в свете чрезвычайных обстоятельств вывели на палубу? Без всяких условий, разумеется? У вас, как у старшего помощника, надеюсь, имеются соответствующие полномочия?

- А на каком основании? И почему именно вас?

- На том, что мы – не уголовники, а политические, ежели уж сами не понимаете. Держите нас тут вместе с… прочими, так хоть сейчас дайте возможность формальной изоляции!

- Изоляции? – Стронский, видя совершенно очевидный поворот разговора, на мгновение задумался – стоит ли? Но все же не удержался, очень уж хотелось попытаться поставить на место изрядно досаждавших ему бесконечными жалобами и несуразными требованиями политических. – Изоляцию, говорите? Хм… По-моему,

в данных обстоятельствах сия изоляция скорее уж стала бы называться иначе, господин арестант. Привилегией-с! Вот вы грамотные все, насколько я знаю, а не понимаете простых вещей…

- И чего же мы-то не понимаем? – арестант оглянулся на своих товарищей.

- Сейчас объясню. Только позвольте предварительно несколько вопросов, господин политический арестант. За что изволите быть осужденным? Только не надо сейчас про свои убеждения и политические взгляды, мотивы – конкретно, пожалуйста!

- Это провокация! – выкрикнул самый молодой из политических.- Не отвечай на эти жандармские штучки, Борис!

Борис пожал плечами и промолчал.

- Не желаете отвечать? Напрасно, напрасно, господин революционер! – усмехнулся Стронский. - В силу своих полномочий я знаком со статейными списками всех ссыльнокаторжных на этом пароходе. И с вами – заочно, разумеется! Борис Покровский, не так ли?

- Допустим, так что же?

- А то, что вы, господин Покровский, осуждены сразу по нескольким статьям Уложения о наказаниях. Среди прочего – вооруженный налет на кассу акционерного общества, откуда вы с товарищами забрали более тридцати тысяч рублей. Кроме того, вы готовили налет на банк, о чем говорят найденные у вас при обыске планы помещения, взрывчатка, оружие… Я не ошибаюсь, господин Покровский? А среди ваших политических друзей есть и убийцы, и террористы. Они, разумеется, тоже считают, что достойны особого к ним отношения?

- Борис, не дискутируйте! – поддержал молодого политического товарища арестант постарше.- Идите сюда!

- Разумеется! – криво усмехнулся Покровский. – Все понятно: господин старший помощник капитана завоевывает в арестантском отделении дешевую популярность! Он не видит разницу между нами и обычными уголовниками. По жандармскому ведомству не изволили раньше случайно служить, господин помощник?

- Да нет, знаете ли! – весело ответил Стронский. – Скажу вам более, Покровский: и впредь не собираюсь! А вот ваш брат,

революционер, слыхал, порой меняет свои призрачные революционные идеалы на вполне реальные серебряники. Причем именно жандармские-с! Или не так, Покровский?

Даже в сумраке арестантского отделения, в неверном колеблющемся свете фонарей, было видно, что бледное лицо Покровского побелело еще больше. Сжав кулаки, он шагнул к офицеру.

- Вы на что намекаете, господин помощник?.. Вы смеете грязно намекать…

- Успокойтесь, Покровский! Я ни на что и ни на кого не намекаю, - бросил через плечо Стронский, ничуть не удивленный резкой реакцией арестанта. - К сожалению, тайная полиция держит в секрете имена и количество своих союзничков и осведомителейв в вашей среде. Уж если кто и кричит о предателях, так это ваш брат. Революционер! И весьма громко, смею заметить! Будучи подписчиком столичных и московских газет, я неоднократно читал о неожиданных расправах с людьми, внесенными в особые списки полиции. То студентика найдут с кинжалом в груди и запиской от бывших товарией по идеалам, то мещанина… А в записках что-то вроде «собаке – собачья смерть», или «так будет со всеми предателями»…

Каторжники, примолкшие было во время стычки старшего помощника с политическими, оживленно зашевелились. Кто-то вполголоса, но вполне явственно заметил:

- Никак на воре шапка горит, а, ребя?

- Гля, как наёжилась политика-то!

- Не ндравится!

- Покровский, немедленно прекратите этот диспут и идите сюда! – прикрикнул властный голос из группы политических.

Помедлив, Покровский отвел ненавидящий взгляд от Стронского и вернулся к своим. Его сразу же засыпали упреками: слышались слова «провокация», «спокойствие», «жандармы»…

Стронский, жалея о собственной несдержанности и ненужной дискуссии с политическим, попытался отвлечь внимание остальных арестантов вокруг, проявивших к разговору болезненный интерес. Заметив рядом с собой совершенно голого мужичка, едва прикрытого

чем-то вроде набедренной повязки, сооруженной из портянки и веревочки, старший помощник подмигнул ему:

- Что, дядя, теперь, небось, в Дарвинову теорию уверовал?

Каторжник подозрительно посмотрел на офицера:

- У меня крест на шее, господин хороший! – отозвался он, шаря рукой в заросли волос на груди. – Вот он, али не видишь? Кака така дар… тев… тьфу, ты Господи! И не выговоришь. В обчем, православные мы, ваш-бродь!

- Одно другому не помеха, - с серьезным видом заметил Стронский. – Я не про веру говорю, а про происхождение человека. Ученый есть такой, англичанин – Дарвин. Так вот, он открытие сделал, дядя, что человек в своем развитии произошел от обезьяны. И растительность, которой ты покрыт с пяток до макушки, подтверждает это. Понял, борода?

- Не знаю я этих дарвинов, и с англичанами сроду не знался, - обиделся бородач. – Не знаю – с чего он взял про облезьян твоих. Я от родителев произошел, а не от энтих облезьян! Да у нас в губернии и зверинцев, чай, сроду не было! Тока в Москве, когда на заработки туда подался, и увидел энтих облезьян страхолюдных…

- Ну, а откуда, по-твоему, на тебе сплошной волос? – посмеиваясь, продолжал балагурить Стронский.

- Известно от кого – от батюшки мово, Силантия. Его волос погуще мово был, у покойника. А он – от деда происхождения имеет. Так что напрасно ты, ваш-бродь! Не было в нашем роду облезьянов никаких. Все христиане, все православные, до седьмого колена. Англичанин твой, может,и от них, хе-хе, и произошел – а мы нет!

- Господин пароходный начальник, дозвольте вопрос? – к Стронскому протиснулся молодой арестант с жидкой бороденкой. – Отчего же, все-таки, беда с пароходом нашим случилась?

- Ну, дядя, тут коротко не скажешь. А длинно объяснять – боюсь, не поймешь. Впрочем, попробую! – Стронский небрежным жестом промокнул мокрое лицо платком.- Когда-то наш корабль ходил только под парусами. Потом люди изобрели паровую машину. С нею моряки уже не зависят от каприза стихий, ветров и прочее. Но пароходная паровая машина, как, наверное, понятно – механизм очень сложный. Кочегар бросает в топку уголь, вода в котле под

действием жары закипает. А образующийся пар с большой силой давит на поршни. Поршни двигаются туда-сюда, и от этого происходит вращение вала, на конце которого расположен гребной винт. Вращением этого винта пароход отталкивается от воды и двигается вперед. Понятно пока излагаю?

- Разумеем, ваш-бродь. Дык как же насчет беды-то нашей?

- Ты слушай, дядя! Я тебе схематично, так сказать, обрисовал работу паровой машины. Она же весьма сложна в своем устройстве, и, помимо основного механизма, связанного с валом и винтом, имеет много дополнительных. Взять ту же вентиляцию, которая воздух в трюм гонит – это тоже от паровой машины. Есть устройство, которое предназначено для охлаждения – чтобы не выбрасывать отработанный пар в воздух, а снова использовать его для работы. Это называется система охлаждения. Она нужна еще и для того, чтобы от высокой температуры не перегрелись важные части самой машины. И вот этосамое устройство для охлаждения у нас и поломалось – понял, дядя?

- Понял, ваш-бродь. А отчего поломалось-то?

- Ф-фу, ну ты и дотошный, дядя! Всякая механика нет-нет, да и ломается. Вот ты, к примеру, до суда чем раньше занимался?

- Извозом, при лошадях состоял, ваш-бродь.

- И что – телега твоя никогда не ломалась?

- Как не ломаться – известное дело, ломалась. То сбрую чинишь, то колесо.

- Ну вот, видишь? Такая простая вещь, как телега – и та ломается. А тут этакая громадина, пароход.

- Дык я же не о том, в ваш-бродь, спросил себя. Я интересуюсь – почему твоя механизьма сломалась? Телега-то – и то по разным причинам ломается. Бывает, не доглядит возчик, ежели ленив или вино трескать любит. А, быват, и само по себе – от грязи непролазной, али, скажем, от камня на дороге. А тута, в море-окияне, ни камней, ни грязи нету – стало быть, от людского недосмотра беда стряслась, ваш-бродь? Так ведь?

- Кругом ты неправ, дядя, - усмехнулся старпом. – И в море камни на пути корабля попадаются. И неожиданностей много. А море, как и всякое серьезное дело, небрежности не прощает. А что

до нынешней аварии, то насчет людского недосмотра ты, дядя, с обвинениями поспешил! То есть, я не хочу утверждать, что такого на «Нижнем Новгороде» нет и быть не может. Может, и бывает… Вот починим машину – и будем разбираться. А сейчас не время, дядя! Людей сейчас спасать надо. Вас вот, например, горемычных. Или, - Стронский прищурился, склонил голову к левому плечу. – Или правильнее, по-твоему, будет аварийную команду из машинного отделения отозвать и начать следствие по поиску виноватых?

- Господь с тобой, ваш-бродь! Пущай уж матросики стараются, дай им Бог сил. Я так просто спросил, из антиресу…

- Господин старший помощник капитана! – обратился через головы окруживших Стронского каторжников Ландсберг. – Позвольте обратить ваше внимание на моего товарища, Жилякова. Надо бы его наверх отправить, задыхается он. Он стар и болен, господин старший помощник…

- Давайте посмотрим на вашего товарища, - согласился старпом. – Где он? Позвольте мне пройти, господа…

Едва бросив взгляд на Жилякова, Стронский понял, что его дело плохо. Кивнув Ландсбергу, он приподнялся на носках, высматривая доктора.

Пока старший помощник капитана Стронский успокаивал обитателей тюремного трюма, судовой доктор Иванов прочно утвердил на вытребованном стуле свое седалище, и судя по всему вставать не собирался. Он глядел прямо перед собой, и на арестантов даже не взглянул. Двум матросам-санитарам, откомандированным в его распоряжение, велено было стоять по бокам и чуть сзади, и с места, без особого на то распоряжения, боже упаси двинуться.

Доктора переполняли трусость и бешенство. Он не видел решительно никаких для себя оснований находиться в тюремном трюме – душном, вонючем, а главное – крайне опасном – но был вынужден исполнять приказание капитана. Ненависть к капитану Кази была по силе сравнима лишь со страхом, который Александр Венедиктович Иванов испытывал здесь ежесекундно. Струйки холодного пота, беря начало на лбу и за ушами доктора, давно уже насквозь промочили всю спину сорочки и даже верхнюю часть брюк.

Щадя собственную гордость, он относил обильный пот к удушливой атмосфере трюма без малейшего колыхания спертого воздуха и успокаивал себя соседством дюжих матросов. С нескрываемым удовольствием и облегчением Александр Венедиктович без конца повторял про себя, что за все время каторжного рейса ни разу не позволил себе прежних, привычных ему выходок по отношению к собранному здесь отребью. И не успел, стало быть, заслужить ответную ненависть здешних арестантов, которая раньше даже забавляла его во время службы в разных тюрьмах юга России.

На Стронского, чья белоснежная сорочка то и дело мелькала в недрах трюма, среди бледных и заросших арестантов, доктор старался и вовсе не смотреть, искренне полагая его поведение ненужной бравадой и никчемным либеральничаем, старанием выслужиться перед капитаном.

Сверху продолжали спускать дополнительные бачки с питьевой водой, и доктор Иванов злобно зашипел на матроса-санитара, двинувшегося было помочь принять тяжелые посудины.

- Стой, где тебе велено, негодяй! Кому было сказано – без моего приказа ни шагу от меня! Линьков боцманских захотел, подлец? Так я распоряжусь, ты меня знаешь…

- Напрасно вы, ваш-бродь, господин дохтор, каторжных опасаетесь, - наивно попытался успокоить Иванова санитар. – Арестанты у нас, слава Богу, смирные. Да и не до нас им чичас, нешто не видите? Опять-таки, ваш-бродь, дохтура им и вовсе ни к чему забижать, оне ж понимают…

- Замолчи, негодяй! Учить меня?! – так же тихо зашипел доктор, стараясь не привлекать выговором ничьего внимания. – Стой и молчи, знай свое дело! Ишь, умный тут выискался…

Доктор достал из кармана обширный платок и вытер залитое потом лицо, попытался протереть этим же запотевшие стеклышки пенсне. Однако, усилия его были тщетны: платок был насквозь мокр, и пенсне осталось малопригодным для зрения. Тем не менее, доктор отработанным движением водрузил его на мясистый нос и снова замер в неподвижности, отчаянно желая, чтобы все его мучения побыстрее кончились.

- Доктор! – крикнул Стронский. – Господин Иванов, извольте

освидетельствовать больного! Санитары, сюда!

Иванов привстал со стула, но тут же уселся поудобнее и махнул двум матросам-санитарам:

- Ступайте к старшему помощнику, - ворчливо распорядился он. – Ежели что – тащите этого больного сюда. Да фонарь, фонарь, дубина, один оставь!

Однако Ландсберг запретил матросам брать Жилякова за руки – ноги, как они намеревались. Обращаясь к Стронскому, он вежливо потребовал носилки.

- Что ж вы, братцы, без носилок-то? – выговорил Стронский матросам. – Несите сюда носилки живее.

- Так что доктор насчет носилок не распорядился, - развел руками санитар постарше. – Я-то спрашивал его благородие, а оне меня обругать изволили только.

- Давайте, давайте сюда носилки! – поторопил Стиронский. – И передайте там, наверху, боцману – пусть поставит четырех молодцов у люка, вытаскивать больного!

- А куда его, ваш-бродь, наверху девать? – поинтересовался санитар. – Часового прикажете рядом поставить?

- Господь с тобой, братец! – удивился Стронский. – Какого часового? Ты что – не видишь, что старичок в забытье? Присматривать за теми, кого наверх подавать будем, надобно, но только с медицинской точки зрения. Куда они с корабля-то денутся, братец?

- Известно, в море с корабля одна дорога! – шмыгнул носом санитар. – В парусину – и на вечную побывку, к морскому царю.

- Не каркай, братец! Не каркай, - Стронский повернулся к Ландсбергу. – Господин Ландсберг, если не ошибаюсь?

- Так точно, господин старший помощник капитана.

- За товарищем своим вы доселе ухаживали?

- Так точно…

- Как бывший офицер… э… И вообще, как человек образованный, Ландсберг, полагаю, вы не откажетесь помочь вашему товарищу и наверху, полагаю? И не только ему, скорее всего. Доктор у нас один, и заниматься больными будет тут, внизу. А вы, Ландсберг, там побудьте, хорошо? Наверняка еще кого-нибудь поднимать

придется. Ну, воды им подать или позвать в экстренном случае доктора…

- Разумеется, господин старший помощник капитана, - Ландсберг склонил в поклоне голову.

- Спасибо, голубчик. Я сейчас распоряжусь, чтобы вам бросили трап – сумеете подняться?

- Думаю, да, - чуть улыбнулся Ландсберг.

- Г-м… Надеюсь на вашу порядочность, Ландсберг! Ввиду, так сказать, недопущения всяких беспорядков.

- Не извольте беспокоиться, ваше благородие. Попыток побега и поднятия бунта не будет, господин старший помощник капитана!

- Ну, вы и сказанули – бунта! Впрочем, спасибо! Ну, господа, пока в порядке? Сознания больше никто не потерял? Держитесь, братцы!

Ретроспектива-3
На «Клеопатре»

В дверь постучали, как и было принято во всякой дорогой гостинице, почтительно-ненавязчиво. Дрентельн прислушался и фыркнул: стук в двери – целая наука, если не сказать искусство! Вполне можно ученую работу писать о взаимосвязях посетителя, места его посещения, лица, сие помещение занимающее, и способах стука, сиречь разрешения войти. Ну, и, разумеется, о связи с общественным положением того, кто пришел и к кому пришли… Александр Романович устало потянулся, поудобнее устроился в глубоком и покойном кресле и только после этого негромко откликнулся:

- Да? Войдите!

Дверь немедленно приотворилась – ровно настолько, чтобы в нее протиснулся небольшой серебряный поднос, а вслед за ним – рука в зеленом рукаве, расшитом позументами. Следующим явлением был лисий нос гостиничного полового и быстрые, цепкие глаза на бледном лице.

- Прощенья просим за беспокойство, ваше высокопревосходительство! Посетитель к вам-с, - всем своим видом половой высказывал неодобрение некоему назойливому посетителю, осмелившемуся беспокоить его высокопревосходительство господина киевского генерал-губернатора, прибывшего в столицу наверняка по важнеющему делу. – Однако, ваше высокопревосходительство, поскольку вы сами изволили предупредить об ожидаемом госте...

- Ладно, давай его сюда! – Дрентельн взял с подноса визитную

карточку, мельком глянул, удивленно поднял брови. – Погоди-ка! Что за черт? Какой еще Митрофаньев? Купец первой гильдии? Кой черт - я жду совсем другого господина!

- Позволю себе заметить, что сей субъект, исходя из моего знания человеческой природы, на купца нисколько не похож, - доверительно зашептал половой, оглядываясь на дверь. – Может, спровадить его прикажете? От греха подальше-с…

Дрентельн совсем было хотел согласиться с дельным предложением, но вдруг расхохотался:

- Постой-ка, малый! Купец этот что – высок? Пробор слева и усы подковой? Слегка навеселе?

- Так точно, ваше высокопревосходительство! Точка в точку описали! - восхищенно вытянулся половой. – Так как прикажете-с? Взашей?

- Да нет, не надо взашей, - посмеиваясь, Дрентельн бросил на поднос серебряный рубль. – Проси этого «купца», хе-хе! Всё в игры свои, подлец, играет!

- Слушаюсь!

Половой исчез за дверью, а через несколько мгновений в номер без стука зашел посетитель. Одетый в серую статскую пару, он, тем не менее, всем своим видом выказывал привычку к ношению мундира. Щелкнув каблуками, он коротко наклонил голову, рывком поднял ее и смело поглядел в лицо киевского генерал-губернатора.

- Ну, здравствуй, здравствуй, Судейкин! – все еще посмеиваясь, Дрентельн, бывший шеф Корпуса жандармов и некогда всесильный Главный правитель III-го отделения Его Императорского Величества канцелярии, сделал рукой приглашающий жест. – Заходи, чего стесняешься! Вызвать в Петербург не постеснялся, а сейчас робкого из себя строишь. Садись, полковник!

- Александр Романович, да разве я посмел бы вызывать столь значительную особу, как вы? – Судейкин уселся напротив бывшего начальника, аккуратно сложил руки на коленях. – Как доехали, ваше высокопревосходительство?

- Скверно, братец! Совсем в поездах спать не могу! – пожаловался Дрентельн. – И это в отдельном салон-вагоне – а что испытывают наши бедные пассажиры, вынужденные ехать в

обычных вагонах! Впрочем, черт с ними. Что стряслось, Судейкин? К чему эта таинственность? Это письмо с нарочным? Сплошные намеки, туман! Приезжаю - ты тут с купеческой визитной карточкой! Да какой из тебя купец? Половой-подлец сразу раскусил, что не тот человек! Теперь на всю гостиницу раззвонит, что к приезжему киевскому губернатору сыскные ходят…

- Извините, коли что не так, ваше высокопревосходительство! Но обстоятельства, о чем я и писал вам, сложились таким образом, что требовали от меня быстрых действий. С купцом я, конечно, маху дал. Но ей-ей, недосуг было голову над соответствием личины поломать. Не до жиру, как говорится!

- Что, натворил опять делов?

- Натворили, - подчеркнул последний слог Судейкин. – Вместе с вами натворили, ваше высокопревосходительство! Теперь и думать вместе надо, как наши головы спасать.

- Ты что, пьян? Чего несешь? Давай, выкладывай по порядку – или убирайся к черту! – Дрентельн сердито сверкнул глазами, но на душе вдруг стало неспокойно.

- Ландсберг, ваше превосходительство. Опять Ландсберг! – многозначительно произнес Судейкин. – Изволите помнить сего субъекта?

- Ну, помню. И что? Он ведь осужден, и в каторге должен быть, по нынешнему времени-то! Что, сбежал? Или имеет какое-то отношение?..

Дрентельн не договорил, имея в виду цареубийство. Александр Второй совсем недавно, нынешней весной, погиб-таки от бомбы террориста, которого вместе с товарищами поймали, и совсем скоро должны были осудить.

- Нет, не сбежал. И никакого отношения к известному всем печальному событию не имеет. И иметь не мог, ваше высокопревосходительство! Хотя… Хотя мог бы и иметь – при определенных обстоятельствах, - со значением проговорил жандармский полковник.

- Да говори же ты, Судейкин, по делу! – простонал Дрентельн. – Чего душу тянешь?

- Слушаюсь. Если изволите помнить, в Литовском тюремном

замке к Ландсбергу был подсажен по моему тайному указанию некий Захаренко. Актер и мой агент по кличке Граф Калиостро. Пользуясь своим природным даром гипнотического внушения, он был совсем близок к тому, чтобы склонить Ландсберга к некоему действию, хорошо известному вашему высокопревосходительству… И не только известному – скорее уж, ваше высокопревосходительство, вполне вами одобренному!

- Ты, Судейкин, говори, да не заговаривайся! – Дрентельн снова гневно сверкнул глазами на собеседника.

- Как вам будет угодно-с, - чуть заметно усмехнулся Судейкин. – Да-с… О чем это я говорил? Горло пересохло, ваше высокопревосходительство…

- Потерпишь! Впрочем, дерни за сонетку – пусть принесут чего-нибудь.

Отдав распоряжение насчет «чего-нибудь» моментально явившемуся половому, Судейкин проследил, чтобы тот, выходя, плотно прикрыл за собой двери и продолжил.

- Так вот, ваше высокопревосходительство, с Захаренко вышел некий казус, весьма обидный. Игра случая, как говорится! Бывает, бывает такое в нашем деле, ежели изволите помнить прежние веселые денечки.

- Погоди… Ты же говорил, помнится, что с этим Калиостро, гм… Что-то с ним случилось… Что вопрос с ним был решен, так сказать, радикально?

- Он и был решен, ваше высокопревосходительство. Но, как недавно выяснилось, не столь радикально-с, как было ожидаемо. Дрогнула рука у моего исполнителя. Чуть-чуть он ошибся – да и не дождался еще до конца, стервец! Не убедился, так сказать. А Захаренко, ежели помните, мужчина здоровый, физически силен… был. В общем, крепким орешком оказался. Очухался, негодяй, до двери дополз, и хозяина квартиры позвать сумел. А тот – доктора вызвал. И хуже того – священника. Доктор-то, естественно, поделать ничего уже не мог: рана оказалась все-таки смертельной. А вот священнику наш грешник успел кое в чем исповедаться…

- Так… И что же священник?

- Тайна исповеди ненарушима, ваше

высокопревосходительство! Тем более, что мой исполнитель, узнав о сем, принял дополнительные, так сказать, меры предосторожности. Не сразу, конечно! Сразу-то нельзя было, сами понимаете. И абы как тоже нельзя – чтобы чины сыскной полиции, ведущие официальное дознание, не нащупали взаимосвязь разбойного нападения на священную особу с исповедью ему некоего таинственного субъекта, личность которого, осмелюсь доложить, официальными властями так и не была установлена. Плохо то, ваше высокопревосходительство, что проклятый священник, уходя из мира сего вслед за Калиостро, успел открыться своему церковному начальству в том, что хранил в тайне столь опасное преступное покаяние.

- Час от часу не легче! - простонал Дрентельн. – Ну, говори же до конца, говори!.. Пшел вон! – заорал Дрентельн на сунувшегося было в номер официанта с бутылкой «Шабли».

- Никаких имен священник не назвал, ваше высокопревосходительство. Это моему человечку известно доподлинно. Не ведаю, почему – то ли Калиостро намеренно скрыл имена, то лисвященник. Так что ни Ландсберг, ни я, слава Богу, батюшкою не названы.

- Слава те, Господи! И на том спасибо! – перекрестился Дрентельн, и тут же подозрительно вперил взгляд в посетителя. – Но… Но зачем тогда ты пришел? Столько времени прошло уж… Зачем вызвал меня? Не договариваешь чего-то, а, Судейкин?

- Не договариваю-с! И в том каюсь, ваше выпокопревосходительство! Не договаривал, вернее, оттого, что и сам пребывал в блаженном, так сказать, неведении. Исполнитель, человечек мой, что Захаренку убрал и священника заодно, не все, подлец, в рапорте мне представил тогда…

- Да говори же, ирод! Не тяни душу, - схватился за голову генерал-губернатор. – Ну!?

- В общем, Александр Романович, не озаботился человечек мой, так сказать, о свидетеле, который видел факт разбойного нападения на священную особу. Хуже того: и свидетеля упустил, и мне об этом не доложил! Кабы я знал… Кабы знать, ваше высокопревосходительство, я б того исполнителя сразу же к чертовой матери из Петербурга спровадил! Россия велика, уголков

потаенных сыскать можно предостаточно! И для молчуна, и для свидетеля, сами знаете. Но не сказал, негодяй!

- Ну, Судейкин! Не тяни жилы!

- Да разве ж я посмел бы, Александр Романович! – Судейкин привстал, клятвенно прижал руки к груди. – Я ведь только исключительно для полноты картины все детали вам описываю!

- Полковник…

- Да-да, ваше высокопревосходительство! Сей момент закончу. Ровно неделю назад опознал-таки тот самый проклятый свидетель моего человечка. Встретил случайно в ресторации – и опознал. Ну, шум, крик, естественно. Схватили сыскные моего агента, в общем. Взяли в такой оборот, что признался он в своем грехе тяжком. А Путилин через убийство того священника и на агента Калиостро вышел.

- Он что у тебя – совсем ума лишился, агент твой? Ты же сам говорил: с Захаренко все чисто получилось!

- Чисто, да тоже не совсем, оказывается, ваше высокопревосходительство, - вздохнул Судейкин. – Запонку убийца на квартире Калиостро потерял, когда боролись. А вторую, дурак, не выбросил, дома для чего-то хранил. Игра случая, ваше высокопревосходительство, ну что поделаешь! Роковая цепь случайностей! Уехал бы исполнитель из столицы – не встретил бы свидетеля этого. Не встретил бы свидетеля – и запонка не сыграла бы злую роль.

- Сыскные знают, что этот убийца – твой агент? В глаза, в глаза мне смотри, Судейкин!

- Тише, ваше высокопревосходительство! – Судейкин снова привстал, умоляюще посмотрел на бывшего шефа. – Прислуга гостиничная страсть как любопытна…

- Не виляй, господин полковник! – Дрентельн тяжело дышал, массировал руками пухлую грудь. – Говори – знают?

- Пока нет, ваше высокопревосходительство, - медленно проговорил Судейкин. – Думаю, что нет… Да что я – уверен, что не знают. Кабы дознались, Путилин бы сразу ко мне пришел бы. Но мой агент молчит. Пока молчит, - поправился Судейкин.

- Да, видимо, надеется на то, что ты его вытащишь! – мрачно

кивнул Дрентельн. – А когда поймет, что никто его вытаскивать не собирается, то заговорит! Так, Судейкин?

- И что с того, ваше высокопревосходительство? Что с того? Бумаги я подчистил уже. Придут ко мне – да, скажу, господа хорошие. Был сей субъект моим агентом завербованным! Был, да весь вышел, списан и вымаран из агентурных списков по причине неконтролируемости. И аккурат за месяц до убийства Захаренки. Таких случаев много, сами помнить должны. И у нас, да и у сыскных… Последнюю расписку за получение казенных сумм предъявлю. И копию рапорта об исключении сего субъекта из списков агентуры. Я же говорю, ваше высокопревосходительство, у меня все чисто!

- У тебя всегда все чисто! – сварливо откликнулся Дрентельн. – Тебя послушать – везде полный ажур в делах. А копни – опять каяться начнешь: тут проглядел, там роковая цепь обстоятельств…

- На сей раз – клянусь, Александр Романович!

- Ну, а чего ж тогда прибежал?

- У нас с вами остался один-единственный свидетель, ваше высокопревосходительство! Ландсберг! На него может Путилин выйти, ежели дознается, что незадолго до своей внезапной смерти Калиостро был подсажен к нему в камеру. А Ландсберг знает меня – тем более, что я ездил – с вашего ведома и благословения, ежели помните, и в Литовский замок, и в Псковскую пересылку. И что склонял его к побегу. Потом главный наш вопрос решился как бы сам собой – упокой, Господи, душу монарха нашего, злодейски убиенного Александра Второго! Но кто поручится, что однажды Ландсберг не заговорит? Что он не вообразит, что мы имеем касательство к гибели государя? Что это мы с вами другого исполнителя сыскали?

- Чепуха! Кто поверит измышлениям каторжника, осужденного убийцы? Чепуха! Ты уж, брат Судейкин, того, по-моему… Излишне осторожничаешь!

- Поверить-то ему не поверят, согласен! Но следствие, полагаю, в таком случае возникнет неизбежно – поскольку речь идет о недавней гибели монаршей особы! Могут пойти нежелательные слухи, ваше высокопревосходительство! Могут вспомнить мои визиты в Литовский замок, может всплыть та самая фальшивая монаршая

резолюция на дерзком письме Ландсберга… И не забывайте о господине Победоносцеве, ваше высокопревосходительство! Если эти слухи дойдут до Константина Петровича, то я не берусь предсказывать его действия! Могут ведь в таком разе взяться всерьез и за меня, ваше высокопревосходительство!

- И ты хочешь сказать, что, ежели за тебя возмутся, то и меня с собой потянешь? Представишь себя покорным исполнителем злой воли начальства? И вытащишь откуда-нибудь того жиденка, что сварганил «липовую» царскую резолюцию на письме Ландсберга?

- Боже меня упаси, ваше высокопревосходительство! Я ведь помню, что и у вас кое-какие бумаги против меня должны были непременно сохраниться, - нехорошо улыбнулся Судейкин. - Боже меня упаси! Но… Слаб человек, сами знаете, ваше высокопревосходительство. Как за кого-то можно ручаться, ежели и за себя, бывает, не всегда можешь?

- Ладно, понял. Что предлагаешь? Только не юли, прямо говори. Мы ведь с тобой на государевой службе, в прежние времена и не такие щекотливые дела обсуждали. Ну?

- Убрать бы Ландсберга надобно, ваше высокопревосходительство. На всякий случай, знаете ли… Вот тогда уж действительно – все концы в воду! И в иносказательном, и в фигуральном смысле. На днях сей Ландсберг вместе с партией ссыльнокаторжных, насколько мне известно, должен быть отправлен пароходом на остров Сахалин.

- И что с того?

- Поначалу я хотел посадить пассажиром на «Нижний Новгород», что повезет нынешнюю партию арестантов на Сахалин, своего доверенного человечка. Чтобы тот при случае организовал… Ну, скажем так, несчастный случай. Но, поразмыслив, отказался от этой идеи. Рискованно, ваше высокопревосходительство! Ну, «шлепнет» он нашего немчика – и скорее всего, тут же «засветится». С парохода в море не спрыгнешь, знаете ли… Попадет в руки следствия. Начнут копать – почему убил? Почему именно Ландсберга? Нет, это не годится.

- Ты что, Судейкин?! – перешел на хриплый шепот Александр Романович. – Неужто весь пароход задумал потопить? Вместе с

Ландсбергом?..

- Боже упаси, ваше высокопревосходительство! Дряни на пароходе том собрано, конечно, порядочно – но все одно: грех! Грех! Хотя, конечно, было бы неплохо, откровенно говоря. Нет, у меня другая задумка имеется. Мой одесский агент сообщил вчера депешей, что погрузка арестантов закончится через дня три-два, не раньше. Пароход, опять-таки, старенький, даже с парусами его машина больше 12 узлов не дает. Так что, ежели не медлить, то вполне можно успеть послать моего человечка другим судном на опережение. В Сингапур, скажем – наверняка будет!

- И что в Сингапуре? – все еще настороженно осведомился Дрентельн. –И как до Сингапура твой «человечек» доберется раньше «Нижнего Новгорода»? Яхту наймет?

- Дороговато выйдет! – усмехнулся Судейкин. – У меня расчетец другой: из Одессы, почитай, каждый день, корабли отправляются в Константинополь. И оттуда на восток тоже, в южные моря как по расписанию. И англичане, и немцы, и французы с турками. Так что, ежели не медлить, повторяю, то наш человек успеет обогнать «Нижний Новгород».

- Так что в Сингапуре-то будет? – допытывался Дрентельн.

- Имеется у меня, ваше высокопревосходительство, любопытная информация. Живет там, среди прочего народонаселения, один немец российского происхождения. Вернее, с частично русскими корнями. Немного не в себе немец тот. Ни одного корабля из России не пропускает, земляков ищет на каждом, гостинцами одаривает. Наши моряки с регулярных рейсов его уж все знают, привыкли. И не опасаются.

- И ты хочешь сказать, что тот немец – тоже твой агент?

- Нет, ваше высокопревосходительство! Мой человечек, прибывши в Сингапур раньше «Нижнего Новгорода», быстренько дружбу с тем немцем сведет, и вместе с ним нужный пароход встречать будет. С гостинцами! – Судейкин многозначительно сделал ударение на последнем слове. - И Ландсбергу, как земляку, особый «гостинец» передаст.

- Понимаю, - вздохнул Дрентельн, барабаня пальцами по подлокотнику кресла. – Страшный ты все же человек, Судейкин.

Страшный! Впрочем, ты прав - видно, теперь нам нельзя иначе. Что ж… Действуй! Деньги, поди, нужны? Для этого и вытащил меня из Киева?

- Точно так, ваше высокопревосходительство! Секретные фонды, если изволите помнить, у меня имеются. Но и контроль за ними после ликвидации 3-го Отделения учрежден серьезный. Того, что смогу взять безотчетно, боюсь, на сию операцию не хватит.

- Сколько надо? – Дрентельн вынул из кармана чековую книжку.

- Никаких чеков не приму, ваше высокопревосходительство! – замотал головой Судейкин. – Любая бумажка в нашем деле - это след! Нешто так быстро забыли нашу с вами жандармскую осторожность? Тут только наличные-с годятся…

- С собой столько не вожу! – буркнул Дрентельн. – Придется тебе тогда со мной в Киев проехаться. Оттуда, кстати, и до Одессы поближе будет. Так что давай-ка, брат, живее собирайся в дорогу. Времени терять нам нельзя!

- Сразу видно человека старой закалки, ваше высокопревосходительство. Нашенской закалки! – похвалил Судейкин. – Ежели у вас дел более в столице нету, так сразу, благословясь, и тронемся? Надеюсь, не стесню вас в вашем губернаторском салон-вагоне?

- Ни к чему, брат Судейкин, это! Не надо нам на людях вместе показываться. Не те времена, брат! Я своим вагоном поеду, а ты, коли желаешь, фрахтуй экстренный паровоз – и за мной. Человечек-то твой где?

- А внизу, в экипаже дожидается, ваше высокопревосходительство! Я его, знаете ли, на всякий случай сразу из Одессы вызвал да сюда прихватил – вдруг пожелаете лично взглянуть? Оценить, так сказать. Личность, кстати говоря, вашему высокопревосходительству небезызвестная! И не виделись вы давненько, к-хе…

- И это ни к чему. Судейкин! Совсем ни к чему. Новых душегубов знать не желаю, а помнить своих старых – тем паче! Уволь, брат! Ступай, мне собираться надо. В Киеве свидимся.

* * *

Человек, обратившийся в Константинополе к шкиперу Тако, назвался господином Мюллером - собственно, и его бумаги были выправлены на это же имя. Он нашел шкипера Тако в одной из портовых таверн, коротающим время в ожидании окончания погрузки за бутылкой крепкого греческого "озо", смоляной дух которого давал о себе знать с пяти-шести шагов. Наверное, кто-то шепнул господину Мюллеру, что шкипер Тако - тот, кто может помочь ему быстро добраться до Сингапура.

Герр Мюллер остановился возле стола, где сидел Тако, коротко и вопросительно кивнул головой на соседний стул - можно ли присесть? Получив столь же молчаливое согласие, незнакомец подозвал мальчишку-разносчика и спросил у шкипера - чем он может угостить господина капитана? Шкипер отрицательно покачал головой, одновременно указав глазами на «озо». Пью, мол, свое. А вслух предложил изложить дело - если оно у незнакомца, конечно, было.

- Ваше судно заканчивает погрузку и направляется через Аден в Сингапур? - спросил незнакомец.

- Да.

- Мне надо попасть туда.

- Я не беру пассажиров, - покачал головой киприот. - У меня грузовое судно и у меня нет кают и всяких удобств. Кроме того, я не люблю посторонних на моей "Клеопатре", господин.

- Мне нужно попасть в Сингапур как можно быстрее, - заявил незнакомец. - Я заплачу французским золотом или немецкими марками. И весьма щедро!

Он выложил на своем краю стола два коротеньких столбика французских золотых монет.

Тако едва умел подписываться, но с математикой был дружен с детства. Беглый взгляд на золото – и шкипер понял, отказываться от такой платы просто глупо. А глупцом Тако не был!

- Жить будете в каюте с моим помощником, - заявил шкипер, сгребая монеты. - Кроме того, вы заплатите бакшиш лоцману за проход Суэцким каналом.

Человек кивнул и выложил на стол еще две монеты:

- Я хочу, чтобы ваш помощник освободил свою каюту и до

Сингапура перебрался куда-нибудь еще. Это возможно, герр шкипер?

Тако подумал, кивнул и забрал последние монеты.

- У вас большой багаж? - поинтересовался он, наливая в стакан «озо» и жестом предлагая незнакомцу.

Тот снова отказался.

- Два чемодана и саквояж. Они тут, в комнате наверху.

- Я рассчитываю выйти в море уже через два-три часа. Сейчас вот допью свою бутылку и пришлю с "Клеопатры" матроса за вашим багажом. Кого он должен спросить?

- Герра Мюллера.

- Мюллера, - повторил шкипер, внимательно глянув на собеседника. Сам он с трудом объяснялся по-немецки, однако чистоту говора большинства европейским языков мог определять на слух, безошибочно. Его неожиданный пассажир, назвавшийся расхожей немецкой фамилией, вряд ли на самом деле был немцем. Или был - но очень давно не жил в Германии.

- Надеюсь, ваши бумаги в порядке? Здешняя портовая полиция, конечно, обычно закрывает глаза на многое. Но иногда бывает чертовски придирчивой, герр Мюллер.

- Не стоит беспокоиться, господин шкипер! - Мюллер поднялся. - С вашего позволения, я сам найду носильщика и немедленно отправлюсь на "Клеопатру". Чтобы обо мне в суете вдруг не позабыли.

- Как угодно! - Тако и не вздумал обижаться на столь явно выраженное недоверие.

Он просидел за бутылкой «озо» еще с полчаса, выкурил две трубки крепкого табаку. Наконец, с сожалением отодвинув пустую бутылку, он поднялся с места и направился к хозяину таверны. Тот не спеша протирал стаканы, каждый раз внимательно и подолгу рассматривая на свет их толстые донышки. В этот час таверна была почти пустой, и других занятий у хозяина до вечера не предвиделось.

Тако облокотился на стойку и шлепнул по ней серебряной монетой - не из тех, разумеется, что дал ему пассажир с немецкой фамилией. Как и большинство старых моряков, он знал всех портовых кабатчиков от Китая и Австралии до Нового Света. Его тоже знали и узнавали. От Тако не надо было ждать никаких

неприятностей, даже когда он сильно "перебирал". И долгов в кабаках он никогда не делал, а если матросу с его шхуны доводилось в драке поломать или разбить что-то в барах или тавернах, то хозяева всегда получали от Тако компенсацию ущерба.

Хозяин таверны, турок неопределенных лет с вислыми густыми усами, скрывающими не только верхнюю, но и нижнюю губу, словно и не заметил монеты. Продолжая неторопливо протирать стакан и не глядя на Тако, он спросил:

- Уходишь в море, Тако?

- Да, пора уже.

- Нашел щедрого пассажира? - столь же равнодушно поинтересовался хозяин.

- Щедрого! – пренебрежительно хмыкнул Тако. – Хотелось бы! Как сказать... Он жил у тебя?

- Два дня.

- Хотелось бы знать побольше о человеке, который будет торчать на моем корабле перед глазами в ближайшие пару недель, - вздохнул Тако и пододвинул серебряную монету ближе к кабатчику.

- Человек как человек! - пожал тот плечами. - Ко мне приходят за выпивкой, и я утоляю людям жажду. Человеку нужна свободная комната? Почему бы и нет, если свободная есть? У людей свои дела, у меня свои. Моих дел мне хватает, в чужие я не лезу... Но глаза у меня все время открытые, Тако! Так же, как и уши! И твой пассажир - очень интересный человек, между прочим!

- Да? И чем же?

- Очень интересный, - повторил кабатчик и впервые глянул на тускло блестевшую на обшарпанной стойке монету. – Мне показалось, что он расплатился с тобой не этим серебром, Тако?

- Хм! А у тебя и впрямь хорошие глаза! Но настолько ли интересен мой новый пассажир, чтобы я делился с тобой его французским золотом?

Кабатчик пожал плечами и продолжал заниматься стаканами. Подумав, Тако убрал серебряную монету и заменил ее золотой - но пальца с нее не убрал.

- Так что же интересного в моем пассажире? - спросил он тихо, ибо в это время в таверну зашли, пошатываясь, два каких-то

подвыпивших моряка.

Сонное оцепенение хозяина таверны сразу пропало - то ли от вида золотого полуимпериала, то ли от визита новых посетителей. Снабдив последних бутылкой рома и отправив их за дальний столик, хозяин вернулся к Тако.

- У него немецкие бумаги, но прибыл он из России, - вполголоса сообщил он шкиперу. - Когда я спросил, на каком судне он приплыл, он назвал немецкую шхуну, первую попавшуюся, я думаю. Ибо эта шхуна протирает здесь кранцы уже неделю. Что ж, может быть и так – какое мое дело? Но мой мальчишка клянется, что этот Мюллер прибыл из России, причем нелегально. Его привезли сюда одесские контрабандисты, которые постоянно заходят в здешний рыбный порт.

- Мальчишка мог ошибиться, - пожал плечами Тако. – Или просто выдумать.

- Вряд ли. У него тоже хорошие глаза. И много друзей среди такого же портового отребья, которое знает все на свете. Кроме того, этого самого Мюллера другой человек видел в городе, у здания Русской миссии.

- Ну и что? Разве немцу возбраняется пользоваться услугами русских контрабандистов и посещать Русскую миссию в Константинополе? Кстати, в России, я слышал, живет очень много немцев...

- Но моему человечку те самые контрабандисты поклялись, что привезли сюда не немца, а своего соотечественника, который бежал из России по религиозным причинам - его секту там якобы преследуют. И потом, в Русской миссии он встречался не с дипломатами или военными чинами - а с человеком, который представляет здесь русскую тайную полицию. Когда я узнал об этом, я спросил у себя - что за дело может быть у русского сектанта, выдающего себя здесь за немецкого коммерсанта, с тайной полицией? И я не нашел ответа, Тако!

- Действительно, любопытно, - Тако все еще придерживал золотую монету заскорузлым пальцем. - Что-нибудь еще?

- Так, всякая мелочь! - пожал плечами хозяин, словно невзначай пододвигая руку к монете. - Когда мой мальчишка-

посыльный случайно уронил на лестнице его чемодан, герр Мюллер выругался на каком-то шипящем языке. Мальчишка запомнил одно слово из нескольких, и, как смог, повторил его мне. Я думаю, это польский язык. Люди предпочитают ругаться на родном языке, Тако, разве ты не знаешь?

- А ты не знаешь случайно, что у герра Мюллера в его чемоданах? - небрежно поинтересовался Тако.

- Я не роюсь в чемоданах своих постояльцев! - оскорбился хозяин. - Почти никогда не роюсь, - поправился он, шевельнув усами. - Но служанка, которая убирает наверху, случайно заглянула в его багаж, когда герр Мюллер уходил в город. Она хотела перевесить его одежду в шкаф, кажется...

- Что же она увидела?

- Несколько комплектов мундиров различных русских ведомств. И еще английский военный мундир. А кроме того, у него в саквояже несколько револьверов - обычных и с очень длинными стволами. Такие револьверы называют охотничьими. Но на кого герр Мюллер собирается охотиться в Сингапуре, спросил я себя. На крабов? И зачем ему целый ящик со старинной посудой из глины, с множеством черепков, поднятых со дна моря?

- У каждого мужчины в наше неспокойное время может быть оружие, - возразил Тако, задумчиво пощипывая подбородок. – Глиняная посуда? Мне доводилось встречать чудаков, которые повсюду скупали старую посуду и прочие древности. Что же в этом дурного, друг мой? Вот разные мундиры - это, действительно, интересно... Ладно, прощай, друг!

Тако убрал палец с монеты, и она тут же исчезла со стойки.

Неторопливо шагая к причалу, Тако мурлыкал себе под нос греческую песню о девушке, которая ждет любимого. Пение не мешало ему размышлять о том, что он узнал о своем пассажире, и прикидывать различные варианты дальнейшего развития событий.

Шкипер был весьма осторожен, и вместе с тем склонен к авантюризму. Скупость столь же успешно сочеталась в нем с крайним любопытством. Все эти чувства часто боролись в нем, причем здравый смысл и осторожность не всегда одерживали победу.

Он мог бы выставить таинственного пассажира на берег, а если он потребует вернуть ему плату за проезд... Что ж, портовая стража наверняка заинтересуется этим поляком, прибывшим из России с немецкими бумагами и столь необычным багажом. Значит, скандалить пассажир, скорее всего, не будет и уберется со шхуны подобру-поздорову.

А может, с учетом услышанного от хозяина таверны, потребовать с пассажира дополнительную плату? Этот Мюллер легко выложил французское золото, изрядно при этом переплатив и даже не попытавшись торговаться. Значит, может заплатить еще! Разумеется, это не прибавит ему радости, но какое дело шкиперу до настроения пассажира?

Он, Тако, может сыграть свою партию еще более тонко. Если "герр Мюллер" станет возмущаться вымогательством дополнительной мзды, можно и отступить - чтобы вернуться к разговору о доплате уже после выхода в море. То, что у лже-немца было оружие, Тако не смущало: кто предупрежден, тот и вооружен! У шкипера тоже была пара револьверов, а у команды - весьма впечатляющая коллекция ножей. Если пассажир попробует отстаивать свои интересы с оружием в руках - что ж, тогда Тако объявит это бунтом на корабле. Это развяжет ему руки, а море умеет хранить тайны. Вряд ли кто будет искать русского беглеца и устраивать официальное следствие по поводу его исчезновения. Тем более, что шкипер и не собирался заносить в судовой журнал имя своего нового пассажира. В своей команде он был тоже уверен.

Ну, и любопытство, конечно! Шкиперу Тако до смерти хотелось узнать тайну своего пассажира. А до Сингапура путь дальний, так или иначе он сумеет разгадать эти загадки, скрашивающие тяготы длинных путешествий...

* * *

Очередной глухой удар, шипение воды, натужный скрип корабельной обшивки... Господи, да сколько же это будет продолжаться...

- Эй, погоди-ка, малый! – пассажир шхуны «Клеопатра», окликнув юнгу, кое-как выбрался из подвесной койки, доковылял до крохотного откидного стола и заглянул в только что принесенную

миску. – Пся крев! Ты опять мне эту гадость принес, негодяй?!

Юнга, тощий, до изумления мальчишка лет тринадцати, широко осклабился щербатым ртом и произнес несколько слов по-гречески. На пассажира он глядел настороженно, и готов был юркнуть за дверь при малейшей опасности. Так и есть: сейчас этот человек опять начнет швыряться обедом! Уловив быстрый взмах руки пассажира, мальчишка проворно выскочил за дверь как раз в тот момент, когда миска с треском ударилась в перегородку.

- Пся крев! Вонючие негодяи! – Войда плюхнулся на ящик, заменявший в тесной каюте практически всю мебель, покрутил головой. Нет, с него хватит! Он сегодня же, сейчас же пойдет к капитану и скажет ему все, что думает о нем и о его шхуне!

Заканчивался пятый день плавания Войды на шхуне «Клеопатра», найденной им в Константинопольском порту. Шкипер Тако, поначалу отказавшийся брать пасажира Мюллера до Сингапура, при виде французского золота мгновенно передумал. А за дополнительную плату освободил для Мюллера-Войды каюту своего помощника, велев тому перебраться к матросам.

Первые два дня плавания после выхода «Клеопатры» в море Войда пролежал на подвесной койке пластом: море было неспокойным, а качало и швыряло старенькую шхуну так, что одна только мысль о еще заставляла пассажира нырять с головой в вонючее ведро, подвешенное рядом с койкой.

На третий день ветер поутих, шхуна перестала отчаянно скакать по волнам, и Войда нашел в себе силы выбраться из тесной каюты на свежий воздух. Однако вид огромных темных волн быстро вернул тошноту, и Войда долго стоял, вцепившись в ограждение, крепко зажмурив глаза и проклиная тот день и час, когда согласился на столь тягостное для непривычного к морю человека путешествие.

Матросы откровенно потешались над несчастным пассажиром, тыкали в его сторону пальцами, выкрикивали какие-то греческие остроты, над которыми тут же хохотали. Войда терпел – у него не было сил даже обругать как следует своих обидчиков.

Наконец, один из матросов, сжалившись, подошел к Войде, помахал перед его лицом огромной ручищей и на ломаном немецком языке, с трудом подбирая слова, посоветовал:

- Не смотреть низ, камрад. Смотреть далеко! Далеко – маленький волна, глаз на месте! Понимай, камрад?

Войда, не видя толку в совете, пожал плечами и промолчал, страстно желая очутиться если не на берегу, то, по крайней мере, в своей каюте, поблизости от спасительного ведра. Однако через несколько минут, решив, что хуже от совета не будет, решился попробовать смотреть вдаль. И неожиданно для себя обнаружил, что если прямо под носом нет бесконечно колышащейся воды, качка действительно переносится легче.

К вечеру Войда почти воспрял духом, свыкся с качкой, и уже слабой улыбкой отвечал на непонятные насмешки матросов. Он даже рискнул совершить по палубе небольшую экскурсию. При этом Войда тщательно планировал каждый шаг и все время двумя руками держался за прочно закрепленные на палубе ящики с грузом и такелаж. Поскольку палуба была тесно заставлена бочками, ящиками и здоровенными тюками, передвигаться по ней было несложно.

На носу шхуны Войда, к своему удивлению, обнаружил «живой уголок»: несколько отчаянно бегающих овец и коз в плетеной загородке. Дух скотного двора тут оказался столь крепок, что Войду снова замутило, и он со всей возможной поспешностью пополз обратно, к каюте.

Давешний матрос-советчик, остановившись на минутку рядом с Войдой, счел долгом пояснить назначение «скотного двора» на палубе:

- Коза, барашка – капитан ам-ам, понимай? Свежий мясо, камрад... Карашо, понимай?

Войда кивнул: что же здесь непонятного? Капитан любит свежее мясо, вот и захватил с собой в длительное путешествие живой запас.

Утром четвертого дня пассажир пробудился от беспокойного сна с отчетливым чувством голода, и еле дождался юнгу, каждое утро заглядывающего в каюту с какими-то мисками. Содержимое миски Войду в то утро, правда, разочаровало: там были вареные бобы, сдобренные каким-то на редкость вонючим жиром. Почувствовав тут же дурноту, Войда сразу же вернул миску

мальчишке, оставив себе лишь ломоть хлеба с куском овечьего сыра. Сыр, хоть и тоже неприятно пованивал, все же оказался съедобен.

Очень скоро Войда убедился, что корабельная стряпня на «Клеопатре» не отличается разнообразием: и утром, и вечером здесь подавали те же самые отвратительные бобы и сыр.

Войда попытался втолковать юнге, что он – коммерческий пассажир, заплативший за место на «Клеопатре» весьма крупную сумму. И что за эти деньги он с полным основанием рассчитывает на то, что его будут более-менее сносно кормить. То, что носят ему – явная ошибка здешнего повара.

Строго говоря, это варево и человеческим-то назвать можно лишь с большой натяжкой, развил свою мысль вдохновленный голодом Войда. Если экипаж «Клеопатры» до сих пор не выбросил своего кашевара за борт и продолжает травиться его стряпней – это, в конце концов, личное дело матросов. Но он этого есть не будет! И, как сумел, попытался через мальчишку передать повару, чтобы тот в следующий раз прислал коммерческому пассажиру что-нибудь повкуснее – иначе он пожалуется капитану.

Юнга выслушал длинный монолог пассажира с открытым от восторга ртом, явно ничего не понял, ибо никаких языков, кроме греческого, не знал. Отчаявшись объясниться, Войда прибег к спасительному языку мимики и жестов. Указав на миску, он скорчил физиономию, заткнул нос и для наглядности сунул в рот два пальца, изображая рвотный позыв. И, наконец, на глазах у мальчишки Войда вытряхнул содержимое миски за борт.Надеясь, что туповатый мальчишка понял его демонстрацию, Войда пошел дальше и высказал мимическое пожелание относительно того, что должно быть в меню коммерческого пассажира. Он мемекал, приставлял ко лбу пальцы, изображавшие рожки, и даже указывал юнге на судовой загончик для скотины. Мальчишка после некоторого размышления закивал головой, схватил пустую миску и вскоре снова принес Войде... те же бобы!

Ловно увернувшись от швырнутой Войдой миски, зловредный мальчишка долго скакал возле каюты пассажира на четвереньках, громко блеял на потеху матросам, и очень похоже копировал Войду, приставляя ко лбу пальцы, а потом суя их в щербатый рот и

изображая рвотные позывы.

Сделав вывод, что у мальчишки просто «не все дома», Войда решил завтра же потолковать со шкипером и открыть ему глаза на то, как издеваются на его судне над коммерческим пассажиром.

Вот и нынче, запустив в несносного мальчишку традиционно поданную мешанину из бобов, Войда решительно выбрался из каюты и отправился на поиски шкипера, которого не видел с самого Константинополя.

Капитана Тако Войда нашел на палубе. Шкипер пребывал в отличном настроении, чему в равной мере способствовало несколько стаканчиков любимой виноградной водки, вкусный и плотный завтрак, после которого на столе осталась груда нежных косточек, а также явное везение в карточной игре. За этой игрой Войда и застал шкипера, удобно расположившегося в плетеном кресле и задравшего ноги на бочонок с яблоками. Партнер шкипера, его верный помощник, как проигрывающая сторона, был в соответствующем расположении духа. Появление пассажира, лишившего его каюты, расположения духа помощнику не прибавило, и он мрачно уставился на визитера.

- О-о, кого я вижу! – с воодушевлением приветствовал пассажира по-немецки шкипер. - Герр Мюллер, если я правильно запомнил ваше имя? Рад видеть, что вы, наконец, перестали быть затворником и покинули свою каюту, ха-ха-ха! Желаете составить партию в картишки, герр Мюллер?

Войда от карт октазался. Осторожно присев на край ящика, он изложил шкиперу Тако свои претензии относительно питания на «Клеопатре» и явных издевательств над его желудком повара.

- О, вы ошибаетесь, герр Мюллер! Пассажиры на моей «Клеопатре» редкие гости, и издеваться над ними, уверяю, никому и в голову не придет! Мальчишка? Бог мой, герр Мюллер, да он просто глуп, и, к тому же, немного обижен умом. Вы разве не заметили? Впрочем, сердце у мальчишки золотое, и вы убедитесь в этом, когда узнаете его получше!

- Очень может быть, - сухо прокомментировал Войда. – Однако, господин шкипер, ваш корабельный повар, уверяю, может когда-нибудь довести команду шхуны до бунта! Отвратительная мешанина из бобов и тухлой солонины, которую мне упорно подают с первого

дня на «Клеопатре», тому порукой!

- Матросы до сих пор не жаловались ни на аппетит, ни на стряпню Христофора, моего корабельного кока! – удивился Тако.

- Вам просто повезло с экипажем, господин шкипер! – криво улыбнулся Войда. – Однако, позволю себе напомнить вам, что я в ваш экипаж не вхожу! И заплатил за плавание на «Клеопатре» звонкой монетой. Не торгуясь с вами, если помните, господин шкипер! И мне кажется, что я заплатил достаточно для того, чтобы получать здесь съедобную пищу, а не что-то из свинского рациона!

- «Свинского рациона»! – Тако в деланом ужасе вскинул вверх обе руки и повернулся к своему помощнику. – Ты слышал, Коста? Святой Спиридон, хорошо, что этих слов не слышал Христофор! Он бы очень, очень расстроился такой оценкой, герр... э... Мюллер, если не ошибаюсь!

- Господин шкипер, ваша ирония неуместна! – Войду-Мюллера начал заводить шутовской тон шкипера. – Честно признаться, я надеялся, что мой отвратительный стол – просто ошибка. Либо недоразумение, прошедшее мимо вашего внимания. Но теперь с прискорбием вижу, что это не так...

Шкипер продолжал посмеиваться. Карты в его корявых пальцах, между тем, словно жили своей жизнью. Колоду Тако тасовал так, что Войда только диву давался. Поиграв с колодой еще немного, Тако вздохнул и бросил короткий взгляд на помощника.

- Коста, ты не хочешь отыграться? Нет? Очень, очень жаль! Я думаю, если бы не наш пассажир, как вас там? Герр Мюллер, да! Если бы не наш герр Мюллер, тебе обязательно повезло бы!.. Ну что ж, тогда, коли не хочешь играть, Коста, иди и займись делом. А я попробую выяснить наше недоразумение с питанием достопочтимого пассажира, хе-хе...

Тако затрещал картами, заставив их красивой дугой перелететь с одной руки на другую и сердечно улыбнулся пассажиру.

- А, может вы, э... герр Мюллер, все же желаете сыграть скуки ради? По маленькой? Сегодня у меня хорошее настроение, подстать погоде. И времени есть немного, а?

- Благодарю, но нет. Может быть, попозже, господин шкипер, - Войда проводил взглядом помощника и перевел глаза на Тако. – Но

для начала я хотел бы все же с полной определенностью уяснить обоснованность своих претензий к своему столу!

- О-о, все очень просто, господин э... пассажир! – Тако налил себе стаканчик «озо» и опрокинул его в широкий рот. – Ваше здоровье! Прекрасное «озо», не желаете попробовать?.. Ну, как хотите, как хотите. Так вот, все очень просто, господин... Мюллер. Вспомните Константинополь и нашу встречу в таверне Абдуллы. Я не искал пассажиров на свою «Клеопатру», уважаемый! Более того: когда вы попросились на мое судно, я поначалу отказал вам, помните?

- Разумеется...

- Но ваши э... доводы были чересчур убедительны, господин Мюллер. И я, грешник, не устоял перед предложенной вами ценой. Вам, очевидно, очень нужно было место на моей бедной шхуне – и вы его получили, господин Мюллер! К тому же, помнится, я сразу предупредил вас, что на моей «Клеопатре» нет никаких удобств для пассажиров, не так ли?

- Да, но...

- Погодите, кирие Мюллер! Не надо перебивать капитана, даже если он командует всего-навсего бедной торговой шхуной. Так вот, вы пожелали путешествовать в отдельной каюте... Что ж, я уступил вашему желанию – хотя Коста, кажется, до сих пор дуется на меня за то, что я велел ему перейти к матросам... Так чего же вы еще хотите, кирие Мюллер? Вы хотели получить место на «Клеопатре» - вы его получили! Вы хотели отдельную каюту – что ж, вы заплатили за нее и тоже получили! Но я не помню, чтобы в наш договор, кирие, входило и условие первоклассного питания! Вы желаете кушать с капитанского стола? Извольте, уважаемый! Только прежде придется заплатить за это, как водится между уважаемыми людьми!

Войда открыл было рот от столь бесцеремонной наглости шкипера, но, подумав, спорить не стал. Достав кошель, он высыпал на ладонь несколько блеснувших золотых монет, показал их шкиперу.

- Этого, полагаю, достаточно, господин шкипер?

- Припасы в море страшно дорогие, кирие, - вздохнул Тако. – Но что поделаешь, если у меня доброе сердце, а у пассажира чересчур

нежный желудок! Хорошо, герр Мюллер, вы будете получать еду с моего стола...

Тако с довольным видом опустил золото в карман и снова затрещал картами.

- Так как насчет того, чтобы сыграть, уважаемый? Теперь, когда все наши разногласия позади, вы не откажетесь, я полагаю...

- Еще только один вопрос, господин шкипер. Я, знаете ли, обратил внимание, что, называя меня по имени, вы делаете это как-то странно, господин шкипер. Словно все время забываете мое имя – а ведь оно, между тем, достаточно простое, не так ли? Не могу не отметить также, что мое имя вы произносите с каким-то значением, словно делаете на нем ударение. У вас плохая память на имена вообще, господин шкипер? Или вас гложут какие-то сомнения относительно моего?

- Сомнения? Ну, что ж, уважаемый! Коль вы первый завели речь об этом, почему бы нам не поговорить и о моих сомнениях? – Тако снова, крякнув, опрокинул в глотку очередной стаканчик «озо», не предложив на сей раз своему собеседнику. – Да, уважаемый, есть у меня кое-какие сомнения на ваш счет. Они появились еще во время нашей первой встречи, в портовой таверне. А сейчас, побеседовав с вами, я еще больше укрепился в своих сомнениях, герр Мюллер! – Тако подался вперед и самым доверительным тоном продолжил. – Скажу вам более, уважаемый господин! И скажу совершенно откровенно – я вообще человек простой и прямой. Так вот: сомнения мои сейчас столь велики, что я обязательно хочу поделиться ими с властями Порт-Саида, куда мы попадем уже, скорее всего, завтра – если ветер не переменится, спаси нас от этого святой Спиридон! Может быть, в Порт-Саиде над бедным моряком просто посмеются – что ж! А, может быть, скажут шкиперу Тако спасибо...

- Что вы имеете в виду, господин шкипер?

- Я простой и бедный моряк, кирие. И зарабатываю свой хлеб, странствуя по всему свету. Мне приходится бывать в разных странах, и я всегда с уважением отношусь к чужим законам, порядкам и обычаям, герр Мюллер. Вы понимаете меня?

- Это делает вам честь, господин шкипер, но какое это имеет отношение к вашим сомнениям?..

- О-о, все очень просто, кирие! Во многих портах власти тоже давно знают бедного Тако. И верят в мою честность! Знают, что шкипер Тако никогда не прячет камня за пазухой, что он всегда соблюдает законы и обычаи чужих стран. Я не могу допустить, уважаемый, чтобы хоть кто-то усомнился в моей честности! Если это произойдет, то в каждом порту у бедного шкипера будут неприятности. Мне перестанут доверять, уважаемый!

- Вы просто испытываете мое терпение, шкипер! Говорите прямо, черт возьми – что за сомнения относительно меня у вас на уме?

- Вы назвали свое имя, герр Мюллер, и показали мне соответствующие бумаги – для того, чтобы я мог записать вас в мои судовые документы, кирие. Я простой моряк, и должен верить официальным бумагам. Но своим ушам, кирие, я все-таки верю больше, и с этим ничего не поделаешь.

Тако со значением покачал головой и налил себе еще стаканчик.

- И что же ваши уши, господин шкипер?..

- Мои уши говорят о том, что никакой вы не немец, кирие Мюллер! Я много раз был в германских портах, и знаю, как говорят настоящие немцы. Не хвалясь, скажу, что по двум-трем фразам я могу даже определить – из какой части Германии мой собеседник, уважаемый! У вас немецкое имя и германские бумаги, кирие, но вы не немец! У вас другой язык, в Германии, к сожалению, так не говорят! Я допускаю, что вы можете быть немцем по происхождению, но очень давно – или никогда! – не были на своей родине.

Тако залпом выпил «озо», покрутил головой и продолжил:

- Мои уши меня не обманывают, уважаемый господин! Но тогда лгут ваши немецкие бумаги! И что же получается в результате, кирие? – Тако поднял на Войду глаза, в которых уже не было и следа доброго расположения духа.

Войда был опытным агентом и конспиратором, прошедшим серьезную школу и польского подполья, и русского Жандармского корпуса. Он умел мгновенно ориентироваться в быстро меняющейся оперативной обстановке. Он умел – хоть и не любил, разумеется – проигрывать. Умел Войда и мгновенно перестроить тактику своего

поведения – уступить в малом, чтобы выиграть большее. Сейчас он хорошо понимал, что, выбрав для путешествия инкогнито немецкие документы, он совершил ошибку, недооценил наблюдательность этого старого мошенника-шкипера.

Ошибка была серьезной, но не смертельной. Хитрый грек слишком любит деньги, и не скрывает этого. Значит, с ним можно легко договориться. Цена молчания же пока была неясной – сначала нужно было узнать, все ли свои козыри выложил этот проклятый грек!

Войда вздохнул и нарочито медленно снова достал свой кошель.

- Что ж, вы очень наблюдательны и много чего повидали, господин шкипер! Ваши уши делают вам честь... Скажите, господин капитан, а своим глазам и пальцам вы, случайно, не доверяете больше, чем ушам? В конце концов, какая вам разница, кто ваш пассажир – немец, турок или итальянец?

- Вы совершенно правы, уважаемый господин, мне все равно! Да и глазам своим, гм! – если увиденное еще и подтверждают руки – я доверяю больше... Если я вас, конечно, правильно понимаю...

- Правильно, правильно, шкипер! Итак, сколько вы хотите, чтобы забыть о том, что мой немецкий язык неправильный?

- Приятно иметь дело с умным человеком! – Тако осклабился. – Очень приятно! А больше вы мне ничего не хотите рассказать, кирие Мюллер?

- А к чему, уважаемый, вам знать лишнее? Слышали, надеюсь, поговорку: меньше знаешь – лучше спишь...

- Совершенно с вами согласен, кирие – но не всегда, не всегда! – Тако благодушно улыбаясь, шутливо погрозил собеседнику пальцем. – Иногда недоговоренность между друзьями может обернуться во вред им обоим! Вот, например, вы, уважаемый господин! Как мне вас теперь называть? И, позволю себе спросить, что за дело у вас в Сингапуре?

- Нескромно, нескромно, господин шкипер! – теперь настал черед грозить пальцем Войде. – Нескромно и даже невежливо, шкипер, совать свой любопытный нос в чужие дела!

- Чужие дела меня не касаются! – категорично заявил Тако. –

Но не касаются до тех пор, пока эти чужие дела не создают угрозу для моих!

- Уверяю вас, что мои дела никоим образом не имеют к вам отношения, - улыбнулся одними губами Войда.

- Что ж, тогда вам предстоит убедить меня в этом, кирие. Итак, кто же вы, уважаемый? Как вас называть? Есть ли у вас еще бумаги, более соответствующие правде, нежели немецкие?

- Ежели вам безразлично, я бы предпочел, чтобы вы продолжали называть меня Мюллером, - пожал плечами Войда. – Что же касается остального, то могу только повторить: я путешествую по своим надобностям, шкипер!

- Увы! Боюсь, что ваше упрямство, герр Мюллер, не избавит меня от необходимости проконсультироваться на ваш счет у властей в Порт-Саиде, - вздохнул Тако, сокрушенно покачав головой.

Войда-Мюллер начал злиться:

- По-моему, вы злоупотребляете своим положением, шкипер! И к тому же, не слишком щепетильны со своей порядочностью! Не далее, как несколько минут назад вы уже выудили у меня плату за свою наблюдательность. Вы что – не успокоитесь, пока мой кошелек не опустеет совсем?

- Нельзя думать о людях только плохое! – покачал головой Тако. – И прошу вас впредь выбирать выражения, герр Мюллер! Я бедный моряк, но гордый грек, чтобы вы знали! Я не выуживаю у своих пассажиров деньги – просто иногда они заставляют меня заключать с ними сделки, имеющие денежную ценность!.. Ну хорошо, Мюллер, раз вы не хотите ничего рассказывать – придется раскрывать свои карты мне! Вы позволите?

- Ну, что ж, поглядим! – недобро усмехнулся Войда.

- Итак, мы снова мысленно возвращаемся в Константинополь, - начал Тако. – Надеюсь, вы не найдете ничего предосудительного в том, что капитан судна хочет побольше узнать о своем пассажире, явно скрывающем свое имя и происхождение? Так вот, я навел справки о вас у трактирщика Абдуллы, под кровом которого вы прожили два дня. Трактирщики, кирие, тоже очень наблюдательные люди! Наблюдательны и имеют очень много знакомых в порту, причем самых разных. Кое-какими наблюдениями и сведениями о

своем постояльце и моем пассажире, Абдулла поделился со мной. Разумеется, не за спасибо – но я, честно говоря, ничуть не жалею о том, что вынужден был отдать Абдулле одну французскую золотую монету из тех, которыми вы весьма щедро оплатили место на «Клеопатре».

- И что же вы узнали обо мне предосудительного от этого Абдуллы?

- Не слишком много, герр Мюллер! Но вполне достаточно для того, чтобы сделать кое-какие определенные выводы. Мальчишка-посыльный услышал от вас, например, польское ругательство. Горничная, приводившая в порядок вашу одежду, обратила внимание на изрядное количество оружия и, что более интересно, различные мундиры русских чиновников разных ведомств. А портовое отребье поделилось с Абдуллой еще двумя крайне любопытными деталями на ваш счет, герр Мюллер! – Тако сделал насмешливое ударение на последнем слове. – Оказывается, мой пассажир прибыл в Константинополь не из Германии, а из России! Причем тайно, на шаланде контрабандистов из Одессы. А в Константинополе – совершенно случайно, разумеется! – был дважды замечен возле Русской миссии... Пустячок, я понимаю. Однако тот человек из Русской миссии, с которым вы дважды – и весьма подолгу беседовали, известен в Константинополе как резидент русской тайной полиции. Такие вот сведения сообщил мне трактирщик Абдулла, почтеннейший. А такие люди не ошибаются, я таким людям верю! И вот что я думаю по этому поводу...

Тако замолчал и начал раскуривать короткую трубочку. Войда, между тем, воспользовавшись короткой паузой в монологе шкипера, быстро и спокойно обдумывал возникшую ситуацию. Обдумывать ему приходилось не только совершенные уже ошибки и просчеты, но и линию поведения на будущее.

В одном из тайников в чемоданах Войды лежало, разумеется, несколько комплектов документов на разные имена. В числе прочего лежали так и два русских паспорта, один из которых был выписал на имя Власова. Полковник Судейкин – тут надо снова отдать ему должное! – предусмотрел и вариант развития события, связанный с арестом агента Войды после его покушения (удачного или нет – как

уж Бог даст!) на Ландсберга. Войда, в случае его поимки, должен будет объяснить причину своей вражды в бывшему гвардейскому офицеру мотивами мести за убитого Ландсбергом в Санкт-Петербурге родного брата, Егора Алексеевича Власова, отставного чиновника.

Судейкин рассчитывал, что этот ложный след вполне удовлетворит тех, кто схватит Войду – и флотских офицеров с «Нижнего Новгорода», и полицейские власти Сингапура. Поверит в это и сам Ландсберг – если уцелеет, конечно! Ведь Ландсбергу было известно о существовании у Власова брата. И если Войду схватят и подвергнут допросу – максимум что может предпринять капитан «Нижнего Новгорода» - дать телеграфную депешу в Россию с сообщением об инциденте и запросом относительно личности лже-Власова.

Существование в природе брата Власова, гимназического учителя из какого-то провинциального городишки, русская полиция подтвердит. Сам же учитель, как успел выяснить дотошный Судейкин, успел выехать из России куда-то в Швейцарию, на воды. После получения наследства от умершего брата учитель ударился во все тяжкие, завел рысаков и хористочку, с коей и прожигал остатки денег на людных курортах.

Обговаривая с Войдой возможные поимку и арест после покушения на Ландсберга, Судейкин, как мог, успокоил своего агента. Британская колониальная полиция не станет возиться с пришлым российским подданным, которому вздумалось убить каторжника-соотечественника на борту русского парохода. Скорее всего, тамошние власти попытаются сбыть убийцу русским, передав его под надзор возвращающегося в Россию экипажа первого же судна. Однако не каждый капитан возьмет на себя хлопоты охраны и содержания под стражей соотечественника на всем далеком пути из Сингапура в российский порт. Стало быть, англичане, с учетом напряженных международных отношений с Россией, скорее всего, просто отпустят агента на все четыре стороны. В худшем случае – возьмут его под формальный надзор, сбежать из-под которого труда не составит.

Все это жандармский агент обдумывал уже не раз. И сейчас,

деланно-равнодушно глядя на сражающегося с трубочкой шкипера, он просто еще и еще раз прикидывал: не рановато ли предъявлять греку документы на имя Владимира Власова и выдавать соответствующую легенду? Можно было бы, конечно, заморочить греку голову другими документами – но тут надо было учитывать и то обстоятельство, что в случае поимки Войды после убийства Ландсберга власти могут невзначай поинтересоваться: а как сей братец-мститель, собственно, попал в Сингапур? Если Тако окажется под рукой, он сможет подтвердить: да, господин Власов прибыл в Сингапур на моей шхуне.

Однако сразу капитулировать перед вечно полупьяным и хитрым вымогателем-греком Войде было нельзя. Нужно еще поторговаться, поиграть в игру по своим правилам. Решивши так, Войда принял вид крайне раздраженного разоблачением человека и даже посверкал на шкипера злыми глазами.

- Милейший, ваша дерзость переходит, кажется, все границы! – заявил Войда. – Я заключил с вами сделку: попросил захватить меня в качестве попутного пассажира до Сингапура. И весьма щедро оплатил это путешествие, не доставляющее вам ни малейших хлопот! Но оказался, как я смотрю, в лапах вымогателя! Вы без зазрения совести сдираете с меня дополнительную оплату за приличное питание – хотя, видит Бог, у цивилизованных людей плата за место на корабле включает в себя и эти расходы... Теперь вы строите из себя детективного агента, пытаетесь разнюхать секреты своего пассажира и имеете цель заставить его платить за его же секреты! Так дело не пойдет, милейший! Кем бы я ни был, вам нет до этого никакого дела, господин шкипер! Извольте: я сойду с вашей жалкой посудины в первом же порту – при этом, разумеется, вы вернете мне заплаченные мной деньги за место на шхуне...

- Полегче на поворотах, герр Мюллер! – рявкнул Тако. – Я простой моряк, но моя гордость не позволяет выслушивать всякие оскорбления от неизвестно откуда взявшегося проходимца с фальшивыми бумагами и темными намерениями! Полегче, говорю! Иначе я объявлю это бунтом на корабле и прикажу своим матросам связать вас и бросить в канатный ящик... А по приходу в Порт-Саид сдам вас с вашими фальшивыми документами местной полиции!

Тако в гневе легко соскочил с места и сжал кулаки. Заметив краем глаза какое-то движение сбоку, Войда обернулся и увидел, как двое матросов, до сей поры усердно драивших палубу, побросали тряпки и подобрались к нему поближе с самыми недвусмысленными намерениями.

- Я подданный греческого короля, и не позволю никому в моем лице оскорблять флаг моей милой Эллады! – распалялся тем временем шкипер. – Святой Спиридон, да кто может помешать мне просто-напросто выбросить вас за борт, на корм акулам! Вряд ли вас кто-нибудь будет искать, Мюллер! А если и придут ко мне на «Клеопатру» - мои матросы умеют хранить молчание и быть верными слугами своему капитану!

- Ну-ну, успокойтесь, господин шкипер! Прошу вас, сядьте! Мы оба погорячились... И если я как-то задел ваши чувства, то хочу извиниться за это... Но поймите и вы меня, господин шкипер, - сделав вид, что испугался, Войда, тем не менее, и впрямь осознал, что целиком и полностью находится во власти этого грека. С ним следовало немедленно помириться.

- Вы даже не дали себе труда дослушать мотивы моего беспокойства, Мюллер – или как вас там! – несколько сбавил тон Тако. – Помилуй меня, пресвятая Мария – о каком вымогательстве вы вообще говорите?

В крайнем волнении Тако схватил бутылку виноградной водки и допил ее прямо из горлышка. Швырнув пустую посудину за борт, он успокаивающе махнул рукой матросам, плюхнулся обратно в кресло и неожиданно миролюбивым тоном продолжил.

- Поймите и вы меня, господин Мюллер! У меня на шхуне появляется пассажир, который просит доставить его в Сингапур, платит за место немалые деньги и тщательно скрывает свое настоящее имя и истинные намерения. К тому же мне случайно становится известно русское происхождение пассажира, его тайные встречи с жандармским резидентом накануне отплытия из Константинополя. А оружие в вашем багаже, герр Мюллер? А мундиры различных русских ведомств? Поневоле у бедного грека голова пойдет кругом! Тем более, что этот таинственный пассажир едет в Сингапур, где хозяйничают, как известно, англичане. Россия

же нынче отнюдь не является дружественной к Британской короне – откуда бедному греку знать, что задумал сотворить в Сингапуре таинственный пассажир с фальшивыми бумагами?

Тако перевел дух, выудил из-за бочонка новую бутылку «озо», привычно отбил горлышко и налил себе изрядную порцию водки.

- Откровенно говоря, герр Мюллер, мне нет дела до англичан. И я не буду сильно переживать, если кто-то сделает этим англичашкам какую-нибудь пакость. Пусть их! Видит Бог, англичане наделали много зла и доброй старой Элладе... Дело в другом, герр Мюллер! Как я уже говорил, вся моя жизнь проходит в море и мне часто доводится бывать в английских портах. И мне бы очень не хотелось, герр Мюллер, чтобы однажды меня обвинили в пособничестве врагам британской короны... Только этим и продиктовано мое беспокойство, герр Мюллер.

- Хорошо, вы меня убедили, шкипер! – Войда решил, что настал подходящий психологический момент для полной капитуляции. – Признаюсь вам: я действительно русский подданный! И могу предъявить вам соответствующие бумаги и паспорт. На сей раз подлинные. Могу признать, что в Константинополь попал действительно из России, и, действительно, воспользовался услугами одесских контрабандистов. Однако спешу вас разочаровать, любезнейший господин шкипер, что сей способ действий продиктован отнюдь не желанием тайно пересечь границы между державами. Как вы, вероятно, знаете, не столь давно Турция и Россия находились в состоянии войны, и пассажирское пароходное сообщение между ними еще не действует. И посему путешественники, желающие попасть в Константинополь, вынуждены добираться до морского побережья через разоренную войной Болгарию. Сие путешествие комфортабельным и безопасным никак не назовешь. На дорогах пошаливают разбойничьи шайки, крестьяне голодают и не в состоянии предложить проезжающим ничего, кроме отвратительной мамалыги. Именно поэтому, господин шкипер, опытные и не слишком щепетильные путешественники вроде меня предпочитают пользоваться услугами одесских рыбаков и контрабандистов. Что вам еще угодно узнать про меня? Ах, да! Мои визиты в Русскую миссию в Константинополе... Но и тут, уважаемый

шкипер, нет ничего предосудительного, ибо жандармский офицер, с которым я встречался, является моим дальним родственником.

- Зачем же вам понадобилось представляться немцем? – Тако все еще смотрел на пассажира весьма недоверчивою

- И здесь все просто, уважаемый! Русских в Турции после поражения в последней войне не очень любят. Именно по этой причине мой кузен из Русской миссии не только порекомендовал мне путешествовать под личиной немца, но и помог с соответствующими бумагами.

- А за какой нуждой вы едете в Сингапур, герр Мюллер?

- Господин шкипер, для удобства предлагаю вам называть меня отныне господином Власовым. Честь имею – коллежский советник Владимир Власов! – Войда коротко поклонился. – Что же касается целей моего путешествия, то я желаю сохранить их в тайне. Могу лишь заверить вас, что мною движет исключительно коммерческий интерес, господин инженер!

- Зачем же вам, господин коммерсант, оружие и различные мундиры?

- Какой же мужчина нынче путешествует без оружия? – засмеялся Войда. – А что касаемо мундиров, так это ни что иное, как часть моей коллекции форменной одежды. Могу сообщить вам по секрету, господин шкипер, что если бы та проворная девица из таверны Абдуллы полюбопытствовала бы относительно содержания другого моего чемодана, то сегодня вы, чего доброго заподозрили меня либо в алхимии, либо увлечении гончарным делом...

- Что вы имеете в виду, кирие Власов? – совсем благодушно и словно между делом поинтересовался Тако.

- Только то, что в число моих увлечений входит древнее гончарное искусство Рима и вашей древней Эллады. Я покупаю и реставрирую сии античные предметы искусства, участвую в археологических экспедициях, и часть своей коллекции также вожу с собой. Как и различные химические составы и реактивы для реставрации и обработки экспонатов. Вы удовлетворены, господин шкипер?

Войда намеренно заговорил об археолого-химическом содержании одного из своих чемоданов, тем самым предвосхищая

возможный интерес любопытного и подозрительного шкипера к своему багажу. В том чемодане действительно находились несколько старинных глиняных сосудов и множество стеклянной посуды, содержащей различные химические вещества. Однако истинное назначение их было отнюдь не реставрационно-археологическим. С ведома и благословения Судейкина Войда захватил с собой – на всякий случай – составные части мощной взрывчатки. Эти компоненты были получены со специального склада, где хранились конфискованные у революционеров бомбы и составные вещества для их сознания. Рецептура создания взрывчатки тоже была позаимствована у нигилистов: она привлекала простотой изготовления и значительной мощностью. Перед визитом на «Нижний Новгород», к Ландсбергу, Войда рассчитывал снарядить небольшую, но мощную бомбу – на тот случай, если обстоятельства либо бдительность караульной службы не позволят ему оказаться на расстоянии верного выстрела от «мишени».

Сейчас же, после трудного объяснения с Тако, Войде пришла в голову мысль о том, что хорошо бы устроить «громкий сюрпризец» и этому негодяю-шкиперу. Например, подложить бомбу замедленного действия, которая взорвется после того, как шхуна высадит своего пассажира в месте назначения. Помимо «воспитательного» значения, «сюрпризец» имел бы и чисто практическую цель: не оставить никаких следов интереса тайной полиции к столь далекому от России Сингапуру.

Взрывчатки в чемодане с избытком хватит и на негодяя-грека, и на Ландсберга, со злорадством размышлял Войда. Ну, а Судейкину докладывать о сем «литерном» мероприятии и вовсе не обязательно. К тому же Войда в любом случае не намеревался возвращаться в Россию и продолжать хлопотную и весьма опасную службу тайного агента жандармов.

Уверенный тон Войды и его разъяснения произвели на шкипера впечатление. Однако многоопытный агент легко определил, что Тако, помимо всего прочего, изрядно разочарован исчерпывающими разъяснениями пассажира. О причине разочарования догадаться было тоже несложно: готовясь к нелегкому разговору, хитрый грек наверняка рассчитывал поживиться на тайне своего загадочного

пассажира. Ну, а при нынешнем раскладе единственным, что удалось содрать с пассажира, была дополнительная плата за приличное питание.

Вычислив причину расстройства Тако, Войда решил не искушать судьбу и не провоцировать шкипера на поиск новых способов вытягивания из него денег. Ловкость, с которой Тако манипулировал карточной колодой, подсказывала Войде, что шкипер – не только азартный игрок, но и наверняка шулер.

Что ж, решил Войда. Что ж, желает негодяй играть и выигрывать – можно и поиграть с ним. До Сингапура еще плыть да плыть, времени хоть отбавляй. К тому же Войда, подобно многим записным карточным игрокам своего времени, изрядно владел различными хитростями «работы с колодой», и не опасался проиграться до нитки. Решив для себя, что проигрывать он будет понемногу и в разумных пределах, достаточных для удовлетворения алчности шкипера, он уселся поудобнее и кивнул головой на карты в руках шкипера:

- Вы, кажется, предлагали мне партию-другую? Извольте, составлю вам до обеда компанию, господин шкипер...

Глава четвертая
После аварии

Ландсберг вынес на верхнюю палубу потерявшего сознание Жилякова, принялся было обмахивать лицо друга мокрой тряпицей, изо всех сил стараясь заставить застывший в неподвижности воздух хоть чуть-чуть двигаться. Скоро его окликнули: надо было помочь вынести на палубу других потерявших сознание обитателей тюремного трюма. Таковых оказалось сначала четверо, потом ее трое.

А сил уже не было - ни у нескольких дюжих матросов, ни у закаленного Туркестанскими походами и пустынями Ландсберга. В глазах временами темнело, подкашивались, становясь мягкими, словно из ваты, ноги. Однако, вытащив наверх очередного умирающего, Ландсберг упрямо вновь и вновь спускался в арестантский трюм и подхватывал на руки следующего – по указанию Стронского и священника отца Ионафана

Когда все пострадавшие были вынесены и пристроены на палубе, Ландсберг снова бросился к другу, но возле него уже сидел на каком-то ящике доктор Иванов, с превеликой радостью выбравшийся из арестантского трюма. Капитанских упреков в том, что он покинул назначенное ему место, можно было не опасаться: здесь, на верхней палубе, разместили наиболее тяжело пострадавших от жары и духоты арестантов, в основном – преклонного возраста. И врачебный долг призывал доктора быть рядом с ними. На деле, правда, Иванов не обращал на стонущих либо потерявших сознание людей ни малейшего внимания. И лишь изредка покрикивал:

- Эй, санитар! Сунь-ка нашатырь в рыло во-он тому, рыжему!

Что-то давно не шевелится, негодяй!

Заметив Ландсберга, пробирающегося к Жилякову через распростертые на палубе тела, доктор счел необходимым пресечь самовольство. Повернувшись всем телом, он властно махнул рукой:

- Идите отсюда, милейший! –и повысил голос с тем, чтобы его услышали вокруг. – Без вас тут разберутся с больными. Я говорю - ступайте! Ты что, оглох?! А?

Арестантов, своих невольных и бесправных пациентов, доктор Иванов панически боялся с первых дней службы по линии тюремного управления. Боялся и ненавидел одновременно, не упуская ни единой возможности при случае сотворить отбывающим наказание преступникам любую гадость. Разумеется, гадость должна была всегда быть абсолютно безопасной для самого доктора Иванова. Сознательно причиняя какому-либо несчастному боль, огорчение или страдания, Александр Венедиктович всегда просчитывал даже отдаленные возможности расплаты за свою подлость. И если приходил к выводу, что таковая возможность существует, искал более безопасную для себя, более безответную жертву.

Нельзя сказать, чтобы Александру Венедиктовичу были совершенно чужды минуты раскаяния в содеянной им очередной подлости. Иной раз, видя воочию результаты своих усилий, или даже представляя себе их мысленно, доктор Иванов не только злорадно хихикал и довольно потирал руки, но и ощущал хоть и мимолетный, но весьма болезненный укол совести. Но тут же успокаивал себя тем, что боль и страдания причинены им не просто человеку. А плохому человеку, который своим преступлением уже доставил кому-то горе и боль.

Александра Венедиктовича совершенно не трогало то обстоятельство, что в силу особенности человеческой природы большинство жертв преступных посягательств не таили зла на своих обидчиков. Более того: доктора искренне поражало то, что кружки для пожертвований, украшавшие издавна ворота большинства российских тюрем и острогов, обычно быстро наполняются сердобольными подаяниями. А по большим праздникам продуктов и подношений арестантам бывало столь много, что тюрьмы едва ли не поголовно маялись животами, а тюремщики, бранясь, вывозили на

городские свалки целые телеги протухшей рыбы, птицы, черствого и заплесневелого хлеба и даже мясо – то, что ни арестанты, ни конвойные команды просто не могли, не успевали съесть.

Впервые упоительность своей власти над беззащитным и безответным человеком Александр Венедиктович – тогда еще просто гимназист Сашка – испытал подростком, в загородном имении своего отца. Отец был известным и весьма уважаемым в Самаре человеком. Личностью Венедикт Григорьевич Иванов был действительно незаурядной. Смолоду и до преклонных лет живо интересовался новинками медицины и фармакологии, переписывался с известными специалистами из Германии и Швейцарии.

Увлеченность любимым делом не мешала, однако Венедикту Григорьевичу заслуженно пользоваться материальными результатами своего труда. Дом Ивановых был поставлен на широкую ногу, имелся собственный выезд и даже два кучера – не считая горничных, гувернеров и прочей прислуги.

Купив загородное имение, старший Иванов сочетал отдых на лоне природы с объездами окрестных деревень. Гонораров с крестьян он, разумеется, не брал. Скорее уж, наоборот: частенько передавал в земскую больницу денежное вспомоществование малоимущим и лекарства для них же.

Увы: Иванов-младший, имея перед глазами столь наглядный пример беззаветного служения делу и людям, восхищался лишь его финансовой стороной успешной практики отца. Довольно рано он начал потихоньку шарить в родительском бумажнике, и со временем его аппетиты возросли настолько, что пропажу денег стал замечать и отец, давно потерявший привычку пересчитывать наличность. Сашенька попал под подозрение, однако сумел выйти сухим из воды, подложив последнюю свою добычу – несколько ассигнаций и прихваченный из отцовского бумажника золотой значок участника Венского медицинского конгресса – прислуге из новеньких.

Не успевая тратить украденные у отца деньги, Сашенька начал копить их, пряча по разным углам. И однажды летом, в загородном доме, был искренне возмущен тем, что кто-то обнаружил его тайник в дупле старой груши и взял оттуда несколько мелких монет. Сашенька устроил засаду, и скоро обнаружил похитителя: им

оказался беспаспортный бродяга, местный крестьянин, отпущенный в город на заработки и сбившийся там с прямой дорожки. Одно только беспаспортное пребывание в столице грозило в те годы бедняге сибирской каторгой, и он, пешком добравшись до родных мест, второй год прятался в лесном шалаше, перебиваясь мелкими кражами, а по летнему времени – грибами и ягодами.

Сашенька выследил убежище беглеца и стал думать, что делать дальше. Мальчика совершенно не тронула деликатность бродяги, имевшего возможность забрать все деньги из тайника, но ограничившегося несколькими медяками. Этот негодяй осмелился красть деньги у него, у Сашеньки Иванова!

Можно было бы, конечно, заявить о беглеце в лесу деревенскому старосте или прямо исправнику – но это было, по Сашенькиному разумению, слишком просто. И он решил отплатить «обидчику» по-другому.

Заявившись к перепуганному неожиданным появлением молодого барина бродяжке в его лесную берлогу, Сашенька заявил, что на него вот-вот будет организована облава, и вызвался помочь, спрятать беглеца. Тот поверил и был искренне благодарен своему «спасителю». Сашенька отвел бродягу к старому колодцу, высмотренному во время поиска новых тайников, велел сидеть там и обещал кормить.

Когда бродяга, благословляя «спасителя», спустился в глубокий колодец, Сашенька вытащил веревку и объявил несчастному, что теперь он – его пленник. И каждый кусок хлеба должен отрабатывать – петь, танцевать, лаять, кричать петухом.

Самостоятельно выбраться из колодца бродяга не мог: его стенки были выложены гладким камнем. Не боялся Сашенька и того, что вопли бродяги может кто-нибудь услышать: колодец был далеко от жилья. К тому же Сашенька накрыл колодец досками, тряпьем и набросал веток.

Больше недели ежедневно развлекался Сашенька, заставляя голодного бродягу исполнять все его прихоти и бросая вниз хлебные корки и куриные кости. А когда бродяга попробовал бунтовать - на него посыпался град камней, спрятаться от которых не было никакой возможности.

Забава кончилась, когда докторова семья осенью уехала в город. Сашенька мог выпустить бродягу, или, на худой конец, рассказать о нем взрослым. Однако он не сделал ни того, ни другого – лишь завалил колодец понадежнее, решив оставить бродягу умирать с тем, чтобы будущим летом обзавестись собственным скелетом – вроде того, что стоял в шкафу в городском кабинете его отца.

Мечта Сашеньки, впрочем, не сбылась. Приехав в имение на следующее лето, он обнаружил в колодце отнюдь не чистенький скелет, а полуразложившийся смрадный труп, возиться с которым не было никакого желания…

Раскаяния Сашенька тоже не испытал. Плюнув в колодец, он лишь произнес ломающимся тенорком:

- Будешь знать, сволочь, как чужие деньги брать!

Вспомнил этого несчастного бродяжку Сашенька только один раз, через несколько лет, будучи уже студентом-медиком. И то случайно: старуха-служанка, доживающая век в загородном докторовом доме, как-то всплакнула, глядя на молодого, румяного и веселого студента-барчука.

- Вот и мой Петюнька таким же был, веселым да смешливым, пока в город на заработки с кумом не уехал…

- Ну и как, заработал? – равнодушно поинтересовался молодой барин, нетерпеливо похлопывая стеком по сапогу: ждал, когда конюхи переменят седло.

- Сгинул мой Петюнька! – перекрестилась старуха. – В городе-то, в столичном, его с пути-дорожки лихие люди сбили, пачпорт украли. Он от полиции, сердяга, сюда подался – а куды ж еще? Жил в лесу, аки зверь какой, в шалашике. Я батюшке вашему уже в ноги кинулась, обсказала все. И Венедикт Григорьевич, дай ему Бог всего-всего, добрая душа, обещал похлопотать за сыночка моего. Перед губернатором слово замолвить обещался – а уж тот батюшке вашему ни за что бы не отказал! Жди, грит, Семеновна, вот вернусь в Самару и сразу за сынка твово похлопочу! И похлопотал ведь, барин! Дён через несколько прислал Венедикт Григорьевич бумагу с нарочным, от самого губернатора, как и обещался! Только сыночка я уже в шалашике его не нашла – исчез. Сгинул куда-то…

Сашеньке стало как-то неловко. Пряча глаза, он попробовал успокоить старуху:

- Не плачь, Семеновна! Может, подался куда-нибудь твой сын. Вкусил вольной жизни, да и подался…

- Нет, барин, лихое с ним случилось, знаю! Он ведь в шалашике-то все барахлишко свое оставил. И котелок, и чашку, и образок, мною даденный. Словно отлучился куда ненадолго – и сгинул.

Старуха снова всхлипнула.

- Сколь годков-то уже прошло – не знаю уж, куда Петюньку мово в церкви на поминание записывать. В усопшие, должно – а нельзя, грех, говорят: а вдруг живой?

Мелькнула тогда у Сашеньки мысль: может, посоветовать старухе поискать старый колодец: видел, мол, мальчишкой, тело там чье-то. Подумал, да передумал. Ничего не сказал старухе – да тут и коня ему подвели, недосуг стало…

Стиснув зубы, Ландсберг отошел, и, хотя его никто больше с палубы не гнал, спустился вниз, утешая себя тем, что старый полковник все ж под медицинским присмотром. А вскоре все на «Нижнем Новгороде» буквально замерли в ожидании: по кораблю разнесся слух, что машина, наконец, починена, и ее вот-вот снова запустят.

Так оно и случилось: вскоре железо палубы в арестантском трюме мелко задрожало под ногами. Вот гул усилился, и, наконец, брезентовое жерло вентиляторного отверстия ожило и дохнуло воздухом. А сам воздух задрожал от радостных воплей – вопили все, и арестанты в своем трюме, и вольные пассажиры, и команда наверху.

Паровая машина работала все сильнее и ритмичнее, и вскоре над знойным маревом Красного моря раздался торжествующий протяжный рёв пароходной сирены: оживший «Нижний Новгород» снова двинулся вперед!

Теперь капитан Кази, спасая все еще гибнущих от жары и удушья пассажиров, стремясь разогнать неподвижный во время стоянки парохода воздух, передвинул ручку машинного телеграфа на «самый полный!». Сам стал у штурвала, до рези в глазах вглядываясь в серую мглу впереди и молясь о том, чтобы морской

бог отвел с их курса встречные корабли. С юта корабля вперед по курсу боцман беспрестанно пускал вперед ракеты: боги богами, а лишняя предосторожность не помешает!

Не прошло и трех четвертей часа, как серая мгла, душившая корабль, стала редеть, и «Нижний Новгород», часто взревывающий сиреной, на полном ходу вырвался из мрачной ловушки Красного моря. Темное облако осталось за кормой и удалялось назад, в прошлое.

Видимо, морские боги посчитали, что экипаж и пассажиры русского судна достаточно натерпелись и с честью вышли из испытания: мертвый штиль скоро сменился легким, но быстро свежевшим ветерком. Глянув на барометр, Сергей Ильич Кази приказал уменьшить ход машины и ставить паруса.

К вечеру в арестантский трюм на своих ногах вернулись почти все, кто утром был вынесен на палубу. Не досчитались лишь семерых, в том числе и Жилякова. Ландсберг все еще надеялся, что старик жив и лишь оставлен по причине слабости в судовом лазарете. Однако капитан, самолично спустившийся в трюм вместе с запоздавшим ужином, чтобы поблагодарить каторжан за мужество и поддержание порядка и дисциплины на корабле во время ликвидации аварии, сообщил о смерти семерых арестантов.

Хоронить их предполагалось, по морскому обычаю, на рассвете следующего дня.

Протиснувшись вперед, Ландсберг обратился к капитану с просьбой: нельзя ли ему принять участие в морском погребении старого товарища, проводить того в последний путь? Кази поначалу отрицательно покачал головой, однако старший помощник Стронский вполголоса напомнил ему, что именно Ландсберг принял в спасении людей самое живое участие. И капитан тут же согласился: иной благодарности к этому человеку он выказать пока не имел никакой возможности.

Всем обитателям трюма капитан по случаю счастливого спасения распорядился выдать по кружке красного вина…

О таинственном исчезновении доктора Иванова - его последний раз видели на верхней палубе еще до починки машины - капитан арестантам говорить не стал. Сергей Ильич Кази, давно

составивший о судовом докторе нелестное мнение и к тому же получивший от своего старшего помощника подробнейший отчет о поведении Иванова во время аврала, почти не сомневался, что с доктором в суматохе и неразберихе свели счеты. А кто именно – разве теперь узнаешь?

Лишь на следующий день один из вольных пассажиров, оправившись от вчерашнего потрясения, напросился на аудиенцию у капитана, и сообщил, что корабельного доктора на его глазах столкнул за борт не каторжник, а какой-то матрос.

Потрясенный этим известием, Кази велел боцману выстроить на верхней палубе всю команду - за исключением вахтенных машинистов и кочегаров. Пройдясь вдоль строя, пассажир с опаской и некоторой неуверенностью указал на матроса караульной службы Якова Терещенко.

Все еще надеясь, что тут какое-то недоразумение, капитан отпустил матросов, а Терещенко был приведен в его каюту.

- Терещенко, этот человек говорит правду?- вглядываясь в лицо матроса, тихо спросил Кази.

…Всех семерых арестантов, не перенесших адово пекло, по морскому обычаю похоронили в море, на следующий день. Ландсберг по дозволению капитана принял участие в морских похоронах, и сам приподнял конец доски, на другом конце которой лежало обернутое парусиной тело его старого друга. Семь парусиновых свертков, утяжеленные звеньями якорных цепей, почти одновременно скользнули вниз, в зеленую морскую воду и под «ве-е-чную память!» отца Ионафана скрылись в ней.

Занятый скорбными мыслями, Ландсберг только через несколько дней обратил внимание на то, что среди караульных матросов, меняющих друг друга в проходе между отделениями тюремного трюма, перестал появляться его знакомый Яков Терещенко. Ландсберг, рискуя привлечь внимание к знакомству с ним и подвести тем самым однополчанина, все же спросил у одного из караульных с деланной небрежностью: куда, мол, Яшка-то делся? Обещал, мол, мне тут кое-что, да и глаз не кажет…

Матрос насупился, бросил быстрый взгляд наверх, где у распахнутого настежь люка на верхней палубе маячил второй

караульный, и, стараясь не перекрывать неумолчный гомон и бубнёж арестантов, негромко сказал:

- Нету больше в карауле твоего полчанина, мил-человек! В канатном ящике у боцмана запертый сидит.

- Что же он натворил?- деланно рассмеялся Ландсберг.

- А ты не смейся, мил-человек! – построжел караульный.- Бают, он гниду-дохтура нашего за борт пихнул в суматохе, когда машину еще ремонтировали, а на палубе чёрт-те что делалось. Так-то, мил человек!

- Быть того не может, что бы Яшка такое дело сотворил!- ахнул Ландсберг.- Не ошиблось начальство с ним? За что?

- Про то никто не знает. На следующий день, как тока пассажир-свидетель на Терещенко указал, его и заперли. Но я те скажу, мил-человек, что верно ты говоришь: Яшка матрос правильный, зазря пихать за борт даже энтого говнюка, прости меня, господи, не стал бы! Стало быть, было за что! А дохтуру энтому, между прочим, туда и дорога! Вся команда про то говорит. Попил кровушки – что нашего, что вашего, арестантского брата…

Матрос, заметив наблюдающего за ним через люк верхнего караульного, кашлянул, прошелся по коридору и снова с независимым видом прислонился к решетке, у которой замер Ландсберг.

- И что с Яшкой теперь будет?

- Была бы энта гнида доктор охфицером, разговор с Яшкой был бы коротким, - вздохнул матрос. – А так, бают, сдадут бедолагу в городе Владивостоке в трибунал. Глядишь, и свидишься, мил-человек, с полчанином своим опосля, в Сахалинской-то каторге. По головке его не погладют, точно!

Караульный вздохнул, перекрестился и продолжил:

- Еще и то плохо, что вахты наши, караульные, сразу вдвое увеличились. К канатному-то тоже человека на часы по уставу ставить надо! Хотя куды тут бежать, в море… Наши вот боцмана да господина старшего помощника уговаривают, чтобы сходили к капитану, поговорили бы с ним, чтобы Яшку до Владивостока капитан с-под ареста выпустил. Сил ведь уже нету, на ходу спим…

Вторая потеря близкого человека буквально ошеломила

Ландсберга. Вспоминая бесхитростное лицо Яшки, он представить себе не мог, чтобы тот мог жестоко расправиться с человеком – пусть даже и не самым лучшим. О том, что у Терещенко были отданные на сохранение золотые монеты, Ландсберг вспомнил не сразу, и даже с какой-то досадой на себя: до денег ли, когда такое творится?

Глубокой ночью, через сутки после разговора с караульным матросом, его тронули за плечо:

- Слышь, Барин, проснись! Кличут тебя там, у решетки!

Ландсберг, недоумевая, все же соскользнул со своей шконки, тихо подошел к решетке, и в фигуре караульного вдруг узнал своего знакомца и однополчанина Яшку Терещенко!

- Яков, ты?! – Ландсберг просунул сквозь решетку обе руки, ухватил Терещенко за плечи, радостно потряс. – Тебя выпустили? Боже, как я рад! Значит, всё разъяснилось? Ты не виноват?

-Тихо, ваш-бродь! Выпустить-то выпустили, господин прапорщик, да что толку! – грустно вздохнул Терещенко. – Выпустили, потому как бежать отсель некуда, а караульных не хватает. Под трибунал иттить мне, ваш-бродь! И в каторгу, полагаю – потому как я простой матрос, а дохтур этот – из благородных. Дело известное!

- Значит, ты его…

- Богом клянусь – не трогал я дохтура! – горячо зашептал матрос. –Осерчал шибко на него, за грудки хотел схватить – это было, каюсь! Но не успел: этот поганец от меня шарахнулся назад, споткнулся об ящик, руками замахал, да через леер и кувыркнулся назад, за борт! Видно, обеспамятел, сдурел от страха и забыл, что близко к борту сидел. Я и поймать его хотел за рукав, ваш-бродь! Право слово, хотел, да не успел. А он, когда падал, ишшо и ногами за леер зацепился, и со всего маху черепушкой по обшивке приложился, аж треск слышно было! Ей-богу, господин прапорщик! Камнем на дно пошел, даже пузырей не было, я нарочно глядел!

- А за что осерчал на доктора? Почему хотел за грудки схватить? Ты что, с ума сошел, Яков?

- Я-то? Я-то в своем разуме, ваш-бродь! И есть, и буду, ежели бог даст. А вот дохтур наш… Он ведь что, подлец, делал – сел

сиднем на ящик и среди людёв беспамятных, палец о палец не ударил, что помочь, - загорячился Терещенко. – Ни воды кому подать, ни лекарства какого… Только воду сельтерскую из бутылки лакал, да еще и нарочно причмокивал, крякал от удовольствия! Тут двое, из ваших, которые вкруг дохтура в сознании еще пребывали, а говорить не могут, хрипят только: дай, мол глоточек – а он смеется, подлец! Я воду носил забортную, поливал людей для облегчения, говорю дохтуру: стыдно, мол, так-то! Образованный, мол, человек, а людёв водой дразнишь! Он на меня заорал – поставь, мол, ведро и марш отсюда! А ежели кто и передохнет, мол – так невелика потеря! Отошел, стерпел я… А потом гляжу – он мое ведро взял и давай лить на беспамятных, да так, чтобы в рот и нос попасть им. Чтобы задохлись, значить… А те и увернутся, бедолаги, уж не способны… Ну, тут я и не выдержал, набежал на него…

* * *

…Позже, с грехом пополам закончив по настоянию отца курс медицины в университете, Александр Венедиктович Иванов чаяний и надежд старого доктора все же не оправдал. Хотя собственные честолюбивые планы имел во множестве. Во исполнение одного из своих планов он, вернувшись из столицы в Самару, скоропалительно женился – на перезрелой некрасивой дочери местного врача. От тестя ему перешла и более чем солидная практика, но теперь, с деньгами жены Александр Венедиктович не планировал надолго задерживаться в скучной и пыльной Самаре, и едва ли не второй день после свадьбы завел с тестем разговор о переезде в Санкт-Петербург и покупке там собственного особняка – за его, разумеется, тестевы деньги.

Однако тестюшка, несмотря на провинциальную наружность и, по убеждению зятя, недалекость и мужиковатость, оказался весьма умным и упрямым человеком. Немалое приданое, как выяснилось, было определено на банковский счет, открытый на имя дочери, которая не строила иллюзий относительно истинных чувств новобрачного и во всем слушалась батюшку.

- Поживи-ка в Самаре, мил-человек, - качал головой на все аргументы зятя тесть. – Отец-то твой, зятек, известнейший во всей губернии человек, я и практику тебе всю оставил – вот и покажи нам

сперва, на что ты способен. А потом и о Петербурге подумать можно будет. А пока внучатами меня порадуй, зятек… А там поглядим…

Обозленный тем, как ловко его провели с приданым, Александр Венедиктович устроил новобрачной настоящий скандал и поставил перед ней ультиматум, во исполнение коего тут же демонстративно переселился из супружеской спальни в кабинет, не желая даже слышать ни о каких детях.

Доктором Александр Венедиктович, как вскоре выяснилось, оказался неважнецким. Пациентов он либо открыто презирал, либо ненавидел, убежденный в том, что и болеют-то они только с единственной целью – досадить ему. Он ни разу не заглянул в шкафы с богатой медицинской литературой, торжественно переданной ему отошедшим на покой отцом. Оставались неразрезанными и журналы, в изобилии выписанные старым доктором на несколько лет вперед.

Скучая по шумному Санкт-Петербургу, Иванов-младший с интересом занимался только одним: напропалую заводил скандальные романы с богатыми вдовушками, а со временем переключился и на скучающих замужних дамочек – тоже, разумеется, не из бедных.

Усвоенный молодым эскулапом в беседах с пациентами покровительственно-насмешливый тон и откровенное равнодушие к их болезням и лечению весьма скоро сделали свое дело: практика понемногу начала таять и переходить к другим самарским докторам. К тому же диагнозы молодого Иванова очень часто оказывались поверхностными и неверными. Нескольких скандалов по этому поводу удалось избежать только благодаря вмешательству отца, весьма встревоженного отношением сына к своему долгу.

Несколько раз он пробовал поговорить с Александром по-серьезному, наставить его на путь истины и призвать к совести – и, разумеется, ничего не добился кроме того, что сын перестал бывать в родительском доме.

Шло время, и вскоре в числе немногих постоянных пациентов у молодого доктора Иванова остались лишь особы женского пола – разумеется, богатые и смазливые вдовушки, нуждающиеся в утешении особого рода. Супруга доктора молча терпела бесконечные

романы мужа, покуда они не стали причиной и поводом для откровенных насмешек в обществе. Тогда в семье Ивановых состоялся еще один шумный скандал, причем на этот раз ультиматум был поставлен Александру Венедиктовичу. Впрочем, одна из альтернатив жены была при всей своей оскорбительности обнадеживающей. Отчаявшаяся супруга пообещала вернуться к рассмотрению вопроса о переезде в столицу, и уговорить отца купить там особняк либо просторную квартиру и даже практику для доктора через некоторое время. За это время ветреный муженек должен был, разумеется, в корне изменить свое поведение, перестать гоняться за юбками и стать добропорядочным семьянином.

Выхода у Иванова-младшего не было, и он скрепя сердце согласился образумиться и остепениться. Благонравия ему, впрочем, хватило ненадолго, и задолго до окончания испытательного срока, назначенного супругой, Александр Венедиктович вновь пустился во все тяжкие с еще большим рвением и бесшабашностью. Вопрос о столице был, таким образом, решен окончательно и бесповоротно. А докторова супруга, устав от насмешек за спиной, съехала под отчий кров. А немного погодя была отправлена отцом для успокоения нервов и от грешного мужа подальше в длительную поездку в Европу.

Оставшись «холостяком», Александр Венедиктович немедленно завел открытый роман с такой же бесшабашной женой члена правления банка «Самарский кредит». Окончание сей роман имел еще более скандальное, нежели начало и бурное течение: эмансипированная дамочка была арестована за отравление ядом опостылевшего мужа.

Следствие по делу об отравлении было недолгим. Сразу выяснилось, что сильнодействующее снадобье было накануне куплено этой дамочкой в местной аптеке. Взятый было тоже под стражу немец-аптекарь предъявил судебному следователю рецепт, выписанный на имя отравительницы… доктором Ивановым-младшим.

Поначалу тот пытался отрицать даже очевидное, потом попытался объявить свое преступное деяние профессиональной ошибкой, грозившей ему потерей докторской аттестации и лицензии на практическое лечение. Но тут и до глуповатой отравительницы, в

конце концов, дошли два очевидных факта: отравление мужа пахло каторгой, а сердечный друг в Сибирь с нею явно не собирался. И даже не приходил на свидания в местную тюрьму, несмотря на отчаянные призывы вчерашней подруги.

Тогда ею было сделано ошеломившее публику признание об участии в заговоре на смертоубийство Александра Венедиктовича. Стало известно и о его подстрекательской роли в этом грязном деле. Обливаясь слезами, дамочка поведала следователю о своем пылком романе с доктором, и о том, что она неоднократно предлагала ему бежать вместе в Санкт-Петербург, однако доктор нипочем не хотел этого делать без средств к существованию, коими являлось дамочкино наследство.

Теперь Сибирью запахло уже и для Александра Венедиктовича. Он, разумеется, всё отрицал, но улики были слишком серьезны. Нашлись и свидетели, с которыми доктор по пьяной лавочке неосмотрительно поделился планами скорого переезда в столицу и даже намекал на пути «фармацевтического» решения финансовой проблемы этого дела.

Единственным спасителем для Александра Венедиктовича в сложившейся ситуации мог стать отец, Иванов-старший, к которому блудный сын, разумеется, тут же бросился за помощью. Однако Венедикт Григорьевич, состарившийся за неделю от стыда и позора, не пожелал даже выслушать сына и выставил его за дверь. Тогда сын вспомнил о своей матушке.

Конечно же, мать не могла не пожалеть сына. Не могла не ужаснуться реальной перспективе увидеть, что ее Сашенька в сером казенном халате и с наполовину обритой головой вот-вот зазвенит кандалами в Сибирь…

Сцена, разыгравшаяся между старым доктором и его женой, трудно поддается описанию. Лидия Михайловна просила, требовала, умоляла, валялась у мужа в ногах. Когда весь арсенал был исчерпан, а муж по-прежнему был непреклонным, Лидия Михайловна вышла из кабинета, и взяла в спальне револьвер, который доктор когда-то брал с собой в дальние поездки.

Сашина мать никогда не была истеричкой. И когда хотела, тоже могла проявить недюжинную твердость. Муж знал это, и очень любил

свою Лидушку, с которой прожил почти сорок лет. Лидушка стояла теперь перед ним с остановившимися, враз ставшими сухими глазами с револьвером в руке.

- Венедикт, если Сашу осудят, мне незачем жить, - спокойно сказала она. – Тебе надо сейчас же сделать выбор: похоронить жену-самоубийцу, отправить на каторгу сына и до конца дней нести это бремя, либо немедленно идти к губернатору, к председателю суда – к кому угодно! Ты можешь сейчас спасти и сына, и свою жену, которую, как ты уверяешь, любишь. Или можешь не спасать нас. Решай, Венедикт!

Потрясенный доктор схватил шляпу, перчатки и трость и бросился из дома. Лидия Михайловна перекрестила его вслед и тем же ровным голосом окликнула:

- Если ты вернешься ни с чем, я сделаю это. Даю тебе в том слово…

Через двое суток, на рассвете, Александр Венедиктович был выпущен из полицейской части. Днем раньше судебный следователь написал начальству пространное объяснение по поводу «таинственного» исчезновения из уголовного дела рецепта на яд и необъяснимого отказа двух свидетелей от своих прежних показаний.

На углу возле полицейской части стояла знакомая Иванову-младшему коляска с поднятым верхом. Александр Венедиктович бросился к ней, шепча: «Спасибо, отец! Спасибо тебе, Господи!».

Однако Венедикт Григорьевич не принял ни благодарности, ни извинений. Он швырнул на землю саквояж сына, следом полетело пухлое портмоне.

- Не благодари меня, - глухо сказал старый доктор. – Иди на железнодорожную станцию, через час должен придти курьерский поезд. Возьми вещи и деньги на первое время, и не смей возвращаться сюда, пока я жив. О своем местопребывании напишешь тетке, она сообщит твоей матери. Возможно, когда-нибудь она захочет тебя увидеть. Я не захочу никогда. Ступай…

Доктор ткнул тростью в спину кучера, коляска рванулась с места и исчезла в переулке.

Больше Иванов-младший родителей своих не видел. Через два месяца мать прислала ему с коротким письмом и своим

благословением докторский аттестат. А еще через месяц пришло письмо от тетки, которая сообщила Иванову-младшему о смерти обоих родителей. С Лидией Михайловной случился апоплексический удар, муж пережил ее только на три дня и тоже скончался – прямо на кладбище, на скамеечке у могилы жены. Все состояние и имущество Иванов-старший завещал на благотворительные и больничные нужды.

Иванов-младший к тому времени совсем успокоился, нашел службу в земской уездной больнице тихого южного городка, обзавелся пенсне и жил, верный привычке, у офицерской вдовушки. Никакой благодарности к отцу он не испытывал – было лишь глухое раздражение «старым дурнем», который вышвырнул его из Самары, как нашкодившую собачонку.

Известие о том, что «старый дурень» лишил-таки его и немалого наследства, окончательно озлобило Александра Венедиктовича. Он очень рассчитывал на эти деньги, не оставив мечту о возвращении в Санкт-Петербург. Ехать же туда бедняком он не желал. Земство платило доктору за службу сущие пустяки, вдовушка оказалась лгуньей без каких-либо капиталов…

Но как-то жизнь надо было все равно. Ночь доктор Иванов проворочался без сна, и к утру принял решение. Отправив вдовушку на утреннюю службу в церковь, он побросал в чемодан вещи, сел на извозчика и уехал не попрощавшись.

Так он оказался в Одессе, где нашел старого друга отца, служившего в городской управе. Тот весьма огорчился по поводу смерти Венедикта Григорьевича, и пригласил Иванова-младшего на семейный ужин.

За семейным столом очень скоро выяснилось то, что Александр Венедиктович не унаследовал не только богатейшей медицинской библиотеки отца, но и самого состояния Иванова-старшего. Да и о направлении научных исследований самарского доктора-подвижника его одесский друг знал, как оказалось, больше, нежели родной сын и «продолжатель семейного дела». О причинах разрыва с отцом Иванов-младший говорил весьма неохотно, уклончиво, и, разумеется, истинной причины не открыл. Он желал только одного: чтобы хозяин, в память об усопшем друге, подыскал бы ему достойное место для

дальнейшей службы.

Почувствовав неладное и не получив разъяснений, отцовский друг стал сух и неразговорчив, решив для себя обязательно навести справки. А пока предложил Александру Венедиктовичу место доктора в местной тюремной больнице.

Это было совсем не то, на что рассчитывал Иванов-младший. Но и лучше, чем ничего. Он вынужденно согласился и поспешил откланяться.

Потекли серые будни. Александр Венедиктович был зол на весь мир. Он проклинал упрямство собственной жены и тестя, лишившее его беззаботной и полной развлечений жизни в столице. Клял «старого дурня-отца», ничего не видевшего, кроме своей проклятой медицины. Негодовал на самарскую любовницу за «неприятности» с отравлением мужа. С зубовным скрежетом честил отцовского друга, не захотевшего устроить ему приличную, спокойную и доходную службу.

Он ненавидел коллег, соседей, даже беззаботных прохожих, попадавшихся ему по дороге на службу. Ненависть переполняла Александра Венедиктовича и искала для себя выхода. Этот выход, самый безопасный, доктор нашел, вымещая злобу на весь мир на своих невольных пациентах. Он ставил им заведомо неверные диагнозы, превращал лечебные процедуры в настоящие пытки. Он радовался малейшей возможности ухудшить жизнь подневольных людей, и очень скоро, разумеется, тюремная братия стала платить ему такой же ненавистью, не упуская ни одного случая досадить неприятному доктору.

Не забывал доктор Иванов и писать доносы на своих коллег, обвиняя их в выдуманных им же проступках и прегрешениях. И хотя авторство этих доносов тщательно скрывалось, вскоре оно перестало быть тайной. От Иванова отвернулись, многие вообще перестали подавать ему руку.

Тюремное начальство только и искало случая избавиться от крайне неприятного доктора, однако Иванов был осторожен и не давал повода для отказа ему от места. Поэтому, когда организованные перевозки каторжников на Сахалин морским путем потребовали медицинского надзора, это стало спасением и для

коллег Иванова, и для тюремного начальства. Иванову были даны самые лестные рекомендации, его же самого соблазнили изрядной прибавкой к жалованью и возможностью повидать мир.

По случаю отказа доктора Иванова от места в тюремной больнице коллеги даже устроили на радостях вечеринку – без приглашения самого виновника торжества, разумеется. И очень веселились, представляя себе физиономию новоиспеченного «моряка» в тот момент, когда он узнает, что особой высочайшей директивой капитанам судов Добровольного флота, перевозящим каторжников, было запрещено без случаев крайней необходимости заходить в порты по пути следования. А в таких случаях – для пополнения запасов воды, продовольствия и угля – капитанам предписывалось выбирать для швартовки самые отдаленные причалы, причем никому из членов экипажа не дозволялись даже краткосрочные отлучки.

Попав в незнакомую для него обстановку и будучи окружен новыми людьми, первое время Александр Венедиктович, как и в тюремной больнице, держался весьма осторожно, в конфликты вступать не спешил и лишь присматривался к будущим жертвам своих интриг. Авария в машинном отделении «Нижнего Новгорода» и распоряжение капитана застали доктора, можно сказать, врасплох. И одновременно словно разбудили злобную и мстительную натуру Александра Венедиктовича…

* * *

Ландсберг помолчал, поиграл желваками. Только и спросил:

- А капитан что решил?

- А что господин капитан сказать может? Поверить-то мне, вроде, поверил. Допросил, сказывали, еще раз пассажира – тот и признался, что не всё видал,о чем прежде говорил. Он ведь, ваш-бродь, «травил» у борта как раз. Напихал от жажды полный рот мокрых тряпок, сосал их, видать, да и подавился, блевать стал. Видал, говорит, что кинулся матрос к дохтуру. И что дохтур ногам брыкнул в воздухе – тоже видал. А чтоб я толкал его, или бил – боже упаси! Ну, а что не видал, то придумал, стало быть… Да я на него не в претензиях, ваш-бродь!

- Так сняли с тебя обвинение, Яков? Говори толком!

- Сняли – не сняли, не знаю. Однако добром, ясное дело, ваш-бродь, сие не кончится. Господин капитан мне поверил, я ж говорил! Так и сказал – я тебе, Терещенко, верю, а только без последствиев, извини, оставить не могу. За нарушение морского устава, как минимум, говорит, отвечать придется. За то, что не шумнул я про человека за бортом, мер по евонному спасению не принял. А про дохтура господин капитан показания снял с меня, с пассажира того – говорит, по прибытию в город Владивосток вместе со своим рапортом командованию передам. Извини, говорит, брат Терещенко, нельзя иначе! Заступиться обещал, однако честно предупредил, что толку от того заступничества вряд ли будет много. Под трибунал, говорит, скорее всего пойдешь…

- Понятно… Яков, а доктор этот … Он что – и другу моему морскую воду в рот лил? Ну, господину полковнику, Жилякову!

- Чего не видел, ваш-бродь, того не видел, врать не стану. Да и то сказать, энтот знакомец ваш, старик, как на палубу его вынесли, и не шевелился более. Дохтур на него и не глядел вовсе. Упокой, господи, душу его…

- А до Владивостока тебя из-под ареста выпустили, значит?

- Выпустили! – вздохнул Терещенко. - Чего теперь делать-то мне? В каторгу неохота, ваш-бродь, иттить! Смерть как неохота… Деньги вот я, что ваше благородие мне в Одессе на сохранение давали, принес. Забирайте, господин прапорщик! А то, неровен час, найдет их кто-нибудь, или сам сбёгну в ближайшем порту – и будете про меня плохо думать.

- Я тебе не судья, Яков! И не заступник, к сожалению: сам понимаешь, ничем тебе помочь не могу. Каторжник! Только советом разве что…

Ландсберг принял из рук Терещенко увесистый узелок с золотом.

- Проверьте, сочтите, ваш-бродь: все на месте!

- Я тебе верю, Яков, - отмахнулся от пересчета Ландсберг. - Слушай меня внимательно: бежать тебе с пароход, наверное, глупо. А может, и нет – право, не знаю. Но,в любом случае, пока ты эту мысль оставь! Тебе, конечно, капитан доверие оказал, выпустил из-под стражи, но наблюдать за тобой первое время будут непременно!

Поэтому тебе подозрения надо пока усыпить! Сколько заходов в порты до Владивостока будет?

- Ближайший заход – в Коломбо, потом Сингапур. Может, в Гонконг заходить будем, пока не знаю. И в Нагасаки, потом уж – Владивосток.

- Та-ак, значит, время у нас с тобой пока есть. В том числе и обдумать все, решить окончательно. Ну, а коли решишь на чужбину бежать, то советую поближе к России. Ты ж языков не знаешь? С чужими обычаями не знаком… Если надумаешь все же бежать, надо в Японии попытаться остаться. Язык у них трудный, но русских, земляков, скорее всего, побольше, чем в Коломбо, Сингапуре или Гонконге. Есть к кому прибиться… Ты хоть что-нибудь об этих местах слышал? Знаешь?

- Откель, ваш-бродь? - уныло отозвался Терещенко. – Я ж говорил вам, забыть, верно, изволили – вся наша караульная команда – это же гальванщики, нас на Тихий окиян направили служить. Никто из наших моря и не нюхал ранее, кроме меня, да еще одного, да и тот не в здешних водах плавал. А чтоб мы, значит, хлеб даром не ели в дороге, караулить варнаков вот приставили. То исть, ваш-бродь, я не про вас, конечно, - смутился матрос.

- Ничего, Яков, я не в обиде! – усмехнулся Ландсберг. – я уже привык… Значит, совсем ничего про Японию не знаешь? Это плохо… Ну, денег я тебе, конечно, дам, поделюсь этим золотом, тобой же и сохраненным. Мне столько и не надо – может, и вообще не понадобится мне в каторге золото это. А господину полковнику, упокой, господь, его душу, деньги уже и ни к чему… Так что если и побежишь, то с деньгами. А вот без знаний, да без языка – совсем тебе плохо, Яков, придется!

- Расспросить, конечно, у команды можно - что и как. Мы ж вместе спим, столуемся из одного котла…

- А вот про это забудь, Яков! –приказал строго Ландсберг. – Никаких расспросов! Я же тебе говорю – наблюдать за тобой будут обязательно! А если человек в твоем положении про порты, да про обычаи тамошние расспрашивать начнет – сразу определят, что в побег собрался. Тогда арестуют и к нам в трюм, чего доброго, посадят. И все, уже не сбежишь.

- Оно понятно, - вздохнул матрос. – Страшно, ваш-бродь, вот так-то, как в омут головой, на чужбину… Да только каторги я еще больше боюсь…

Помолчали.

- Слышь, Карл Христофорыч, - осторожно начал, понизив голос, Терещенко. – А, может, мы вдвоем с вашим благородием в бега определимся, а? Вам, полагаю, в каторгу тоже неохота ведь? Вы образованный господин, опять-таки. И языки, чай, знаете. Да и воопще, вдвоем-то всегда сподручнее.

- Знаешь, друг мой, не ты первый мне побег предлагаешь, - помолчав, ответил Ландсберг. – Правда, те, другие, свою корысть в моем побеге имели. Не от чистоты сердца, не ради дружбы предлагали помощь. Мог я уйти, наверное… И из России, кстати, тоже – правда, там о Европе речь была. Отказался ведь я, Яков… Хотя и каторги, честно тебе скажу, тоже боюсь.

- Неужто и сейчас откажетесь? Отчего, ваш-бродь? Пропадете ведь там, в каторге-то…

- Сложно тут всё, Яков. И всё у нас по-разному, понимаешь? Ты, считай, под трибунал безвинно пойти должен – если по совести, а не по закону, конечно. Доктор этот утонувший много людям зла сделал, и останавливаться в своем зле не желал. Может, не по-христиански скажу, но туда ему и дорога! А что ты? Устав нарушил, конечно – да ведь если б в уставе, как и в законах людских, каждый случай особый прописать можно было! А я – дело другое. И свой крест нести должен, понимаешь? Двух безвинных старых людей я угробил. Одного по ошибке, шутки не понял. А вторую, старушку, и вовсе только потому, что свидетелем моего злодейства она стала. Так-то, Яков! А ты, небось, думал, что твой однополчанин, барон фон Ландсберг, чей род от крестоносцев считают, в каторгу агнцом безвинным идет? - горько усмехнулся Ландсберг. –Ну, теперь знаешь… Можешь свое предложение про совместный побег обратно взять, я пойму…

- Слыхал я про вас, - угрюмо буркнул Терещенко. – Ну, и что с того? Ну, согрешили… Стало быть, не могли тогда иначе поступить, так я думаю. Тяжел ваш грех, ничего не скажу – так и я вам не судья. Прежде чем судить, надо человека со всех сторон знать! Вы за

Отечество кровь на войне проливали, охфицером порядочным были, я ж знаю! Солдата не обманешь! Охфицер еще только рапорт в полк подает, а солдаты уж всё о нем знают! Нет, ваш-бродь, Яшка Терещенко не из таковских! Раз сказал вам - стало быть, от чистого сердца! И в Одессе, изволите вспомнить, предлагал вам помощь, и сейчас живот готов положить, ежели что. Все силы положу, чтобы вам помочь, если бежать решите - со мной ли, али без меня!

- Спасибо, друг. Только ты меня не понял: я сам – понимаешь, сам! – вину свою знаю, и должен наказание за нее понести… И застрелиться мог после того, как понял, что наделал. И потом возможность тоже была. Так ведь это, Терещенко, легче лёгкого – пулю в висок пустил, и все! А наказание, думаю, должно быть соразмерным греху. Вот я себе и выбрал…

Ландсберг прерывисто вздохнул, с силой провел ладонями по лицу, словно смывая нахлынувшие воспоминания.

- Так вот, Яков! Забудь обо мне, понял? Ты сейчас службу должен нести так, чтобы никто тебя ни в чем не упрекнул. А я сейчас пойду… на свою шконку. К свои мыслям долгим… И не забудь: никаких расспросов! И никому, даже самым верным товарищам, про свои намерения до поры не говори! Слаб человек, не надо его искушать лишним знанием… И ушки на макушке, конечно, держать надо. Прощай пока, Терещенко!

Терещенко продолжал в свой черед появляться на карауле в тюремном трюме, и всякий раз, появившись, смотрел на однополчанина умоляющими глазами: видимо, глубоко в сознании у Якова засела мысль о том, что рано или поздно Ландсберг может согласиться бежать с ним.

Ландсберг, между тем, был с Яковом искренен. И бежать никуда, действительно, не хотел – хоть и понимал, что без дельного советчика и верного друга-приятеля, всегда готового подставить плечо, простой матрос, вчерашний наивный мужичок-малорос, даже если и сбежит без поимки, то на чужбине очень быстро обратит на себя внимание тамошней полиции и властей. И попадет в новую переделку.

Помочь старому знакомцу Ландсберг искренне хотел. Поэтому - а еще и боясь, что тот, не выдержав, начнет расспросы у знающих

иностранные порты матросов и выдаст этим свои замыслы, решил попробовать найти такого знающего человека среди товарищей-арестантов.

Ландсберг понимал, что найти такого человека будет если и возможно, то весьма непросто.

Разумеется, среди каторжан, плывущих нынче на «Нижнем Новгороде», было немало тех, кто уже успел побывать на страшном арестантском острове. Они, собственно, этого и не скрывали. И даже похвалялись знакомством с самой дальней каторгой России. Но практически все они в свое время попадали на тот остров пешими этапами, через необъятную Сибирь. А пароходами Добровольного флота арестантов начали возить на Сахалин совсем недавно, года два назад, размышлял Ландсберг. Да, года два – не более! И чтобы попасть в нынешний сплав на «Нижнем Новгороде», человек должен быть пойман и осужден в центральной части России. А для этого нужно еще было и сбежать с Сахалина и успеть до этого центра добраться! Опять же- через всю Сибирь, без документов…

В тюрьме и на пересылках Ландсберг не раз слышал досужие рассказы бывалых арестантов о всевозможных хитростях, помогающих беглецам избежать неволи. Наиболее распространенным и безопасным способом была так называемая «сменка». Бродяга или иван, получившие большие сроки или вовсе «бессрочку», находили среди огромной массы арестантов «сменщика» - осужденного, у которого срок каторги должен был вот-вот закончиться. Оставалось только угрозами или «серьезной подставой», как правило – карточным проигрышем - заставить такого человека поменяться с бродягой или иваном именем и статейным списком.

Однако существовало неписанное в среде каторжан правило: если бежавший таким образом «сменщик» снова попадался, то никогда не называл своего настоящего имени: за побег полагалась бессрочная каторга. Ландсбергу же для получения информации нужен был именно такой человек! Поди, догадайся – кто тут беглый! Поразмыслив, он пригласил к своей шконке для серьезного разговора арестанта, «квартировавшего» у самой решетки.

Звали того Михайлой. Был он невысокого роста,

неопределенного, как и всякий человек с бородой, возраста, с умными и ясными глазами. Ландсберг, хоть и не расспрашивал об этом человеке, но определил, что на каторге тот уже не новичок, доводилось ему бывать в местах, не столь отдаленных. Тем не менее, Михайла разительно отличался от прочих бывалых арестантов не только чистотой и опрятностью одежды, но и тем, что старался ни с кем не конфликтовать. Не показывая нарочито-снисходительного отношения к новичкам-«первоходкам», он сторонился и старокаторжных арестантов, старавшихся держаться вместе, кучкой. В общем, мужик был себе на уме, такие Ландсбергу нравились.

На приглашение Барина поговорить по душам Михайла откликнулся сразу, но без суеты, с достоинством. Подойдя, не встал столбом у шконки, как становились большинство арестантов серой массы, запуганной грозными иванами и безжалостными бродягами в ожидании, пока «сильненький» не предложит сесть, а сел сам – правда, на самый краешек дощатой шконки. Молча и выжидательно поглядел на Ландсберга чуть выпуклыми глазами. Слушаю, мол.

- Не хочу ходить вокруг да около. Кто я таков, ты знаешь, - Ландсберг, как мог, постарался смягчить свой тяжелый взгляд. – И ты, видать, человек с пониманием. И не новичок среди нашего брата - так ведь? Бывал ведь уже в каторге-то?

Михайло коротко кивнул, ожидая продолжения разговора.

-Тогда вот что: мне нужен человек, который уже проходил нашим морским путем на Сахалинскую каторгу. Который знает, как охраняют нашего брата в портах, во время захода туда плавучей тюрьмы. В Порт-Саиде я на это как-то внимание не обращал… А сейчас нужно! Как полагаешь, Михайла, можно такого человека найти у нас?

Михайла помолчал, поерзал на досках, уселся посвободнее, бросил на Ландсберга несколько коротких острых взгядов.

- Ну, что же… Ты ко мне, Барин, с доверием подошел: понятно, што не из пустого любопытства интересуешься. Поглядим, может, и смогу тебе помочь. Допрежь только скажи: как тебя звать-величать-то? А то я к кличкам нашенским я так и не привыкший, хоть и не первоходок.

- Если несподручно Барином звать, то изволь: Карл

Христофоров Ландсберг.

-Так вот, Карл Христофорыч, дело ты затеял, полагаю, сурьезное. И опасное…

- Знаю, Михайла! - Ландсберг не стал до времени уточнять, что сведения нужны ему для другого человека. – Ты обо мне не печалься, а просто помоги, если можешь.

- А я и хочу помочь. Ты, Карл Христофорыч, хоть и в авторитете тут, а все одно, первоходок. И многого просто не знаешь. Вот ты, к примеру, наверняка полагаешь, что самое опасное в «свиданке с генералом Кукушкиным» – это так побег в каторге называют -мимо часовых как-то проскочить, так? Чтоб не подстрелили, значить?

- И чего же я не знаю?

- Того ты не ведаешь, Карл Христофорыч, что твой интерес к знающему человеку может и поопаснее часовых быть. Так-то!

- Это отчего же? – искренне удивился Ландсберг.

- А оттого, мил-человек, что надобен тебе варнак самый настоящий, «сменщик», который совсем недавно с Сакалина сбёг под чужим именем и под ним уже сызнова попался. Таких варнаков только верхушка каторжанская доподлинно знает, а в личность – и того менее.

- Да мне-то что до варнака этого?- усмехнулся Ландсберг. – Сумел сбежать с каторги - его счастье. Поймали - сам виноват, не попадайся!

- Вот то-то и оно, Карл Христофорыч, что не всегда сам! Ну, укажу я тебе такого байстрюка, согласится он с тобой, положим, поговорить. А потом, когда доплывем, бог даст, до Сакалина – его кто-нибудь возьмет да и опознает как беглого! Ему – «бессрочка», а верхушка каторжанская на «толковище» соберется, будут решать – кто выдал? Кто начальству руку держит? А ты, Карл Христофорыч, не ихний ведь! Тебя иваны, слыхал, лютой ненавистью ненавидят – за силу твою, за то, что не желаешь по ихним законам жить, и им слабых забижать не позволяешь. На тебя в первую очередь и укажут, мил-человек! И поставят тебя «на ножи», разбираться никто и не станет…

Михайла помолчал.

- Нет, конечно, «сменщика» из нового сплава могут и не

опознать как беглого, - признал он. – Всяко бывает! Иной раз и тюремщик, были случаи, сам узнает в личность беглого. Узнает, но промолчит – потому как сам в каторге живет, средь варнаков отчаянных. Там, в каторге, ходи да оглядывайся – целее будешь! Так-то, Карл Христофорыч! Думай хорошо о задумке своей, прикидывай – стоит она того али нет…

- Понятно. Спасибо, Михайла, что предупредил. Но я своих решений не меняю! Коли знаешь такого – покажи потихоньку, чтобы самому не рисковать.

- Тут потихоньку не получится, мил-человек, - Михайло печально покачал головой.- В трюме нашем кажный на виду, а дел у людей нету, кроме как смотреть за соседней шконкой. Вот ты меня позвал, а народишко уже, знай, шушукается вовсю: и зачем это, дескать, Барин, личность известная и авторитетная, тихоню Михайлу из прочих выделил? А народишко наш, чего не знает, то придумает, наврёт – чтоб осведомленность свою, значить, показать…

- Стало быть, я тебя уже подвел…

- Ладно, не печалься обо мне, Карл Христофорыч. Что сделано, того не воротишь. Только, извиняй, советом пока помогу: покличь-ка к себе ну хоть Леху Тамбовского! Его попытай! Леха – иван в авторитете, должен нужного тебе человечка знать. Ну, а ежели не сговоритесь с ним, тогда я тебе такого человечка укажу.

- Спасибо, Михайла, за науку. Должок, считай, за мной!

Узнав, что Барину «до зарезу» нужен человек, который раньше уже совершал морское «путешествие» на тюремном пароходе, Леха Тамбовский насторожился, и задал вполне естественный вопрос: зачем?

Ландсберг усмехнулся: хочу, мол, попробовать «сделать ноги» в каком-нибудь порту. Да вот беда: не знает он ни тамошнего порта, ни условий стоянки тюремного парохода в иноземных портах. Где и какая охрана выставляется? Только ли караульные матросы охраняют в чужих портах каторжников или местная полиция выставляет у причала второе кольцо оцепления?

- Что жа… Найду я тебе такого человечка, Барин! – прохрипел Леха Тамбовский.- Но с двумя уговорами. Коли побежишь, то и меня с собой прихватишь. Согласный? А коли забудешь, так я шум подыму.

- А второй уговор?

- Тоже легче легкого: личность этого человека тебе, Барин, видеть ни к чему. Поэтому ты сейчас ложись и на морду тряпицу накинь, тогда, может, я того бродягу и уговорю побалакать с тобой…

Условия Ландсберг посчитал приемлемыми – тем более, что на самом деле бежать и не собирался. Иван ушел договариваться с бродягой, а Ландсберг, накинув на лицо рубашку, принялся терпеливо ждать.

- Ну, провозили наш «сплав» чрез тот порт Нагасаки, - раздался через малое время голос. – Чего узнать-то хотел, Барин? Сбежать отсель, с парохода дело немыслимое, зряшное…

- Смелым и бог помогает, уважаемый. Ты лучше расскажи – что и как?

- Ну, слушай. Что знаю – расскажу. Становится такой пароход, как наш, в чужих портах в самом дальнем углу причала. Чтобы народу поменьше вокруг крутилось местного, значить… Караульные наряды усиленные, с ружьями. И матросов с парохода в лодки содют, тоже с ружьями. Те лодки вкруг корабля становятся, и матросы следят, чтобы и отсель никто, и местные с товарами чтоб не подплывали. Японский городовой - один, много двое, для порядку больше стоит на причале. Уголь ежели грузят, или воду – те грузчики на пароход по счету впускаются и выпускаются, и шляться тут без дела им никто не позволяет.

- А вольных пассажиров на берег отпускают?

- Может, и отпускают. На моей памяти никого не пущали. А больше я, мил-человек, ничего и не знаю, - закончил рассказ невидимый незнакомец. И, помолчав, спросил с издевкой.

- Ну, что, Барин, шибко тебе мой разговор помог?

- Поглядим… Караулы на причале одиночные выставляют? Или по двое? Сколько караульных стоит обычно?

- Стоят по одному, а вот сколько… Дай бог памяти… Рыла четыре, не меньше. То на причале, говорю, четверо, а еще и на корабле охраняют. У сходней, по бортам двое-трое, у трапа в трюм двое, да внизу ишшо одного добавляют…

- А в лодках караульные какие? Тоже по двое или как? Из команды караульной или матросы вахтенные?

- В лодках матросы сидят обычные. И по одному, это точно. И не из караульной команды…

- Понятно. Теперь, дядя, вот что мне скажи: торговцев туземных, что на лодке к кораблю подплывают, много бывает?

- Энтих много! Матросы отгонять не успевают. Шумят по-своему, не понимают – почему их, дескать, не пущають? Норовят любым способом прорваться – матросы, бывает, даже в воздух палят из ружей для острастки, чтоб отогнать. Да куды там! Их же, как тараканов. Одного сгонишь, пятеро за спиной проскочить норовят

- Ну, что ж… Спасибо, дядя…

Выждав несколько дней, чтобы интерес к нему со стороны каторжных иванов пропал, Ландсберг глухой ночью позвал к решетке вставшего на караул Терещенко.

- Слушай меня внимательно, Яков. Я тут порасспрашивал насчет стоянки в портах и порядка охраны. Бежать очень трудно, но в принципе возможно. Если повезет тебе, конечно… И для побега надо непременно попасть на тот пост, что на противоположном от причала борту будет. А еще лучше – чтобы ты в лодке караулил, торговцев-аборигенов отгонял. Но в лодки, слыхать, караульную команду не садят. А план мой таков: первым делом тебе надо разжиться одеждой, как у местных торгашей. Или похожей. И заранее эту одежду под свою форменную рубашку со штанами надеть. Как торгаши появятся на лодках, ты кинешь им деньги – приготовь пятаков поболее, начисти их, чтобы блестели - издали они не разберут, подумают, что золото. Кинешь – они со всех сторон ринутся, цепь охраны наверняка прорвут. И тут тебе в суматохе надо быстренько форменную одёжку скинуть, а самому за борт прыгнуть. Смешаться тебе надо с местными торговцами, понял? Держи деньги – держи, не возражай! Одну монету заранее за щеку сунь. Вынырнешь возле лодки – аборигену покажешь, чтобы он тебя не выдал. Сразу на ту лодку не лезь, рядом в воде держись, пока подальше от корабля не отплывет. Все понял? Это единственный твой шанс, полагаю.

- А вы, ваш-бродь?

- Яков, прекрати! Я же тебе сказал уже – не побегу! Да и как мне отсюда выбраться? Нет, и не проси! Вдвоем точно поймают, а у

одного тебя шанс есть. Маленький, но есть. Главное – незаметно в воде очутиться, и чтобы абориген тебя не выдал. И еще. Есть у тебя верный человек в караульной команде, который не выдаст?

- Жалеют меня ребяты-то… Авось не выдадут, если что…

- Ну, если уверен, тогда попроси – только прямо перед тем, как бежать решишь – помочь как-то отвести людям глаза подальше от тебя. Говорят, чтобы торгашей отогнать, матросам в воздух палить велят. Вот и попроси, чтобы твой человечек в нужный тебе момент пальнул. Все внимание на него будет переведено, а ты как раз в воду и прыгнешь. И все, Яков! Не поминай лихом. От всего сердца желаю тебе удачи! И варнацкого, как тут у нас говорят, фарту… Больше нам с тобой шептаться не надо, чтобы, неровен час, никто внимания не обратил. Прощай Яков!

И, не слушая более возражений Терещенко, Ландсберг круто повернулся, нацедил из бачка кружку воды и пошел на свое место…

Ретроспектива-4
Выбор (арест Ландсберга)

Генерал от кавалерии Зуров был назначен столичным градоначальником в мае 1878 года, сразу после окончания второй турецкой кампании и трагической гибели от рук бомбиста прежнего градоначальника, генерала Трепова. Нельзя сказать, чтобы это назначение привело кавалерийского генерала в восторг, и уже первые недели в новой должности подтвердили самые худшие его опасения.

«Лошадиный» генерал, как осторожным шепотком сразу же окрестила его придворная богема, действительно, в новой должности чувствовал себя довольно неудобно. Другое дело – кавалерия! Там все просто и понятно. По ко-о-ням – и лава катится на острие облака пыли. Шашки – во-он! И над лавой засверкает зыбкое и страшное в своей неотвратимости море клинков. А это упоительное ощущение единения с верным скакуном, несущем тебя сквозь ветер… Протяжные и грустные казачьи песни на привалах, восторг утренних зорь на биваках…

А здесь? В конторе градоначальника толпы просителей. В присутствии – прожектеры с умораздражительными планами городского благоустройства. И – деньги, деньги, деньги… Зурову раньше и в голову не приходило, как много денег требует чистота улиц, поддержание порядка на набережных, в парках, строительство новых зданий и реконструкция мостов. А эти подрядчики, всплошную мошенники и казнокрады, так и норовящие приписать к сметам расходов несуществующие траты!..

В довершение ко всем нынешним бедам была проблема биографического свойства. Дед Зурова, земля ему пухом, «наградил» в свое время его отца невообразимым именем. Внуку, соответственно, досталось трудное для запоминания отчество. И Александр Елпидифорович только раздувал в гневе крылья длинного тонкого носа, слушая, как старательно, боясь ошибиться, выговаривают его имя-отчество и лакеи, и умудренные царедворцы. А ежели кто-то нечаянно или намеренно – были и такие, будьте покойны! – выговаривал отчество с ошибкой, то генерал прямо-таки спиной видел, как присутствуюие на сем конфузе либо лицедействе старательно прячут улыбки в платки или обшлага рукавов. Хотя что тут сложного и непроизносимого – Елпидифор, Елпидифорович…

Но едва ли не самую сильную головную боль градоначальнику доставлял столичный преступный элемент. Воры и разбойники не щадили никого, иной раз на плохое состояние городского правопорядка жаловались и великокняжеские фамилии. Жаловались, естественно, и государю, а тот кривя губы, выговаривал ему, Зурову. А за что? Не градоначальник же, право, направлял неразумных в подозрительные места огромного города. Слава Богу,

что хоть бомбистов этих взял под свой контроль и пригляд Жандармский корпус, освободил градоначальника от забот по их отысканию.

Но и без них у Александра Елпидифоровича гороских хлопот хватало с избытком! Император взял в обыкновение чуть не ежедневно ежедневно принимать у Зурова доклады о состоянии городского правопорядка, о дерзких преступлениях, имевших место быть, и мерах, направленных к искоренению таковых. Градоначальнику, соответственно, обо всем этом докладывал ранее начальник Сыскной полиции Санкт-Петербурга.

Ох, уж этот Путилин! Умнейший человек, хоть и не потомственный дворянин. Отдавая должное Путилину, сумевшему организовать в полицейском департаменте столицы много дельного и полезного, Зуров начальника Сыскной полиции все-таки недолюбливал. Во-первых, усы и бакенбарды он имел дерзость иметь весьма похожие на его, зуровские. Как и градоначальник, подбородок Путилин чисто брил, а вот свои бакенбарды часто имел слегка растрепанные по причине мужланской привычки в минуты задумчивости крутить из них косицы.

Во-вторых, Путилин нимало не скрывал того обстоятельства, что до сих пор принимает личное участие в расследовании дерзких преступлений. И при этом не считает зазорным устраивать всячески маскарады с переодеванием и шатанием по самым подозрительным притонам. Не к лицу такое дворянину, да еще в генеральской должности! Правда, подобный образ действия часто приносил Путилину великолепные результаты, и в газетах подлые щелкоперы хвалили его до небес – тогда как Зурову от них частенько доставались одни лишь ехидные дерзости.

30 мая 1879 года Зуров принял у себя Путилина, как обычно - в 9 с половиной часов утра. Настроение у Александра Елпидифоровича было неважным, а причина крылась в двух сегодняшних газетных заметках и вчерашнем внеочередном выговоре государя – совершенно им незаслуженного! Не дав Путилину и рта раскрыть, Зуров начал с упреков:

- Что же это делается, милостивый государь! Почему городской градоначальник должен узнавать последние новости о дерзких

преступлениях из уст императора? В газетах уже об этом пишут, а вы, драгоценнейший Иван Дмитриевич – ни гу-гу! Или вы не считаете двойное убийство в Гродненском переулке за преступление, достойное внимания начальника столичной Сыскной полиции?

- Вот как? Его императорское величество знает об этом? А из каких, позвольте поинтересоваться, источников? Чем это убийство привлекло высочайшее внимание? Таких происшествий в столице, к сожалению, предостаточно…

- Великий Князь Константин Николаевич давал аудиенцию двум немецким инженерам, снимающим квартиру в Гродненском переулке. И они наговорили ему ужасов про опасное житье в российской столице. Ну, а Константин Николаевич счел своим долгом предупредить государя…

- Понятно. Да, преступление, прямо скажем, нехорошее. Боюсь, что его последствия доставят много хлопот и неприятностей… Однако прежде хотел бы заметить, ваше высокопревосходительство, что само преступление было обнаружено около 10 часов утра вчерашнего дня. То есть, уже после моего вчерашнего доклада вам. А газеты на вашем столе и вовсе сегодняшние, вчера знать про них я не мог, ваше высокопревосходительство! Зато сегодня я уже могу рассказать вам об этом убийстве гораздо больше. Боюсь, правда, что сии подробности не доставят вам удовольствия.

- Удовольствие, неудовольствие – не в этом дело. Говорите, Иван Дмитриевич! Убийцы найдены?

- Преступник пока не схвачен, но нами определен. Впрочем, позвольте по порядку. Итак, вчера утром некий маляр, взявший подряд на окраску фасада дома № 14 в Гродненском переулке, заметил через окно в одной из квартир лежащее на полу тело. Дверь квартиры вскрыли, и обнаружили двойное убийство – надворного советника Власова и его старухи-прислуги. Удалось установить, что убийство совершено несколькими днями раньше, 25 мая. И если бы не маляр, то трудно сказать – когда бы тела была обнаружены. Хозяин квартиры – отставной чиновник, холост, из родственников у него только брат, да и тот имеет жительство в Костроме. Мотивом сего преступления, скорее всего, является корысть, ибо у Власова похищены ценные бумаги. Но не все, заметьте! Обыкновенный

разбойник сгреб бы все подряд – здесь же часть облигаций осталась на месте.

- Этот Власов что – ростовщик?

- Не думаю, ваше высокопревосходительство! Ни соседи, ни дворник не отметили частых визитов к Власову незнакомых людей, как это обычно бывает у ростовиков и заимодавцев. Сам покойник при жизни был этаким анахоретом, посещали его – и то нечасто – лишь двое знакомых.

- Как убийцу определили? А если определили, то почему не арестовали?

- К этому я сейчас и веду, ваше высокопревосходительство. Ряд деталей на месте убийства говорил о том, что злодей сильно сам порезался. Ввиду этот я направил своих людей в места, где раненому могла быть оказана медицинская помощь. И вот – представьте! – в аптеке на Гороховой, что у Каменного моста, припомнили, что 25 мая поздно вечером к ним обратился молодой офицер, у которого была сильно рассечена правая ладонь. В аптеке рану промыли, приложили лед и порекомендовали обратиться к частнопрактикующему врачу по соседству. Но там офицер так и не появился.

- Час от часу не легче! Теперь еще и офицер! Надеюсь, не кавалерист?

- Хозяин аптеки и его приказчик, промывший рану, - немцы. В России недавно, и плохо разбираются в армейских мундирах и знаках различия. Они, правда, обратили внимание на то, что во время болезненной процедуры промывания раны офицер вскрикнул и произнес несколько слов по-немецки. Это дало аптекарю основания предположить, что раненый – его соотечественник. Фридлендер по-немецки спросил об этом посетителя, однако вразумительного ответа не получил. Однако дворник и управляющий домом Дрейер, вторично нами допрошеные, показали, что один из знакомых Власова, посещавший его – гвардейский сапер. Ни фамилии, ни полка, разумеется, никто не знал – только дворник припомнил, что Власов называл офицера Карлом. Имя немецкое, как изволите видеть, ваше превосходительство.

- Боже мой, куда катится Россия! Гвардейский офицер – и убийца, а? Уму непостижимо! Час от часу не легче!

- Погодите, Александр Елпидифорович, это еще не все! В казармах Лейб-Гвардии Саперного батальона, который расквартирован в соседнем, Саперном переулке, мы без труда установили личность этого Карла. Им оказался прапорщик фон Ландсберг. Один из его сослуживцев припомнил, что Карл фон Ландсберг как-то знакомил его с отставным чиновником Власовым. Так что все сходится, ваше высокопревосходительство!

- Ну, а что этот фон Ландсберг? Нашли его?

- Отзывы о нем самые благожелательные, ваше превосходительство. Участник последней Турецкой кампании, с генералом Скобелевым повоевал и в Коканде, имеет награды – Анну и Станислава четвертых степеней с Мечами и Бантами. Служил под началом Наместника государя, генерал-адъютанта Кауфмана в Туркестане. С товарищами по батальону вежлив и добр. По службе никаких претензий не имеет. Бывал в высшем свете, имеет театральные абонементы в нескольких театрах – дорогое, кстати, доложу я вам, удовольствие!

- Игрок, поди?

- Уверяют, что нет. И вот еще какая странность, ваше высокопревосходительство! Судя по всему, родня у фон Ландсберга отнюдь не богата. Ведь он, поступив вольноопределяющимся в полк, по окончании учебы отказался от аттестации на офицерский гвардейский чин! Что предполагает, как известно, большие расходы. И фон Ладсберг, получив весьма высокие оценки по всем теоретическим дисциплинам, вместо аттестации стал добиваться назначения в Бухарскую экспедицию генерала Кауфмана. В боевых условиях, как вы знаете, ваше высокопревосходительство, чинопроизводство идет гораздо быстрее. Да и жалованье офицера отличается более, чем в десять раз. В общем, после Турецкой кампании Ландсберг жил, как уверяют, на широкую ногу. Имел намерение жениться, и даже был обручен с некоей девицей из высшего общества. Настолько высокого полета, что выше-то и некуда, ваше высокопревосходительство!

- Ну, не тяните душу, Путилин. Он что – признался?

- Сей момент – дойду и до этого. Командир Саперного батальона, князь Кильдишев, с утра 26 мая предоставил фон

Ландсбергу, по его просьбе, недельный отпуск по семейным обстоятельствам. Просьба об этом отпуске явилась для начальства, по его собственному признанию, неожиданной. А явился он к командиру с перевязанной рукой. Правой. Это подтвердил и врач батальона, который наложил на резаную рану правой ладони несколько швов. Сам фон Ландсберг объяснил рану неосторожностью при чистке оружия – сабли.

- Правую руку – саблей? Чушь, милейший! Он, конечно! Позор-то, позор каков, а? Боевой офицер – и на тебе! Надеюсь, он догадался пустить за это время пулю в лоб?..

- Не все так просто, ваше высокопревосходительство! В бумагах покойного найдены любопытные документы. Во-первых, Власов назначил фон Ландсберга своим наследником. Капитал невелик, что-то около 40 тысяч в ценных бумагах, но все же… И еще – черновик поздравления, сочиненного Власовым к грядущему бракосочетанию Ландсберга. А в качестве свадебного подарка покойный предполагал вручить ему погашенные векселя на 9 тысяч рублей. Эти бумаги, извлеченные после смерти Власова из бюро, лежали на видном месте. На столе, рядом с подсвечником. И закапаны были воском. Все говорит о том, что убийца, совершивший злодеяние, наткнулся на эти бумаги и читал их с волнением. Впрочем, волнение могло вызвать и само совершение преступления.

- Погодите, Иван Дмитриевич – совсем запутали! Так что – не Ландсберг убил, что ли? И то сказать – кто ж своего благодетеля резать будет, прости, Господи, как петуха? Совсем вы меня запутали, Иван Дмитриевич! – пожаловался Зуров. И тут же закричал. – Прекратите, ради Бога, плести косы из своих бакенбард! Как мальчишка, право! Возьмите гребень, приведите себя в порядок.

- Виноват! Привычка-с… И последнее: мой агент побывал на прежней квартире Власова, где и узнал историю его знакомства с Ландсбергом. Власов сдавал внаем лишнюю комнату, а Ландсберг, приехав в Санкт-Петербург учиться на военного, снял ее. Власов своих детей не имеет. Был сильно привязан к юноше, принимал в нем участие.

- Вот видите, Иван Дмитриевич! Я же чуял, что никак не может российский офицер мещан резать! Вы уж того, голубчик! Разберитесь

там как следует.

- Всенепременно, ваше высокопревосходительство! Только, боюсь, факты свидетельствуют против Ландсберга… Кстати, о его женитьбе. Ландсберг был обручен с Марией Тотлебен, дочерью генерал-адъютанта, три года назад принятой ко двору фрейлиной Ее Императорского величества…

Зуров, услыхав последнюю новость, вытаращил глаза. Вскинулся было за своим огромным столом. Несколько раз открыл и закрыл рот, потом горько махнул рукой.

- Убили вы меня, Путилин. Без ножа убили! Сами с убийцами дело имеете, и у них же ремеслу их подлому учитесь, не иначе! Совсем убили! Как же Его Величеству докладывать-то о таком? И где этот Ландсберг? Когда вы предполагаете внести в это дело окончательную ясность?

- Ландсберг уехал 26-го. 2-го июня отпуск заканчивается. Вот тогда с ним и поговорим. Я ведь, ваше высокопревосходительство, сегодня агентов хочу следом пустить, в Ковенскую губернию, где у его семьи поместье.

- Пускайте! – обреченно махнул рукой Зуров. – Хоть агентов, хоть архангелов с крыльями, мне уж все равно! Но газеты! Газеты, господин начальник Сыскной полиции! Потрудитесь принять все меры к тому, чтобы эти негодяи-газетчики не пронюхали о ваших выводах! Наверняка, кстати, предварительных. Такое ведь напишут…

- Само собой, ваше высокопревосходительство! Мои агенты – народ проверенный, не болтают.

- И все-таки, я не верю, что убийца из Гродненского переулка – офицер! – помолчав, убежденно высказался Зуров. – Гвардеец! Дворянин, в конце концов! Не верю-с! Тут, Иван Дмитриевич, какое-то чудовищное стечение обстоятельств. Мыслимое ли дело – да еще накануне собственной свадьбы, столь удачной партии! Я прошу, я требую, наконец! Проведите самое тщательное расследование этого скандального случая! Никаких арестов! Слышите? Только с моего личного соизволения! А я снесусь с князем Кильдишевым, поговорю с ним… Насчет графа Тотлебена точно, Иван Дмитриевич? С ним, может, потолковать приватно? Будущий зятек, как-никак, под

старость Эдуарду Иванычу этакий конфуз преподнес…

- Не сомневайтесь, ваше высокопревосходительство! Понимая всю ответственность и принимая во внимания личный интерес государя императора…

- Именно так, господин начальник Сыскной полиции! Именно так! Не обижайтесь – но вам, не будучи потомственным дворянином, трудно, наверное, ощутить меру ответственности, возлагаемой дворянским званием к своим поступкам. Ступайте, Иван Дмитриевич! Ступайте и ищите настоящего убийцу. Я убежден, что он не может быть офицером русской армии!

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Непременно сыщу.

Прапорщик фон Ландсберг, тем не менее, был задержан 2 июня, на дебаркадере Варшавского вокзала. Это «литерное» мероприятие Путилин произвел, по настоянию градоначальника, самолично. К моменту возвращения Ландсберга в Санкт-Петербург сомнений в его виновности в двойном убийстве в Гродненском переулке у Путилина не осталось.

На казенной квартире гвардейца-сапера было произведено предварительное «литерное» мероприятие – тайный обыск. Иван Дмитриевич подобные мероприятия не очень любил, но, как профессионал, никогда не пренебрегал возможностью лишний раз убедиться в том, что розыск на правильном пути.

Сыщики нашли на квартире пару сапог, старательно, но не слишком тщательно отмытых от крови. Сапоги офицера были завернуты в газету, а нашли их в сундучке его денщика, Гусева. Как показал Гусев, Ландсберг, велел ему выбросить их, а солдат решил сохранил добрые сапоги для себя.

В печке, старательно вычищенной наверняка накануне тем же денщиком, нашли следы сгоревшей бумаги. Причем бумаги высшего качества, которая даже в обугленном виде сохранила кое-где следы типографской сетки, характерной для облигаций и казначейских билетов. Скорее всего, это были сожженные Ландсбергом ценные бумаги, захваченные им из портфеля Власова.

Главный специалистом Путилина по наружному наблюдению и

одновременно по части тайных обысков был недоучившийся студент из евреев, Семен Бергман. Именно он обладал каким-то сверхъестественным чутьем на спрятанные или позабытые самими преступниками улики. И именно Сене Бергману пришло во время обыска в голову внимательно пересмотреть стопку учебных пособий, используемых вольноопределяющимся во время учебы саперному делу. Среди всего этого Бергман нашел «Пособие для пластунов, производящих саперные работы в непосредственной близости от противника, и могущих иметь с ним рукопашное столкновение». В пособии был рисунок саперного складного ножа, а среди описываемых приемов обезвреживания противника особо рекомендовался захват его за шею сзади, с одновременным перерезанием горла. Этот прием, безусловно, служил гарантией отсутствия шума при тайных операциях в расположении противника. Способ убийства в Гродненском переулке был идентичным описываемому!

Среди бумаг Ландсберга нашлось несколько его фотографических портретов. Такие портреты нынешняя столичная молодежь заказывала в модных ателье дюжинами с тем, чтобы дарить избранницам своего сердца. Портреты тоже пригодились: Ландсберга безоговорочно признали хозяин аптеки Фридлендер и его провизор Грингоф, подававший помощь молодому офицеру вечером 25 октября. Опознал гвардейского сапера и оружейник Вишневский, в магазине которого на Невском проспекте были в двадцатых числах мая приобретены складной нож без стопора и револьвер.

Последний гвоздь в гроб Ландсберга забил тот же Сеня Бергман, которому с фотографией Ландсберга было поручено проверить меняльные лавки, владельцы которых имели патент на работу с ценными бумагами. В лавке купца Горшкова молодой офицер по фотопортрету был опознан как человек, который утром 26 мая разменивал здесь банковский билет в 500 рублей. Номер этого билета, занесенный щепетильным лавочником в свои книги, совпал в одним из номеров, записанных в своих бумагах аккуратным надворным советником Егором Алексеевичем Власовым.

Правда, самого Ландсберга на месте преступления 25 мая и в предшествующие дни, никто, кроме дворника Якова Дударова, не

видел. Но это обстоятельство мало тревожило Путилина и его сыщиков, ибо остальные улики и свидетели были для барона прямо-таки убийственными.

Выслушав вызванного внеурочно по «гродненскому» делу начальника Сыскной полиции, Зуров некоторое время помолчал, глядя на бесшумно сменяющиеся за тройными стеклами окон кабинета сценки городской жизни.

- Браво, господин Путилин! – наконец заговорил градоначальник. – Браво! Ваша служба – и вы лично, разумеется! – проявили столь много усердия в раскрытии этого дела, что прямо не знаешь, благодарить вас или.. поругать хорошенько…

- Александр Елпидифорович, до сей поры я полагал, что задачи вверенной мне Сыскной полиции столицы заключаются именно в восстановлении истины и справедливости…

- Оставьте это! – генерал от кавалерии много раз доказывал свою личную храбрость на полях сражений и не боялся служебных интриг. – Нет ничего предрассудительного в том, что я глубоко сожалению о том, что при огромном скопище негодяев и убийц на дне Санкт-Петербурга гнусное убийство, тем не менее, совершил потомственный дворянин, гвардейский офицер. Да-с – сожалею! А еще больше я сожалею о том, что столь очевидного безумства этого сапера не хватило на то, чтобы, ужаснувшись содеянному, пустить себе впоследствии пулю в лоб! Вы установили за ним наблюдение, Иван Дмитриевич? – неожиданно и безо всякого перехода спокойно спросил Зуров.

- Всенепременно. Вслед за Ландсбергом в Ковенскую губернию выехали, как я вам и докладывал, два моих опытных агента наружного наблюдения. Из их телеграфных депеш я знаю, что Ландсберг не покидает предела поместья, почти не выходит из дому. Подробный отчет будет представлен вашему высокопревосходительству сразу после возвращения моих людей.

- Да-да, конечно. А о самом офицере удалось собрать какие-либо сведения? Я имею в виду сведения, проливающий свет на причины этого ужасного, недостойного дворянина преступления?

Путилин невесело усмехнулся.

- Должен вам заметить, ваше высокопревосходительство, что

господа офицеры гвардейских полков весьма щепетильно относятся к любым попыткам получить хоть какие-то сведения, касающиеся членов воинского братства со стороны. Одного из моих агентов выбросили прямо из окна буфетной Офицерского собрания Саперного батальона. А второго, наводящего осторожные справки о Ландсберге в казармах, едва не зарубил саблей какой-то поручик. Тайную полицию, господин Зуров, никто почему-то не любит. Ну, преступному элементу, как говорится, сам бог любить нас не велел. А вот армейские офицеры, скажите, сделайте милость, ваше высокопревосходительсто – они-то отчего на нас волками глядят? Одному государю служим, печемся, по мере сил, о пользе своей Отечеству. Впрочем, вряд ли вы, Александр Елпидифорович, станете в этом вопросе на сторону полицейских властей… Прошу простить невольный упрек, ваше высокопревосходительство! А что касается огласки – не извольте беспокоиться: подозрения относительно Ландсберга, согласно вашему указанию, содержатся в строжайшей тайне.

- Вот-вот, Иван Дмитриевич – в тайне! В строжайшей тайне, улавливаете? – градоначальник снова подошел к окну и продолжил, стоя спиной к Путилину. – Скажите-ка, Иван Дмитриевич, исходя из вашего многолетнего опыта общения с преступным элементом – большие пальцы сцепленных за спиной ладоней градоначальника быстро закрутились вокруг себя и снова замерли. - Скажите-ка, а если преступнику становится очевидным то, что его злодейство раскрыто, что арест последует с минуты на минуту… Что впереди – позор судебного разбирательства, ужасы каторги, отречение родных и друзей и тому подобное?..

- Я понял вас, Александр Елпидифорович, - бесстрастно улыбнулся собеседнику Путилин. – Должен сказать, что в моей практике бывали случаи, когда злодеи при аресте делали попытки свести счеты с жизнью. Что же касается Ландсберга, то не могу, разумеется, поручиться за то, что он не предпримет такую попытку. Но если и предпримет… Должен вам заметить, что при аресте преступника полицейские чины всегда имеют в виду подобный вариант развития событий и держатся начеку.

- Вот именно поэтому завтрашний арест Ландсберга я поручаю

провести вам самолично, - Зуров подошел к Путилину, и, глядя ему прямо в глаза, закончил. – Но не на вокзале! Встретите, объявите о своих подозрениях в его отношении. Предложите проехать в полицейскую часть для выяснения всех обстоятельств. Вместе с вами на Варшавском вокзале будут офицеры его батальона. Должны быть, как меня заверил князь Кильдишев. Вам предписывается действовать с этими офицерами в полной согласованности. Прошу обойтись на сей раз без этих полицейских штучек вроде обезоруживания подозреваемого, прилюдного хватания его под локти и прочего. Его товарищи, вероятно, захотят приватно побеседовать с прапорщиком. Возможно, непосредственно в батальоне, в казармах у саперов. Я запрещаю препятствовать этому, господин начальник Сыскной полиции! Побеседуют – а уж только потом можете выполнять свой долг.

- Вы предлагаете мне стать бесстрастным свидетелем минутного порыва отчаяния молодого человека? А на тот случай, если у него не хватит духу покончить с жизнью, то этот дух подержат его боевые товарищи? Извольте дать мне свое письменное указание на сей счет, ваше высокопревосходительство!

- Да не мое! Не мое это указание, Иван Дмитриевич! –закричал в голос Зуров. - Понимаете – не мое! Но самоличное! - градоначальник вернулся за свой стол, встал, опершись о него пальцами, и закончил уже почти просительно. – И не только мое – имейте это в виду! Даже не указание, если уж на то пошло, а… мысли вслух, что ли. В общем, вы свободны!

До прихода поезда Путилин успел переброситься несколькими фразами с двумя явившимися к приходу поезда офицерами-саперами и дать распоряжение своей команде агентов, прибывших на Варшавский вокзал столицы на двух линейках. Офицеры были неразговорчивы, сыщики деловиты и собраны.

Когда паровая машина, удушливо шипя и плюясь во все стороны дымными и паровыми струями, подтащила к дебаркадеру пассажирский состав, Путилин уверенно пошел к третьему вагону. Офицеры следовали за ним в двух-трех шагах. Агенты и сыскные – кто с дворницкой бляхой, кто в полотняном переднике вокзального носильщика, кто под видом ротозеев – плотно взяли дебаркадер в

кольцо.

Путилин, одетый в партикулярное платье, обращал здесь на себя внимание разве что своими диковинными пушистыми бакенбардами. Ландсберг с небольшим чемоданом в руке – Путилин узнал его по повязке на правой кисти и, разумеется, мундиру сапера, выйдя из вагона, смотрел только на двух своих однополчан.

- Господа! Какими судьбами?! – удивился Ландсберг, и в этот момент Путилин, поравнявшись с ним, легко тронул офицера за локоть.

- Господин Ландсберг? Карл фон Ландсберг? – Путилин всматривался в лицо человека, знакомое ему по фотопортретам – и не узнавал его. Глаза. Они жили на лице Ландсберга своей обособленной жизнью. Менялась мимика лица – от удивления по поводу встречи с однополчанами до недоверчивости к незнакомому человеку, неожиданно назвавшему его по имени. Глаза цвета холодной стали при этом ничуть не менялись – они смотрели так же отрешенно и как бы сквозь человека. Что-то дрогнуло в лице офицера, когда остановивший его мягко, но настойчиво, незнакомец снова спросил. – Изволите быть Карлом фон Ландсбергом?

- Да, это я… Простите, но с кем имею честь?

- Я Путилин. Начальник Сыскной полиции Санкт-Петербурга. Тайный советник.

- Ах да, полиция! – Ландсберг словно бы и не удивился неожиданной встрече и замолчал, глядя себе под ноги.

- Вы арестованы, господин фон Ландсберг! – от того, что на портупее офицера не было кобуры с тяжелым револьвером, Путилин почувствовал себя гораздо увереннее. – Вокзал оцеплен, бежать и сопротивляться не советую. Надеюсь, вы не желаете публичного скандала?

- Ничуть…

- Тогда пройдемте вместе с господами офицерами, экипаж вас ждет. Сначала проедем в казармы батальона, там с вами желают поговорить. Желаете объясниться со мной – побеседуем по дороге. Будьте благоразумны, господин Ландсберг! – последнюю фразу Путилин произнес чуть громче – видя, что офицер оглядывается, будто проверяет его утверждение об оцепленном вокзале.

Пожав плечами, Ландсберг послушно направился за Путилиным к нескольким экипажам, стоявшим у вокзала отдельной группой.

- Вы обвиняетесь в том, что насильственно лишили жизни надворного советника Власова и его прислугу Семенидову, в его квартире в Гродненском переулке, - дождавшись, пока Ландсберг заберется в экипаж, произнес Путилин.

- Какая чепуха! – фыркнул было один из встретивших офицеров. Второй сжал ему локоть. Ландсберг хотел что-то сказать и даже приостановился, но потом махнул рукой и отвернулся.

Сыщиков, ехавших следом, в казармы не допустили. Путилина, шедшего чуть позади Ландсберга, в приемной полковника Кильдишева мягко придержали за локоть.

- Господин полковник желает побеседовать с прапорщиком фон Ландсбергом с глазу на глазу, - произнес над ухом Путилина адъютант командира с погонами подпоручика.

Второй раз за локоть начальника Сыскной полиции мягко придержали, когда Ландсберг через несколько минут вышел из кабинета полковника и в сопровождении двух офицеров направился в выходу.

- Соблаговолите подождать, ваше превосходительство! Прапорщик Ландсберг исполняет… исполнял, пардон, в батальоне должность делопроизводителя. И на время полицейского дознания должен сдать дела, – так же тихо проговорил подпоручик, всем своим видом выказывая вздорность каких-то там полицейских дознаний. – И не извольте беспокоиться, господин Ландсберг от вас никуда не убежит. Полковник Кильдишев поручается в этом своим честным словом. Или вы там у себя, в полиции, не верите в честное слово князя и боевого офицера?

Подпоручик явно нарывался на скандал, но Путилин счет за благо промолчать. Должность его соответствовала генеральской, старше его по чину здесь не было никого, включая командира батальона. Можно, конечно, было поставить это мальчишку-адъютанта на место, но к чему, зачем? Неприязнь же и даже ненависть строевых офицеров в полицейскому сословию была общеизвестной. И никакой скандал этого не изменит!

Путилин пожал плечами и снова опустился на диван,

демонстративно глянув при этом на часы. Пусть мальчишки хорохорятся, решил он. Пусть – главное, Путилин был уверен в том, что стреляться Ландсберг не станет. Хотя – в этом начальник сыска был также убежден – такую возможность ему непременно предоставят.

Так оно и вышло тогда. По-путилинскому раскладу. Ландсберг вернулся в приемную бледным до синевы – но сохраняя спокойствие. Лишь дрожащие пальцы говорили о том, что ему только что пришлось сделать трудный выбор.

Глава пятая
Компаньон

«Нижний Новгород» продолжал свою «каторжную одиссею» на восток, через моря и океаны. Во время погрузки угля в Коломбо Ландсберг имел случай убедиться, что система охраны на пароходе во время его захода в порты именно такая, как и рассказывал ему бродяга.

Потом корабль миновал кишащие, по утверждению матросов, пиратами воды узких проливов перед Сингапуром – там «Нижний Новгород» должен был сделать лишь кратковременную стоянку для пополнения запасов угля и пресной воды. Сам порт запомнился невольным пассажирам парохода лишь благодаря неординарному событию – беглому знакомству с каким-то местным чудаком. Это был единственный человек со стороны, проявивший во время странствия из Одессы через южные моря какой-то интерес к каторжникам. Получив разрешение капитана, он с причала под приглядкой караульных роздал арестантам через иллюминаторы корзинку немудрящих гостинцев и особо интересовался лишь тем, есть ли среди них немцы.

Ландсберг не имел ни малейшего желания отвечать на досужие вопросы какого-то чудака либо бездельника. Поэтому немецкий язык, услышанный в Сингапурском порту, не произвел на него ни малейшего впечатления и не вызвал никакой ностальгии. И к иллюминатору он подошел только потому, что сгрудившиеся там каторжники зашумели и настойчиво его позвали.

Сингапурского незнакомца звали Гансом. Он предложил соотечественнику несколько пачек табаку. Ландсберг, к тому времени еще не курящий, отказываться от подарка, по усвоенному тюремному обыкновению, не стал. Передав табак, Ганс поинтересовался - откуда его соотечественник, за что он попал в тюрьму и сколько лет ему предстоит там провести. Ландсберг, стараясь быть вежливым, отделался какой-то грубоватой шуткой, поблагодарил за гостинцы и отошел от иллюминатора.

Что же касается капитана Кази и его старшего помощника Стронского, то стоянка «Нижнего Новгорода» в Сингапуре

преподнесла им немало сюрпризов – большей частью, неприятных. Но об этом речь еще впереди…

Вскоре после Сингапура «Нижний Новгород» повернул на север, к китайскому Гонконгу и японскому Нагасаки. Смена курса не прошла незамеченной: удушливая жара, донимавшая экипаж, невольников и вольных пассажиров, скоро сменилась приятной прохладой. А ночами и вовсе холодало, и арестантский трюм начал терять свой экзотический вид. Голышом уж больше никто не ходил, портянки, превращенные каторжниками в набедренные повязки, тоже отправились в мешки и котомки. Арестанты облачились в в обычные порты и рубахи, а кое-кто уже достал и приготовил залежавшиеся армяки.

Во время короткой стоянки в Сингапуре Ландсберг, по протекции старшего помощника Стронского и с разрешения капитана, раздобыл себе палку для гимнастических упражнений. К «палочной забаве» Ландсберг пристрастился еще во время Восточной войны с Турцией. Вышло это совершенно случайно, однако во время стычек с иванами в Литовском тюремном замке и в Псковской пересыльной тюрьме бывший офицер в полной мере оценил преимущества, который простая, казалось бы, с виду палка давала умеющему владеть ею в схватках с несколькими противниками. Даже если те были вооружены.

…Военные действия были закончены, и русская армия, остановившаяся почти у стен Константинополя, изнывала от безделья в ожидании приказа возвращаться на зимние квартиры, на родину. Офицеры едва ли не сутками напролет сидели за карточными столами. Ландсберг, не любивший карт, от скуки тоже начал было играть, но быстро проигрался в первый же вечер. Отдав за проигрыш все боевые и походные суммы, скопленные им за несколько месяцев, да еще и подписав долговое обязательство, больше за карточный стол Ландсберг садиться зарекся

В свободное от службы время, которого с наступлением мира стало очень много, он пристрастился к пешим прогулкам, от скуки пробовал писать стихи. А потом чрезвычайно заинтересовался одним из пленных турецких аскеров, который оказался вовсе и не турком, а… испанцем. В Турцию этот Пабло-испанец попал бог весть как

несколько лет назад, а до того времени был потомственным пастухом где-то в глухом уголке Пиренейского полуострова. Дальнейшая его история была смутна и малопонятна – главным образом из-за языкового барьера. Никаких других языков, кроме родного, Пабло не знал, а в русских полках знатоков испанского тоже не числилось.

Опять-таки, скуки ради, Ландсберг и его товарищ, поручик Ивелич решили было с помощью Пабло выучить испанский язык, однако учителем тот оказался бездарным, и дело заглохло на переводе понятий, означающих элементарные предметы обихода. Однако кое в чем другом Пабло оказался непревзойденным мастером.

Выяснилось это случайно, в момент назревающей стычки между саперами, устроившими пикник в живописной роще неподалеку от их летнего лагеря, и гренадерами, чей полк стоял по соседству.

Надо сказать, что с наступлением мира стычки между военнослужащими различных родов войск в русской армии участились. И довольно быстро перестали быть чем-то необычным. Редкий день проходил без того, чтобы пехотинцы, скажем, не разодрались с артиллеристами или обозники – с кавалеристами. Поначалу дрались нижние чины, позже коварная скука стала сводить по самым ничтожным поводам и офицеров. Дуэли в изнывающей от безделья армии стали настолько частыми, а их жертв оказалось столь много, что это вызвало даже высочайшее беспокойство и соответствующие строгие запретительные меры.

Скандал вышел и во время того злополучного пикника офицеров-саперов. Опустошив изрядное количество бутылок хмельного и коварного анатолийского вина, саперы устроили состязание в стрельбе по мишеням, коими стали пустые бутылки. Шальная пуля, выпущенная кем-то с опозданием, когда подброшенная бутылка была уже совсем низко над землей, легко ранила одного из офицеров-гренадеров, пировавших по соседству.

Извинений, тут же искренне принесенных виновником, гренадерам показалось мало. Будучи тоже изрядно подшофе, обнажив сабли, они не желали слушать извинений и объяснений и явно провоцировали стычку. Чем бы кончилась сия кровавая

«забава», сказать трудно, но тут в дело вступил Пабло, захваченный Ландсбергом на пикник в качестве прислуги и учителя языка одновременно.

Когда страсти уже накалились до предела, и саперы тоже взялись было за сабли, Пабло разразился какой-то длинной испанской тирадой и вышел вперед, держа в руке лишь посох наподобие пастушьего, который сам же недавно и вырезал из крепкого орешника – как полагали офицеры, скуки ради.

Тирады Пабло никто не понял, однако его жесты были красноречивы: он вызвался с одним посохом противостоять трем или четырем гренадерам с саблями. Ни те, ни саперы поначалу не восприняли поступка Пабло всерьез, а один из гренадеров, которому не терпелось проявить удаль, попытался ударить Пабло по голове саблей плашмя – в расчете оглушить и отогнать мешающего наглеца.

Однако Пабло неуловимым движением посоха отбил удар, да причем так, что сабля гренадера отлетела шагов на пятнадцать. А в завершение Пабло, сделав мгновенный выпад, еще и коснулся своим посохом груди противника – как бы зафиксировав ответный колющий удар.

Гренадер взревел от бешенства, попытался было выхватить посох из рук испанца и как следует проучить им дерзеца. Но немедленно получил уже серьезный удар тем же посохом по голове. Тут уж и товарищи гренадера, вскинув вверх сверкающие смертельные клинки, скопом накинулись на беднягу – однако и минуты не прошло, как все до единого были обезоружены и валялись на траве, держась кто за голову, кто за бок.

Пораженные такой удалью и даже немного гордые за «своего», саперы дружно зааплодировали, бросились поднимать и отряхивать слегка обалдевших противников. Испанцу же, скромно стоящему как ни в чем ни бывало в стороне, поднесли стакан вина.

- Где же ты, чертушка испанский, этакой премудрости выучился?

- И кого! Гренадеров положил, а? Выпей, брат!

- А ну, стой! – вдруг распорядился поручик Бек, известный в саперной роте бретёр и обладатель массы призов за джигитовку и владение саблей. – Эй, Пабло, со мной не хочешь попробовать?

Бек вынул саблю, прикинул ее на руке. Подобрал чью-то вторую. Бек славился тем, что одним удачным ударом мог разрубить пополам здешнего осла. Саперы встревоженно загомонили:

- Пабло, беги-ка отсюда подобру-поздоровому!

- Бек, бросьте!

- Поручик,он преподал этим пьяницам хороший урок – за что вы его, поручик?

Но Бек только сверкнул вокруг глазами, и товарищи, памятуя бешеный нрав поручика, отступили. Пабло же, неуверенно улыбаясь, смотрел на нового противника, по-прежнему опираясь на посох и не делая ни малейшей попытки убежать или защититься.

- Господа, он же убьет его! Пабло, беги! – загалдели офицеры.

Бек молча бросился в атаку, в воздухе хищно зажужжала булатная сталь. Испанец сделал вбок шаг, другой, присел даже на полусогнутые ноги. А потом произвел два-три обманных движения, перехватил посох, кувыркнулся назад. Бек с победным криком ринулся на него, офицеры вскрикнули, а кое-кто даже отвернулся, но тут произошло что-то невероятное. Новый хищный свист стали оборвался лопающимся звоном, и у Бека вместо двух сабель в руке осталось… полторы. Испанец же, присев, крутнул посохом у самой земли – и противник, мелькнув в воздухе сапогами, брякнулся в траву. Вторая сабля отлетела в сторону. А Пабло, буквально взвившись в воздух, рухнул на противника, прижимая посохом его шею к земле.

Испанца, естественно, оттащили, Бека подняли и привели в чувства. Посох Пабло ходил по рукам, его рассматривали как чудо. А испанец все так же неуверенно улыбался, держа в руке второй стакан вина.

Лишь позже, с грехом пополам преодолев языковой барьер и научившись кое-как объясняться с испанцем, Ландсберг, человек от природы любопытный, узнал, что в тот день Пабло продемонстрировал старинные приемы фехтования на посохах, которыми исстари в совершенстве владели испанские крестьяне-скотоводы. То, что сегодня выглядело игрой, несколько столетий назад было единственным способом самозащиты испанских пастухов от бесчинства знати, гонявшейся ради развлечения по склонам гор и

пастбищам за отарами овец. Закон туманно разрешал крестьянам защищать свое имущество, но оружие при этом им иметь запрещалось под страхом казни. Знатные же сеньоры могли запросто ударить или даже убить вставшего на их пути простолюдина.

Потом Ландсберг уговорил Пабло показать ему кое-какие хитрости «палочного» боя, и потом около месяца, пока саперный полк не получил приказа вернуться на зимние квартиры, по несколько часов в день трудолюбиво усваивал древние испанские приемы фехтования. Пабло же он планировал захватить с собой в Петербург, и даже выхлопотал ему официальную бумагу, освобождающую испанца из плена. И Пабло не возражал вроде – однако за несколько дней до отъезда вдруг куда-то таинственно исчез. Много месяцев спустя, уже в Петербурге, Ландсберг услыхал от знакомого офицера о том, что виновен в том исчезновении поручик Бек, не простивший «мужлану» прилюдного унижения.

Впрочем, был и иной слушок: другой офицер, прослуживший в охране русской дипломатической миссии в Константинополе, клялся и божился, что видел там Пабло, живого и здорового. И что якобы тот вместе с уличными комедиантами развлекал на площади почтеннейшую турецкую публику…

Гимнастические упражнения с палкой, разумеется, привлекали внимание его соседей по тюремному трюму. Боясь рассердить Барина, арестанты обычно молча наблюдали за его выпадами, стойками, и лишь вполголоса обменивались впечатлениями. По большей части недоумевающими, а главное – раздражающими Ландсберга. До ареста и осуждения он выбирал для своих физических упражнений и время, и укромные места – но в тюрьме, кроме карцера, укромных местечек не было. Жизнь каждого арестанта была у всех на виду, и Ландсберг, хоть и смирился с этим, привыкнуть к тому, что днем и ночью находится на людях, так и не смог.

Старательно избегая общения с Терещенко, Ландсберг все же имел с ним еще один, по-настоящему последний разговор. Как и ожидалось, Яков не оставлял надежды на то, что сослуживец-однополчанин все же решится бежать вместе с ним. И наивно полагал, что придумать план побега из-за решеток тюремного трюма

Ландсбергу труда не составит. Однако тот только качал головой и невесело улыбался. Над планами своего побега Ландсберг даже и не размышлял.

В Нагасаки все прошло в точности так, как и предполагал Ландсберг: Терещенко сумел заполучить у разводящего пост в носовой части судна, причем на правом борту – при левобортной швартовке «Нижнего Новгорода». Выполняя указания Ландсберга, он не слишком старательно отгонял чудные лодчонки с местными торговцами – так, лениво покрикивал на них, больше для порядка. Одновременно он, незаметно для своих, показал японцам несколько пятаков, начищенных до солнечного блеска, и те, разумеется, заинтересовались этим.

Когда со стороны кормы грохнул первый выстрел, Терещенко прислонил карабин к лееру, живо скинул «форменку», забрался на огромный тюк, и внимательно с него осмотрелся. Как и предполагалось, всё внимание и на причале, и на судне было обращено на корму. Терещенко сполз с тюка, перекрестился и присел под леером, ожидая второго выстрела, о котором договорился с земляком.

Земляк не подвел, пальнул «для острастки» в воздух второй раз, и по палубе загремел топот бросившихся на корму людей, послышались раскаты и переливы боцманской отборной брани. Терещенко перекрестился еще раз, и на глазах изумленных лодочников-торговцев скользнул в воду. Он сразу нырнул и под водой доплыл до ближайшей лодки.

Осторожно вынырнув, он ухватился за борт японской лодки и сразу же, как учил Ландсберг, показал испуганному и удивленному торговцу большую блестящую монету. И тут же махнул рукой в сторону берега – подальше от причала. Тут уж и японец все понял. Покачав головой, он тут же показал беглецу два пальца. Терещенко кивнул, и торговец тут же принялся ловко орудовать единственным длинным веслом. Держась за борт, Терещенко сумел, таким образом, незаметно отдалиться от парохода.

Беглеца хватились не сразу, искали не слишком тщательно и задержались ради этого в японском порту только на сутки.

Ландсберг же так и не узнал, что капитан Кази, вслух

бранивший караульную команду вообще и беглеца в частности, испытал искреннее облегчение. Утонувший доктор Иванов при жизни ничего, кроме неприязни у офицеров и ненависти у нижних чинов и команды «Нижнего Новгорода», не снискал. А матросу-гальванщику Якову Терещенко его падение за борт при неясных обстоятельствах грозила неминуемым военным трибуналом и, скорее всего, последующей каторгой.

Когда «Нижний Новгород», отчаянно дымя трубами, пробирался вдоль побережья Японских островов на север, к Владивостоку, к Ландсбергу подошел давнишний мужичок-тихоня, давший дельный совет относительно поиска бродяги. Михайла показал взглядом на шконку, вопросительно поднял брови домиком - спрашивая разрешения присесть.

- Теперь уж я к тебе разговор имею, Карл Христофорыч, - начал Михайла. – Я б и раньше подошел - да думал, если побежишь в Нагасаки, ни к чему разговор будет. А коли ты остался, может, и сговоримся…

- Про должок свой я не забыл, Михайла, - кивнул Ландсберг. – Говори, чем могу быть тебе полезен.

- Забудь, Карл Христофорыч! Какой такой должок!- махнул рукой Михайла. – Все мы люди, человеки. И помогать друг дружке завсегда должно… Ну, а насчет пользы твоей… *Do manus*, как римляне в старину говаривали…То исть, руку на отсечение даю - коли согласишься, и мы с тобой кумпаньонами станем - очень полезны друг дружке будем.

- Компаньонами? – подивился Ландсберг. – Это в чем же, дядя?

- А вот послушай! Я к тебе, Карл Христофорыч, с самой Одессы приглядываюсь. Думаю, значить. И надумал я, что в каторге нам держаться друг дружки способнее будет. И мне, убогому, выгода, и тебе, сильненькому…

- Ну-ну, мыслитель Михайло, говори! – заинтересовался Ландсберг.

- Я и говорю! Ты, Карл Христофорыч, на пересылках в авторитете, конечно. «Иваны» тебя побаиваются, бродяги просто сторонятся – потому как ты в каторге чужой. Случайный ты тут человек. И своим нашему брату никогда не станешь – это ж видать

сразу! Поэтому в каторге туго тебе придется, уж не серчай за правду.

- Догадаться нетрудно, Михайла…

- Слушок ходит, что иваны, которые с нами плывут, станут на тебя и свои обиды челом бить каторжанской верхушке на Сакалине…

- И что с того? В Литовском тюремном замке, в Санкт-Петербурге, на меня гуртом кинулись – слава богу, отбился…

- То в тюрьме было! –строго перебил Ландсберга собеседник.- Слыхал я и про это, сидели в нашей пересылке сурьезные люди с города Петербурха. Но то тюрьма, говорю, была! Солдатики, как драка промеж вами началась, небось, сразу на шум кинулись? Надзиратели набежали, да?

- Это точно!- усмехнулся Ландсберг. – Но и шум был изрядный, Михайла, признаюсь тебе!

- А на Сакалине никто и не прибежит, Карл Христофорыч! Вот те крест, святый-истинный – и не почешется никто! В каторге у разбойников да душегубов своя вольница. В камеры острожные, либо туда, где кандальники с «тачечниками» сидят, надзиратель ежели и зайдет, так только с солдатами. И, боже упаси, никогда ночью! А есть камеры, куда и надзирателю, допрежь зайти, позволения у сидельцев спросить надо…

- Ну, ты уж и скажешь! – усомнился Ландсберг. - «Позволение»!

- Не веришь? Сам увидишь, - покачал головой Михайла. –Верно тебе говорю, очень страшное это место, каторга сахалинская! Там ежели кого начнут в остроге бить-убивать, так караульный еще и подальше отойдет, чтобы не видеть ничего, не слышать. А ежели солдитик какой неразумный шум сдуру подымет, или, скажем, в случае дознания укажет на зачинщиков, так и самого его вполне могут спустя самое малое время ножиком чикнуть, Карл Христофорыч! Так-то! Слышь – вот сам видел раз случай, расскажу сейчас! Полы я в канцелярии тюремной мыл по уроку, и как раз приводит туда смотритель «первоходка» одного, только что прибывшего, из нового сплаву. Только «первоходок» тот не новичком, слышь, оказался, а беглым! Признал его смотритель – кучером тот у него до побега служил! Признал – а вслух и не сказал, бережется, вот и привел для разговору в канцелярию. Веришь ли –

чуть на колени не встал перед варнаком энтим: признайся, мол, голубчик, что беглый ты, богом прошу! А тот смеется: какой-такой, дескать, беглый? Я, мол, крестьянин Саратовской губернии, такой-то, как и сказано в моем статейном списке. Смотритель вскипел: да какой ты крестьянин? Гришка ты, мол, я твою рожу сразу признал – потому как кучером у меня был тут! А Гришка опять смеется – ну, раз признал меня, так и объяви, дескать!

Ландсберг, поначалу слушавший Михайлу со скукой, постепенно интерес к невероятной, на его взгляд, истории начал высказывать. Михайла же продолжал:

- Я тогда в чулане затаился, дыхнуть боюсь – а ну как увидят свидетеля непрошенного? Одна надёжа- что темно там было. Как говорится, *dum spiro, spero*… А смотритель чуть не плачет тем временем: как же, мол, я тебя признать могу, ежели и сам в каторге живу, и жену с детками малыми тут имею? Я тебя, ирода, признаю, а меня с детками потом топором по башке? Признайся сам, мол, Гришенька! А то, неровен час, кто-то другой тебя признает за беглого, и с меня тогда спросят – как ты, такой-сякой, кучера своего мог в личность не узнать?

- Слушаю тебя, и диву даюсь, - признался Ландсберг. – Неужто правду говоришь? Как же вся каторга тогда не разбежится, если такие нравы? Если тюремный смотритель - и тот беглого боится?

- То-то и оно, Карл Христофорыч! – вздохнул Михайла. – То-то и оно, что истинные хозяева на Сакалине – варнаки. И живут по уставу своему, варнацкому. Там ведь как? Солдат из караульной команды, скажем, без опаски могет беглого из ружья подстрелить – потому как он свою службу исполняет. Вор бегать должон, а караульщик - ловить, у кажного своя планида в жизни, так они рассуждают. А вмешаться караульщику в бузу, ежели меж каторжными в остроге начнется – уже невозможно! И выдать беглого тоже, особенно если беглый – бродяга. Энти бродяги, что всю жизнь с каторги на каторгу кочуют – самый авторитетный среди арестантов народ!

- Тогда я не понимаю, Михайла, зачем тебе такой компаньон, как я, нужен – которого, выходит, в каторге сразу на «ножи поставят»? – устало возразил Ландсберг. – Смерти, никак, ищешь со мной за компанию?

- Ты погоди, дослушай сперва, мил-человек! Я ж говорю – уставу ты варнацкого совсем не знаешь! В каторге казнить тебя за то, что ты где-то в других местах каких-то разбойников жизни лишил, никто не станет! Это не по ихнему «уставу», Карл Христофорыч! Да и навряд ли тебя тюремщики в остроге держать станут, вместе с отпетыми. Ты ж человек с понятиями, образованный, офицером был – зачем тебе кайло в руки давать, коли ты иную пользу принести смогешь? Начальство тебя куда поближе к себе определит – в канцелярию, скажем. Или в мастерскую какую – за работами надзирать да присматривать. А там и тюремщики к тебе присматриваться станут, и варнаки. И только потом уже, полагаю, испытание тебе назначит верхушка каторжная. С тем, чтобы ты маху дал. Или время дадут, чтобы ты по гордости своей или незнанию, ихний «устав» нарушил. А я, коли рядом с тобой буду, подскажу, что и как. Упрежу, то исть.

- И что же это за испытание будет? Если против совести моей – так я хоть и с подсказкой твоей у них на поводу не пойду! Уж лучше нож в спину…

- Понимаю, Карл Христофорыч, - вздохнул Михайла. – Понимаю, и потому не собираюсь тебя против совести уговаривать. Потому, как сам совести еще не лишился! Но подсказать, как объехать «устав» этот варнацкий, будь он проклят, смогу. И потом – не забывай, Карл Христофорыч, что меня, как старокаторжного, народишко на Сакалине чураться меньше, чем тебя, станет. Где что услышу, где узнаю – подсказать, упредить тебя смогу. Как старик Гораций говаривал в свое время – предан тебе буду *ab ovo usque ad mala!* Вот в чем задумка моя, мил-человек!

Ландсберг рывком сел на шконку, обхватил руками колени, испытующе поглядел на собеседника:

- Стало быть, ты, Михайло, ангелом-хранителем моим в каторге стать собираешься? Ну, а твой-то каков интерес в таком компаньонстве? Ты извини, конечно – но не за спасибо интересы мои блюсти ведь думаешь?

- Не за спасибо, конечно! – солидно покивал головой Михайла. – Хотя, видит бог, человеку, который мне не по душе, я ни за какие коврижки свою кумпанию навязывать не стал бы. А интерес мой вот

какой: жить в каторге ты, я полагаю, будешь вольно, на квартире. Не держат на Сакалине образованных в остроге, как я уже поминал. И воопче власти сакалинские норовят мужиков сурьезных, навроде тебя или меня, из камеры тюремной на свободное поселение турнуть. Чтобы нахлебников на казенных пайках помене, стало быть, было. Вот я к тебе тут и прислонюсь, Карл Христофорыч. Потому как я, хоть и старокаторжный, а все одно человек тихий, маленький, которого всяк обидеть хочет.

- Ну, а если ошибаешься? Если не пустят меня на свободное поселение, в тюрьме оставят –тогда как тебе быть?

- А я и там к тебе прислонюсь – ты ведь кумпаньона в обиду не дашь, полагаю? - хитро прищурился Михайла.- Недаром говорят ведь: *tide, sed cui fidas vide.*

Ландсберг рассмеялся, легко соскочил со шконки, взял Михайлу за плечи, легонько встряхнул:

- Тут ты маху дал с латынью, друг Михайла! Сей афоризм не безусловное доверие означает, а дословно так: доверяй, но смотри кому!

- Могет быть! - пожал плечами тот.- Я ведь человек простой, латынь редко вспоминаю…

- Слушай, простой человек, а откуда ты вообще латынь знаешь? Говор у тебя простой, обличье крестьянское – и латынь! Ну-ка признайся компаньону – чтобы полное доверие друг дружке у нас было!

- Правда твоя, Карл Христофорыч, из крестьян я, - усмехнулся Михайла. – А вот науки разные с барчуком довелось постигать. Меня в господский дом из деревни взяли, чтобы сыночку барыни нашей, одному-единственному, учёба скушной не было. Игрались мы с ним, с малолетства самого. Потом, как барчук подрос малость, ему гувернеров и учителей выписали в имение - а он без меня ни в какую учиться не желает! А на кой оно мне? Сбёг в деревню – нет, вернули, да еще березой барыня попотчевала за строптивость. Вот и пришлось вместе с барчуком науки постигать… Через те науки, можно сказать, я потом и в каторгу попал…

- Расскажи, Михайла! – заинтересовался Ландсберг. – Как это так, через науки да в каторгу?..

Поломавшись немного и свернув цигарку, Михайла рассказал собеседнику свою историю.

Барыня та, вдова помещика из отставных военных, воспитывала единственного сына Андрея одна. Родственников рядом не было, и сын стал для нее единственным светом в окошке. Когда наследник вырос и получил первоначальное домашнее образование, настало ему время ехать учиться в город. Деревенского мальчишку, обучавшегося азам вместе с барчуком, при доме прислугой оставили. А барыне в последнем приступе молодости в большом доме совсем тоскливо было – вот она последнего гувернера и не рассчитала, оставила при себе, назначила управляющим в имении. Новоиспеченный управляющий вскоре, как и следовало ожидать, переехал из флигеля в господскую половину, одеваться стал из гардероба покойного хозяина, курил его трубки и спал на его кровати.

Молодой барин, приехав к маменьке погостить на следующее лето, был от увиденных перемен в шоке. Хорошо помня отца, он поначалу попробовал было устроить маменьке сцену. Но барыня успела крепко привязаться к любовнику, и расставаться с ним не пожелала. Да и экс-гувернер, освоившийся с новым своим статусом, с юношей держался сурово и несколько свысока. В доме произошло несколько громких скандалов, Андрей грозился покинуть поместье навсегда, мать, не в силах сделать выбор, плакала и ломала руки.

Смертельно обидевшись на мать и возненавидя занявшего место отца бывшего гувернера, молодой барин целыми днями пропадал на речке, бродил по лесу, уезжал в самый дальние уголки поместья. Михайла, разумеется, повсюду его сопровождал: юноше надо было хоть кому-то излить душу, выговориться…

В одном из таких походов Андрей с Михайлой как-то наткнулись на бивак веселой хмельной компании охотников во главе с экс-гувернером. Углядев в его руках любимое ружье отца, молодой барин вскипел, и, не стесняясь в выражениях, высказал всё, что думал по поводу его присутствия в поместье. Охотники захихикали, экс-гувернер побагровел и надавал Андрею по щекам. Плача от унижения, тот кинулся к матери – но ни сочувствия, ни поддержки от нее не получил. И тогда он впервые сказал Михайле, что обязательно

убьет негодяя-гувернера.

С той поры он не мог больше говорить ни о чем, и строил бесконечные планы убийства человека, оскорбившего память отца и отнявшего у сына мать. Михайла, с юных лет отличающийся рассудительностью, поначалу откровения молодого барина всерьез не принял. Но когда тот стал брать с собой на прогулки заряженную берданку, Михайла забеспокоился и стал отговаривать приятеля-барина от греха. Однако его в гневе прогнали прочь, и на лесные прогулки барин стал ходить один.

Кончилось все плохо. Однажды барчук ворвался в чуланчик Михайлы весь в слезах, растрепанный, со следами крови на рукаве сюртука, и попросил приятеля спрятать ружье. Выплакавшись, он признался, что застрелил своего обидчика. С Михайлы была взята клятва молчания.

Барыня, не дождавшись вечером возвращения из леса своего любовника, снарядила на поиски целую экспедицию слуг и деревенских мужиков. Труп экс-гувернера, разумеется, был вскоре обнаружен, а у барчука был столь испуганный и виноватый вид, что никаких объяснений, собственно, и не требовалось.

Уже под утро барыня разбудила Михайлу и потребовала его к себе. Поначалу его обвинили в том, что он во всем потакал легкомыслию молодого барина и не сообщил ей, матери, о его намерениях. Его корили в неблагодарности, бездушии, предательстве. Не смея ни слова сказать в свое оправдание, Михайла молчал. Ему тоже было жалко до слез товарища своего детства, за которым должен был приехать исправник. Выхода из случившейся трагедии Михайла не видел – зато его видела барыня. Выплакавшись, она как-то очень быстро успокоилась и приказным тоном попросила его… взять убийство на себя!

Трудно обвинять женщину, которая только что потеряла последнюю свою сердечную привязанность и вот-вот могла потерять сына, ставшего убийцей. Да Михайла и не думал никого обвинять – но и брать на себя чужой тяжкий грех не желал.

Барыня же снова принялась плакать и перешла к уговорам. Простодушному юноше пообещали нанять лучшего адвоката. Ему сулили помощь, поддержку, даже учебу за границей – и всего-то,

уверяла барыня, за месяц отсидки в «холодной» у исправника, с которым она, конечно же, сумеет договориться!

Только потом, уже на суде, он узнал, что в то время, пока барыня уговаривала его взять на себя вину сына, вызванный ранее ею же исправник в присутствии свидетелей уже обнаружил в чуланчике Михайлы злополучное ружье и записывал «правдивые показания» молодого барина. А тот, путаясь и краснея, показал, что бывший гувернер «побаловался» с деревенской девчонкой, к которой Михайла собирался засылать сватов. И якобы поклялся отомстить обидчику и даже попросил у него, Андрея, старое ружье.

Не было на суде, разумеется, никаких адвокатов – ни дорогих, которых обещали выписать из уездного города, ни прочих. Судья не обращал внимания на явные противоречия в показаниях свидетелей и самого Михайлы, и торопливо приговорил его к 10 годам каторжных работ. Через два месяца вместе с партией других арестантов юноша уже звенел кандалами на длинной дороге через всю Сибирь…

-Так-то, Карл Христофорыч, бывает в жизни нашенской! - закончил Михайла свой рассказ и ожесточенно растоптал третью цигарку.

- М-да, вот бедняга! - Ландсберг покачал головой, поколебался и все же спросил. – А за что второй раз тебя? Нынче-то?

Подняв голову, он увидел, что вокруг его шконки незаметно столпились соседи-каторжники, молчаливые и угрюмые. Каждый думал о своем…

- В другой раз? – переспросил Михайла. - А все за то же, мил-человек! За простоту мою! Семь лет в каторге я бревна таскал и уголек рубил кайлом, да на поселении потом пять годков отбыл. Разрешили мне уехать в город Тобольск, только я, дурак, «умных» людей послушался, и решил свидеться с той барынькой и барчуком, что меня в каторгу заместо себя определил. Научили «умники» меня: поведешь себя правильно, мол, и отвалят тебе деньжонок за обиду да молчание от своих богатств. А ты, дескать, купишь себе чистый пачпорт и домишко где-нибудь в Твери, и жить станешь кум королю. Я и послушал…Руки у меня мастеровые, думаю: с деньжонками найду себе дело небольшое, и астрономию стану потихоньку постигать – больно мне эта наука нравилась еще с малолетства, Карл

Христофорыч!

- И что же?

- А ничего! Поехал я в Центральную Рассею, нашел барыню с сыном. Да только они не слишком рады встрече-то были. Барыня сразу полицией пригрозила, да и взашей меня. Мне б сразу уехать от греха, да денег ни полушки, все прожил. И на совесть людскую понадеялся, дурак… Два дня на улице барина молодого караулил – хотел с ним по хорошему объясниться. Дождался, добром денег попросил, хоть на обратную дорогу в Тобольск, к месту приписки. Назначил мне барчук встречу на следующий день, а заместо себя околоточного прислал. Тот меня за воротник, да в участок. Барынька-то пожаловаться успела, что я у нее мильёны требовал, да фатеру грозил спалить. Дворник ихний потом на суде присягнул, что у черного хода охапку соломы да жестянку с керосином нашел – и ну, мне еще одну каторжную «десятку» и сунули. Плыву вот теперь, науку астрономию на Сакалине постигать…

- Что ж, Михайла, быть нам с тобой компаньонами! – вздохнул Ландсберг и тронул собеседника за плечо. – Не горюй, астроном! Живы будем, и науку твою одолеем!

Арестанты, на которых Ландсберг бросил выразительный взгляд, стали потихоньку расходиться. Поднялся с места и Михайла. Хмыкнул, покрутил головой:

- Вот ведь как человек устроен, Карл Христофорыч, а? Давно все прожил, пережил – а начнешь вспоминать, и снова в грудях щемит что-то. Почему так?

- Потому что человек ты. С совестью, со своими понятиями. Да и в каторгу незаслуженно попал – разве можно с этим смириться?

Ландсберг обнял Михайлу за плечи, слегка тряхнул:

- Выше голову, компаньон! Проживем и в каторге! Кстати, Михайла, вот ты недавно Горация мне процитировал… В русском переводе сей афоризм означает «от сих до сих», «от начала до конца» - а почему на латыни говорится «от яйца до яблока»? Знаю я этот афоризм, сам употреблял в разговорах, а вот сейчас задумался – при чем тут яйца, яблоки?

Михайла испытующе глянул на Ландсберга – не проверяет ли его новоиспеченный компаньон? Не насмешки ли строит? Не углядев

подвоха, солидно огладил аккуратную бороду, крякнул:

- Ну, коли не знаешь – скажу. На Руси трапезу с супа либо со щей начинают, а у римлян древних другие обычаи были. Те с яиц начинали и яблоками обязательно кончали застолье.

- Ну, спасибо, компаньон! Теперь знать буду, - серьезно кивнул головой Ландсберг. И отвернулся, пряча легкую усмешку на губах.

Ретроспектива-5
Вкус неволи

Экипаж, в котором Карл Ландсберг ехал впервые в жизни ехал в тюрьму, остановился у трехэтажного здания на Офицерской улице, где Казанская полицейская часть соседствовала с управлением Сыскной полиции Санк-Петербурга. Сопровождавшие гвардейского сапера трое полицейских чинов проворно выскочили из экипажа,

один из них протянул было замешкавшемуся арестанту руку. Офицер криво усмехнулся:

- Я не дама, любезнейший! – и ловко соскочил с подножки сам.

В сопровождении сыщиков Ландсберг поднялся на второй этаж. Здесь его уже ждал судебный следователь Серебряков. Один из агентов остался за дверью кабинета, двое зашли вместе с офицером – и придержали его за локти, когда он двинулся было ближе к столу следователя.

- Господин фон Лансдберг? – надев круглые очки, Серебряков тускло и привычно посмотрел на арестанта. – Карл Христофорович? Вы обвиняетесь в том, что 25 мая сего года, вечером, в квартире отставного надворного советника Власова умышленно, путем перерезания горла, лишили последнего жизни. Тем же способом, примерно в то же время, вами были зарезана и прислуга Власова, мещанка Семенидова. После двойного убийства вы похитили ценные бумаги хозяина квартиры и ушли. Довожу до вашего сведения, что следствие располагает показаниями многих свидетелей, изобличающих вас в совершении этого двойного преступления. Итак, вы признаете свою вину?

- Вину? Господи, да конечно, нет! То есть я действительно был у Власова в тот вечер, но расстался с ним в полном здравии…То есть он был в полном здравии… Будучи добрыми знакомыми много лет… В конце концов, ваш вопрос просто оскорбителен!

- Господин фон Ландсберг! – тем же тусклым голосом перебил его следователь. – Я задал вам вопрос. Отвечайте только на него: вы признаете свою вину?

- Нет, но я хотел бы…

- Меня не интересуют ваши желания, - Серебряков, приподнявшись, положил протокол на приставной столик. – Вину вы не признали, в чем прошу и расписаться в протоколе.

- Господин следователь, я все же хотел бы объяснить…

- Успеете, господин офицер! Потрудитесь расписаться… Так… Что ж, уведите арестованного, - бросил Серебряков сыщикам и, внешне совершенно потеряв к Ландсбергу интерес, углубился в бумаги.

Сыщики отвели арестованного в помещение полицейской части

и передали служителям арестантских казарм. Все еще ошеломленный случившимся, Ландсберг равнодушно перенес умелый, но весьма деликатный обыск, машинально ответил на вопросы о возрасте, происхождении, месте жительства.

- Деньги, ваше благородие, получите при освобождении либо препровождении в другое место заключения, - добродушно заявил служитель, занося в толстую амбарную книгу сумму из бумажника Ландсберга. – Можете, кстати, сейчас же распорядиться насчет обеда: дело в том, что ведомость на довольствие арестантов мы отправляем по инстанциям рано утром, так что вас туда внести не успели. Да и вряд ли ваше благородие станет есть арестантский обед. В первый день, - уточнил, хихикнув, служитель. – Так что, коли имеете желание перекусить, то сторож принесет ваш обед из трактира, а денежки за него мы после вычтем-с.

- Спасибо, я не хочу…

- Как угодно, как угодно-с. В камере, куда вас сейчас отведут, господин офицер, запрещается курить, кричать, громко смеяться и вообще нарушать тишину. Запрещается также общение с другими арестантами. Да-с… А вот насчет обеда подумайте, от всего сердца советую! Тюрьма тюрьмой, а организм у вас молодой. И своего требовать должон.

В полуподвальном помещении на арестованного накатила волна омерзительных запахов. Пахло плесенью, гнилью, экскрементами. Две керосиновые лампы тускло светили у самого входа, а конец длинного коридора, огороженного с двух сторон решетками, терялся во мраке. Там, в глубине, слышались чьи-то истеричные вопли, брань, многоголосый гомон. Помощник служителя, не обращая внимая на вонь и вопли, спустился на несколько ступенек и тут же отпер первую же дверь с квадратным зарешеченным окошком.

- Прошу, сюда господин офицер! Это у нас помещение для «постояльцев» благородного происхождения. Днем по нужде мы водим арестантов в уборную, а ведерко в углу для ночного, извините, употребления. Но вам, ваш-бродь, в уборную ходить не советую вовсе – мерзота и вонь-с! Понадобится – делайте свои дела в любое время, а потом позовете старосту, он найдет человечка вашу «прасковью федоровну» вынести из камеры. Эй, староста! – повысил

голос тюремщик. Отметь-ка у себя в тетрадке пополнение. Арестованный благородного происхождения – одно лицо. За следователем окружного суда.

- Прасковью Федоровну? – только и переспросил Ландсберг.

- Ах, да, вам и невдомек, барин. – хихикнул тюремщик. – Это парашу так называют – ну, ведро нужное. Так-с… Ну все, кажется! Да! Ваш-бродь, вы старосту не шибко балуйте тут! И построже с ним, канальей, вообще. Он, прохвост, сейчас же начнет у вас деньги выманивать.

- Так у меня и выманивать ничего, - кротко заметил арестант. – Сами же все и отобрали.

Помощник служители перед лицом такого наивно-логического пояснения поднял плечи, развел руками и изобразил на одутловатой физиономии целую гамму чувств: знаем, мол, вашего брата, арестанта! Всего не отдадите, все равно денежку притырите…

Дверь камеры захлопнулась, скрежетнул ржаво засов. Ландсберг стоял, невидящими глазами глядя на железную койку с соломенным тюфяком, небольшой стол и табурет – всю обстановку камеры для благородных. Стены были оклеены тусклыми, но довольно чистыми обоями. Правда, уже с залохмотившимися краями и почти все исписанные и «украшенные» скабрезными надписями и неуклюжими рисунками.

В дверь заскреблись:

- Ваш-бродь, господин офицер!

Ландсберг обернулся и увидел через зарешеченную верхнюю часть двери бледную рожу с живописно подбитым глазом и улыбающимся щербатым ртом.

- Так что я староста здешний, - приглушенно отрапортовалась рожа. – Пантелеем зовут. Может, услужить чего надо? Папироску? Винца горе залить, а? Помыть тут, прибрать? Все сделаем с удовольствием-с!

- Не надо, любезнейший… Потом, - и не слушая продолжающихся посулов, Ландсберг сел на кровать и обхватил голову руками.

Рожа, помаячив в оконце еще немного, исчезла: даже тупой старости знал, что к тюрьме надо привыкнуть…

- Никуда не денешься от Пантелея, - бормотал под нос староста, исчезая во мраке коридора. – Хоть на полчасика, но в наши руки попадешься…

Если бы нашелся человек, который позднее участливо поинтересовался тем, о чем думал Карл Ландсберг в эти первые свои тюремные часы, то он, если бы даже пожелал ответить, то с некоторым удивлением осознал бы, что связных мыслей в голове не было. Мелькали какие-то обрывочные образы, несуразные и никак не отвечающие моменту воспоминания… Лишь один вопрос остро долбил в левый висок: Господи, что же дальше-то будет? Ответа, меж тем, на него не было. И жизни впереди – тоже не было…

А в тюремном коридоре эта самая жизнь, тем не менее, продолжалась. Где-то бормотали, чем-то двигали и стучали, хлопали с железным лязгом двери. В полдень раздался далекий бой часов откуда-то с улицы. Оживление достигло предела – двери захлопали чаще, послышался чей-то дурной вопль и витиеватая начальственная брань помощника служителя. Потом в камеру из коридора вполз запах кислых щей, подгоревшей каши.

Дверная наружная задвижка завизжала, стукнула, и в двери камеры опять возникла та же фигура помощник служителя. Видя, что Ландсберг никак не отреагировал на его появление, и даже не повернул головы, тюремщик громко откашлялся.

- Господин офицер, время обеда! Арестантам, то есть, обед привезли. Желаете – вам чего-нибудь из трактира принесут?

- Я не хочу, - глухо произнес офицер. – Благодарю покорно!

- Напрасно отказываетесь, молодой человек, - снова откашлялся помощник смотрителя. – Силы телесные надо поддерживать! Одной мыслительностью, извините, сыт не будешь!

Видя, что Ландсберг не расположен к разговорам, тюремщик, потоптавшись у дверей, с разочарованным видом вышел. Признаться, он весьма рассчитывал на то, что молодой организм нового арестанта не удовольствуется одной «мыслительностью», и тот даст поручение сходить в трактир за обедом. Там тюремщик первым делом спросил бы стаканчик горькой под соленые рыжики, выхлебал бы миску раскаленной куриной лапши, приказал бы трактирщику доверху наполнить плоскую объемистую фляжку,

конфискованную в свое время у отсидевшего за буйство попа-расстриги. Все это трактирщик Фрол Назарьевич – не впервой! – укрыл бы в счете за обед арестанту из благородных. Иные, конечно, и возмущались непомерной дороговизной доставляемых из трактира блюд – а как проверишь-то? То-то… Да и не до этого арестантам, у них все мысли об одном – как бы выйти из узилища на волю поскорее.

Помощник быстро отдал старосте распоряжения насчет распределения щей и каши для арестантов и побрел в служительскую.

- Ну, как там новенький? – поинтересовался у него дежурный служитель. – Судя по твоей кислой роже, от обеда он отказался?

Помощник махнул рукой.

- Переживают, сидючи-то! Напакостят, а потом переживают…

- А ты на его месте песни бы пел? – ехидно поинтересовался служитель. – Ох-ох, грехи наши… Вот что, Федя: дуй-ка ты все же в трактир, вот деньги. Офицериковы! Счел-то я их при обыске верно, а вот в книгу, «по ошибке», - гм-м! – на два с полтиной рубля меньше занес. Офицерик и подписал, не заметил. Учись! Да не задерживайся там, знаю я тебя! Пока ты свою утробу не зальешь, про родное начальство и не вспомнишь. Дуй, говорю! Жалко только, что забирают скоро у нас офицерика этого…

- Куда ж его?

- Из окружного суда уже пришла бумага: в Литовский городской тюремный замок. Бумага с утра еще была, да следователь распорядился до вечера подержать господина Ландсберга в кутузке нашей. Чтобы проникся, значит, нос меньше на допросах задирал бы. Ты замок-то наружный на камеру его повесил?

- Дык не запираем благородных под замок же, куда они сбегут-то? И щеколды хватит.

- Ты мне дурочку здесь не строй, Федор! Не ровен час, староста со своими оглоедами ночи не дождется и, пока тыотсутствуешь, «пощиплют» офицерика. Это тебе не пьяный чиновник, которого за буйство законопатили! Не дай Бог! Иди, повесь замок, а потом уж в трактир. Пообедаем, отдохнем чуток, а там и отправим офицерика по принадлежности.

* * *

На Петербургской стороне, в самом конце Большой Никольской слободы, где прежде была губернская канцелярия, заведующая судными и розыскными делами, крепко вросла в землю массивная несуразная громада Литовского тюремного замка. Построенный еще в 1714 году как острог для колодников, по прямому своему назначению замок в те времена почти не использовался, и вскоре был перестроен для всесильного Бирона, фаворита Анны Иоановны. После его смерти замок был отдан под жилье какому-то литовскому князю, имя которого петербуржцы в памяти не сохранили. Зато осталось прозвище – Литовский.

Потом мрачный замок какое-то время пустовал – пока кто-то не вспомнил о первоначальном тюремном его предназначении. И снова во двор Литовского замка потянулись подводы, груженые кирпичом, глиной, песком и известью, пригнали сюда каменщиков, кузнецов, плотников и иных мастеровых людей. После реконструкции замок представлял из себя каземат, состоящий из 103 камер на 101 человека, служебных помещений для помощников служителя, приставников, церквушки, караульной для часовых – и совсем уж неожиданно – приюта для девочек-сирот. Постоянное жительство в Литовском замке из вольных людей имели смотритель, эконом и доктор.

Сюда, к глухим внешним воротам, под вечер в июне 1979 года, тускло-зеленый тюремный возок и доставил арестованного прапорщика Лейб-Гвардии Саперного батальона Карла фон Ландсберга. Конвойный фельдфебель позвонил в колокольчик и рявкнул выглянувшему в маленькое окошко солдату-подчаску:

- Доставлен арестованный с сопроводительною бумагою Окружного суда! Открывай!

- Чего орешь? – бесстрашно буркнул солдат и начал закрывать окошко. – Чичас доложу караульному офицеру.

Через несколько минут загремели засовы и из калитки выглянул дежурный унтер-офицер, махнул рукой: заводи! Из калитки вышли двое подчасков с ружьями, встали по сторонам.

В сопровождении фельдфебеля Ландсберг перешагнул высокий порог и очутился под массивной аркой, отделенной от двери еще

одними, теперь уже решетчатыми воротами. Убедившись, что внешняя калитка заперта, унтер отомкнул внутреннюю, завел арестанта и сопровождающих в караульное помещение и только тут посмотрел на Ландсберга. Тот все еще был в военной форме.

- Никак сапер, ваш-бродь? – вяло поинтересовался он.

Ландсберг промолчал, разминая затекшие после тесного возка ноги.

- Ну-ну! – неопределенно буркнул унтер, принял из рук фельдфебеля бумаги и, не читая, сунул их солдату. – Отнеси его благородию, господину смотрителю замка, да доктора позови.

Покопавшись в громадном шкафу, унтер вынул оттуда небольшой ящичек с крышкой и белый полотняный мешок.

- Раздевайся, ваш-бродь! Деньги, драгоценности и ценные вещи клади в ящик, мундирчик и белье – в мешок.

- Что – совсем раздеваться? – голос у Ландсберга предательски дрогнул, он, казалось, не обратил внимания на режущее слух «тыканье» унтера.

- Са-а-всем, са-а-всем! – весело передразнил унтер. – Ты теперь, ваш-бродь, на полном государевом обеспечении! Мундирчик тебе, надо полагать, более не пригодится. А пригодится – заберешь, ежели мыши до той поры в кладовке его не съедят.

Минут через пятнадцать, когда Ландсберг, совсем голышом, уже окончательно продрог на каменном полу, а фельдфебель с унтер-офицером играли уже вторую партию в шашки, в караулку зашел явный по обличию доктор – в черном сюртуке, пенсне и с чемоданчиком в руках. Доктор невнимательно послушал через трубочку грудь арестанта, поинтересовался наследственными болезнями, размотал повязку на правой руке, и, мельком глянув на заживающий порез на правой руке, перевязал рану свежей редкой холстиной. Не сказав ни слова, доктор сел к столу, бесцеремонно отодвинул шашечную доску и принялся заполнять какой-то формуляр. Унтер же, видя законченный осмотр, достал из бездонного шкафа грубую рубаху с тесемками на вороте, такие же штаны и обувь, похожую на низко обрезанные сапоги – «коты» на тюремном языке.

- Белье можно свое оставить? – спросил машинально

Ландсберг.

- Можно, - перебил запротестовавшего было унтера доктор. Он длинно и витиевато расписался внизу формуляра, подхватил чемоданчик, и, ни с кем не попрощавшись, вышел.

- А часы? Расческу? – осмелел Ландсберг.

- Не положено. – буркнул фельдфебель, запирая ящичек и скрепляя шнурок мастикой. – Скажи спасибо, твое благородие, что бельишко доктор оставить разрешил. Добрый что-то он сегодня.

Дверь открылась, и сочный баритон позвал:

- Где тут новенький? Готов? Ну, пошли со мной…

Шаркая ногами в сваливающихся «котах», Карл фон Ландсберг вышел в тюремный двор и невольно остановился при виде двух столбов, возвышающихся почти посредине голого плаца. Виселица? Да нет, не похоже… Присмотревшись, новичок-арестант увидел, что к короткой перекладине одного столба привязан колокол с длинной веревкой на языке. А второй столб был увенчан какие-то нелепым ящиком громадного размера

Стены замка смотрели на внутренний двор десятками черных окон, забранных решетками. У стен, по периметру здания, за низенькими загородками были разбиты чахлые садики. В этих «оазисах» арестантам дозволялось ежедневно гулять – об этом, впрочем, он узнал попозже…

103 камеры Литовского замка были поделены на 10 отделений, изолированных друг от друга и расположенных на всех четырех этажах. Каждое имело свой отдельный ход. В первом сидели воры, во втором – просители милостыни и привилегированные лица, в третьем – арестованные за грабежи, подлоги и мошенничество. В четвертом были собраны рецидивисты всех сортов, в пятом – убийцы, разбойники и грабители, и шестом – бродяги, не помнящие родства. Седьмое отделение считалось секретным – туда помещали лиц, переведенных из военно-исправительных арестантских рот. Восьмое, самое немногочисленное, было отведено для людей благородного происхождения – без деления по видам преступлений. Девятое отделение составляли простолюдины, совершившие малозначительные преступления, а также несовершеннолетние арестанты. Это отделение называли еще поварским, ибо почти все

его население занималось приготовлением пищи, стиркой белья и прочими хозяйственными делами замка. Десятое отделение, самое многочисленное, было женским.

Ландсберга вели в восьмое отделение, охраняемое внутри всего двумя приставниками. Поднялись на четвертый этаж, и сопровождающий позвонил в наглухо запертую дверь. Дверь без распросов вскоре открылась, и Ландсберг очутился в длинном узком коридоре с редкими зарешеченными окнами, до середины вымазанными, к тому же, известкой. С десяток тяжелых дверей с засовами и прорубленным окошками на уровне лица были почти все раскрыты настежь, и Ландсберг увидел, как на стук входной двери и звуки шагов из нескольких камер выглянули чьи-то головы.

Приставники завели новичка в служительскую и начали знакомить его с порядками Литовского замка.

Подъем – по колоколу, летом в пять, по зимнему времени – в шесть часов утра. Все арестанты сразу выходят из камер в коридор на проверку и молитву – без исключений. Невыход – докладная смотрителю замка и, как правило, карцер. После молитвы приставники уводят часть арестантов в мастерские на работу, остальные остаются в отделении и вольны заниматься чем угодно – за исключением азартных игр, чтения недозволенных книг и писания писем. Запрещается также кричать, петь, ругаться. Двери камер в этом отделении, ввиду «благородства» содержащихся здесь арестантов и их благонравного поведения, весь день открыты, и можно не только беспрепятственно посещать уборную, но и соседние камеры. Если в отделение следует посетитель или начальство, приставник оповещает об этом свистом в оловянный свисток. По этому сигналу все арестанты должны немедленно вернуться в свои камеры, закрыть двери и не выходить до тех пор, пока это не будет им позволено. Впрочем, подобные порядки были почти во всех отделениях Замка – кроме четвертого и пятого, где были собраны самые опасные преступники, как правило, рецидивисты. Еще их называли «отпетыми», ибо многие уже побывали на каторге, совершали оттуда побеги и без дозволения властей объявлялись в столицах империи. Здесь, как правило, они вновь были пойманы и ожидали либо нового суда, либо этапа в Сибирь.

Уборка в камерах – дело самих арестантов. Впрочем, людям благородного происхождения дозволяется нанимать для этого желающих простолюдинов, о чем новичку со средствами сразу же стоит заявить приставнику. Дозволяется также покупать необходимую одежду и обувь – но только сделанную в мастерских замка. Свидания с родственниками, при наличии разрешения судебного следователя – два раза в неделю.

Заметив, что новенький едва держится на ногах, приставники понимающе переглянулись.

- Камеры для благородных двухместные, но из-за наличия свободных мест можно поселиться одному. Как пожелаете, ваше благородие?

- Пока одному, если можно.

- Как угодно-с… Простите – а средствами ваш-бродь располагает? Например – чтобы нанять уборщика?

- Деньги все отняли еще в полицейской части, - развел руками Ландсберг. – Правда здесь, в караульной, мне сказали, что мой кошелек доставлен сюда вместе с бумагами.

Приставники снова переглянулись и одновременно покачали головами, досадуя на человеческую глупость.

- Вообще-то устав запрещает иметь арестантам наличные деньги, - осторожно начал один из тюремщиков. – Из средств, имющихся при арестанте при помещении в Замок, разрешается использовать не более 10-15 копеек в неделю – в основном на свечи при посещении храма. Но если арестованный этого отделения ведет себя тихо и достойно, не допускает нарушений, то на имение у него наличных денег у нас закрывают глаза…

- Ежели угодно, ваш-бродь, могу завтра же отправить телеграфную депешу вашим родным или близким друзьям с приглашением на свидание, - заговорил второй. – Разживетесь деньжонками – заплатите мне за хлопоты, сколько вашей милости будет угодно-с.

- Хорошо, спасибо, но…, - Ландсберг с силой потер руками лицо и поднял на тюремщиков покрасневшие глаза. – Господа, я буквально падаю с ног. Позвольте мне лечь, укажите мое место, прошу вас!

Один из приставников кивнул и вышел. Второй указал Ландсбергу на скамью у стены.

- Присаживайтесь, ваш-бродь. Сейчас вам укажут камеру и пойдете отдыхать. Надеюсь на ваше благоразумие, ваш-бродь! Мы благородным арестантам стараемся не досаждать, ежели и они с пониманием-с…

- Пожалуйте за мной, ваш-бродь! – всунулся в дверь второй приставник. – Камера нумер восемнадцать – ваша-с.

Едва переставляя ноги, Ландсберг зашел в отведенную ему камеру, окинул безразличным взглядом стол и два табурета под окном с решеткою, две железных кровати друг напротив друга у стены. В углу у двери – большая лохань на полу и кувшин на полке. Офицер несколько секунд постоял, выбирая койку, потом махнул рукой и повалился на левую. Накрылся грубой рогожей, заменяющей здесь, очевидно, и одеяло, и простыню – и провалился в небытие.

* * *

Санки летели по лесу, по темному тоннелю, точно сотворенному природой из нависших над дорогой мохнатых елей.

- Быстрей! Да быстрей же! – задыхаясь от радостного смеха и морозного ветерка кричала она.

Он шевелил вожжами, бодрил жеребца разбойничьим посвистом и удалыми возгласами. Жеребец скашивал назад узкие воронки ушей и все прибавлял и прибавлял ходу. И сильно свистел ветер в ушах, звонко хохотала Мария, закутанная до самых глаз в медвежью полость.

А потом они стояли на сказочной зимней поляне, и от пронзительной тишины звенело в ушах. И дыхание их смешивалось, и он чувствовал, несмотря на мороз, сладкую свежесть ее щек. Он мог бы стоять так вечно – но Мария вырвалась, отбежала по глубокому снегу в сторону, к одинокой молодой елочке и наклонилась, рассматривая что-то под нижними ветками.

- Ой, смотрите-ка, Карл, что это?

Он подбежал и наклонился – а она, внезапно отскочив, тряхнула елку. Целый сугроб снега с ее ветвей обрушился на Ландсберга под звонкий хохот Марии.

- Ах вы шалунья! – нарочито хмуря брови, он бросился догонять

ее.

Через несколько шагов, оступившись в глубоком снегу, она упала – и он упал на снег рядом. Нашел ее горячую ладошку, выскользнувшую из собольей муфточки.

- Мария… Моя Мария…

* * *

- Ваша… Мария, - как эхо прозвучал шепот, внезапно перешедший почему-то в мягкий мужской баритон. – Ваше благородие, вставать пора! Колокол уже звонил!

Ландсберг открыл глаза, поморгал, увидел склонившееся над ним незнакомое доброе лицо в конопушках. Боже, так про Марию это был только сон… Сон, который приснился ему в первую ночь в неволе Литовского замка.

Ландсберг рывком сел, сбросил ноги на пол и внимательно рассмотрел разбудившего его человека. Невысокого роста, с белесыми волосами, потешно торчащими во все стороны.

- Вставайте, господин хороший, - тревожно повторил человек. – Тут не любят, когда по колоколу не встают!

- Ах, да! – Ландсберг встал, с отвращением сунул ноги в грубые «коты». – И что же теперь надо делать?

- А ничего, ваш-бродь! В коридор выйдите и возле дверей станьте. Сочтут вас господа тюремщики, молитва начнется. А потом идите себе с Богом обратно… А я пока приберусь здесь.

Ландсберг вышел через настежь распахнутую дверь в коридор, наполненный негромким гомоном голосов. Оглянулся по сторонам – везде у распахнутых дверей по одному-двое стояли люди в таких же серых, как у него, рубахах и штанах. Ближайшая пара, завидев Ландсберга, замолчала, и люди принялись молча разглядывать новенького. Один из них слегка поклонился, Ландсберг машинально ответил.

Из глубины коридора вдоль дверей медленно шли четверо приставников в черных тюремных мундирах. Вчерашняя смена сдает арестантов новой, - догадался Ландсберг, заметив, как передний тюремщик что-то отмечает карандашом на доске.

Дойдя до Ландсберга, новый приставник вопросительно

посмотрел на него. Офицер молчал – не зная, что нужно делать, говорить - да и надо ли вообще? Приставник начал хмуриться.

- Это новенький, - просунулся к его уху один из вчерашних тюремщиков. – Привезли поздно вечером, порядков еще не знает, - и громко, обращаясь уже к арестанту, добавил. – При обращении чина тюремной администрации арестанту надлежит громко назвать свое имя, происхождение и предъявленное обвинение. Либо, в случае состоявшегося осуждения, статью Уложения о наказаниях.

- Фон Ландсберг, дворянин, - выдавил из себя Ландсберг. – Обвиняюсь в убийстве.

- Почему на арестованном домашнее белье?

- Дык доктор разрешил его благородию…

- Снять и немедленно сдать на склад. Господин доктор пусть распоряжается у себя в лазарете! – приставник что-то черкнул на доске, круто повернулся и пошел к служебному помещению. Двое из вчерашней смены, поравнявшись с Ландсбергом, скорчили одинаковые гримасы: мы, мол, тут не при чем!

Кто-то в дальнем конце коридора хорошо поставленным голосом начал читать молитву. Арестанты, не слишком складно, вторили или просто шевелили губами. Ландсберг снова почувствовал себя белой вороной: он был лютеранского вероисповедания.

Молитва скоро закончилась, и большая часть арестантов исчезла за дверьми своих камер. Несколько человек продолжали стоять, и Ландсберга осенило: это те, кто работает в мастерских. Приставников не было видно, и он, помедлив, тихо зашел в свою камеру.

Проворный мужичок с белыми вихрами уже взбрызнул из кувшина пол и шаркал по нему веником. Кровать, на которой спал Ландсберг, уже была поправлена. Заметив, что офицер направляется к кровати, мужичок предупредительно покашлял:

- Гм! Господин офицер, дозвольте сказать, что приставники не одобряют дневное пребывание на кроватях. Не все, правда – но сегодняшние, - мужичок пугливо оглянулся на дверь. - Сегодняшние сущие псы! Вы уж, ваш-бродь, на тубалеточку присядьте, ага…

Ландсберг послушно сел на табурет, с вялым интересом поглядывая на мужичка.

- Как же тебя зовут, братец? Откуда ты взялся?

- Мы из «поварского» отделения, - широко улыбнулся мужичок. – То есть там и повара, и прислуга за все живут-с. А зовут Василием. Печенкины мы, то есть.

- Василий? Вася, значит… Кто ж тебя позвал ко мне, Вася-Василий? У меня ведь денег нету – за уборку платить. Всё отобрали.

Мужичок замахал руками.

- Бож-же упаси! Рази я спрашиваю? Кликнули вчера вечером охотника у барина нового убирать, я и вызвался. Все лучше, чем в камере день-деньской сидеть – нас-то, простых, так-то вот не выпускают. За делом только, да-с… А деньги что? Разживетесь, ваш-бродь, будет на то ваша милость – заплотите. Нет – я не буду в обиде.

- Где ж я разживусь, Василий? – усмехнулся Ландсберг. – Разве что попросить из тех денег, что отобрали? Дадут ли?

- Про те деньги забудьте, ваш-бродь! Их отдадут, ежели выпустят отсель. А разжиться деньгами вам надо непременно! Без денег совсем в тюрьме плохо! Ни табачку купить, ни одежку приличную справить. Да и приставники придираться станут, ежели двугривенным или даже полтинничком иногда не поклониться. Нет, без денег в тюрьме никак нельзя! Нешто у вас на воле родной души нет? Али друзей-товарищей?

Ландсберг помрачнел: его семья еще не знала, что он арестован. Каков удар будет для матери! Для сестер, для брата… Тюремщик вчера говорил, что может отправить депешу. Но писать про арест никак невозможно! Сообщить разве, что болен и просить брата приехать? А уж тут и объясниться…

Мужичок, между тем, подошел поближе и продолжал полушепотом учить новичка тюремным хитростям.

- Деньги, ваш-бродь, ежели что, просите передать вам некрупными ассигнациями: сдачу в тюрьме не дождетесь! Правда, мелкие прятать хлопотнее, чем одну бумажку, да я вас научу! Вот «коты» у вашего благородия совсем непотребные, ножки быстро собьете в них – значит, штучную обувку заказать здешнему сапожнику надо. Напишете прошение своему приставнику – он економу передаст, и тот из ваших денежек за заказ удержит один

рубль и восемь гривен. А, ежели желаете, сапожнику тому я два слова шепну – они тоже в нашем отделении обитают, сапожники-то! Он с вас и мерочку снимет, и кожу мягкую поставит, и тайничок в «котах» сделает. Для денег, то есть. Заплатить ему, конечно, надо будет за такой фасон – зато ни при одном обыске не найдут-с!

- А что, здесь и обыски бывают? – удивился Ландсберг. – Чего же искать, если при поступлении сюда все отняли?

- Как же без обысков? – в свою очередь удивился Василий. – Обыскивают! То есть вас, благородных, изредка, конечно. Или нарочно, ежели получат сведения о приготовлении к побегу – тогда пыль столбом по всему замку! Голытьбу не обыскивают, которая во втором отделении обитает – а чего у них искать-то? Седьмое с шестым не беспокоят, там инвалиды из арестантских рот, тоже голытьба, да бродяги безродные. А вот, ежели сказать, третье, четвертое или пятое отделения, так там через день обыски, потому как в третьем воры да ширмачи, а в четвертом-пятом отпетые сидят, которые уже все каторги с пересылками прошли. Там и ножики находят, и винцо, и карты. Там вам и пачпорт такой могут сделать – от настоящего не отличишь, ваш-бродь!

- Знаешь, Василий, называй-ка ты меня по имени-отчеству лучше! – перебил Ландсберг. – Какое я тебе благородие, если такой же арестант? Карлом Христофоровичем зови. И садись, чего стоишь?

- Как будет вам угодно, ваш… То есть Карл Христофорыч! – мужичок осторожно присел на краешек второй табуретки.

- Так как же это всё проносят сюда – и ножи, и карты? – допытывался Ландсберг. – Меня вот догола раздели и всю одежду отобрали. Белье – и то прощупали перед тем, как отдать.

- Про тонкости не знаю, Карл Христофорович. Да и знать не хочу. Знаете, как тут говорят? Меньше знаешь – дольше проживешь. Тюремная сволота всякая – простите на худом слове – ежели заподозрит, что к начальству с доносами человек бегает – не жить тому! Везде достанут, так-то! Но, коли вам в диковинку способы разные… Скажем, предположение имею, ежели интересно вашему благородию. Что помельче и опасное – в проходе, значить, заносят, - Василий, согнув руку, показал у себя, в каком именно проходе. – И через господ тюремщиков добывают нужное, ежели деньги есть. Вот

Рассоха из четвертого отделения сам хвалился, слышал я, что шило в проходе у себя схоронил, а тут вынул, рукояточку приделал. Карты здесь, ежели хотите знать, за три рубля тюремщики принесут, а на воле они три гривенника в любой лавке. Что ж не принести? Жалование у господ тюремщиков невеликое, детки есть-пить просют. Винцо или спирт, то же самое: заплатишь вдесятеро – принесут. Не всем, конечно. На кого господа тюремщики взъярятся – очень грустную жизнь тому человеку могут устроить! Не то чтобы принести с воли безделицу малую – придираться начнут ко всему. Прогулок лишат, в сырую камеру переведут, чуть что – докладная смотрителю замка, господину Сперанскому. А тот в карцер посадит. Вот уж чего страшней тут нету – так это карцер… Ну, это я так говорю, к случаю. С тюремщиками поладите – и всё вам тут будет!

- «Всё»! Ты еще скажешь, Василий, что девок непотребных сюда привести могут, - не поверил Ландсберг. – За такие «одолжения», поди, и самому тюремщику в камере очутиться можно!

- Можно, да только носют! – вздохнул Василий Печенкин. – Потому как слаб человек, пожить послаще всякий хочет. А за девками и ходить не надо, здесь их полно! В десятом отделении сотни три душ баб обитает. Благородные, конечно, непотребства не допускают, а остальные – и-и, ваш-бродь, то есть, Карл Христофорыч! По пятницам, в день посещений, любой арестант может заявить, что сродвенница у него там сидит. Марфа, допустим, или Глашка какая. И по несколько человек из каждого отделения по очереди туды водют нашего брата, арестанта.

- И что ж – без начальственного там присмотра, что ли?

- Почему без присмотра? Приставники и там есть. Да только и они деньгу лишнюю пропустить не желают. Поклонятся тоскующие без женского полу приставнику дежурному полтинничком, он в камеры-то и не заходит, по коридору гуляет себе. А мужички стараются, народонаселенье замка увеличивают…

- Но это же скотство какое-то! В камерах же люди, посетители, женщины другие! – возмутился Ландсберг.

- Не до жиру тем людям, - вздохнул Печенкин. – А уж бабам и вовсе… У них там, в десятом, веревки в камерах дозволено вешать для всяких ихних постирушек. Тряпицей завесят кровать – и чем не

нумер отдельный?.. Ладно, Карл Христофорыч, пойду я: не ровен час, господа приставники озлятся, что я тут с разговорами торчу. Водички свежей вот принесу вам – и до завтрева, если угодил, конечно…

- Приходи обязательно, Василий! – крикнул вслед Лансдберг.

- Я-то приду, Карл Христофорович, а вот вам одному, без соседа, вовсе невмоготу тут станет. Послушайтесь доброго совета, попросите соседа себе! Я-то человек простой, быстро вам надоем-с. Да и нельзя нам, простым, надолго тут задерживаться. А тут, в отделении для благородных, всякому пара найдется. Вот даже офицеры вроде вас имеются. Поп-расстрига есть, из образованных – учителя, управляющие бывшие. Право, Карл Христофорыч, послушайте меня-дурака! Нельзя в тюрьме одному! Сгинете. Ну, а пока прощевайте.

- Господин офицер! – возник в дверях суровый приставник из новой смены. – Кажется, я распорядился насчет неуставного белья!

- Прошу прощения, господин начальник! – пересилил себя Ландсберг. – Прошу покорно вашего дозволения оставить нательное белье у себя. Я в долгу не останусь, - Ландсберг покраснел. – И непременно вас отблагодарю за вашу доброту. Сразу после свидания с братом.

- Непорядок! – словно не слыша, вздохнул приставник. – Ну да ладно, будем считать, что вы одолжили у меня на депешу брату…

- Два рубля, если не ошибаюсь, господин начальник?

Глаза тюремщика широко раскрылись и замаслились.

- Ну, что ж, господин офицер! Надеюсь, что память вас не подведет-с! А когда брат ваш изволит придти?

- Депешу ему еще дать надо, он не в Петербурге живет. Можно?

- Пройдемте в служительскую, - пригласил приставник. – Продиктуете мне адрес, завтра же и отправим, в лучшем виде. Только за вами, господин офицер, уже не два рубля тогда будет-с! Депеши, знаете ли, в тюрьме дорогие! Да и не положено, строго говоря, неприятности могут выйти. Рублик еще сверху положите? Ну и славно, ну и славно! Пойдемте, господин офицер!

* * *

Судьба жестоко обошлась с Карлом Ландсбергом. Его мозг, воспаленный страшной тюремной переменой, не успел еще остыть и

смириться с неизбежным, как последовало еще два удара подряд.

Заявив прошение на имя смотрителя тюрьмы о дозволении иметь бумагу и письменные принадлежности (то и другое можно было получить тайком, но Лансдберг пока еще не желал ничего делать исподтишка), молодой офицер был чрезвычайно удивлен быстро последовавшим вызовом и высшему начальству Литовского тюремного замка. Служитель, забирая прошение, сказал, что рассмотрено оно будет не раньше как через несколько дней. И вот – вызов!

Приставник вывел Ландсберга во двор замка, где их уже поджидали двое караульных солдат. Все четверо пересекли двор наискосок, зашли в помещение, где жил и отправлял службу главный смотритель Литовского тюремного замка Лев Семенович Сперанский.

Он коротко взглянул на вошедших и сделал жест приставнику. Когда тот вышел, оставив в кабинете Ландсберга с солдатами, Сперанский вдруг неожиданно спросил:

- Изволите говорить по-французски?

- Точно так, господин начальник, - чуть растерявшись, произнес Ландсберг.

- Меня попросили передать вам письмо, господин арестованный, - быстро заговорил по-французски Сперанский. Произношение у него было ужасное, и Ландсберг напрягал все внимание, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. – Вы наверняка понимаете, что, поскольку сношение с внешним миром для арестантов запрещено, то это прямое нарушение моего долга. Когда вы прочтете, все поймете – от кого это письмо и почему я не мог отказать его светлости. Прошу вас не называть вслух имен, читать молча, а после прочтения я на ваших глазах брошу письмо в огонь. О получении этого письма и моем участии в этом настоятельно прошу и даже рекомендую держать язык за зубами. Если конечно, вы желаете избежать неприятностей. Вы меня поняли?

- Понял, господин начальник.

- Хорошо. Письмо вложено в эту книгу приказов. Подойдите ближе, и постарайтесь, чтобы солдаты не видели, что вы делаете, - Сперанский перешел на русский язык и повернулся к солдатам солдатам. – Что вы торчите как истуканы? Арестованный будет

знакомиться с инструкцией о порядке передачи прошений. Сядьте у дверей!

Ландсберг, повинуясь жесту Сперанского, подошел к приставному столу и раскрыл тяжелую книгу. Вскрыл небольшой белый конверт без имени адресата.

«Господин Ландсберг! Надеюсь, вы понимаете, что после случившегося между вами и известной вам особой все кончено. Ни эта особа, ни я не желаем, чтобы вы докучали нам, в том числе и письменно. Я не желаю вам зла, и считаю своим долгом предупредить, что принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать любому вашему напоминанию о себе. Ежели же вы, вопреки предупреждению, все же попытаетесь снестись с известной вам особой, то я приложу все силы к тому, чтобы усугубить вашу изоляцию от общества. Прощайте. Граф Т.»

Листок не желал до конца помещаться в конверте. Ландсберг машинально встряхнул его, и из конверта выскользнуло тонкое золотое колечко с ясным камешком. То самое, которое Карл когда-то подарил нареченной невесте.

- Мария, - чуть слышно прошептал Ландсберг. – Прощай, Мария! Прощай, Машенька…

Он незаметно сунул колечко под повязку на правой руке, вложил письмо в конверт и повернулся, глядя Сперанскому прямо в лицо. Тот молча показал на дверь, и офицер сделал два шага назад. Солдаты вскочили как на пружинах. Сперанский взял конверт и бросил его в угасающий камин. Пламя вспыхнуло, затрепетало – и сникло.

- Мне передали ваше прошение о дозволении иметь письменные принадлежностей, - смотря на огонь, констатировал Сперанский. – Теперь, после… ознакомления… Вы продолжаете настаивать на своей просьбе?

- Да нет, пожалуй, - через силу произнес офицер, также глядя в огонь, где сгорел еще один мост, связывающий его с совсем недавним прошлым. – Вот если можно… Один я в камере, слово сказать некому. Нельзя ли в соседи к кому-нибудь подселиться? Или в мою камеру чтобы кого-нибудь…

- Уведите арестованного, - распорядился смотритель. – Вашу

просьбу вполне может рассмотреть и дежурный приставник в вашем отделении. С-ступайте!

В тот же день, 7 июня 1879 года, тюремный возок доставил Лансдберга в камеру судебного следователя Серебрякова, на второй официальный допрос. Прежде чем начать, следователь положил перед арестованным свежий номер газеты «Правительственный вестник» с отчеркнутой заметкой на первой странице. Это был Высочайший Указ о принятии отставки из армии прапорщика Лейб-Гвардии Саперного батальона Карла Христофоровича фон Ландсберга, из дворян Ковенской губернии. И хотя офицер не далее как вчера подписал в казармах батальона прошение об отставке, сейчас он почувствовал себя так, будто его сердце схватила чья-то ледяная безжалостная рука. Еще один мост сгорел…

- Вам повезло, господин Ландсберг, - заметил Серебряков. – Остались бы военным - были бы сейчас не в Литовском замке, а в Петропавловской крепости. А у военного трибунала разговор короток! Да-с… Ну так что, будем признаваться?

- Мне все равно. Как будет угодно.

- Тогда начнем-с! – повеселел Серебряков и повернулся к письмоводители, пристроившемуся со своими бумагами в углу кабинета. – Распорядись-ка насчет чаю, Мослогрызов!

Глава шестая.
Сингапурские сомнения

Через два дня после захода в Сингапур «Клеопатры», доставившей сюда жандармского агента Войду, на здешнем рейде бросил якорь русский пароход «Нижний Новгород». С него была спущена шлюпка, на которой трое дюжих матросов-гребцов сноровисто доставили к берегу старшего помощника капитана Стронского с бумагами и рундучком, в котором хранилась корабельная касса. Встретивший русского моряка портовый чиновник любезно пояснил, что начальник порта уже отбыл из

конторы в свою резиденцию, и все вопросы, связанные со швартовкой судна и его бункеровкой углем и пресной водой, могут быть решены только завтра утром.

Детектив Лауден, давно уже топтавшийся на причале, с интересом наблюдал, как русский моряк, нимало не смущенный огорчительной новостью, ловко сунул чиновнику в жилетный кармашек блеснувшую в закатных лучах золотую монету. И на отличном английском языке заявил, что у него к начальнику порта есть неотложное дело. И что капитан русского парохода в его лице покорнейше просит начальника порта ненадолго прервать свой отдых. А также готов, разумеется, компенсировать хлопоты и беспокойство властей, связанные с оформлением всех надлежащих бумаг.

Портовый чиновник, вмиг ставший любезным и предупредительным, тут же развил бурную деятельность. Один из отиравшихся поблизости портовых оборванцев был отправлен с запиской к начальнику порта в его резиденцию, второй послан на поиски конной коляски – чтобы доставить русского моряка в контору порта. Не желает ли господин моряк в ожидании ответа поужинать? Или, по крайней мере, глотнуть холодного пива в таверне? В крайнем случае, за пивом можно послать, чтобы кувшин принесли прямо на причал…

Стронский еле заметно усмехнулся, и от пива отказался. Однако тут же заметил, что идея насчет ужина кажется ему заманчивой, и он от имени русского флота приглашает портового чиновника откушать на борту парохода – только попозже, после завершения всех необходимых формальностей. «Нижний Новгород» перевозит особый груз, заявил чиновнику русский моряк. Поэтому время стоянки парохода во всех портах предельно сокращено. А ему, старшему помощнику капитана, еще предстоит закупить здесь потребное количество угля и пресной воды и организоватьих бункеровку. Вот если бы господин чиновник был настолько любезен и подсказал честных торговцев, которые готовы были бы продать уголь и воду, ,а также организовать ночную бункеровку судна… При этих словах русский моряк несколько раз встряхнул своим рундучком, и в нем что-то звонко забрякало…

Нет проблем, горячо уверил моряка чиновник. И тут же написал еще пару записок, которые очередная пара оборванцев помчалась доставлять адресатам. К тому времени на причале появились и конные коляски. Один из матросов остался охранять шлюпку, двое других уселись в одну коляску, Стронский с чиновником в другую, и процессия укатила в портовую контору.

Проводив коляски глазами, Лауден в задумчивости почесал в затылке: если русские решили потратиться на ночную бункеровку судна углем и водой, то и судно, пожалуй, может сняться с якоря рано утром. Значит, времени для приватного разговора с капитаном у него может и не оказаться. Поразмыслив, Лауден решил попросить русского капитана о встрече через его старшего помощника, когда тот вернется на причал. Оглянувшись, он кивком головы подозвал к себе ближайшего портового оборванца:

- Эй, ты! Да-да, ты!

Оборванец приблизился к полицейскому, мгновенно опознанному всеми портовыми аборигенами – несмотря на отсутствие форменного мундира. Приблизился с опаской: он справедливо не ожидал от полицейского ничего для себя хорошего.

- Отправляйся к конторе порта, и как только русские моряки выйдут от начальника, бегом ко мне. Найдешь меня здесь, в таверне, понял? И не дай тебе твой китайский бог опоздать или промедлить! – сурово предупредил посыльного Лауден. – Если моряки уплывут на шлюпке до моего разговора с ними, ты до конца своих дней будешь дробить камни вместе с каторжниками! Я запомнил твою рожу, так и знай! Отправляйся!

Оборванец уныло кивнул и мелкой рысью побежал прочь. На заработок у полицейского можно было и не рассчитывать – хорошо еще, если тот расплатится пинком или подзатыльником и не поволочет в участок на работы.

В таверне Лауден спросил пинту темного пива и расположился в ожидании своего гонца на открытой террасе. Здесь он окончательно продумал предстоящий непростой разговор с русскими моряками.

Он отдаст им под расписку багаж Власова-Мюллера – не весь, разумеется. Документы, одежда, личные вещи, целый чемодан каких-то древних кувшинов, амфор и черепков. Без взрывчатки и

оружия – про это русским будет только сообщено. Заодно любопытно будет поглядеть и на реакцию русских моряков – и на столь странную экипировку своего соотечественника, и на сообщение Лаудена о том, что Власов намеревался убить кого-то с «Нижнего Новгорода».

Дождавшись своего гонца-оборванца, Лауден мигом покончил с пивом, бросил на стол монету и отправился на причал. Там он легко перехватил русского моряка, и против своего ожидания, легко договорился с ним о рандеву с капитаном судна. Если русский и удивился неофициальной просьбе о встрече полицейских властей Сингапура с капитаном, то виду не подал. И от себя радушно пообещал угостить Лаудена на борту «Нижнего Новгорода» настоящей русской водкой.

Оставалось только ждать. И Лауден в сгущающихся сумерках, в числе прочих праздных зевак, долго наблюдал за шлюпкой, удаляющейся от берега, а потом за маневрами русского корабля, вскоре поднявшего якорь и осторожно пробирающегося с рейда к самому дальнему и глухому углу причала.

К этому времени уже совсем стемнело, и по всему причалу уже горели огни, железных бочках, поставленных шеренгой.

Отказавшись от услуг лоцмана, капитан Кази подводил судно к причалу Сингапура своим ходом. К тому моменту, когда правый борт «Нижнего Новгорода» мягко, без толчков прижался к бревенчатому краю причала, и на берег с носа и кормы полетели концы причальных канатов, поблизости в ожидании начала погрузки уже топтались десятка три китайских грузчиков-кули. Допустили на судно не сразу. Сначала с «Нижнего Новгорода» спустились по трапу четверо вооруженных карабинами караульных, потом с левого борта были спущены две шлюпки с матросами – они заняли свои посты с другой стороны судна.

Лауден вздохнул, поправил лихо сдвинутый котелок и решительно зашагал к трапу «Нижнего Новгорода». Давнишний офицер уже поджидал его у поручней и махнул рукой караульным и вахтенному матросу: пропустить!

- Об этом нее может быть и речи, господин полицейский! – решительно заявил капитан Кази, щедро наполняя рюмку гостя в четвертый раз. – О том, чтобы взять на борт тело нашего погибшего

соотечественника с тем, чтобы доставить его в Россию, не может быть и речи! «Нижний Новгород», к вашему сведению, не имеет лишнего ледника, а тот, что имеется, загружен скоропортящейся провизией до предела. Вы же понимаете – не считая экипажа, у меня шесть с половиной сотен душ арестантов, которые, между прочим, едят как все прочие люди, три раза в день! Я уже не говорю о санитарных нормах, не позволяющих перевозить в одном леднике продовольствие и тела усопших. К тому же, насколько я понимаю, это неофициальная просьба британских колониальных властей, не так ли? Пейте, господин Лауден! Это настоящая русская водка! Ваше здоровье! Рекомендую также вашему вниманию традиционную русскую закуску – вот тут, рядом с вашим прибором!

Лауден с удовольствием опрокинул в рот обжигающую жидкость, невольно крякнул и с жадностью набросился на маринованные огурчики.

Капитан, помедлив, пригубил свой коньяк и покосился на хронометр. Чертовы англичане! Втридорога дерут за уголь, пресную воду продают чуть ли не цене «Мозельского», а теперь еще и развели какие-то малопонятные интриги с телом невесть откуда взявшегося в Сингапуре русского чиновника. Причем переговоры с ним, капитаном русского флота, ведет даже не начальник здешней полиции, а рядовой полицейский!

Между тем детектив Лауден отдышался после крепкой водки, вытер платком вспотевший лоб и покивал головой:

- Вы правы, господин капитан! Наше предложение забрать тело – это только неофициальная просьба. Вариант, так сказать. Не имеете такой возможности – ради бога! Разумеется, тело предадут земле здесь же: при господине Власове, как выяснилось, была с собой весьма значительная сумма и в фунтах, и в валюте других стран. Эти деньги по завершении следствия будут переданы в канцелярию господина губернатора, и если родственники усопшего в дальнейшем заявят на них свои права, то их претензии будут удовлетворены – за вычетом расходов на похороны, разумеется. Вот это я и прошу довести до сведения соответствующих русских властей. И присовокупляю к этому личные вещи покойного.

- Так в чем же тогда проблемы, милейший? – капитан Кази

начал терять терпение. – Бумаги и личные вещи покойного надворного советника Власова будут мной переданы русским властям по прибытию судна во Владивосток. Расписку в их получении я напишу тотчас по их получению… Что же касается сообщенной вами конфиденциальной информации о том, что господин Власов ожидал здесь, в Сингапуре именно мой пароход и якобы намеревался убить кого-то с «Нижнего Новгорода», то увы! Ничем не могу быть полезен! Более того: как мне кажется, это чисто полицейское дело! Дело властей Сингапура, а никак не моё-с! Да, голубчик! С минуты на минуту мой помощник господин Стронский закончит проверку статейных списков перевозимых на «Нижнем Новгороде» арестантов. И если среди них окажется человек с такой же фамилией, либо господин Власов окажется упомянутым в этих списках в качестве родственника, то вам об этом скажут. Более ничем полезным быть вам, господин полицейский детектив, увы, не могу-с! Всякого рода дознания не являются ни моими обязанностями, ни любимым родом занятий. Извольте – могу довести результаты вашего следствия до русских властей во Владивостоке – но не более того!

Почувствовав раздражение русского капитана, Лауден пошел на попятную.

- Боже упаси, господин капитан! –Лауден молитвенно прижал руки к груди. – Боже упаси, я вовсе и не имел в виду перекладывать на вас, либо на экипаж парохода свои полицейские обязанности! Просто я думал, что моя информация заинтересует вас…

- Ни в малейшей степени, любезный! – Кази, отбросив всяческую дипломатию, решительно убрал графинчик с водкой в шкаф и демонстративно щелкнул крышкой дорогого брегета. – Ни в малейшей степени! В настоящий момент, господин детектив, меня больше интересуют вопрос бункеровки трюмов моего парохода углем и пополнение судовых запасов пресной воды. А вместо того, чтобы лично проследить за этим, я, извините, выслушиваю в кают-компании какие-то полицейские истории. А мой первый помощник – которому, кстати говоря, тоже надо бы быть на палубе! – роется для вас в статейных списках арестантов. А-а, вот, кстати, и он! Заходите, голубчик! Ну-с, Роман Александрович, что у вас? Нашли что-нибудь?

Стронский протянул капитану бумагу, отчеркнув ногтем нужное место. Кази, нахмурившись, быстро пробежал глазами документ, потом принялся читать второй раз, уже внимательнее. Прочитав, он вопросительно посмотрел на старшего помощника, понял, что у того есть что сказать дополнительно и решительно повернулся к Лаудену:

- Господин полицейский, соблаговолите немного подождать. Я должен отдать необходимые распоряжения. Выйдем, Роман Александрович!

- О-о, разумеется, господин капитан! Сколько вам будет угодно!

Выйдя вслед за Стронским из кают-компании, капитан Кази плотно прикрыл дверь и вернул старшему помощнику бумаги.

- Расскажите своими словами, голубчик! – попросил он. - Тем паче, я вижу, у вас есть сообщить нечто такое, чего нет в документах…

- Ландсберг, господин капитан!- негромко доложил Стронский. – Снова Ландсберг! Человек, из-за убийства которого Ландсберг попал под суд и получил каторгу на Сахалине, был Власов. Надворный советник Власов.

Капитан в растерянности уставился на старшего помощника, помолчал, потом ухватил Стронского за пуговицу кителя.

- Голубчик, у меня голова идет кругом. Так он что – не убил этого самого Власова? Тогда почему…

- Речь, полагаю, идет о брате убитого Лансбергом чиновника в отставке, Сергей Ильич, - Стронский улыбнулся углами рта. – Дело Лансберга, ежели помните, прогремело после этого убийства на всю Россию. О нем писали все газеты – а я, грешник, собираю подобные публикации. Делаю вырезки – начал для младшего брата, гимназиста: он у меня юриспруденцией бредит, в университет собирается. А потом, знаете ли, и сам вырезками увлекся. Очень поучительный матерьялец порой подбирается… Так вот, чтобы не отвлекаться! Фамилия Власова, как только этот полицейский упомянул ее, мне почему-то показалась знакомой. Но вспомнил я не сразу – времени-то сколько прошло, господин капитан! А нынче, когда я начал просматривать статейные списки, вдруг вспомнил. Нашел сопроводительные бумаги Ландсберга – точно!

Капитан Кази помолчал, осмысливая услышанное.

-Выходит, брат убиенного Лансбергом чиновника решил отомстить и подкарауливал здесь, в Сингапуре, наш пароход? Святые угодники, ушам своим не верю, Роман Александрович! Чтобы человек, влекомый жаждой мести, предпринял этакую одиссею через пол-мира! Опера прямо! Шекспировские страсти, ей-богу!

- Да не шекспировские тут страсти, Сергей Ильич! – вздохнул Стронский. – Сюжетец здесь покруче рисуется! Я про вырезки свои вам не зря толковал – часть из них у меня с собой, здесь. Поглядевши статейный список нашего героя, взялся я за эти самые вырезки – так и есть! Газетные репортеры-то, когда судебный процесс над Ландсбергом уже завершался, наперебой землю носом рыли, искали, чем еще интерес читающей публики к своим изданиям сохранить. И вспомнили-таки про брата убитого Власова, стали им интересоваться – а чего это ростовщик ближайшего родственника в духовной обошел? И все ценные бумаги в завещании своем Ландсбергу отписал.

- И что же там с братом, голубчик? Может, потом все это расскажете, на досуге? Неудобно все-таки, человек ждет…

- Сей момент, Сергей Ильич! Рассказ мой близится к завершению и имеет прямое отношение к нынешнему полицейскому визиту. Так вот: сей братец Власова, как раскопали газетчики, оказался провинциальным гимназическим учителем из уездного городишки где-то в Саратовской губернии. К тому же, как следует из газетных отчетов, он инвалид: правая рука у него высохла: с десяток лет назад, после падения из коляски. А полицейский наш про сухорукость здешнего Власова и не поминал. Наоборот, помните? – рассказывал, что этот сингапурский Власов, обнаружив в своем гостиничном номере налетчиков, боролся с двумя дюжими малайцами. Это раз, Сергей Ильич! Второе. Братья Власовы, по утверждению газетчиков, насмерть рассорились еще в молодые годы, и отношений почти не поддерживали, так что роль мстителя младшему совсем не подходит. Скорее уж наоборот: завещание убитого в Петербурге Власова, по которому состояние было отписано им Ландсбергу, по решению суда было аннулировано. И деньги достались именно брату покойного! Так что, получается, не было у него никакого резона мстить убийце своего брата, Ландсбергу-то! И

третье: газеты по завершению процесса потом писали, что, получив наследство, Власов-младший немедленно пустился во все тяжкие, завел содержанку-хористку и укатил с ней в Европу. Там он быстро все спустил, наделал долгов, попал в долговую тюрьму и благополучно, как пишут, чисто в российских традициях, спился. Так что не наш это братец, Сергей Ильич! Путают что-то здешние англичашки, ей-богу! А вернее всего – темнят просто!

- Эк вас, голубчик, понесло куда – «темнят»! – недоверчиво покрутил головой Кази. – Я, признаться, англичан тоже не люблю, но это же не означает, голубчик, что на них всех собак вешать должно! Откуда бы они тут наши-то газеты читали, где все подробности и перипетии про братьев Власовых расписаны? Ну, нашли при убиенном иностранце документы российского подданного – к кому же им еще обращаться-то? Не к туркам, чай, не к индусам же! Тем более, что иностранец этот явный интерес именно к «Нижнему Новгороду» имел.

- Не скажите, Сергей Ильич! – упрямился Стронский. – Чего же это он в разговоре Власова несколько раз Мюллером назвал? И физиономия у него все время была этакая… хитрющая! Словно, знаете ли, проверял нас, за реакцией наблюдал. И потом – помните, он интересовался своим же, местным соотечественником, Бергом? Коего они тут Сумасшедшим Гансом окрестили? Не опасаются ли, мол, господа русские моряки допускать общение с арестантами хотя бы и безобидного, но все ж сумасшедшего немца? А, Сергей Ильич? Здесь какой-то немец – и наш Ландсберг. Да еще и некий Мюллер, отчего-то полицейским приплетенный…

- Не морочьте хоть вы мне голову, Роман Александрович! – взмолился Кази. – Нам-то что за дело до всех этих немцев? Своего бы до Сахалина довести и сдать, так сказать, с рук на руки тюремному начальству, со всеми прочими арестантами! Вы мне лучше, батенька, посоветуйте – полисмен-то ждет нас! – говорить ли ему про выявленные вами сведениями о Ландсберге и Власове? Он ведь понял, что мы что-то обнаружили, ждет-с!

- Полагаю, что не стоит! – покачал головой Стронский. – Мы с вами уже выяснили, что убитый здесь субъект никакого отношения к нам и перевозимым арестантам иметь не может. А полиция здешняя

может за подобное совпадение зацепиться – мы же не знаем, что у них на уме! Задержат выход парохода, чего доброго… Я вот что подумал, Сергей Ильич: а не попытаться ли нам англичашку этого подпоить, да у него побольше выведать? На русскую водочку он явно запал. Может статься, что-то интересное да полезное и узнаем, а?

- Не лишено резона, голубчик. Не лишено-с… Только меня, Роман Александрович, от этого дела увольте, за-ради господа-бога! Вы за арестантов на пароходе ответственность несете. И, коли полагаете, что небесполезным сие неформальное, так сказать, общение с англичанином будет - вам и карты в руки, батенька! А за бункеровкой угля и воды я уж сам с боцманом и вторым помощником пригляжу. Заодно уж и за этим, как его? Да-да, Гансом этим местным, будь он неладен… А вы уж расстарайтесь, батенька! Вот вам ключи от нашего водочного погребка – действуйте!

- Слушаюсь, господин капитан! – хмыкнул Стронский и лихо повернулся на каблуках.

Хмыкнул, в свою очередь, и капитан Кази, направляясь на верхнюю палубу, глухо гудевшую под босыми пятками двух десятков местных грузчиков, бегом носящихся с рогожными кулями ньюкаслского угля.

Бункеровка судна шла под бдительным присмотром боцмана и двух старших матросов: они и считали кули с углем, и заодно присматривали за грузчиками-китайцами – чтобы те не шлялись без дела по палубе.

Подходить к боцману капитан Кази не стал, чтобы не сбить того со счета. Понаблюдав за деловой суетой несколько минут, он направился на бак судна, где другая команда грузчиков с участием матросов закатывала по сходням огромные бочки с пресной водой. Здесь же капитан нашел и своего второго помощника, делившего внимание между погрузкой и присмотром за причалом. Заметив капитана, второй помощник оправил китель и бодро отрапортовал о ходе работ.

- Молодцом, батенька! - похвалил помощника Кази и кивнул на причал. –А там как?

- Как обычно, господин капитан. Местная полиция допустила на причал, с нашего ведома и согласия, нескольких торговцев с

фруктами. Наши караульные матросики их держат на расстоянии, дозволяют приближаться к иллюминаторам арестантского трюма по одному, и только по просьбе тех арестантов, которые изъявляют желание купить что-нибудь.

- Покупают?

- Мало, господин капитан. Видно, денег у них негусто, да и берегут последние медяки до Сахалина: здесь побалуешься ананасом, а там-то о брюхе голодном думать надо будет. Так что больше спрашивают, ценам здешним дивятся.

- А что немец здешний знаменитый? Который каждый пароход с каторжными встречает? Тут он?

- Был туточки, господин капитан. Как обычно, с двумя корзинами гостинцев.

- Как обычно? – удивился Кази.

- Так ведь я ж не впервой его тут, в Сингапуре, вижу, господин капитан. Четвертый год на «Нижнем» служу, насмотрелся тут всего, осмелюсь доложить… Так вот, про Ганса этого. Он явился, разрешения спросил у начальника караула, все чин-чином…По-немецки поговорил с кем-то из арестантов, гостинцы роздал – разумеется, после того, как начальник караула корзины проверил и осмотрел. Как обычно, ничего недозволенного, господин капитан - табак, фрукты, хлеб, ерунда всякая – вроде носовых платков и каких-то книжек. Да вы не извольте беспокоиться, господин капитан, я не первый сплав каторжный на Сахалин везу, немчика этого, Ганса, хорошо знаю. Он чудак, но безобидный. Как не пустить его? И арестантам все вспомоществование…

- Вспомоществование, говорите, голубчик? Действительно, радости-то у наших субчиков маловато, прямо можно сказать. А впереди, в каторге, и того меньше… Вы вот что, голубчик: распорядитесь, чтобы караульные торговцам передали – я закуплю шесть с половиною сотен ананасов, по числу арестантов. За их примерное, скажете, поведение во время продолжительного плавания. Чтобы каждый, черт возьми, мог попробовать сей фрукт. Ежели не хватит у торговцев потребного числа – пусть подвезут, но не позднее семи часов утра местного времени.

- Не дороговато ли казне обойдутся ананасы для каторжан,

господин капитан? Я к тому, что в упрек вам не поставит начальство сие гуманничание?

- А хоть бы и поставили, батенька! Шесть копеек, кажется, за штуку тут спрашивают? Невелики деньги. Да на круг и дешевле наверняка выйдет. Ничего, выдержим, батенька! Вы уж распорядитесь, не забудьте!

- Слушаюсь, господин капитан! Сей момент!

- Ну, сей момент не обязательно – погрузку сперва закончить надо, - Кази вздохнул, повернулся и пошел на мостик.

В дверь капитанской каюты постучали.

-Разрешите, Сергей Ильич?

Кази, обернувшись, увидел в дверях своего первого помощника Стронского.

- А-а-а, заходите, заходите, батенька! О-о, да и вид у вас совсем свежий, Роман Александрович! Никак ваша водочная «миссия» с англичанином не вышла?

- Как это она могла не выйти? – усмехнулся Стронский, закрывая за собой дверь. – Против русской водки, как известно, никакой англичанин не устоит! А что до моего бравого вида – так меня на юте полчаса, не меньше, холодной водой в порядок и соответствие приводили. Да и пропускал я, конечно, рюмочки, когда англичанин отвлекался. Так что миссия моя выполнена, господин капитан!

- Ну, тогда докладывайте. Да вы садитесь, садитесь!

- Благодарю, - Стронский присел на краешек стула, вынул из кармана несколько листов бумаги, аккуратно разложил перед собой. – Собственно, докладец мой небольшим будет. Суть в том, что англичане уверены, что убитый в местном отеле накануне прихода «Нижнего Новгорода» иностранец имеет самое прямое касательство к русскому Жандармскому корпусу. Какое именно – они и сами доподлинно не знают. Но в том, что это тайный правительственный агент - сомнений у них нет!

- Час от часу не легче! – простонал капитан, берясь за голову. – Что за фантазии этим британцам в их бедовые головы взбрели? С чего они взяли про Жандармский корпус? Только потому, что у убитого оказались русские документы на имя Власова?

- Ну, документы у него, положим, не только русские при себе были, Сергей Ильич. Как выяснили в здешней полиции, бумаги у подозрительного иностранца оказались на все случаи жизни – и русские, и немецкие, и британские. И все – на разные имена. Но самое главное – багаж! В багаже у нашего соотечественника оказалось и оружие, и яды, и даже взрывчатка.

- Да почему же они думают, что это наш, русский? Если у него и немецкие, и английские бумаги были при себе?

- Я, кстати, тоже на это внимание обратил, и в беседе с полисменом попытался откреститься от такого соотечественника. Но британцы не лыком шиты, Сергей Ильич! Во-первых, они дотошно и неоднократно допросили греческого капитана торговой шхуны, на которой наш Власов прибыл в Сингапур из Константинополя. Грек оказался человеком наблюдательным, и кое-что про своего пассажира узнал. Тот прибыл в Турцию из России, в Константинополе, замечено, побывал с визитом в Русской миссии. А, оступившись где-то, невольно выругался по-польски. Во-вторых, здесь, умирая, он попросил призвать к себе католического священника. А британцы прекрасно знают, что Польша входит в состав Российской империи – вот и сложили два и два. В-третьих – эта клятая взрывчатка. Англичашка-детектив клялся, что здешний офицер-артиллерист, коему показали образцы найденного в багаже Власова бомбистского снаряжения, категорически уверен: такого типа взрыватели используют только русские нигилисты-революционеры.

- Так, может…

- Извините, не может, Сергей Ильич! – твердо заверил капитана Стронский. - Таковое предположение у здешней полиции тоже появилось, однако имеется нестыковочка! Если бы сей субъект был русским бомбистом-террористом, то качество его документов было бы гораздо ниже, чем те, что обнаружены у Власова – или как его там по-настоящему. Это – подделки высочайшего уровня, за которыми угадываются не недоучившиеся гимназисты и студенты-вольнодумцы, а мощная государственная система-с. Коей у нас в России, как вы и сами наверняка понимаете, может быть только Корпус!

- Стало быть, жандармский агент намеревался убить кого-то из наших арестантов, - протянул вслух Кази. –Из арестантов! А иначе – зачем ему сводить знакомство с местным немцем, известным в Сингапуре тем, что он встречает все пароходы с каторжанами и общается с ними, гостинцами одаривает? И при этом, заметьте, батенька, не вызывает ни малейшего подозрения у экипажей и караульных команд! Ведь если бы сей агент намеревался расправиться с кем-то из экипажа, либо из пассажиров «Нижнего Новгорода» - немец этот был бы ему совершенно не нужен! Нам ведь в портах визиты делают и чиновники разные по своим должностным обязательствам, и просто любопытствующая публика. Пассажирами вот просятся к нам – и все попадают на «Нижний» без препятствий…Я верно рассуждаю, батенька?

- Так точно, господин капитан! –кивнул Стронский. – И я пришел к тем же выводам. Но еще одна нестыковочка имеется, Сергей Ильич! Жандармский корпус, как известно, является полицией политического направления. Уголовными преступниками они не занимаются, и никогда не занимались – а из политических у нас, согласно статейных списков и сопроводительных бумаг, всякая мелочь, извините, перевозится этим сплавом. Можно, конечно, еще раз их бумаги поглядеть… Но я совершенно убежден, Сергей Ильич, что среди наших политических арестантов фигурантов, достойных столь дерзкой, опасной, далекой от России и весьма затратной, смею предположить, карательной акции всесильного Жандармского корпуса, просто нет! Хотя…

- Что же вы замолчали, батенька? –подался вперед капитан.

- Разве что арестант Жиляков представлял для Корпуса определенный интерес, - протянул Стронский. – Если изволите помнить, господин капитан, это один из тех арестантов, которых мы схоронили в Красном море – ну, после аварии в машинном отделении, помните? Из благородных, бывший офицер, полковник в отставке. Так вот, он, строго говоря, был из политических, однако еще в пересыльной тюрьме, добровольно попросил перевести его к уголовникам. А осужден он был, я прекрасно помню, за убийство какого-то жандармского чина. Хотя убийство то политическим было определено, по моему разумению, по формальным признакам. А на

самом деле – из мести за случайную гибель сына Жилякова.

- Но ведь он же умер в море, не выдержав тягот пути!

- Да, но жандармы-то не могли этого знать, Сергей Ильич!

- Хм, - задумался Кази. – Мистика и казуистика! Сомневаюсь я, батенька, в ваших умопостроениях. Не шефа ведь жандармов ваш Жиляков убил, я полагаю! И не члена царствующего - Боже нас от этого упаси! – дома. Я бы знал, коли так было. Чтобы из мести за гибель какого-то рядового чина Жандармский корпус этакую карательную экспедицию через полсвета снарядил? Увольте, батенька, не поверю никогда!

- Воля ваша! – вздохнул Стронский. - Я и сам эту свою версию, признаться, всерьез не принимаю – так ведь больше просто не на кого и подумать!

- Ну, а раз не на кого думать, то и думать нечего!- Кази решительно прихлопнул ладонью по столу, словно ставя в разговоре точку. – Наплюйте, батенька, и выбросите эти глупые загадки из головы. У нас, слава богу, и своих задачек хватает. С британцем-полицейским, я полагаю, вы по-доброму расстались? Надеюсь, вы вместе с багажом нашего убиенного соотечественника не приняли от него для передачи властям во Владивосток взрывчатку и прочие эти мерзости из арсенала нигилистов?

Стронский криво усмехнулся:

- Да он, Сергей Ильич, и не предлагал. Бумаги, личные вещи, одежда, черепки какие-то доисторические. Ах, да – еще письменный настольный прибор. Тяжеленный! И для чего этот Власов-Мюллер его с собой через десять морей волок – непонятно! Забавная, конечно, вещица – из бронзы, между прочим.

- Может, антиквариат?

- Вряд ли, Сергей Ильич! Вряд ли – бронза совсем не потемнела от времени, а следов чистки на чернильницах и ручках нет. Да и сама отливка какая-то небрежная, заусенцы кое-где попадаются – вряд ли это работа настоящего мастера. Те марку берегут, такую небрежность не допускают… Не хотите ли взглянуть?

- Нет уж, батенька, увольте-с! – капитан встал, показывая, что разговор окончен. – Увольте! Вы приняли все по описи – вы и храните у себя, до передачи русским властям во Владивостоке. И хватит об

этом! Что у нас с бункеровкой? С пресной водой?

- К семи утра никак не поспеваем, Сергей Ильич! – развел руками Стронский. – Вода в потребных количествах уже на борту, а вот уголька маловато на складах у них оказалось, ждем-с еще одного торговца. Так что, имея в виду прилив, не раньше полудня выйдем.

- Ну, сие беда невеликая, - махнул рукой Кази. – Нагоним, путь не близкий. А вы, Роман Александрович, все же подите, отдохните после ваших застольных стараний.

- С этим всегда успеется, Сергей Ильич! – бодро встряхнул головой Стронский. – Сами изволите говорить – путь неблизкий! А у меня тут, кстати, и мыслишка появилась: не навестить ли здешнего немчика, Ганса этого?

- Помилуйте – это еще зачем? Как я понял из объяснений полисмена, наш убитый соотечественник добраться до него не успел…

- Это полисмен утверждает, что не успел! – многозначительно пошевелил бровями Строннский. – А как на самом деле было – бог знает! Дозвольте провести небольшую разведку, господин капитан! Любопытство, знаете ли, разбирает. Да и все одно до полудня стоять будем тут.

- Идите, коли любопытно! – пожал плечами Кази. – Только, прошу, поосторожнее, Роман Александрович!

Найти Сумасшедшего Ганса в Сингапуре Стронскому труда не составило. Первый же извозчик, которому моряк изложил свое пожелание, кивнул головой: да, он знает дом господина Берга. А знает ли господин моряк, что местные китайцы почему-то называют Берга иначе, Ляном? О-о, этот господин вовсе не сумасшедший. Это англичане так называют господина Берга. Англичане, да будет известно господину моряку, считают сумасшедшими вообще всех, кто не ест по утрам их отвратительную овсянку и думает иначе, чем британцы. А господин Берг – очень порядочный человек, добрый и рассудительный. Особо почитает его местное китайское население – между прочим, в жилах господина Берга есть, по-видимому, и китайская кровь. Но точно никто не знает, а сам он ничего об этом не говорит. А вот и дом господина Берга – самый красивый на этой улице, как может убедиться господин моряк!

Свой монолог возница-индиец произносил на бегу, держась рядом с одноместной коляской, нанятой Стронским – чем немало того позабавил. Расплатившись с возницей, Стронский несколько мгновений рассматривал большой дом, видневшийся в саду за решетчатой калиткой, и, наконец, решительно дернул за витой шнур с кистями, свисавший из пасти каменного дракона, чья голова украшала вход.

- Неужели вы из самой России? – хозяин встретил гостя приветливо, но не подобострастно. – Стакан холодной воды? Лимонад? Или предпочитаете пиво?

По-английски господин Берг говорил совершенно свободно. Отдав распоряжение о напитках слуге, он провел моряка в дом, усадил на низкий диван и уселся напротив.

- Должен признаться, я впервые принимаю гостя из далекой России. Это большая честь для меня, господин Стронский! Хотя я подозреваю, что ваш интерес к моей персоне может быть вызван одной из моих безобидных причуд. Не так ли?

-И этим тоже! – улыбнулся в ответ Стронский. – Согласитесь, господин Берг, что сие достаточно необычно и даже загадочно: все русские пароходы с каторжниками на борту в далеком от России Сингапуре встречает некий немец…

- Ну-у-у, положим, я не оставляю вниманием и английские корабли, которые также заходят в Сингапур по пути в свою австралийскую колонию, превращенную ими в каторгу, - возразил Берг. - Но вы правы, первоначальный мой интерес вызвала именно Россия. Хотите знать – почему?

- Если это не ваша тайна…

- Это не тайна, господин Стронский. Но двумя словами тут не обойтись. Скажите, вы располагаете временем, чтобы я распорядился насчет обеда?

- Только если вы рано обедаете, господин Берг. К полудню я должен вернуться на свой пароход.

Хозяин кивнул, звякнул колокольчиком и по-китайски отдал распоряжение появившемуся слуге. Тот что-то переспросил, Берг терпеливо произнес на том же языке несколько фраз.

- А вы прекрасно говорите и по-китайски! – заметил Стронский,

провожая взглядом пятившегося с поклонами слугу.

- Что ж тут удивительного? – серьезно пожал плечами Берг. – Я всю жизнь прожил здесь – как мой отец, дед и прадед. Кстати, мой прадед и женат был на китаянке – правда, потомкам своим он завещал искать невест только в Германии. Или в России…

- Опять Россия! – рассмеялся гость. – Право, господин Берг, вы меня нешуточно заинтриговали!

- Я тоскую по вашей стране, - признался Берг. – Тоскую и ненавижу ее одновременно. Можете ли вы, русский, понять мои чувства?

- Ну, пока не очень…

- Тогда слушайте. Мои предки жили в Германии и считали свой род от крестоносцев. Потом там что-то случилось – кажется, бунт черни. Поместье пришло в упадок, и двое братьев подались на восток, в русские земли. Один уехал раньше, другой позже – но на Руси они встретились. Оба предложили свои мечи царю Василию, и стали наемными гвардейцами –как это по-русски? -Иностранного полка, что ли…. Я потомок младшего брата, который прогневал царя Василия и был сослан из Московии куда-то за Уральские горы, в страну Сьибыр… Я правильно назвал ее, господин Стронский?

- Сибирь – это, собственно, не страна, а далекая окраина Российской империи. Да-да, правильно!

-Так вот, младший брат был отправлен в распоряжение наместника царя Василия и служил при нем. Вскоре этот наместник, по повелению своего московского сюзерена, отправил в Китай посольство, а наемник-немец из далекой Московии получил приказ охранять посольство в пути. Мои предки, знаете ли, виртуозно владели мечами, тем и были славны! Не желаете ли взглянуть, господин Стронский?

Не дожидаясь ответа, Берг снова брякнул колокольчиком, и вскоре слуги почтительно принесли откуда-то видавший виды древний меч и небольшую шкатулку.

- Это меч моего прадеда. С его помощью в долгом пути он отражал нападения диких орд кочевников. По дороге в Китай Берг был тяжело ранен, посольская дружина довезла его до Пекина и вынуждена была оставить в тамошнем монастыре. Он не перенес бы

тяготы обратного пути. А в этой шкатулке, господин Стронский, памятные записи, которые мой прадед продиктовал своим детям, в том числе и моему деду.

Берг бережно достал из шкатулки несколько свитков желтоватой толстой бумаги, скрепленных по одному краю шнуровой прошивкой, приложил письмена ко лбу, немного подержал и столь же бережно положил обратно в шкатулку.

- Китайские лекари спасли умирающего – думаю, что это было заражение крови – иностранца. Правда, одну руку Бергу пришлось отсечь. Поправившись, он намеревался вернуться либо на Русь, либо в Германию, однако не смог этого сделать. Он добрался до моря - этого самого, но так и не дождался нужного ему корабля. И остался здесь, в рыбацкой деревушке. Тут его стали называть Ляном, или Ланом. Так теперь называют и меня – кто Берг, кто Лан. Хотите узнать мое настоящее имя, господин Стронский? Настоящее имя моих предков – Ландсберг. По-видимому, оно было трудным для произношения и на Руси, и здесь, в Китае – и его сократили. Но что с вами, господин Стронский? Вы услышали от меня нечто неприятное?

- Н-нет, ничего неприятного, - Стронский постарался побыстрее придти в себя от изумления. – Ваша история, господин Берг, удивительна и похожа на красивую древнюю легенду… Или мне следует называть вас Ландсбергом?

- Не надо, я привык к своим двум коротким именам. И слишком стар для того, чтобы начать привыкать к новому-старому имени своих предков… Еще холодной воды?

- Да, благодарю вас…

Воспользовавшись возникшей паузой, Стронский лихорадочно думал над услышанным. Невероятное совпадение! Может ли такое быть, чтобы судьба свела в далеком от центров цивилизации просвещенного XIX века Сингапуре двух потомков древнего рода Ландсбергов? И как свела – один отправлялся в каторгу, второй всю жизнь прожил здесь… Этот Ганс Ландсберг вчера приходил на причал, к «Нижнему Новгороду». Не исключено, что и говорил со своим родственником – интересно, назвал ли наш молодой Ландсберг свое имя? Вряд ли… Иначе этот Берг-Ландсберг просто так не ушел бы… Да и сегодня он не задает никаких вопросов…

Отпивая маленькими глотками ледяную воду, Стронский пытался решить для себя главный, как ему казалось, вопрос: сказать ли сейчас этому Ляну-Бергу про его дальнего родственника, сидящего в тюремном трюме? Сказать очень хотелось, но Стронский колебался. Не сделает ли он тем самым ошибки? Кто его знает, этогоместного Ландсберга! А ну как схватит свой меч и помчится освобождать от оков родню? Называют же его здесь Сумасшедшим Гансом, в конце концов! А тут еще местная полиция и непонятная, мутная какая-то история с Власовым-Мюллером, намеревавшимся расправиться с каторжником Ландсбергом. Черт возьми, да ведь он, по словам детектива Лаудена, пытался собрать здесь информацию про Сумасшедшего Ганса! Неужели тайная полиция Российской империи знала или догадывалась о том, что в Сингапуре живет родственник человека, на которого шла охота?

Это казалось и вовсе уже невероятным.

Более всего Стронскому хотелось сейчас посоветоваться с капитаном Кази. Но он, увы, на корабле. И вряд ли удастся уговорить его придти сюда, чтобы Кази мог своими ушами услыхать эту совершенно невероятную историю. Скорее всего капитан, и без того измученный тяжким бременем ответственности за шесть с лишним сотен душ своих невольных пассажиров, болезненно сморщится от услышанной новости, замашет на помощника обеими руками и поскорее убежит в свою каюту. Убежит, чтобы попытаться найти забвение в разрешенной супругой порции рома. Вот интересно – а сколько стопок капитан посчитает достаточным для «переваривания» подобных новостей.

Стронский весело хмыкнул про себя, поставил запотевший стакан на столик. Нет, он ничего не скажет хозяину про его родственника на борту «Нижнего Новгорода». Во всяком случае, сегодня не скажет. А вот другую авантюрку провернуть можно-с! Задать этому Ляну-Бергу ребус для решения, и заодно поглядеть на его реакцию…

- Знаете, господин Берг, я ведь пришел к вам не только из банальнейшего любопытства, - начал он. – Вчера к нам на борт поднялись представители местной полиции, которые сообщили нам не столь любопытную, сколь вызывающею тревогу информацию.

Поскольку она в какой-то степени касается и вас, то капитан уполномочил меня связаться с вами.

- Слушаю вас внимательно, господин Стронский, - Берг наклонил тяжелую лобастую голову.

- Несколько дней назад тут в какой-то местной гостинице – полиция не сказала, в какой именно – произошло убийство. При попытке ограбления был убит наш соотечественник. Русский. Этот человек прибыл в Сингапур за несколько дней до трагедии, пассажиром на греческой торговой шхуне «Клеопатра». Она, кажется, и сейчас стоит у причала. Полиция сообщила нам, что пассажир с «Клеопатры» якобы намеревался убить кого-то с парохода «Нижний Новгород». То есть он знал о нашем скором приходе в Сингапур, и искал лишь возможность беспрепятственно попасть на пароход. С этой целью он собирал сведения о вас, господин Берг!

Против ожидания Стронского, его собеседник не удивился, не возмутился и вообще не проявил сколько-нибудь явных эмоций. Выслушав Стронского, он лишь задумчиво кивнул головой:

- Это логично. Вероятно, он рассчитывал, что пойдет встречать «Нижний Новгород» со мной. Все знают, что я встречаю здесь все русские пароходы с каторжниками. Но уверяю вас, господин Стронский, что ко мне никто и никогда не обращался с подобными просьбами. А если бы и обратился – я не позволил бы никому в моем присутствии сотворить зло.

- Значит, до вас не доходили никакие слухи…

- Клянусь, нет! Однако, если позволите, я могу, в свою очередь, попытаться поузнавать – кто и зачем хотел меня использовать в своих интересах.

- Я не возражаю, господин Берг. Однако, боюсь, что уже поздно. Человек, который искал контактов с вами, мертв. С кем он встречался или намеревался встретиться – тоже неизвестно.

- Вы недооцениваете мои возможности, - улыбнулся уголками рта хозяин. – Вы назвали мне корабль, на котором прибыл сюда ваш предполагаемый убийца. Отелей в Сингапуре не так уж и много – я без труда отыщу тот, где он останавливался. Знаете ли, господин Стронский, в Сингапуре великое множество китайцев –

незамечаемых важными господами посыльных, носильщиков, отельной прислуги, стирщиков белья… Они все видят, все замечают… И тут нет ни одного китайца, который посмеет отказать в ничтожной или серьезной просьбе мне, потомку первого Ляна, поселившегося на этой земле! А я не потерплю даже тени подозрения на свой счет!

- Боюсь, вы слишком близко приняли к сердцу то, что я сообщил вам, господин Берг, - пробормотал Стронский. – Стоит ли?..

- Стоит, стоит, господин Стронский! – протестующее поднял руку хозяин и снова достал из шкатулки свою реликвию. – Как я уже говорил вам, мой прадед незадолго до своей смерти продиктовал детям историю нашего года, а также свои наставления потомкам. Говоря современным языком, это мемуары и духовное завещание одновременно. Сожалею, что не имею права дать вам возможность прочесть это послание – предок оставил на сей счет совершенно недвусмысленное распоряжение, согласно которому всё написанное им адресовано только мужчинам из рода Ландсбергов. Так что вам придется поверить мне на слово…

- Да я и не претендую, господин Берг!

- Погодите! Несколько поколений моих предков в давние времена были, как я упоминал, крестоносцами. Их походы были кровавыми и весьма греховными, как считал Иоганн Ландсберг. Часть этих грехов по справедливости должна, пишет он, принять на себя Церковь, направлявшая крестоносцев и благословлявшая их мечи. Но много греха и на душах самих рыцарей Святого Креста. Они были простыми и грубыми людьми, господин Стронский! Они убивали в боевых походах, и, не задумываясь, убивали в мирной жизни.

- Это были жестокие времена, господин Берг. Я читал исторические хроники…

- Терпение, господин Стронский! В своих мемуарах мой предок, Гуго Ландсберг, первым из братьев приехавший на Русь, пишет о тяжком грехе своего старшего брата, Иоганна. О грехе, в котором тот раскаивался всю жизнь. Вернувшись из последнего похода, Иоганн узнал, что потерял за это время и всю семью, и все фамильное золото, оставленное им на хранение. Ослепленный горем и гневом, Каменный Иоганн велел пытать всю деревню. Он пытал и убил даже

прекрасную молодую женщину, давно его любившую и готовую раскрыть ему тайну фамильного золота. После жестоких пыток женщина умерла, а перед смертью прокляла род Ландсбергов до десятого колена. В мемуарах утверждается, что та женщина была колдуньей. А ее проклятье – это приступы необузданного гнева, которые заставляют потомков Ландсберга совершать страшные ошибки и нести за это наказание. В своем наставлении потомкам Гуго заклинает мужчин рода Ландсбергов неустанно творить добрые дела и по мере сил искупать грехи предков.

Жаль, подумал Стронский. Жаль, что Карл Ландсберг, сидящий нынче в тюремном трюме «Нижнего Новгорода», ничего не знает об этом завещании своих предков. Знай он – может, и не совершил бы того, за что и попал на каторгу…

В комнате вновь появился слуга-китаец. Обменявшись с ним несколькими фразами, хозяин поднялся:

- Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы трапезу нашу накрыли в саду. Прошу вас, господин Стронский! И последнее: я не говорю за столом о делах, поэтому давайте завершим наш разговор сейчас. Желаете ли вы, чтобы я информировал вас и капитана «Нижнего Новгорода» о расследовании, которое я тотчас велю предпринять? И если да, то как мне поставить вас в известность о результатах?

- Были бы вам премного обязаны, господин Берг. Знаете, примерно через месяц, на обратном пути в Россию, наш пароход непременно снова зайдет в Сингапур. И если к этому времени ваше расследование даст какие-то плоды, мы могли бы встретиться и все обсудить.

- Прекрасно, господин Стронский! Так мы и сделаем!

Ретроспектива-6
(Лауден)

Главный констебль Королевской полиции Сингапурской колонии Британской короны Эдуард Голдсмит в очередной раз провел по лбу обширным платком и, с отвращением поглядев на насквозь мокрую ткань, скомкал платок и засунул поглубже в ящик стола. Покосился на человека, навытяжку стоящего напротив, и с раздражением уставился на почти пустой графин. Подумать только, какой-то час назад этот графин был доверху наполнен холодной водой из глубокого колодца, и к тому же наполовину погружен в лохань с колотым льдом из аптеки, на котором в этакую дьявольскую жару глаза просто отдыхали! А сейчас? Констебль снова перевел взгляд на замершего перед ним младшего чина колониальной полиции Лаудена, и со злорадством отметил, что тому приходится еще хуже, чем страдающему от несусветной жары начальству. Не смея пошевелиться, Лауден только смаргивал заливающий глаза пот, и, вероятно, не чаял вырваться вон из душного кабинета. Постой-ка тут, постой, мстительно подумал Голдсмит и вдруг, решившись, рявкнул так, что Лауден вздрогнул от неожиданности:

- Смолл! Эй, Смолл!

Из приемной раздался громкий стук мебели, там затопали, и в кабинет главного констебля заглянул заспанный письмоводитель.

- Опять спали за рабочим столом, Смолл? - язвительно осведомился главный констебль. – Молчите, и не возражайте! Это видно по вашей вечно опухшей физиономии! Впрочем, вы способны спать и стоя, как старый мерин, забытый конюхами в конюшне. Возьмите графин вместе с лоханью, Смолл, и отправляйтесь в аптеку, к этому старому немецкому жулику Веберу. Скажете, что господин главный констебль кланяется и просит прислать еще воды на льду.

- Слушаюсь, господин главный констебль!

- Да двигайтесь поживее, Смолл! И постарайтесь при этом не уснуть на ходу! За последний месяц вы уже разбили два графина – боюсь, что Британской короне такие помощники, как вы, влетают в копеечку, - главный констебль перекатил глаза на стоящего столбом Лаудена. - Впрочем, ваша неспособность к элементарной дедукции, Лауден, обходится Британии еще дороже. Неспособность к дедукции

и элементарная безответственность, Лауден!

Нижний чин благоразумно хранил гробовое молчание, глядя на начальство по уставу – на несколько дюймов выше головы главного констебля.

Голдсмит немного помолчал, раздраженно переложил несколько бумаг на столе и снова впер пристальный взгляд в лицо стоящего перед ним человека.

- За все время моей службы Ее Величеству – а тому пошел двадцать второй год, Лауден! - мне довелось видеть на службе немало тупых ослов. Но такого, как вы, признаться, еще не попадалось. Напомните-ка мне, Лауден, сколько раз я просил вас найти законный повод и вышвырнуть из Сингапура этого грязного полукровка Вапсаранаи? Господи боже, да тут и повода искать не нужно – этот негодяй сам предоставляет их ежедневно! И более, чем достаточно – он целыми днями рыщет по Сингапуру в сопровождении своих слуг, по которым давно плачет тюрьма, обделывает свои темные делишки, облапошивает уважаемых и излишне наивных людей, водит дружбу с пиратами и шпионит для них… Лауден, любого из перечисленных мной поводов с избытком хватило бы для того, чтобы посадить Вапсаранаи на первый попавшийся корабль и выслать его за пределы нашей колонии! Дайте мне только грамотно составленный рапорт, включающий показания свидетелей или жертв этого проходимца – и он вылетит отсюда быстрее, чем забредшая в синагогу бродячая свинья! Но ведь вы, Лауден, неспособны даже на это!

Главный констебль с отвращением глотнул теплой воды, с досадой отодвинул стакан на край стола.

- И вот теперь извольте видеть: этот проходимец Вапсаранаи снова втянул нас в неприятности! –продолжал Голдсмит. – Явился в китайскую гостиницу со своими наемными убийцами, которые тут же зарезали постояльца! И не замедлил, пряча концы в воду, тут же пристрелить их как собак. Впрочем, туда этим малайцам и дорога – он только избавил британскую казну от расходов по их содержанию в тюрьме! Черт с ними, повторяю! Но теперь выясняется, что этот постоялец и сам является весьма темной и подозрительной личностью. Не успел он испустить дух, как ко мне с жалобой на него

явился греческий проходимец-шкипер, на шхуне которого случился взрыв и пожар. И грек – как его, Лауден? – утверждает, что сошедший с его шхуны пассажир, которого зарезали слуги Вапсаранаи, не более и не менее, как тайный агент русской политической полиции!

Истекающий потом Лауден подавил в себе горячее желание опрокинуть на сварливого начальника его же письменный стол. Или, по крайней мере, почтительнейше попросить его указать – чем он, Лауден, виноват, что пришлый чужестранец оказался чьим-то там тайным агентом? Очень хотелось и напомнить главному констеблю, что за последний год только он, детектив Лауден, четырежды подавал мотивированные рапорты о темных делишках Вапсаранаи. Однако рапортам не был дан законный ход – уж не потому ли, что злые языки в Сингапуре правы, и главный констебль использует подаваемые ему рапорты лишь для того, чтобы содрать с Вапсаранаи и подобных ему негодяев дополнительную мзду?

Однако Лауден и сам достаточно давно служил в королевской полиции Британии, чтобы с полной отчетливостью уяснить: спорить с начальством не только бесполезно, но и чревато неприятными последствиями. Одно такое возражение в свое время и явилось причиной того, что его вышвырнули – сначала из Лондона, а потом и вовсе из метрополии - и послали служить в этот богом забытый Сингапур, где-то на краю света. Уж лучше промолчать и не отрицать надуманной начальством собственной вины. Однако от одного замечания Лауден все же не удержался:

- Осмелюсь заметить, господин главный констебль, что ныне покойный иностранец, по показаниям хозяина гостиницы, сам пригласил к себе этого Вапсаранаи, и, таким образ, накликал беду на свою голову…

- Вы – осел, Лауден! – торжественно объявил Голдсмит. – Были, есть, и, подозреваю, останетесь им! Неужели вы не понимаете, что если бы вы выполнили бы в свое время указание начальства и потрудились принять меры к изгнанию отсюда негодяя Вапсаранаи, то и убийства в гостинице вообще не произошло бы?

- А взрыв на греческой шхуне? К нему-то Вапсаранаи вовсе не имеет никакого отношения, - робко возразил Лауден. – Шкипер

утверждает, что взрыв – дело рук русского тайного агента. И что в багаже этого русского, якобы уже после пожара, он обнаружил неиспользованные компоненты взрывчатки

- После пожара? А вот я в этом вовсе не уверен, Лауден! Не удивлюсь, если он полез в багаж своего пассажира, едва тот успел сойти на берег! Полез туда, вытащил какую-то дрянь, которая и взорвалась от неосторожного обращения. Этот грек - тот еще фрукт! Я сразу понял, едва взглянул на его рожу. Нужно быть ослом, чтобы не заметить такого. Вы взяли, кстати, у него официальные показания относительно взрыва и пожара на этой старой посудине? Не исключено, что взрыв и пожар устроил сам шкипер – чтобы скрыть следы каких-то своих грязных плутней.

- Так точно, взял, господин главный констебль! Мой рапорт по этому случаю, показания хозяина гостиницы, доктора Брэда, производившего исследование трупа иностранца, допрос шкипера «Клеопатры», а также перечень вещей и предметов из багажа подозрительного пассажира шхуны - во-он в той папке, - Лауден, не смея пошевелиться, указал на папку глазами. – К бумагам я осмелился приложить и документы иностранца – как из его багажа, оставшегося на шхуне, так и из гостиницы. Весьма любопытный набор, осмелюсь доложить, господин главный констебль!

- Вот как? – презрительно осведомился главный констебль, брезгливо берясь за папку. – Вы что-то там предполагаете, что-то думаете – или полагаете, что действительно способны думать? Делать какие-то, даже элементарные выводы вам просто не свойственно, Лауден! Что ж, поглядим…

Голдсмит раскрыл папку и мельком проглядел бумаги, скептически фыркая над каждым листом и багровея от злости все больше и больше. Накал страстей вовремя снизило появление в кабинете письмоводителя Смола с графином свежей холодной воды. Главный констебль с жадностью выпил сразу два полных стакана, перевел дыхание и явно несколько остыл. Осушив лицо с помощью нового платка, он слабым жестом услал топтавшегося в ожидании дальнейших указаний письмоводителя и милостиво кивнул Лаудену:

- Можете сесть и не маячить у меня перед глазами, Лауден. Кстати, какой у вас все же отвратительный почерк, господин

детектив! Я и половины не смог разобрать – ну-ка, Лауден, изложите-ка события своими словами!

- Слушаюсь! Итак, господин главный констебль, третьего дня, как вам известно, хозяин китайской гостиницы Ван Ши Де сообщил в полицию о прискорбном происшествии – убийстве поселившегося у него в тот день некоего иностранца, записавшегося в книгу под именем Мюллер. Позднее я отобрал у китайца официальные показания. Ван Ши Де утверждает, что этот Мюллер, поселившись в гостинице, заказал обед и заодно попросил поскорее свести его с каким-нибудь местным ловким человеком, хорошо знающим обитателей Сингапура. Он хотел навести справки о человеке, известном у нас по прозвищу Сумасшедший Ганс. Ван Ши Де послал за Вапсаранаи, предупредив все же гостя о скандальной репутации этого субъекта. Однако приезжего это не остановило, и он через хозяина пригласил Вапсаранаи к обеду. Последний явился, как вам уже известно, господин главный констебль, в сопровождении двух слуг-малайцев. Пока Мюллер и Вапсаранаи о чем-то договаривались в ресторане при гостинице, эти малайцы потихоньку проникли в комнату постояльца и начали рыться в его багаже. Между нами говоря, господин старший констебль, я уверен, что это сам Вапсаранаи послал своих слуг пошарить у Мюллера в багаже!

- «Между нами»? – презрительно фыркнул главный констебль. – «Между нами», Лауден? Это вполне очевидный вывод, и не сделать его мог только конченный идиот. Разумеется, малайцы и шагу без приказа Вапсаранаи не сделали бы!

Лауден хрипло откашлялся и с надеждой поглядел на запотевший в лохани со льдом графин. Ему так хотелось пить, что он готов был придушить своего начальника, которому мучения детектива доставляли явное удовольствие. Предлагать подчиненному утолить жажду этот старый негодяй явно и в мыслях не держал… Подавив раздражение, Лауден продолжил:

- Виноват, господин главный констебль! Итак, Мюллер, что-то заподозрив, решил вернуться в свой номер, и застал там прихвостней индийского полукровки. Итогом стычкистал малайский нож, который кто-то воткнул ему в бок. К этому времени в номер подоспели Ван Ши Де с гостиничной обслугой и Вапсаранаи, который тут же, якобы в

порыве гнева, застрелил своих слуг…

- И таким образом, спрятал концы в воду! – понимающе скривил губы Голдсмит. – Продолжайте, Лауден!

- Хозяин гостиницы вызвал доктора Брэда и послал за полицией, предложив Вапсаранаи до нашего появления не уходить. Что тот с величайшей неохотой и исполнил – понимая, что его уход может быть расценен полицией как весьма подозрительное обстоятельство. Между прочим, Ван Ши Де уверяет, что Вапсаранаи хотел было самолично до прихода доктора вынуть из раны Мюллера тот злополучный нож, и только настойчивость китайца не дала ему это сделать. Китаец, понимающий в этом деле, уверяет, что Мюллер в этом случае умер бы сразу. И не сказал бы даже той малости, которую успел сообщить доктору и полиции.

- И что же рассказал о Мюллере сам этот полукровка? О поручении, который тот хотел ему дать?

- Он утверждает, что почти ничего. Что Мюллера он ранее не знал, а тот, пригласив его в гостиницу, представился поверенным по какому-то делу о наследстве и говорил, в основном, намеками. И что успел назвать Вапсаранаи только имя этого Сумасшедшего Ганса, о котором ему, якобы, и поручено было навести справки. А, между тем, сам Мюллер…

- Погодите, Лауден! – поморщился главный констебль и залпом выпил третий стакан воды.- Погодите, что вы скачете, словно заяц! Излагайте последовательно. Итак, Сумасшедший Ганс. Вам удалось выяснить об этом субъекте что-нибудь новенькое?

- Ничего криминального, господин главный констебль! Ганс Берг является едва ли не самым старым обитателем нашей колонии. Говорят, что здесь жили и его предки по мужской линии. Он немец, хотя присутствие в его жилах китайской крови видно и невооруженным взглядом. Много лет назад этот Берг уехал было отсюда на родину, в Германию. Но, судя по всему, сумел добраться только до Индии. Прожил там несколько лет, завел свое мануфактурное дело в Бомбее, но потом вернулся сюда, в Сингапур. Господин со странностями: нелюдим, со своими соотечественниками почти не общается – как, впрочем, и с другими европейцами нашей колонии. В совершенстве знает несколько китайских наречий,

однако, вознамерившись в свое время жениться, невесту, как говорят, искал только немецких кровей. Прозвище Сумасшедшего закрепилось за ним после того, как он взял в привычку встречать заходящие в нашу гавань корабли с каторжниками и одаривать мелкими гостинцами арестантов. Сначала это были только британские корабли, возящие каторжников в нашу австралийскую колонию. А когда Россия последовала британскому примеру и стала заселять восточную оконечность своей империи, то Сумасшедший Ганс принялся встречать и русские корабли с осужденными преступниками.

- Я слышал, что этот Берг составил значительное состояние на жемчуге, - задумчиво молвил Голдсмит, проявив тем самым некоторое знакомство с предметом разговора. – И что у него хранится одна из самых замечательных и дорогих коллекций жемчуга в южных морях.

- Мне тоже доводилось слышать подобные разговоры, господин главный констебль. Однако коллекцию, о которой много говорят, почти никто не видел. Никто – из европейцев, я имею в виду. К Сумасшедшему Гансу часто приезжают китайцы из прибрежных поселений, известных добычей жемчуга - и это все, что известно наверняка. Ходят слухи, что внебрачный сын Берга и служанки-китаянки, долгое время жившей в его доме, некий Ли, расплатился за купленную им рыбацкую шхуну целой кучей жемчуга. Но так ли это, и где Ли на самом деле взял жемчуг – доподлинно неизвестно. Гм-м… Господин главный констебль, не сочтите за дерзость…

- Что такое, Лауден?

- У меня от этой дьявольской жары, господин главный констебль, просто кружится голова и язык во рту – словно рашпиль. Позвольте стакан воды, господин главный констебль!

- Вот как? – притворно удивился Голдсмит. – Ну, раз вам невмоготу, то выпейте, конечно. И заканчивайте, ради бога, свой рассказ!

- Благодарю, господин главный констебль! – Лауден с наслаждением проглотил полстакана залпом, а оставшуюся воду решил смаковать медленно. – Итак, теперь об этом иностранце с немецкими бумагами на имя Мюллера. В саквояже иностранца после

его смерти были обнаружены еще несколько комплектов документов на разные имена, в том числе и на имя русского подданного Власова, что в какой-то степени подтверждает показания греческого шкипера. Еще несколько комплектов бумаг – весьма интересных, господин главный констебль! - нами было обнаружено в чемодане таинственного иностранца. Да и сам багаж его – чрезвычайно подозрительный! Различные документы и экипировка могли в считанные минуты превратить немца Мюллера в английского офицера, русского дворянина или коммерсанта из Северо-Американских Соединенных Штатов. Причем качество этих документов – я взял на себя смелость кое-что показать двум-трем консулам, аккредитованным в Сингапуре – превосходное. Превосходное, отнюдь не кустарное, не вызывающее ни малейших сомнений в подлинности. Разоблачить самозванца с подобными документами могла только глубокая и тщательнейшая проверка, чего в обычной практике обычно не происходит.

- И каков же ваш вывод, Лауден?

- Самый очевидный, господин главный констебль! С учетом того, что в багаже лже-Мюллера нами были обнаружен динамит, различные химикаты и компоненты, явно предназначенные для изготовления мощной взрывчатки, а также взрывателей, я вынужден разделить подозрения греческого шкипера. Майор Пристли из экспедиционного корпуса, расквартированного у нас, утверждает, что самодельная взрывчатка из багажа лже-Мюллера и сами взрыватели широко используются подрывными элементами-бунтовщиками в России. Найденная в саквояже склянка содержит, как уверяет наш аптекарь Вебер, сильный яд. Плюс небольшой оружейный арсенал – все это подтверждает утверждение греческого шкипера о том, что его пассажир – тайный агент из России.

- А самого этого… как его, Лауден? – Мюллера допросить не удалось?

- Его рана была слишком серьезна, господин главный констебль! Доктор Брэд, вызванный в гостиницу сразу после инцидента, согласился с мнением хозяина, что попытка вынуть нож из раны лишь ускорит смерть пациента. Его переложили на кровать и попытались, как смогли, облегчить страдания. Лже-Мюллер

несколько раз ненадолго приходил в себя, но болтал что-то несвязное. И попросил, кстати говоря, позвать к нему для причастия и исповеди католического священника, буде таковой здесь есть. Воля умирающего была выполнена, и Ван Ши Де послал слугу за священником. Но когда тот явился, раненый уже едва мог говорить. Исповедаться он не успел. Единственное, что сумел выяснить падре, было то, что умирающий – поляк, считающий себя большим грешником. И прибыл, по собственному своему признанию, сюда для того, чтобы кого-то убить. Потом у него начались конвульсии, и доктор Брэд из милосердия вынул нож из раны, после чего лже-Мюллер испустил дух.

- М-да… Немного же вы выяснили, Лауден. Ситуация только запуталась – если исключить совершенно очевидное признание этого самозванца в том, что он прибыл в Сингапур для какого-то убийства. Вот этому, Лауден, я совершенно не удивлен. Трудно было бы поверить в то, что субъект с подобным арсеналом прибыл сюда для ловли бабочек!

- С вашего позволения, господин главный констебль, теперь я выскажу свое мнение по этому поводу…

- Давно пора, Лауден! – главный констебль, кряхтя, вытащил из жилетного кармашка часы, щелкнул крышкой и с насмешкой воззрился на подчиненного. – Давно пора! Итак?..

- Я подробнейшим образом несколько раз допросил греческого шкипера о его странном пассажире, обстоятельствах его появления на борту шхуны, беседах шкипера с лже-Мюллером. И выяснил, что тот искал в Константинополе любое судно, направляющееся в Сингапур с минимумом заходов в попутные порты. Найдя греческую шхуну, не торговался и согласился на высокую, прямо-таки грабительскую оплату, назначенную шкипером. Кроме того, меня, в частности, насторожил интерес, высказанным лже-Мюллером к русскому пароходу с партией каторжников, направляющемуся морским путем из европейского центра России на ее восточную окраину. Интерес этот пассажир старался не афишировать. Однако грек заметил, что по пути из Константинополя в Порт-Саид лже-Мюллер явно нервничал, и успокоился только после того, как увидел этот пароход на тамошнем рейде, ожидающим очереди на проход

каналом. Пассажир без торга согласился заплатить лоцманской службе Порт-Саида бакшиш за внеочередной проход шхуны, и поинтересовался у грека ходовыми качествами русского судна. А также тем, не знает ли он – долго ли это судно стоит в попутных портах.

- Вот это уже интересно, Лауден! Как же этот грек определил, что тот пароход перевозит русских каторжников?

- Дело в том, что в Адене, где шхуна делала кратковременную стоянку, лже-Мюллер тоже занервничал. Его интересовало, долго ли грек будет стоять тут. Думаю, он опасался – не обгонит ли русский пароход его шхуну. И еще он бегал в телеграфную контору – отправлял депешу и потом посылал за ответом корабельного юнгу. Пройдоха-грек, разумеется, заглянул в этот ответ. Депеша была из Порт-Саида, и касалась именно этого русского парохода. Тогда шкипер не поленился самолично навести справки о русском пароходе у портовых властей Адена – и вот узнал… Отправлял лже-Мюллер депеши и из Коломбо – и тоже, как можно догадаться, интересовался русским пароходом.

- А здесь?

- А здесь, господин главный констебль, иностранец интересовался человеком, который встречает все пароходы с каторжниками, заходящими в наш порт! – с торжествующим видом закончил Лауден.

- Надеюсь, Лауден, вы навели справки в порту относительно ближайшего захода в Сингапур русских кораблей с каторжниками?

- Непременно, господин главный констебль! Более того – я отправил депеши с запросами в Порт-Саид, Аден и Коломбо – и уже получил ответы. Со дня на день в наш порт должен зайти русский пароход «Нижний Новгород», направляющийся из Одессы во Владивосток и далее на небольшой остров-каторгу у восточного побережья России.

- Неплохая, совсем даже неплохая работа, Лауден! Признаться, вы меня приятно удивили. Не ожидал от вас, право… Итак, ваши выводы, Лауден?

- Наш иностранец явно выполнял тайную миссию, связанную с пароходом «Нижний Новгород». И намеревался убить кого-то, кто

плывет на этом пароходе. Именно для этого ему и понадобился местный человек. Этого самого Сумасшедшего Ганса хорошо знают – и здесь, и, очевидно, на пароходах, перевозящих каторжников. Знают, и, несмотря на строгие меры безопасности и ограничение контактов каторжников с публикой в портах, допускают к ним. Совершенно ясно, господин главный констебль, что этот лже-Мюллер намеревался вступить в сговор с Сумасшедшим Гансом – или же втереться к нему в доверие – и подобраться вместе с ним к русскому пароходу, когда тот бросит якорь в Сингапуре! А теперь…

- Что – «теперь», Лауден?

- А теперь, когда лже-Мюллер убит, нам остается только хорошенько допросить Сумасшедшего Ганса и попытаться выяснить – не знает ли он чего-нибудь? А когда русский пароход зайдет в порт, вызвать сюда капитана, рассказать ему все, что нам известно, и попытаться установить объект интереса убийцы…

- Фи, Лауден! А я-то только что похвалил вас! – презрительно фыркнул главный констебль. – Чего это ради, Лауден, мы будем таскать за русских каштаны из огня и ломать себе головы над грязными происками их тайных правительственных агентов? У Британии и ее подданных есть дела и поважнее, Лауден, нежели помогать хоть в малости России. Или вы никогда не слыхали, что между нашими державами нынче весьма натянутые отношения?

- Осмелюсь заметить, господин главный констебль, что упомянутый русский агент намеревался совершить тяжкое преступление на территории британской колонии. И только волею судьбы это преступление не совершилось.

- И слава Богу, что не совершилось. Теперь мы можем забыть все это, и предоставить русским обделывать свои делишки в другое время и в других местах, Лауден!

- И все же… Хотел бы обратить ваше внимание, господин главный констебль, что в багаже лже-Мюллера, помимо всего прочего, были обнаружены документы на имя русского подданного, некоего Власова. И греческий шкипер на допросе показал, что его пассажир, уличенный им в плохом знании немецкого языка, признался в том, что на самом деле является подданным Российской Империи Власовым. Под этим предлогом мы могли бы обратиться за

разъяснениями к капитану русского парохода. Передать ему как представителю русских властей личные вещи убитого – разумеется, за исключением взрывчатки, оружия и прочих атрибутов рыцарей плаща и кинжала, так сказать. И понаблюдать за реакцией капитана…А вдруг что-нибудь да всплывет, господин главный констебль!

- Делайте что хотите, Лауден! – раздраженно отмахнулся от подчиненного Голдсмит. – Играйте сами в рыцарей плаща и кинжала, если вам угодно… И если, конечно, если у вас есть избыток времени, свободного от выполнения непосредственных служебных обязанностей. А когда наиграетесь досыта, Лауден, не сочтите за труд, - в голосе главного констебля зазвучала откровенная насмешка. - Когда наиграетесь, Лауден, примите меры к тому, чтобы ни Сумасшедший Ганс, ни прочие бесноватые обитатели нашей благословенной колонии не шлялись по причалу во время стоянки здесь русских пароходов с каторжниками! Нам только и не хватало здесь неприятных инцидентов с русскими!

- Но… Но на каком основании, господин главный констебль, я могу запретить господину Бергу появляться на причале? - тяжко вздохнул детектив. - Он же совершенно безобиден! И сами русские позволяют ему общаться со своими невольными пассажирами во время заходов в Сингапур вот уже много лет. К тому же, господин главный констебль, наблюдение за порядком на причале не входит в мои обязанности, это дело портовой стражи…

- Входит или не входит - разбирайтесь со своими коллегами-бездельниками из портовой стражи сами, Лауден! – бесцеремонно оборвал подчиненного Голдсмит. – Но запомните: если после моего предупреждения вы прошляпите еще одно убийство или международный инцидент с русскими, то дослуживать до пенсии будете на дальних островах, в качестве сборщика податей с туземцев! Ступайте!

* * *

Выйдя из Сингапура, «Нижний Новгород» вскоре взял курс на север и, сделав два коротких захода в Гонконг и Нагасаки, через две недели благополучно прибыл во Владивосток.

Бухта Золотой Рог встретила российских моряков

традиционным туманом. Его клочья лениво плыли над серыми волнами, между тем как высокий берег был и вовсе скрыт за мутно-белой стеной. Перед тем, как распорядиться бросить якорь на рейде в ожидании лоцмана, капитан вызвал на мостик старшего механика Головню.

- Господин старший механик, вы помните мое распоряжение относительно сирены «Нижнего Новгорода»?

- Так точно, господин капитан! Сделано все возможное, и форсунка также заменена. Голос у нашего «Нижнего» не узнаете, зычным стал, басовитым, - довольно осклабился стармех. – Паровой вентиль на полную открыт… Изволите сами проверить?

- Да, Головня, уж позвольте это сделать своему капитану! Все-таки к русским берегам прибыли-с!

Капитан Кази скомандовал:

- Отдать левый якорь! – и взялся за тросик, ведущий к клапану пароходной сирены.

От громоподобного рева «Нижнего Новгорода», извещающего Владивосток о своем прибытии, вздрогнуло, казалось, само небо.

- Уважил, уважил, Головня! – пробормотал Кази. – По-адмиральски гудим прямо, солидно! Всех лоцманов в округе перебудили, это точно!

- Рад стараться, ваше высокоблагородие! – вытянулся старший механик, четко бросив ладонь под козырек.

Зычный голос «Нижнего Новгорода» был услышан не только лоцманом. Едва лоцманский буксир шаркнул кранцем по борту парохода, как матрос-сигнальщик доложил:

- Слева по борту подходит катер под вымпелом господина губернатора! С катера семафорят: сам на борту!

- Приготовить правый парадный трап! – приказал капитан.

Тем временем все свободные от вахты матросы и даже офицеры «Нижнего Новгорода» собрались у левого трапа, по которому уже ловко поднимался седоусый лоцман. Мальчишка-юнга волок за лоцманом объемистый полотняный мешок.

- Здорово, братцы-«добровольцы»! – гаркнул лоцман. – С прибытием, значить, вас! Поздравляем! Где боцман? А ну, принимай, старая акула, дальневосточные гостинцы!

По сложившейся традиции, пришедшие из дальнего плавания русские корабли во Владивостоке встречали свежеиспеченным ржаным хлебом. И хотя в корабельных закромах чаще всего тоже была ржаная мука, а коки регулярно выпекали для экипажа «черняшку», у моряков такой хлеб считался ненастоящим. А первых гонцов, приносивших на борт настоящую «ржануху», тоже традиционно одаривали бочонком рома.

Боцмана не надо было и звать, он стоял тут же, придерживая ногой ведерный бочонок ямайского рома. Благоговейно приняв из рук лоцмана мешок, боцман раскрыл его, полной грудью вдохнул теплый хлебный дух и восторженно покрутил головой:

- Настоящий ржаной хлебушко, братцы!

- Пятнадцать караваев! - гордо отрапортовал лоцман. – Мне как третьего дня сообщили, что «Нижний» из Нагасаки вышел и сюды дует, я сразу к куму, на пекарню. Говорю: кровь с носу, выметай свои сусеки подчистую, а для робят расстарайся! А сёдни слышу – ревун знатный, всех бакланов в бухте подняли – ну, думаю, они, «добровольцы», больше, вроде, и некому! С самой Одессы, поди, на ананасах кишки кисли, а?

- Спасибо, Афиногеныч, уважил! Но и ниженовгородцы с пустыми руками в гости не ходят – принимай рому бочонок! Мы хоть на Ямайку и не заходили нынче, а для тебя нарочно в Сингапуре расстарались!

- Слева по борту на подходе катер начальника порта! – снова доложил сигнальщик. – А за ним еще кто-то…

- Буфетчика к капитану! – помяв подбородок, приказал Кази и распорядился удвоить число приборов и бутылок с горячительными напитками в кают-компании.

Два предшествующих прибытию «Нижнего Новгорода» во Владивосток дня Сергей Ильич Кази трудился над подробным рапортом на имя начальника порта. Предстояли, конечно, неприятные объяснения по поводу сбежавшего перед самым прибытием к русским берегам матроса Терещенко, однако больших неприятностей для себя в этом капитан Кази не видел. Во-первых, сбежавший в японском порту матрос, строго говоря, был неэкипажным, из караульной команды. А, во-вторых, сами

обстоятельства и причины его побега были таковыми, что матрос наверняка попал бы под трибунал и в каторгу.

В третьем катере, вслед за губернаторским, на борт «Нижнего Новгорода» прибыл, как вскоре выяснилось, начальник местного жандармского отделения подполковник Михайловский.

- Этому-то в голубом мундире что от нас надобно? – успел шепотом спросить Кази у старшего помощника Стронского.

Тот пожал плечами: скорее всего, просто скучна служба государева здесь, на самом краешке материка. Теще клятой рад будешь, а тут первый за полгода корабль, из самой России!

Было доложено начальству, разумеется, и о полицейском визите на «Нижний Новгород» в Сингапуре. В своем рапорте Сергей Ильич Кази, потолковав со Стронским, посчитал излишним излагать предположения полицейского чина из Сингапура относительно того, что погибший там соотечественник дожидался именно парохода «Нижний Новгород» и имел при этом некие тайные и незаконные намерения. Доложил устно: так и так, накануне прихода «Нижнего Новгорода» в Сингапур там при невыясненных обстоятельствах трагически погиб некий русский путешественник по фамилии Власов. О чем власти британской колонии и поставили официально в известность капитана Кази, предложив ему доставить в Россию не только багаж соотечественника, но и его бренное тело. Бумаги и вещи покойного, таким образом, были капитаном приняты, от тела он отказался по причине отсутствия возможностей по его перевозке.

- Всё верно, всё правильно! –рассеянно одобрил решение капитана начальник Владивостокского порта Коршунов.

Жандармский агент Власов-Мюллер, таким образом, начал «тонуть» в бумажном море - под чужим именем.

Провалившаяся операция по устранению Войдой Ландсберга в Сингапуре не оставила следов в анналах тайной полиции. Расходы по этой миссии, как и гонорар за выполнение убийства, были, как мы уже знаем, частично оплачен лично бывшим шефом III Отделения Дрентельном, а в остальном надежно укрыты среди «прочих расходов» тайной полиции. Комплекты документов, которыми снабдили уже «несуществующего» Войду, тоже попали в список утраченных. Судейкин счел возможным предупредить о некоей

проводимой сверхсекретной операции лишь шефа жандармского отделения во Владивостоке, Георгия Александровича Михайловского – да и то весьма туманно. Шифрованной депешей тот был поставлен в известность о том, что к нему за содействием может обратиться некий агент Мюллер, которому и следовало всемерно помочь – после обмена обусловленными паролями. Кто такой Мюллер, откуда он и когда может появиться во Владивостоке – Михайловскому сообщено не было.

А через несколько дней, уже следующей шифровкой, Владивостокскому шефу жандармов было предложено отследить прибытие во Владивосток парохода Добровольного флота «Нижний Новгород», подробно расспросить капитана и офицерский состав экипажа о прохождении плавания и происшествиях во время оного, а также предоставить в Петербург полный список перевозимых на Сахалин ссыльнокаторжных. Мотиваций такого приказа в шифровке не содержалось, и никакой связи с предыдущей депешей Михайловский не усмотрел.

Когда «Нижний Новгород» бросил якорь на Владивостокском рейде, Михайловский самым педантичным образом выполнил приказ столичного начальства – побеседовал с капитаном, его старшим помощником и прочими офицерами экипажа. Итогом этой беседы стал подробный рапорт с приложенными к нему полным списком живых ссыльнокаторжных и коротким списком умерших во время длительного плавания. Имя Мюллера –Власова в жандармский рапорт не попало по той простой причине, что его убийство произошло не на борту «Нижнего Новгорода», и никакого отношения к его плаванию не имело. Прочим перевозимым грузом жандармский офицер не интересовался, поскольку не имел на этот счет никаких распоряжений.

Однако для полноты картины мы еще вернемся к событиям, предшествовавшим отчаянной попытке секретной полиции «достать» Ландсберга –чуть позже…

Ни капитан Кази, ни старший помощник капитана Стронский и не собирались делать из просьбы сингапурского полицейского о передаче бумаг и личных вещей погибшего там русского подданного русским властям тайны. И лишь упомянули о сем факте, как и о том,

что просьба выполнена, и бумаги покойного с его вещами переданы в канцелярию порта.

Любопытной и даже несколько мистичной оказалась дальнейшая судьба личных вещей покойного пана Войды. Чиновник портовой канцелярии, к которому попали бумаги на Мюллера и Власова, вообще решил, что речь идет о двух разных людях. И в соответствии с полученной резолюцией начальства он отправил бумаги по принадлежности – в полицейские ведомства Твери и Выборга. К бумагам были приложены короткие уведомления о гибели упомянутых людей в Сингапуре и о том, что прочие вещи покойных, равно как и значительная сумма в валюте разных стран, хранятся в канцелярии губернатора Сингапура и будут возвращены родственникам и наследникам покойных в случае их обращения по принадлежности.

Ленивые околоточные надзиратели в Твери и Выборге, получив каждый в свое время невнятные указания своего начальства о поиске родственников Власова и Мюллера, потащились по указанным в липовых бумагам адресам. Никого из родственников, разумеется, они не обнаружили, о чем и были составлены соответствующие донесения. На донесения вскоре легли начальственные резолюции: «По ненахождению адресатов сообщить об оном по месту требования». Таким образом, запросы канцелярии начальника порта Владивосток через много месяцев вернулись обратно и были списаны в архив.

Рапорт жандармского офицера Михайловского со списками ссыльнокаторжных на борту «Нижнего Новгорода» был полковником Судейкиным своевременно получен. Увидев в списке фамилию Ландсберга, тот понял: миссия Мюллера не выполнена. Сопоставив сей факт с тем, что Войда-Мюллер никак не дал о себе знать, жандарм крепко выругался и сделал единственно возможный вывод: сбежал, негодяй. Сбежал с тем, чтобы никто и никогда старого агента больше не нашел…

Впрочем, вопрос с Ландсбергом к тому времени уже потерял для гения русских провокаторов беспокоящую его остроту. Судейкину было просто недосуг. Он курировал одновременно множество операций с внедрением своих людей в грозную

«Народную волю», в самых важных принимал личное участие. «Сдохнет на каторге, - решил он судьбу Ландсберга. – Такие там долго не заживаются. Черт с ним!».

Однако судьба распорядилась иначе, и вскоре сам полковник Судейкин погиб страшной смертью в петербургской квартире завербованного им народовольца Дегаева. Тот вместе с единомышленниками Стародворским и Конашевичем забили гения русских провокатором… банальным железным ломом.

Генерал-губернатору Киева, Подольска и Волыни Александру Романовичу Дрентельну в те годы, как уже упоминалось, тоже было не до Ландсберга. Последний раз он мельком вспомнил о нем, когда узнал о смерти Судейкина, и с досадой подумав о том, что тот так и не удосужился сообщить ему о результатах операции по уничтожению Ландсберга. Впрочем, последнее Александр Романович отнес не к забывчивости, а к хитромудрости и предусмотрительности старого жандармского волка. «Не сообщил – потому как рассчитывает и далее держать меня на крючке!», - рассудил генерал-губернатор, генерал-адъютант и генерал от инфатерии Дрентельн. И решительно забыл о Ландсберге до самой своей скоропостижной смерти от апоплексического удара во время проводимого им смотра войск по случаю 900-летия крещения Руси в 1888 году…

Чемодан Мюллера-Власова с соответствующей биркой был отнесен в кладовую Владивостокского порта, где хранились старая переписка и сломанная мебель, и простоял в темном углу почти три года, никем, разумеется, не востребованный – кроме вездесущих спутников всякой канцелярии – мышей и тараканов. Чемодан был извлечен на свет божий во время ревизии, устроенной новым начальником канцелярии. Чиновник брезгливо осмотрел жалкие остатки бирки, попорченной грызунами и велел курьеру выбросить непрезентабельный чемодан вместе с прочим хламом и мебельной рухлядью.

Сторож, чистивший «авгиевы конюшни», разумеется, не преминул заглянуть в тот чемодан. И не обнаружил в нем ничего, кроме попорченных мышами предметов мужского гардероба и тяжелого настольного письменного прибора, который и утащил к себе

домой, отчистил до блеска и незадорого сдал в ближайший ломбард. Там прибор пылился еще несколько лет, после чего был приобретен владельцем лавки колониальных товаров. Этот владелец лавки и пал первой жертвой смертельного «послания в будущее» жандармского агента Войды.

Дело в том, что еще в Одессе, получив приказ об уничтожении Ландсберга, Войда-Мюллер перед переброской в Константинополь посетил святая святых тайных жандармских канцелярий. Это был своего рода склад аксессуаров «рыцарей плаща и кинжала», где и он получил оружие, реквизированную у революционеров взрывчатку и несколько видов сильнодействующих ядов. Пока мрачного вида каптенармус добросовестно заносил выдаваемые «специальные принадлежности» в некий журнал, Войда скучал и скуки ради разглядывал прочие «экспонаты» тайного склада. По рассеянности он потянулся к настольному письменному прибору, невесть как очутившемуся на пыльной полке среди прочих орудий смерти.

- Не рекомендую сие в руки брать, - просипел каптенармус, не отрываясь от своего журнала. – Может быть весьма опасно. С сюрпризцем приборчик-с!

-Вот как? А в чем сюрпризец? – поинтересовался Войда. – Может, и мне сгодится? Кто знает…

Каптенармус охотно показал «сюрпризец», которым были входящие в комплект письменного прибора ручки.

- Обе они, как изволите видеть, имеют некий дефект, внешне схожий с небрежностью изготовившего их мастера, -пояснил каптенармус. – Часть ручки, в кою вставляется стальное перо, не закреплена. При смене пера, а также при энергичном макании ручки в чернильницу через эти малюсенькие отверстия высовываются кончики игл, покрытые сильным ядом. И человек, взявший одну из этих ручек, при писании неизбежно укалывает палец.

- Понятно, -кивнул головой Войда.

-Вот именно, дальнейшее понятно! – хихикнул каптенармус. – А что, позволю себе спросить, делает человек, неожиданно уколовший палец? Он машинально берет уколотый пальчик-с в рот. Но даже и без этого яд попадает в кровь и начинает свое действие. А до поры до времени дырочки, из которых высовываются иглы, для

сбережения свойств яда предусмотрительно залиты желатином-с.

- Понятно, - повторил Войда. – Что ж, я, пожалуй, и приборчик этот любопытный запишите за мной. Не возражаете, любезный?

- Как можно! – каптенармус угодливо улыбнулся. – Получен приказ снабдить вашу милость необходимым по литере «А» - всем, что вы пожелаете! Прикажете упаковать?

О смертельных свойствах письменного прибора, разумеется, не знали и не догадались ни чины Сингапурской полиции, ни старший помощник капитана парохода «Нижний Новгород» Стронский. Чудом избежал смертельного укола, начищая потемневшие бронзовые части прибора, сторож из канцелярии капитана Владивостокского порта. Милостива оказалась судьба и к старьевщику из ломбарда, которому достался прибор. Не повезло лавочнику, прельстившемуся солидным бронзовым прибором и купившим его для своего письменного стола. Через короткое время он решил заменить брызгавшее перо и чем-то оцарапал указательный палец. Пососав ранку, лавочник рассеянно ругнул горе-мастеров: он и раньше, при чистке бронзы, несколько раз натыкался на острые заусенцы. Острия иглы он не увидел: после того, как перо встало на место, оно исчезло. А через два дня лавочник слег с сильнейшей температурой и головной болью, а к вечеру впал в забытье. Позже соседский врач, приглашенный к умирающему лавочнику, констатировал заражение столбняком и развел руками: поделать было ничего уже нельзя.

На письменный прибор подозрений никаких не пало…

Торговля в лавочке усопшего перешла к его вдове. Однако очень скоро лавочница узнала, что финансовые дела покойного мужа оказались, как это частенько бывает, запущенными. В дом зачастили кредиторы. Махнув на все рукой, вдова продала лавку и квартирку при ней, и дальнейшие следы ее потерялись. А письменный бронзовый прибор с таящейся в нем смертью снова занял место на полке и простоял там до конца века и восемь лет в новом, двадцатом. А потом этот прибор нашел свою новую жертву. Ею оказался некий крупный коммерсант, покидавший Дальний Восток России и в долгом железнодорожном путешествии до Санкт-Петербурга решивший не прерывать свои литературные заметки.

Впрочем, читатель и сам вскоре узнает об этом…

Глава седьмая
Корсаков

- Во-он ён, Сакалин энтот проклятый!

- Точно, приплыли, мать его так и этак…

Кричали от иллюминаторов так страшно, словно на пожаре голосили. Услыхав эти вопли, всполошились все каторжники в тюремных трюмах «Нижнего Новгорода». Иллюминаторы брали с боем, отчаянно ругаясь и отталкивая друг друга даже обитатели левого трюма, хотя с их борта каторжный остров разглядеть было невозможно.

Ничего не увидали поначалу и обитатели правого трюма – только низкие облака, словно сгустившиеся у горизонта. Посыпались недоуменные и скептические вопросы и снисходительно-насмешливые ответы – «разуть поширше» глаза, постучать по «котелку» и вообще проснуться. Постепенно крики смолкли: в грязно-серой мешанине облаков там, где они сливались с водой, завиднелись черные скалы, словно выросшие из моря.

Береговая линия приближалась, и скалистые очертания горизонта теряли густоту, размывались проступающей мутной зеленью растительности. Чем ближе подбирался к Сахалину пароход, тем ярче и зеленее в последних лучах заходящего солнца становились поросшие лесом отвесные склоны. Вот появилась и ярко-белая узкая полоса пенного прибоя, опоясывающего все побережье.

И никаких признаков людского присутствия… Это обстоятельство поразило невольных пассажиров «Нижнего Новгорода» едва ли не более всего, и многие, отхлынув от иллюминаторов, забросали вопросами караульного в проходе: кому, как не вольному матросу, знать все! Так и тут – нешто остров необитаем?!

- Ти-ха, братцы, - взмолился тот. - Галдите, словно бакланы… Сахалин этот только на карте невелик, а на самом деле сами

видите… Это, должно, самая южная оконечность острова, люди тут вовсе не живут. Линию прибоя видать там? Ага, вот это есть подводные скалы, торчащие из воды на мелком месте. Из-за этих камней не то что пароход – шлюпка к берегу не подойдет, разобьется в щепки! Дальше к северу берега пониже будут, там есть более удобные для высадки места. Но туды мы по темноте навряд ли поплывем.

- А пошто? Берег-то, эвон, далече…

- Это вам, братцы-мазурики, не открытое море-окиян, а Татарский пролив! – со знанием дела пояснил матрос. – И для большого корабля в этом проливе тесновато, а к северу и еще потеснее будет. А еще, братцы, в этом самом проливе бури налетают внезапно, да такие, что ни приведи Господь! Мелких островов, опять же, в здешних водах хватает, а вкруг каждого скалы с мелями. Понесет корабль ветром – и «Отче наш» прочесть не успеешь! Не-ет, братцы, наш капитан – дядька битый! Вот увидите, как стемнеет, мы якорь бросим и до утра ждать станем.

- Стало быть, в тутошних местах людёв и вовсе нету? – допытывались у матроса.

- Отчего ж… Ежели вот сейчас рулевой взял бы к осту… ну, к востоку, то мы попали бы в самый крайний на юге населенный людьми Сахалинский пост Корсаковский. Там берега песчаные, заливы обширные. И люди живут, конечно – как без людёв-то? И рыбалка морская знатная, знающие люди говорили. «Нижний» туда обязательно зайдет, кого-то из вашей братии там высадит.

- Нынче, что ли, зайдет?

Матрос и сам точно не знал, но высказал предположение:

- Нынче никак невозможно, потому как смеркается уже. У парохода нашего осадка глубокая, а близ берега мели кругом. Должно, чичас на якорь станем, а поутру ближе к берегу подойдем. С берега баржу спустят, а наш катер паровой ее зацепит и сюды приволочет. И часть вашего каторжного брата туточки высадится. Да ишшо груз – слышал, боцман говорил, 200 пудов. А как разгрузимся, так Татарским проливом дальше на север поплывем - потому что столица каторжанская на севере. Александровским постом зовется. Туда и генеральный груз назначен, и вы, братцы. И вообще – чего вы

всполошились-то? Успеете еще, наживетесь туточки, насмотритесь! Расходитесь, братцы, богом прошу! Скоро ужин вам доставят, поспите, а завтра к вечеру и на месте будете. Идите, господа арестанты, по местам! Неровен час, разводящий заглянет, и достанется мне на орехи тогда за болтовню с вами!

Удовлетворив первое любопытство, по местам арестанты расходиться, однако, вовсе не спешили. И снова тесно облепили, к лютой зависти своих товарищей из левого трюма, все иллюминаторы, показывая друг другу то на тучу птиц, кружащих над скалами, то еще на какую-то выдающуюся деталь пейзажа.

«Левобортникам» была видна, да и то смутно, лишь материковская береговая линия. И от досады они принялись дразнить своих товарищей по правому борту:

- Эй, вахлаки, не нагляделись ишшо на каторжанские берега? А от нас-то свободные места видать!

Точно! Оне, придурки, на тюрьму свою зенки пялят, а мы на бережок любуемся, куды свободными бродягами скоро подадимся…

Ландсберг одним из первых вернулся к своей шконке и вытянулся на отполированных досках, подложив под голову сжатые кулаки, закрыл глаза. Сколько ни плыли, а все ж приплыли, мелькнула в голове банальная мысль. Приплыли! Теперь не через месяц, не через неделю – завтра уже и каторга дни свои отсчитывать начнет. Долгие его пять тысяч сто одиннаднать дней - без учета високосных годов, разумеется. Сколько же ему из этих пяти тысяч прожить-то отмерено?

Он вздохнул равнодушно, перевалился на левый бок: особых иллюзий относительно будущего своего каторжного житья-бытья у Ландсберга не было. Иваны недаром осмелели в последнее время. На Барина поглядывали уже без прежнего почтения, дерзили, а то и откровенно провоцировали конфликты и стычки. И Михайла, и он сам не раз слышал за спиной злой шепоток:

- Погоди ужо, Барин! Поглядим, чего твой фарт да силища немеряная на Сахалине стоят! Нас-то ты гнешь тутока – попробуй головку каторжанскую на острове согнуть! Оне те согнут… Головка нашенская там тебя живо на «правёж» поставит… Жить тебе, Барин, тока до «кандальной»…

Шептали, конечно, не просто так.

За долгие недели плавания и вынужденного безделья невольные пассажиры «Нижнего Новогорода» боролись с одуряющей скукой кто как умел. На десятке-другом шконок по обе стороны трюмного коридора, как уже было сказано, шла почти непрерывная карточная игра. Те арестанты, у которых не было ни денег, ни одежки, годяейся на кон, много спали либо коротали время за досужими разговорами. Были и такие, кто, одурев от вынужденного безделья и не имея возможности играть, искали только повод для того, чтобы выместить на ком-то – разумеется, на том, кто послабее и безответнее – свою злость.

Игра же тут шла, в основном, на пайки и одежду: деньги у большинства арестантов отобрали еще во время обыска перед погрузкой в Одессе. Отобрали, разумеется, не всё и не у всех: многие сумели какими-то одним им ведомыми путями уберечь и сохранить от зорких глаз тюремщиков свои «нычки». Однако сберечь утаенные деньги от «глотов» на пароходе оказалось куда сложнее, и те уже первые недели плавания сумели разными хитростями либо силой выманить последнюю мелочь у арестантов-«первоходков», на воле деревенских мужиков либо мещан.

Впрочем, у большинства глотов выманенные гривенники и смятые рублевки долго не залежались, и, как правило, тут жешли на кон. Проигравшись в очередной раз до нитки, целыми днями рыскали между шконок тюремного трюма, прислушивались, выпытывали, клянчили последние медяки, выпрашивали или попросту воровали одёжку поприличнее. Одёжка, разумеется, тоже немедленно ставилась на кон.

Ландсберг еще в самом начале тюремной «одиссеи» заступился за «татар» - так здесь именовали всех подряд арестантов неславянского обличья и происхождения, в основном - выходцев с Кавказа.

Взятые под стражу во время войсковых и жандармских «чисток» после кавказских экспедиций русской армии, эти несчастные, почти поголовно не знающие русского языка, так до сих пор и не понимали –за что их арестовали, судили, куда и зачем везут. Большинство этих детей гор было арестовано и осуждено только за

то, что они самым естественным образом пытались защитить от голодных солдат или пьяных офицеров своих жен, дочерей, а то и вовсе последнюю курицу или барана с жалкого своего подворья. Попав в результате в тюрьму, а потом и на тюремный пароход, «татарва» держалась здесь тесной испуганной и озлобленной группой. И, разумеется, почти сразу же эти несчастные стали лакомым кусочком и для глотов, и для любителей «почесать кулаки».

Глоты бесцеремонно выхватывали у них миски с едой и куски хлеба, нахально рылись в тощих мешках с нехитрыми арестантскими пожитками, насмехались над безмолвными, ничего не понимающими людьми, задирали их. Ландсберг, поначалу решивший никоим образом не вмешиваться в тюремную жизнь на пароходе и не уподобляться «скотам и скотскому поведению», однажды все же не выдержал. Увидав, что очередная кучка глотов отобрала у «татар» последнюю одежонку и недвусмысленно намерилась напоследок избить бедолаг, он подошел и ухватил самого горластого и агрессивного мужичонку за плечо. Тот обернулся с уже поднятым кулаком – однако, узнав Барина, мгновенно сник и искательно ему улыбнулся.

- А-а, Барин! А мы тут ето… Татарву учим маненько…

- Всё вернуть этим людям, скоты! – негромко распорядился Ландсберг и перевел тяжелый взгляд на других глотов, замерших в растерянности. – Ну! Кому сказал!

Повторять ему не пришлось. На шконку к кавказцам тут же посыпались отобранные было у них перед этим жалкие «трофеи».

- А теперь пошли вон! Увижу рядом с «татарами» кого здесь еще раз, пожалеете! - пообещал Ландсберг, и, подумав, с целью «доведения воспитательного момента до логического конца», перехватил руку глота пониже и сжал. Послышался тошнотворный хруст костей и дикий вопль, от которого шарахнулись во все стороны и «агрессоры», и их жертвы.

К «татарам», конечно, глоты дорогу надолго забыли.

А выводы из наглядного урока тут же «намотала на ус» серая безответная шпанка , которой тоже немало доставалось от наглых глотов. Мужички-«первоходки», не сговариваясь, мгновенно

заселили ближайшие к спасителю шконки, глядели на Ландсберга искательно и едва не дрались за честь подать ему кружку воды, сообщить о том, что принесли обед или ужин… Глоты тоже мигом поняли изменившуюся диспозицию, и не задирали сгруппировавшихся вокруг молчаливого Барина людей.

Наблюдая за «татарами» почти все 49 дней плавания, Ландсберг заметил, что их первоначальные испуг и растерянность постепенно уступали место отчаянию и даже озлобленности. Кавказцы по-прежнему редко покидали свои шконки и держались кучкой, но это уже не были безобидные и затравленные люди! Двое «первоходков»-православных, к примеру, вынуждены были вскоре перебраться с ближней к «татарам» шконки подальше – кавказцам явно не нравилось, что мужички творили православные молитвы рядом с местом, где они отправляли свои, мусульманские обряды.

Доходило порой дело и до кулаков – особенно после того, как один из караульных решил подшутить над мусульманами и бросил им через решетку свиное рыло-«пятак», которое специально выпросил ради этого у земляка - кока на корабельном камбузе. «Татары» всей группой бросились к решетке с дикой яростью, долго кричали что-то по-своему, плевали в шутника. Под горячую руку попало тогда и двум-трем арестантам из славян, из любопытства подошедшим поглазеть поближе.

После этого случая поведение «татар» резко изменилось. Русских они и близко к себе не подпускали, мгновенно вскакивали и были готовы кинуться в драку. Памятуя первоначальное заступничество за кавказцев Ландсберга, братья-славяне отпор им давать не решались, хотя «татары» явно порой провоцировали стычки.

Особенно это проявлялось во время нескольких авралов, когда шальная волна, невесть откуда берущаяся при тихой погоде и спокойном море, вдруг заливала тюремный трюм через иллюминаторы и верхний люк, и вода начинала плескаться у самых коленей невольных пассажиров. В этих случаях по свистку караульного вахтенные матросы спускали вниз бочки, раздавали арестантам черпаки, и те начинали вычерпывать в своих отделениях воду. В этих авралах «татары» участия не принимали, лишь

забирались с ногами на шконки и зло посверкивали оттуда глазами, явно считая происшедшее очередной каверзой со стороны «неверных» - особенно если затопы случались в то моменты, когда мусульмане творили свои частые молитвы.

Теснота в арестантском трюме и монотонность бытия способствовали ссорам и стычкам. Здесь часто и мгновенно вспыхивали жестокие потасовки по самым пустячным поводам. Не осталось незамеченным и откровенное игнорирование «татарами» участие в общих авралах. Каторжники возмущались бездельем кавказцев, а под конец пути к Ландсбергу как-то раз явилась целая депутация

- Ты, Барин, заступился как-то за татарву, а оне, вишь как обнаглели! –шумели мужики. – Чисто звери какие-то! Я ему черпак, идолу, даю, маячу: мол, тоже подмогни, а ён энтим черпаком да мне по башке! Ты, Барин, из благородных, не нам, сиволапым, чета - и то воду собираешь! Уж на что «политика», чистоплюи энти – и то подмогают обчеству, когда аврал! А оне, нехристи, глянь, с места не стронутся! Тока глазищами бешеными своими сверкают со шконок, чисто филины…

Справедливость требований была налицо, и Ландсберг обещал при случае разобраться с несправедливостью.

Такой случай вскоре представился, и Ландсберг отправился на переговоры. Кавказцы встретили своего заступника хоть и с видимым уважением, но без улыбок. И явно поняли то, что Ландсберг попытался объяснить им жестами и через единственного толмача-переводчика из кавказцев, с грехом пополам могущего объясниться по-русски. Поняли - но участвовать в общих работах категорически отказались. Ландсберг пожал плечами и оставил свои попытки постичь логику «татар».

Уже после того, как «Нижний Новгород» после Сингапура повернул на север, случился еще один водный аврал, и обозленные бездействием «нехристей» русские мужики с черпаками в руках обступили кавказцев, требуя их участия в общем деле. «Татары» молча кинулись в драку.

Будучи в меньшинстве, дрались они, тем не менее, с отчаянием обреченных. И с такой яростью, что нападавшие дрогнули и начали

отступать. Караульный в проходе между двумя отделениями отчаянно свистел, вызывая подмогу. Каторжникис другого борта, отделенные от дерущихся двумя решетками, орали, улюлюкали и рвались на выручку к славянам.

Ландсберг, в который уж раз давший себе слово не принимать решительно никакого участия в «междоусобице», все же передумал – когда заметил, что во втором «эшелоне», состоящем из иванов и бродяг, засверкали самодельные ножи и «заточки». Дело могло кончиться общим бунтом и смертоубийством, чреватыми ответными мерами капитана, и Ландсберг решил вмешаться.

Пробившись в первые ряды, он схватил одного из беснующихся кавказцев, поднял и швырнул его в тесные ряды «татар», сбив нескольких из них с ног. Приструнил он и «христианское воинство»: от сильного удара по голове махавший кулаками каторжник кубарем покатился по покрытой водой палубе. Потасовка на мгновение стихла, но Ландсберг остался один между дерущимися, вся злоба которых мгновенно переместилась на него.

Неизвестно, чем бы кончилось для Ландсберга это вмешательство, но как раз к этому времени подоспевшие на свист караульного вахтенные матросы пустили на толпу арестантов упругие струи морской воды сразу из двух брезентовых рукавов. Драка закончилась так же внезапно, как и началась. Ландсберг же, помедлив, поднял плавающий черпак и протянул его ближнему «татарину», Тот, поколебавшись, нерешительно взял его. А Ландсберг, более не обращая на него внимания, скомандовал:

- А ну, ребята, давайте бочку поближе!

И принялся сноровисто собирать воду другим черпаком.

Инцидент был исчерпан. Но надолго ли?

Сподручнее всего меня во сне убить, буднично-просто решил Ландсберг. Иначе поостерегутся, тюремные «тамтамы» про мои подвиги наверняка уже и до Сахалина достучались. Обидно-с... Ну, бог даст, успею нескольких негодяев с собой на тот свет прихватить!.. Может, прав был Яшка Терещенко, когда в Нагасаки в бега с собой звал, а?

Вспомнив Терещенко, Ландсберг снова тяжко вздохнул: это воспоминание пробудило в душе другое, более глубокое. Старый

полковник Жиляков, Сергей Владимирович, царствие тебе небесное… Единственная родная душа в длинном каторжном странствии. Так и не добрались вы, господин полковник, до убийц своего единственного сына… И хлопотно, и беспокойно было с вами, господин полковник – и светло одновременно. Было о ком беспокоиться, кого опекать и защищать…

Ландсберг скрипнул зубами, перевел дыхание. Может, и вправду надо было бежать с Яковом Терещенко в японском порту Нагасаки? Полковник Жиляков наверняка бы присоветовал бежать, решил Ландсберг. Он покрепче прижмурил глаза, вспоминая последние встречи с Яковом, его молящие глаза, затаенный страх в каждом вопросе.

Тяжелый гул под трюмной палубой чуть изменился, и тут же мостик «Нижнего Новгорода» откликнулся хриплым низким ревом гудка. Каторжане-пассажиры, выучившие за долгие недели плавания все звуки пароходной машины наизусть, поняли, что скоро тяжелое биение корабельного «сердца» поутихнет, машинист сбросит со свистом пар, а потом послышится грохот якорных цепей в носовых клюзах. Так бывало всегда, когда плавучая тюрьма становилась на ночевку вблизи берегов. Нынешняя ночевка, правда, отличалась от десятков предыдущих тем, что она была последней в длинной тюремной одиссее, начавшейся в Одессе. Завтрашнюю ночь, скорее всего, ссыльнокаторжные уже проведут на Сахалине.

Эта мысль, наверняка дошедшая до многих, сразу изменила атмосферу в тюремном трюме «Нижнего Новгорода». Арестанты помрачнели, призадумались. Самые ярые картежники – и те как-то сразу потеряли к игре интерес, самодельные и фабричные карточные россыпи сиротливо белели на темных досках шконок-помостов, в то время как игроки – уже без всякого азарта - обменивались впечатлениями у иллюминаторов.

Многие арестанты опять, как при отплытии из Одессы, вдруг вспомнили о Боге.Тут и там мужики, достав из мешков сохраненные образки, усердно молились, обмахивались крестным знамением, клали поклоны. Тут же рядом творили свой вечерний намаз «татары», что-то заунывно то ли пели, то ли бормотали.

Даже звяканье бачков с ужином и матросские незамысловатые

прибаутки не привнесли нынче в тюремный трюм обычного оживления. Арестанты вяло и без спешки полезли за мисками и ложками, на раздаче ужина не толпились и не переругивались. Дождавшись, пока в миску шлепнется увесистый ком каши, несли ужин к себе на шконки и вяло ковыряли ложками, поминутно бросая их, как только оставшиеся у иллюминаторов мужики во всеуслышанье объявляли о чем-то новеньком на темном сахалинском берегу.

- Что, Карл Христофорыч? Тяжко на душе перед встречей с каторгой-то? –задумавшись, Ландсберг и не заметил, как на краешек его помоста осторожненько, как всегда, присел Михайла.

- А-а, это ты… С утра что-то не подходил. Я уж думал, обиделся на что… У меня на душе? Тяжко, скрывать не хочу, - Ландсберг сел, обхватил руками колени. – Да и не только у меня, как погляжу… А ты что же, неужели рад, Михайла?

- Кой там рад! Глаза б мои его не видали, Сакалина этого, - вздохнул Михайла. – Но я-то там был уже, насмотрелся, вот и тихо, про себя печалюсь. А ты, Карл Христофорыч, ноне постарайся не грустить – успеешь еще! Думай о веселом! Хошь, я тебе вина дам?

- Вина? Откуда?

- Так нам же сколько разов давали, нешто забыл? Капитан распоряжался, за хорошее наше арестантское поведение. А я последние две чарки не выпил, грешник, в посудинку слил. Да еще две выменял на сухари у басурман и припрятал. Так хошь?

- Ну, разве что с тобой… Один пить не стану, - предупредил Ландсберг.

- Ага, - Михайла соскользнул со шконки, растворился в полутьме трюма и тут же появился снова с объемистой жестяной фляжкой и кружкой. – Давай, Карл Христофорыч, завьем горе наше веревочкой! Подставляй-ка свою кружку!

Компаньоны выпили некрепкого сухого вина, отдающего железом, помолчали. Михайла встряхнул жестянку, разлил остатки.

- Завтра, мил-человек, как нам на палубе прикажут строиться, ты постарайся в задние ряды встать, - негромко посоветовал Михайла. –Чтоб, значит, не попасть в команду, которую в Корсаковском посту выгружать станут. Там худо, в Корсаковском-то!

Нам с тобой в Александровский пост надобно попасть!

- Какая разница – тут, там ли… Всё одно – каторга! –пожал плечами Ландсберг.

- Э-э-э, мил-человек, не скажи! – Михайла, задрав бороду, вылил в рот остатки вина, причмокнул. – Тутошний Корсаковский пост совсем маленький, сказывали мне. Сотни три-четыре каторжников, богадельня для старых и немощных арестантов, надзиратель, офицер воинской команды, телеграфист да фершал. Ну, и солдаты, конечно… Начальства тут над энтим гарнизоном, считай, нету, пьют все так, что не приведи господи! А через питиё энто над арестантами один сплошной мордобой да издевательство. Ежели заболел – считай, пропал! Никто и лечить не станет. Так-то, Карл Христофорыч! А нам с тобой – тебе, конечно, в первую голову – надо к начальству поближе. Там, в Александровском, образованные людишки в цене! Там – столица каторжанская!

- Ну, Михайла, даешь! Смотри-ка, как фельдмаршал, всё наперед рассчитал!- с отвычки даже слабенькое вино ударило Ландсбергу в голову, он искренне рассмеялся, покрутил головой.

- А ты как думал? – не принял насмешки Михайла. - Мы же с тобой кумпаньоны, думать друг об друге должны! Вот, к слову, помнишь, Карл Христофорыч, я тебе жестянки пустые с-под консервов давал и наказывал беречь?

- Помню, да только на что они мне? Эти жестянки всю дорогу в море выбрасывали …

- Не сберег, значит? Эх, кумпаньон! Это в плавании, на пароходе такие посудины цены не имеют, за борт летят, а на Сакалине ты их попомнишь ишшо! Что в Расее копейка, много пятак, на Сакалине рупь - полтора тянет! А что из железа сделано - то особенно! Уху или кулеш сварить, чайку согреть захочешь, а и не в чем! Ладно, скажи спасибо – я припас все же жестянок изрядно! И на твою долю хватит. И вот что, Карл Христофорыч – давай-ка спать будем, а не разгуливаться. Пока вино в брюхе бродит – уснуть легко. А силы тебе и завтра понадобятся.

- Слушаюсь, господин компаньон! – Ландсберг шутливо отдал честь, похлопал Михайлу по плечу и лег на спину.

Как и предсказал Михайла, сон скоро навалился на Ландсберга,

и тот заснул легко, а спал без сновидений.

Проснулся он тоже легко. В иллюминаторы тянуло прохладой, где-то над морем вовсю горланили чайки. Десяток-другой арестантов тоже проснулись, и глазели на сахалинский берег, накрытый туманом.

Жизнь на пароходе продолжалась. Наверху несколько раз брякнула рында, пронзительно засвистела боцманская дудка, послышался топот бегущих ног. Караульный матрос в проходе между решетками отчаянно зевал, нетерпеливо топтался и, с надеждой ожидая скорую смену, поглядывал в светлый зев люка над головой. Прислушиваясь к происходящему наверху, караульный вслух комментировал:

- К подъему якоря готовятся, ага… Боцман разоряется - чайка сверху нагадила на евонную форменку, на рукав, хы-хы! Грехи наши, господи… А мои-то ноженьки, прямо гудят внутре! Натоптался я тут с вами… Счас храпака задам знатного…Эй, братцы – мазурики, что там на берегу видать-то?

- А ничего! - охотно откликнулись арестанты от иллюминаторов. – Молоко сплошное, туман! Ничего не видать пока!

«Нижний Новгород» ревануул – коротко, словно боясь разбудить спящий берег. Снова послышались неразборчивые слова громкой команды.

Ландсберг встал, потянулся и, разгоняя кровь, занялся гимнастическими упражнениями - традиционными наклонами и приседаниями. Он уже заканчивал упражнения, когда от иллюминаторов снова загалдели:

- Глянь-ка, туман поднимается… И на берегу ктой-то появился, люди ходют… Чего делают? А бес их разберет отсюда - что… Возются.

- Должно, баржу на воду стаскивают! – откликнулся караульный. – Чичас и мы катер спущать будем, за тою баржею побежим. И ктой-то из вас, братцы-мазурики, на берег съедет… Отплавались, стало быть!

Не закончив рассуждений, караульный вдруг оправил блузу, бескозырку, вытянулся во фронт: вниз спускался старший помощник капитана Стронский с несколькими матросами позади.

Выслушав рапорт караульного, старший помощник покивал, вгляделся в сумрак тюремных отделений по обе стороны прохода и зычно заговорил:

- Подъем, господа арестанты! Слушай все сюда! Сейчас вам будет подан завтрак, а через полчаса милости прошу наверх, на построение. Выходить будете порядком, сначала с левого борта, потом с правого. На верхней палубе вам укажут – где строиться. От имени капитана корабля благодарю вас, господа арестанты, за примерное и благонравное поведение в течение всего плавания! Надеюсь, что и напоследок вы не испортите о себе впечатление. Наверху мы отберем команду, которой предназначена высадка в посту Корсаковский. Команда будет помогать в разгрузке адресованного сюда груза. Хворые и немощные поедут на берег с первой баржею. У меня все, господа! Есть ли у кого вопросы ко мне или капитану корабля, господину Кази? Нету вопросов? Тогда у меня все…

Двумя часами позже весь «Нижний Новгород», включая арестантов –их выстроили на верхней палубе в несколько неровных шеренг – следил за пыхтящим паровым катером, за которым в крупной зыби прыгала баржа с низкими бортами. Когда катер, приблизившись, сбросил пар, капитан Кази с мостика проревел в рупор:

- Эй, на катере! Вы что, господа, пикник на берегу устраивали?! Почему так долго не возвращались?

Рупор с катера, деликатно откашлявшись, с промедлением доложил:

- Ждали старшего офицера, ведающего приемкой арестантского пополнения. Водой, осмелюсь доложить, отливать пришлось, господин капитан, гм… И экипаж с баржи тоже, того-с…Вповалку, как один! Так что на берегу их всех оставили-с…

- Пьяны, мерзавцы?! Они что – парохода нашего вчера не видели?! Потерпеть не могли?

В арестантских рядах откровенно загоготали, посыпались шуточки и насмешливые выкрики. Спохватившись, Кази сухо и без дальнейших комментариев потребовал к себе старшего партионного офицера местного гарнизона. «Несите сюда, каков ни есть!»

Какого ни есть партионного офицера матросы подали на борт «Нижнего» буквально как рогожный куль. Оставив за себя на мостике старшего помощника, Кази, брезгливо морщась, погнал впереди себя спотыкающегося «аборигена» в свою каюту. По дороге распорядился:

- Боцман, хворых арестантов на баржу. И начинайте, бога ради, разгрузку…

Два десятка каторжников, заблаговременно назначенных в помощь матросам, взялись за мешки и тюки, сложенные в центре палубы. Остальные арестанты, изрядно иззябшие на не по-летнему холодном ветре, начали тихо роптать:

- А чего нас тута держут? Отобрали бы по спискам, кого сюды, а остальным-то чего? Зябко!

Но их нынче никто не слушал, не до них было. Вновь появившийся на мостике капитан Кази отдал Стронскому распоряжение:

- С первой партией и грузом отправьте пятьдесят человек арестантов покрепче на берег, Роман Александрович. Боюсь, там и помогать в разгрузке некому. Разгрузитесь – и поскорее назад. И сами, батенька, съездите, сделайте милость. Этак мы неделю простоим здесь, с такими-то работничками. Проследите уж…

Но, как ни спешил капитан, как ни подгоняли хмурых арестантов старший помощник и боцман, разгрузка двухсот пудов груза для Корсаковского поста и высадка двухсот пятидесяти душ ссыльнокаторжных растянулась до вечера. Не рискуя в темноте вновь огибать южную оконечность Сахалина и входить в Татарский пролив, капитан Кази, в конце концов, махнул рукой и распорядился с якорей до утра не сниматься. Арестантам, оставшимся на пароходе, и промаявшимся целый день на верхней палубе, было приказано выдать к ужину по двойной порции красного вина.

Вечером и экипаж, и каторжники живо обсуждали - отчего это весь день на палубе не было видно и слышно его светлости, князя Шаховского? Отчего это начальник всех тюрем острова, прибыв в свою «вотчину», самолично не приструнил нерадивых подчиненных?

А князь еще во Владивостоке получил крайне неприятную для него телеграфную депешу с Сахалина. Впрочем, не просто

неприятную – известие сие грозило напрочь перечеркнуть и все честолюбивые задумки князя, и саму его карьеру.

Всё дело было в трижды клятом тоннеле на мысу Жонкьер. Том самом, который Сергей Николаевич в недобрый для себя час задумал построить на проклятом острове.

Задуманное великое строительство было заранее наречено монаршим именем государя-императора Александра Второго. Ну кто ж мог знать, что проклятые народовольцы кинут в него бомбу? Кинули, не стало государя. «Инженерный проект тоннеля» князя Шаховского Александр Второй успел и поглядеть, и даже наложить одобряющую резолюцию. Однако после его трагической гибели проект Шаховского, срочно им перебеленный - назван будущий тоннель был уже именем наследника убиенного государя – застопорился, сел на мель.

Недруги князя в столичном Главном Тюремном управлении, воспользовавшись неизбежной сумятицей и неразберихой, случающимися во время всякой смены власти, тоннельный проект совсем было положили под сукно. А монаршая резолюция в прочтении и толковании недругов получила какой-то двойной смысл. С одной стороны, Александр Второй вроде и одобрил строительство тоннеля. С другой – вроде как высказал сомнение в целесообразности его постройки. В общем, проект надо было представлять новому государю, Александру Третьему.

А у него, уверяли князя Шаховского, нынче и так сверх всякой меры государственных дел и неотложных вопросов, которые надобно решать в ближайшее время. А тоннель где-то на окраине империи, на каторжном острове Сахалин – право, князь, до этого ли государю? Сей проект может и подождать лучших времен!

Сколько усилий и нервов стоило Шаховскому добиться того, чтобы его детище все же было представлено на новое высочайшее рассмотрение – знал только он один.

Новому государю, как и предсказывали оппоненты князя в Северной столице России, проект тоннеля на каком-то далеком острове был совершенно не интересен, да и ненадобен. Что не помешало ему, однако, начертать на княжеском проекте невнятную, но в целом не запретительную резолюцию. Коли денег на своей

тоннель от казны не просят, так и Господь с вами, копайте. А там поглядим…

Вдохновленный монаршим соизволением, князь перед очередным отъездом в отпуск самолично обмерил сползающую в воды Татарского пролива гору Жонкьер, собственноручно же вбил с противоположных сторон два колышка – в швейцарской газетке, откуда и была почерпнута идея «великой стройки», бойкий газетчик описывал именно такой способ прокладки тоннелей в Европе.

- Ну-те-с, с Богом, как говорится! – и князь выразительно при этом глянул на исполняющего должность горного инженера на тюремных копях Сахалина Лозовского, тут же назначенного Шаховским начальником строительства нового объекта.- С-смотри у меня тут, Виктор Евграфыч! Землекопов поставь сюда самых лучших. Штрек какой-нибудь там у себя закрой, коли надобно будет. Динамиту не жалей! Бить тоннель в две смены, результаты докладывать мне каждый день до моего отъезда лично, а когда отъеду, то еженедельно, телеграфом!

Виктор Евграфович Лозовский кивнул, преданно глядя начальству в глаза.

- Будет исполнено в наилучшем виде, ваше сиятельство! Не извольте беспокоиться!

Горушка не казалась ему чересчур великой, а порученное дело – сложным. Не смущало тогда Лозовского и то, что ни горным инженером, ни просто инженером он сроду не был. И даже в университете долго учиться Лозовскому не пришлось: был с позором отчислен за беспробудное пьянство со второго курса. Родитель, а позже и старший брат Лозовского несколько раз пристраивали непутевого на разные теплые местечки, но всё как-то не шла карьера, покуда Лозовский не прослышал однажды про остров Сахалин и про имеющиеся там вечные вакансии.

Родительская протекция помогла и в Главном тюремном управлении: там, не слишком внимательно глянув на бумаги жаждущего послужить Отечеству на окраине империи, скучающий чиновник направил его в распоряжение князя Шаховского для назначения «на усмотрение». Благо заведывающий тюремной частью острова Сахалин, будучи в отпуске, по пути на воды Баден-Бадена,

сделал традиционную остановку в Сакт-Петербурге. Здесь попутно решалось множество каченных и личных дел.

Князь, «отловленный» Лозовским после двухдневного бдения в швейцарской Главного тюремного управления, в бумаги просителя тоже не слишком внимательно вчитывался – гораздо важнее было то, кто именно рекомендует ему молодого человека.

- Учились на горного инженера? Прекрасно, молодой человек! Если вас ничто не удерживает в Петербурге, то я бы рекомендовал вам немедленно отравляться на Сахалин. Там работы у нас много. Уголь, знаете ли…

Шаховской торопливо начертал на прошении Лозовского размашистую резолюцию и протянул просителю долгожданную бумагу.

- Поезжайте, голубчик! – напутствовал он.- Мы с вами обо всем поговорим позднее, когда я вернусь на наш благословенный остров…

Вернувшись на Сахалин через семь месяцев, князь Шаховской, в ту пору идеями строительства тоннеля пока не обремененный, без особого огорчения узнал, что благословленный им «инженер» Лозовский оказался вовсе не горным. И вообще не инженером.

- Но хоть что-то этот Лозовский делает? – допытывался у подчиненных князь. - Судя по статистическим данным, которые вы мне дали, добыча угля возросла за время моего отсутствия на четверть.

Чиновники пожимали плечами: к увеличению добычи угля Лозовский никакого отношения не имел. Однако раскрывать начальству глаза на явную его кадровую ошибку помощник не торопился. Кто его знает, как Лозовский сию должность получил? Принимал-то его сам Шаховской. Может, попросил кто сильненький за бедолагу – а он, помощник, с плохой аттестацией нового «горного инженера» вылезет. Нет уж, пусть князь сам определяет – того ли он человека взял или нет.

Уголь на Сахалине в ту пору добывали самым что ни есть варварским способом: рыли наклонные «штреки» в местах выхода каменного угля на поверхность. Надо было увеличить добычу сего полезного ископаемого – просто увеличивали число каторжан-шахтеров. И те принимались копать новые «штреки» рядом со

старыми.

Справедливости ради отметим, что, вопреки прогнозам столичных чиновников, уголь далекого острова Сахалин не сделал его вторым Ньюкаслом. И что на рейде поста Дуэ не было очереди отечественных и иностранных кораблей, жаждущих заполнить свои судовые угольные ямы. Неважнецкий был уголек по своим качествам. Да и не мог он другим быть в верхних пластах. К тому же и каторжники в погоне за лишней пайкой щедро разбавляли уголь «для весу и объему» пустой породой.

Новый «горный инженер» Лозовский, не будучи способен произвести техническую революцию в угледобыче на Сахалине, но не желая лишаться не слишком обременяюией его должности, сообразил вывернуть суворовский принцип наизнанку. И брать если не уменьем, то числом. В каторжниках на Сахалине недостатка не было, добытый же ими уголь до возникновения на него спроса складировали в отвалах недалеко от причала. Лозовский распорядился увеличить число каторжников-шахтеров впятеро – и цифры добычи поползли вверх!

Ни Шаховской, ни прочие чиновники на людские ведомости внимания не обратили: этого «дерьма» на Сахалине было в избытке! И вникать в причины подскочившей производительности никто не стал. Угля-то стало больше! И на Лозовского махнули рукой: пусть работает! Заменить-то его всё одно некем.

К тому моменту, когда князь Шаховской решил остаться в истории освоения Сахалина как создатель тоннеля, к Лозовскому привыкли, незавершенным высшим образованием не попрекали. Тем более, что Виктор Евграфович был душою любой компании – и тост умел умный и со значением произнести, и анекдотец к месту рассказать. Да и каторжники, как могли, трудились, угольные отвалы на причале росли, «горному инженеру» если не аплодировали, то по плечу похлопывали вполне одобряюе. Чего ж тут удивляться, что реализацию тоннельного прожекта и поручили-то именно ему. Ему, Лозовскому!

Он же, получив под свое покровительство проект века, к прокладке тоннеля приступил с большим энтузиазмом. День и ночь на мысе Жонкьер гремели взрывы. После каждого ватаги угрюмых

каторжан с кирками наперевес бросались выбирать потревоженную породу и бить шурфы для закладки новых динамитных зарядов.

Укреплением сводов туннельных проходов Лозовский себя не озабочивал. А когда проходчики-каторжане под неизбежными завалами неизбежно и бессчетно гибли, в тюрьмы рассылались разнарядки на новых проходчиков.

Когда встречные туннели насчитывали уже шагов по пятьдесят в глубину, князю Шаховскому подошла пора уезжать в очередной отпуск. К тому же, надо было лично пресечь новые подлые происки врагов и завистников князя в столичных коридорах власти. Велев в Лозовскому «держать темпы» и «не осрамить его перед целым светом», Шаховской отбыл с острова, посулив вернуться через 8-9 месяцев.

Телеграммы Лозовского с рапортами о строительстве тоннеля он получал регулярно, до самого отбытия из Одессы. Правда, разнообразием содержимое депеш почти не отличалось. Пройдено столько-то саженей – и все. Депеши Шаховской сохранял, и во время плавания на «Нижнем Новгороде» как-то от нечего делать занялся несложной арифметикой, сложил все пройденные сажени. Результат его насторожил: судя попройденным саженям, а также исходя и ширины основания горы Жонкьер, тоннели должно было бы быть по меньшей мере два пройти туда и обратно!!

- Врёт, собачий сын! – поделился он своими сомнениями как-то во время обеда в кают-компании. – Приписками, сукин сын, занимается! Нешто не понимает, что по моему приезду все откроется?

О своем тоннельном проекте он рассказывал сотрапезникам едва ли не ежедневно, и успел им сильно надоесть. И в тот раз старший помощник капитана Стронский не утерпел:

- Не хотелось бы вас огорчать, ваше сиятельство, но мне кажется, дело не в приписках. Или не только в приписках…

- Что вы хотите этим сказать, Роман Александрович? – не чувствуя подвоха, благодушно осведомился Шаховской.

- Так ведь сами же изволили говорить, что ваш горный инженер весьма в своем деле слабоват-с…

- Ну так что ж? Там горушка-то, тьфу! Не Уральский хребет,

чай!

- Не скажите, не скажите, ваше сиятельство! Тоннели – дело сложное, большого умения и опыта, знаете ли, требуют. А вы изволили говорить, что одновременно с двух сторон тот тоннель бьют. Так что рабочие, в случае инженерной ошибки, вполне могут в толще горы и разминуться! Бывали такие случаи, сам читал в газетах.

- Да ну, ерунда! –не слишком уверенно возразил князь. – Я же говорю, гора Жонкьер невелика. Как там разойдешься?

- Ну, дай вам бог, как говорится. Потерпите уж тогда, скоро и на Сахалин прибудем – сами все и увидите.

Однако сомнения у князя множились. Не утерпев и потратив кучу денег, он отправил из Коломбо длиннейшую депешу с оплаченным ответом своему верному человеку, старшему делопроизводителю канцелярии округа.

Ответ он получил покороче, но не слишком вразумительный. Ссылаясь на свою полную некомпетентность в горном деле, делопроизводитель от прямой оценки результатов инженерствования Лозовского уклонился. Однако прибавил, что знающие люди говорят, что тоннель отчего-то кривым получается.

И вот теперь, по прибытию во Владивосток и «севши» на прямой провод с Сахалином, князь получил подтверждение самым своим неприятным догадкам. Лозовский с другого конца провода покаялся: длинна двух штреков такова, что рабочие в горе должны были давно встретиться, да вот не встретились. И что делать дальше, он, Лозовский, просто не знает. Прошение об увольнении с должности-де им уже подготовлено.

Шаховской немедленно ответил, что в случае конфуза одним отрешением от должности горный инженер не отделается. Грозил отдать виновного под суд, сгноить в тюрьме и пр.

Князь замкнулся, сделался невесел, почти все время проводил в своей каюте, разделяя общество лишь с шустовским коньяком.

Потом «Нижний Новгород» прибыл в Корсаков, и Шаховскому доставили на судно целую кипу депеш. В одной из них было сообщено о трагической смерти горного инженера Лозовского, последовавшей «при невыясненных обстоятельствах». Между тем до

открытия тоннеля, дату которого Шаховской заранее сообщил в Петербурге, в числе прочего, и министру Двора Его Императорского величества, оставалось ровно две недели.

Шаховской тронул за рукав проходящего мимо офицера:

- Скажите, любезный, а когда мы попадем в Дуэ? Ну, в порт назначения.

- Ежели к вечеру закончим тут, в Корсаковском, с разгрузкой и с приливом выйдем, то завтра, бог даст, и в Дуэ будем, ваша светлость!

- Спасибо, голубчик! Да, вы скажите буфетчику, сделайте божескую милость, чтоб занес мне в каюту, каналья, то, что ему велено.

- Непременно, ваша светлость, - офицер, пряча улыбку, пошел дальше.

Поздним вечером этого же дня, когда «Нижний Новогород» одной машиной обогнул юго-западную оконечность Сахалина и вошел в Татарский пролив, капитан Кази послал за своим старшим помощником.

- Роман Александрович, батенька мой, сходили бы к нашему князю, а? Мне буфетчик рапортовал, что его светлость уже за третьей бутылкой шустовского присылал – только нынче! А сколько он после Коломбо выдул, и упоминать страшно! Буфетчик говорит – буен, мол, нынче князь…

- Прикажете полотенцами его светлость до прибытия в порт назначения связать? – сухо осведомился Стронский.

- Голубчик, да вы что? Бог даст, не дойдет до этого! Вы уж того, Роман Александрович, сходите к нему, что ли… Поговорите, успокойте сколько возможно. Усовестите, в конце концов! Его светлость завтра-послезавтра встречать придет, надо полагать, целая депутация. А он… Гм! И мне как-то неудобно, право… Не судно, скажут, а какое-то гнездо разврата… Сходите, голубчик!

- Воля ваша, Сергей Ильич, схожу, - развел руками Стронский. – Только в результатах своих увещеваний очень сомневаюсь! Насколько я понимаю, «тоннельный прожект», о котором его светлость уже победные реляции к монаршему двору составил, приказал долго жить. А свою дальнейшую карьеру князь только с

тоннелем и связывал – я так из всех разговоров понял. Что я тут могу сказать утешительного человеку, у которого всё рухнуло? Разве что выпить с ним, гм…

- Роман Александрович, голова у вас светлая, что-нибудь да придумаете. Нам бы его светлость сбыть с рук, как говорится, в здравом уме и трезвой памяти – а там уж, на своем острове пусть хоть колесом ходит, хоть перестреляет своих подчиненных! Идите, голубчик, я на вас надеюсь!

Стронский вышел и направился, но не к Шаховскому, а прежде в свою каюту. Лукавил старший помощник с капитаном: он еще в самом начале разговора с ним сообразил, как одним выстрелом добыть сразу двух зайцев. Но прежде надо было заглянуть в статейные списки каторжников, хранимые в особом, окованном железом сундучке старпома.

Найдя искомые документы, Стронский бегло перечитал бумаги. Потом раскрыл некий справочник, давно и без применения стоявший на полке и удовлетворенно захлопнул его. Так и есть! Дуплет получится отличный!

Мурлыча под нос что-то из оперетки Штрауса, Стронский бодро направился уже к Шаховскому.

В каюте первого класса, занимаемом в одиночку его светлостью, дух стоял прямо-таки трактирный. Князь принял Стронского с пьяной настороженной подозрительностью.

- Что, милостивый государь? Явились, чтобы успеть забить в крышку моего гроба последние гвозди? Вы, господин Стронский, с самого начала нашего знакомства искали случая досадить мне, уязвить – и вот дождались! Милости прошу! Язвите! Топчите! Ваш час настал!

- Прекратите, ваша светлость! Извините, но вы просто пьяны!

- А-а, какая разница! – махнул рукой князь. – Пьян ли, трезв… Всё едино! Кстати, не составите компанию? По единой рюмахе,а?

- Сергей Николаевич, я не пить с вами сюда пришел, а спасать вас. Если вы, конечно, еще желаете спастись. Может, я что-то путаю, и ваше положение вовсе не трагическое? Тогда извините…

- Вы?! Спасать? Меня?- Шаховской истерично хохотнул, однако тут же стер с лица веселость. – Ваше глумление, господин старший

помощник, право, заходит слишком далеко!

- Я не шучу, ваша светлость. К тому же признаюсь: если бы речь шла только о вашем спасении, то вряд ли этот наш разговор состоялся бы вообще. Однако, протянув вам руку помощи, я надеюсь сделать доброе дело для человека, которому симпатизирую. Симпатизирую – и, увы! – лишен возможности помочь иначе.

- Н-ничего, решительно ничего не понимаю! – затряс головой Шаховской. – Сплошные загадки, интр-р-риги, мистификация!

Князь снова потянулся за бутылкой, однако Стронский проворно сделал шаг вперед и загородил дорогу.

- И еще два условия! – предупреждая взрыв возмущения, быстро произнес Стронский. – С вашего позволения, допреж нашего разговора я тотчас позову вестового, прикажу принести сюда лед, кувшин с холодной водой и лохань. Вы с помощью матроса приведёте себя в порядок и обретёте, таким образом, способность ясного мышления. Второе – вы дадите мне слово, что до высадки в Дуэ не притронетесь более к бутылке. После этого я укажу вам путь спасения. Если вы не принимаете моих условий, я поворачиваюсь и ухожу! Решайте, ваша светлость!

- Но, позвольте! – забормотал князь. – Позвольте, но каким образом вы можете помочь мне? Вы – мне!

- Время, князь! У меня, поверьте, множество дел, а я стою тут и уговариваю вас, взрослого человека, дворянина, в конце концов! Кстати: вестовой надёжен, никому ничего не разболтает – хотя ваше гусарство вряд ли является тайной для всего экипажа. И еще одно: если вам по каким-то причинам не будет угоден мой план спасения, то я освобожу вас от вашего слова. И пейте тогда свой коньяк - на здоровье или во вред себе. Итак? Ваше решение?

- Но хоть намекните, Роман Александрович! – взмолился князь. – Хоть пол-слова!

- Пока не приведете себя в порядок – я замолкаю…

- Черт с вами, - махнул рукой Шаховской. – Зовите вашего вестового, боцмана, авральную команду – хоть чёрта с копытами!

Через полчаса заметно посвежевший тюремный начальник, продолжая держать на затылке пузырь со льдом, истово внимал речи Стронского. Речь, впрочем, была короткой. Когда Стронский

закончил, собеседник порывисто схватил его за обе руки:

- Голубчик! Спаситель мой! Да я теперь для вас – вот что хотите! А? Что вы хотите? Не стесняйтесь!

- Мне от вас ничего не нужно, ваша светлость! Прошу одного: не бросайте, как ненужную вещь, этого человека потом. Не забудете?

Шаховской размашисто перекрестился.

- Вот! – поклялся он. – Пусть только поможет! Вот только захочет ли? А, Роман Александрович? Захочет ли он помочь после той постыдной сцены, которую я тут учинил? Да и умеет ли он вообще?

- Насчет умения – не сомневайтесь! Я нарочно заглядывал в справочник учебных дисциплин – там означены и горное дело, и фортификация, и еще масса наук, о которых в статских университетах только слыхали, полагаю. А вот захочет ли? Думаю, что моя настоятельная просьба будет им услышана…

- Так давайте тотчас же позовем его сюда! – спохватился князь. – Или, если угодно, спустимся вниз. Чтоб наверняка знать, не мучиться до завтра, а?

- А вот этого делать нельзя-с! – покачал головой Стронский. – Неужто сами не понимаете? Вы заведываете на Сахалине тюремной частью – должны же знать неписанные законы и обычаи каторги! Неурочный вызов арестанта наверх привлечёт к нему внимание всех остальных. Могут подумать, что он, выражаясь каторжанским языком, держит руку начальства. Доносит на товарищей, короче. Понимаете? Слышали о таком? И там, внизу с ним без свидетелей не поговорить. Только завтра, когда начнется разгрузка, и я прикажу поднять наверх партию каторжан.

- Да понимаю, понимаю… Только и вы меня поймите, Роман Александрович! Я ведь тоже человек! – простонал Шаховской. - А тут получается… Ну, словно я в колодец попал. Сидел, сидел там, охрип от криков о помощи и тут появляется спаситель! И говорит: я тебя спасу, человече, вот верёвка, мол – видишь? Только я тебе ее завтра сброшу, а ты потерпи покамест!

- Ну, нельзя! Нельзя, ваша светлость! Неужто вы хотите, чтобы вашего спасителя – не меня, его! – иваны зарезали до того, как он успеет работу свою исполнить? – Стронский помялся, покрутил

головой и все же сказал. – К тому же мне завтра, видимо, придется кое-кого из каторжан выпороть приказать. Постараемся, конечно, без этого обойтись, но это уж как получится. Наверняка злые они после сей процедуры будут. Не дай бог – с неожиданным вызовом нашего человека порку свяжут. А злость – она всегда, знаете ли, выхода ищет! Гм…

- Да-да, вы правы! Вы бесконечно правы, голубчик! Спешить не надобно, верно! А что до порки… Выпороть, говорите? Так они на каторге к этому привычные. Порите! Раз собрались – знать, есть за что. А я потерплю! Ступайте с богом, Роман Александрович! И бутылку забирайте! Мое слово верное: сказал, что не буду, стало быть, не буду! Я уж дома потом «разговеюсь», а?

- Это сколько вам будет угодно! Я ухожу, ваша светлость!

Оставив часть груза и каторжников в посту Корсаковский, пароход «Нижний Новгород» с утренним приливом снялся с якоря. И без парусов, одной машиной, малым ходом вошел в Татарский пролив, двинулся на север вдоль западного побережья Сахалина. Капитан не спешил: и лоции, и побывавшие у здешних неласковых берегов люди предупреждали о коварстве фарватера пролива и переменчивости погоды.

Невольное население парохода уже и забыло о днях изнуряющей жары. О том, что на протяжении большей части рейса прошлепало по горячим палубным доскам кто нагишом, кто в одних подштаниках либо набедренных повязках из портянок. Многие каторжники давным-давно проиграли выданную им казенную одежду в карты, и теперь, стуча зубами от свежего ветра, врывавшегося в раздраенные иллюминаторы, мрачно размышляли о том, каково им придется на самом острове. К тому же, как неоднократно предупреждал арестантов старший помощник капитана, тамошнее тюремное начальство непременно спросит за утерю казенного обмундирования.

Теперь же, видя мерзнущих невольных пассажиров, он решил еще раз призвать к совести «мастаков»-картежников, чьи мешки буквально трещали от выигранной одежонки. Перед подачей завтрака, чуть рассвело, он спустился в трюм и во всеуслышание предупредил:

- Господа арестанты! Я обрааюсь сейчас к тем из вас, кто с помощью карт оставил своих товарищей голыми и босыми – «мастаков», если по-вашему. Заставить вас силком вернуть одежду несчастным, кого вы обыграли, я не могу. И понимаю, к тому же, что есть такие понятия, как карточный долг и варнацкая обязанность соблюдать каторжные «уставы». К совести вас призывать тоже бесполезно. Я скажу так: все личные вещи в мешках перед высадкой буду проверять лично. И не дай вам господь, если найду у кого чужое! Боцман линьки уже приготовил – высеку виновных так, что мало не покажется!

- Правов не имеешь, ваше морское благородие! – отозвался из полутьмы чей-то гнусавый голос. - Твое дело нас на каторгу доставить, а дальше пущай начальство тюремное разбирается…

- А вот насчет прав ты, дядя, ошибаешься! – усмехнулся Стронский. – Пока вы на борту парохода, на вас распространяется не каторжный, а морской устав! И капитан на корабле – царь и бог, и судья и прокурор! И он мне уже распоряжение насчет обыска отдал, имейте в виду! Обыска и последующего наказания виновных. Так что напоследок мокрых линьков кое-кто может попробовать,предупреждаю! Больше уговаривать не стану.

За время плавания Стронский был определен арестантами как мужчина «сурьезный, не робкого десятку и слов на ветер не бросающий». Однако в его обещание выпороть «фартовых мастаков» мало кто поверил – не было за все время долгого пути из Одессы такого! Хотя бывалые каторжане и рассказывали жуткие истории из прошлых «сплавов» - и про боцманские линьки за малейшую «бузу», и про запирание тех, кто пробовал бунтовать, в корабельный «фонарь».

Этим фонарем на пароходах-«добровольцах» называли полое основание мачты, где человек мог поместиться только стоя, а уж развернуться там – смотря по комплекции. Под ярком тропическим солнцем окованное металлом основание мачты нагревалось так, что едва не обжигало при прикосновении рук. Запирание в «фонарь» было едва ли не самым страшным наказанием – от нестерпимого жара мало кто мог выдержать в нем, не теряя сознания, и одного часа. Впрочем, и этого времени хватало, чтобы наказанный на всю

жизнь запоминал проклятый «фонарь», и до конца плавания старательно избегал малейших замечаний.

Однако во время нынешнего «сплава» этот корабельный карцер так и простоял запертым. Не наказывали перевозимых арестантов и прочими способами, хотя основания для этого, как признавали сами невольные пассажиры «Нижнего Новгорода» в досужих разговорах, были. И уж, конечно, без употребления остались и боцманские линьки.

Каторжане обсуждали предупреждение старшего помощника и до завтрака, и после, пока пароход, постоянно маневрируя, не спеша приближался к главному пункту своего назначения, посту Дуэ.

Наконец «Нижний Новгород» сбавил ход до самого малого. Заревела корабельная сирена, извещая берег о прибытии парохода, и вслед за этим где-то на верхней палубе засвистела боцманская дудка, послышался топот матросов, спешивших к якорным лебедкам. Загремела цепь – «Нижний Новгород» встал на рейде Дуйского поста. Из-за мелководья и угрозы внезапно налетавших штормов к ветхим деревянным береговым причалам осмеливались швартоваться только самые маленькие яхты, да катера.

В отличие от Корсаковского поста, здесь корабль из далекой России явно ждали. Даже без бинокля было видно, что на пристани столпилось немало народа. А в ответ на басовитую сирену «Нижнего Новгорода» тут же сипло рявкнул разводивший пары катер начальника острова. Не успели якорные цепи парохода размотаться до конца, как катер отчалил от пристани и направился к «Нижнему Новгороду».

Капитан Кази опустил бинокль, в который с интересом разглядывал берег и повернулся к князю Шаховскому – тот загодя поднялся на мостик и так молча и просторял рядом с капитаном последние час-полтора.

- Что-то вы невеселы, князь,- заметил капитан.- Или не рады завершить долгое плавание?

- Да уж, рад,- буркнул Шаховской.- Простите, господин капитан, неприятные известия… Позвольте бинокль?

Хотя баржи для перевозки новоприбывших каторжан с «Нижнего Новгорода» еще стояли у причала, Стронский решил

произвести обещанную генеральную проверку имущества арестантов. Он вызвал начальника караульной вахты и распорядился:

- Первую сотню арестантов с левого борта вывести с вещами для построения и осмотра на верхнюю палубу.

- Дык рано ешшо, ваше благородие,- караульный показал глазами на чернеющие вдали низкие обводы барж у причала.

- Выполнять! И с вещами,- напомнил Стронский.- Боцмана ко мне!

Когда первая сотня арестантов встала вдоль борта, старший помощник прошелся мимо людей, добрая половина которых была полураздета. Однако Стронский искал глазами тех, кто был нормально одет и у кого были несоразмерно большие мешки. Таких оказалось подозрительно мало.

Старший помощник подозвал к себе начальника караула, тихо спросил:

- Всех подряд выводил? Или добровольцев?

- Дык как сказать, ваше благородие,- замялся пожилой матрос.- Кой-кто, конечно, других вперед выталкивал, а сам хоронился подалее.

- Выводи из этого отделения остальных!- решительно кивнул головой Стронский, и обернулся на многозначительное покашливание за спиной.

Покашливал капитан Кази. Отозвав старшего помощника в сторону, он тихо спросил:

- А не многовато для вашего эк-спе-ри-мента, батенька? Три сотни арестантских душ на палубе – что там насчет такого количества устав говорит?

- Бежать им отсюда некуда, да и незачем уже, господин капитан. Приплыли-с! – горячо зашептал Стронский. – Ярые картежники, набившие мешки чужим добром, остались внизу. Будут мешки передавать тем, кто после проверки вниз спустится – и все наши усилия насмарку пойдут!

- Ну, батенька, на вашу ответственность полагаюсь, – согласился Кази. - Только караул на палубе усилить надо все равно. Хоть за счет свободной вахты.

- Я уже распорядился, господин капитан! Караул! В оба глядеть! Людей построить в две шеренги. Выводи остальных!

Через полчаса весь левый трюм «Нижнего Новгорода» выстроился на палубе. И Стронский опять пошел вдоль строя арестантов, легонько похлопывая перчаткой по плечам совсем раздетых людей.

- Внимание, господа арестанты! Кого я коснулся – шаг вперед и марш обратно в трюм. Проветрились – и довольно! Конвой, принимай народ!

В шеренгах недовольно загомонили:

- А нас чаво тута держать? Лодки-то, глянь, еще и не приплыли за нами. Чаво зазря народ мордуешь, ваш-бродь?

- Никто вас не мордует!- возвысил голос Стронский.- Сдвинули ряды! Поплотней встаем, братцы!

И снова пошел вдоль рядов, теперь выбирая людей по иному принципу.

Отобрал на сей раз Стронский немного – всего с десяток человек. Им вместе с объемистыми мешками было велено отойти на другой борт. Тут уже и самые недогадливые поняли задумку старшего помощника. Кое кто из картежников попытался было оставить свой мешок за спинами оставшихся, но караульные матросы были начеку и выговаривали хитрецам:

- И чего ты, дядя, мешок-то свой оставил? Гляди, сопрут! Как это какой мешок? А во-от тот, который ты сейчас ногой отпихнул. Давай бери, говорю, и шагай туда!

А на другом борту «мешочников» уже поджидал старший помощник. Дождавшись последнего, десятого, он распорядился: развязать мешки, приготовить личные вещи к осмотру!

Несколько арестантов отказались развязывать свои мешки и подняли крик, доказывая, что у ихнего благородия «правов таких нету». С ними не спорили: по команде Стронского боцман, шедший за ним как приклеенный, ловко вспарывал мешки острым ножом. На палубу сыпались халаты, телогрейки, штаны, другое нехитрое барахлишко арестантов.

- Сколько тут? – Стронский наугад указал на чью-то объемистую груду тряпья.

- Двенадцать халатов арестантских, портков десятка два, еще много всего,- быстро подсчитал подскочивший боцман.

- Так-с… Теперь слушай все сюда!- возвысил голос Стронский.- Я вас вчера предупреждал, господа арестанты, что негоже своих товарищей голышом оставлять? Помните? По-людски просил – ну, поиграли в карты, ну, потешили душеньку – время в плавании убили – пора и честь знать! А вы мое распоряжение как выполнили?

Арестанты-мешочники, не ожидая ничего хорошего для себя, понурились и зло молчали. Зато в шеренгах на другом борту откровенно веселились.

- А помните, что я вчера ослушникам обещал? – прищурился Стронский.- Так вот: слово свое я привык держать! Боцман, линьки вымочены? Ага, прекрасно…Каждый второй на ют шагом марш! Конвой, обеспечить дисциплину! Оставшимся стоять здесь!

Вскоре с юта корабля послышались вперемешку с воплями наказанных звонкие хлопки мокрых линьков по голым телам. Звуки сопровождались громкими комментариями вовсю веселившейся арестантской братии.

- Лишнюю одежду собрать для последующей раздачи всем раздетым,- распорядился Стронский.- Караул, всех людей вниз, в трюм. Через полчаса приготовиться к построению правого отделения трюма, осмотру помещения и вещей .

Однако ни построения, ни осмотра второго отделения уже не понадобилось. Не успел последний «левобортник» зайти в свой отсек, как с правой в проход полетели «лишние» халаты, штаны и прочее выигранное в карты и припрятанное арестантское барахлишко. А когда вниз спустились от души высеченные «мастаков», их встретил хохот и ядреные насмешки.

Ретроспектива-7
Александр

Министры встретились в малой приемной Зимнего дворца во вторник, 10 июня 1979 года, около 10 часов утра. Для главного начальника III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и одновременно шефа Жандармского корпуса Александра Романовича Дрентельна, а также для министра внутренних дел тайного советника Льва Саввича Макова этот визит был обыденным: они практически еженедельно приезжали во дворец с докладами о состоянии порученных им дел. Увидев в приемной прибывшего чуть раньше штатского главу от министерства юстиции, оба вежливо удивились: царские аудиенции для действительного тайного советника Дмитрия Николаевича Набокова были нечасты. Явно нервничал и сам Набоков.

Министры сердечно раскланялись, и все трое едва ли не одновременно бросили взгляд на монументальные часы: до высочайшей аудиенции оставалось несколько минут.

- Вы-то какими судьбами здесь, Дмитрий Николаевич? – пожимая министру юстиции руку, Дрентельн чуть задержал рукопожатие, и, пытливо глядя в глаза, поинтересовался. – Вам назначено или сами пришли?

- Здравствуйте, Александр Романович. Мое почтение, Лев Саввич! Пришел-то своей волею. Ну, а поскольку дело касается арестованного злодея, то адъютант его величества порекомендовал

аудиенцию у государя вместе с вами.

- Что за дело? – немедленно прищурился Дрентельн, улыбаясь при этом одними губами. – Уж не по части ли господ революционеров? Неужто и в ваши владения, Дмитрий Николаевич, проникла сия зараза?

Набоков чуть заметно поморщился: шеф жандармов явно намекал на недавнее скандальное оправдание присяжными в судебном процессе террористки Веры Засулич. Дрянная девчонка! Узнала, мерзавка, что петербургский генерал-губернатор приказал дать розог политическому арестанту, приехала в столицу и пыталась убить Трепова прямо на аудиенции, из револьвера. Набоков прекрасно помнил, что Дрентельн настоятельно рекомендовал тогда предать Засулич суду Особого присутствия, упирая на то, что покушение произведено против генерала от инфантерии. Однако Набоков, не сомневаясь в обвинительном приговоре, полагал, что суд присяжных, представляющих все сословия народонаселения, будет иметь значительно более весомый воспитательный эффект. К тому же существовала возможность правильно подобрать большинство самих присяжных. Не допустить попадания в их число людей с новыми идеями и благоглупостями. Но – пути Господни неисповедимы! – негодяйке Засулич и ее ловкому поверенному Александрову удалось то, что казалось немыслимым! Присяжные оправдали террористку вчистую – под бурные овации всего зала суда, куда «нигилистам» и смутьянам, казалось бы, даже хода не было. Нонсенс!

Освобожденную тогда прямо в зале суда Веру Засулич вынесли из помещения на руках. Изрядно увеличившись за счет недопущенных в зал суда студентов и другого разночинного элемента, толпа понесла негодяйку по улице. Полиция и казаки попытались рассеять сию стихийную демонстрацию – и произошли столкновения, пролилась кровь. Сама же «виновница торжества» скрылась.

О возмутительном происшествии, разумеется, доложили депешей государю, возвращавшемуся в конце мая в Петербург из Ливадии, где Александр Второй пытался отдохнуть и рассеяться после последнего покушения на него самого. И здесь Набоков дал

маху, просидел, ожидаючи царя, в Петербурге. Не учел, что хитромудрый царедворец Дрентельн не будет ждать императора в столице, а выедет ему навстречу. Таким образом, министр юстиции упустил возможность первому лично изложить монарху объективную версию случившегося и принести полагающиеся оправдания. Александр, уже встретившийся с шефом жандармского корпуса, принял Набокова весьма холодно, слушал с досадой и остался убежденным в том, что министр юстиции оказался политически недальновидным.

Председатель же Петербургского окружного суда Анатолий Федорович Кони, коему после подобного конфуза следовало бы немедленно подать в отставку, категорично и дерзко отказывался это сделать каждый раз, как он, министр юстиции, заводил об этом разговор. Более того: он дал понять Набокову, что если нажим на него не ослабнет, то ему ничего не останется делать, как искать защиты у государя, повелением которого в России и была проведена судебная реформа, введен европейский суд присяжных и т.д.

Словом, нынче шеф жандармов торжествовал победу и считал излишним скрывать это. Вот и сейчас он с улыбочкой на одутловатом лице задавал Набокову участливые по форме вопросы. Набоков делал вид, что не замечает издевки, старался не показывать своей раздраженности.

- Нет, Александр Романович. Арестованный полицией убийца совершил уголовное преступление, и к политике никакого отношения не имеет, не извольте беспокоиться! И на извозчике за ним самолично гоняться не надо было, - не удержавшись, подпустил яду Набоков, намекая на обстоятельства недавнего, мартовского покушения на главного начальника всесильного III-го Отделения. – Слышал, кстати, что ваши молодчики при поддержке полиции до 60 обысков и облав за ночь производили? Да только честному люду от такого усердия беспокойства больше, чем революционерам, наверное. Да и полиции хлопотно…

Тучный шеф жандармского корпуса намек понял и тяжело задышал. Шея в тесном воротнике мундира опасно побагровела.

Шеф жандармов, Дрентельн, получивший это назначение чуть меньше года назад, рьяно взялся за революционеров и бунтовщиков

и неоднократно докладывал императору о том, что с помощью внедренной и завербованной жандармами агентуры контролирует почти все тайные общества и организации Северной столицы империи. Однако в январе нынешнего, 1879 года, прозвучали выстрелы Веры Засулич, город был наводнен мерзкими прокламациями, а в марте грозный Дрентельн и сам стал объектом покушения нигилистов.

Тогда, 13 марта, генерал-адъютант Дрентельн вскоре после полудня выехал в карете в заседание Кабинета Министров. Ехал он своим привычным маршрутом. Когда экипаж катился вдоль Лебяжьего канала, какой-то всадник догнал ее и выстрелил из револьвера в окно кареты. Опешивший кучер осадил лошадей, а всадник развернулся, подскакал к карете, произвел еще один выстрел и умчался. Дрентельна, к счастью, пули миновали. Отчаянно матерясь и грозя кучеру Сибирью, генерал-адъютант велел ему разворачиваться и гнать за террористом. Однако время было упущено, и всадник скрылся. Попетляв наудачу по набережной, Самборскому переулку и Шпалерной улице, Дрентельн наткнулся, в конце концов, на растерянного городового Мухаметова, державшего под уздцы взмыленную верховую лошадь. Сам ездок, упавший, по словам городового вместе с поскользнувшейся лошадью, пешком дохромал до ближайшего извозчика и скрылся.

Разъяренный дерзостью преступника и своей неудачей, шеф жандармов поднял на ноги всю Петербургскую полицию, весь свой Корпус. Подобного размаха сыска Северная столица России еще не знала! Найденный вскоре извозчик показал, что нанявший его седок доехал до табачной лавки Терентьева на Захарьевской улице. Лавочник подробно описал того визитера, удалось найти и привратника, видевшего, как преступник из лавки направился к Таврическому саду и при этом сильно хромал.

Руководствуясь этой главной приметой, полиция и жандармы с помощью дворников в течение суток переловили в Петербурге всех хромых и калек, включая стариков. По горячке были схвачены даже две торговки с Сенного рынка. Участки и полицейские части были переполнены задержанными. Сыщики по нескольку раз обошли все больницы, аптеки и частнопрактикующих докторов. По первому

подозрению полиция врывалась в дома, устраивала повальные обыски, щедро раздавая зуботычины попадавшимся под руки мещанам и прислуге.

Последнее, как ни странно, помогло напасть на след доктора Левензона, у которого дворником в середине марта был замечен подозрительный постоялец. В злополучный день, 13 марта, постояльца дворник не видел, но был послан доктором в аптеку за льдом, коим, как известно, пользуют ушибы и вывихи конечностей. Левензона, разумеется, арестовали, привезли в участок и с пристрастием допросили. Впрочем, личность своего знакомца Левензон и не пытался скрыть. Его пациентом оказался недоучившийся студент Леон Мирский, позже схваченный в Киеве и опознанный генерал-адъютантом Дрентельном, его кучером, Табашником и привратником дома № 3 по Захарьевской улице как террорист. Мирский был немедленно брошен в одиночку Петропавловской крепости и вскоре приговорен к смертной казни. Впрочем, временный генерал губернатор Петербурга после приговора суда помиловал студента, заменив ему казнь каторгой. Дрентельн был чрезвычайно этим возмущен и пожаловался возвращавшемуся из Ливадии Александру Второму. Сейчас же, услыхав про уголовного преступника, почему-то ставшего предметом высочайшей аудиенции, Дрентельн немало удивился и заподозрил, что Набоков говорит не все. Подавив гнев от ехидного намека министра юстиции, Дрентельн улыбнулся:

- Кто таков этот уголовник? – поинтересовался он.

- Некий Ландсберг, отставной теперь уже офицер.

- А-а, двойное убийство в Гродненском, если не ошибаюсь, переулке? – закивал министр внутренних дел, ведавший в Российской империи всеми полицейскими силами и тюрьмами. – Помню, помню, мой Путилин его и разыскал! Но – Бога ради простите, Дмитрий Николаевич, проклятое любопытство. При чем тут государь? Прилично ли его величеству знать досконально всех убийц империи?

- Всех, безусловно, не стоит, - сухо прервал Макова министр юстиции. – Но этот Ландсберг, во-первых, имел несчастье быть приписанным к Лейб-Гвардии Саперному батальону, особо

выделяемому, как вы, вероятно, знаете, Его Императорским Величеством. Во-вторых, признавшись в преступлении, он письменно оправдывает его причинами, имеющими прямое касательство к высочайшим особам. И, наконец, главную причину своего преступления Ландсберг дерзко связывает с некоей особой, дочерью человека, которого государь император любит и весьма благоволит к нему. К тому же эта особа входит в число близко приближенных к государыне императрице. Став достоянием гласности, все эти обстоятельства и мотивы бросят тень на людей, которые дороги государю.

- Да если еще какой-нибудь пейсатый жиденок из ваших присяжных поверенных на суде начнет опять краснобайствовать – беда! - сочувственно кивнул шеф жандармов, сделав-таки акцент на «ваших» и «опять». – У меня в отделении с такими господами, как ваш Ландсберг, разговор короток. Всякие случаются, знаете ли, обстоятельства: сопротивление окажут, бывает. Или побег замыслят. Нервы у людей моих не железные, бывает, стреляют наповал. Хоть и наказываю за это, конечно, строго – но по большому счету, господа, так-то оно вернее, чем турусы на колесах разводить.

Дрентельн, в прошлом боевой офицер, за время службы в III-м Отделении люто возненавидел евреев и прочих инородцев, в первую голову – малороссов и поляков. Так уж сложилось, что именно их имена преобладали в списках известных разыскиваемых бомбистов и революционеров. Социалисту с русской фамилией, попавшему в руки жандармов, еще можно было рассчитывать на тщательный разбор его дела. Но если задержанным был еврей, украинец или поляк, то шеф Жандармского корпуса даже не утруждал себя разбирательством.

- Хвалиться тут, по моему разумению, нечем! – сухо ответствовал Набоков. – Все-то наша тайная канцелярия знает, всю «нигилятину» на учете держит, а государь император вынужден отказаться от пеших прогулок. Средь бела дня бомбы кидают, стреляют. Вы не находите этот нонсенс несколько странным, Александр Романович?

При этих словах дежурный офицер, молча работавший с бумагами за столом в углу приемной и до сей поры словно не

замечавший министров, поднял голову и внимательно посмотрел на багроволицего генерал-адъютанта. Ему показалось, что обмен репликами между Набоковым и Дрентельном грозит вылиться в элементарную перепалку, скандал. Понял это и Маков, поспешивший отвлечь министра юстиции от опасной темы и быстро и невпопад заговоривший о последней своей удачной утиной охоте.

В этот момент часы захрипели, защелкали, и с первым глухим ударом в приемной возник адъютант императора Каверин.

- Государь император ждет вас с докладом, - он поочередно глянул на Макова и Дрентельна и легко кивнул Набокову. – Вас же он примет тотчас после этого.

* * *

Своих министров Александр Второй всегда принимал стоя: он предпочитал, чтобы глаза собеседника были на одном уровне с его глазами. Его монарший отец, Николай Первый во время аудиенции обычно сидел, и наследника престола всегда поражало умение родителя при этом глядеть в глаза придворных, не задирая неприлично голову. Сам он полагал, что подобное умение ему не свойственно – или свойственно в гораздо меньшей, чем полагается монарху, степени, и выработал свою традицию проведения аудиенций стоя.

Крышка его стола размером едва превышала обеденную тарелку. Опершись о нее кончиками пальцев одной руки, Александр оставлял вторую свободной для чтения бумаг, которые – тоже в отличие от отца – никогда не подписывал в присутствии посетителей.

В то утро, отпустив всех трех министров, император отошел от столика к окну и, заложив руки за спину, долго молча покачивался с носка на пятку, словно не замечая периодического деликатного покашливания дежурных адъютантов. Император глядел из окна на движущиеся далекие фигурки людей большими, чуть навыкате глазами уставшего от жизни человека.

Невеселы были в этот час мысли императора.

С детской обидой он вновь и вновь размышлял о превратностях судьбы и людской глупости и неблагодарности.

Он дал России много больше, чем его отец и дед вместе взятые. Миллионы крестьян его монаршей волей перестали быть

крепостными. Он дал им свободу – и где же их благодарность? Они не желают видеть разницу между свободой от помещиков и свободой от исполнения законов. Они платят своему государю за его заботу бунтами, поджогами и самовольным захватом земли. Он, Александр Второй, дал им возможность заниматься мирным хлебопашеством – а они тысячами бегут из деревень в города, норовят осесть в столице империи. Режут глотки, крадут, грабят – пусть с голоду, но ведь режут! Для чего еще эта тупая темная злая масса рвется в большие города – не пахать же, не сеять, не коров здесь пасти! Министр Маков уверяет, что четыре из каждых пяти совершаемых в Петербурге преступлений - на совести вчерашнего крестьянского сословия – и у него, императора, нет причин не верить этому.

А студенческая молодежь, это будущее великой России! Боже, спаси Русь от такого будущего! Бунтуют, твердят о конституции и парламентаризме, оскорбляют своих преподавателей в университетах и власть предержащих. Кто не дает им трудолюбиво учиться с тем, чтобы впоследствии столь же усердно трудиться во благо России?! Уж не он ли, Александр Второй? Тот, которого справедливо называют царем-реформатором?

Он, самодержец, отменил телесные наказания в армии и в тюрьмах – но этих тюрем становится все больше, ибо прежние не могут вместить всех совершающих преступления.

На кого он, Александр Второй, может сегодня положиться? Император – в который уж раз! – с горечью припомнил, что все покушавшиеся на его жизнь считали себя интеллигентами. А кто его спасал? От недоучившегося студента Казакова – петербургский мастеровой-картузник Осип Комиссаров. Коллежскому регистратору Соловьеву не дала как следует прицелиться в государя простая баба-молочница, ударила злодея своим бидоном по руке, свалила и принялась бить, кусать и царапать царёва обидчика.

Даже в офицерских полках всё чаще стали находить очаги революционной заразы, сочувствия к бредовым идеям «освобождения России». От чего, от чего все эти господа хотят освободиться?!

Даже женское сословие России – те самые Евины потомки, которым сам Бог предначертал кротость и милосердие – словно

сдурели. Девицы вырядились в бесстыдно короткие юбки, отстригли волосы, вставили в зубы папиросы – и взялись сначала за крамольные речи, а потом уж за револьверы и бомбы.

От обиды на столь массовую и каждодневную неблагодарность подданных у Александра навернулись на глаза слезы. Он сморгнул, и две слезинки прочертили на его щеках мокрые полосы, исчезли в густых усах. Император не стыдился своих слез. Будучи по натуре человеком сентиментальным он, несмотря на преклонный уже возраст, оставался по-детски обидчивым. Во время турецкой кампании он не стеснялся плакать над умирающими в госпитальных палатках под осажденной Плевной солдатами. Рыдал над гробом отца, даже над трупом любимого сеттера, случаем попавшего под колесо его же коляски, не сдержался.

Став императором Александр и жил-то, собственно, от покушения к покушению. И хотя к смерти, как уверяют, привыкнуть нельзя, сама мысль о ней никогда не вызывала уэтого самодержца ни панического страха, ни боязни в одночасье и преждевременно уйти в небытие. Несмотря на собственный горький опыт, Александр до последнего покушения на него не отказывался от пеших прогулок, к которым привык с молодости. Его умоляли поберечься близкие, члены семьи, личная охрана, министры, европейские государи... Император, как правило, вежливо выслушивал советы и упрямо качал головой.

- Что толку замуровать себя в четырех стенах и бояться высунуть нос из дворца? – обычно возражал он. – Если мне суждено умереть, то это может произойти где угодно.

В чем-то Александр был прав. Дважды смерть поджидала его даже в собственном дворце. Годом позже два пуда динамита взорвал революционер Желябов в своем подвальчике в Зимнем, где он плотничал. Но не учёл Желябов, что между царской столовой и подвальчиком было помещение караульной гаубвахты - туда и ушла вся сила заряда. К тому же, большую часть мощности взрыва поглотили толстые стены дворца и толстенные перекрытия, в столовой же только повредились стекла, да потрескалась штукатурка. В тот день провидению было угодно задержать государя, и он опоздал на обед, к которому и был приурочен взрыв.

Вот и берегись после этого прогулок вне дворца!

Второй раз смерть притаилась в шкатулке, где обычно держали царевы лекарства: вместо порошков и пилюль чьи-то руки уложили туда чуть не фунт динамита. Бомба должна была сработать при открывании крышки. Однако в день появления шкатулки Александр не принимал лекарств. Да и сама бомба не сработала, когда дворцовый провизор Фрунтель в очередной раз решил проверить комплектность царской аптечки. Эта история, в отличие от желябовской диверсии, была замята, осталась неизвестной для многих членов императорской семьи и целого круга ближайших придворных.

При чем же тут, спрашивается, пешие прогулки?!

- Бог меня спасает, ибо любит меня – утверждал Александр в ответ на многочисленные увещевания и призывы к благоразумию. – Бог отмерил мне точно известные ему годы моей жизни, и не допустит преждевременного сокращения оных.

- Сколько же тебе отмерил Господь? – часто спрашивала Александра его возлюбленная, Екатерина Долгорукая.

- Я узнаю об этом в положенный час, - серьезно отвечал император. И, отворачиваясь, незаметно смаргивал непрошеную слезу – вызванную, впрочем, не боязнью смерти, а благоговением перед неисповедимостью мудрости Господней.

Его отец, император Николай Первый, слёз своих детей, и, в первую очередь, слёз Наследника терпеть не мог. Он сердился на Александра за это, выговаривал ему, поддразнивал. Впрочем, будущий император видел однажды слезы и на глазах своего несгибаемого, казалось бы, сурового отца.

Это было в день восстания на Сенатской площади, когда Александру еще не исполнилось и восьми лет. Там, на площади, стояли офицерские полки, там решалась судьба России. Император самолично, путаясь в пуговицах, надел на маленького Наследника искусно пошитый гусарский мундирчик, и по длинной широкой лестнице снес его на руках во двор, где стояли ряды оказавшегося верным ему Лейб-Гвардии Саперного батальона.

- Саперы! Гвардейцы! Дети мои, я доверю вам самое дорогое,

что у меня есть, - голос императора предательски сорвался, когда он передавал в руки солдат Наследника.

Строй рассыпался, наследника бережно передавали из рук в руки, пока он не очутился далеко от отца, в самой гуще солдатских шинелей, усатых и обветренных физиономий, многие из которых несли следы французских клинков и шрапнели. Маленькому Александру стало страшно, и он заплакал в голос. Тогда в толпе гвардейцев – не строе, а уже толпе – возник грозный ропот. Словно подстегнутые волнением государя и его первенца, саперы загомонили:

- Не выдадим, государь!

Ропот рос, превратился в глухой неразличимый гул, потом в рев сильного и добродушного зверя, выведенного из умиротворения.

- Животы свои положим!

- Только прикажи, государь! Мы их зубами!

- Спасем Наследника и Россию, братцы!

Толпа, сразу ощетинившаяся штыками, ревела в едином мрачном экстазе перед кажущейся маленькой фигуркой отца на ступенях. Ей не хватало только слова, жеста – и она ринулась бы на Сенатскую площадь, где были обидчики «надежи-царя» и этого маленького испуганного мальчика…

Батальон ревел как разбуженный зверь – яростно и страшно. Чьи-то руки больно прижали Александра к пропахшей потом, водкой, крепким табаком и дымом бивуачных костров шинели. Александр с ужасом, прижмурившись, поглядывал на лицо усатого звероподобного фельдфебеля со страшным шрамом через всю щеку и обрубком левого уха. Но его руки были бережны и надежны – и мальчик постепенно успокоился.

После этого дня Наследник всегда выделял этих саперов Гвардейского батальона. Чаще других надевал мундир с его цветами. Чаще заезжал в Красное Село, где летом квартировали саперы. Повзрослев, он как-то попытался найти того самого фельдфебеля – но так и не смог отличить его от других. И под Плевной, в своей палатке, Александр укрывался не одеялом – а простой солдатской шинелью, подаренной ему умирающим сапером в первое же посещение государем санитарного городка.

И вот теперь он узнал, что среди его любимых саперов есть, оказывается, и уголовные преступники! Не сегодня узнал, конечно – а неделю назад, когда Маков доложил ему о том, кем оказался наделавший в Петербурге много шуму двойной убийца из Гродненского переулка. Поначалу Александр был оскорблен в лучших своих чувствах, возмущен. Он не верил тому, что убийцей оказался офицер Саперного батальона, к тому же герой Туркестанских походов и последней Восточной войны, он требовал тщательнейшего расследования.

Получив от министра внутренних дел исчерпывающие доказательства вины прапорщика Карла фон Ландсберга, император сделал единственное, что могло хоть как-то пощадить честь Лейб-Гвардии Саперного батальона. По совету дяди, великого князя Николая Николаевича, он немедленно подписал Высочайший Указ об отставке молодого офицера. Теперь судить будут, по крайней мере, не батальон…

Сегодня министр юстиции вновь напомнил императору о человеке, которого тот уж был готов безжалостно вычеркнуть из своей памяти. Оказалось, что Ландсберг – не только банальный убийца, лишивший жизни двух человек из корыстных мотивов. Он страстно, беззаветно любил девушку, был помолвлен с нею – и всё из-за глупой жестокой шутки старого отставного чиновника! Он боялся, что его могут разлучить с любимой, и по-солдатски «просто и радикально», не думая о последствиях, «убрал» страшное препятствие из своей жизни, со своего пути.

А потом… Император невольно не мог не посочувствовать этому офицеру. Каково было несчастному Ландсбергу узнать из бумаг убитого, что он жестоко обманывался в нём? Как он сможет жить, уже потеряв любимую и зная, что его страшный враг вдруг оказался тайным благодетелем? Власов хотел преподнести сюрприз молодому офицеру – но его глупая шутка обернулась трагедией.

И потом – письменное показание Ландсберга. Его искренняя, в чем император не сомневался, попытка объяснить случившееся. Разве, по большому счету, Ландсберг не прав в своем анализе причин войн между целыми народами и в своих параллелях с личностью одного-единственного человека, борющегося за свое счастье?

Но это признание не должно прозвучать в суде! Нельзя бросать в толпу мысли, которые тут же извратят, станут взахлеб смаковать, оборачивать их против него, против государственных устоев Александра. И старик Тотлебен – каково ему будет вынести хихиканье и показыванье пальцем? Он-то, Господи, чем виноват, что чуть не породнился с убийцей? А его дочь, Мария Тотлебен, невеста Ландсберга, которая невольно стала главной причиной убийства? Она, конечно, узнает о женихе всю правду. Узнает и будет оскорблена в лучших чувствах. Но публичный позор она просто не переживет. Как, впрочем, и Тотлебен-старший.

Как всегда, в минуты тягостных сомнений Александр почувствовал острую необходимость немедленно поговорить с единственным человеком, которому он полностью доверял и кому мог высказать самое сокровенное. С кем мог посоветоваться. В беседе с кем мог выверить и отточить принимаемое решение.

Увы – то была не не его венценосная супруга, нет! Царская чета давно отдалилась друг от друга. Находясь в соседних помещениях, Александр Второй и императрица в последние годы не виделись порой неделями. На людях император был внимателен и почтителен к Марии, уважал в ней мать его восьмерых детей. Но разве его была в том вина, что организм урожденной принцессы Гессен-Дармштадской с молодости давал обидные сбои, что доктора часто категорически запрещали венценосной супруге обычные человеческие плотские радости?

Александр не страдал мужским эгоизмом. И считал себя невправе пренебречь деликатными, но твердыми советами медиков. Но, как и большинство мужчин, начал искать на стороне то, что не мог получить в супружеской постели. Марию, надо сказать, это врасплох не застало. Она была готова к интрижкам супруга: те же доктора предупреждали ее о возможных следствиях выполнения их ограничительных рекомендаций. «Ваш супруг молод и физически крепок. В конце концо, это просто природа. Физиология-с…».

Сначала доброжелатели донесли ей об интрижке Александра с фрейлиной Натальей Бороздиной, не устоявшей перед его ухаживаниями. Впрочем, мужские чувства стынут быстро. Бороздину выдали замуж за дипломата, и она уехала в далекий Лондон. Едва

сердце наследника престола – тогда еще Александр еще не был императором – освободилось, как там «поселилась» полячка Ольга Калиновская, опять-таки из фрейлин его матери. Когда пылкая полячка стала забывать приличия и даже попыталась как-то дерзить самой императрице, ее тоже пришлось срочно выдавать замуж за варшавского магната Иринея Огинского. Потом в постели наследника какое-то время нежилась фрейлина Софья Давыдова, внучка легендарного партизанского лидера времен войны с Наполеоном…Мария мирилась с этими и другими «проявлениями физиологии».

Не приняла она поначалу всерьез и юную воспитанницу Смольного института благородных девиц, княжну Екатерину Долгорукую. К тому же слишком велика была разница в возрасте между 17-ти летней девушкой и царем на пятом десятке лет жизни. Но кто, кто мог знать, что эта девица возбудит в императоре не только короткую чувственность, но долгую, и, надо сказать, верную любовь?! Любовь, для которой не стали помехой ни приличия, ни условности, ни откровенная неприязнь и осуждение со стороны детей императора, ни явные препоны и тайные козни всевозможных разлучников, ни гонения.

Родив Александру трех детей (второй ребенок, Борис, во младенчестве умер), Екатерина волею императора и поселилась рядом с любимым. Сначала – в комнате первого этажа Зимнего, куда был отдельный вход, а потайная лестница соединяла помещение с императорскими аппартаментами. Позже, столкнувшись с открытыми осуждением своих «порочащих связей», Александр Второй, словно назло всем, распорядился поселить любимую в помещении на третьем этаже Зимнего, прямо над своими покоями.

Переселение княжны совпало по времени с появлением в России электричества. Надо ли говорить, что первые лампы Эдисона в Петербурге засверкали в императорских дворцах? Чуть позже люди придумали электромоторы и нашли им применение в подъемных машинах. Первый в России лифт, разумеется, тоже был установлен в Зимнем. Он соединял покои императора и его любимой – Екатерины Долгорукой...

Александр Второй не любил долго раздумывать. Приняв решение, он немедленно его осуществлял. Вот и в этот день, 10 июня 1879 года, около полудня, он нетерпеливо дернул щекой на очередное покашливание адъютанта, и торопливо направился к алькову в восточной стене кабинета

За тяжелыми шторами была потайная дверь. Открыв ее, император оказался в кабине подъемной машины, и нетерпеливо дернул за рычаг хода. Кабина дернулась и поползла вверх.

Дежурные адъютанты переглянулись, вздохнули, и вышли в приемную, где им предстояло объяснять дожидавшимся аудиенции сановникам и министрам, что император в данный момент принять никого никак не может: открылось-де срочное дело государственной важности.

В верхних покоях Екатерина услыхала приглушенный вой электрической машины и легкое постукивание кабины. Она отложила книгу, мельком глянула в зеркало и позвала детей, игравших в соседней комнате под присмотром бонны. Александру нравилось, когда его «настоящая семья» - он называл ее так – встречала его вместе, дружно.

Георгий и Ольга, едва дождавшись появления отца, дружно бросились к нему. Александр присел, обнял детей и не без труда разогнулся вместе с ними: возраст все-таки давал себя знать. Шагнул к Екатерине, коснулся мягкими ароматными усами ее щеки.

Та разу поняла: Александр пришел не просто так, что его что-то тревожит. Княжна повернулась к бонне, делавшей в дверях спальни реверансы, шевельнула бровью.

- Георгий, возьми Оленьку и поди в свою комнату! Нам с вашим отцом надо поговорить! – она мягко, но настойчиво оторвала детские руки от покрасневшей шеи императора, легко направила детей к бонне. – Идите к мадам, мы скоро вас позовем.

Император обнял любовницу-жену за талию, заглянул ей в глаза.

- Признайся, милая, откуда ты всё всегда про меня знаешь? – ласково спросил он, увлекая княжну к канапе у окна.

- Я женщина, я чую беду сердцем, - улыбнулась Долгорукая.

- Беду? Скорее, на сей раз, неприятность. Помнишь, я

рассказывал тебе про молодого офицера – того самого, что убил в Гродненском переулке старого отставного чиновника и его прислугу? Так вот, милая, сегодня мне доложили подробности этого дела, и я хотел с тобой кое о чем посоветоваться…

Александр Второй обладал, помимо всего прочего, незаурядной памятью. Один раз пробежав глазами документ или письмо, он и через несколько лет мог близко к тексту процитировать абзацы, безошибочно вспоминал и называл даты и цифры. Вот и сегодня он рассказал Екатерине всю недолгую историю гвардейского офицера фон Ландсберга.

- Понимаешь, милая Катя, он происходит из древнего и славного, но, увы, обедневшего баронского рода. Ландсберг и в вольноопределяющиеся по бедности пошел. И первый чин не с придворными шаркунами получил, а заработал его в Туркестанском походе, под началом генерала Кауфмана. Когда началась вторая Турецкая кампания, Кауфман его не хотел из Ташкента отпускать – и он обманул ведь старика! Отпросился в Петербург для обучения новинкам саперного дела, а тут исхлопотал себе должность в полку, который отправлялся на войну. Потом вернулся, и был причислен к Лейб-Гвардии Саперному батальону. Новой войны не было, и он остался в Петербурге. А у гвардейцев жизнь дорогая, милая. Балы, приемы, театры. Потом он был представлен дочери Тотлебена, Марии…

- Той самой, Александр? Фрейлине государыни императрицы?

- Да, Катя… Молодые люди полюбили друг друга. Тотлебен знал этого офицера еще по осаде Плевны, ценил и уважал его военные таланты. Он благословил их помолвку. Но – бедность, милая, от нее никуда не денешься! Эдуард Иваныч, да и императрица, думаю, хорошее приданое за Марией дали бы – так ведь до свадьбы дожить надо. А у Ландсберга был старый друг, почти что опекун, некто Власов, по моему... Принимал в нем участие еще во время учебы. И тут, видя стесненное положение молодого человека, сам деньги взаймы предложил. Пять тысяч, без процентов, под простой вексель. Потом еще денег давал. Ландсберг его уж и на свадьбу пригласил – а старик возьми да и глупо пошути! Очень, очень глупо все получилось, Катюша! Сам в завещании Ландсбергу все состояние свое отписал,

свадебный подарок приготовил – те самые векселя, уже погашенные. А офицеру ничего про то не сказал, а, наоборот, стал возврата долга требовать. Видно, покуражиться хотел, чтобы потом Ландсберг больше ценил его жест. Ландсберг отсрочки попросил – если не до свадьбы, так хоть до времени, пока он деньги не сыщет. А старик ни в какую: вынь да положь ему долг, да еще тем самым казначейским билетом. Иначе пригрозил к батальонному командиру с жалобой пойти, к отцу невесты – глаза-де ему открыть. Пальцем грозил: я -де тебе на свадьбу сюрпризец устрою! Представляешь, Катюша?

- Бедный, бедный Ландсберг! Боже мой, Саша, и он…?

- Да, милая! Представляешь его состояние? Две войны прошел, в гвардии служит, свадьба на носу – и все из-за вздорного старика в одночасье рухнуть может. Нет, Катя, я не оправдываю его поступок. Он ужасен, безнравственен! Но – понимаю! Положение-то ему безвыходным казалось…

- Какой ужас! – княжна, зараженная волнением Александра, побледнела и прижала ладони к щекам.

- Да, это ужасно – но я тебе еще не все рассказал! Итак, пришел он для последнего разговора к старику – а тот марку держит. Смеется эдак – про сюрпризец, мол, обещанный мною к свадьбе помнишь, Карлуша? Ну, Ландсберг и убил его с отчаяния. И прислугу заодно – она же свидетелем была. Убил, забрал бумаги и ушел. Не знаю, Катенька, как бы человек с таким грузом дальше бы жил – но Ландсберга впереди еще один удар ждал. Нашел он в бумагах и завещание в свою пользу, и дарственную с погашенным векселем и поздравлением по случаю бракосочетания. Представляешь? Думал, что мерзкого старикашку на тот свет раньше времени отправил – а, оказалось, благодетеля своего, несчастного старого шутника.

Рассказал Александр и всё остальное. Про признание Ландсберга, про его попытку оправдать свое преступление. Про удар, который ждет семейство Тотлебенов. И замолчал, пытливо поглядывая на княжну.

Екатерина тоже долго молчала, теребя пальцами тонкий золотой браслет на левой руке. Наконец император невесело рассмеялся, поцеловал у княжны руку рядом с браслетом.

- А ты знаешь, милая, я ведь тоже научился тебя понимать!

Даже твое молчание! - Александр притянул к себе княжну, по-отечески поцеловал в лоб. - Ты, Катюша, понимаешь, что простить Ландсберга я не могу. Не имею права. Да и поздно уже прощать, чего уж... Ты наверняка думаешь о том, как хорошо было бы, если б Ландсберг сбежал из тюремного замка? Скрывался бы где-нибудь, потом под вымышленным именем совершил бы подвиг и открылся бы миру? Вот тогда даже император имеет право помиловать… Я угадал?

Екатерина кивнула – совсем не удивившись способности императора проникать в ее мысли.

- Но это все сюжет для рыцарского романа, милая! – вздохнул Александр. - Сказка! Я даже вмешиваться в это дело не имею никакой возможности. И не вмешаться нельзя, кажется… Скажи, что делать, чтобы еще одного скандала избежать? Еще одной трагедии?

- Ну, а ты сам как считаешь? Наверняка ведь что-то уже придумал? Разве не так?

- Думаю, что надо как-то убедить Ландсберга воздержаться от публичных обоснований своего преступления. И ни в коем случае не называть на суде имени невесты. Это внушение может сделать судья - при предъявлении Ландсбергу обвинительного заключения. Объяснить ему, что его откровенность станет пагубной для любимой, что это будет иметь непредсказуемые последствия для общества, которое к такой правде не готово. Взамен следует пообещать Ландсбергу минимальный срок положенного по этой статье закона наказания. Не нужно забывать и того, что теперь его, как уволенного в отставку, будет судить не военный суд, а суд присяжных. Оправдали же они эту Засулич, которая стреляла в человека с намерением убить!

- Но… Ты ведь уже все решил, Александр! Зачем же тебе тогда мой совет?

- Вопрос в том, согласится ли с этим судья, Катюша? Я не сомневаюсь: если просьба будет исходить лично от меня, то отказа ожидать трудно. Но и в тайне мое участие в Ландсберге не удержать. Я мог бы попросить принять в нем участие моего дядю, великого князя Николая Николаевича-старшего. Он – официальный шеф Лейб-Гвардии Саперного батальона. И ем, по этому статусу, должно печься

и о чести батальона, и о его офицерстве. А как члену августейшей семьи – ему будет прилично проявить заботу и о реноме государыни-императрицы, в чьем штате состоит несчастная Мария Тотлебен. Но – увы, Катюша! Ты же знаешь, что «дядя Низи» глуп как лошадь! Он далеко не дипломат, и, к тому же, терпеть не может судейских. Ты же помнишь скандал с его пассией, этой балериной мадам Числовой? Во время Турецкой кампании «дядя Низи» тайком взял ее в свою ставку. А эта отчаянная женщина оказалась не столь и глупа: она рьяно взялась помогать любовнику по интендантской части. И изрядно при этом нажилась на комиссионных отчислениях от поставок. Все, конечно, потом открылось. Виновные пошли под суд, да и сама мадам Числова едва не отправилась по Владимирскому тракту. А «дядя Низи» заступиться вздумал. На следственную комиссию взъелся, защиты у меня искал. Я тогда ему по-хорошему пытался объяснить, что он компрометирует наше семейство. Тогда он на судейских переключился – будто они все и подстроили. Впрочем, речь не об этом. Как ты думаешь, милая, может, подключить к нашему «заговору» Егора Абрамовича Перетца, государственного секретаря? Он очень умен – впрочем, как все прочие евреи, им в этом не откажешь. А, Катя?

- Жалко, что Михаил Тариэловича сейчас здесь нету, - вздохнула Долгорукая. – Егор Абрамыч, конечно, умница, но Лорис-Меликову я как-то больше доверяю. И он боевой генерал, к тому же. Кому, как не герою Турецкой кампании, за офицера вступиться!

- Катюша, ты у меня умница! Признайся, ты знала, что Лорис-Меликов депешей испросил у меня разрешения посетить столицу по важному безотлагательному семейному делу? Знала?

- Клянусь, Александр! Не знала!

- Верю, верю! – рассмеялся Александр, донельзя довольный совпадением своих мнений с рассуждением Екатерины. – Ответную депешу я приказал отправить ему еще третьего дня. Генерал на подъем легок, значит, не сегодня-завтра будет здесь. Ты умница, Катя! Куда твоему Михаилу Тариэловичу! – Александр сияющими глазами поглядел на дверь детской и снова поцеловал любимую – уже не по-отечески. – Скажи-ка бонне, чтобы не пускала пока сюда детей, - шепнул он.

- Ваше императорское высочество, вам стоит только приказать! – Долгорукая, встав, присела перед Александром в шутливом реверансе. – Хотя должна вам заметить, что в такие минуты вы мне напоминаете не умудренного жизнью государя, а нетерпеливого Ромео. Да и мадам хорошо знакома с вашими обычаями. Дверь, кажется, уже заперта!

Александр радостно рассмеялся. В такие минуты он и сам с трудом осознавал, что ему уже 61 год…

Часть вторая

Пролог
Третья родина Берга

Выпроводив со двора очередного визитера-китайца, Андрюха Мундов облегченно вздохнул и вернулся в келью, где, разметавшись на неудобных – чер-те для чего таких маленьких! – подушках дремал старшой, Иван Петлин. Тот, заслышав шаги и сердитое сопение, лениво приоткрыл глаза, вопрошающе моргнул навстречу вошедшему.

- А черт его знает, чего ему, косому дьяволу, надо! – со злобинкой ответил на немой вопрос казак. – Ежели судить по евонному халату да обувке, то чин у этого китаёзы невелик. Стрекотал чего-то, вроде не сердито... Тюркского наречия он не понимает, а я другого, сам знаешь, не ведаю. Покричали друг на друга, кажный о своем, да и разошлись... Квасу бы, - неожиданно с тоской добавил Мундов, усаживаясь на нарочно притащенную откуда-то деревянную чурку: иной мебели в монастыре, куда была определена на постой нежданная здесь русская дипломатическая миссия, не водилось.

- А толмачи наши куда подевались? Так более и не объявлялись? – без особой надежды поинтересовался старшой.

- Ламы-то эти? А бес их знает! Повадились уходить куда-то, молиться по-ихнему, что ли. Сперва ненадолго уходили, а теперь и

вовсе глаз не кажут. Зазря мы, Ваня, в этакую даль забрались! Говорил я тебе, и не раз! Зазря! И пошто нам, русакам, эти китайцы сдались, не ведаю. Языка не знаем, письмена здешние, дикие, и за тыщу лет не выучишь. Подарков для богдыхана ихнего наш воевода не дал, толмачей сами кой-как по дороге сюда сыскали, да силком с собой привезли. «Послы!». А толку-то? Монгольский язык тут с трудом разумеют, а про тюркский, видно, и не слыхали даже.

- А, может, это вы с Петькой так по-тюркски талдычите, что вас не понимают? – лениво, со смешинкой прищурился Петлин. – Других-то виноватить ты горазд, я погляжу. А сам?

Мундов, обиженный постоянными подначками старшего, так резко повернулся, что чурбак вывернулся набок, и казак, матерясь, шлепнулся задом на каменный пол.

Петлин засмеялся:

- Бог шельму-то метит! Видать, правду говорю, Андрюха!

Мундов обиженно сопел, снова мостясь задом на вертлявую чурку.

- Однако, прав ты, Андрюха! – неожиданно посерьезнел старшой. – Не нашего, конечно, ума сие дело – но, похоже, воевода с посольством нашим маху дал. К самому-то, к князю Куракину, попробуй без подношениев сунуться – он ведь и говорить не станет. А то и взашей этаких гостей прикажет... А тут, в Китае, нешто иные обычаи? У нас – царь, у них – богдыхан, вот и вся разница. Помнишь, когда только пришли сюда, челядь ихняя перво-наперво про подарки для богдыхана спрашивала? И сердились, и ужасались дерзости нашей, про обиду великую ихнему императору поминали... Ламы наши с того дня перепугались, того и гляди сбегут, торопятв обратную дорогу, кажинный день близкой распутицей стращают. Пожалуй, и верно, уходить нам пора, хоть бы и не солоно хлебавши. Дорога-то дальняя, дожди начнутся – обоз увязнет, последнее бросать придется.

- Ты старшой, тебе и решать, - буркнул Мундов. – Я бы давно отсель снарядился, когда ясно стало, что не примет китайский богдыхан наше посольство. Чего, спрашивается, сидели-высиживали?

- «Давно бы снарядился!» - передразнил Петлин, с кряхтением и

руганью подымаясь с полу и разминая затекшую спину. – А кому ответ перед воеводой Ивашкой Куракиным за посольство держать? Не тебе, поди, а мне! Вернемся с пустыми руками – думаешь, обрадуется? Не поглядит на то, что мы казаки, под кнуты положит. А то и головешки наши с плеч покатятся...

- Тож верно, - мрачно отозвался Мундов. - Нам бы какую ни есть грамотку от богдыхана добыть, а? Ты, Иван, как ламы возвернутся, поговори с ними! Постращай их! Пусть сходят к богдыханскому ихнему двору, объявят, что уезжают послы. С великою, мол, обидою! И что грамота русскому князю непременно нужна! Какая-никакая, а нужна...

- Лады! – не сразу, но решился Петлин. – И впрямь, видать, пора и домой! Поди, объяви нашим мою волю: через два дня на третий, благословясь, трогаемся! Все ли к дальней дороге готовы?

- А то! – обрадовался Мундов. – Нашим только скажи, вперед лошадей побегут отсель – так-то уж всем нашенским китайщина эта обрыдла! Вот только с Бергом как быть? Не ведаю, Иван...

- Что, плох немчура?

- Куда как плох! – подтвердил Мундов. – Боюсь, не доедет... А уж защитничек из него нынче и вовсе никакой, самого оберегать надобно. Поговорил бы с ним сам, Иван, а? Ждать, покуда он поправится, мы не могём – да и поправится ли? С собой брать – так на телеге утрясет и здорового, а у него плечо до самой кости, считай, разрублено. Пускай, говорю, тут в монастыре остается, ламы китайцам объяснят, скажут. Пускай ихние лекари попользуют нашего Бергушку. Бог даст, оклемается – добредет потихоньку за нами. Ну, а ежели того... Что ж, до неметчины евонной все равно далеко. Что тут, что на Руси лежать в земле – ему, иноземцу, авось разница невелика.

- Нехорошо, Андрюха, товарища бросать на чужбине, - осуждающе покачал головой Петлин.

- Дык какой он нам, казакам, товарищ? Немец, за ефимки к царю нашему в войско подрядился. Знал, поди, на что идет-то! А за что его из Иноземного полка турнули, да в Тюмень навечно сослали, к Куракину на правёж? Никто и не знает... То-то!

- Грех, Андрюха, про человека так! Не казак он, верно! И веры

ненашенской – а служил как мог! Забыл, как он по дороге сюда лихо с дикими племенами дрался? Сколь разов мы его в прикрытие оставляли, чтобы подале с тяжелым обозом уйти? Отмахивался, да догонял...

- Оно, конечно, так, - согласился Мундов. – Так теперь что – из-за него одного здесь нам всем пропадать?

- Поглядим, - неопределенно молвил Петлин. – Пойду, навещу немца-то, а то и впрямь неловко. Не по-атамански, не по нашенски...

* * *

Через три дня, теплым и влажным утром, небольшой обоз первой русской дипломатической миссии, снаряженной в Пекин без ведома царя Михаила, единственно волею тюменского воеводы князя Ивана Куракина, выехал из ворот буддийского храма и в сопровождении группы пеших и конных воинов императорской гвардии направился на северо-запад. Посольский голова, Иван Петлин, увозил с собой единственный «трофей» сей экспедиции – свиток грамоты императора Поднебесной империи, официально врученной послам Руси на скудной официальной церемонии по случаю отбытия казаков.

Любопытная судьба ждала впоследствии эту грамоту. Доставленное через несколько месяцев в Москву, послание китайского императора никто при дворе русского царя так и не смог перевести. Царь с ближними боярами немало подивились таинственным знакам, коими была покрыта грамота, отягощенная увесистыми богдыханскими печатями на шелковых шнурках. Свиток разглядывали и так, и этак – но знаки-иероглифы от этого не становились понятными.

Впрочем, ни Посольский приказ, ни сам царь Михаил невозможности перевода нимало не огорчились, и не подосадовали. В то время Китай эпохи императорской Минской династии оказался напрочь вне интересов русской политики и дипломатии. Главной головной болью Руси стали поляки и немцы. Грамота богдыхана пролежала в царском сундуке без перевода более 50 лет, и лишь в 1675 году другой русский посол, Спафарий, случайно нашел в Тобольске толмача, сумевшего понять общий смысл послания. Говоря

дипломатическим языком, то было подобие вежливого и ни к чему не обязывающего «протокола о намерениях». Впрочем, намерениях вполне дружеских и добрососедских.

Свой след в русской истории сие послание все же оставило: с той поры все непонятные письмена стали, кстати, называть «китайской грамотой».

Что же до Ивана Петлина, то напрасно опасался он гнева воеводы по случаю провала порученной ему миссии 1618 года от рождества Христова. К моменту возвращения казачьей ватаги в Тобольск у Куракина, как и у царя, появились новые цели, новые идеи, новая головная боль. А свою дипломатическую неудачу Иван Петлин с лихвой компенсировал, написав впоследствии подробные дорожные заметки «Роспись Китайскому государству и Пообнинскому и иным государствам и кочевым улусам и великой Оби реке и дорогам».

В сем труде было немало ценной информации о природе, населении и хозяйстве Китая эпохи династии Мин. Были там подробные сведения о Пекине, о Великой Китайской стене.

Однако, описывая полное опасностей путешествие свое в Китай и обратно, Петлин по каким-то причинам ни словом не упомянул о немце с труднопроизносимой фамилией, волею воеводы приданном казакам в помощь для отражения нападений диких орд. Не вспомнил о том иноземце и сам Куракин – лишь рассеянно кивнув головой при упоминании о том, что его воинское умение и острый меч во многом способствовали тому, что миссия сумела добраться до Пекина. И что, будучи тяжело раненым в одной из последних стычек с кочевниками, иноземец, которого при дворе воеводы для краткости именовали Бергом, был оставлен в Китае. И, скорее всего, помер там...

* * *

Однако иноземец Берг выжил. В тяжелом бреду, с огромной гноящейся раной на левом предплечье, он едва осознал, что казачья ватага, к коей он был приставлен, ушла. Редкие просветы сознания сохранили смутные воспоминания о каких-то людях в странных одеждах, которые приходили поглазеть на диковинного чужеземца, умиравшего в монастыре. Он так никогда и не узнал – чьей воле или

прихоти он обязан жизнью – то ли повелению чиновников богдыханского двора, то ли профессиональному любопытству некоего китайского лекаря, в чей дом он был вскоре перенесен.

Лекарь, недолго думая, отсек иноземцу изрядно почерневшую руку по самую ключицу, перевязал кровеносные сосуды, зашил культю шелковыми нитками и передал иноземца на попечение малолетней дочери, знавшей, однако, толк в целебных свойствах многих трав. Девчушка выхаживала чужеземца целых полтора года.

Оправившись после операции, чужеземец долго еще был очень слаб и все время проводил или в отведенной ему хижине на заднем дворе лекарского дома, либо греясь на солнышке под стеной в хорошую погоду. А девчушка с изуродованными ногами, смешно переступая ими, приносила ему еду, делала бесконечные примочки на страшную рану, обтирала беспомощное тело водой и какими-то целебными настоями.

Детское любопытство маленькой китаянки и скука выздоравливающего чужеземца сотворили еще одно чудо – чудо общения. Чужеземец учил девочку немецкому, а она его – китайскому языкам. И вскоре они уже могли общаться меж собой на причудливой смеси двух языков, научились понимать друг друга.

Девочка узнала о том, что чужеземец попал в Китай из далекой северной страны. Что зовется та страна Русью, ставшей второй родиной чужеземца. Что его предки пришли на Русь из еще более далекой страны, с берегов реки Рейн – пришли, чтобы служить русскому царю в качестве солдат-наемников.

Немец рассказывал, что русскому царю служили его отец, дед, и прадед. И что он, младший потомок древнего рода, прогневал царя тем, что не пожелал брать в жены русскую девушку, и по обычаю своих предков, без царского дозволения поехал за невестой – род должен продолжаться! – в далекую Германию. Царские слуги догнали немца у самой границы, а царь в гневе повелел сослать его в Сибирь, в вотчину князя Куракина. А тот, не найдя военному искусству наемника иного применения, повелел ему сопровождать русскую миссию в Китай – так Берг и очутился здесь.

Немало подивил девочку чужеземец тем, что поименно знал всех своих предков до пятого колена. И даже нарисовал для нее

смешное дерево с раскидистыми ветвями, на котором вместо листьев были изображены таблички с именами своих предков, близких и далеких. Чужеземец принадлежал к младшей ветви этого странного дерева. Прапрапрадед Берга покинул берега Рейна, когда его старший брат был призван своим господином в Крестовый поход. В его отсутствие чернь взбунтовалась, и многие родичи Берга погибли. Вот тогда-то младший брат и подался на Русь, служить русскому царю.

Диковинной сказкой для девочки-китаянки звучало то, что через много лет старший брат разыскал младшего. Уцелев в далеких походах, он тоже подался на Русь и стал служить русскому царю солдатом-наемником, стал легионером.

Время шло. Оправившись от болезни, немец стал, чем мог, помогать лекарю, спасшему его, по хозяйству. Даже с одной правой рукой он управлялся достаточно ловко.

А потом девочка-китаянка исчезла. Чужеземцу объяснили, что она вышла замуж, и никогда более в родительском доме не появится.

Немца никто со двора лекаря не гнал. Но сам лекарь и его соседи словно не замечали чужеземца. Неохотно отвечали на его вопросы, сами разговор никогда не начинали. Чужеземец тяготился одиночеством.

Однажды, случайно, от прохожих он услыхал о том, что в стране появились иноземные купцы из далеких стран. С великим трудом он вызнал дорогу в соседний город, где объявились те купцы, и, попрощавшись с лекарем, отправился туда. Задерживать его никто не стал.

Но купцов в том городе уже не было: вместе со своим караваном они ушли дальше, куда-то на юг. Берг отправился следом, и догнал караван почти через два месяца скитаний. Догнал – и был разочарован: купцы оказались не европейцами, а краснобородыми азиатами из какой-то неведомой ему страны.

Взять с собой «однорукого шайтана» купцы наотрез отказались. И лишь посоветовали чужеземцу идти дальше на юг, к морю. Если ему повезет, он сможет дойти до прибрежных городов, куда изредка заходят корабли с людьми, похожими на него.

Добравшись до побережья, чужеземец нашел пристанище в

небольшой рыбацкой деревушке, жители которой нехотя позволили ему поселиться рядом с ними. Их язык отличался от того китайского диалекта, на котором чужеземец разговаривал уже довольно бегло. Рыбаки рассказали, что, действительно, несколько раз к их берегам подходили большие лодки с парусами, а управляли этими лодками бородатые люди, похожие на него, Берга.

Такого корабля чужеземец прождал в деревушке на берегу теплого моря почти шесть лет…

За эти годы многое изменилось. Берг постепенно сдружился с рыбаками, помогал им ставить и чинить сети. Однажды, когда в деревне появились разбойники, приплывшие откуда-то на быстрых узких лодках и принялись было привычно грабить робких рыбаков, чужеземец достал свой меч, который ему удалось сохранить в своих странствиях. Нескольких разбойников он убил, остальные в страхе попрыгали в свои лодки и уплыли прочь. В тот день китайские рыбаки из деревушки перестали называть его чужеземцем.

В честь избавителя от морских разбойников рыбаки устроили для Берга настоящий пир.

- Как тебя зовут? – спросил старшина рыбаков.

Немец задумался, и ответил не сразу. Может быть, он вовсе не хотел отвечать на этот вопрос, но все рыбаки, притихнув, смотрели на него.

- Мое настоящее имя, как имя отца, деда и прадеда, слишком для вас трудное. На Руси, где я служил в полку таких же, как и я, наемных солдат, оно тоже было трудным. Меня называли частью моего имени – Берг. Последней частью имени, - уточнил немец. – Здесь, в Китае, дочь лекаря, которая выходила меня после того, как ее отец отсек мою гнившую руку, тоже задавала этот вопрос. Я сказал: Берг. И тоже объяснил, что это только часть имени. Тогда она попросила назвать имя полностью, но, как и русичи, не смогла его повторить. Тогда она сказала, что будет тоже называть меня коротко. Но не последней, а первой частью имени – Лан. Или Лян – так оно больше похоже на китайское имя.

- Мы тоже будем звать тебя Лан, - кивнул староста. – Скажи мне правду, Лан – если здесь когда-нибудь появятся на больших кораблях люди, похожие на тебя, ты уедешь с ними за море? Ты ведь

ждешь их все эти годы, Лан?

- Не знаю, - буркнул немец. – Сначала, когда я искал иноземных купцов и шел сюда, к морю, я очень хотел уехать. А теперь не знаю. Мне некуда ехать, да и кому я нужен – без одной руки? Воевода из сибирского города Тобольска должен мне кучу ефимков, но я не хочу возвращаться в эту страшную Сибирь. Зимой там так холодно, что если плюнешь, то слюна, не долетев до земли, превратится в льдинку.

Рыбаки зашумели, стали переглядываться. Такого холода они и представить себе не могли. Но смирились: раз чужеземец Лан рассказывает им свои видения от курения волшебной травы – это его дело.

К нему снова подступились:

- Ну, а вернуться на землю своих прадедов ты разве не хочешь?

- Не знаю, - повторил однорукий. – Мир слишком велик, и я могу состариться и умереть до того, как найду могилы своих предков. Да и зачем? Там меня тоже никто не ждет.

- Тогда, может быть, ты останешься с нами? – с достоинством спросил самый старый рыбак. – У тебя и вправду нет одной руки, но второй ты сражаешься как настоящий воин! Скажи да, и сегодня же в твою хижину войдет самая красивая девушка из нашей деревни. Она будет тебе верной и преданной женой. А мужчины завтра же начнут строить для тебя настоящий дом, где хватит места и будущим твоим детям. Оставайся, Лан! Ты будешь помогать нам и научишь нашу молодежь орудовать мечом так же, как ты. А когда ты состаришься и не сможешь работать и сражаться, молодые рыбаки всегда будут класть на порог твоего дома часть своего улова. Оставайся, Лан!

- Хорошо, я останусь, - согласился, не раздумывая, немец. – Но что мне делать, если когда-нибудь сюда приплывут из-за моря мои соотечественники, и позовут меня с собой?

- Этот вопрос ты решишь для себя сам, - ответил старшина.

А через несколько лет близ рыбацкой деревушки действительно появилась португальская торговая шхуна. Узнав о том, что среди китайских рыбаков есть рослый бородатый европеец с одной рукой, купцы захотели повидать его. Они тоже спрашивали –

как зовут однорукого, откуда он родом и не хочет ли вернуться в Европу?

- Меня зовут Лан. Уезжать отсюда я не хочу, ибо не знаю своей настоящей родины.

Единственное, что попросил Лан у купцов, были книги на немецком языке. У португальских купцов таких книг не оказалось.

- Зачем тебе книги? – спросили купцы.

- Хочу, чтобы мои дети и внуки знали язык своих предков, - ответил однорукий чудак.

Он достал маленький мешочек из полотна и высыпал из него на ладонь португальца десяток крупных жемчужин. Купцы переглянулись, и стали предлагать чудаку за жемчуг разные товары. Лан выбрал кинжал дамасской стали и щедро отдал за него весь свой жемчуг.

- Если вы пообещаете привезти мне книги, я буду собирать для вас жемчуг, - сказал он. – Вся деревня будет собирать – мы знаем, где его взять! Но не берем его, потому что рыбакам эти странные камушки, которые мы часто находим в раковинах, ни к чему.

Купцы обещали в следующий раз вернуться с немецкими книгами. Но не могли, разумеется, сказать – когда это будет. Может, пройдет много лет, и однорукий Лан не доживет до этого времени? Может, лучше он сейчас покажет им место, где можно найти такие жемчужины?

- Нет, - отказался Лан. И так посмотрел на купцов, что те сразу поняли: силой у этого чудака ничего не отнять, в том числе и его тайну.

* * *

История не знает сослагательного наклонения. Что было – то произошло. Что могло случиться и не случилось – то остается уделом историков и тех, кто всегда рядом – журналистов и литераторов. Мы не знаем – дождался ли странный однорукий чужеземец Лан иноземных купцов? Получил ли он свои книги? История сохранила нам лишь скудные сведения о потомках Лана-Берга, которые так и остались жить на Южном побережье Китая. Родили и растили здесь своих детей – и встречали, по завету своего предка, почти все

корабли, заходящие в гавань далекого от Европы порта. Порта, который через много лет назовут Сингапуром…

Глава восьмая
Каторжная столица Сахалина

Двойная порция вина, выданная арестантам после выхода парохода «Нижний Новгород» из гавани Корсаковского поста в конечную точку маршрута, своей цели достигла: люди, намаявшись весь день на свежем морском ветру, быстро осоловели и вскоре заснули на своих шконках. Поэтому усиленный караул, выставленный в эту ночь по распоряжению капитана во избежание всяческих неприятных инцидентов, проскучал до рассвета, слушая разноголосый храп и сонное бормотание арестантов. Почти никто из них не проснулся и по прибытию парохода на рейд Дуэ, сопровождаемому грохотом якорных цепей, зычным командам вахтенного помощника капитана и крикам боцмана.

Зато на сахалинских берегах появление парохода с первым в этом году «сплавом» арестантов привнесло в размеренную и довольно однообразную жизнь островитян изрядную долю оживления.

Самая дальняя окраина Российской империи, остров Сахалин, отделенный от Евроазиатского материка бушующими волнами редко спокойного Татарского пролива, был до неприличия охотч до каждого мало-мальского нового события. Неважно, что именно случалось – выбросило ли на побережье дохлого кита, или в чьем-то доме рождался шестипалый младенец – событие это неизменно обсуждалось на все лады целыми неделями. На место действия любопытные продолжали ходить даже после того, как оттуда исчезали последние следы происшествия. И каждое появление в водах острова парохода либо парусника тоже, разумеется, надолго становилось главной темой всех разговоров и пересудов.

Стоило появиться на рейде Дуэ какому-нибудь норвежскому китобою, североамериканской торговой шхуне или английскому фрегату, как по маленькому обжитому людьми кусочку западного побережья Сахалина словно смерч прокатывался. Практически весь чиновный люд спешно доставал из сундуков и проветривал от едучего нафталина парадные мундиры, жены чиновников устраивали слезливые и не без истерических ноток смотры своих нарядам, чаще всего сопровождаемые беготней к немногочисленным островным портным. В дни корабельных визитов напрочь забывались всяческие вечеринки и суаре с карточными играми и без оных, и все вольное население островной столицы и ближних поселков и постов совершало длительные променады по причалам и вблизи оных. Высоко ценилась всякая возможность свести с заезжими хоть короткое знакомство, а уж если какой счастливчик получал приглашение посетить залетевшее в сахалинские воды судно, он тут же становился героем дня и на долгое время – самым желанным гостем в любом доме чиновника.

Обыватели – в основном, из отпущенных на волю поселенцев, бывших ссыльнокаторжных, – в такие дни тоже одевались поприличнее, сообразно свои доходам, и держались поближе к причалам. На приглашение в гости на корабль они, конечно, и не

рассчитывали - слава богу, если подворачивалась возможность хоть как-то услужить хмельному норвежскому или британскому матросу, а паче того – иностранному офицеру. Услужить, выпросить у него если не купюру, то визитную карточку, чтобы тут же выставить ее на видное место в своей торговой лавчонке, либо в избе, рядом с образами.

Оживлялись при появлении кораблей и многочисленные обитатели сахалинских тюрем, и преступный люд острова, мыкавшийся на воле. Новые люди на острове представляли для них желанную мишень для грабежей, разбоев, краж. Поэтому редкий визит в сахалинские воды какого-либо судна обходился без того, чтобы кого-то не избили, не ограбили, а то и вовсе не проломили бы голову.

А уж если судно было из далекой России…

Прибытие парохода из Европейской России живо обсуждали и в тюремных бараках, и на квартирах всех без исключения чиновников как тюремной, так и гражданской администрации острова.

Вот и по прибытию «Нижнего Новгорода» в прибрежные воды Сахалина телеграфисты каторжного острова из постов Корсаковский и Александровский, разъединенные сотнями верст тайги и глухого бездорожья, не спали вторую уж ночь напролет, обмениваясь длинными депешами, причем по большей части отнюдь не служебного характера.

В нестриженный затылок телеграфиста Александровского поста Старковского, склонившегося над стрекочущим аппаратом, шумно дышали водкой и сопели с полдюжины приятелей-чиновников, которых интересовали самые различные подробности. Они поминутно просили оказавшегося нынче в центре внимания связиста уточнить те или иные детали.

- Господа, господа, помилуйте! – для вида сопротивлялся тот. - Как-никак, это служебный провод… Не приведи господь, начальство прознает, про что мы тут с вами по казенному проводу пустяки спрашиваем – нагорит-с!

- Да брось ты, Тимофей Капитоныч! Какое начальство? Ты тут и есть самый главный телеграфный начальник! Орел! Все видишь, все знаешь, - его хлопали по плечам, подливали водки.- А ну-ка, спроси у

Корсакова вот еще что…

Было уже за полночь, когда в комнату, где был установлен телеграфный аппарат, заглянул сторож.

- Чего тебе, Ефим? – раздраженно отвлекся телеграфист. – Недосуг мне, нешто не видишь? Потом…

Однако сторож не только не уходил, но и продолжал делать телеграфисту какие-то таинственные знаки, зовя того в коридор. Потеряв наконец терпение, Старковский выскочил за сторожем, прикрыл за собой дверь.

- А? Что? Кто, говоришь, спрашивает? Какой татарин? Ты что, Ефим, пьян никак? В холодной давно не ночевал, прохвост? Щас я тя вместе с татарином твоим туда и определю!

Ефим, не обращая внимание на брань, просунулся к самому уху телеграфиста и шепотом назвал фамилию, от которой телеграфист сразу протрезвел.

- От Пазульского, говоришь? Чего ж молчал, дубина? Где татарин-то?

Посланец-татарин ждал на улице. Сдернув картуз, он сдержанно, с достоинством поклонился выскочившему на крыльцо Старковскому:

- Извиняй, нашальник! Я не свой воля к твоя милость ношью пришел. Пазульский прислал. Он просить тебя хочет, нашальник, чтобы ты у Корсаковский нашальник через твой провод спросил про один шеловек. Отшен просил он, Пазульский…

- Твоему Пазульскому откажешь! – хмыкнул телеграфист. – Конечно, запрос сделать можно-с… Про кого он знать желает? Барин? Это что – кличка, поди? А фамилия как у того человека? Не знаешь? А как же я узнаю? Клички арестантские, любезный, только в статейных списках прописаны. А статейные списки пока на пароходе, понимать должно… Да и то - в общих списках-то только фамилии прописаны, кличек там может и не быть, только фамилии.

- Про фамилий я не знай, нашальник. И Пазульский не знай – он сказал только, что из немцев тот шеловек, Барин. А спросить можно у корсаковский вертухай, он спросит у тех, кого там высадили с парохода. Они точно знают, нашальник. Спроси, сделай милость! А то Пазульский шибко сердитый будет!

- Попробую, - в сомнении покрутил головой Старковский. – Но не обещаю… Ты передай – это в Корсакове карантинного надзирателя просить надобно, вертухая по-вашенски. Ночь на дворе – может, он спит, а, может, и вовсе пьян. Передай – постараюсь, а там как получится. Сторожа пришлю, ежели узнаю. Где тебя искать-то?

- Как где – кандальный турьма, нашальник! –усмехнулся в жидкую бороденку гонец. – Пусть майданщик спросит – меня там все знай.

Вернувшись к телеграфу, Старковский был встречен нетерпеливым гомоном заждавшихся чиновников.

- Ты куда пропал, Тимофей? Корсаков застучался уже. Кто там тебя?

-Ты вот что, Тимофей! Еще спроси, а как…

- Погодите, господа! Тут сам Пазульский гонца прислал, его запрос исполнить надобно…

Чиновники на минуту примолкли и снова столпились вокруг телеграфиста. Засыпали его новыми вопросами:

- Надо же – Пазульский! А чего ему-то надобно?

- Сей минут, господа! Сейчас все расскажу, - Старковский склонился над аппаратом, отбивая в Корсаковский пост внеочередную депешу. - С Пазульским, с этим живорезом, шутки плохи, сами знаете! Очень он интересуется одним человечком из нового сплава, с «Нижнего Новгорода». Барином каким-то – есть ли он там…

- А кто таков, Барин этот?

- Висельник, поди, какой-то? Из благородных, должно…

- Сам ничего не знаю, господа! Бог даст – скоро узнаем, ежели мой корсаковский коллега справочки наведет. Ясно одно, господа – Пазульский просто так интересоваться никем не станет.

- А откуда он про Барина этого прознал?

- Сей вопрос не ко мне, господа! Одно скажу – в кандальной тюрьме, в нумере Пазульского, самые отпетые сидят, сами знаете. Вот у Акима Иваныча спросите, он у нас старший надзиратель – сам, поди, заходить туда опасается! А откуда арестанты про всё узнают – одному нечистому ведомо – но узнают! Верно, Аким Иваныч?

- Верно, да не совсем. Не так немного, Тимофей: в саму кандальную заходить-то захожу, потому как – служба! А вот в камеру к Пазульскому, врать не буду, не ходок-с! Не велено-с. Не любит он этого-с… Самому чего надо – передаст. И не суемся сами - потому как жизнь дорога. Ему мигнуть только – его прихвостни если не задавят, так зарежут, никакой караул не спасет. Да и чего я там забыл, у Пазульского? А про то, что живорезы наши всё всегда знают – это точно! Откуда- шут его знает…

Знаменитого Пазульского, этого хилого и немощного уже в 90 – е годы XIX века старика, действительно боялась вся каторга.

…Настоящих окон во всей Александровской каторжной тюрьме было два – одно в казенном помещении, у входа, второе – в четверном номере, где доживал свой долгий век патриарх сахалинской каторги, Пазульский.

В трех больших камерах-номерах тюрьмы половицы при постройке бросили прямо на землю, и со временем тяжелые лиственичные плахи буквально вросли в нее и только угадывались под слоем жидкой вонючей грязи, хлюпавшей под ногами двух сотен тюремных обитателей. В своем нумере Пазульский велел сделать полы по-настоящему. Он же распорядился и прорубить в стене настоящее окно, со стеклами и даже занавесками. Тюремная администрация ничего против сего самоуправства не имела: бежать Пазульскому было некуда, да уже и незачем. Да и захоти он покинуть острог – вряд ли кто осмелился бы встать на его пути.

В трех остальных номерах тюремные строители для света и вентиляции оставили в бревнах завершающего венца световые колодцы. Света как такового сии колодцы не давали, ибо местные обитатели постоянно завешивали их тряпьем. Зимой для сохранения тепла, а в жаркую пору – для того, чтобы шум и крики не привлекали внимания караульной команды и появляющихся в тюремной дворе надзирателей и смотрителей. Вентиляция здесь и вовсе оставалась понятием чудным, незнакомым, и стало быть, совершенно ненужным.

Визит в здешнюю тюрьму человека с воли не был для Сахалина чем-то необычным. Не чинилось препятствий для выхода из острога и самим арестантам, а дремавшие у ворот солдаты караульной команды лениво окликали лишь тех, у кого на ногах звякали

кандалы. Да и кандальникам, впрочем, было достаточно столь же лениво соврать про распоряжение господина надзирателя, и караульный снова погружался в дрему.

Сутки напролет в тюрьме чадно коптили светильники, понаделанные из глиняных черепков и наполненные свиным жиром. Свечи, впрочем, тоже были в ходу, однако использовались только при большой карточной игре. Игра же обычная, «будничная» шла в трех номерах тюрьмы тоже сутками напролет, и прерывалась на одних нарах лишь с тем, чтобы с новым азартом начаться на соседних.

Там, где затухала игра, обычно оставалась проигравшаяся до последней нитки жертва – нередко голышом, лишь прикрытая жалким тряпьем, плачущая. Вот и в тот день тихо подвывал на нарах вольный мужик, заглянувший накануне в тюрьму на «карточный огонек» ради «спытания своего фарту». Разумеется, «фарт» здешних «мастаков» оказался удачливее, и к утру поселенец остался не только без гроша, но и проиграл с себя все, включая видавшие виды обувку и картуз.

Держась за голову и подвывая, поселенец совершенно не замечал, что с верхних нар ему на голову сыплется подсолнечная шелуха – так лениво выражали ему свое «сочувствие» оставшиеся без развлечения зрители и свидетели только что закончившейся игры. Время от времени жертву однообразно окликали:

- Эй, дядя, как же ты без порток-то домой пойдешь?

Поселенец не отвечал, лишь вой его становился громче. Этот вой и привлек в нумер пожилого татарина-майданщика. Заглянув в дверной проем, майданщик прикрикнул:

- Чего воешь, сволош? Проиграл – и иди себе к баба домой. Или Пазульского разбудить хочешь? Разбудишь – совсем по другому выть станешь. Ступай вон, кому сказал?!

- Так ён же без порток, бабай! – хохотнули с верхних нар.- Как ему идтить-то?

- Мой какой дело? Его никто не звал. Штаны, халат надо - пусть покупает.

- На что покупать-то? – всхлипнул мужик. – Коты и те отобрали, даром что подметки совсем отвалились. Слышь, бабай, я курицу

принесу, вот те крест! Соседу в ноги упаду, он зажиточный. А то украду где-нито. Ты ж меня знаешь, не сбегу никуда с Сахалина ентого. А, бабай? А ты мне штаны какие-нибудь, рубашку, а?

- Много вас тут шастает, штанов на всех у меня нету,- покачал головой майданщик. – И тебя я знай. Штаны возьмешь – и тут же на кон поставишь. Не дам!

Майданщика окликнули из темноты коридора, и тот заспешил на зов: просыпался Пазульский.

Имя Пазульского с почтением и страхом повторяли во всех централах Российской империи. Этот человек при жизни стал легендой преступного мира.

Его много раз судили, но ни в одном следственном либо судебном документе не было достоверных сведений о его сословном происхождении, месте рождения, его родителях и родственниках. Невероятно, но казалось что этот человек взялся ниоткуда – сразу двадцатилетним и «в агромадном авторитете» главарем дерзкой шайки, совершавшей серии налетов на богатые поместья и дома Малороссии. Ничего не рассказывал Пазульский о своем детстве и отрочестве и на тюремных нарах, однако многое в его поведении, манерах речи и привычках говорило о том, что родился и воспитывался он отнюдь не в крытой соломой бедной хате. Такая таинственность сама по себе рождала легенды о его дворянском, а то и великокняжеском происхождении. Однако всей правды не знал никто.

Настоящая уголовная слава пришла к Пазульскому во время его второй отсидки в Херсонском централе. Короли преступного мира, иваны, в то время еще не считали его равным себе и держали, несмотря на все его подвиги во главе шайки,от себя на расстоянии. Да и Пазульский, казалось, вовсе не стремился занять высшую воровскую ступень – он жил так, как считал правильным сам.

Старшим надзирателем в Херсонском централе служил тогда некто Назаров – личность также в уголовных кругах довольно известная. Недюжинная физическая сила Назарова всегда была дополнена револьвером и тяжелым кастетом, которые он пускал в ход не задумываясь. К тому же его охранял закон: только за попытку напасть на представителя тюремной власти в те годы полагался суд

специального трибунала и петля. К тому же Назаров всегда был настороже, а рядом с ним постоянно находились верные и бдительные помощники.

Назаров был очень тщеславным человеком, обожал демонстрировать силу и свое превосходство, никогда ничего не забывал даже через много лет, в отличие от многих своих сослуживцев относился к иванам так же, как и к мелкой уголовной сошке. Даже наоборот: при всяком удобном случае норовил нарочно унизить главарей уголовного мира и тех, кого тюрьма уважала. Иваны терпели, матерились и разводили руками: ну что тут поделаешь? Сила, она и солому ломит. И петля верная…

Однажды судьба свела Назарова и Пазульского в прогулочном дворе централа: старшему надзирателю показалось, что молодой, но весьма авторитетный в тюрьме бандит недостаточно быстро снял при встрече с ним шапку. Не тратя лишних слов, Назаров жестом подозвал караульных и кивнул на наглеца: поучите-ка…

Пазульского сбили с ног и «учили» ружейными прикладами до тех пор, пока тот не потерял сознание. Потом солдат принес ведро воду и окатил Пазульского. Тот открыл глаза, увидел усмехающееся лицо старшего надзирателя, кое как поднялся, выплюнул несколько выбитых зубов. Спросил – достаточно вежливо, видимо, искренне не понимая причины наказания:

- За что меня этак-то, ваш-бродь?

- А просто так! - хохотнул Назаров. – Настроение у меня нынче такое. Веселое! Да и шапку ты, ублюдок, в следующий раз проворней сымай – для верности, как говорится!

- Во-первых, я не ублюдок, ваш-бродь. Папенька с маменькой в законном браке меня родили. И шапку я снял по уставу – за десять шагов, коли не больше.

- А хотя бы и так! – еще больше развеселился Назаров. – Мне-то что? Не забывай, щенок, кто тут хозяин – и весь разговор. Ну, пшел отсель, а то еще велю добавить!

Пазульский оглянулся: на них смотрел весь тюремный двор.

- Что ж, ваш-бродь, урок я твой запомню, - Пазульский выплюнул под ноги Назарову еще один зуб. – Только и ты запомни, ваш-бродь, что убить мне тебя придется.

- Ой, испугал, сопляк! – насмехался Назаров. – И как же ты меня убьешь?

- Горло перережу. Вот так! - и Пазульский провел по своему горлу пальцем от уха до уха.

- Сие есть публичная угроза смертью чину тюремной администрации, - кивнул Назаров. – И подлежит рассмотрению суду специального трибунала. Ну, а пока дам-ка я тебе сейчас, морда, месяц карцера. И каждый день тебя там навещать стану. Чтоб не скучал, значится. В «холодную» его!

Еще месяц после «холодной» Пазульский отлеживался на нарах, скрипел зубами от боли и молчал. А когда начал потихоньку вставать, к нему подошел один из авторитетных иванов, напомнил про воровской «кодекс»:

- Ты, паря, молод ишшо, но знать должон. Иваны тя к себе приблизили, а ты языком размахался. Ну, перед Назаровым, тогда! Да ты помнишь ли? – громила всмотрелся в опухшее лицо Пазульского.- Может, ты не в себе был опосля прикладов-то? Тогда ничо, ничо, паря! Тогда люди поймут, и словом нечаянным тя попрекать не станут. Наверное…

- Ты про что, уважаемый? – ровно поинтересовался Пазульский.- Никак про то, что я Назарова убить пообещал? Всё помню, уважаемый. И слово мое крепкое. Сказал – сделаю!

- Тебе жить! - пожав плечами, сплюнул громила.- Тока и про законы нашенские не забывай. Не сделаешь, как сказано – тебя иваны на сходняке самого на ножи могут поставить. Чтоб люди, стало быть, знали цену слова варнацкого… Дурак ты, паря! Зачем тебе все это? Тут петля, там нож… сказал бы - не помню, мол - и дело в шляпе.

Пазульский промолчал. А на следующий день Херсонский централ был изумлен его дерзким, почти невозможным побегом. Удаль и фарт Пазульского иваны одобряли, а относительно его будущего сомневались: и так, и так не жилец, Пазульский-то… Поймают ведь все равно, рано или поздно. А тюрьма ничего не забывает.

Гулял на свободе Пазульский, действительно, недолго. И через пару месяцев снова был пойман, судим и попал в Херсонский

централ. Уже потом ушлые уголовники догадались, что попался Пазульский нарочно. И на судебном следствии, и во время самого процесса даже взял на себя «лишку» в обмен на негласное соглашение: суд должен был послать его отбывать наказание именно в Херсон…

Причина былавот какая: до Пазульского дошли слухи, что старший надзиратель Херсонского централа Назаров собирается в отставку. Здоровье у него было по прежнему отменным, да неприятный казус поставил-таки крест на его карьере: распарившись как-то в баньке, Назаров после выдул целый жбан ледяного пива и напрочь потерял голос. Начальство назаровское потерпело сколько возможно, потом развело руками – должность зычного голоса требует, а не шипения.

Со дня на день Назаров должен был уйти в отставку, вот Пазульский, прослышав про это, и поспешил за решетку.

Потом его не раз спрашивали: зачем, мол, в тюрьму-то торопился? Назарова на воле сподручнее было даже зарезать. К тому же за убийство партикулярного лица смертной казни не полагалось… Но Пазульский решил выдержать форс, сдержать свое слово там, где его давал – в Херсонском централе... А петля его, по всей видимости, не пугала.

Но это было потом. А пока весь централ, затаив дыхание ждал развития событий – либо обещанной расправы лихого Пазульского с Назаровым, либо сходняка с ножами за несдержанное слово молодого атамана. И ждала, надо сказать, недолго: несмотря на постоянные обыски, Пазульский нашел-таки возможность сохранить «заточку» и подобраться с ней к Назарову.

Все случилось как по заказу. Расстроенный скорым концом своей карьеры, Назаров в последние дни службы бдительность подрастерял. Да и к стакану стал прикладываться, объясняя товарищам, что на службе не пьет, а только горячим грогом лечится. Пытается голос прежний, стало быть, вернуть. Товарищи с начальством уж и рукой на бедолагу махнули: пусть его!

В такую-то минуту глубокой задумчивости брел как-то Назаров по тюремному двору в надзирательскую, едва поглядывая по сторонам, и очнулся от невеселых дум только при виде фигуры

арестанта, сломавшегося в поклоне чуть не пополам. Была в том поясном поклоне столь явная насмешка, и Назаров остановился, присмотрелся к фигуре. Прошипел:

- А ну, разогнись, морду покажи, сволочь! Кто таков будешь? Чего тут цирк устраиваешь, негодяй?!

Фигура послушно разогнулась, и Назаров немедленно узнал в ней Пазульского.

- А-а, вернулся, брат Пазульский! Как ни бегал, а все одно вернулся, ублюдок польский!

- Дозвольте доложить, вашь-бродь, вернулся!–весело отрапортовал Пазульский.- Все опасался опоздать, так уж спешил, так спешил, ваш-бродь!

- Опоздать боялся? Куда опоздать-то? –Назаров закашлялся, схватился за горло.

- На казнь твою опоздать, ваш-бродь, мною обещанную! – снова сломался в шутовском поклоне арестант. И тут же ерничать перестал, глянул вверх исподлобья, коснулся длинными пальцами разношенной обувки – и стремительно разогнулся, уже с острой как бритва заточкой в руке. Рванулся вперед, мимо опешившего конвоя, длинно взмахнул рукой – и рассек, как и обещал, надзирательское горло от уха до уха.

Тело Назарова еще нелепо махало руками и загребало ногами, когда опомнившийся конвой схватил бунтовщика, кинул на землю, прижал руки сапогами. А Пазульский весело, скороговоркой, предостерегал:

- Только глядите, братцы-солдатики, прикладами не машите! А то ведь и вас такая же смерть лютая дожидаться станет… Тащите меня в карцер!

От неминуемой тогда петли Пазульского спасло вскоре случившееся рождение в монаршей семье великого князя: по этому случаю был издан царский манифест, дарующий прощение всем убийцам. Прощение, правда, было сомнительного свойства: смертная казнь Пазульскому была заменена на бессрочную каторгу без права помилования.

И пошла гулять с тех пор по тюрьмам и острогам, по ближним и самым далеким каторгам Российской империи слава Пазульского.

Периодически он в одиночку или с сообщниками совершал дерзские побеги – порой из тех тюрем, откуда до него никто и никогда не бежал. Особенностью этих побегов было то, что к намеченной цели, Пазульский шел напролом, без колебаний убивая тех, кто стоял на его пути или мешал ему – тюремщиков, солдат караульных команд, своих же товарищей, заподозренных в измене или трусости.

Рано или поздно Пазульского ловили, снова судили и сажали, выбирая для него каторги и тюрьмы все более далекие от центра России. В неволе его встречали поистине с королевскими почестями. Матерые иваны дрались за честь услужить Пазульскому, на лету ловили каждое его слово или пожелание. Тюремщики уже не осмеливались не то что окрикнуть или ударить короля преступного мира – даже сделать ему замечание за грубое нарушение считалось смертельно опасным. «Пазульский идет по крови как посуху!» - крестились поседевшие на службе тюремщики.

Шли годы, «гарный хлопец» Пазульский старел. У него рано пробилась плешь, и к пятидесяти годам длинные седые пряди остались только над ушами и на затылке. К этому времени он попал на Сахалинскую каторгу. И тут объявил: «Баста! Больше бегать не стану, устал. Поживу на покое…»

Для жизни на покое Пазульский выбрал один из четырех номеров Александровской каторжной тюрьмы, поселившись там с пятью самыми верными дружками и телохранителями. Остальные две с лишком сотни испытуемых без ропота поселились в трех оставшихся номерах.

Камеру, по повелению Пазульского, арестанты благоустроили как могли. Заменили полы, повесили дверь (остальные номера таковых не имели по тюремному уставу), прорубили окно. Лишний ряд двухъярусные нар Пазульский выбрасывать почему-то не велел. И часто прогуливался по своему номеру, перебирая руками стойки нар.

Изредка он выходил из своей камеры в длинной, ниже колен рубахе серого холста и таких же серых чистых портках, в неизменных обрезанных валенках, по непогоде дополняемых галошами, с посохом в руках. Гулял Пазульский всегда в одиночестве: приближаться к нему никто не смел, разве что сам покличет кого. В таком виде, с

длинными седыми прядями и белоснежной длинной бородой он поразительно походил на некоего библейского пророка, снизошедшего на грешную землю.

В то утро, 14 июня 1881 года, Пазульский проснулся как всегда, в девятом часу утра. Без кряхтений, стонов и обычного для каторжников сквернословия открыл глаза, повернулся и не спеша сел на кровать, мастерски врезанную в нары. Захоти он – и сюда бы притащили настоящую кровать, хоть купеческую, с пологом и перинами, никто бы и слова не сказал. Но Пазульский велел сделать именно так – и сделали.

Сторожившй каждое движение патриарха каторги глухонемой Гнат, состоявший при Пазульском в услужении еще с молодости, соскользнул с нар, выглянул в коридор, пихнул первого попавшегося арестанта, жестом велел позвать майданщика. А сам поспешил обратно, подхватив по дороге кувшин с водой для умывания и лоханью.

А там и майданщик-бабай подоспел с кринкой молока и теплой белой сайкой, завернутой в чистую тряпицу. Пазульский, не глядя, протянул руку, долго мял белый хлеб беззубыми деснами, запивал молоком. Бабай стоял рядом по солдатски, не шевелясь и молча: вдруг Пазульскому чего понадобится еще? Такое редко, но случалось, а ждать патриарх каторги не любил.

- Ну, рассказывай, - наконец открыл рот Пазульский. Закончив завтрак, он желал услышать новости.

Нынче главной новостью Сахалина – и вольного народонаселения, и арестантов – было прибытие «с России» парохода, «Нижнего Новгорода». Пароход, правда, еще только стоял на рейде у поста Корсаковского, но телеграф уже появился на Сахалине, и новость по проводам исправно прилетела в островную столицу.

- Значит, новые души-страдальцы в нашу островную обитель прибыли, - понятливо кивнул Пазульский. – «Нижний Новгород», говоришь? Что-то я слышал насчет этого «Новгорода», от кого только, дай бог памяти… Покличь-ка мне Архипа, бабай!

- Слушаюсь, уважаемый! Булошка оставить? Или оставить прикажешь?

- Оставь. Сегодня погоды вроде приятные, выйду потом, птах, может, покормлю. Ступай…

- Публика как публика, обнакновенная, - докладывал вскоре вызванный к Пазульскому бессрочный каторжник Архип, наперечет знавший по именам и кличкам почти всех иванов. – Галетники, одно слово.

Галетниками на сахалинской каторге презрительно именовали каторжан, попадавших сюда пароходами. «Настоящими» каторжанами, по разумению местных обитателей, считались лишь те, кто «измерил Расеюшку ногами, прозвенел кандалами через необъятные сибирские просторы, прошел через ад печально известной Карийской каторги.

- Канешно, и среди галетников стоящие людишки водятся! – спохватился Архип. – Люди баили ишшо прошлой осенью, что, с пересылок собирают на весенний сплав многих страдальцев истинных.

Загибая корявые пальцы, Архип начал быстро перечислять Пазульскому клички иванов, которых должен был доставить на Сахалин «Нижний Новгород».

- И Барин, уважаемый, непременно должен из Псковского централа прибыть, - со значением закончил свой перечень Архип.

Пазульский кивнул:

- Помню, как же. Из благородных он, слыхал. Несколько душ в Петербургском тюремном Литовском замке загубил. Из офицеров?

- Все ты помнишь, уважаемый! – восхитился Архип. – Точно! Из охвицеров, баили, сволочь! Дык ён и во Пскове бузу поднял перед самым этапом, несколько наших положил. Силищи, грят, необнакновенной тот Барин.

Пазульский усмехнулся, коротко взглянул на Архипа:

- Чего же ты за глаза сволочишь человека, Архип? Только за то, что он из благородных? Так ведь и про меня говорят, что не простого роду-племени Пазульский.

Архип сжался, похолодел: хоть и не было злости в голосе патриарха каторги, однако ясно было, что зазря он, Архип, неуважительно об арестанте из благородных отозвался. И примеры тому были – вот так же, негромко да ласково, Пазульский не раз и не

два к смерти людей приговаривал. А то и молча – поглядит на немтыря своего Гната, тот неугодного и придушит враз. И не вырвешься, лапы у немтыря нелюдской величины, лопату пальцами обхватить может.

- Извини, уважаемый, я со сна, должно, не то языком своим что ляпнул,- заюлил Архип. – А про тебя – что ты! Боже упаси! Про тебя плохо и подумать-то страшно, не то что сказать! Да и что сказать, коли ты всей каторге голова!

- Ладно тебе тарахтеть-то! – Пазульский отвернулся, сплюнул прилипшую к десне крошку. – Ты вот что – скажи-ка бабаю нашему, пусть к вечеру в пост сходит. В телеграфную контору. Может, телеграфист что знает про Барина этого. А не знает, так пусть узнает, по проводу спросит. Очень мне интересен Барин этот… Ступай, не трясись тут, Архип, не серчаю я на тебя! Поживи покуда, горемычный…

В прочих «нумерах» Дуйской и Александровской каторжных тюрем в день прибытия «Нижнего Новгорода» также царило суетливое оживление. Смотрители тюрем, обычно не озабоченные санитарным состоянием камер и самих тюрем, к прибытию каждого парохода с новым «сплавом» карантинные отделения для новоприбывших, по неписанной традиции, приводили все же в «божеское состояние». Плотники из числа арестантов посылались наскоро заменить самые гнилые доски и стойки нар, уборщики отскребали с полов часть вековой грязи и непременно натаскивали в карантинное отделение уйму еловых лап, разбрасывая их для «хорошего духа» под нары и на них.

Известие о прибытии парохода с новичками вносило радостное оживление и в сами тюремные камеры: почти все каторжане, за исключением разве что самых забитых «поднарников», предвкушали скорую разживу за счет новоприбывших. А наиболее отчаянные глоты, стремясь поспеть к разживе первыми, не упускали случая заранее спрятаться под нарами в карантине – чтобы успеть «остричь шерсть» с новичков прежде прочих.

Уловка была старой, всем знакомой, и поэтому смотритель Ерофей Павлович Симеонов, доложив начальству о готовности карантина к заселению новоприбывшими, решил все же самолично

обойти все помещения и потыкать длинной палкой с нарочно вбитым гвоздем во все подозрительные груды лапника – больше в камерах карантина спрятаться было просто негде.

Сопровождающий Симеонова староста отделения суетливо бежал впереди, с негодованием отбрасывал ногой с пути начальства мусор и кусочки лапника, поминутно оглядывался и всем своим видом показывал готовность услужить.

- Так что, ваш-бродь, наши-то оглоеды все вроде на месте. Да и я туточки в оба глаза глядел, когда лапник-то заносили. Самолично! Не должно тут непорядку быть, ваш-бродь!

- «Не должно, не должно»! – передразнил старосту Симеонов. – А найду кого в карантине?

Кряхтя, смотритель согнул спину и ткнул палкою под нары, откуда тут же послышался сдавленный вопль боли.

- Самолично, говоришь?! – смотритель грозно и с торжеством поглядел на старосту. – А тут кто? Эй, морда! А ну-ка, вылазь на сет божий! Вылазь, говорю, пока не стрельнул!

Лапник под нарами зашевелился, и к ногам смотрителя выполз полуголый человек, едва прикрытый какой-то рваниной. Опасливо поглядывая на смотрителя, человек судорожно поправил сползающие с тела тряпки и скорчил жалостливую гримасу:

- Так что заснул, ваш-бродь! По нечаянности…

- Кто таков?

- Так это ж Кукиш, ваш-бродь! Ён не в своем уме маненько, дело известное! – поспешил с ответом староста. И, оборотившись к арестанту, грозно добавил. – Я т-тебе, сволочь, покажу кузькину мать! Прятаться удумал, паскуда!

Симеонов, открыв было рот для гневной тирады, обреченно махнул рукой и отвернулся. Кукиш и есть Кукиш, чего с него взять?

- Гони его в шею отседа! – распорядился он и пошел тыкать палкой дальше. – Впрочем, погоди-ка! Закончу здесь осмотр, сведу негодяя в канцелярию. Три десятка «лозанов» по филейным частям в самый раз ему будут…

Если бы Антоха Фролов по кличке Кукиш , записной глот из каторжной тюрьмы для испытуемых, имел склонность и способности к объективному анализу и самооценке, то наверняка бы давно и

основательно поправил свой собственный статус вечного тюремного сидельца. Еще подростком отпущенный с благословения родного дядьки-старосты из деревеньки под названием Змеевка Тульской губернии на вольные хлеба, Антоха от природы имел вид человека, которому хотелось верить и доверять. Этому в немалой степени способствовали широко раскрытые на мир голубые глаза, умение на лету схватывать пожелания нужного человека и исполнять поручения быстро и даже с некоторой лихостью. И слушать он умел внимательно, и поддакнуть вовремя…

Те самые вольные хлеба начались для Антохи буквально на второй день после его отъезда с обозом из Змеевки – даже до Тулы клешнястые и рахитичные кони довезти его не успели. Обозники после ночевки на постоялом дворе только готовились хлестнуть веревочными вожжами по плешивым лошадиным бокам, да не успели, привлеченные шумом и гамом на заднем крыльце кабака. Там хозяин постоялого двора «учил» выволоченного за вихры парнишку-прислужника. Парнишка привычно подвывал после хозяйских тумаков, извивался, однако рвануть прочь, хоть и мог, не пытался – зачем бежать? Поколотят, да и простят небось.

Однако терпение у хозяина на сей день кончилось. Наградив парнишку очередным пинком и сбросив его с крыльца, он поманил ближайшего возчика:

- Слышь, ты, как тя там… Заберите отсель с собой этого аспида! Глаза б мои на него, кривого, не глядели! Увези, право слово, пока до греха не довел! До смертоубийства.

- Подворовывает малец? –догадался мужик. – А мы его куда?

- Да хоть до ближайшего омута!- махнул рукой хозяин. –Ну, правда, увезите его, мужики, отсель хоть до ближайшей деревни! Авось там прибьется где ни-то. А то поленится, воровская душа, пешедралом возвращаться. Возьмите, мужики! Ей-богу, на водку дам, коли увезете с глаз. У меня и порядочные клиенты порой ночуют, стыдно, говорят, такую кривую воровскую образину при людях держать.

- Увезти хитрость невелика, - согласился мужик-возчик, приняв на ладонь пару медяков на водку. – А тока где ты, хозяин, при нонешних порядках, неворовитого полового себе найдешь?

- Тож правда, - вздохнул хозяин. – Только у этого и рожа-то, видишь, такая, что порядочный человек, увидя, загодя за свои карманы хватается. Мне б попроще, деревенского малого найти. Вот хоть вроде вашего пострела!

- Э-э, дядя, наш пострел нам и самим надобен! – быстро сообразил второй возчик, с завистью поглядывая на медяки у товарища. – Племяш старосты нашего, в город везем, в городскую прислугу отдавать. Расторопен, услужлив, бога боится и старших почитает, во как!

Хозяин поглядел на Антоху еще раз, оценил увиденное и услышанное. Оглянулся на распахнутую дверь, за которой шумели оставленные без присмотра посетители. Много их нынче, а без расторопного помощника и впрямь трудно. Невелика птица, конечно, деревенский староста, а все ж кого попадя бляхою народишко не отметит. А староста, раз в деревне за порядком следит, то и в семействе своем, небось, того пуще.

В общем, ушел тот обоз из постоялого двора без Антохи. И тот до самой зимы при кабаке на тракте прокормился. И поколачивали его, конечно, и за вихры хозяин таскал, однако в общем и целом Антохой был доволен. А он и вправду не кусошничал, на копейки, иной раз нарочно хозяином оставленные, не зарился. Всё найденное по-честному, в глаза глядя, приносил и сдавал.

Скоро даже кое-кто из частых клиентов и постоянных проезжающих Антоху отмечать стал. Одним из таких постояльцев был некий картежник Савичев, на старости лет испортивший руку пристрастием к шустовскому коньяку. В приличные городские клубы Савичева уже не пускали, все чаще били по традиции подсвечниками, вот и осталось ему на постоялых дворах искать случайных скучающих любителей перекинуться в картишки. Изящные и незаметные для «лохов» карточные вольты Савичеву уже удавались не всякий раз, вот и задумал он завести способного помощника- подсказчика.

Савичев сделал Антохе конкретное предложение. Тот, недолго поломавшись, согласился войти в малую шулерскую долю.

И хозяин не без прибыли остался. Отгородил на втором этаже специальный кабинет с солидной мебелью для карточной утехи

господ проезжающих, выписал из Тулы несколько ящиков дорогих вин и коньяков. А обслуживал картежников всякий раз непременно Антоха.

Чисто одетый, умытый и аккуратно подстриженный, молчаливый и расторопный - само собой. И у Савичева был вид весьма располагающий, а уж Антоха – с его наивными глазами и застенчивой улыбкой, опрометью бросающийся исполнять даже не высказанные еще, а только зарождающиеся пожелания господ проезжающих – вскоре стал своего рода живой вывеской честности и респектабельность карточного промысла.

Систему условных знаков Антоха освоил в совершенстве. И даже вскоре, к немалому удивлению Савичева, предложил несколько придуманных им же приемов облапошивания рискнувших оказаться за одним столом с матерым шулером.

- Тебя, парнишка, мне бог послал на старости лет! – откровенничал порой после удачного вечера Савичев. – Эх, будь я помоложе, а ты постарше – мы с тобой, Антоха, такое бы предприятие завернули…

Антоха и такие откровения на ус мотал – до поры до времени. И каждую свободную минуту, запершись в своем чулане, разрабатывал картами пальцы по показанной старым картежником методе, осваивал шулерскую ловкость рук. Только мизинцы долго не соглашался специально ломать, чтобы в лубке срослись они чуть гнутыми и более способными для шулерских вольтов.

Хоть и осторожничал Савичев, большую игру на постоялом дворе затеивал не каждую неделю, а при малейшей опасности нарочито проигрывал, нехорошие слухи все-таки вскоре поползли. Надо было, пока не поздно, убираться из-под Тулы куда подальше. А куда? Как? Без Антохи Савичев уезжать не хотел –где такого другого кумпаньона сыщешь? А хозяин постоялого двора, привыкший к щедрым чаевым от картежного промысла, нипочем не желал добром отпустить парнишку.

И паспорт вольноотпущенного Фролова подальше запрятал, и в полицию грозил сообщить, ежели тот, польстившись на уговоры, без паспорта все же сбежит. Савичев с горя ударился в очередной запой. Антоха, ввиду своей ненужности прислуги при кабинете, вновь был

поставлен хозяином на работу в общую залу, чему вовсе не обрадовался – привык за несколько месяцев к приличным, хоть и шумным порой гостям, чаевым и господской еде, коей в кабинете всегда оставалось изрядно.

Проблему – то ли волею случая, то ли по наитию – решил опять-таки он, Антоха!

Думал-думал, да и снес местечковому еврею-портному пожертвованный ему Савичевым нечаянный выигрыш – фрачную пару. Попросил мастера подогнать господскую одежду на свою фигуру. Еврей пожал плечами – если оборванец-половой из кабака желает тратить денежки на совершенно ненужную ему вещь, почему он, честный портной Соломон, должен отказываться от такого заработка?

Надо заметить, что за несколько месяцев сытой жизни Антоха из тощей деревенской «оглобли» превратился в статного юношу, да и выглядел старше своих 15 лет. Даже старый Соломон ахнул и всплеснул руками, когда оборванец обрядился в подогнанный по его фигуре фрак и брюки французского покроя. Уж не послал ли бог в его скромную мастерскую графа Монтекристо, или, на худой конец, чьего-то незаконнорожденного сына из благородной фамилии, вынужденного скрывать свое высокое происхождение? – пошутил даже Соломон. И предложил Антохе дополнить фрачный наряд манишкой и галстуком-бабочкой.

Нагруженный обновками, Антоха пробрался в комнату Савичева, где тот храпел в обнимку с очередной бутылкой. Тихо переоделся, намалевал перед зеркалом тоненькие усики и разбудил учителя и наставника.

Пробудившись, тот поначалу просто не узнал Антоху и обратился к нему как к милостивому государю. Потом замолчал, старательно протер глаза, перекрестился. Вылив себе на голову над лоханью целый кувшин холодной воды и даже не вытираясь, Савичев подвел Антоху к окну, придирчиво осмотрел со всех сторон, вздохнул и опустился в кресло.

- Я говорил – мне тебя бог послал! – помолчал, усмехнулся и попросил. – Подай-ка мне бумажник из-под перины, господин хороший! А сам быстренько переодевайся, да позови хозяина. Будем

твой паспорт выкупать, сколько бы этот скряга не запросил! Да, Антоха, удивил! Прямо граф Монтекристо! И унеси отсюда, к чертовой матери, весь этот коньяк!

- А чё такое –монтекристо какое-то? – поинтересовался Антоха, облачаясь в обычную одежду. – Яврей тот обозвал, и вы, ваш бродь, тож самое говорите.

- Я тебе потом объясню, Антоха! И тебе, кстати, подучиться бы не мешало. Наукам там, литературе… В приличном обществе вращаться скоро будем!

Савичеву удалось таки убедить хозяина постоялого двора расстаться с паспортом Фролова. Обошлось это недешево, и «лопатник» старого шулера после выкупа изрядно похудел.

- Да я за такие деньги два паспорта куплю! А то и три! – кричал на кабатчика Савичев в пылу спора.

- Так то фальшивые будут! – стоял на своем хозяин. – А энтот любую проверку пройдет.

- Ну, что мил-человек! Мой ты теперь! –Савичев обнял Антоху за плечи. – Да ты не бойся, не обижу! Это я так, любя! Наследником сделаю. А только мизинцы теперь непременно ломать надо – сам судьбу выбрал!

Антоха и сам понимал, что надо. Он не раз с завистью наблюдал за вольтами своего наставника, когда карты, как по волшебству, словно сами собой ложились в тасуемую колоду в нужном порядке. Сам он, как ни бился, повторить такого не мог – хотя Савичев и признавал изрядную ловкость парнишки.

- Не бойся, - повторил Савичев. – По дороге в Петербург заскочим в Москву-матушку, там доктор один живет, свой человек! Он и сломает не больно, и лубок правильный наложит, чтобы косточки срослись как надо. За три недели заживет, потом месяца три придется былую ловкость пальцев восстанавливать. И еще столько же на совершенствование техники. А там!..

-Долгонько что-то – пожаловался Антоха.

- Ничего! Потерпим! Во-первых, - увлеченно загибал пальцы Савичев. – Во-первых, мы эти полгодика можем потихоньку, не зарываясь, нынешнюю игру играть. Не в кабаке, конечно – приличный дом найдем, прислугой туда тебя устрою. Во-вторых,

учителя наймем, чтобы он тебя, неуча, за это время поднатаскал в науках разных. Рожа-то у тебя, мил-человек, самая что ни на есть подходящая. Наивная, простецкая – а разговор с благородным «лохом» поддержать не способен.

Поначалу у них и получалось так, как планировали. Московский доктор без расспросов произвел требуемую операцию. В Санкт-Петербурге Савичев снял внаем небольшую квартирку и целыми днями рыскал по северной столице, разыскивая старых полезных знакомых и обзаводясь новыми. Антоха начал ходить к учителю-надомнику, однако особыми успехами в науках похвастать не мог.

- Не лезут в меня эти науки, хоть тресни! – жаловался он Савичеву. – Как зачнет этот немчура талдычить, глаза сами слипаются.

Наставник сердился, подумывал над тем, чтобы сменить учителя, да не успел, помер. Пал жертвою собственных страстей, как успел он напоследок шепнуть воспитаннику.

Случилось это на третий месяц проживания Антохи в Петербурге. Савичев, несмотря на клятвенные обещания, помаленьку стал вновь прикладываться к любимому шустовскому коньячку. И играть начал – что бы не потерять, как уверял, мастерство. И сел однажды не «за тот стол и не с теми людишками».

У столичных шулеров было свое, крепко сбитое сообщество. Пришлых здесь не любили, справедливо видя в них конкуренцию, а хуже того – провинциальную шантрапу, способную «испортить прикормленное место». К тому же,попытки мухлевать со своими считались и вовсе дурным тоном.

То ли Савичев сболтнул по пьяному делу о своих наполеоновских планах покорения столицы, то ли применил в игре запрещенный среди своих прием - Антоха так и не узнал. Савичев куда-то пропал на три дня, а на четвертый за Антохой на квартиру пришел какой-то хмурый дядька из больницы для бедных, куда полиция свозила побитых да покалеченных искателей счастья.

- Сродственник твой преставляется, - без волокиты объявил он Антохе .- Думали, так и помрет не в себе, а он сёдни очухался, меня позвал и адрес сей дал. Двугривенный посулил, ежели потороплюсь. Так что пошли, отрок! А то помрет твой родственник, и кукиш с него

тогда получишь.

Жестоко избитый коллегами-шулерами, Савичев «крестника» все ж дождался . Сказать, правда, успел немного, больше хрипел и харкал кровью.

- Пропадешь ты тут без меня, Антоха! Верно говорю – пропадешь. Малец ты способный, да толком мастерству карточному обучить я тебя не успел. Уезжай в свою деревню, деньги я тебе отдаю, наследство. Корову там купи, что ли… Надел земли…

Разумеется, Антоха никуда из Петербурга не уехал. Несколько дней бродил по каменным лабиринтам столичных улиц в свое удовольствие, едва ли не в каждой лавке покупал сладости и пряники, глазел по сторонам. С квартиры съехал, чтобы не «вязалась» полиция – койку сговорился снять у дворника того же дома. Несколько раз ходил на Сенной рынок, наниматься в прислугу, однако без рекомендаций на приличное место пристроиться было невозможно.

Потом познакомился Антоха с гулящими девками, у одной стал «котом». Девка, на свою голову, и научила Антоху уму-разуму, даже добыла фальшивые рекомендации для устройства на хорошее место. С тем Антоха от нее и ушел.

Руки чесались, а в доме, куда попал прислугою Антоха, в карты вообще не играли. Едва отработав восемь недель, он смиренно попросил расчет, и получил на руки уже настоящую рекомендацию. С нею, да с двумя прежними, фальшивыми, он довольно легко нашел место прислуги в приглянувщемся ему доме. Однако первая же попытка склонить хозяина к «хитрой» игре закончилась для Антохи конфузом. Из дома он был изгнан.

Потом Антоха снова попал к продажным девкам, какое-то время обретался у них. Снова попытался устроиться в «приличное место» - да ничего не вышло. И покатился несостоявшийся «мастак» Антоха по наклонной. Украл раз, второй – был пойман, бит и попал под арест. Поймали еще раз – тогда Антоха прибился к шайке воров-домушников, «работавших» по наводке прислуги богатых обывателей северной российской столицы. Во время очередного ограбления вышло нехорошо: хозяева проснулись и подняли шум. У домушников был уговор: уходить без крови. Тем не менее, самый отчаянный

налетчик, разозленный неудачей, взялся за топор и порешил старую хозяйку и горничную.

Через несколько дней полиция шайку взяла, и налетчики решили «повесить» убийство на самого молодого, на Антоху. Тут и каторга ему вышла!

В каторге Антохе тоже не везло. Владея приемами карточных вольтов, но не имея жизненного опыта, он решил было играть сам по себе. Такое каторга не прощает. Антоху стали бить едва не каждый день, не давали проходу, и в конце концов загнали под нары, где по жестокому каторжанскому «уставу» обитали самые бесправные арестанты.

Сломанный таким образом, Антоха со своим жалким положением свыкся, в глаза всем заглядывал искательно и отыгрывался лишь на каторжанах-«первоходках» и мужичках, взятых от «от сохи» на время.

Тем не менее, испитое и быстро постаревшее на каторге лица Антохи каким-то образом все же сохранило прежнюю наивность, и на незнакомого человека еще могло произвести впечатление, вызвать к себе доверие. И это спасало Фролова от окончательного падения: каторжные иваны время от времени поручали ему деликатные делишки на воле.

Повезло Антохе и на сей раз. Подталкиваемый старостой, он безропотно, лишь тихо поскуливая, брел впереди смотрителя получать розги. Но в тюремном дворе дорогу смотрителю заступил бабай-майданщик. Сдернув, не слишком при этом торопясь, шапку, он с достоинством поклонился Симеонову:

- Нашальник, Кукиша Пазульский к себе требует! Ищу, ищу его – а он вот где, сволош!

- Вот высекут сейчас твоего Кукиша, и пусть идет куда хочет, на здоровьице! – буркнул, не останавливаясь Симеонов.

- Твой воля, нашальник. Только Пазульский шибко быстро его звал. А если этот сволош после «кобылы» встать не сможет? Пазульский шибко сердитый тогда будет, нашальник…

Симеонов остановился, поскреб щеку. Вызывать недовольство патриарха каторги не хотелось. Черт с ним, с Кукишем этим, таких секи не секи – толку не будет. Себе дороже выйти может.

Смотритель махнул рукой:

- Ладно, забирай своего Кукиша, бабай!

Пазульский на Кукиша едва глянул, скривился и велел:

- Оденься поприличнее, мил-человек, и в порт ступай. Попасть тебе надобно в ватагу грузчиков. Пароход с Расеи пришел, а там есть человечек один. Барином кличут. Попадешь на пароход, присмотрись к нему, потом обскажешь, что и как. Ступай…

- А ну как не возьмут меня в ватагу? – робко поинтересовался Кукиш.

Пазульский на него только глянул еще раз, отвернулся, показывая, что разговор закончен. Пятясь, Антоха выбрался из «нумера» патриарха, пошел искать майданщика – больше взять приличную одежку было в тюрьме негде.

Бабай безропотно швырнул Антохе целые порты, рубаху, халат. Только предупредил:

- Пропьешь – в земля забью! Наказ Пазульского исполнишь – и ко мне бегом, сволош! Все вернешь!

Ретроспектива-8
Альтернатива

Жандармский ротмистр был предельно вежлив, и лишь подрагиванием кончиков тщательно нафабренных усов, да выразительной игрой крыльев породистого носа выражал свое крайнее неодобрение царившему в приемной начальника Сыскной полиции Санкт-Петербурга Путилина столпотворению. Присесть ротмистр категорически отказался, и мерил присутствие крупными шагами, да время от времени, не обращая внимания на напольные часы английской работы, позванивал своим серебряным брегетом.

Меж тем Путилин где-то задерживался, и решительно никто в Сыскной не мог поручиться, что ротмистру не придется вот так-то прошагать по присутствию до самого утра.

Порядки же здесь тщанием или попустительством Ивана Дмитриевича Путилина были заведены самые демократические. Большинство мундиров полицейских чиновников, сновавших туда-сюда, были расстегнутыми. Вместе с ними в приемной появлялись и сыщицкая братия, одетая в самое разнокалиберное платье и вносящая с собой то крепкий лошадиный дух, то ароматы дешевых кухмистерских, а то и явной сивухи.

Наконец-то глухо звякнул на стене колоколец, возвещавший о том, что действительный тайный советник Путилин прибыл в свой кабинет с черного хода и желает видеть у себя секретаря. Тот мимоходом подхватил со стола пухлую черную папку и исчез за дверью, успев перед этим успокоить жандарма и распорядиться дежурному сторожу в приемной насчет чаю для Путилина.

Через минуту, показавшуюся возмущенному донельзя жандарму вечностью, секретарь распахнул перед посетителем дверь.

- Ротмистр Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Берсенев, ваше превосходительство! Имею поручение: срочно доставить вас на экстренное совещание с участием высокопоставленных особ, в Зимний. По вопросу, представляющему государственный интерес, -

отчеканил ротмистр, и уже менее официальным тоном, со сварливинкой, добавил. – Сорок пять минут дожидаюсь, ваше высокопревосходительство! И там ждут-с!

- Откуда ж мне было знать, голубчик, про высокопоставленных особ? – развел руками Путилин. – Работы по горло, верите ли – со вчерашнего дня дома не был. Все в бегах… Форма одежды придворная, ротмистр?

- Не могу знать, ваше высокопревосходительство! Получил приказ сопроводить вас в Зимний без промедления – и все!

- Ну, что ж…

Путилин, мимоходом подписав пару самых срочных бумаг, позвонил колокольчиком и проворно скинул на руки появившемуся сторожу партикулярный сюртук. Принял поданный с почтением из шкафа виц-мундир с многочисленными звездами орденов. И, оправляясь перед зеркалом, вопросительно посмотрел на жандарма.

- Как поедем, любезнейший?

- Карета внизу дожидается, ваше высокопревосходительство, не извольте беспокоиться. А прибыть велено к Малому подъезду! – жандарм распахнул перед Путилиным дверь, всем своим видом демонстрируя неотложность порученной ему миссии.

Однако шеф Сыскного отделения не слишком торопился. Он несколько задержался в присутствии, втолковывая что-то вполголоса секретарю. Дважды приостанавливался на лестнице, причем один раз вполне панибратски, по мнению жандарма, поздоровался с некоей личностью, заслуживающей каталажки за один внешний вид и совершенно разбойничью рожу. Все эти задержки ротмистру совершенно не понравились, однако торопить Путилина он не осмелился, выразив свое нетерпение и возмущение лишь громким покашливанием.

- Ландсберг, не иначе! – решил про себя Путилин, усаживаясь наконец-то в карету. – Он, больше некому!

Начальник Сыскного отделения, державший в руках многие ниточки творящихся в Петербурге дел с громкими именами, решительно не мог припомнить никого другого, могущего вызвать подобный интерес и спешку. Спрашивать же о причинах вызова в Зимний у жандарма Путилин не стал намеренно – учитывая

давнишний холодок между полицией и голубыми мундирами. Ротмистр если что и знает – нипочем не скажет, заставит помучиться неизвестностью. А то еще и про высшие интересы либо государственную тайну напомнит, жандармы это дело страсть как любят.

Застоявшиеся лошади стремительно рванули с места в карьер. Тем не менее ротмистр, давший кучеру на сей счет строжайшие указания, то и дело открывал переднее окошко и озабоченно покрикивал:

- Шевелись, шевелись, братец! Погоняй!..

Наконец карета остановилась, тяжело качнулась напоследок и замерла. Ротмистр ловко выскочил наружу, придержал дверцу, захлопнул ее за Путилиным, и, сделав приглашающий жест рукой, столь же стремительно направился к ступеням Малого подъезда Зимнего дворца.

«Сдав» Путилина дежурному офицеру, ротмистр откозырял и исчез. Дежурный, в свою очередь, передал посетителя по инстанции рослому лакею в красной ливрее, и тот почтительно, но без подобострастия повел начальника Сыскной полиции по нескончаемой анфиладе комнат.

Здесь уже не было так тихо и безлюдно, как в приемной дворца. Кое-где в залах и гостиных попадались люди. Они тоже двигались куда-то, либо негромко беседовали, замолкая при появлении Путилина с лакеем и тут же возобновляя разговор, едва они проходили мимо.

Наконец молчаливый лакей распахнул последнюю дверь и негромко произнес:

- Это библиотека-с… Вам сюда, ваше высокопревосходительство…

И прикрыл дверь, оставив Путилина в сумрачной зале со стенами, всплошную состоящими исключительно из книжных шкафов и стеллажей. В дальнем углу библиотеки стоял стол, окруженный дюжиной стульев с высокими спинками. В альковах окон были расставлены низенькие журнальные столики с парой-тройкой покойных кресел вокруг. Пахло вощеным деревом, дорогим табаком и неповторимым запахом множества тисненых золотом книжных

переплетов из телячьей кожи.

У огромного камина розового мрамора, по правую руку от длинного стола, стояла группа сановников. Там преобладали золотое шитье, генеральские эполеты и аксельбанты, сверкали во множестве звезды орденов. Пока Путилин, несколько оробев от впечатляющей обстановки, лихорадочно размышлял, оставаться ли ему на месте или пройти вперед, от группы отделилась внушительная фигура градоначальника. Подрагивая кончиками гигантских усов, переходящих в бакенбарды, Зуров торопливо подошел к Путилину и свирепо зашептал:

- Почему вы заставляете себя ждать, Путилин? Что за легкомыслие? Вам что – снова надзирательский мундир предложить? На Толкучий рынок захотелось?! Эти господа – не я, либерал! Они шутить не станут, Иван Дмитриевич!

Путилин объяснился. Не дослушав, Зуров прервал:

- Ладно. Вам повезло: великого князя пока все равно нет. Ждем с минуты на минуту. Сейчас я вас представлю министрам. Ну, с Маковым Львом Саввичем вы и так знакомы, полагаю, - Зуров притянул Путилина за пуговицу и понизил голос. – Боже вас упаси, Путилин, без спроса лезть со своими рассуждениями! Знаю я вас, натерпелся. Спросят – самую суть говорите, без оценок. Не подведите, голубчик!

- Понятно, ваше высокопревосходительство. Скажите только – неужто из-за Ландсберга весь сыр-бор?

- Представьте себе! Впрочем, не нашего с вами ума дело, Иван Дмитриевич! Есть какие-то высшие соображения. Великий князь Николай Николаевич на нашем совещании представляет самого… Вы понимаете?! Его Императорскому Величеству по вполне очевидным причинам неудобно и неприлично вмешиваться в обычное, казалось бы, уголовное дело. Как еще все обернется? Эх, Путилин, Путилин! Не могли вы какого-нибудь каторжника-бессрочника найти!

- Ваше…

- Молчите! Молчите, ради Бога! Это я так, вслух мечтаю, так сказать. Вот и вырвалось…

Путилин чуть заметно усмехнулся: второй раз уж намекает градоначальник на «излишнее» его усердие при розыске убийцы в

Гродненском переулке. Впрочем, это уже не намек, а нечто большее. Как бы и вправду не пришлось на старости лет на Толкучий рынок возвращаться…

- А кто там еще стоит? – все же не утерпел Путилин. – Господина Кони, председателя окружного суда, я знаю. А кто во-он тот господин в партикулярном платье?

С Анатолием Федоровичем Кони Путилин познакомился еще в январе 1872 года: они впервые встретились в Лавре при расследовании убийства иеромонаха Иллариона. Путилину Анатолий Федорович весьма импонировал: он был внимательным слушателем, остроумным и эрудированным собеседником, великим знатоком законодательства и высочайшим профессионалом. К тому же он никогда не присваивал чужие идеи, был азартным спорщиком и не стеснялся, к тому же, признать в случае чего свои ошибки.

Лицо второго господина в партикулярном тоже показалось Путилину каким-то знакомым. Невысокий, европейско-заграничного вида господин с породистым бритым лицом держался в окружении министров со спокойной уверенностью опытного царедворца. И вместе с тем Путилин готов был поклясться, что во дворце он бывает нечасто.

- А это господин государственный секретарь, Перетц, - вздохнул Зуров. – В довершение ко всему…

- Он-то тут зачем?! – чуть не застонал Путилин, чувствуя, что голова у него начинает ощутимо кружиться.

- Сам не знаю, голубчик! – снова вздохнул Зуров. – Говорят, что ждут еще Лорис-Меликова… Молчите, Путилин! Я и сам не знаю, при чем тут харьковский генерал-губернатор. Право, не знаю. Ну, пойдемте! А то уж неудобно, смотрят на нас, как на заговорщиков…

Представление вышло коротким – все то и дело поглядывали на двери в ожидании главных участников совещания. Путилин, воспользовавшись отсутствием к себе внимания, незаметно отодвинулся в сторону, однако нити в общем разговоре старался не терять – чтобы быть готовым в любой момент и не растеряться. Почтительно обегая глазами присутствующих, он, тем не менее, чаще всего с любопытством поглядывал на фигуру ранее незнакомого ему государственного секретаря.

Перетц. «Где соль, там и Перетц», - сразу вспомнил незамысловатую петербургскую прибаутку Путилин. Отец государственного секретаря, Абрам Перетц, вошел в государев фавор еще при Павле Первом. Откупщик, пожалованный званием коммерции советника, сделавший состояние на корабельных подрядах и поставках соли в царскую армию, Перетц перебрался в Петербург в конце прошлого века. Сделавшись одним из основных интендантов армии, Перетц женился второй раз на лютеранке и принял лютеранскую же веру, а сразу по приезду в Петербург, не торгуясь, перекупил особняк князя Алексея Куракина, впавшего в немилость Павла. Особняк располагался на пересечении Невского и Мойки.

Несметное богатство отца помогло его сыновьям не только получить прекрасное образование, но и сделало их завидными женихами. Вот и Егор Перетц, оправдав чаяния отца, женился на дочери сенатора, баронессе Греневиц. Дальше тоже шло все как по накатанному льду: деньги отца и авторитет тестя-сенатора помогли способному и деятельному молодому кандидату прав Петербургского университета сделать стремительную карьеру. Причисленный сверх штата ко Второму отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии с чином коллежского секретаря, Егор Абрамович уже через восемь лет получил статского советника.

Ну, а далее Путилин, вынужденный в свое время постигать науку за медные деньги и считать с юности каждую копейку, уже не завидовал. У Егора Абрамовича была, как и у Путилина, светлая голова. Он стал автором самых разных проектов законоположений, решал судьбы воинского устава о наказаниях, согласовывал применение правил о взысканиях за нарушения «Соляного устава» (и тут соль, хмыкнул про себя Путилин). Назначенный в 1877 году членом Особого совещания под предводительством адмирала графа Ф. П. Литке, Перетц внес несколько дельных соображений с возникшими обстоятельствами о представленных Госсовету Предположений «О мерах обеспечения убитых, раненых и без вести пропавших воинских чинов», был пожалован орденом Белого Орла и назначен Государственным секретарем.

Вот только при чем тут все-таки Ландсберг, размышлял про

себя Путилин. Престранная подобралась тут компания, однако! Ну, он и Александр Федорович Кони, начальник Сыска и председатель Окружного суда – понятно. Один поймал, второй судить будет. С Зуровым все тоже ясно: столичный градоначальник за все в ответе. Министр внутренних дел – ясно для чего. Ну, а дальше-то что за публика? Секретарь государя императора – было бы понятно. Но секретарь-то наследника Цесаревича? Великий князь Николай Николаевич старший? Да, конечно, он был главнокомандующим Дунайской армией в последнюю Турецкую кампанию, участником коей был и Карл Ландсберг – так что с того? «Дядя Низи», как именовали Николая Николаевича в кругу семьи, получил в прошлом году фельдмаршальские эполеты – но никто, в том числе и в самом царском семействе, не обольщался насчет умственных способностей великого князя. Недаром злые языки в Петербурге утверждают, что и Турцию-то русские побили не благодаря командующему, а вопреки его усилиям. Ценою крови и мужества русских солдат и офицеров, посылаемых на «бойню» бездарным царским дядею.

Уж он-то присоветует «дельное», мрачно размышлял начальник Сыскной полиции, которому по долгу службы приходилось слышать немало злых анекдотов, высмеивающих многочисленные проявления откровенной глупости родного дяди государя императора. О его глупости, жадности и неразборчивости говорили, впрочем, и всерьез, в том числе и в Зимнем.

Служебные обязанности главы Сыскной полиции давали Путилину возможность близкого профессионального знакомства со многими благоглупостями Николай Николаевича-старшего. В путилинском сейфе лежали документы, неопровержимо свидетельствующие о «шалостях» августейшего дядюшки с подрядами на железнодорожные концессии. Россия стремительно покрывалась рельсами, железнодорожные подряды становились предметом спекуляций, откровенного мошенничества и не менее откровенного мздоимства. Во избежание всего этого государь взял многие концессионные вопросы под свой личный контроль – и тут же с легкостью отдал главные из них «на откуп» дядюшке! А тот – вот и назови его дураком! – беззастенчиво торговал концессиями и вопросами отвода и покупки земельных участков под прокладку

железнодорожных путей. Скольких банкиров и высокопоставленных чиновников мог бы отправить на каторгу Путилин – если бы следы мздоимства не вели прямо в царскую семью!

Однако мерзавцы-мздоимцы прекрасно понимали это. И, будучи пойманными буквально за рукав, даже не пытались изворачиваться, а прямо называли своего соучастника и небескорыстного покровителя. А то и предъявляли, нарочито вздыхая, расписки Николая Николаевича в получении энных сумм «за оказанные услуги».

И очередное дело вынужденно спускалось на тормозах. Путилин отводил душу, хлеща по наглым мордасам спасительными для негодяев документами и отпускал их без каких-либо последствий. Несколько раз он порывался было получить высочайшую аудиенцию с тем, чтобы раскрыть глаза государя на позор, в который царя вовлекают помимо его воли. И каждый раз, по здравому размышлению, отказывался от этой мысли: как отреагирует царь – еще неизвестно. А вот могущественных врагов у Путилина прибавится наверняка.

А вот и Лорис-Меликов. «Хитрый генерал», «греко-армяшка», как называли его в Северной российской столице. Михаил Тариэлович давно уже заставил высший свет Санкт-Петербурга забыть о своем «инородческом» происхождении, а графский титул и вовсе примирил его с «чистопородными» потомками древних русских родов. Путилин, не будучи лично знакомым с Лорис-Меликовым, тем не менее, хорошо знал этого человека. И глубоко уважал его – не только, впрочем, за истинный полководческий талант, проявленный во время турецких и кавказских кампаний. Лорис-Меликов проявил себя и настоящим дипломатом, убедив, например, население оккупированных русской армией во время Турецкой кампании земель принимать в качестве оплаты за фураж и продовольствие российские кредитные бумаги. А когда в южных губерниях сразу после Восточной войны вспыхнула эпидемия чумы, то именно его, графа Лорис-Меликова, государь направил в эти страшные места. Коварные турки, проигрывая войну, приготовили под конец для победителей «чисто восточный сюрпризец»: в плен русским нарочно сдавались целые полки заразившихся чумой аскеров. От них зараза

перекинулась на конвойных казаков, на жителей местностей, где были расквартированы опасные пленные. И если бы не решительные действия Лорис-Меликова – чума, возможно, уже сегодня гуляла бы по необъятным российским просторам, собирая свою смертельную многотысячную дань.

Задумавшись, Путилин даже вздрогнул, когда Лорис-Меликов как-то незаметно оказался прямо перед ним, дружелюбно улыбаясь и протягивая руку.

- Наслышан, весьма наслышан о ваших успехах на столь трудном полицейском поприще! – чуть асимметричное восточное лицо графа с густейшими усами, переходящими в тронутые сединой бакенбарды, искренне улыбалось Путилину. – Знаете, Иван Дмитриевич, если бы я не опасался вызвать неудовольствие государя, то непременно переманил бы вас к себе в Харьков! Там очень, очень много работы для умных людей, да еще и с вашим опытом.

Польщенный Путилин хотел было возразить против столь лестной для него оценки, но Лорис-Меликов уже отошел от него, приветствуя остальных собравшихся.

А Путилин продолжал размышлять над составом этого странного экстренного совещания. К неразъясненной пока для него роли государственного секретаря Пертца теперь добавился и граф Лорис-Меликов, харьковский генерал-губернатор. Единственное, что связывало графа с «героем дня» Ландсбергом, было участие обоих в последней Турецкой кампании. Да и эта связь была весьма зыбкой: хорошо зная послужной список Ландсберга, Путилин был убежден, что военные пути-дорожки прапорщика и генерала нигде не пересекались.

Почувствовав чью-то руку на левом локте, Путилин немедленно обернулся и совсем близко от себя увидел озабоченное лицо председателя Окружного суда Кони.

- Что, тоже впервые в царских хоромах? – вместо приветствия зашептал Кони, крепко пожимая руку Путилина. – Пока не прибыл великий князь, давайте-ка отойдем в сторонку. Вы извините, Иван Дмитриевич, но у вас такой растерянный вид, будто виноваты в чем… Вот сюда, пожалуйте, к окну. Ну-с, дражайший Иван

Дмитриевич, вам уже, конечно, известна цель нашей встречи?

- Никто заранее не предупредил, но, думаю, что главный виновник тут все-таки я! – пошутил через силу Путилин. – Не поймай я этого Ландсберга – боюсь, ничего бы и не было.

- Ландсберг, – кивнул Кони. – До вчерашнего дня, как вы, вероятно, знаете, в убийстве он не сознавался. Не то, чтобы отрицать все – он уходил от вопросов, замолкал или начинал рассуждать абстрактно. Наш следователь уж бился с ним, бился… Ну, а вчера Ландсберг заявил, что готов представить письменное признание. Разумеется, ему дали такую возможность, и он писал всю вторую половину дня, да и вечер прихватил. Следователь как прочел – тут же ко мне бросился. Ну, а я, минуя канцелярию Его Величества, сразу сюда.

- Вот как! И что же он написал там такого, позвольте полюбопытствовать, что потребовался личный доклад Его Императорскому Величеству?

- Бомба. Настоящая бомба, драгоценнейший Иван Дмитриевич! Не имею, к сожалению, права без высочайшего соизволения дать вам возможность полностью ознакомиться с этим признанием. В общих чертах – безусловно. Иначе зачем совещаться? Зачем завязывать глаза, когда ловишь в темной комнате кошку? – рассмеялся Кони. – Конфуций сказал, конечно, иначе, но мой вольный перевод как нельзя лучше отражает положение дел. Бомба, даже похуже! Лучше бы вы уж, Иван Дмитриевич, на сей раз маху в розыскном деле дали, право!

- Я говорил Путилину то же самое, - раздался рядом голос незаметно подошедшего Зурова. – А ведь тогда еще и признания этого не было!

- Александр Елпидифорович, вы позволите ввести господина Путилина в курс дела? Благодарю… Коротко говоря, банальнейшее уголовное дело превращается в громкий политический скандал с совершенно ненужным огромным резонансом. Как вы знаете, в России сейчас идет реформа армии и всего военного дела. Идет трудно, болезненно. Откровения Ландсберга, полагаю, вполне способны похоронить то немногое, в чем удалось продвинуться вперед. Будет много шуму, много излишней говорильни – и

заболтаем, господа, опять заболтаем хорошее дело! Да еще и недавняя помолвка Ландсберга. Дочь Эдуарда Иваныча Тотлебена – и не меньше, господа! Генерал-адъютант, инженер-генерал, европейская величина и авторитет, одних наград хватит на весь королевский дом Габсбургов – и чуть не породнился с уголовным убийцей. Старик просто не переживет такого ославления на весь мир!

Путилин покосился на дальние двери, в которые лакеи вносили тяжелые шандалы со свечами, курительные принадлежности и кофейный сервиз.

- Ну, а я-то тут каким боком? – поинтересовался Путилин. – Ну, маху дал, поймал Ландсберга, вместо каторжника какого-нибудь безродного, как вы утверждаете. Мавр, так сказать, сотворил свое дело – сейчас-то что делать? Побег ему организовать, что ли? Или другого убийцу Власова прикажете из рукава вынуть?

- На вашем участии в совещании настоял великий князь. У него есть какие-то соображения касательно вашего участия в расхлебывании заваренной вами же каши.

- Скорее не соображения, а сомнения, - вступил в разговор столь же незаметно, как и предыдущий собеседник, оказавшийся рядом Государственный секретарь Перетц. – Все дело в том, господин Путилин, что и государь, и его наследник, Его Высочество великий князь Александ Александрович, и великий князь Николай Николаевич-старший являются шефами Саперного Лейб-Гвардии батальона. И в качестве таковых несут моральную ответственность за каждого офицера батальона. Кому же и решать-то, как не шефам? – развел руками Перетц.

- Не скрою, - продолжил он. – Шефство царской фамилии над батальоном, как вы знаете, чисто номинальное. Скорее уж, это формальная дань традициям Русской армии. Я, будучи человеком штатским, специально навел справки. И оказалось, что в Русской армии просто нет ни одного гвардейского полка, в чьих шефах бы не числились члены царской фамилии. Но, как бы там ни было, а такое положение обязывает, как вы понимаете, господа! Не в коей мере не покушаясь на прерогативы судебных властей, Анатолий Федорович! – Перетц коротко кивнул председателю окружного суда Кони. – Ни в

коей мере! Но первое слово, первую оценку любому столь серьезному происшествию с гвардейским офицером должны дать шефы с монаршей фамилией!

Машинально кивая, Путилин все же с неудовольствием отметил для себя, что его приватный разговор с Кони уже превратился в некий пролог будущего совещания. Вот и Лорис-Меликов опять подошел, поблескивая умными глазами и поглаживая голый бритый подбородок. Вот тебе и приватность, прости, Господи!

- Итак, господа, первое слово – за шефами батальона, к коему был причислен и фон Ландсберг, - продолжил Перетц. – Но и тут есть несколько вопросов протокольного, я бы сказал, свойства. Наследник престола, не в обиду ему будь сказано, занят массой других дел и весьма далек от специфических вопросов Русской армии. Кроме того, в настоящий момент Александр Александрович… гм… несколько нездоров и просил передать, что заранее согласен с решениями, которые будут приняты его монаршим батюшкой и Николаем Николаевичем-старшим.

«У наследника – очередной запой, - мысленно добавил Путилин, для которого алкогольные пристрастия будущего царя, как и для всего высшего света, не были тайной. Наследник уже перешагнул тридцатилетний рубеж, мало интересуется государственными делами. Похоже, его с утра до вечера волнует только одна проблема – как бы хоть на минутку выйти из-под строгого надзора супруги и вместе со своим собутыльником, адъютантом Черевиным, насосаться французского коньяку».

Обежав глазами окруживших его сановников, Путилин понял, что все они, без сомнения, думают сейчас о том же. Кто с искренним сожалением, кто со злорадством.

- Между тем Его Высочество великий князь Николай Николаевич уже внес свою лепту в решение возникшей проблемы, - продолжал Перетц. – Он сумел убедить государя в необходимости поспешного, на мой взгляд, Высочайшего Указа об увольнении Ландсберга в запас. Мне едва удалось, господа, умолить Его Величество добавить в Указ несколько других имен увольняемых в запас из армии офицеров.

- Позвольте поздравить вас с этим, - негромко проговорил

Лорис-Меликов. – Как говорится, надежнее всего спрятать дерево в лесу! И хотя большой огласки избежать, видимо, не удастся, уж лучше хорошая мина при плохой игре, чем гримаса гнева…

Государственный секретарь, быстро и с уважением обернувшись к графу, хотел что-то сказать, но не успел. В дальнем углу библиотеки, у дверей, уже возникла короткая суета, предшествующая обычно появлению весьма высокопоставленных особ.

- Его Императорское Высочество великий князь Николай Николаевич! – послышался от дверей звучный тенор одного из адъютантов.

В библиотеку усталой походкой занятого человека входил дядя императора в сопровождении двух адъютантов и статского секретаря.

- Эх, Зуров, Зуров! – великий князь, став напротив градоначальника, поднял выразительное лицо. – И не стыдно тебе? Каков генерал был – а народ в столице р-распустил донельзя! Р-режут людей, пьянствуют, бесчинства творят – а ты что же?! Какой ты градоначальник после этого, а? А ты, Маков?

Он выговаривал Зурову и Макову «за неусердие» еще несколько минут. Выговаривал с большим чувством, отражая на лице всю гамму своих искренних переживаний за «непотребства» в столице империи и ничуть не смущаясь тем, что большинство его упреков было не по адресу. Позднее многие его современники с различной степенью удивления, грусти или сарказма отметят, что уже в то время, за десять лет до кончины, лицо дяди императора несло печать будущего безумия. Будут и такие, кто не преминет притворно удивляться – как можно сойти с того, чего никогда и не было?..

Кончив выговаривать градоначальнику и министру, «дядя Низи» вопросительно поглядел на Путилина, оказавшегося в центре группы сановников.

- Начальник Управления сыскной полиции Санкт-Петербурга Путилин, - подсказал негромко секретарь.

- Сам вижу, что Путилин, - ворчливо перебил великий князь, обегая взглядом звезды наград на мундире сыщика. – Дворянин?

- Будучи представленным к ордену святого Владимира 4-й степени, получил права на личное дворянство, - отрапортовал начальник сыска.

- Иметь-то имеешь, а чувствуешь ли себя дворянином? Ты кого поймал, кого в острог посадил? Убийцу ли? Гвардеец, боевой офицер – я нарочно вчера в батальоне о нем справлялся. Не верят-с! Слушай, Путилин, ты, наверное, ошибся! Или все это черт знает какое недоразумение. Может, оскорбили его честь? Фон Ландсберги – из курляндских дворян, порох – не люди! А? Путилин? Ты наверное знаешь, что именно он ростовщика какого-то убил?

- К сожалению, все факты полицейского расследования, - начал было Путилин, но, встретив предостерегающий взгляд секретаря великого князя, сориентировался. – Да, ваше высочество, факты сейчас тщательнейшим образом проверяются. Однако ошибка маловероятна – особенно после признания Ландсбергом своего участия…

- Знаю, что признался, - махнул рукой великий князь и направился к столу. – Прошу садиться, господа! Думать будем – что теперь делать-то? Эх, каков батальон был, а? Опозорил! Я флигель-адъютанту полковнику Кильдишеву так и сказал вчера: позор! Низость! Так батальон ославить – и не застрелиться после этого?! Кого же ты, командир, воспитал? С кем в походы ходил?

Генерал-фельдмаршал помолчал, исподлобья оглядел присутствующих и вдруг совершенно неожиданно повеселел:

- Господа гвардейцы всегда отчаянными были. Булгакова кто помнит, господа? Московского полка? Вообразите, господа: был я как-то в театре, на премьере. В антракте гляжу на дам в ложах – что за черт! Булгаков! А я как раз совершенно точно знал, что он – дежурный по полку. Сам прохвоста вне очереди и поставил. Ладно, думаю, я т-тебе устрою! Антракт закончился, свет гасят, я потихоньку выбираюсь из театра, в свою коляску – и кучера взашей: гони, шельма! Ну-с, приезжаю в булгаковский полк, велю бить тревогу, наблюдаю за построением. И – что за черт! Булгаков подходит, отдает рапорт… Я, господа, даже обомлел – самолично же в театре видел прохвоста! Ладно, еду обратно в театр, первым делом за бинокль – в ту ложу гляжу – Булгаков! Все отделение на него

смотрел – он! Все ужимки, мордуленция – его! Мне остается только признаться, что спятил… Спектакль закончился, я снова тем же манером в его полк. Снова командую построение, - и он же рапорт снова мне, подлец, отдает! Не выдержал, отвожу его в сторонку, умоляю: сознайся, ты ведь в театре только что был? Никак нет, как можно, говорит, я ж, мол, дежурю! Пришлось слово дать, что не накажу – тогда только признался.

- А как же он, ваше высочество, прежде вас в полк поспевал?

- Да на запятках моей же коляски!

Собравшиеся вежливо посмеялись, и великий князь тут же припомнил еще одну проказу Булгакова, назначенного как-то в наказание дежурным по гауптвахте по улице Сенной, как раз на свои именины.

- И вот, господа, этот прохвост, зная, что я в Павловске, устроил на гауптвахте такой фестиваль, что любо-дорого! А я ночью вернуться решил и велел заехать на гауптвахту. Вы не поверите, господа – все пьяны до изумления! И часовые, и даже арестанты… А герой наш, Булгаков, пьянее всех. Спит беспробудно! Велел я своему денщику забрать их полковой барабан, да и уехал. Утром Московский полк получает мой приказ: быть к 12 часам на полковом дворе, в сборе. А без барабана – как без знамени: нельзя! Иначе – под трибунал! Булгаков проспался, понял, что его ждет. Но и тут догадался, чертяка! На его счастье был в полку рядовой, пользующийся репутацией отъявленного вора. Булгаков посулил ему 25 рублей – тот и украл барабан в Гвардейской артиллерийской батарее, что по соседству стояла. Я, конечно, потом об этом узнал – а тут жду двенадцати часов, злорадствую, грешник: ну, думаю, голубчик, как ты без барабана артикулы исполнять будешь? И вот полк построен, батюшки-светы: и барабан на месте! Зову Булгакова, требую объяснений. Тоже признался, конечно… Ну не молодец ли? Нельзя-с за смекалку наказывать офицера! Да-с, господа!

Великий князь внезапно остановился – осознав, что несет чепуху.

Неловкую паузу прервало сухое многозначительное покашливание Государственного секретаря. Великий князь недовольно глянул на него, однако намек понял.

- Да-с! – повторил он еще раз. – Ну, так что Ландсберг-то? Прошу высказываться, господа. И не чинитесь, сидите, не мельтешите своим вскакиванием. Ну-с?..

- Ваше высочество! – Кони все же встал. – Арестованный Ландсберг вчера передал следователю Окружного суда письменное признание в своем злодеянии, которое по характеру представленных объяснений не может, полагаю, быть оглашено публично, на процессе. Вот снятые копии, которые я предлагаю вашему вниманию. И вам, господа! – председатель Окружного суда роздал присутствующим бумаги. Особо обращаю внимание на два момента: упоминание имени генерал-адъютанта Эдуарда Иваныча Тотлебена и рассуждения относительно мотивов убийства. Где про справедливость говорится…

- Некогда нам каракули твоих писарей разбирать. Ты на словах давай объясняй, - распорядился великий князь, барабаня пальцами по столу словно и не он битых полчаса вспоминал былые проказы гвардейского офицера Булгакова, которого, кроме него, похоже, никто из присутствующих и не знал.

- Извольте, Ваше высочество. Цитирую: «С первого дня поступления на службу меня каждый день приучали владеть ружьем и револьвером, и обучали саперным работам, т. е. способам, пользуясь прикрытием из земли, камня и железа, уничтожать возможно большее число неприятелей». Смотрим далее – Ландсберг пишет о том, что постоянное изучение военной истории дает ему возможность сделать вывод об ориентации на воинские нужды целой трети государственного бюджета… Та-ак, что же далее?.. Ага, вот: Наполеон Третий затевает ужасную войну с Германией, гибнут сотни тысяч людей… Это примеры европейской истории, господа – а вот уже и Россия! Ландсберг пишет: мы-де возвращались из Европейской Турции, где русская армия убивала десятки тысяч людей, но на родине нас венчали лавровыми венками, награждали, чествовали как благородных победителей…

Кони быстро оглядел присутствующих и снова зашелестел бумагой.

- Вывод, который делает Ландсберг, совершенно очевиден. Солдат, который убивает противников своего государства, рискуя

при этом своей жизнью, не может быть осужден за убийство одного-двух человек, представляющих угрозу ему самому.

- И чем же ему угрожал этот… Как его? Да, спасибо – Власов?

- Из объяснений Ландсберга, он был знаком с надворным советником Власовых с юных лет. Снимал у него комнату во время учебы и поддерживал дружеские отношения позже. Сам Власов детей не имеет, и, видимо, благоволил к юноше, который по возрасту вполне мог быть ему сыном. Несколько раз ссужал его деньгами. Вместе с тем, Ландсберг пишет и о том, что у Власова были черты характера, предполагающего жестокие поступки. Приводит пример, когда тот жестоко проучил юного Ландсберга, а потом долго насмешничал над его неопытностью и наивностью. Ландсберг пишет, что глубоко сожалеет о смерти Власова – но ведь тот, имея векселя офицера, грозил ему и позором огласки, и расстройством его матримониальных планов. К тому же Власов был стар, болен, ему недолго оставалось жить – меж тем у него, Ландсберга, вся жизнь была впереди…

- Ну-у, в чем-то этот Ландсберг, конечно пра-ав! - задумчиво покивал великий князь. Но тут же виновато заморгал. – Это я так, в порядке общих, разумеется, рассуждений. Да-с, так что еще нам сообщает этот прохвост?

- Отдельная глава его рассуждений – бедственное положение молодого офицерства в русской армии. В том числе и гвардейской молодежи. Тут даже арифметические выкладки, ваше высочество – выкладки, подтверждающие дефицит бюджета младшего офицера, получающего 39 рублей 75 копеек серебром в месяц. Замечу кстати: эта сумма меньше заработка опытного заводского мастера. Но сей мастер, извините, неграмотен – спасибо, если расписываться умеет! Ремесло его вполне можно в совершенстве освоить за пять-шесть месяцев. Разве все это сравнимо, господа, с личностью офицера Русской армии? Того, кто знает все науки, языкам обучен, воинскому делу – не говоря уже о том, что за царя и Отечество готов всякую минуту жизнь положить! И при этом дефицит молодого офицера составляет более восьми рублей даже в том случае, если полк стоит где-нибудь в глуши! Молодые офицеры там через день ложатся спать, извините, голодными, а в остальные дни их ужин составляет

кусок булки с чаем. Если же говорить о большом, а тем более столичном городе, где сама жизнь более дорогая, то офицеру никак не миновать ростовщиков и заимодавцев…

- Господа, да он просто бунтовщик, этот ваш Ландсберг! Если у всяких там поповских и солдатских сынков хватает, с позволения либералов, наглости лезть в гвардейские части, то у них должно быть и соображение о том, что служба в элитных полках требует расходов! Если у их семейств нет средств поддержания достойного образа жизни, значит, им нужно изыскивать эти средства. Либо благословлять своих отпрысков на служение по гражданской части. Ишь ты, гусь! Зарезал, а теперь казна ему виновата!

- С вашего позволения я хотел бы использовать эту часть письма Ландсберга в своей докладной записке о необходимости реформирования русской армии, - подал голос Государственный секретарь Перетц. – Разумеется, без указания фамилии автора. Должен заметить, господа – безотносительно судьбы этого офицера – что именно нехватка бюджетных средств на денежное содержание Русской армии значительрно ее ослабляет. Мы должны понимать, что главной опорой Отечества должен быть не богатый аристократ, но истинный патриот России.

- Опять вы со своей реформой лезете, господин Перетц, - брюзгливо начал великий князь. – Либеральничаете все! Стыдитесь, господин Государственный секретарь! Называть Русскую армию слабой, особенно после победоносной Турецкой кампании, может только человек, чуждый православию духом и помыслами… И происхождением… Да перестаньте вы шипеть мне в ухо! – обрушился князь на своего секретаря. – Как представитель Дома Романовых, я не могу позволить, чтобы сын еврейского откупщика…

- Ваше высочество, - невозмутимо перебил великого князя Перетц. – Не далее, как вчера и в моем присутствии государь император со всей очевидностью указал вам на недопустимость дискуссии, которую вы все же собираетесь тут открыть. Не я, заметьте, а Его Величество! Пусть реформа идет своим чередом – здесь не место и не время для ее обсуждения. Позволю себе также напомнить, что у нашего совещания – вполне определенная конкретная цель.

Трудно сказать, чему больше внял великий князь, все еще отмахивающийся от настойчивых увещеваний секретаря – то ли самим увещеваниям, то ли рассудительному тону оппонента. Однако обстановка разрядилась: с раздражением переломив карандаш и отбросив обломки, великий князь внезапно успокоился и взглянул на председателя суда:

- Все у тебя, что ли?

- Почти, ваше высочество. Итак, будущая линия защиты на суде для меня совершенно очевидна. Не говоря уже о впечатлении, которое произведет на публику в открытом судебном заседании такая стратегия защиты, нам нужно подумать и о жюри присяжных. Крайне маловероятно, конечно, что жюри признает Ландсберга невиновным – и все же подобную возможность нельзя исключать.

- Ну так запретите этому Ландсбергу на суде болтать! - буркнул великий князь. – Понаберут в присяжные инородцев и голодранцев, а потом боятся слова при них сказать…

Собравшиеся деликатно промолчали, потом Кони дипломатично пошел в обход:

- Гораздо важнее, ваше высочество, чтобы молчал Ландсберг…

- Лиши его слова – ты же судья!

- Для этого во время процессанужны очень веские основания… Лично я вижу пока только один путь: попытаться договориться с подсудимым, не нарушая при этом законов, принципов судопроизводства и не идя против совести.

- Кажется, я вас понимаю, - кивнул Путилин. – Вердикт о виновности выносит жюри присяжных, но соразмерность наказания тяжести преступления определяется судом. Вы хотите предложить Ландсбергу в обмен на его молчание минимальный срок каторги, положенный по закону?

- Это 15 лет каторжных работ. Сейчас ему 25 лет, в 40 лет жизнь не кончается. Кроме того, в этом случае срок наказания может быть сокращен за примерное поведение осужденного. Максимум же за двойное убийство – пожизненная каторга. У нас, стало быть, есть что предложить Ландсбергу. Но…

- Чего ты тут заладил: «но», «но», - вмешался великий князь. – Это тебя чем не устраивает?

- Судебный процесс вызовет в обществе большой резонанс, - медленно, словно размышляя вслух, произнес председатель, - и столь мягкий приговор за две загубленные человеческие жизни может вызвать бурю протестов. Не говоря уже о том, что как судья я буду, скорее всего, дискредитирован.

- Чепуха, милейший! – махнул рукой «дядя Низи». – В конце концов, можно наобещать этому прохвосту все что угодно, а потом всунуть-таки ему бессрочную каторгу.

- Если я даю обвиняемому или подсудимому слово, то держу его! – Кони выпрямился, словно подчеркивая этим резкость тона и отсутствие обращения к великому князю.

- Господин начальник полиции, тогда у меня вопрос к тебе! – великий князь перекатил желтоватые белки глаз на Путилина. – Надеюсь, ты не столь болезненно щепетилен? Тем более, что вопросец изрядно важный. Скажи-ка, можно ли сыскать где-нибудь бродягу, который взял бы на себя это проклятое убийство? За деньги или как уж там у них принято? Не дело все же, чтобы под суд за убийство пошел гвардейский офицер, дворянин. Негодяй он, конечно, но,.. – Николай Николаевич, как и все присутствующие испытующе глядели на Путилина.

- В принципе такое возможно, - стараясь не смотреть на Кони, медленно начал подбирать слова начальник Сыскной полиции. – Но куда в таком случае девать Ландсберга? И как быть с офицерами его батальона, для которых личность истинного убийцы тайной не является?

- Саперы будут молчать! – махнул рукой великий князь. – А если даже впоследствии кто-нибудь из них по пьяному делу и проболтается – что за беда? Мало ли что про кого говорят!

- Что же касается самого Ландсберга, то решение сего вопроса я могу взять на себя, - впервые за все собрание подал голос шеф жандармов Дрентельн. – Разумеется, имея на сей случай высочайшие полномочия и некий карт-бланш.

- Будет тебе карт-бланш, - кивнул Николай Николаевич. – Ты, это… загляни потом ко мне, а?

- А моим следователем вы тоже займетесь? – кривя губы, спросил Кони. – Он тоже, как это сказать? – бесследно исчезнет? Вы

ведь именно это, кажется, имеете в виду?

- Когда высшие интересы требуют жертв, истинные слуги престола должны предпринимать все усилия к тому, чтобы сохранить государеву честь! – напыщенно возразил Дрентельн. – Что же касается следователя, то вполне достаточно будет пригрозить ему назначением куда-нибудь в Тьмутаракань. А коли начнет болтать – так и сослать его туда. А Ландсберг… С ним, конечно, будет посложнее… Но, уверен, что-нибудь можно придумать и здесь.

- Как хотите, господа, а я в этом фарсе участвовать не буду, - решительно заявил Кони. – Стыдно, господа! Одно дело – заключить с преступником честное досудебное соглашение. И совсем другое – выставлять суд на посмешище, подменяя при этом преступника. Стыдно и низко!

- Можете ли вы гарантировать, Анатолий Федорович, что можете достигнуть с Ландсбергом подобного соглашения? – спросил Перетц. – И что, достигнув такового, мы не окажемся на суде свидетелями того, как он нарушит свое слово?

- Я приложу все усилия, но гарантировать, разумеется, ничего не могу. Лично я убежден, что дворянин остается таковым и в тюрьме. И если разъяснить ему всю тяжесть последствий, которые могут обрушиться на его невесту и ее семью, то, думаю, мы можем быть спокойны. Во всяком случае, завтра, после беседы с Ландсбергом, я буду знать это наверняка.

- Ну, а если что пойдет на суде не так – жандармерия подстрахует! – неожиданно бодро произнес Дрентельн. – Знаете, я уже, честно признаться, отправил утром письмо своему человечку. Специалисту, так сказать, по убеждению упрямцев!

* * *

- Боюсь, что потомки, интересующиеся историей судопроизводства, все же не поймут меня, - со вздохом сказал Кони, прощаясь с Путилиным. – Прощайте, Иван Дмитриевич!

Глава девятая
Остров

- Серж, я решительно не понимаю – что происходит? Вы возвращаетесь из отпуска один, без Анастасии, ничего не желаете объяснять… Я задаю вам вопросы – а вы мечетесь по дому и словно не слышите меня! Неужели устройство какого-то каторжника для вас важнее, нежели семейные дела?

Князь Шаховской , не переставая мерить кабинет быстрыми шагами, искоса и с неприязнью поглядел на свояченицу. Сестра его супруги, собственно, никогда не отличалась ни умом, ни тактичностью. С самого своего появления на Сахалине Лидия Афанасьевна вообразила, что, приехав сюда, она сделала тем самым великое одолжение и сестре, и ее мужу, и двум малолетним племянникам. Подумаешь, облагодетельствовала!

- Лидия Афанасьевна, я еще из Петербурга телеграфировал вам о том, что Настя с детьми остается там. И что я возвращаюсь сюда, собственно, ненадолго. Необходимо завершить здесь кое-какие дела и дождаться распоряжения относительно моего нового места назначения и места службы. Надеюсь, что это будет Санкт-Петербург.

- Да, но почему я не могу поехать к родной сестре, в Петербург уже сейчас? Почему вы категорически возражали против того, чтобы я поехала с Анастасией?

- Потому что это решительно невозможно! Своего дома в столице у меня нет, как вы знаете, а в доме моего отца вам жить несколько… э… неудобно. В конце концов, у вас есть собственное имение, куда я давно предлагал вам отправиться!

- Серж, вы не любите меня и не даете себе даже труда

скрывать неприязнь. Имение запущено, собственных средств у меня после смерти мужа нет. Неужели вы отказываете в уголке для родной сестры вашей супруги – пусть даже это не ваш дом, а дом вашего отца? А как же мои племянники, которым так необходимы и присмотр, и жизненные наставления?

Шаховской фыркнул. «Жизненные наставления»! Ну не понимает дура, что ни она сама, ни ее наставления ни сестре, ни племянникам не нужны! Нет, необходимо раз и навсегда покончить с этим! Разговор, конечно, достаточно неприятен, да и закончится слезами и обвинениями в черной неблагодарности – но что прикажете делать, ежели ни намеков, ни деликатностей это старое чучело не понимает?!

- Лидия Афанасьевна, присядьте, прошу вас! И давайте начистоту, как это принято между родственниками! Вы приехали к нам погостить после смерти своего супруга четыре года назад. Да, Настя не могла отказать вам в приюте после этого несчастья. Но ваше гостевание, прошу прощения за прямоту, слишком затянулось! Да и бог бы с вами, живите – но ваш характер, Лидия Афанасьевна! Вы измучили и моих детей, и меня, и родную сестру! Вы перессорились решительно со всеми дамами в нашем скромном обществе! Мне перестали делать визиты – потому что жены моих сослуживцев и подчиненных отказываются бывать там, где их оскорбляют. Вы намереваетесь последовать за нашей семьей в Петербург, в дом моих родителей – нимало не смущаясь тем, что уже побывали там и оставили о себе самую недобрую память!

Свояченица громко зарыдала. Князь поморщился.

- Сударыня, прекратите! Не далее, как два года назад, я выкупил часть закладных на ваше имение, погасил самые крупные векселя вашего покойного мужа и даже дал вам некоторую сумму с тем, чтобы вы вернулись туда и привели усадьбу в порядок. Чем не добронравное занятие для одинокой женщины, которая направо и налево учит всех тому, чему сама решительно не желает следовать? Однако вы вернулись к нам уже через пару месяцев, наделав там новых долгов, снова заложив имение и последнюю рощицу, да еще и без копейки денег! Вспомните, сударыня: уезжая нынче в отпуск с семейством, я договорился с вами, что вы поедете в свое имение

тотчас после нашего отъезда, и попытаетесь все же привести его в порядок. Пожить там. Помнится, я даже снова оставил вам 6 тысяч на первое время и обещал помощь и в дальнейшем!

- Серж, вы жестокосердны!

- Сударыня, довольно! Позволить вам поехать в Петербург, к моей супруге и детям – значит не желать им добра. Позволить вам поселиться в доме у моих родителей я тоже не могу! Извольте: я подпишу еще один банковский чек – но при условии, что вы уедете отсюда на «Нижнем Новгороде». Тверской банк будет ежемесячно выплачивать вам назначенное мною пособие – при условии вашего проживания в своем поместье. И – все! Все, сударыня! Довольно! Перестаньте плакать и займитесь сбором своих вещей! А мне, простите, недосуг! Тут и без вас голова кругом идет!

Не слушая дальнейших возражений и слезливых жалоб, князь выскочил из кабинета и с треском захлопнул за собой двери. Вызванные им еще с парохода трое чиновников окружного управления терпеливо дожидались начальства в прихожей.

- Едем, господа! В этом доме даже спокойно поговорить нет никакой возможности! – на ходу бросил им князь и ткнул в спину кучера. – Пшёл к Жонкьеру, дурак

Кучер осадил взмыленную тройку лошадей на окраине Дуйского поста, у подножья Жонкьера. Здесь к прибывшему начальству едва не бегом кинулись двое дожидавшихся князя чиновников – главный смотритель каторжной тюрьмы и инженер, заведывающий в округе строительными работами.

-Ну, что тут? – нетерпеливо спросил князь.

- Он взял с собой десятников и пошел осматривать начатые работы. Здесь уже осмотрел, и сейчас ревизует второй вход в тоннель.

- Давно он здесь? Что-нибудь говорил?

- Никак нет, ваша светлость! Ничего не говорил пока. А там он с четверть часа.

- Господа, пока его нет, нам необходимо решить серьезнейшие вопросы о статусе этого… э… господина. Где нам определить его на жительство? Каким образом, учитывая каторжное состояние этого Ландсберга, передать ему распорядительные полномочия по

строительству тоннеля?

- Ваше сиятельство, а ежели он наобещает, да ничего не сделает? Каторжник, как-никак, известное дело! Изволите ли видеть, он с энтой стороны в тоннель и не заходил вовсе! Так, заглянул, факел бросил внутрь, поглядел, да на ту сторону и пошел…Все они врать горазды…

- Дурак ты, братец! Он же военный сапер, офицер, хоть и разжалованный! Должен уметь! Если же Ландсберг окажется неспособным исправить и закончить тоннель, разговор с ним будет коротким! В кандалы мерзавца и в острог! Тут-то все ясно - хотя не приведи господи, как говорится! Десять дней ведь осталось, господа! Так давайте не каркать, а думать о хорошем!

- Коли так, полагаю, что жить этому саперу довольно и в карантине будет, ваше сиятельство, - откашлялся главный смотритель. – Проведем по канцелярии статским надзирателем – и вся недолга!

- Идет, идет он, ваше сиятельство! –показал рукой на группу людей инженер. – Скоро же он с осмотром, прямо даже сомнительно…

Ландсберг издали заметил князя и направился сразу к нему. Загодя снял круглую шапку без козырька, приблизился и молча встал напротив, ожидая вопросов.

- Ну, что, Ландсберг? Что вы молчите? Есть, по вашему, возможность завершить работы в самый короткий срок?

- Не знаю пока, ваше сиятельство, - отозвался Ландсберг, не поднимая глаз.

-Как? Как это, позвольте – «не знаю пока»? А чего вы тут делали все это время? К тому же говорят, вы и не заходили в тоннель!

- Совершенно верно, ваше сиятельство, не заходил. Потому и не знаю. А не заходил потому, что это просто опасно! Пока могу сказать, что работы велись совершенно неграмотно и безответственно. Своды никоим образом не укреплены, даже площадки у начала штреков не очищены от породы и земли.

- И что же делать теперь?

- Если вам, ваша светлость, угодно поручить завершение

тоннеля мне, то я попрошу у вас широчайших полномочий и полной поддержки.

- Говорите, Ландсберг!

- Прежде всего, потребуется много древесных материалов для постепенного, с углублением в толщу горы, укрепления и одновременной очистки свода тоннеля. На первый случай, не менее двух-трех сотен шахтных стоек, большого запаса двухдюймовых досок. Потребуется не менее двух десятков рабочих-проходчиков с опытом работы в подземных шахтах, а также неквалифицированные рабочие для вывоза породы, потребное количество подвод. Кроме того, мне необходимы измерительные инструменты.

- Голубчик, так вы мне главное скажите: есть ли возможность поспеть за оставшееся время?

- Не знаю, ваше сиятельство! Извольте поглядеть сами: после проведенных взрывных работ своды не освобождены от потревоженных динамитом нависших кусков и целых глыб породы. Они могут обрушиться в любой момент, даже от сотрясения при ударе кайлом либо ломом! Чтобы сделать вывод о возможности исправления тоннеля, мне требуется безопасное пространство в толще горы для проведения измерений.

Шаховской повернул сумрачное лица к заведывающему строительной частью:

- Что скажете, милейший?

- Это разумное решение, ваше сиятельство. Позволю себе заметить, что господину Лозовскому, назначенному вами начальником сего строительства, стойки и лес для укрепления сводов отпускался трижды. Но следов этих работ действительно не видно…

- С этим мы разберемся позже, - пообещал Шаховской. – А нынче – есть ли в наличии на складах то, о чем говорит Ландсберг?

- Сотню стоек я, пожалуй, нынче же изыщу,- задумался инженер. – А остальные придется заготавливать. Пиломатериал потребной толщины имеется, однако предназначен на иные нужды, в том числе и на завершение строительства церкви, ваше сиятельство!

- Чушь! Уж недельку-другую отец наш небесный без нового своего храма в Дуэ потерпит, - фыркнул Шаховской. – А в

Петербурге, извините, срывов сроков с тоннелем не поймут-с! Да-с! Всё, о чем говорил сейчас Ландсберг, должно быть немедленно доставлено сюда! Господин главный смотритель, извольте нынче же направить урочных рабочих в тайгу на заготовку стоек! Не завтра – нынче же! Работать дотемна, ночью с факелами! Подводы и разнорабочих для вывоза мусора и породы – тоже самое! Рабочих с угольных шахт – сюда! Закрыть добычу угля, пока тоннель не будет укреплен! Господин инженер, на вас возлагается задача надзора за подготовительными работами. Завтра утром извольте доложить о результатах. Что еще, Ландсберг?

- Инструменты, - напомнил тот.

- Ага, инструменты! Не знаю, о каких инструментах вы говорите, но в портовом управлении какие-то есть. Семен Ефграфыч, пожалуйте с Ландсбергом в мою тройку, и духом в порт! Пусть открывают склады и показывают всё, что есть! Чего нет – мой катер под парами! Возьмете у Ландсберга список необходимого и в Николаев, либо в Де-Кастри! Иван Степанович, а ты пока подыщи для Лан… для господина Ландсберга чистую комнату в избе с хорошим хозяином. И тарантас в распоряжение господина Ландсберга! Ему в сорок мест успевать надо. Всё, господа! Все за дело!

Лишь поздним вечером Ландсберг, усталый и голодный – покормить нового «тоннельного инженера» за весь день так никто и не догадался - повалился на самодельную кровать в найденной для него комнате, в домишке поселенца Фомина. Ошарашенному нешуточной суетой вокруг неожиданного постояльца поселенцу толком ничего не объяснили. Надзиратель, что привел к Фомину высокого молодого человека в арестантской форменной одежде польского образца, лишь поднес к носу хозяина внушительный веснущатый кулак и пригрозил:

- С-смотри у меня!

А чего смотреть, куда смотреть – так и не сказал. И Фомин, от греха подальше, затаился на своей половине, решив для себя не докучать постояльцу, покуда не выяснит доподлинно – кто он таков.

Ландсберг лежал навзничь на шуршащем нечистом соломенном тюфяке с брошенной поверх серой куцей тряпицей и лениво

перебирал в уме события дня, оказавшегося таким длинным и таким насыщенным.

Серое мутное утро началось самым обыденным и привычным образом, с поданного завтрака – как объявил караульный матрос, последнего флотского. Потом выкрикнули построение на верхней палубе, с казенной амуницией, и невольные пассажиры «Нижнего Новгорода» угрюмо потянулись из своих отсеков в проход, к трапу. Начинались их каторжные будни.

Стоящий у трапа старший помощник капитана Стронский, заметив в шеренге Ландсберга, поманил его пальцем:

- А вы, любезный, задержитесь тут!

Когда отобранная партия каторжников поднялась наверх, Стронский опять поманил Ландсберга и повел его по железным ступеням одного. Где-то на середине трапа Стронский остановился, отпер дверь и посторонился:

- Проходите живее, Ландсберг! Сюда! Времени у нас мало…

Тут и начались события совершенно неожиданные.

Прежде всего старший помощник задал неожиданный вопрос: имеет ли Ландсберг представление о том, как следует строить тоннели? Тот, помедлив, пожал плечами: горное дело, в том числе и прокладка подземных ходов к вражеским укреплениям для закладки мин, входит в число дисциплин, которые изучает каждый сапер.

- Это замечательно! – почему-то обрадовался Стронский.- Значит, я не ошибся! Ландсберг, у вас есть очень хороший шанс изменить свою судьбу!

Насколько мог коротко, Стронский рассказал о тоннельном проекте князя Шаховского, его крушении и перспективах, которые сулят умному человеку эти обстоятельства.

- А вы человек умный, Ландсберг! И прекрасно понимаете, что в рудниках, в общей массе арестантов вы просто пропадете. Эта масса не любит бывших «благородий», к тому же в ваших сопроводительных документах говорится о двух стычках с уголовным отребьем. Стычки эти для иванов и их подручных закончились весьма печально – тем меньше у вас, Ландсберг, оснований считать себя на этой земле долгожителем! Соглашайтесь на предложение князя Шаховского – он сделает его вам тотчас же – и получите

возможность жить и приносить пользу людям.

- Пользу людям? – невесело усмехнулся Ландсберг. - Скорее уж, пользу княжеской карьере! Благодарю за заботу обо мне, ваше благородие, однако, видимо, откажусь.

- Не глупите, Ландсберг! – загорячился Стронский. – Карьера князя – это ничтожная частность! Задуманный им тоннель будет служить людям – вы не можете не понимать этого! Какого черта, Ландсберг! Неужели погибнуть от ножа какого-нибудь уголовного негодяя где-нибудь под забором для вас предпочтительнее? Зачем тогда, позвольте, вы оказывали в драках сопротивление отребью? Подставили бы грудь или бок под ножи – и не страдали бы на пересылках, по крайней мере!

- Не люблю бросаться громкими словами, ваше благородие, но вы меня вынуждаете. Скажем так: я спасал свою жизнь для того, чтобы здесь, в заслуженной мной каторге, искупить свою вину перед людьми назначенным наказанием.

- Хотите медленно погибнуть здесь от физического и нравственного истощения? Ландсберг, одумайтесь! Сие не есть искупление вины! Спасите княжеский тоннель – и вы, не получив освобождение от каторги, получите, по меньшей мере, возможность продлить свое пребывание на этом «благословенном» острове!

- Хм… Интересный поворот взгляда на проблему бытия, - задумался Ландсберг. – Почти как по Ницше, знаете ли… Об этом я, признаться, не думал! И все равно, наверное, нет: уж больно неприятен князь как «инструмент» познания страданий.

- Ландсберг, я взываю к вашему благоразумию! Вы мне симпатичны, к тому же, я видел вас в тяжелейшие минуты и часы аварии. Вы любите людей, и ваша самоотверженность спасла тогда, в Красном море, немало жизней! Не сомневаюсь, что этот потенциал вами не исчерпан. А Шаховской – да, он мне тоже неприятен, не скрою! Но это единственный ваш шанс спасти себя для людей! Для своих родных, в конце концов! Ваша мать жива?

- Да, ваше благородие…

- Ну, и каково ей будет узнать, что ее сын кончил так, как предполагаете для себя вы сами? Нежели полагаете, что, будь она здесь, то благословила бы вас?.. Ландсберг, наше время истекло!

Мне нужно наверх, да и ваша задержка здесь может не понравиться арестантам. И вас убьют еще раньше, чем вы предполагаете!

Стронский, явно расстроенный, отпер и распахнул дверь на трап, сделал приглашающий жест рукой.

- Не ожидал, право не ожидал от разумного человека такого вот мальчишеского фатализма… Ну, что ж, пора, Ландсберг! Я все же надеюсь…

Не закончив, Стронский махнул рукой, посторонился.

Ландсберг, не колеблясь, вышел, и только чуть задержался на ступенях:

- Князь сделает мне это предложение там, наверху?

- Да. Он выкликнет знатоков горного дела среди ожидающих отправки на берег каторжников. И если вы не отзоветесь, он сам позовет вас.

- Тогда сделаем так, ваше благородие! Поставлю на судьбу. Будет мне какой-то знак свыше – соглашусь. Прощайте, ваше благородие! И еще раз благодарю за участие.

На верхней палубе было удивительно тихо - несмотря на наличие двух с лишним сотен арестантов, выстроенных по команде в две неровные шеренги. Люди стояли молча, без обычного гомона и переругивания, и все до единого смотрели на тусклый берег острова, где им предстояло провести много лет. Тишину на палубе лишь подчеркивали резкие крики чаек, носившихся над мачтами.

Всё получилось так, как и говорил Стронский. Князь Шаховской, стоявший перед арестантами, откашлялся и громко сказал:

- Слушай сюда, народ! Знакомые с горным делом – выйти вперед!

Каторжане начали переглядываться, тихо загомонили. Вперед, разумеется, никто не вышел. Стоял в строю и Ландсберг.

- Так есть кто по горному делу или нет? – Шаховской пробежал глазами по серой толпе, сделал вбок несколько шагов, остановился напротив Ландсберга. – А ты? То есть… А вы, Ландсберг, отчего молчите, не выходите?

Ландсберг по уставу сдернул шапку без козырька, вышел вперед:

- Ваше сиятельство, горное дело мне знакомо по военной службе, однако…

- Понятно, - не дал ему закончить Шаховской и повернулся к Стронскому. – Господин старший помощник, с вашего позволения я заберу для короткого разговора осужденного Ландсберга.

- Разумеется, князь… Караульный, сопроводить осужденного в каюту его сиятельства князя Шаховского!

В каюте Шаховской замялся. Предложить стул осужденному каторжнику? Да еще будучи высоким начальственным лицом? И так, в нарушение писанных и неписанных традиций, приходится обращаться к арестанту на «вы». Подумав, князь нашел для себя выход из положения: не стал садиться сам. Стоя перед Ландсбергом и раскачиваясь на носках, он сдержанно изложил суть своего дела и закончил:

- Вот таким образом, Ландсберг. М-да… Так возьметесь за окончание тоннельных работ? С учетом того, что завершить их надо в самые короткие сроки.

- Прокладка тоннелей мне знакома, ваше сиятельство. Однако, не имея перед глазами ни схем, ни чертежей местности, ни инженерной проработки предстоящих работ, я затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Зря обещать не могу, ваше сиятельство!

- Вам будут предоставлены все необходимые бумаги и материалы, Ландсберг. Вы получите полный карт-бланш, всю потребную помощь и рабочую силу. И, надеюсь, вы понимаете, что, оказав услугу островной администрации и лично мне, вы приобретете огромные преимущества в отбытии всего назначенного судом наказания.

- Надо посмотреть начатые работы на месте, ваше сиятельство! Только потом я смогу дать вам окончательный ответ, - словно не слыша посулов князя, твердо ответил Ландсберг.

- Спасибо, голубчик, - не сдержался Шаховской. – Я надеюсь на вас! Прямо сейчас мы поедем ко мне, потом на место строительства. Вы получите всё необходимое! Приличную одежду, квартиру, должность в округе – словом, всё! Только выручайте, Ландсберг! Христом-богом прошу!

Шаховской подбежал к двери, распахнул ее и закричал на

дожидающихся распоряжений чиновников округа:

- Мой катер готов? Экипаж? Нам с этим… господином Ландсбергом необходимо срочно обревизовать тоннель. С моим багажом разберемся после.

- Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство! Катер под парами, ждет-с под левым бортом парохода. Экипаж ожидает ваше сиятельство на берегу! Прикажете распорядиться насчет конвоя для… э…

- Остолопы! Какой конвой? Совсем с ума посходили тут!

Кучер княжеской тройки, заждавшийся своего барина на берегу, ловко поймал на лету бутылку дорогого коньяку, щедро брошенную расчувствовавшимся хозяином. Услышал властное:

- Домой! А ну, гони, скотина, как тысяча чертей! Жи-ва!

Кучер крякнул, поглубже надвинул на лоб мохнатую шапку, и, не оглядываясь на барина, зачем-то посадившего с собой в экипаж арестанта с его мешком, по-разбойничьи засвистал и заработал кнутом так, что неполную версту от пристани до княжеского особняка тройка буквально пролетела, распугивая многочисленных прохожих и давя кур. А в посту потом на неделю хватило разговоров и пересудов обывателей по поводу этой бешеной езды…

Уже подъезжая к своему особняку, князь, видимо, сообразил, что вести в свой дом каторжника всесильному заведывающему всей тюремной частью островной администрации все же не годится. Выскочив из экипажа, он скорректировал решение, поманил пальцем своих чиновников, подъехавших следом на тарантасе:

- Семенов, ты с господином Ландсбергом поезжай-ка прямо к тоннелю, покажи – что и как. А ты, Илья, бегом в округ – духом сыщи там все чертежи тоннеля, все бумаги, имеющие к нему отношение, и тоже к тоннелю. А я следом подъеду, умоюсь хоть с дороги, поздороваюсь с домочадцами.

Ландсберг поерзал на своем тюфяке, закинул руки за голову, улыбнулся своим мыслям: никаких чертежей и прочей технической документации касательно строительства тоннеля в окружной канцелярии так и не нашлось. Посланный за ними чиновник вернулся лишь с охапкой каких-то счетов, калькуляций, многочисленных требований на взрывчатку, лесоматериал и пр. Поняв, что

технической документации проекта нет и не было, Ландсберг лишь спросил про прежнего начальника строительства: можно ли побеседовать хоть с ним?

- Навряд ли, - насупился чиновник, который до сей поры держал с каторжниками требуемую дистанцию и не снисходил до подобного общения с ними. – Навряд ли…

- Он, вероятно, в отъезде? – Ландсберга сразу разгадал причину досады чиновника на необходимость общаться с арестантом и его этот разговор начал забавлять. – Или болен?

- Послушай, как тебя там… Его сиятельство, я гляжу, тебе много позволяет! Ты, прохвост, место свое знать должен! И разницу чувствовать – кто я есть и кто ты!

- Точно так, ваш-бродь! Прощения просим! – Ландсберг вытянулся в струнку, и лишь в глазах его плясали злые искорки.

- То-то! – снизошел чиновник по имени Илья. - Помер господин Лозовский, отвечавший за строительство тоннеля. Скоропостижно помер, царствие ему небесное!

Он не счел нужным объяснять «прохвосту», что помер господин Лозовский от неумеренного потребления горячительных напитков. А в великий запой впал по причине страха перед возвращением Шаховского, который грозил нешутейно спросить с господина «горного инженера» за срыв своих планов и прожектов.

Занятый своими мыслями, Ландсберг не сразу услышал, что в дверь его комнаты кто-то робко скребется. Кошка? На всякий случай он крикнул:

- Входите, открыто!

И в дверь просунулся мужичонка, хозяин избы, в которую Ландсберга определили на постой.

Ландсберг скинул ноги с кровати, встал, сделал приглашающий жест:

- Заходите, хозяин! Чего вы так робко-то? В своем доме, чай…

- Не знаю, как звать-величать, - забормотал мужичонка. – Как обращаться к вашей милости… Так что рекомендуюсь: поселенец свободного состояния Фомин! Не будет ли каких распоряжений от вашей милости?

- Вот чудак-человек! – рассмеялся Ландсберг. – Чего тянешься

передо мной, дядя? Мою обмундировку не видишь? Арестант я, прибыл сюда для отбытия наказания. Ну, а то, что поселился у тебя на квартире, да начальством опекаем – так потому, что надобен я ему! Инженер я, дядя! Военный в прошлом инженер! Так что не тянись, садись лучше, поговорим, раз зашел!

- Воля ваша, - согласился Фомин. – Арестант так арестант. А насчет распоряжений как быть?

- Какие могут быть распоряжения? Впрочем, с утра крошки во рту не было, дядя! Как бы поесть чего? Я заплачу, не сомневайся! – Ландсберг побренчал в кармане мелочью, которую перед вызовом к князю успел ему сунуть заботливый и мудрый компаньон Михайла.

- Это можно, ваша милость! – снова вскочил на ноги Фролов. – Только в доме, то есть, шаром покати! Один я живу, без бабы. Хлебца горбушку разве предложить вашей милости? Не побрезгуете?

- На крайний случай и хлеб сгодится, - согласился Ландсберг. – А разве в поселке вашем ничего купить нельзя? Яишенку сообразить, к примеру. Молока, говядины отварной, а? Вот, возьми-ка, дядя! Погляди – хватит ли? Здешних цен я, извини, не знаю…

Он выложил на стол несколько монеток. Фролов, близоруко щурясь, сгреб монетки, рассмотрел их близко, покачал головой.

- Маловато, ваша милость! Яйца нынче в посту по гривеннику штука, говядина сырая 35 копеек за фунт, да молоко в три гривенника за бутылку…

- И в самом деле! – смутился Ландсберг, поспешно выгребая из кармана остальную мелочь. Счел, положил на стол. – Вот, забирай, дядя, всё! Купи полдюжины яиц, молока и говядины. Сделаем с тобой яишницу и славно поужинаем! А завтра меня на довольствие, полагаю, поставят – проживем!

- Так что сковороды у меня нету, ваша милость… Чтоб яишенку-то… Разве что у соседа одолжить?

- Одолжи, дядя! И перестань меня вашей милостью называть! Если угодно – Карл я. Карл Христофоров Ландсберг. Иди, дядя, живот с голоду подводит уже, право…

Поклонившись на всякий случай, хозяин вышел за дверь. Однако через малое время снова просунулся с испуганной физиономией:

- Так что, ваши милость, Карл Христофорыч, там у крыльца тарантас с конюхом дожидается…

- Ну и что? – зевнул Ландсберг. – Это за мной прислали, рановато только что-то. Я на стройку тоннельную съездить должен в ночь, поглядеть там – как своды укреплять начали. Ты ступай, дядя, не томи!

Поужинав с хозяином, который упорно называл постояльца вашей милостью и мостился к столу, как не уговаривал его сотрапезник, на самом краешке колченогого табурета, Ландсберг узнал о жизни на острове много интересного. Коньком Фролова были цены на продукты и товары, растущая едва не с каждым днем дороговизна и каторжанские «шалости», от которых «смирным людишкам» в посту никакого покоя не было.

Изба Фролова о двух комнатках, одна из которых называлась кухней, была хоть и чистой, но совершенно пустой. Кроме корявой печи, сложенной самим хозяином, в кухне наличествовали длинная лавка и пристроенная у печи полка, на которой сиротлива стоял единственный предмет утвари- гнутый котелок.

- А куды мне еще, ваша милость? Кашу сварить хватит, и все. Чай? Дык кашу съем, котелок вытру, да и чайком побалуюсь. Воруют, ваша милость! Ташшат все, что в доме есть! И то сказать- когда из дома ухожу, котелок под крыльцом прячу, чтоб не уташшили, значит. Православный, а образов в избе нету – тоже упёрли, ваша милость.

Комната, где поселился Ландсберг, тоже обилием меблировки не выделялась. Кровать, стол да два табурета – вот и вся обстановка Фролова.

- На поселение я с каторги вышел три года назад, - рассказывал он.- Два года с земляком избы себе ладили – иначе нельзя! Домообзаводства начальство требует! Домишко не слепишь – не отпустют в Рассею, когда срок поселения выйдет. Вот и рвешь жилы, таскаешь на себе из тайги лесины… А на кой мне этот дом, ежели в нем ничего не оставишь? Сопрут! Тут в посту таких домообзаводств без хозяев, брошенных – воз и тележка!

Фролов судорожно вздохнул, помолчал, потом продолжил:

- А без избы, начальство говорит, никак нельзя! Бабу, опять же, не дадут… А без бабов ой как плохо! Ни огородишко наладить, ни по

хозяйству присмотру нет. Я вот, ваша милость, и кровать-то сделал в расчете на бабу – тока не выдает мне никакую смотритель. Просил хоть самую завалященькую – косую, хромую, горбатую… Не дает! Потому как поклониться денежкой надо – а откуда у меня? Заработать в посту никак невозможно! Вязанку-другую дров – и то господам чиновникам не продашь! Им бесплатно носют…

Ландсберг слушал, сонно кивая головой. Длинный день и сытный ужин настраивали на отдых. Однако отдохнуть нынче ему, пожалуй, не удастся: работы по укреплению сводов тоннеля должны были начаться сразу после дневной его ревизии и продолжаться, по распоряжению князя, всю ночь – с тем, чтобы с утра следующего дня можно было детально осмотреть тоннель изнутри.

Часов, между тем, ни у хозяина, ни у Ландсберга не было. И о времени можно было только догадываться. Шаховской посулил тоже появиться на стройке «часика этак через два после полуночи». Ничего не поделаешь, надо собираться, решил со вздохом Ландсберг.

Кучер тарантаса, дожидающегося Ландсберга, как и его квартирный хозяин, не знал –как держать себя с «начальством в каторжанской форменке». При появлении Ландсберга он соскочил было с козел, потянулся было снять шапку, передумал и только почесал в растерянности голову.

- К тоннелю, на Жонкьер, любезный! – распорядился Ландсберг, залезая в тарантас.

У жерла тоннеля было многолюдно. Горели многочисленные факелы, воткнутые в расщелины между камнями и прямо в землю, мелькали фонари. Арестанты с халатах с полами, заткнутыми за пояс, таскали в тоннель стойки. Другая группа рабочих-каторжан ставила опоры, мостила поверх них доски. Охрипшие десятники с руганью поторапливали рабочих.

При виде подъехавшего тарантаса работы приостановились. Арестанты, еще не видя, кто приехал, побросали лесины и доски, поснимали шапки. Десятники и надзиратели подтянулись, поспешили навстречу с фонарями. Арестантское обличье визитера опять-таки произвело легкое замешательство. Кое-кто даже заглянул в тарантас – не скрывается ли начальство там? Каторжники начали переглядываться, тихо загомонили.

Ландсберг, не обращая внимания на суету и недоумение, быстро прошел к жерлу тоннеля, протянул руку к ближайшему десятнику – за факелом.

- Позвольте, - он взял факел и зашел в тоннель. – Ну-с, поглядим…

Свод был укреплен саженей на пятнадцать в глубину. И укреплен скверно. Ландсберг вздохнул: предстояло пренеприятнейшее, видимо, объяснение. Может, дождаться Шаховского, чтобы заручиться его поддержкой?

Выйдя наружу, он поискал глазами давешнего инженера, который присутствовал при дневном визите сюда Шаховского – как его там? – Семен Ефграфович, что ли? Не найдя, спросил у ближайшего десятника:

- А что господин инженер? Семен Евграфыч, кажется… Он тут?

- А ты хто таков будешь, человече? – грозно засопел десятник. – Хто таков? Откель взялся? Шапку не ломаешь, говоришь не по уставу… Из нового сплаву, никак? На «кобылу» захотел, прохвост? Порядку не знаешь?!

Кто-то дернул десятника за рукав, что-то зашептал в ухо. Ландсберг молчал, лишь стянул с головы шапку. Наконец, десятнику было втолковано, что чудной арестант, не знающий порядку, отмечен вниманием самого князя, и птица, судя по всему, непростая.

- Его благородие инженер Давыденков с той стороны тоннеля, там работами руководит, - остывая, буркнул десятник. – А тебе чаво от него надобно?

- Отчета о проделанной по укреплению тоннеля работе, - не удержался Ландсберг. – Здесь, к примеру, переделывать кое-что надо! Вот хотел указать…

Десятник, опять закипая, открыл было рот, однако ругань застряла у него в глотке: откуда-то из темноты надвинулся бешеный стук колес и лошадиный топот подлетающей тройки Шаховского

По ночному времени князь был нынче в статском сюртуке. Выбравшись из экипажа, он прямиком направился к Ландсбергу.

- А я, знаете ли, не утерпел до двух пополуночи, раньше решил приехать. И вы тут уже? Молодцом, Ландсберг! Ну, как? Что с работами?

- Только что приехал, ваше сиятельство, второй проход осмотреть не успел. Работы движутся изрядно, однако нуждаются в поправке. Стойки забиты под доски кое-где неплотно, висячие пласты породы не убраны.

- Давыденков где? Сказали ему?

- Не успел, ваше сиятельство…

- Позвать немедленно! Единым духом чтобы был тут! Ну, а пока что скажете, Ланндсберг?

- Позвольте осведомиться – а который теперь час, ваше сиятельство?

- Четверть второго.

- Если темпы работ сохранятся до утра и все огрехи в укреплении свода будут устранены, утром, надеюсь, я смогу с точностью доложить вам о перспективе успешного завершения работ, ваше сиятельство!

- Дай-то бог! Дай-то бог! – перекрестился Шаховской и грозно повернулся к почтительно молчащим чиновникам и десятникам. - Чтобы слушались господина Ландсберга! Его слово – моё слово, понятно? Да-с! Кстати, а вы, Ландсберг, часов, кажется, не имеете? Они вам необходимы!

Князь полез было за своим брегетом, однако в последний момент передумал. Поманил пальцем ближайшего надзирателя:

- Эй, как тебя! Где твои часы? Ну, вот что, любезный: передай-ка их господину Ландсбергу. А сам завтра зайдешь к счетоводу в округ и скажешь, что я велел справить тебе за счет казны другие…

- Как прикажете, ваше сиятельство. Так что эти часики мне в пять с полтиной обошлись в прошлом годе…

- Хо-хо, здоров заливать, братец! – усмехнулся Шаховской и тут же покосился на Ландсберга. – А, впрочем, не знаю. Очень может быть. В общем, скажешь в конторе…

- Право, мне неудобно, ваше сиятельство, - начал возражать Ландсберг. – Лишать человека часов…

- Пустое, господин Ландсберг! – махнул рукой князь. – Этот, как его… даже в прибыли, по моему, останется. Пять с полтиной, хм! А вы, голубчик, у меня на жалованье пока не состоите! Ни средств, ничего-с… Вот погодите, Ландсберг, погодите! Если мы поладим, я

вас так устрою, что все завидовать будут!

Покрутившись возле горы Жонкьер еще немного и раздав немало грозных обещаний распорядителям работ и каторжникам, Шаховской отбыл домой. Ландсберг же, поразмыслив, решил никуда отсюда не отлучаться: темпы работ после появления всесильного князя явно возросли, и к рассвету можно было бы наверняка произвести съемку местности и необходимые тригонометрические измерения.

Под утро к Жонкьеру прибыло пять подвод со свежесрубленными, только из тайги, стойками: распоряжение князя насчет немедленной заготовки недостающих лесоматериалов выполнялось неукоснительно. Отойдя к штабелям ранее завезенных досок, Ландсберг прикинул: теперь всего должно хватить.

Сегодня он, как никогда остро, почувствовал свою обособленность и пустоту вокруг. Он был чужим и для арестантов, и для тюремного и окружного начальства. И те, и другие не считали его ровней себе.

Каторжные рабочие, беспрестанно понукаемые начальством, трудились без перерывов. Единственно, что позволили им десятники - так это развести в сторонке костерок и наскоро, по пять-шесть душ, баловаться пустым кипятком. Подумав, Ландсберг решил попробовать наладить отношения с каторжными, и решительно направился к костру. При его приближении шестеро рабочих, жевавших хлебные пайки, замолкли, двое даже попытались встать.

- Погреться разрешите, ребята? – нарочито бодро поинтересовался Ландсберг, присаживаясь у огня на корточки. – Что-то под утро совсем холодно становится!

Сказал последнюю фразу и сразу пожалел: от халатов и рубах рабочих валил пар. Арестанты немедленно отреагировали:

- Кому холодно, а кому, как лошадям запаленным, жарковато…

- Ты потаскай лесины, тож погреешься, мил человек… Али тебя его благородием звать должно?

- Ага, и вставать, и шапку ломать…

- Что ж вы такие колючие, братцы? – попробовал сгладить напряженность Ландсберг.

- Станешь колючим, как в каторге спину с наше наломаешь! –

зло бросил один. – Тебе-то, небось, фарт! Ходишь рядом с начальством, ручкой указываешь, распоряжения даешь!

- А что толку, что ён рядом с начальством держится? - словно не замечая Ландсберга, изрек второй. – Скока не крутись рядом, сколько жопки барские не лижи, всё одно ровней не станешь! Каторга, брат! Не считает начальство нашего брата за людёв, так-то!

- Та-а-ак! –покивал Ландсберг. – Не получается, стало быть, у нас с вами людского разговора… Ну, что ж… насильно, как говорят, мил не станешь. Спасибо, ребята, за приют и ласку, пойду уж…

Ландсберг легко поднялся на ноги, пошел от костра в сторону, попутно заметив кривые ухмылки надзирателей и презрительные их взгляды в его сторону. Нелегко, ох, нелегко ему придется на каторжном острове!

- А ты, ваш-бродь, на них не обижайся! – вдруг шепнул кто-то рядом, почти в ухо. – Каторга людёв злыми делает до невозможности…

Ландсберг обернулся: за его спиной стоял с доской на плече невысокий арестант с приятной улыбкой на оплывшем лице. Даже в неверном свете факелов были хорошо видны пронзительно-голубые глаза под свалявшейся паклей соломенным волос. Ландсберг слегка нахмурился: лицо этого человека показалось ему знакомым – хотя где он его мог видеть, пробыв на Сахалине всего лишь день? Может быть, эти голубые глаза и соломенные волосы напоминают ему другого старого знакомца, Васю-Василька из Литовского тюремного замка, где Ландсберг сидел до суда над ним?

- Какое же я тебе «благородие»? – в который раз вяло возмутился он.- Такой же арестант, как и ты!

- Такой, да не совсем! – покачал головой арестант.

Голос у него оказался не таким приятным, как внешность – хриплым и сорванным. Да и улыбка подкачала – зубов во рту, как разглядел Ландсберг, осталось совсем мало, да и те порченные.

- Лицо твое, друг мой, мне почему-то кажется знакомым…

Новый знакомец моргнул и так быстро отвел глаза, что Ландсберг не мог не насторожиться.

- Да тут, ваш-бродь, новому человечку все каторжники на одну морду лица. Известное дело!

Ландсберг продолжал сосредоточенно хмуриться и вспоминать. Псковская «пересылка»? Причал Одесского порта, где было собрано несколько железнодорожных эшелонов арестантов из многих российских тюрем и «централов»? Нет, никак невозможно: тогда этот голубоглазый должен был попасть в один «сплав» с Ландсбергом. А он тут явный старожил…

- Барин, может, тебе прислужник требывается? – не отставал голубоглазый. – Принести чего, подсобить. Я гляжу – ты большим человеком на каторге станешь, вишь, как начальство вокруг вьется! Сам князь уважение выказывает…

- Барин, говоришь? А почему ты меня так назвал? Откуда кличку, мне в тюрьме даденную, знаешь?

- Дык земля слухом полнится, ваш-бродь. Личность ты известная, пароход ишшо в Корсаковском посту стоял, а здешняя каторга уже про твое прибытие знала, так-то! Дык что – возьмешь в прислужники?

- А ты кто будешь, мил-человек?

- Антоха я, Кукишем прозываюсь. «Пятнашку» тяну здесь.

- Понятно. Много оттянул?

- Четвертый годок пошел.

- Понятно, - повторил Ландсберг. – Ничего тебе пока сказать не могу, Антоха, ибо про свое будущее и сам не знаю. Поживем – поглядим. А помощник мне нынче и вправду потребуется, когда съемку геодезическую поутру здесь делать буду. Мне в прибор оптический глядеть надо, а помощник рейку держать должен в нужных мне местах. Может, видел – к тарантасу прислоненная длинная полосатая жердь? Вот это и есть рейка. Только учти, заплатить мне тебе нечем, у самого в кармане пусто. И неизвестно – будет ли?

- А и не надо! – повеселел Антоха. – Лучше жердь энту полосатую таскать играючи, чем камни да лесины! Дык я пойду, скажу десятнику, что ты меня берешь?

- Скажи, - усмехнулся Ландсберг.

Небо на востоке заметно посветлело. Еще часок – и можно будет сделать съемку участка, прикинул Ландсберг. А как совсем развиднеется – «привязку» к тоннелю сделать с двух сторон. Вот

только ни клочка бумаги, ни карандаша – опять к Давыденкову обращаться надо.

- Пойду-ка прямо сейчас спрошу бумагу и карандаш, - сказал вслух Ландсберг. – А то сдается мне, что местные инженеры с письменными и чертежными принадлежностями плохо знакомы. Наверняка в контору, в пост посылать придется. А это время!

Лишь за час до полудня Ландсберг сумел сделать все необходимые расчеты и вычисления. Набело чертеж делал уже в окружной канцелярии, где для него была срочно освобождена одна из комнат.

К 2 часам пополудни Ландсберг уже был в присутствии заведывающего тюремной частью острова Сахалин князя Шаховского. Тут тоже ждать не пришлось: загодя предупрежденный князем чиновник без доклада распахнул перед Ландсбергом двери начальственного кабинета.

Ландсберг разложил перед князем чертеж и схемы местности, чуть в сторонке, для себя – листки с расчетами и записями.

- Мой отчет будет короток, ваше сиятельство, - начал он. – Съемка местности на месте сооружения тоннеля и произведенные мной расчеты позволили выявить серьезные ошибки, допущенные и при проектировании, и при проходке горизонтальных штреков. Не были также соотнесены уровни входов в тоннель. Не желая обременять ваше сиятельство дальнейшими техническими подробностями, продемонстрирую вам результат. На этом чертеже нанесены проделанные проходы - это, чтобы вам было понятнее, как бы вид на срез горы Жонкьер сверху. А вот вид сбоку. Как видите, ваше сиятельство, начальная ошибка в сажень в толще горы достигла, по моим расчетам, двух с половиной – трех саженей…

- Не томите, Ландсберг, - почти простонал Шаховской. - Я, конечно, не специалист, но расхождение-то совсем пустяшное! Как-то можно исправить сие в короткое время?

- Разумеется, ваше сиятельство. Я вижу два пути исправления. Первый: примерно с двух третей уже проделанных штреков начать плавные повороты с одновременным заглублением одного, либо повышением горизонтального уровня второго. Второй путь более радикален и более короток: соединить два прохода коротким

штреком. Взгляните на чертеж, ваше сиятельство: в проекции тоннель во втором случае будет иметь вот такой вид. Кривой, будет, прямо скажем-с…

- А время? Какого времени потребует каждый из предлагаемых вами путей?

- Первый – при круглосуточной работе не менее двух-трех недель. Второй – четверо суток максимум.

- Кривой, говорите? Черт с ним, Ландсберг, пусть будет изогнут как собачий хвост – лишь бы был! Давайте, голубчик! Приступайте!

- Ваше сиятельство, меня смущают некоторые нюансы моей работы…

- Ах, да! Ландсберг… Господин Ландсберг, ваше будущее целиком и полностью зависит от судьбы тоннельного проекта. Я, кажется, говорил вам об этом? Так вот, вы получите в окружном управлении должность инженера по строительству – полагаю, саперы, умеющие взрывать дома, неплохо должны знать и то, как они строятся, не так ли?

- А также прокладку каналов, оросительных систем, дорог и мостов, ваше сиятельство…

- Тем более! В нескольких верстах от поста Дуэ есть сельскохозяйственная ферма Александровская, туда в ближайшее время будет перенесена наша островная столица, и, соответственно, все учреждения. Думаю, что по строительной части у вас будет очень много работы. Полагаю, этот род занятий покажется вам более привлекательным, нежели… э…

- …Нежели каторжные рудники, ваше сиятельство.

- Да-с. Так вот – должность эта ваша. Жалование вам положат по первому времени не как вольному чиновнику – ну, это вы, надеюсь, понимаете! Потом, с течением времени что-нибудь придумаем. Будете пользоваться полной свободой передвижения – в пределах острова, разумеется. Ну, и моя полная поддержка!

- Благодарю, ваше сиятельство. Однако нынче меня более интересует день сегодняшний. Если изволите помнить, вы забрали меня прямо с парохода. И, как говорится, прямо на бал! Не будучи нигде поставлен на довольствие и с полным отсутствием денежных средств, я второй день, простите, голодаю, ваше сиятельство…

- Бог мой, Ландсберг! Это моя вина! Знаете, просто как-то в голову не пришло, - Шаховской достал объемистый бумажник, вытащил оттуда несколько мелких ассигнаций. – Вот-с, не сочтите за обиду!

- Если позволите, я буду считать это одолжением, и непременно верну вам из первого же жалования.

- Пустое, не беспокойтесь, господин Ландсберг! Что-нибудь еще?

- Да, ваше сиятельство. Возможно, я попрошу сейчас слишком многого, но, поверьте, только в интересах дела! Мне бесконечно часто напоминают, что я господам чиновникам и надзирателям не ровня. Я и не пытаюсь панибратствовать, ваше сиятельство! Однако это влечет за собой то, что все мои рабочие распоряжения и указания воспринимаются едва не в штыки. Приходится повторять по несколько раз! Глядя на все это, и каторжные рабочие начинают мне дерзить и ослушничать, причем на глазах чинов тюремной администрации и при их явном одобрении… Погодите, ваше сиятельство, я закончу! Прошу понять меня правильно – я не жалуюсь вам, не наушничаю! В конце концов, я сам выбрал свою нынешнюю роль, догадываясь о неизбежных последствиях своего двойственного положения… К тому же, ваше сиятельство, нынешнее мое руководство ходом строительства и арестантская одежда сильно смущает господ инженеров и чиновников. Нельзя ли мне хотя бы на строительстве носить статское платье?

- Голубчик, вы совершенно правы! Правы во всем! Это я должен был обо всем подумать и предусмотреть всё, о чем вы мне нынче рассказали. Ступайте, господин Ландсберг! Ступайте и отдайте необходимые распоряжения относительно исправления тоннеля. Потом – я настаиваю на этом! – ступайте отдыхать. А я за это время накручу хвоста нашим остолопам. Завтра вы их не узнаете, обещаю!

Проводив посетителя, Шаховской несколько минут провел в напряженных размышлениях. Жизнь давно отучила князя от слепого доверия к кому бы то ни было, и в первую очередь к самому ближайшему окружению. Доносы, склоки и подсиживания начальства издревле были в чиновной России делом самым обыденным. Немало карьер на памяти князя были разрушены и не по злому умыслу, но

благодаря чрезмерному стремлению окружающих подхалимов услужить начальнику.

На окраинном Сахалине, по глубочайшему убеждению Шаховского, доносительство и склочничество были развиты до степеней чрезвычайных. И в первую очередь потому, что далекая окраина империи изначально была превращена в чиновный отстойник, собирающий и неудачников, и просто бездарных, бесталанных людей.

Разумеется, и на Сахалине среди серой чиновной массы, не нашедшей себе достойного применения в центральной России, попадались порой людские «жемчужные зерна». Попадались – но очень быстро, как правило, оказывались в безжалостных жерновах окружающей зависти, злобы, стремления низвести всё выдающееся до своего скотского уровня. Выходов их этих жерновов существовало всего два – либо стать такими, как все, либо уехать отсюда куда глаза глядят.

В просьбе Ландсберга относительно разрешения носить статское платье князь увидел только рациональное зерно – ничего дерзкого и вызывающего, никакого стремления подчеркнуть свое особое положение. Конечно, арестантский статус этого человека, в одночасье ставшего для князя подарком судьбы, никакое статское платье не замаскирует. Тем не менее, сам факт, что Ландсбергу дозволено, в нарушение всех правил и уставов, носить статское, будет отличным знаком и для вольных, и для каторжан.

Однако у каждой палки есть, как минимум, два конца, размышлял Шаховской. Он не сомневался в том, что данное им разрешение породит не только бурю тихого возмущения и сплетен, но и новую волну доносов на княжеское «легкомыслие и гуманничанье». Одень Шаховской в статское любого другого каторжника из «старичков» - реакция сахалинского общества была бы совершенно иной! Однако имя Ландсберга пока еще у всех на слуху, а громкое двойное убийство в Санкт-Петербурге пока не забыто.

Как?! Не успел этот убийца прибыть на Сахалин для отбытия справедливого (но все едино – чересчур гуманного) наказания, как ему позволяют неслыханные вольности. И неужели этот монстр

будет щеголять в статском платье где его душеньке угодно? Боже, неужели князь не понимает, что, смешавшись с другими вольными и затерявшись среди них, этот негодяй Ландсберг легко сможет совершить новое злодеяние?

И «первый камень» в меня бросит эта старая ведьма, моя свояченица Лидия Афанасьевна, ни дна ей ни покрышки, мрачно размышлял князь. И разнос мне попытается учинить, и по дамочкам окрестным вмиг подолом засвистит – рассказывать новость о том, что творит Шаховской. А там и мужья подхватят – новость-то гораздо пикантнее, нежели тягомотная история с чужой курицей, приблудившейся ко двору поселкового священника.

Вспомнив про эту несчастную курицу, князь невольно поморщился, ибо и сам был в свое время невольно втянут в долгое и нудное «куриное дело». Дело-то было пустяшное, совсем зряшное, и могло быть порождено только отчаянной скукой сахалинских обывателей – а вот поди-ка! Ну, не досчиталась как-то чья-то чиновничья бабенка курицы, пошла искать. И обнаружила свою хохлатку прямо по соседству, во дворе у местного священника. И что тут ужасного? Как поступит в подобной ситуации любой нормальный человек? Правильно: постучит к соседям, укажет на свою беглянку и спросит разрешения изловить ее. Бабенка же вообразила, что священнослужитель дерзко похитил ее курицу! Позвав на подмогу мужа, она ворвалась в чужой двор, и, топча чужих кур, принялась прямо на грядках ловить свою собственность. Поп со своей матушкой, естественно, возмутились, и принялись гнать захватчиков со двора.

Тьфу, стыд и срам, вспоминал Шаховской. В тот громкий скандал и перебранку немедленно включились все соседи и даже прохожие. Изгнанные со двора, обиженные куровладельцы обратились за помощью к полицейскому исправнику. Поп возмутился нахальством вторгшейся в его владения полиции – и пошла писать губерния! Взаимные жалобы участников склоки разбирал, кажется, весь чиновный Сахалин. Даже ему, заведывающему тюремной частью острова (тюремной, но ведь не куриной, прости, господи!) – и то несколько жалоб на «куриное дело» поступило…

Тоннельная эпопея князя Шаховского, помимо всего прочего,

позволила ему выявить в своем окружении немало врагов, доселе умело скрывавших свою сущность. Собственно, они и продолжали умело маскироваться, и не будь у князя связей в высших сферах Санкт-Петербурга…

Целую пачку доносов на князя приватно показал ему дальний родственник, служащий по министерству сельского хозяйства. Министерство это ведало многими вопросами жизни и деятельности Сахалина – причем порой к аграрной и скотоводческой сферам никак не относящимся. Кроме того, дальний остров на окраине империи был «епархией» Главного тюремного управления – там у Шаховского, слава создателю, тоже нашлись вполне лояльные знакомые. В Главном тюремном управлении доносов на князя оказалось еще больше, а многие имена уже были ему гадостно знакомы из первой пачки.

Первым чувством князя после знакомства с доносами на свою персону была,разумеется, жажда немедленной мести. С этим чувством, а также с предвкушением того, как уличит и растопчет гнусных «жаб, пригретых на груди», он сел по окончанию своего отпуска на пароход «Нижний Новгород». Однако длительное путешествие доставило ему много времени для размышлений, и в конце концов князь решил с местью не спешить. Тем более, что отныне за «петербургские тылы» он мог не беспокоиться: и родственник в министерстве сельского хозяйства, и знакомец по Главному тюремному управлению клятвенно пообещали Шаховскому доказывать свою лояльность и впредь. Да и тоннельный прожект сулит в самом скором времени успешно завершиться – что само по себе отметет большую часть обвинений в княжеский адрес, вытекающих из доносов.

Той несчастной курице на полгода жалоб и обывательских пересудов хватило. Ландсберг – не курица, тут и до Санкт-Петербурга жалобы докатятся! Может, не стоит лишний раз рисковать, бога гневить?

Шаховской прошелся по кабинету, остановился у окна, забарабанил пальцами по стеклу.

В конце концов, Ландсберг обещал закончить с исправлением тоннеля в четыре дня. Невелик срок, потерпит! Тем более, что

«накрутить хвоста» тем, кто ставит палки в колеса ему, и стало быть, тоннельному прожекту, князь решить всенепременно. Причем с такой остраткой, что в другой раз и повторять не придется! Что же касаемо прочего, в том числе обещанной должности и солидного жалования… Тут слово придется держать, ничего не попишешь!

Шаховской вернулся за стол, так и не придя к окончательному решению. Ну не нравился, решительно не нравился ему этот Ландсберг! Еще со времени неприятной сцены во время плавания Шаховского взбесило его спокойствие и тяжелый, давящий взгляд. Нынче – и на корабле во время опять-таки неприятного для князя и его болезненного самолюбия разговора, и потом - Ландсберг держался с должной учтивостью, скромно. И давящего его взгляда на себе Шаховской не ловил. Но в том, что подобный Ландсбергу человек вряд ли когда забудет нанесенную ему обиду, Шаховской был уверен! И пароходную сцену он, конечно, помнит. И тут, обмани его князь со статским платьем – запомнит тем более! А вызывать гнев умного человека, будь то трижды каторжник, князю никак не хотелось. Три дня будет ждать обещанного – а на четвертый, видя, что обводят его вокруг носа, возьмет да и учудит большую гадость. С тоннелем, разумеется…

Черт с ним, решил Шаховской. Черт с ним! Желает ходить в статском – извольте, ваше каторжное благородие!

Схватив со стола серебряный колокольчик, он яростно тряхнул им. Крикнул засунувшемуся делопроизводителю:

- Давыденкова ко мне! Жи-ва! Старших надзирателей, всех служащих по строительной части, в бога, душу, и в сердце пресвятой богородицы!

- Слушшшсь, в-в-ше с-с-тво. Только, изволите ли видеть, почти все наши на Жонкьере! Шами же прикаж-жали, вашш-ство!

- Ты чего на меня как удав шипишь, Иван Сергеич? Знаю, помню! Потому и приказываю: найти, позвать!

- С-сл-ш…

- Опять?!

- Так что в видах отсутствия жу-жубов, ваш-ш-ш…

- Молчи, аспид! Иди и молча исполняй! И вот еще что, Иван Сергеич: как организуешь, съезди-ка сам, голубчик, на казенной

коляске к портному! Как его там – право, не помню… Соломон, Мордехай, Иаков… В общем, который мне в последний раз мундир строил. Уразумел, Иван Сергеич?

- С-с-сл-ш…

- Не шипи, вижу, что уразумел. Так вот: и с тем Мордехаем поезжай на Жонкьер, и, пока я тут нашим хвоста накручиваю, пускай он быстренько сымет мерку с Ландсберга этого. Скажешь: я велел! Статскую пару к вечеру этот Иаков чтоб построил! Скажешь, с меня потом и получит, прохвост. То есть, с канцелярии, - поправился князь.

- С-сш-л… То исть, того Ландсберга на накрутку к вашш-ст-ш… то исть, не звать?

- Умный ты, Иван Сергеич! – устало покивал Шаховской.- Умный и догадливый… Аж чрезмерно, иной раз! П-шшел, аспид!

Дверь за делопроизводителем захлопнулась, дрогнули тяжелые портьеры.

Примерно в полуверсте от начальственного присутствия князя происходила совсем иная аудиенция.

- А-а, Кукиш! Проходи, проходи, мил-человек! Спасибо, что не забыл старика, что вспомнил! – Пазульский был в хорошем настроении с утра: видно, ничего в нутрянке не болело, не ёкало. Шутил, посмеивался старческим дребезжащим хохотком. – Что скажешь, Кукиш? Как поручение мое сполнил? Всё разузнал?

- Как мог, уважаемый! Потому и задержался…

- Ну, рассказывай! – прижмурившись, кивнул Пазульский. И так же, не открывая глаз, медленно откинулся назад, на заботливо подставленную верным Гнатом подушку.

Ретроспектива-9
Черный кабинет

Двери Зимнего монументальны: что высота, что ширина и толщина. Утяжеляла их и рельефная резьба. Однако захлопнулась эта чудовищно-тяжелая дверь мягко, как садовая калитка, только воздухом ощутимо обдула.

Путилин отвел взгляд от этих дверей и вздохнул, оглянувшись: сколько ни стой тут, «на царевом крыльце», извозчиков в окрестностях не прибавится. Наверняка где-то на подходах к Зимнему будочники да городовые строго следят за тем, чтобы сиволапое мужичье и зеваки и близко к государевой резиденции не подходили. Меж тем извозчик Ивану Дмитриевичу Путилину нужен был всенепременно. Во-первых, времени было жалко, да шагать пешком в парадном вицмундире при всех орденах, лентах и при короткой придворной шпаге было незачем. Сейчас народ сбежится, мальчишки вездесущие заулюлюкают, обыватели пальцами тыкать станут. Ну чего бы мне не захватить плащ, казнил себя Путилин. Как же! Разволновался, старый дурень, что в Зимний приглашают. Да и жандармский ротмистр со своей каретой голову заморочил, вот об обратной дороге подумать и не успел.

Путилин запустил по привычке руку в левую бакенбардину, как вдруг краем глаза заметил невесть откуда появившегося на набережной одинокого прохожего. Путилин готов был поклясться, что еще полминуты назад все вокруг было пусто до самого горизонта. Присмотревшись, Путилин с удивлением узнал в одиноком прохожем своего агента, Сеню Бергмана.

- Семен? Сенька, черт этакий! Ты откуда тут взялся?

- Известно откуда, Иван Дмитриевич. Из Сыскной. – фамильярно осклабился агент, снимая картуз и кланяясь. – Вас вот поджидаю.

- Но… Откуда ты узнал, что я во дворце? Я ведь никому ничего…

- Вы не серчайте, Иван Дмитриевич! Еще покуда вас жандарм дожидался, я конюху вашему велел наготове быть. Жандармы – народ известный: увезти увезут, а обратно доставить забудут. Хоть бы и нашего брата, простолюдина, до крепости – и айда-прощай!

- Ты что же, Сеня, вообразил, что меня арестовать могут? – невольно заулыбался Путилин. – Ты что же – своего начальника государственным преступником полагаешь?

- Ничего я не полагаю, а на всякий случай следом поехал, - насупился агент.

- Ну, карбонарии! Вы что же, с конюхом и отбивать меня стали бы? У жандармов, голубчик, не отобьешь! - вздохнул Путилин. – Ладно, где Федор-то?

- А он там с лошадьми дожидается! – Сеня махнул рукой куда-то назад. – Прикажете выезд вам сюда подать? – и не дожидаясь ответа, Бергман сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул.

- А ну, тише! – рассердился Путилин, невольно оглядываясь на близкие окна Зимнего. – Ты что рассвистелся тут, как у кабака?! Ступай в часть, скажи, что я тебе двое суток ареста за самоуправство и дерзость дал. Ну – пшел! Наглец эдакий…

Путилин забрался в подкатившую карету, и, не обращая внимания на расстроенную физиономию Бергмана, задернул занавеску, Впрочем, занавеску он задернул, чтобы скрыть довольную улыбку. Молодцы все-таки его сыскные! Федору через верхнее окошко он велел ехать к черной лестнице главного почтамта.

То, что Путилину предстояло сделать, ничуть его не радовало. Более того: задуманное было весьма чревато опасными для его карьеры последствиями.

Между тем замечание, оброненное шефом жандармов после совещания во дворце, оставлять без внимания было никак нельзя. Порукой тому служил взрывной характер Дрентельна и его желание любой ценой вернуть монаршее доверие. Расплодившаяся в России «нигилятина» и непрекращающиеся террористические акции революционеров вызывали в высших эшелонах власти растущее

раздражение бессилием Жандармского корпуса, его неспособностью раз и навсегда покончить с вольнодумной заразой.

Дрентельн еженедельно докладывал Александру Второму об успехах Корпуса в борьбе с нелегальными организациями, об арестах десятков революционеров, бомбистов и их укрывателей. Но меньше ни самих нигилистов, ни их сочувствующих не становилось. А тут еще это недавнее покушение на самого Дрентельна, породившее в столице десяток язвительных эпиграмм в его адрес. Разумеется, они дошли и до адресата, что скверного настроения, в коем в последнее время постоянно пребывал шеф жандармов, разумеется, на улучшили. Сейчас же государь император был озабочен мыслями о предстоящем суде над Ладсбергом. Гарантии молчания этого молодого немчика на суде никто дать, разумеется, не мог. В этой ситуации Дрентельн, никому не доверяющий, вполне мог решиться на какой-нибудь сумасбродный поступок. Каким он может быть? Ответ на этот вопрос Путилин очень надеялся узнать в резиденции Почт-Директора Санкт-Петербурга, в ведомстве господина Шора.

Перлюстрация почтовой корреспонденции всегда была одной из наиболее охраняемых тайн – и в России, и во всех прочих странах. История приписывает узаконение этой процедуры французскому министру – кардиналу Ришелье. Однако перлюстрация как таковая гораздо старше.

Говоря об узаконении перлюстрации, надо иметь в виду отнюдь не легализацию ее путем принятия соответствующих законов. Скорее уж наоборот: перлюстрация практически изначально и по сей день находится вне закона. Ее существование всегда официально отрицалось – и тем не менее, без перлюстрации не обходилось (да и не обходится, пожалуй) ни одно из государств. Разнятся лишь тайные службы, причастные к сему великому секрету.

Поскольку предмет перлюстрации находится всегда и везде в ведомстве почтовых департаментов и ведомств, нет ничего удивительного в том, что и тайная когорта чиновников, держащих руку на пульсе своих современников, тоже обитает под этой крышей. Финансируется же перлюстрационная деятельностью либо из тайных фондов полиции, либо напрямую государством.

Так было и в России XIX века, когда тайную деятельность по

перлюстрации возглавлял Почт-Директор Санкт-Петербургского почтамта. Непосредственному ему подчинялась и столичные почтовые чиновники, и «черные кабинеты» других шести провинциальных городов империи – в основном, приграничных. Собранные выписки из писем, копии их, а также комментарии к некоторым почтовым откровениям, с виду совершенно порой безобидным, ежедневно паковались в двойные пакеты листового формата и поступали прямо на стол министра внутренних дел. Ни один доверенный секретарь не имел права вскрывать эти голубоватые пакеты, на которых типографская строчка «Его высокопревосходительству…» дополнялась именем, отчеством и фамилией очередного министра. Почт-Директор всегда отвозил эти пакеты самолично, не пользуясь никакими, даже самыми доверенными курьерскими службами. От министра внутренних дел часть этих бумаг - с необходимыми разъяснениями и справками - доставлялась лично государю императору. Ему схожий пакет доставлял уже лично министр иностранных дел, чья собственная ведомственная тайная экспедиция успешно вскрывала и «потрошила» дипломатическую почту.

Чиновники, работавшие в «черных кабинетах», владели, без преувеличения, всему секретами Российской империи. Согласно инструкциям почтового ведомства, разработанным в министерстве внутренних дел, только два человека в России имели право на сохранение тайны переписки – царствующий ныне монарх и министр внутренних дел во время исполнения им своей должности. Письма всех прочих, включая сюда министров и даже членов царствующей фамилии, могли быть (а иной раз и должны были) при необходимых основаниях вскрыты и просмотрены.

Такое положение дел, разумеется, предполагало большую степень доверия к самим работникам «черных кабинетов». Главными критериями их отбора были беззаветная преданность государю императору и чувство высочайшей ответственности за доверенное дело. Не последнюю роль при отборе играло и наличие у кандидата своего «скелета в шкафу» - какого-либо греха или даже должностного преступления. Держа секретного чиновника на таком «поводке», Почт-Директор мог рассчитывать на полную преданность.

Любопытно – но это срабатывало. История России не знает ни одного случая суда над перлюстратором, сознательно нарушившим верность присяге и доверенную ему тайну. Хотя скандалы, связанные с утечкой информации, почерпнутой из писем, все же порой случались. Замешанные же в них излишне болтливые либо корыстолюбивые деятели «черных кабинетов» как правило, бесследно исчезали. Либо очень вовремя гибли в результате «несчастных случаев» и «непредвиденных обстоятельств». Бывало, что и отправлялись в каторгу – но, как правило, не за выдачу служебных секретов, а за тот самый свой «скелет».

Следует отметить и еще одну, весьма любопытную особенность тайного прочтения писем. Очень часто становясь поводом для репрессивных мер (порой без всякого объяснения) и осуждения виновных в нарушениях законов и устоев, перлюстрированные письма в российском судопроизводстве никогда не фигурировали. А если и предавались огласке или занесению в материалы судебных дел, то именовались исключительно как сведения, добытые агентурным путем.

То же самое относилось к перлюстрации писем революционеров и инакомыслящих. В тайную полицию и жандармерию сведения о них передавались только после ознакомления с ними царствующего монарха. Все попытки Дрентельна, его предшественников и преемников прибрать перлюстрацию к рукам и стать первыми «читателями» переписки революционеров терпели неудачу. Что иной раз, надо признать, противоречило и логике, и самим задачам тайной политической полиции.

Будучи начальником Сыскной полиции Санкт-Петербурга, Путилин, разумеется, не мог не знать об осуществлении перлюстрации вообще и «черных кабинетов» в частности. Более того: министр внутренних дел неоднократно передавал ему для дальнейшего розыска копии писем или выдержки из них – если дело касалось различного рода мошенничества, мздоимства и злоупотреблений. По роду своих должностных обязанностей Путилин мог и передавать через министра внутренних дел свои обоснованные просьбы о необходимости усиленного контроля корреспонденции тех или иных конкретных лиц – в основном, крупных и средних

чиновников. Иногда в этих случаях от него требовали подробнейших мотиваций, иной раз обходились без таковых. Но при этом ни самого механизма перлюстрации, ни конкретных исполнителей Путилин знать не мог и не должен был.

Однако получилось так, что «его величество Случай» несколько лет назад приоткрыл перед начальником сыска Северной столицы России тайну «черных кабинетов». Почти одновременно он узнал, что и нынешний шеф Жандармского корпуса, и его предшественники, потерпев официальное фиаско с получением нужной для политической полиции информации из первых рук, все же не оставляли попыток завербовать среди специалистов «черных кабинетов» свою агентуру.

Прелюдией этого случая стало весьма банальное в российской столице дерзкое ограбление квартиры одного из высокопоставленных служащих главного почтового ведомства, Всеволода Ивановича Марковского. Совершенное средь бела дня, оно сопровождалось убийством прислуги чиновника. Путилин же, будучи уже начальником столичного сыска, имел обыкновение лично выезжать на такие происшествия и зачастую руководил расследованием и поиском злодеев. Так было и с этим ограблением.

Уже с самого начала данного расследования Путилин обратил внимание на ряд обстоятельств, говорящих о том, что преступление было тщательно спланированным, и вряд ли тут обошлось без содействия людей, вхожих в дом Марковского. Замки на входной двери не носили следов повреждений, в самой квартире старшего цензора были взломаны лишь те шкафы, где хранились действительно ценные вещи. Горничная хозяина в момент ограбления отсутствовала, а кухарка в эти часы обычно отправлялась на рынок за провизией; лишь ее неурочное возращение в квартиру в тот злополучный день стоило ей жизни.

Послали на почтамт за Марковским. Потрясенный чиновник довольно подробно перечислил похищенное, однако более всего был расстроен и озабочен исчезновением металлической шкатулки с секретным замком, за нахождение которой он тут же посулил сыщикам особое вознаграждение. В этой шкатулке, по словам Марковского содержалось несколько секретных документов,

которые он захватил домой со службы вопреки установленным правилам.

Марковского попросили составить подробнейший список людей, вхожих в его дом, включая знакомых по службе и родственников. Подробный перечень был получен и от местного дворника. Сопоставляя эти списки, Путилин обратил внимание на то, что старший цензор почему-то не упомянул своего племянника, а когда ему было на это указано, Марковский заметно смутился. Он категорически не хотел давать адрес своего племянника, горячился и клялся, что он тут совершенно не при чем.

Но сыщики – народ грубый и упрямый. И чем больше Марковский клялся, божился, крестился и даже ломал пальцы, тем больше Путилину хотелось познакомиться с этим племянником. И вот уже Сеня Бергман, понимавший начальство с полуслова и с полувзгляда, на цыпочках вышел из квартиры еще раз допросить дворника и вернулся, гадливо кривя губы. Ни слова ни говоря, он нырнул в спальню чиновника и через самое короткое время поманил Путилина пальцем: на минуту, ваше высокопревосходительство!

За портьерой Сеня вручил начальнику стопочку писем, изящно перевязанных ленточкой – все они были адресованы Марковскому. Путилин прочел одно письмо, бегло просмотрел второе, у остальных только глянул на подписи, сплюнул и протяжно выругался, что позволял себе очень редко. Бергман коротко пересказал ему о наблюдениях дворника, и Путилин, выругавшись снова, вернулся в кабинет и не терпящим возражения тоном потребовал от Марковского подробнейшего рассказа о лжеплемяннике, оказавшися бывшем возлюбленным чиновника-«бугра».

История оказалась довольно гнусная. Тут была и однополая любовь, и ревность, и поиск новых ощущений. Сыщики в два счета сгоняли за «племянником», который при виде зарубленной кухарки упал в обморок, а после бился в истерике и кричал, что нанял бандитов только затем, чтобы те обокрали «коварного изменщика»…

«Племянника» отвезли в полицейскую часть, сыщики ушли организовывать засады и розыск бандитов, а Марковский все просил найти шкатулку и не рассказывать ни о чем Почт-Директору Шору. Путилин и сам уже решил об извращенных наклонностях чиновника

никому не рассказывать, но упорство Марковского, и, в частности, нежелание рассказывать о содержимом похищенной шкатулки и истинных должностных обязанностях его не на шутку заинтриговали. Он предложил чиновнику сделку: информацию в обмен на свое честное слово благородного человека молчать об извращенных наклонностях жертвы ограбления. Марковский согласился, и впервые упомянул свою работу в «черном кабинете» Петербургского почтамта.

Шкатулку, грубо вскрытую, через два дня нашли при обыске у пойманных бандитов. Содержимое оказалось целым – несколько писем с «громкими» подписями, написанные с применением шифра, и которые Марковский, в нарушение инструкции, взял для расшифровки домой.

Путилин еще два раза, удовлетворяя свое любопытство, побеседовал с Всеволодом Ивановичем. Марковский, раскрыв ему главную тайну и убедившись в том, что Путилин слово держит, уже охотно рассказал подробности о работе тайного «черного кабинета», который он и возглавлял. В конце концов, милейший Иван Дмитриевич Путилин был начальником всей Сыскной полиции Санкт-Петербурга и вторым в столице человеком по министерству внутренних дел после господина Макова, номинального главы всех «черных кабинетов» России.

«Бугор» же рассказал Путилину и о нескольких попытках жандармского корпуса заиметь тайную агентуру в святая святых МВД, что особенно насторожило и возмутило Путилина. Тайные ведомства издавна соперничали, и их представители, от рядовых агентов до высокого начальства, не упускали возможности при случае «залезть в соседский огород и попастись там». Но попытка взять тайный контроль за работой «черного кабинета» показалась Путилину из ряда вон выходящей.

Одно время он подумывал даже над тем, чтобы изложить услышанное в докладе на высочайшее имя, однако воздержался. Сделать это означало показать свое приобщение к тайнам «черных кабинетов», что само по себе было делом небезопасным. И даже чреватым для собственной карьеры, кою Иван Дмитриевич планировал завершить года через два-три. Завершить благополучно,

разумеется, с почетной пенсией и наградными. Простит ли ему ссору мстительный и злопамятный шеф жандармов? На сей счет Путилин не обольщался, и решил поступить по мудрому: свою осведомленность не выпячивать, а главу «черного кабинета» и «бугра» по совместительству Марковского, поберечь для вполне вероятной оказии.

И вот, кажется, время оказии наступило: подошел срок и Всеволоду Ивановичу Марковскому оказать Путилину дружескую услугу.

Начальник сыскной полиции не случайно велел кучеру подъехать к главному зданию столичного главного почтамта со двора. Со слов Марковского, Путилин знал о точном местонахождении «черного кабинета», куда можно было попасть тремя путями. Первый лежал через служебный вход возле дверей для публики. Разумеется, там сидел швейцар, и визит в здание столь важной персоны, как Путилин, стал бы немедленно известен Почт-Директору Владимиру Федоровичу Шору. Попасть на третий этаж почтамта, где официально «гнездилась» цензура иностранных газет и журналов, можно было и из зала для публики, через неприметную дверь у разделяющего зал барьера. Но и там сидел дежурный сторож, объявляться перед которым Путилину и вовсе не следовало. К тому же этот путь вел в присутствие главного цензора газет и журналов и открытую для доступа – правда весьма ограниченного – шестикомнатную половину собственно цензуры. Дверь в потайное отделение из газетных комнат в целях конспирации была замаскирована под стенной шкаф прямо в кабинете главного цензора, Карла Карловича Вейсмана, за его спиной. По словам Марковского, даже он, главный цензор империи, не имел права заходить в секретное помещение. Обмен же почтой между отделениями происходил следующим образом: всю приготовленную к отправке корреспонденцию служащие паковали в мешки, и сторож под присмотром главного цензора открывал фальшивый шкаф, складывал в его недра мешки и удалялся. Заперев дверь шкафа снаружи, главный цензор дергал сонетку тайного звонка. По этому сигналу из тайного отделения открывалась дверь, замаскированная под заднюю стенку такого же фальшивого шкафа, и почта

забиралась.

Просмотренную почту перлюстраторы снова паковали в мешки, помещали в шкаф со своей стороны и подавали сигнал главному цензору, который снова вызывал сторожа для дальнейшей отправки корреспонденции.

Марковский уверял, что таким путем в секретное помещение перлюстрации могли, согласно высочайшему соизволению, зайти только три человека – сам государь, министр иностранных дел и господин Почт-Директор, ежедневно приходящий сюда за очередным пакетом для министра.

Путилину оставался один путь – с черного крыльца, куда, кроме собственно перлюстраторов, обычно проникают только сторожа да истопники с дровами и водой.

Карета остановилась. Путилин, помедлив, быстро перекрестился, выбрался наружу, широко зашагал к низкому крыльцу, резко распахнул без стука дверь. Сторож в мундире почтового ведомства при виде генерала при всех орденах и шпаге подавился чаем, вскочил и вытянулся во фронт.

- К господину Марковскому – это наверх, кажется, любезный? – Путилин чуть помедлил, стягивая перчатки и с нарочитой брезгливостью оглядывая помещение.

Сторож колебался всего долю секунды. Разумеется, ему было строго-настрого приказано никого наверх не пускать, а незнакомцев гнать взашей. Но попробуй-ка взашей этакого генерала… Сторож судорожно кивнул, сдернул с головы шапку с кокардой и молча указал рукой на лестницу.

- Ты бы подмел тут, что ли, братец! – проворчал Путилин и зашагал наверх по-молодому, через ступень.

В верхней караулке и кухне одновременно, где на большой плите стояло несколько полуведерных чайников, ситуация повторилась. За тем исключением, что сторожей тут оказалось целых пять. При виде генерала все вскочили, зацарапали крючками вороты расстегнутых мундиров.

- Марковского ко мне, - отрывисто бросил Путилин, обмахнул перчатками табурет и не торопясь сел.

Сторожа переглянулись. Наконец старший не без робости

обошел Путилина, приблизился к одной из двух дверей, осторожно постучал и робко повернулся к посетителю.

- Как прикажете доложить, ваше сиятельство?

- Путилин, - коротко усмехнулся углом рта начальник сыска и покрутил головой – как бы удивляясь существованию олухов, не знающих его в лицо.

В двери заскрежетал замок, и на пороге появился Марковский. Без сюртука, и галстука, в черных саржевых нарукавниках на белоснежной сорочке. При виде Путилина недовольное выражение лица чиновника сменилось изумлением, потом тревогой.

- Ваше высокопревосходительство… Вы? Господин Путилин?

Путилин легко поднялся, снова усмехнулся и прошел мимо Марковского, словно не замечая его руки, протянутой для рукопожатия то ли для рукопожатия, то ли означающей запрет на проход.

- Неужели я настолько изменился с нашей последней встречи, господин Марковский? – отрывисто бросил он через плечо.

- Да… То есть, нет, конечно, ваше высокопревосходительство! – Марковский закрыл дверь и прислонился к ней спиной. – Но что случилось, ваше высокопревосходительство? Ведь мы… То есть вы, конечно! То есть – только в случае крайней необходимости, ваше высокопревосходительство…

- Успокойтесь, Марковский! Разве так встречают гостей? – Путилин прошелся по кабинету, с любопытством огляделся.

Кабинет напоминал обычное присутственное место, выделяясь разве что обилием высоких, под потолок, шкафов с глухими дверцами. Пахло сургучом, воском, мокрой бумагой. Три двери сообщали кабинет Марковского со смежными помещениями, где, негромко переговариваясь, трудились человек десять чиновников – все в сорочках без мундиров и в нарукавниках. На всех столах, в том числе и у Марковского, под лабораторными пузатыми стеклянками горели спиртовки. Из наконечников каучуковых трубок, воткнутых в горлышки склянок, вырывались тонкие струйки пара.

- Но, осмелюсь спросить – что случилось, ваше превосходительство? Ваш неожиданный визит…

- Успокойтесь, - повторил Путилин. – Ничего не случилось. Шел

вот мимо – дай, думаю, зайду к старому знакомому.

Марковский натянуто и с недоверием улыбнулся.

Да-с, уважаемый Всеволод Иванович! – весело продолжал Путилин, внимательно разглядывая ряды шкафов. – Вы, помнится, как-то обещали познакомить меня с вашим хозяйством, если не ошибаюсь! Я ведь не ошибаюсь, Всеволод Иванович?

- Да… То есть нет, конечно, ваше высокопревосходительство. Обещал-с…

- Вот и славно. Давайте, знакомьте. А уж потом, кстати, и о дельце одном поговорим, если вы не возражаете. Как там ваш племянничек поживает, кстати? Здоров?

От агентов Путилин знал, что «племянник» Марковского, которого во избежание публичного скандала пришлось отпустить без последствий, через некоторое время возобновил нежную дружбу со своим любовником. Они простили друг друга, и жизнь «бугров» вошла, кажется, в обычную колею.

Вопрос Путилина Марковскому не понравился, и начальнику полиции пришлось снова успокаивать собеседника, хлопать его отечески по спине и обещать дальнейшее строжайшее молчание.

- Ну же, драгоценнейший Всеволод Иванович! Говорите, не томите! Я чувствую, что ваша служба чертовски интересна и в высшей степени необычна.

Постепенно Марковский успокоился и начал рассказывать о своей службе – сначала монотонно, словно отбывая заученный урок. Потом, постепенно увлекшись, вскочил с места, начал раскрывать шкафы, доставать из ящиков стола различные тонкие лезвия, спицы, длинные пинцеты с причудливо изогнутыми захватами и другие, гораздо более мудреные инструменты.

- Как вам известно, ваше высокопревосходительство, наша служба является одной из наиболее хранимых тайн государственной службы, нигде не прописанной и не обсуждаемой. Тем не менее, слухи о досмотре почтовой переписки в обществе циркулируют постоянно. И каких только гадостей, ваше высокопревосходительство, не наслушаешься порой, когда кто-нибудь в компании заведет речь о тайной перлюстрации! Гадостей, нелепых предположений, оскорбительных утверждений – ничем не

подтвержденных. Слушаешь, бывало – и аж язык чешется оборвать врунов, представить службу нашу в истинном свете. И – молчишь, ваше высокопревосходительство! Молчишь, а то и поддакнуть требуется, чтобы себя не выдать. Нам ведь тут нету дела до чужих секретов, личных симпатий и убеждений – пока речь не идет об основах! – Марковский поднял палец и потряс им в воздухе. – О том, что может нанести вред государству и самому государю! Вот докторов возьмите, к примеру. Особенно специалистов по женской части. Уж какие тут от них тайны, ежели они по долгу службы в самые интимнейшие закоулки женской конституции проникают. И ничего ведь не убывает с наших дам-с!

Марковский, заговорив о женщинах, тон свой ничуть не изменил, однако от Путилина не укрылась едва заметная гадливая морщинка в углах тонких губ чиновника.

- Смотрите, ваше высокопревосходительство – вот принесли нам очередной мешок с корреспонденцией. Тут писем до трехсот, а то и поболее. А через два часа изволь сдать почту обратно, уже проверенную. С выписками, с копиями, если требуется. Таких мешков ежедневно сюда приносят до десятка. Конверты, между тем, не должны нести никаких следов вскрытия. А письма-то еще прочесть надо, в содержание вникнуть. Иные господа иностранные языки употребляют – ну, это для нас семечки, ваше высокопревосходительство! Но – время, время! А то и шифр какой запустят – ну, эти письма у нас отдельной строкой идут, здесь время на расшифровку до двух суток дается.

- И вы что же тут – все письма вскрываете и читаете? Все три сотни штук? – недоверчиво спросил Путилин.

- Нет, конечно, ваше высокопревосходительство! Это же немыслимо! Перво-наперво вся корреспонденция просматривается снаружи по картотеке-с, так сказать. То есть есть у нас тайная картотека персон, доверием престола не пользующихся. Все письма от них и к ним подлежат обязательной перлюстрации. Это у нас называется «алфавитом». Подобной корреспонденции приходится вскрывать до двухсот в день. В данном мешке таковых писем было сорок три.

- Подумать только…

- А вот остальная почта осматривается методом случайного выбора, - продолжал Марковский. – Только это так говорится – «случайный». А на самом-то деле какое попало письмо вскрывать ни к чему.

Чиновник взял из стоящей на соседнем столе корзины несколько конвертов и разложил их перед Путилиным наподобие карточного пасьянса.

- Вот, извольте поглядеть, ваше высокопревосходительство. Мною взяты случайно несколько писем после проверки всей почты по «алфавиту». Нами проверяется соответствие адресатов и отправителей, соответствие почерка, способы запечатывания и заклеивания. Иные господа нарочно конверты с ошибками надписывают – внушают тем самым мысль о том, что письмо от простолюдина. Те, конечно, в сторону. Иные корреспонденты наоборот – стараются свою необразованность дорогими конвертами, духами да вязью позаковыристее прикрыть. Ну, это дела сердечные, нас не касаемые, мы такие письма редко трогаем. Верите ли, ваше высокопревосходительство, до того наша служба чувствительность обостряет, что иной раз с закрытыми глазами руку на конверт положишь – и уже все про корреспондента знаешь.

Заинтересовавшийся Путилин внимательно осмотрел разложенные конверты, выбрал два и пододвинул их Марковскому.

- А вот об этих корреспондентах сказать можете?

Марковский взял конверты, повертел их перед глазами, даже понюхал и небрежно бросил на стол.

- Вот это письмецо, адресованное женской особе, написано человеком малограмотным, но с большим самомнением и с претензиями. Скорее всего, слуга стащил у барина конверт и бумагу – пахнет дорогим сортом кельнской воды. Да запечатано пятаком, как изволите видеть. Пятаком да по синему сургучу – я вас умоляю! Конверт несколько помят, углы загибаются и слегка опачканы – письмо несколько дней носили в кармане. Отсюда к аромату кельнской воды добавлен, незаметно почти, лошадиный дух. Думаю, что кучером писано. Хотите удостовериться?

И, не успел Путилин протестующе замахать руками, как Марковский быстро поднес конверт к спиртовке, накалил на огне

ножик и срезал раскаленным лезвием сургучную печать, обдул склейку струйкой пара. Бегло прочитав письмо, Марковский с торжествующей улыбкой пододвинул его Путилину. Тот прочел, крякнул и вернул письмецо Марковскому. А тот моментально привел письмо в первоначальный вид и, приладив на место сургучную нашлепку, вопросительно взглянул на посетителя.

- Будем разбирать второе письмо, ваше высокопревосходительство?

- Да нет уж, увольте! Убедили, убедили. И как все просто, господи прости!

Не всегда так просто бывает, ваше высокопревосходительство! - вздохнул Марковский. – Нынче люди образованные всякие секреты охранительные применяют. Нашу работу усложняют-с! Возьмут, к примеру, и на клапане конверта надпись чернильными карандашом сделают. Тут уж с паром и близко не подходи – враз надпись от влаги посинеет. Знак для адресата: читали, мол, ваше письмецо! А то прошьют запечатанное письмо ниткой и узелок под сургучную печать спрячут. Тут уже срезать печать никак невозможно, если нитками того же сорта и цвета не располагаешь. Впрочем, у нас всякие есть. Или заместо обычного клея применят синдетикон, который пару не поддается. Тогда приходится извлекать письмо из заклеенного конверта иными способом.

- Это как же? – полюбопытствовал Путилин.

- А вот так, ваше высокопревосходительство!

Марковский взял со стола конверт, тонким ножиком осторожно чуть расширил оставшуюся без клея верхнюю крайнюю часть клапана. Схватил пинцет, бережно отогнул нижнюю часть подклейки. Путилин, как завороженный, глядел на распиленную вдоль деревянную спицу, которую чиновник осторожно ввел внутрь конверта так, что две длинные половинки обхватили лежащий внутри лист бумаги. Чуть сдавив конверт, Марковский начал вращать спицу, наматывая на нее письмо в трубочку. Еще мгновение – и бумажная трубочка с шорохом развернулась на столе.

- А как обратно?

Марковский, усмехнувшись, снова приладил к письму спицу, скрутил вокруг нее сложенный лист бумаги в трубочку и, осторожно

засунув трубочку под клапан конверта, начал медленно вращать спицу в обратную сторону. Завернувшиеся было уголки письма были распрямлены еще одной тонкой спицей. Еще мгновение – и Марковский подал Путилину письмо, принявшее прежний облик.

- Да вы, Всеволод Иванович, прямо маг и кудесник! – искренне восхитился Путилин, осматривая конверт со всех сторон. – Надо же – и никаких следов! И что – у вас все так умеют, господин Марковский?

- Все, ваше высокопревосходительство! Все, драгоценнейший Иван Дмитриевич, если позволите. Это же пустяковый случай! Есть, конечно, у нас и своя специализация. Кто-то лучше с любым шифров справляется, кто-то с печатями. Хитростей люди придумали много, смею уверить – но и мы тут не лыком шиты!

- Очень, очень впечатляюще! И как скоро!

- А что делать? – вздохнул Марковский. – Людей у нас – раз, два и обчелся, отбор строжайший. Но, каким бы ни был этот отбор, люди-то живые. Кто заболел, кто дочку замуж выдает, кто Христом-богом недельку на отдых выпросит – годами ведь без отпусков, некогда все! А люди пишут! И вольтерьянцы, смею утверждать, плодятся. Пишут, с-собаки! И как пишут-с! Бог с ними, если математический шифр применяется – наш Казимир Палыч такие в момент расщелкивает как орехи. А вот как начнут эзопов язык использовать – только держись. Вот и то письмецо, - Марковский стыдливо глянул на собеседника. – Ну, из-за которого сыр-бор с покражей из моего дома и убийством загорелся… Ведь я домой, грешник, взял его оттого, что на службе два дня бился без толку. А дома, в домашней обстановке, случается, осеняет.

Марковский замолчал, нервно перебирая пальцами бумаги на столе и быстро поглядывая на Путилина.

- Ваше высокопревосходительство, Иван Дмитриевич! Благодетель вы мой – не томите! Сердцем ведь чую – не за тем пришли. Что-то случилось? Утечка какая произошла насчет меня?… Моего?…

Путилин помедлил: сейчас, когда настала пора перейти к делу, ради которого он пришел в «черный кабинет», наступил решающий момент. Если Марковский заартачится, начальник Сыскной

столичной полиции попадет в очень трудное положение. Заставить Марковского выполнить его приказание он просто не мог, не имел права: тот подчинялся только трем уже упомянутым лицам в империи – Почт-Директору, министру внутренних дел и лично государю. Путилину мог дорого обойтись и сам визит сюда: неизвестно, как Маков отнесется к проникновению нахального начальника Сыска в строжайшую тайну перлюстрации. Если Марковский откажется, да еще и донесет всесильному управляющему III Отделением, то на Путилина обрушится еще и гнев Дрентельна. Тогда дело неминуемо дойдет до государя – и, прощай почетная отставка и пенсион по выслуге лет.

Чем, собственно, рискует Марковский своим отказом? Разумеется, мужеложство в России преследуется даже по закону – не говоря уже об общественном резонансе такой скандальной огласки. Но публичного скандала не будет: вряд ли министр внутренних дел пойдет на это, учитывая, что кандидатуры всех служащих «черного кабинета» проходят строжайшую проверку и за каждого из них Маков несет персональную ответственность перед императором. Признав, что под его началом на ответственейшем посту служит содомит, Маков сам себя косвенно дискредитирует. Так что в случае скандала Марковского уберут по-тихому, но не сразу. И, убрав, в конце концов его с этого места, обязательно бросят «жирную кость» – гарантию его молчания. Хорошую должность где-либо в провинции либо щедрый пенсион. Неприятно, конечно – но не смертельно.

А вот оказав Путилину нужную ему услугу, Марковский действительно рисковал многим. Одно дело – раскрывать перед начальником Сыскной полиции служебные секреты. И совсем другое – вскрывать для него письмо шефа жандармов. Это пахло не только позорной отставкой – а, пожалуй, и каторгой.

Сообразит ли все это Марковский? Путилин украдкой вздохнул, перекрестил под столом пупок и решился.

- Господин Марковский, мне стало известно, что нынче утром из III-го Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии отправлено некое письмо. В интересах службы я должен тайно ознакомиться с ним. Хочу подчеркнуть, господин Марковский,

речь идет о деле государственной важности…

- Письмо из «троечки»? – мило улыбнулся Марковский. – И только-то? Соблаговолите назвать имя отправителя, или, на крайний случай, получателя.

- Гм… Письмо отправлено, полагаю, от имени его высокопревосходительства генерала Дрентельна, - чуть слукавил Путилин.

- Утром, говорите? – Марковский стремительно выскочил из-за стола и направился в смежный кабинет.

Путилин перевел дух: вроде бы получилось! Но – рискованно, рискованно играешь, старый ты аферист, ругнул он сам себя.

- Есть такое письмо, - Марковский так же стремительно вернулся в кабинет, неся в руке длинный конверт с внушительной печатью. – Отправителем обозначен Дрентельн, да. Да и почерк, пожалуй, его же. Так что, уважаемый Иван Дмитриевич? Будем вскрывать?

- Г-м... Желательно.

- Ну что ж… Доводилось и его письма вскрывать, драгоценнейший Иван Дмитриевич. Хочу обратить ваше внимание, - Марковский постучал розовым полированным ногтем по конверту, - что его высокопревосходительство - чрезвычайно осторожный и предусмотрительный человек. Свою корреспонденцию он прошивает, как изволите видеть, не ниткой, а тонкой серебряной проволочкой, на одной конце которой, расплющенном, выбит особый тайный знак, наподобие ювелирного клейма. Концы проволочки скрыты печатью, снять которую, не повредив этой проволочки, невозможно. Получатель письма, прошитого подобной проволокой, расплавляет сургуч и убеждается в целости самой проволочки и наличии на ее конце тайного знака.

- Вот оно что! – протянул Путилин. – Стало быть, перлюстрация сего письма невозможна?

- Невозможна – если не иметь дубликата личной печати отправителя и такой же проволочки с тайным знаком. Слава Богу, что все это у меня есть…

- Гм… Так вы что же тут – подделываете печати и прочие знаки? – снова удивился Путилин.

- Не сами, разумеется, Иван Дмитриевич! При всем, без преувеличения, многообразии талантов нашей службы, фальшивых монетчиков здесь вы не найдете!

- А как же?…

Очень даже просто: столкнувшись с подобным препятствием для выполнения наших государственных обязанностей, мы через господина петербургского Почт-Директора ставим о сем в известность министра внутренних дел. Ну, а тот, - Марковский хихикнул. – Ну, а тот отдает приказание по инстанции сыскать мастера, изготовившего сию премудрость. И мастер готовит для нужд полиции точную копию приспособления. А оно поступает нам уже в готовом, так сказать, виде.

Путилин досадливо поморщился, припомнив, что и сам несколько раз получал из Министерства внутренних дел и Канцелярии градоначальника секретные приказы о розыске либо установлении личности тех или иных умельцев, об адресах мастерских и т.д. Поскольку такие поручения не имели к сыскному делу никакого отношения, голову над начальственными причудами Путилин обычно не ломал. Велено найти – находим. А для чего – то начальству ведомо, а сыщикам знать не обязательно, да и недосуг.

- Молодцом, любезнейший Всеволод Иванович! – вслух похвалил собеседника Путилин. – Оказывается, и мои сыскари к успеху вашего дела, сами того не ведая, руку порой прикладывают!

- А как же-с? – Марковский пожал плечами. – Без этого наша работа была бы невозможной-с! Ну, не будем терять времени!

Миниатюрными ножницами Марковский осторожно перерезал проволочку на лицевой стороне конверта, перевернул его. Подержав над пламенем короткое широкое лезвие ножа, он ловко срезал им печать, бросил снятый сургуч и маленькую жестянку и поставил ее на огонь. Вынул из конверта обрезки проволочки. Покрутив конверт перед глазами и потыкав кончиком ножа в плотно приклеенный клапан, Марковский досадливо прищелкнул языком: осторожный Дрентельн, не полагаясь на свое грозное имя, сложную печать и хитрую проволочную прошивку письма вместе с конвертом, заклеил его специальным клеем, не поддающимся пару.

Однако высокого профессионализма чиновников «черных

кабинетов» шеф жандармского отделения учесть не мог. Марковский осторожно надорвал край конверта в его середине, расширил отверстие пинцетом и пустил в ход свою расщепленную спицу. Просунув ее в прорыв на всю глубину конверта, он моментально скрутил письмо трубочкой и извлек его.

- Прошу, драгоценнейший Иван Дмитриевич! Только умоляю: письмо не сгибать, не мять и лучше вообще в руки не брать. Может, приказать вам копию снять? Надеясь при этом на ваше молчание, разумеется?

Путилин подумал и отказался. Незаверенная копия – не есть доказательство, а лишь знак того,что добыта она тайным, незаконным путем. Он быстро пробежал глазами письмо, потом перечитал помедленнее, и, наконец, коротко кивнул Марковскому: все!

Чиновник, не заглядывая в письмо, сложил его прежним образом – так, чтобы дырки от проволочной прошивки совпали. Затем принялся возвращать корреспонденции прежний вид: намотал письмо на спицу. Просунул трубочку в конверт и, помогая встряхиванием, принялся раскручивать ее. Когда бумага развернулась, Марковский, держа конверт перед сильной лампой, совместил с помощью пинцета дырочки в бумаге и конверте.

Путилин, обдумывая прочитанное, машинально следил за дальнейшими действиями чиновника. Покончив с конвертом, Марковский принялся за печать. Пинцетом вынул проволоку из жестянки с расплавившейся печатью, обжег ее на спиртовке и сунул в склянку с какой-то жидкостью. Потом осторожно протер скрутку мягкой тряпицей, изучил тайный знак через лупу и довольно прищелкнул пальцами. Из одного шкафа он после недолгих поисков достал дубликат печатки шефа жандармов, из другого – длинную пробирку с серебряной проволочкой. Еще минута – и конверт был прошит заново. Взвесив прежнюю печать, Марковский принес из соседнего кабинета несколько небольших кеглей с сургучом, подобрал подходящий по цвету.

- Ну, как, драгоценнейший Иван Дмитриевич? – Марковский с гордостью в голове положил перед Путилиным письмо Дрентельна в первозданном, казалось бы, виде. – Надорван слегка конверт? Да

это тьфу, ерунда! Пока письмо до адресата дойдет, сколько рук переменит! И бросают мешки с корреспонденцией, и трясут, иной раз в таком виде письмо получишь – страх Божий! А тут порыв маленький, муха не пролезет – кто внимание обратит? Я еще велю и утюжком поправить – горяченьким, с паром.

- Вы истинным виртуоз своего дела, господин Марковский! – Путилин встал, одернул мундир. – Поражен и восхищен безмерно. Ну, а за сим не смею более обременять своим присутствием, Всеволод Иванович!

- Что вы! Что вы! – замахал руками Марковский. – Мне даже приятно поговорить со знающим человеком, способными оценить, так сказать… Да-с… Иван Дмитриевич, драгоценнейший мой! – Марковский, провожая гостя, засуетился, забежал вперед, робко тронул рукав путилинского мундира. – Иван Дмитриевич, но я… Могу ли надеяться на обещанную конфиденциальность по поводу моих особых любовных пристрастий, так сказать?..

- Можете, господин Марковский! – весело ответил Путилин. – Можете, пока мы дружим. Вы меня понимаете?

- Вполне! Вполне! Можете всегда рассчитывать на меня, ваше высокопревосходительство.

На лестнице улыбка с лица Путилина сползла. А в карету он уже садился с таким мрачным видом, что кучер Федор только крякнул тихонько и, понимающе поджав губы, хлестнул по лошадям.

Было от чего быть мрачным Ивану Дмитриевичу Путилину, главе Сыскной полиции Санкт-Петербурга. Из письма шефа жандармского корпуса Дрентельна со всей очевидностью явствовало, что он хочет любой ценой выполнить монаршее пожелание о молчании арестованного гвардейского прапорщика Карла фон Ландсберга. Этой ценой было распоряжение Дрентельна насчет убийства прапорщика в зале суда – в том случае, если он, вопреки обещанию, начнет говорить о том, о чем говорить было никак нельзя.

В своем письме, адресованному доверенному начальнику Одесского жандармского управления, Дрентельн распорядился разыскать, подготовить и срочно откомандировать в Санкт-Петербург известного своей меткостью агента из польских бунтовщиков, пана Войду. Одетый в офицерский мундир и с

соответствующими бумагами и легендой, Войда должен будет проникнуть в зал судебного заседания и «под влиянием аффекта и естественного возмущения русского офицера позором своего собрата» поразить Ландсберга из револьвера. Войду, разумеется, вполне могут схватить и арестовать. Однако Дрентельн, в числе прочего, указал на необходимость подготовки соответствующих бумаг и легенды относительно душевной болезни «офицера-патриота».

Что ему предпринять в сложившейся ситуации – Путилин пока просто не знал.

Глава десятая

Пять лет на Сахалине

Дверь распахнулась, ухнула мягко куда-то внутрь, в черном сыром пространстве за нею высветился косой прямоугольник светлого пятна на полу.

- Извольте стоять здесь пока! – сопя, надзиратель протиснулся мимо Ландсберга в душную темноту, затеплил свечу в фонаре, выбрался обратно и скомандовал. – Руки можно держать свободно-с, заходите, ваш-бродь…

Ландсберг шагнул в «холодную», остановился посреди небольшого помещения, по-прежнему держа руки сцепленными за спиной. По полу и стенам заметались быстрые робкие тени – надзиратель прилаживал фонарь в глубокую нишу рядом с дверью, запирал его решеткой.

- Мелют медленно божьи мельницы, - бормотал нараспев надзиратель Дронов, посопел, пошаркал ногами. – Я ж сказал, руки сва-а-бодно держать можно, нешто непонятно,господин хороший? Во-о-от так-от! Лежанка в углу, как изволите видеть, однако до ночи уставом разрешается только сидячее нахождение. Прошу не нарушать-с! Я-то, допустим, слова вашей милости не скажу, а вот ежели кто заглянет из начальства, может и того… в общем, вы

поаккуратней, Ландсберг! Не подведите старика! Тюфяк выдается только на время сна, после ужина, в десять пополудни… Так что счастливо оставаться, господин Ландсберг!

Как ни сдерживал эмоции надзиратель, а ехидная нотка в голосе все ж проскользнула, прямо-таки запела на слове «господин».

- Так что р-располагайтесь, отдыхайте-с!- Дронов затопал к двери, загремел ключами, закашлял и, сменив тон с официального на приглушенно-приватный, осведомился. – Может, передать кому чего? Известить-с кого о произошедшей с вами неприятности?

- Не трудитесь, господин надзиратель! – Ландсбергу послышалась фальшивинка в его голосе. – Действуйте согласно устава!

- Ну-ну! – дверь тяжко захлопнулась, и Ландсберг , сделав вперед пару шагов, опустился на деревянный лежак. Доски были совсем еще сырого дерева, непросушенные, машинально отметил он.

Неприятность, как изволил выразиться надзиратель, была совершенно ожидаемой. Ее ощущение прямо-таки носилось в воздухе все последние месяцы, сгущалось – и вот, пожалуйте! Что-то подобное должно было произойти, просто напрашивалось последовать из двойного положения ссыльнокаторжного Ландсберга. И вот случилось!

Ландсберг невесело скривил губы, погладил руками сыроватые доски лежака. Левая рука наткнулась на выпуклость в брючном кармане, и в карцере прозвучал короткий смешок: даже обыскивать не стали, что за идиотская ситуация! Извольте видеть – папиросы и спички в карцере! Покосившись на дверь и черную ямку «глазка» в ней, он вынул папиросу, размял, закурил. Что ж, господа, раз проморгали – какой арестант такой фарт упустит?

И, лишь сделав пару затяжек, Ландсберг вдруг подумал: а, может, нарочно не обыскали? Так и ждут подобную вольность, чтобы наказать еще больнее, жёстче? Ну и пусть! Только не на «кобылу»! На «кобылу», под розги – не посмеют! Розги – это публичность, такое не скроешь, как объявленные ему трое суток ареста в «холодной».

А я еще нужен этому проклятому острову! - с холодной яростью убеждал себя Ландсберг, снова и снова делая глубокие затяжки, нещадно паля папиросу «Байкал».

Докурил без эксцессов – никто не ворвался, не окрикнул. Встал, на ощупь нашел рукой почти в углу, за лежаком круглое отверстие приточной вентиляции, как он и знал, обнаружилось. Спрятал там окурок, покрутил головой: насмешка судьбы, не иначе! Он ведь сам проектировал и это новое здание тюрьмы в посту Александровском, и пристройку к нему, включая два карцера и надзирательскую. Проектировал и руководил строительными работами – потеха, да и только!

Ландсберг снова уселся на нары, закинул руки за голову. Когда же это было? Да года полтора, не более!

Вот любопытно: да хватится ли меня кто-нибудь из власть предержащих за эти трое суток, подумал он, припоминая один из любимых и часто им повторяемых афоризмов. Про лучшую из разновидностей начальственного состава, сумевшую организовать деятельность таким образом, что отсутствие начальства никем не замечаемо…

Конечно, у смотрителя поселений Ковалева хватит ума прямо приказать свидетелям ареста, чертежникам-«вольняшкам», молчать про инцидент, или намекнуть им построже, чтобы придержали языки. Свидетели люди маленькие, на поселение-то вышли из каторжных без году неделя, до сих пор вскакивают при виде любого чиновника как на пружинах.

Пожалуй, что и не хватятся: не появится завтра он, Ландсберг в присутствии округа – подумают, что строящуюся дорогу уехал инспектировать. Либо в Дуэ, на пристань – на очередной ремонт снесенной штормом причальной стенки. Все наряды на десяток-другой объектов утверждены и розданы подрядчикам, поставки камня и лесоматериалов налажены и отработаны до мелочей – разве «чэпэ» случится, не приведи, господи! Тут уж обязательно потребуют: а подать-ка сюда такого-сякого инженера по строительству Ландсберга!

Конфликт с Ковалевым наметился у Ландсберга еще две недели назад, после публичного разноса, устроенного окружным начальством смотрителям поселений за нерадение в расчистке улиц Александровска. Ковалеву досталось более всех – вместо того, чтобы признать грех, он попробовал не к месту перевести серьезный

разговор в шутку, сгладить остроту. Раздосадованное начальство прошлось по Ковалеву уже злее, с намеком на неприятные последствия. Присутствовавший на том совещании Ландсберг сидел в сторонке в накинутом на плечи, как он непременно делал в казенных помещениях, арестантском халате. Как и всегда,он старался держаться незаметнее, помалкивал и лишь делал в блокноте какие-то пометки. Тем не менее, Ковалеву показалось, что при упоминании его имени «его каторжанское благородие» как-то по-особому усмехнулся. Да и наябедничал на него наверняка именно этот Ландсберг, почему-то решил болезненно-мнительный смотритель. И про себя решил при случае отыграться на «выскочке-инженере». Чего ему, спрашивается, до чистоты улиц и тротуаров? Занимайся своими стройками, да и будет с тебя – так нет же, всюду лезет, всякой бочке затычка…

Случай представился неделю спустя, когда Ковалев проезжал с приятелем мимо строящейся в посту библиотеки. Ландсберг, с разрешения начальства, на стройках носил статское. И стоял спиной к дороге в обыкновенном пальто, что-то живо объясняя некоей даме, со спины Ковалевым неузнаваемой .

Ковалев велел кучеру остановиться и заорал с руганью:

- Ты почему, прохвост, шапку не ломаешь? Воли много взял, такой-сякой-разэтакий???

«Прохвост» живо обернулся, с поворота снимая, как предписывал устав, шапку. И только тут Ковалев с оторопью заметил, что беседовал Ландсберг не с кем иным, как с женой начальника округа, мадам Таскиной. Мадам, разумеется, ругань Ковалева не услыхать просто не могла, возмутилась, подошла поближе и публично отчитала смотрителя за сквернословие.

- К тому же, господин Ковалев, у людей глаза на затылке не растут, - заметила г-жа Таскина. – А прежде чем пенять занятому человеку на невнимательность, не худо бы и самому делом в рабочие часы заняться!

Пробормотав какие-то извинения, Ковалев ткнул кучера кулаком в спину: пошел, мол! А тут и приятель масла в огонь подлил:

- Ловко тебя, брат, инженеришка каторжный через окружную начальницу «умыл»!

Разозленный Ковалев лишь утвердился в мысли отыграться на «выскочке», и вот сегодня такой случай ему представился. Ландсберг оживленно спорил с несколькими чертежниками из вольных, а поскольку Ковалев зашел в комнату, по обыкновению, без стука – много чести! – то не сразу обернулся.

- Та-ак, негодяй, ты и в казенном присутствии позволяешь себе без халата находиться! Почему не встаешь, когда начальство входит?!

Ландсберг уже был на ногах к тому моменту, однако спорить не стал, молчал.

- Ну, смотри у меня! – брызгая пером, Ковалев уже писал записку дежурному надзирателю. Дописав, торжествующе швырнул ее на стол перед Ландсбергом. – На, отнеси! Трое суток «холодной»! И скажи спасибо, что на «кобылу» не послал! Пшел вон отсель!

- Благодарю, ваше благородие! – невозмутимо поклонился Ландсберг, подхватил свой арестантский халат и пошел искать надзирателя.

Дронов, прочтя записку смотрителя, только крякнул: сажать в карцер инженера, ведающего всем строительством в посту и за его пределами, пусть и каторжного, показалось ему неуместным и даже чреватым. Но кто он таков, чтобы спорить? Слава богу, что записочка самоличная от Ковалева имеется, сохранить ее надобно! А то ведь иные господа чиновники посылают наказанных за провинности каторжан с устным приказанием – выдрать там, или в «холодную» определить.

Препровождая Ландсберга в карцер, Дронов, предвидя могущие произойти неприятности, на всякий случай поинтересовался у наказанного: не надо ли сообщить кому? Услыхав отрицательный ответ, вздохнул про себя с облегчением. Доложишь начальству – от Ковалева неприятностей жди: наябедничал, скажет. Промолчишь – начальство спросит: почему допустил такое несуразие, не доложил?! А теперь, ежели поднимется насчет наказания шум, он присягнет: сам Ландсберг, мол, не велел!

Долгие часы, а то и сутки ожидания Ландсбергу были привычны еще с военной службы. Устроившись на неудобном лежаке сколь можно комфортнее и обхватив руками подтянутые колени, он

прикрыл глаза и принялся мысленно шлифовать свой последний, пока еще не законченный литературный «пустячок» для газеты «Владивосток».

Пописывать короткие рассказы, называемые в газетах того времени фельетонами, он начал с год назад. Первая публикация родилась случайно: описывая впечатления и настроения от сахалинской природы в личном дневнике, он вдруг понял, что невольно подражает прочитанному недавно в газете путевому очерку о приамурской тайге. Не дословно, конечно, а стремится точными и короткими словами, как тот неизвестный автор, передать приглушенный хруст валежника, шепот ветра в вершинах кедров.

Подумав, он тогда перебелил страницы из дневника, вместо имени поставил в конце инициалы «К.Х.Л-г», и, не заклеивая конверта, отнес его на почту. Запечатывать письмо с Сахалина, да еще адресованное в редакцию газеты, не имело смысла: всё едино распечатают почтовые служащие. Администрация Сахалина не без оснований опасалась утечки на материк жалоб на произвол и беззаконие, ставшие на изолированном острове явлением обыденным.

Отправил письмо – и думать о нем забыл. И вдруг через четыре месяца, листая библиотечную подшивку «Владивостока», Ландсберг наткнулся на свое творение! Ревниво пробежал глазами – редакторская правка и сокращения оказались минимальными. А в разделе «Почтовый ящик» обнаружилось и редакционное обращение к автору «К.Х.Л-г» с просьбой сообщить свое имя и адрес для получения причитающегося ему гонорара.

С той счастливой для каждого начинающего корреспондента газеты поры Ландсберг отправил во Владивосток еще два своих фельетонов, однако имени и адреса опять же не указал. Во-первых, неизвестно, как расценят в редакции авторство героя судебных отчетов громкого петербургского процесса, не столь уж и давнего. А, во-вторых, реакция чиновного мирка Сахалина прогнозировалась совершенно отчетливо. И не сулила Ландсбергу ничего хорошего.

Когда-нибудь… Когда-нибудь, быть может, он смело переступит порог редакции этой газеты и, не скрываясь, назовет свое имя… А может, и не переступит, и не назовет, и лишь иногда будет со

снисходительной усмешкой вспоминать литературные «грешки» своей молодости. Пока ему было достаточно убедиться, что писать он, как и много другое, может.

Вот уже без малого пять лет как Ландсберг здесь, на каторжном острове Сахалин. Если точнее – четыре года, десять месяцев и восемь дней. Все они, эти 1756 дней неволи, отмечены чернильным карандашом на страницах блокнота в некогда черном, а теперь порыжевшем от времени переплете. Еще около семи десятков крестиков появится в блокноте – и, видимо, придется делать уже другие пометки. Потому как тюремная администрация Александровского округа вряд ли сочтет невозможным по отбытию Ландсбергом трети срока перечисление его, согласно Уложению о наказаниях, в разряд ссыльно-поселенцев.

И не надо будет тогда за 10-20 шагов до встречи с любым мундиром или кринолином мадам чиновницы соскакивать с хлипкого дощатого тротуара в вечную грязь Александровских улиц, торопливо сдирать шапку и ждать – не придерется? Не усмотрит ли мнительный чиновник или злая дамочка дерзости во взгляде, позе? Не придумает ли от скуки либо тщеславия какого-нибудь обидного поручения?

А арестантский халат, это проклятая «каинова отметка» невольного и бесправного человека? О-о, халат можно будет сжечь, либо напялить на чучело в огороде! Впрочем, чучело в халате «еголять» будет недолго, сопрут халат через полчаса, много через час…

Нет, ни сжигать, ни выбрасывать, ни дарить свой халат Ландсберг не станет. Пересыплет нафталином и бережно уложит на самое дно сундучка. На память – если уж не оставит ему Сахалин другой памяти, пусть будет хоть эта, решил Ландсберг.

Впрочем, с перечислением его в «вольное племя» для Ландсберга тут мало что изменится. Он был и останется чужим - и для каторги, и для вольных переселенцев, и для чиновного люда. Так уже ему на роду написано, видимо: одни не простят ему, что не дробил в рудниках камень, не загнулся от угольной пыли в узких, похожих на норы «шахтах». Другие - что не спился, не загнулся от чахотки, не промышлял грабежами и убийствами. Что сумел выжить на этом страшном острове…

Пообещав в свое время заведывающему всеми ссыльнокаторжными Сахалина и Приморской области подполковнику князю Шаховскому исправить злополучный тоннель на мысу Жонкьер и спасти, тем самым, его карьеру, Ландсберг тогда слово сдержал. По его указанию в одной из тупиковых ветвей тоннеля начали бить шурфы, направленные в сторону и вниз. К вечеру первого дня работы в тоннеле прогремела первая серия направленных взрывов. Самолично проверив состояние тоннеля и убедившись в его безопасном состоянии, Ландсберг направил туда проходчиков с кирками, лопатами и тачками. Потом серии взрывов гремели регулярно, и боковой проход стал углубляться в сторону второй ветки.

На третьи сутки безостановочной работы во второй ветке тоннеля стал явственно слышен шум ударов пробивающих смычку рабочих-каторжан, а ладони, приложенные к стене, ощущали близкое сотрясение породы. Увеличить темпы работы было невозможно, оставалось только ждать и надеяться на верность произведенных расчетов.

Шаховской приезжал сюда по несколько раз на дню. Не шумел, не поторапливал, не просил и ничего не спрашивал – ждал. К исходу четвертых суток, послушав в пустой ветке тоннеля приближающийся шум ударов кирки, князь с тяжким вздохом собрался было уезжать домой, однако Ландсберг задержал его.

- Рекомендую задержаться часика на полтора, ваше сиятельство – чтобы потом за вами не посылать, - негромко сказал он. – Минут через 40 с той стороны закончат бить последний шурф под заряд динамита. Ну, потом, надеюсь…

- Я тоже надеюсь, голубчик…

После последней серии взрывов, едва дождавшись, пока осядет пыль, Ландсберг взял приготовленный загодя удлиненные лом, примерился, и со всего размаху воткнул его в мешанину камней и породы. Вонзил – и чуть не упал: лом с легкостью проскочил последний завал и почти весь исчез из виду.

- Расчищайте, ребята! – Ландсберг махнул рукой каторжникам с лопатами и кирками наготове, отступил в сторону. – Похоже, пробились!

- Пойдемте на другую сторону! – это уже было сказано князю.

Пока обходили горушку и шли по тоннелю, смычка ветвей тоннеля уже произошла. Два чумазых каторжника пролезли в образовавшийся сквозной проход и бросились навстречу:

- Так что поздравляем, ваше сиятельство, с благополучным завершением строительства! – едва не хором закричали они.

- Спасибо, братцы! – голос князя дрогнул, но тут же окреп. – Всей ватаге двое суток отдыха, мяса от пуза, два ведра вина! Ничего, ничего, возьму на себя и сей грех! Десятнику – предоставить списки рабочих, буду ходатайствовать о снижении сроков наказания. А на расчистку прохода – новую ватагу, вы уж не обессудьте, проследите тут, господин Ландсберг! И вам бы отдохнуть, конечно, да пока не досуг!

- Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство…

- Да-да, мы с вами, разумеется, еще увидимся. Сможете убедиться, что князь Шаховской слово держать тоже умеет, господин Ландсберг!

Вскоре Шаховской, держа слово, официально назначил Ландсберга на должность архитектора-инженера в Дуйском округе. Всем чинам тюремного администрации было еще раз приказано: Ландсберга, боже упаси, не трогать!

Уже в первый день, явившись принимать дела по инженерно-строительной части округа, Ландсберг убедился, что «пожалованная» князем должность ни в коей мере не является синекурой и выражением начальственной благодарности за оказанные услуги. Строительные дела на Сахалине находились в состоянии крайнего запустения, велись хоть и педантично - сие, скорее, было заслугой многочисленных писарей и всей бюрократической машины – но крайне невежественно и без знания предмета ведения. Прежний исполняющий должность чиновник, к тому же, чувствовал себя оскорбленным тем, что не только вынужден сдавать дела каторжнику, но и, в конечном итоге, в дальнейшем работать под его патронажем!

Он без конца нервно вертел головой в тесном воротничке мундира, к месту и ни к месту отрывисто вопрошал: «Что-с?» и делал глубокомысленные замечания типа «Не думаю, что сей вопрос

является предметом вашей компетенции, любезный!», или «С этим без вас разберутся, милейший!»

Вместе с должностью окружного инженера-архитектора, Ландсбергу пришлось исполнять обязанности мастера, прораба, чертежника и счетовода, а также множество прочих. Он ремонтировал причал в Дуэ и строил дороги на север и на юг от каторжанской столицы, проектировал телеграфные линии и здания в Дуэ, на Александровской ферме, новые тюрьмы в Тымовском…

В архитектурной службе округа, к немалому удивлению Ландсберга, не оказалось не только чертежников, но и самих вакансий. Прежний «архитектор» так и не смог вразумительно объяснить – каким образом сия служба раньше обходилась без столь необходимых специалистов. Зато сразу отрезал: штатами на сей счет округ не располагает – а посему, любезнейший, обойдетесь без чертежников. А коли не можете, так и занимайтесь этим сами…

Пришлось опять идти на поклон к князю – хотя Ландсберг и не сомневался, что на первых порах действительно сможет обойтись без помощников. Тут дело было в том, что не забыл он и про своего компаньона, про Михайлу Карпова. Сначала хотел взять его к себе писарем – эту братию в островные канцелярии набирали из грамотных каторжников. Однако свободных писарских вакансий на момент появления Ландсберга в канцелярии архитектора-инженера не оказалось, и чтобы взять Михайлу, пришлось бы кого-то увольнять – с самого начала испортить отношения со всем кланом.

Визит к подполковнику Шаховскому оказался весьма своевременным: тот как раз собирался и сам посылать за Ландсбергом, чтобы тот проиллюстрировал подробнейший доклад в столицу об открытии тоннеля имени самодержца Александра III наглядными чертежами.

- Нет чертежников? Ну, это вы сами, голубчик, поищите – вам с ними работать. Штатами не предусмотрено? Ну, это мы поправим! Какое число чертежников вы полагаете достаточным, господин Ландсберг? Два-три человека на первое время? Ну и прекрасно, я распоряжусь. А людей сами ищите.

- С одним грамотным человеком, сведущим в архитектуре, я познакомился еще во время плавания, ваше сиятельство. Его бы…

- Из нового сплава? За что осужден? Впрочем, какая разница… Составьте прошение на мое имя, укажите фамилию.

Так уже через неделю после размещения новоприбывших на Сахалин каторжников в карантине Михайла Карпов стал штатным писарем-чертежником.

Натянутые отношения Ландсберга с чиновным мирком Сахалина и дистанция, которую вольное население острова постоянно подчеркивали, не шли ни в какое сравнение с постоянным противостоянием преступному миру каторги. С давлением, посредством которого каторга хотела сломать Ландсберга.

Он переменил позу, покосился на дверь и снова закурил.

Три с лишним года минуло с той поры, как каторга поставила перед Ландсбергом страшную дилемму: убить или быть убитому. Не было дано третьего, просто не было! Ландсберг и сейчас чувствовал на лбу холодный пот, помнил витающий вокруг запах страха и отчаяния, безысходность и ощущение пропасти под ногами.

Кошмар произошел примерно через месяц после вступления Ландсберга в должность архитектора-инженера. Как-то вечерней порой в избу Фролова, где квартировал Ландсберг, постучались. Перепуганный хозяин поначалу не хотел открывать – в темную пору в гости добрые люди на Сахалине не ходили. В конце концов пришлось отпирать: ночные посетителя могли и сжечь домишко с упрямым хозяином вместе. Бывали такие случаи на Сахалине…

Гостем оказался тот самый Кукиш, что помогал Ландсбергу с геодезической съемкой местности. Сегодня, правда, его было трудно узнать – одет Кукиш был в немыслимую рванину, и более походил на какого-то опереточного мусорщика, нежели на работягу-аккуратиста, коим предстал тогда перед Ландсбергом.

- Доброго здоровьица, Барин! – Кукиш поглядел на свои босые ноги, едва не до колен покрытые густой грязью, и чтобы не следить в кухне, сел прямо под порог, свернув ноги по-татарски.

- Здравствуй, Антон! Как меня нашел? – поинтересовался Ландсберг.

- Я ж говорил тебе тогда – Барин имечко громкое. Да и пост наш невелик, все про всех знают… По делу я к тебе, Барин. Шлют тебе сурьезные люди сердечный привет и просют пожаловать для

разговора, в кандальную, в нумер третий.

Ландсберг прислонился к стене, скрестил на груди руки.

- Что за люди? Имена-то есть у твоих «сурьезных» людей? И что за номер третий – я, извини, не в курсе…

- Нумер третий – это в кандальной тюрьме, Барин. Камера, одним словом. Ну, а насчет-просчет сурьезных людей – не сумневайся! Лёха Кучерявый, Иван Пройди-Свет, Капитон Московский, Баранов… все иваны известные, авторитету немалого. Слыхал, поди?

- Про кого слыхал, про кого услышу еще, наверное, - уклончиво кивнул Ландсберг. – Ты меня только вразуми, Антоха, как мне в кандальную тюрьму-то попасть? Я ведь человек в ваших краях новый, многого просто не знаю. Прошение, что ли, написать, чтобы тюремное начальство пустило? Или преступление совершить, чтобы я наверняка туда определился?

- Не, насовсем не надо!- юмора Кукиш не понял, всерьез замотал головой. – А пройтить к нам – это только ленивый не пройдет! Хоть в тюрьму, хоть оттедова… Туда, случается, солдатик остановит – чтобы поселенцы, стало быть, вольные не ходили тюрьму обжирать. Пятачком, много гривенником поклонишься – и проходи на здоровьишко!

- Шучу я, Антоха, знаю про порядки здешние, - вздохнул Ландсберг. – И приглашение лестное, такой компанией не бросаются. Только вот что, друг мой-парламентер, невместно мне в тюрьму идти при моем нынешнем положении. Сам знаешь, начальство меня на должность определило, должность серьезная, среди вольняшек день-деньской кручусь. А как прознает начальство, что я в тюрьму визиты делаю – так и погонит из канцелярии. Не за себя так обидно будет, как за каторгу – я ведь на том месте каторге много чем помочь при случае могу. Так и передай: от приглашения, мол, Барин не отказывается, а просит только назначить другое место. Передашь?

- Передам! – вскочил на ноги Кукиш. – Только, боюсь, не пондравится людям твой ответ. Мне-то что? А ты гляди, Барин!

Кукиш тогда ушел, однако вскоре вернулся:

- Говорил я тебе, Барин… Теперь идтить все одно придется: сам

Пазульский тебя кличет. А от евонных приглашений не отказываются…

- Конечно, конечно, идти вашему благородию требуется! – тут всполошился и квартирный хозяин, не без основания опасавшийся, что в случает отказа квартиранта и избу спалят наверняка. - Сам Пазульский, надо ж!

- И когда?

- Дык прямо счас и пошли, Барин.

В тюрьме все получилось, как и ожидалось. Солдат караульной команды сидел на лавочке, за частоколом. Входящих даже не окликнул – то ли не зохотел по темному времени вставать, то ли дремал.

А вот к Пазульскому Ландсберга сразу не допустили. Сказано было: занят, ужинать сел старец, после покличет. Делать было нечего, и Ландсберг направился на переговоры в третий «нумер».

«Нумер» третий разительно отличался от камеры Пазульского. Еще в коридоре под ногами у Ландсберга стала жирно чавкать грязь, а едва он миновал дверной проем, как в лицо ощутимо ударила плотная душная волна вони, испарений немытых тел.

В камере чадно горело десятка два плошек с салом, кое-где на шконках трепетали огоньки свечек – там, по обыкновению, шла карточная игра. Выкрики игроков-«мастаков», хриплый хохот, неумолчный шум десятков голосов смешались в дикую какафонию тюремной «музыки».

Появления Ландсберга никто особо не заметил, только какая-то фигура скатилась с ближайших нар, ухватила его за рукав:

- Барин, уважь полтинничком! Ей-богу, до петухов! Ты меня помнить должон – на «Нижнем» вместе сплавлялись! Дай, томно мне!

- Не при деньгах я, дядя! – буркнул Ландсберг, вглядываясь в темноту и пытаясь определить – куда идти? И надо ли идти – может, правильно ждать, пока окликнут, позовут?

Фигура продолжала ныть и клянчить, тянуть за рукав. Тут к ней и еще одна присоединилась: человек дурашливо сломался перед Ландсбергом в поклоне, громко закричал:

- Гляди, народ, кто припожаловал в нашу «хату»! Евойное благородие, сам Барин! Милости просим, Барин! Тока гляди, ножки не

испачкай, тут у нас не контора, дерьма по колено!

Гомон в камере стал несколько потише, Ландсберг почувствовал, что на него, наконец, обратили внимание, начали присматриваться. Теперь рядом с ним появился еще один силуэт, приглашающе махнул рукой:

- Туда, уважаемый! Там тя народишко дожидает, Барин!

Ландсберг направился в душный сумрак, и наконец очутился перед нарами, на которых в живописных позах расположились пятеро иванов – все как один в косоворотках с расшитыми воротниками, низких сапожках-«хромачах» и заправленных в них плисовых штанах. Посреди шконки, на чистой тряпице был накрыт «стол» -– бутылка «казёнки», порезанное сало, кружки темной колбасы, огрызки хлеба.

- Милости просим, уважаемый! – пошевелилась крайняя фигура, неопределенно махнула рукой. – Эй, морды, табурет подайте гостю!

В окружающей шконку толпе глотов произошло движение, над смутно белеющими лицами возник и поплыл к Ландсбергу самодельный табурет. Наслышанные о кознях для новичков, Ландсберг, прежде чем сесть, крепко пошатал табурет руками – у него могли быть подпилены ножки. Сядет человек, и очутится на полу, в жидкой грязи, под радостный гогот дожидающейся развлечений толпы. Табурет оказался без сюрпризов, и гость сел, выжидающе глядя на иванов.

- Откушать с нами? – перед Ландсбергом оказалась почти чистая чашечка, из которых в сахалинских тюрьмах предпочитали пить водку.

Отказываться не следовало, и Ландсберг взял в руку чашку, другой отломил кусочек хлеба.

- Ну, со знакомством, уважаемые! – он опрокинул в рот скверную, отдающую керосином водку, пожевал сыроватый хлеб.

Иваны тоже выпили, под жадно-голодными взглядами окружающих шконку лиц разобрали кружки колбасы, куски белой булки, ломти сала. Лениво закусывали, иногда не глядя швыряли в толпу недоеденные куски, разговор начинать не спешили.

- Значится, вот ты каков будешь, Барин! – начал, наконец, один. – Наслышан о тебе народ, слушок сюды раньше твово парохода

прибёг. Нехорошо про тебя говорили, Барин, как на духу тебе скажу… Забижаешь, говорили, народишко. Калечишь, а то и вовсе до смерти убиваешь… Уставов тюремных признавать не желаешь, к авторитетным людям без почтения…

- Другие говорили, что правильный ты арестант, Барин! – сипло подхватил соседний переговорщик. – Баили,что ты хоть и из ихних благородий, а не чистоплюй. В тюрьму по крови пришел, по сурьезной статье. К начальству не примазываешься, ихнюю руку не держишь, товарищей не выдаешь.

- Дырку в горе здеся на Жонкьере доделывали – не забижал арестантов, калечиться не посылал, в опасные места сам первым шел. Выпей-ка ишшо с нами, Барин!

- Благодарю, не могу, уважаемые! Желудок не позволяет много пить! – Ландсберг решительно перевернул вверх дном свою чашку, взял еще кусочек хлеба.

- Гляди сам. Ты нам свое уважение уже выказал, не побрезговал.

Иваны снова выпили, закусили.

- Ну, теперя слушай наш сказ, мил-человек! – иван по фамилии Баранов тоже перевернул свою чашку и уставился на Ландсберга тяжким взглядом. – Каторга тебя прощает покамест, Барин – за то, что уважаемых людёв в Литовском замке, да во Псковской пересылке жизни лишил. Дело то давнее, далекое – кто знает, можеть, тебя не поняли, можеть, ты чево не знал, не разумел. Помогать каторге, канешно, придется – ты ж при начальстве. Слово там замолвить за кого, или с бумажкою какой помочь. Это - само собой. И спытание нашенское ты пройти должон, Барин! Исполнишь здеся каторжанский приговор – живи как знаешь. Не откажешь каторге, Барин?

- Не откажу, коли смогу. А что за приговор каторжанский?

- Давай о деле, - согласился Баранов. – Есть тут человечишко один вредный для каторги. Карагаев его фамилиё. Слыхал, поди?

- Да, надзиратель Карагаев. Слышал.

- Во-во! Лют энтот самый Карагаев до невозможности! Драть приказывает всё, что ноги-руки имеет. Лютует, собака! Эй, народ, ну-ка, подведите-ка сюда Никишку, пусть Барин поглядит!

Толпа, обступившая нары, зашевелилась, раздалась, и двое каторжников почти поднесли поближе повисшее на их руках полуголое тело, поворотили спиной к Ландсбергу, подвинули поближе свечи. Спина Никишки была вздута и буквально взлохмачена розгами, сам человек был явно без сознания.

- Вишь, каков Никишка стал? – кивнул на несчастного Баранов. – Не жилец, точно тебе говорю. А сколько уж схоронили таких, после карагаевских-то милостев? А перепоротых сколь? Вот и приговорила, значить, Карагаева каторга. А ты нам помочь должон, Барин!

- Смертный грех более на душу не возьму! – твердо заявил Ландсберг. –Что хочешь со мной делай – нет моего согласия!

- А тебе и не надо свои ручки марать!- усмехнулся Баранов. – Желающих и без тебя поквитаться с Карагаевым хватит! А исделать тебе надобно вот что будет…

- Стой, уважаемый! – Ландсберг протестующее поднял обе руки. – Погоди, не говори более ничего! Пойдем-ка, на воздух выйдем отсюда! Не делаются такие дела, не обговариваются – чтобы сотня ушей вокруг была!

- Ты что жа, каторге не доверяешь? – прищурились на Ландсберга иваны. – Каторга по уставу живет, болтать никто не станет, за длинные языки на ножи у нас положено ставить!

- Устав уставом, а человек слабым может быть! – Ландсберг поднялся. – Здесь я слушать больше ничего не желаю, уважаемые! Хотите – на дворе подожду?

- Ну, жди, - усмехнулся Баранов. - Может, кто и выйдет…

Ждать Ландсбергу пришлось недолго. Вскоре рядом с ним проявились из темноты фигуры двух иванов.

- Горд ты, все ж, чрезмерно, Барин! – длинно сплюнул на землю Иван Пройди-Свет. – Без оглядки живешь!

- Как раз с оглядкой, уважаемый! – возразил Ландсберг. – Ты говори, чего от меня требуется.

- А требуется от тебя, уважаемый, чтобы ты Карагаева в день, который мы тебе укажем, привез в Ведерниковский станок. Туды ведь столбы сейчас с проволокой ставят? И народишко арестантский на тех столбах корячится. Так вот, соберешь в тую ватагу, что столбы ставит, людишек, которых мы тебе укажем. Они все и

сделают. Твое дело – Карагаева туды привезть.

- Карагаев гнида умная. Лютует, собака, а себя бережет, - ввернул второй иван. - С двумя револьвертами ходит. Твое дело - привезть его на место так, чтобы ён ничего не заподозрил.

- А с чего это ему доверяться мне? Он со мной и не говорит никогда…

- Ты сюды слухай, Барин. Ты ведь на разнарядках бываешь? Бываешь! Заказываешь рабочих – туды столько-то, сюды… Вот и сделай так, чтобы в Ведерниковский станок дополнительную ватагу попросить. Кого – я те после скажу. Пожалуйся: мол, каторжные рабочие плохо работают, не слухают тебя. Попроси, чтоб надзирателя тебе в помощь дали, для соблюдения порядка. Понял?

- А если другого пошлют? Не Карагаева?

- Надо исделать так, что б он сам напросился в Ведерниковский станок! Когда на разнарядке будешь на каторжных жаловаться, упомяни Трифонова и Афанасьева. Они, мол, более всех воду мутят, других сбивают с толку. Как тока Карагаев про этих двоих услышит – сам вызовется ехать с тобой!

- С чего это?

- На Трифонова, да на Афанасьева у него давно зуб вырос. Того и другого не раз на «кобылу» посылал. Одного за дерзкие разговоры, другого за бабу. Бабенку одну, из прошлогоднего сплаву, Карагаев к себя в сожительницы всё сманивал. А она взяла, да и к Афанасьеву сама пошла. Он на морду красивый шибко, Афанасьев, вот бабы к ему и липнут. Верно говорю, Барин: как услышит Карагаев про энтих двух – сам вызовется ехать к ним, порядок наводить!

- Ну, поедет он. А далее что?

- А ничего! Заранее место подберешь, чтоб немного не доехать до станка. Чтобы лошадь на том месте придержать – на повороте, али камень на дороге мешать проезду будет. В том месте людишки из кустов выскочат, на Карагаева насядут – тут ему и конец.

- А я, испугавшись, в станок поскачу, тревогу поднимать? Напали, мол… Так, что ли?

- Так. Только шибко не спеши, с тревогой-то. Дай людишкам дело сделать. Двое после того, как Карагаева кончат, в бега попадутся. В Ведерниковском станке солдат караульной команды

всего трое. Все за беглыми не побегут, не положено. И все едино – дай беглым подальше уйти.

- Так ведь все равно поймают. Я слышал, на Сахалине долго не бегают… А как поймают – допросят. И всё наружу выйти может…

- А енто уже не твое дело, Барин! Твоя забота – Карагаева на место привезть, спытание нашенское сдюжить. Ну, и канешно, когда людишки из кустов выскочат – гляди, чтобы Карагаев за револьверты свои не успел схватиться. Если что – придержишь, силенки, чай, не занимать. Понял?

- Так! – понятливо покивал Ландсберг. – Сначала разговор был – привезти Карагаева на нужное место, и только. Потом говоришь – людишек нужных в ватагу, что столбы ставит, собрать. Теперь, оказывается, еще и придерживать надо Карагаева… Не пойдет, уважаемый!

- То исть, отказываешься каторге помочь, Барин?

- Так ведь выходит, что и так, и этак мне конец, мил-человек! Чего ж мучаться-то понапрасну стану? Про назначенное вами испытание сотня человек в тюрьме, не меньше, слыхала. Донесет один, схватят меня, схватят людей, которых каторга исполнителями назначила… И Карагаев цел останется, и мне конец. Вот и все ваше «испытание»!

- Отказываешься?

- Отказываюсь. Раз каторга надумала Карагаева порешить, так и без меня порешат. Меня ведь иваны убрать вместе с ним хотят. Разве не так? Я вам поперек горла, уважаемые! Что не желаю быть на вас похожими. Что в каторгу пришел, чтоб не по-волчьи жить, а принять наказание, людьми за мой грех назначенное. Так что отказываюсь! – вздохнул Ландсберг, без страха поглядывая на темные фигуры. – Делайте что хотите! Только учти сам, и другим передай, уважаемый! Захотите со мной посчитаться – дорого жизнь моя вам обойдется! Я солдат, и убивать умею. Слыхал, небось? Сколько смогу – стольких на тот свет с собой и захвачу, понял?

- Понял, Барин! Только и ты не торопись! Гонор гонором, а все ж подумай! Каторга до завтреваответ твой окончательный ждать станет.

Завизжала дверь, в светлый прямоугольник проема высунулся

кто-то, окликнул:

- Барин, ты тута? Пазульский откушал уже, зовет тебя. Иди поскореича!

- Стало быть, ты и есть тот самый Барин! – подслеповато прищурился на Ландсберга патриарх каторги. – Слыхал, как же… Молодой ты… Сколько годков?

- Двадцать семь, уважаемый.

- Двадцать семь, - покивал старик. – А присудили тебе пятнашку?

- Четырнадцать лет, уважаемый.

- Я ж говорю – молодой. И выйдешь молодым, коли правильно себя вести станешь. Ладно, Барин, мне пока до тебя дела нету. А позвал потому, что народишко попросил: гордый ты, говорят, очень. Вот, гордый-гордый, а к старику пришел, хе-хе… Да и посмотреть в личность твою любопытно было, каюсь, грешник! Был в третьем нумере-то?

- Был.

- Спытание каторжанское принимаешь, Барин?

- До завтра подумать можно, сказали.

- Ну, стало быть, думай!

- Откажусь я, верно, уважаемый. Слыхал я, что иваны своему слову истинные хозяева. Захотят – дадут, захотят – обратно возьмут. Так и с моим испытанием. Одно пройдешь – второе повесят, потом третье.

Пазульский усмехнулся, потеребил длинную желтоватую бороду.

- Насчет спытания я тебе слово свое, варначье даю, Барин! Никто тебе второй раз трогать не станет. Мне-то веришь?

- Верю, уважаемый. Тебе вот – верю.

- Вот и ступай с богом! – Пазульский зевнул, широко распахнул пустой, без зубов рот. – А я спать лягу. День прошел, завтра другой настанет – всё мне, старому, радость. Ступай, Барин!

Вернувшись в избу к Фролову, Ландсберг на осторожные расспросы хозяина отвечал уклончиво, а то и рассеянно, невпопад. Чем и перепугал осторожного Фролова окончательно. Что квартирант, что хозяин до утра проворочались без сна, лишь молчали

да изредка покашливали, пили воду.

Утром, явившись на службу в присутствие, Ландсберг сразу заметил, что атмосфера в канцелярии ощутимо изменилась. Писари из каторжных многозначительно переглядывались, говорили слегка развязным тоном, а двое и вовсе не по имени-отчеству, а Барином окликнули – несмотря на строжайшее, с самого первого дня службы Ландсберга, предупреждение и настоятельную просьбу.

На первый раз нынче Ландсберг кличку, резавшую слух, стерпел. После второго велел всем собраться в его комнате. Сесть, вопреки обыкновению, никому не предложил, сразу перешел к делу:

- Господа хорошие, мы с вами, кажется, с первого дня договорились: собачьих кличек в присутствии не понимают. Тем не менее, меня сегодня дважды окликнули по-каторжному. В чем дело, господа?

Ответное молчание затягивалось. Наконец, один из писарей, поощряемый взглядами и толчками товарищей в бок, развязно проговорил:

- А что же ты… то, есть вы… Что же вы, себя каторжным не считаете, Ландсберг? Должность, она ведь из категории, знаете ли, преходящих… Сегодня человек инженер, а завтра под нары полезет! А клички, извините, каторжанская традиция-с! Вот вы меня, Ландсберг, тоже можете по кличке звать – я не обижусь!

- Понятно! – Ландсберг побарабанил пальцами по столу, словно мимоходом согнул и разогнул отполированную подкову, доставшуюся ему от предшественника в качестве пресса для бумаг. – Стало быть, мой вынужденный вчерашний визит в кандальную для вас, господа хорошие, тайною не является? Как, вероятно, и сделанное мне предложение? Вы уж не молчите, господа хорошие, честью пока прошу!

- А чего на каторге скроешь, Карл Христофорыч? – миролюбиво отозвался другой писарь.

- Каторга – там, в кандальной! – резко оборвал его Ландсберг. – А здесь, милейшие, казенное присутствие! Говорю последний раз: еще раз услышу кличку – хоть свою, хоть чью – уволю к чертовой матери! И прослежу, чтобы уволенных в древотаскибыли определены! Всем всё понятно? А теперь пошли вон! Впрочем,

Михайла Карпов пусть останется! Остальные – вон!!! И – работать! К обеду проверю исполнение поручений.

Оставшись с Карповым наедине, Ландсберг походил по комнате, успокоился, присел напротив компаньона.

- Ну, Михайла, что скажешь? До тебя, конечно, тоже слухи уже дошли?

- Так – каторга, Христофорыч! Она слухом полнится… Худо дело, Христофорыч! - сплюнул компаньон. - Не знаю, что и подсказать, язви их всех в бога, душу и прочее! Откажешься от испытания – смерть скорая, лютая. Не спрячешься, не схоронишься нигде. Согласие дашь, да попытаешься схитрить – каторга дознается до правды, то ж самое будет! Выполнишь, что велено – власти непременно дознаются! И всплывет, как то дерьмо в крещенской проруби.

- И что же делать мне теперь, друг Михайла?

- Не знаю, Христофорыч! Покуда одно могу сказать – не отказывайся!

- Вот чудак! Да ведь если не откажусь – значит, согласен!

- Посидим, обмыслим это дело, авось и выкрутимся, кумпаньнон!

Из-за двери донесся невнятный шум, окрики, топот ног. Ландсберг мельком глянул на часы-луковицу, поморщился:

- Кажется, глава канцелярии прибыли-с… Писарей воспитывают…

Однако нынче заведывающему делопроизводством было не до писарей. Их он проскочил почти без остановки, мимоходом дав одну лишь зуботычину, ворвался в комнату Ландсберга. Компаньоны уже ждали начальство стоя, с шапками в руках. Заведывающий, дыша во все стороны свежайшим перегаром, проскочил едва не до середины комнаты, уперся в стол Ландсберга, заваленный бумагами и чертежами, подозрительно оглядел все вокруг.

- Ага! Ландсберг, что происходит, а? Что–с?

- Желаем здравствовать, ваш-бродь…

- Нет, ты погоди, погоди! «Здравствовать»! Заговор, Ландсберг, а?

- Никак нет, ваш-бродь! – пряча улыбку, ответствовал

Ландсберг.

- Как так? А кто ночью в кандальную ходил? Что-с? Не врать мне! Я, брат, все про всех знаю!

Покорно склонив голову, Ландсберг выслушал длиннейшую начальственную нотацию, подал стакан воды, когда заведывающий, по обыкновению, начал икать, и клятвенно пообещал впредь никаких безобразий «не допущать». Проводив начальство, он невесело усмехнулся и кивнул Карпову:

- Каковы тамтамы здешние, а, Михайла? Не успел в тюрьму сходить, а начальство уж знает! А еще говорят, что каторга длинных языков не любит… Извольте видеть – донесли уж… И если соглашусь на испытание – тоже ведь узнают наверняка!

- Обмыслить, говорю тебе, требуется все!

Где-то в коридоре послышались тяжелые шаги, замерли перед дверью «сушилки», как еще называли на Сахалине карцер. Шаркнула заслонка дверного глазка, за дверью посопели, потом загремел замок. Ландсберг давно уже спрятал окурок папиросы, к появлению надзирателя встал.

Дронов протиснулся в камеру, поставил на лежак рядом с Ландсбергом кувшин с водой, пристроил рядом хлебную пайку – фунт черного хлеба.

- Вот ваш обед, мил человек... Хм… Может, доложить все же начальству об вас, Ландсберг?

- Не стоит, ваш-бродь, господин Дронов! Здесь не дует, не зима, чай… Посижу, отдохну от трудов праведных. Заодно и обдумать надо кое-что. Бумаги бы мне, ваш-бродь, а? Знаю, что не положено, впрочем…

- Бумагу попозже принесу, Ландсберг. К вечеру, как начальство по фатерам разойдется. Может, ужин прикажете из кабака все ж заказать? Не выдадите старика, небось…

- Поглядим с ужином. Прежде все же бумаги бы…

Дождавшись ухода надзирателя, Ландсберг принялся отщипывать по кусочку хлеба, жевал не торопясь, продолжая прокручивать в памяти те давние события.

Закончив в тот день побыстрее дела в присутствии, Ландсберг отправился на конюшню и велел заложить коляску для поездки в

Ведерниковский станок.

Конюхами при окружной конюшне состояли те же каторжные, в основном из деревенских мужичков. Те, кому посчастливилось в каторге быть приставленными к лошадям, выполняли привычную им извечную работу, своими местами очень дорожили. Нехитрое конюшенное хозяйство они старались содержать в образцовом порядке, чтобы, не приведи господь, не заслужить нареканий начальства и не очутиться опять в душной вони тюремных номеров. Двор и денники всегда были подметены и чисто прибраны, лошади вычищены, а конская упряжь и экипажи содержались исправными.

До Ведерниковского станка было 12 верст пути, с одним попутным станком, в 8 верстах от поста Дуэ. Собираясь в дорогу, Ландсберг, еще не сообщивший иванам о своем решении, кое-что все же предпринял. В лавке Бородина он, ощутимо тронув первое полученное жалованье, купил пять фунтов сахару, а в следующей лавчонке дрожжей. Покупка предназначалась для смотрителя того самого попутного к Ведерниковскому станка, отчаянного пьяницы. Уединенность и малопроезженность тракта подвигли смотрителя на незаконное и преследуемое по закону занятие – винокурение. Ландсберг уже знал, что в полуверсте от станка, в землянке смотритель ставил брагу и потихоньку гнал пьяное зелье. Случалось это, правда, не часто – сахар на Сахалине был весьма дорог, а ягодный сезон еще не наступил.

За последнюю неделю дождей на Сахалине не было, и благодаря этому обстоятельству дорога в станок была в приличном состоянии. Лошадь исправно перебирала мохнатыми ногами, колеса экипажа не ныряли в выбоины и промоины, не застревали в липой грязи.

Ландсберг с самой первой своей поездки по острову был до крайности поражен и состоянием почти всех сахалинских дорог, и крайним невежеством их строителей. Здесь, на острове, будто и не слыхали никогда о несложных, в общем-то, правилах строительства и содержания проезжих путей. Если дорогу били через тайгу, дело ограничивалось вырубкой неширокой просеки, причем пни вырубленных деревьев корчевать никто не удосуживался. Просека засыпалась обрубленными сучьями, и дорога считалась пробитой.

Через месяц, много через два «засыпка» из сучьев между пнями размывалась дождями, растаскивалась колесами проезжающих экипажей и телег, пни и корни вылезали наружу так, что переступать по ним могли лишь привычные местные лошади. Что же до колес и осей, то они «летели» здесь на каждом шагу.

В довершение ко всему, сырой и дождливый сахалинский климат через самое малое время заболачивал проделанную просеку так, что проще и безопаснее было пробираться не по «дороге», а рядом с ней. Водоотводные канавы вдоль дорог на Сахалине тоже не делали. Как будто, дивился Ландсберг, местные жители, родившись на острове, сроду не бывали на материке и никогда не видали, как устроены дороги там.

Нынче же Ландсбергу, озабоченному предстоящим испытанием каторги, было не до устройства местных дорог. Мало заботил его и приговор, вынесенный каторгой надзирателю Карагаеву. За недолгое время пребывания на острове Ландсбергу немало довелось услышать о патологической жестокости и даже кровожадности этого человека.

Карагаев был из бывших военных фельдшеров, за какое-то воинское преступление попал в Карийскую каторгу, отбыл там десять лет, а потом, как это почему-то нередко случалось с осужденными нижними воинскими чинами, изъявил желание стать надзирателем. Доказывая тюремному начальству свою преданность и старательность, такие надзиратели «из бывших» обычно становились самыми жестокими притеснителями каторги. К тому почти у каждого из них, как правило, была в прошлом какая-нибудь темная история обиды на бывших товарищей и яростное желание мстить за эту обиду либо унижение. Неутолимую злобу к каторжникам у таких людей подпитывало и то, что и в вольном обществе они продолжают оставаться его изгоями. Карагаев был изгоем и для каторги, и для тюремной администрации Сахалина.

Но, как понимал Ландсберг, всеобщие презрение и ненависть к Карагаеву не означало то, что расправа с ним будет расследована спустя рукава. Скорее уж, наоборот: тюремная администрация все силы положит, чтобы найти и примерно наказать и исполнителей, и зачинщиков расправы. Иначе было нельзя: на Карагаеве и ему подобных держалась вся каторга, дисциплина среди самых темных и

отчаянных отщепенцев и отбросов общества.

Лениво пошевеливая вожжами, Ландсберг машинально отмечал в голове и рельеф местности, и профиль дороги, по которой катилась его коляска. Иногда он натягивал вожжи, выскакивал из коляски и более внимательно осматривался вокруг, определяя наиболее удобные с военной точки зрения точки будущей засады. Его ничуть не смущало при этом, что до указанного иванами места еще далеко: верить до конца каторге и ее иванам у него не было никаких оснований.

Чуть кривоватая шеренга телеграфных столбов новой линии тянулась вдоль дороги в Ведерниковский станок. Провод на столбах еще не был провешен. Огромные черные вороны изредка взлетали и тяжело усаживались на верхушках столбов, внимательно следили за проезжающей коляской. Чрезвычайно чуткие и сторожкие, эти птицы мгновенно реагировали даже на палку, поднятую в их сторону: тут же взлетали с коротким карканьем и исчезали среди вершин деревьев.

Отчего такая сторожкость, иногда мимоходом задавал себе вопрос Ландсберг. Отчего – ведь на воронов никто и никогда здесь не охотился…

Лошадь подняла на ходу голову, коротко фыркнула, и тут же Ландсберг ощутил в воздухе легкий дымок, признак приближающего человеческого жилья. Да, пора бы уже и быть Силинскому станку, названному по имени давнего своего смотрителя Афанасия Силина.

Домишко смотрителя был сооружен чуть в стороне от тракта. Низкая кривая труба курилась дымком, однако ни на шум подъехавшей коляски, ни на оклик и посвист Ландсберга никто не ответил.

Опять в своей смолокурне-винокурне, отметил про себя Ландсберг. Набрал в легкие побольше воздуха и свистнул уже громко, лошаденка в испуге присела было на задние ноги, и только натянутые предусмотрительно вожжи удержали ее от бега.

Немного погодя откуда-то из леса донесся приглушенный ответный свист, и Ландсберг присел на крыльцо в ожидании хозяина.

Смотритель Силин при виде гостя засуетился, при виде гостинцев по-детски обрадовался. Улыбался щербатым ртом, пересыпая из ладони в ладонь колотые куски сахара. Долго и истово

нюхал дрожжи.

- Дён через десять добро пожаловать на первачок, ваш-бродь! У-ух, и первачок знатный будет! – радовался Силин. – А то я, ваш-бродь совсем уже измучился – на кореньях да березовой водице бражку ставить! Одна видимость, а не вино!

- Ты, брат, все же поосторожней с этим делом! – не утерпел, предостерег его на прощанье Ландсберг. – Донесет кто – и опять в кандальную загремишь, за подрыв монополии государевой!

- Не изволь беспокоиться, ваш-бродь! Я бирюк таежный, сторожкий! Плохого человека за версту вижу… А ты тут чего? По делу, в Ведерниковский собрался? За столбами своими доглядывать? Тогда упрежу тебя, хорошего человека: был я в Ведерниковском станке днями, за солью ходил. Гляжу – еловый лапник народ жгёт. Откель тут ельнику взяться, спрашиваю, коли на столбы вы лиственницу непременно валить должны? Ель – дерево хлипкое, гниет быстро, а вы чево? Далече за болотом листвяк подходящий добывать надо, говорят. Таскать оттель несподручно, топко! Вот мы, дескать, и приспособились: на короткие столбы, что в землю закапывать, смолы погуще намазать – авось за лиственничную подпорку и сойдет!

- Ну, спасибо, что предупредил, Силин! Погляжу там.

- Тока, ваш-бродь, меня-то не выдавай уж! – закряхтел Афанасий. – Скажи уж, будто бы сам, своим глазом обнаружил. Ведь сожгут меня, варнаки, вместе со станком сожгут!

- Не беспокойся, Силин! – Ландсберг разобрал вожжи, леконько шлепнул лошадь по крупу. – На обратном пути остановлюсь, чайком побалуемся, Силин!

Работы на Ведерниковском станке шли, как сразу определил Ландсберг, ни шатко ни валко. Ватага из дюжины с небольшим рабочих-каторжников десятником была разбита на тройки. Одна валила лес, две других обрубали сучья и таскали лесины к дороге. Остальные копали под столбы ямы, курили смолу, железными обручами притягивали короткие опоры к длинным столбам. Трое солдат из караульной команды, разморенные жаркой погодой и бездельем, составили ружья в пирамиду и занимались кто чем: один полоскал в ручье бельишко, двое лениво шлепали картами. При виде

подъезжающей коляски солдаты и десятник было встрепенулись, однако, узнав в приезжем начальстве Ландсберга, успокоились и занялись прежними делами.

- Ну-с, Петраков, давай докладывай о результатах работы. Я был здесь у тебя ровно неделю назад. Хвались, - Ландсберг привык не обращать внимание на подчеркнутую демонстрацию малозначимости его как начальства.

Десятник Петраков, сам из каторжных, назначенный на свою должность еще до появления на острове Ландсберга и все время подчеркивающий свою близость к иванам, солидно откашлялся, пожал плечами:

- Работали робяты, господин инженер. Вот оттель и досель дошли, значить…

- «Отель и досель» будешь считать на своем огороде, Петраков. Когда на поселение выйдешь, - сухо оборвал Ландсберг. – Мне нужны цифры! Изволь доложить о числе заготовленных и поставленных столбов!

Петраков бросил на инженера короткий неприязненный взгляд, но оговариваться не посмел. Сопя, достал из кармана обрывок бумажки, исписанный каракулями, сунул в бумагу нос.

- Значить, с прошлой среды заготовлено три десятка, да еще четыре столба. Двадцать два уже поставлено, ишшо парочку дотемна поставим, должно…

- Выходит, в один день ставите по три столба. Плохо, Петраков! Исходя из имеющихся у тебя душ рабочей силы, положено ставить не менее пяти-шести столбов за световой день. Так и ставили раньше. Я глядел отчет прежнего десятника – и по семь, бывало, ставили. В чем дело, любезный?

- Дык ить земля-то тут какая? – вяло запротестовал десятник. – Не земля – камень сплошной! Тюкаешь, тюкаешь, одне искры летят!

- И на пройденных уже участках грунт такой же был, Петраков. Плохо! Дай-ка топор, пошли поближе на твои столбы поглядим. А пока вели вырубить шест из тонкомера. Длиной в три четверти столба с опорой.

Ландсберг быстро зашагал от одного столба к другому, замеряя складным метром высоту вкопанных в землю опорных столбиков.

Все последние опоры были чрезвычайно густо вымазаны смолой – так что ее потеки образовали под каждой опорой немалую лужицу.

- Не жалеешь смолы, Петраков? – покосился на десятника Ландсберг.

- А чаво ее жалеть-то? Скоки надо, стоко и накурим, - равнодушно отозвался десятник.

- Твоя правда, чего ее жалеть? –согласился Ландсберг, подобрал с земли щепку, очистил от смолы участок опорного столба и начал стесывать верхний слой древесины. – Так-так-так, Петраков! Смолы тебе не жалко, значит? А себя? Что сие означает? Это же не лиственница, а ель!

- Кака така ель? – забормотал десятник, колупая пальцем белую древесину. – Быть того не может, листвяк это!

- Петраков, ты мне тут ваньку не валяй! – жестко оборвал Ландсберг. –Почему нарушение допустил?

- Не доглядел, должно. Вот собаки какие! Ну, я им кузькину мать-то покажу! – десятник грозно обернулся на рабочих. – Случайность вышла, господин инженер! Мигом справим!

- Придется все последние опоры проверять. Особенно те, на которые ты смолы не пожалел, - усмехнулся Ландсберг.

Дойдя до последнего столба, он зашагал дальше – туда, где трое каторжных кирками и лопатами копали очередную яму.

- Здорово, ребята! Бог в помощь!

- И вам здрассте, ваш-бродь.

- Какой глубины ямы копаете, ребята?

- Известно какой… Полторы сажени.

- Точно полторы? Не меньше? Чем замеряете?

- Струментов у нас нетути, замерять-то. Ветку сунем в яму, прикинем, ишшо копаем, если надоть…

- А десятник проверяет глубину?

Каторжные переглянулись.

- Дык когда как, ваш-бродь. Иной раз подойдет, заглянет…

- Понятно, - Ландсберг подошел к лежащему неподалеку столбу с привязанной уже опорой, замерил ее длину. – Почему опора на четыре вершка короче, чем положено?

- Не могем знать, ваш-бродь. Мы-то землю копаем тока.

Столбы-то готовые подносят сюды.

Убедившись, что и последняя опора сделана из еловой лесины, Ландсберг пошел обратно к биваку. Взял вырубленный по его приказу шест, наугад подошел к одному из столбов. Упер его в верхнюю часть столба, с силой качнул в одну сторону, в другую. Подошел к другому столбу, проделал и там ту же процедуру. Вернулся к бросившим работу и сгрудившимся арестантам, попросил:

- Покажите-ка, ребята, где ночуете, где кашеварите…

Оглядел ветхие шалаши с грудами тряпья, покачал головой и поманил десятника.

- Проводи до коляски, Петраков. Делать мне тут нечего. Как и тебе, похоже…

- Дык не сомневайтесь, господин инженер, все исправим в лучшем виде! Недоглядел, извиняйте уж!

- Недоглядел, говоришь? Слушай внимательно, Петраков! Последние три десятка столбов надо будетиз земли вынимать. Думаешь, я не вижу твою хитрость? Ямы копаете мельче, чем положено. До глубины промерзания грунта зимой не доходите. А чтобы незаметно было, столбики опорные короче рубите. Ты что, не понимаешь? Придет зима, ударят морозы. Грунт смерзнется, столбы кверху выдавливать начнет, они покосятся. Далее: по какому праву вместо лиственницы на опоры ель ставишь? Ее хоть вымочи в смоле, все одно через пару лет сгниет в земле. И что это за телеграфная линия будет? А спрос с кого? С меня, Петраков, начальство на следующий год спросит! А то и в саботаже обвинит.

- Дык ведь все переделывать надоть, господин инженер! Откель я про промерзание твое знал? Мы люди темные..

- Не валяй дурака, Петраков! Не валяй! Про точку промерзания, может, ты и не знал, а вот про то, какой глубины ямы под столбы копать, сорок раз было сказано. И потом – сам-то где спишь? В избе? А рабочие почему на голой земле, под дырявыми шалашами?

- Дык с места на место переходим, чаво напрасно городить-то?

- Петраков, я вернусь сюда через два-три дня. Привезу еще рабочих. Все, что сказал – должно быть исправлено. Не сделаешь – вылетишь из десятников белым лебедем! И докладную напишу про все твои «недогляды». Сам ямы копать станешь, а раньше тебя на

«кобылу» начальство положит, сам знаешь! Всё понял?

- Понять-то понял, господин инженер! – Петраков смотрел на Ландсберга недобро, зло усмехался. - Не по-людски у нас с вами вроде получается… Вы ведь, извиняйте, тоже из… нашенских? С последним сплавом пришли?

- И что далее?

- А то, господин инженер, что наш брат, каторжный, держаться друг за дружку должон. Не гадить на голову своему брату-арестанту. А ты «кобылой» меня стращаешь, агромадную работу переделывать велишь. Свой же брат, каторжник, будет по твоей указке лишний раз спину ломать!

- Значит, меня подводить ты считаешь вправе, Петраков? Ответственную работу, за которую я в ответе, абы как лепить можешь? Это по-братски, как ты изволишь выражаться? А я молчать должен про твои грехи?

- Воля ваша, господин инженер. Молчать заставить не могу, как и разум свой дать. Тока гляди сам, народ у нас на каторге злой. Ты вот один по тайге на колясочке ездиешь – а в тайге, господин инженер, всяко разно бывает… И в посту тож, всяко случиться может! Ватагу нашенскую на «кобылу» по твоему докладу уложат – а тебя ножичком по темному времени чикнет кто-нито...

- Ты, Петраков, ватагой не прикрывайся! За рабочих каторжных я и без тебя заступлюсь. Тут твоя вина – тебе и отвечать. И моргать перед ватагой за зряшную работу, которую ты же и допустил – тоже тебе. И пугать меня, Петраков, не советую! Я ведь и без начальства с тобой разобраться могу. По-нашенски, как ты изволишь выражаться. Все, счастливо оставаться! И помни, что я сказал: через три дня!

Вернувшись к вечеру в пост, Ландсберг предпринял первый решительный шаг: попросил Михайлу Карпова передать иванам про свое согласие на испытание. Михайло покивал:

- Разумно, Христофорыч, решил! Поглядим! Я сегодня, как в кандальную с твоим ответом схожу, покручусь там сколько можно. Может, из людишек с кем потолкую, что и как… Поглядим, говорю!

Два дня «головка» каторги, получив согласие Барина на «спытание», испытывала пока лишь его терпение, никаких указаний Ландсбергу не было. Разведка Карпова тоже пока результатов не

давала: если иваны что и замышляли, то вслух это не обсуждалось.

Об увиденных на Ведерниковском станке безобразиях Ланндсберг на утренних раскомандировках пока тоже говорить не спешил. Как и обещал, на третий день он снова съездил туда – поглядеть, правильные ли выводы сделал для себя десятник Петраков. Оказалось, что верные. Каторжники работали как проклятые: почти все дефектные столбы были вынуты из земли, еловые опоры заменялись на лиственничные. На Ландсберга рабочие, конечно, глядели все как один злыми глазами, однако вслух не роптали. Пообещав еще раз прислать дополнительных рабочих, он уехал в пост, дожидаться указаний иванов.

И дождался. В тот же вечер один из канцелярских писарей передал ему клочок бумаги с несколькими фамилиями, среди которых были Трифонов и Афанасьев, упомянутые иванами как приманка для Карагаева.

И уже на следующей утренней раскомандировке Ландсберг объявил, что темпы работ по прокладке телеграфной линии неудовлетворительные, и что количество рабочих на Ведерниковском станке необходимо увеличить. Тюремный смотритель не возражал: бери арестантов сколько хочешь, господин инженер! Шестерых пока будет достаточно, уверил Ландсберг. Вот только не абы кого… Позволено ли ему будет самому отобрать рабочих?

- Выбирай, коли охота возиться с этими скотами! – махнул рукой смотритель.

- Слушаюсь, ваше благородие. Я же и сам, с вашего позволения, отобранных завтра на станок бы и отвез.

- А пешком не дойдут? – фыркнул кто-то из надзирателей. – Не много ли чести арестантов на телеге возить?

- Пеший переход с инструментами и имуществом потребует потом отдыха, - возразил Ландсберг .- Доставленных же на телеге рабочих можно будет сразу же по прибытию на Ведерниковский станок приставить к делу.

- Делай как знаешь! – снова махнул рукой смотритель.

И вопрос был решен. Ландсберг не мог решить для себя другого, главного вопроса: везти на верную смерть Карагаева или

нет? Следующий ход в этой «игре» был за иванами.

Не без основания полагая, что они не сегодня-завтра снова могут пригласить его на «толковище» в кандальную тюрьму, Ландсберг решил сделать упреждающий ход. Он отправил к иванам компаньона Михайлу.

Приняли Карпова иваны не то чтобы неласково, но с изрядной долей настороженности.

- От Барина я, - как и положено «серой шпанке», Карпов стоял перед нарами Ивана Пройди-Свет смирно, шапку мял в руках, в глаза не глядел.

- Смотри-ка, народ, Барин-то наш тоже «шестеркой» обзавелся, - хохотнул Пройди-Свет. – Ты сам-то хто таков будешь?

Карпов скромно, но с достоинством, по понятиям, представился. Вторая «ходка» Михайлы в каторгу Ивана Пройди-Свет впечатлила. «Парламентера» даже пригласили присесть рядом, расспросили – где и на каких пересылках бывал, с кем из сильненьких и авторитетных знаться довелось.

- Ну, с чем пришел, Михайла? Что Барин передать-то велел?

- Завтра с рассветом Барин новых людишек на Ведерниковский станок везет, - доложил «парламентер». – А через два дня после того снова туда поедет, работу проверять. Просил передать: работа ему не понравится, и после той поездки он на раскомандировке об том доложит.

Пройди-Свет быстро переглянулся с другими иванами, потихоньку обсевшими нары.

- А ты, Михайла, значить, при Барине в конторе состоишь? Доверяет он тебе, значить?

- Как тебе сказать, мил-человек, - Михайла старательно сделал вид, что задумался. - Ён, Барин, из благородных, сам знаешь. Оне завсегда особняком держатся. Глянулся я ему на пароходе, видать. Да и грамоте обучен – вот он и взял меня к себе. А что доверие… Вот вроде как доверяет, к вам послал. Тем паче, что ходить самому лишний раз в кандальную ему невместно – пока дело не будет сделано. Так он сказал.

- А что за дело? Не упоминал Барин? – вкрадчиво поинтересовался Баранов.

- Нет, он не говорил, а я не спрашивал! – затряс головой Михайла. – Нам лишнее ни к чему, сам знаешь, батюшка.

- А самому не интересно, зачем это вдруг Барин каторге докладает про свои дела, про работу, которая ему вдруг не понравится?

- И знать не хочу! – решительно ответил Михайла. – У сильненьких свои дела, у меня свои!

- Верно рассуждаешь, куманек! – снова хохотнул Иван Пройди-Свет. – Скажешь Барину – передал все, как есть. А мы ему весточку дадим, как будет чего давать. Ступай себе с богом, Михайла!

Спровадив Михайлу, иваны сели тесным кружком, заговорили приглушенно – предварительно цыкнув на вертевшихся поблизости глотов, чтобы те уши подалее держали.

- Соображает ,Барин-то! Сюды не ходит, бережется. Срок спытания сам, почитай, назначил. Не подкопаешься!

- Ага… Завтра отвезет туды народишко, через два дня проверит, доложит тюремному начальству – непорядок, мол, на Ведерниковском станке. И про Трифонова с Афанасьевым помянет – тут-то наш злыдень Карагаев и подхватится!

- Ну, что делать станем? Упредить бы надо тех, кого Барин на станок повезет. Чтобы готовились, значить. Где кончать-то Карагаева?

- После Силинского станка, не доезжая малёхо до Ведерниковского. Там пусть и сядут в овраге. Овражек там есть, я те места знаю хорошо! Петракову шепнут, от нас привет передадут – он сполнителей-то отпустит потихоньку!

- А не отпустит? Там же солдаты на станке…

- Солдаты – это петраковская забота. С ним давно толковище было, не посмеет поперек каторги иттить.

- А Барина о месте засады упреждать станем?

- Не, ни к чему. Вот замазать его замажем, - Баранов вынул из подкладки щегольской шапки свернутую бумажную четвертину, показал остальным. – Бумажку эту мне со стола Барина уперли писарюги. Евонная рука, все честь-честью. И найдут тую бумажку рядом с Карагаевым задушенным. Оно бы лучше –портсигар какой бариновский, али другую евонную вещицу – да не обзавелся пока

ничем наш Барин, хе-хе-хе…

- Ага, и пусть повертится ужом тогда, Барин-то наш!

Иваны сдержанно посмеялись

- А чего? Спытание есть спытание! – рассудил напоследок Иван Пройди-Свет. – Выплывет после Карагаева Барин, значить, его фарт! Заметут ежели, засудют – не евонная судьба!

Ретроспектива-10
Победоносцев

- Вы не будете возражать, Константин Петрович? – шеф жандармов Дрентельн достал из кармана гаванскую сигару и вопросительно посмотрел на Победоносцева. Тот нехотя, едва заметно дернув щекой, кивнул, и шеф расцвел как мальчишка, получивший желанную игрушку. – Благодарю.

Дрентельн аккуратно отсек золотой гильотинкой кончик сигары, с удовольствием понюхал ароматный коричневый табачный цилиндр, лизнул отставший было лист, поправил красную фирменную наклейку-колечко и только после этого зажег длинную шведскую спичку. Победоносцев, не меняя обычного кислого выражения лица, терпеливо и неодобрительно следил за эволюциями и «священнодействиями» собеседника. А тот, раскурив сигару, окутался клубами пахучего дыма. Разрешение курить рядом от человека, не переносящего табачный дым и самих курильщиков, еще раз подтверждало только одно: Дрентельн очень ему нужен!

Дрентельн и сам обладал немалой властью. Шеф 3-го Отделения был не только пугалом разночинцев – его побаивались и многие министры, и высокопоставленная придворная камарилья. Однако Победоносцева опасался сам Александр Романович. Шеф

жандармов опирался на мощь всесильного Корпуса жандармов, а Победоносцев брал страстной логикой убежденного в своей правоте оратора. Оратора, приближенного к царской семье – к такому попробуй не прислушайся! Если уж государь-император поступает частенько по подсказке «великого инквизитора» - подданным сам Бог велел!

Тучный шеф жандармов чуть отодвинул свое кресло от стола, чтоб не стеснятьобширного живота. Вытирая платком шею, незаметно расстегнул верхнюю пуговицу мундира. Победоносцев столь же кисло глядел на Дрентельна сквозь круглые очки, и откровенный разговор начинать не спешил.

Прошедший всю служебную лестницу в сенате и сумев впоследствии обратить на себя царское благосклонное внимание, Победоносцев не без основания слыл опытным физиономистом и «человеческим знатоком». Его ни на мгновение не обмануло и не расхолодило показное добродушие и мальчишество шефа жандармов. Таящийся в тучном и с виду неповоротливом теле сгусток энергии мог в любую секунду вырваться наружу. Маска простодушного увальня усыпляла бдительность собеседников, позволяла как бы не замечать, пропускать мимо ушей несуразности, оговорки, а то и прямую крамолу. Но горе тому – даже из сильненьких мира сего – кто, забывшись и наговорив в задушевной, казалось бы, беседе лишку, впоследствии вставал на пути Дрентельна… Или даже на пути к его очередной награде, к возможности отличиться.

Готовясь к решительному разговору с Дрентельном, Победоносцев знал, что свою партию он должен сыграть максимально точно. Не скомпрометировав себя, сказать достаточно много для того, чтобы Дрентельн поверил в искренность собеседника, не ушел от разговора. И уж, конечно, не побежал бы с докладом о заговоре во дворец, к государю.

- Александр Романович, не так давно мне довелось слышать забавное объяснение неудачам государевых слуг на ниве их неустанной борьбы с революционерами, - Победоносцев чуть склонил голову и глянул на собеседника поверх очков. – Не обидитесь, если перескажу?

Дрентельн протестующее описал сигарой круг, усмехнулся:

- Вряд ли вы сообщите мне сейчас нечто новое, Константин Петрович. – Моя миссия, увы, весьма неблагодарна, и я, увы, давно привык ко всякого рода домыслам, извращенному пониманию и даже оскорблениям. Сделайте одолжение, не стесняйтесь!

- Государю пытаются внушить мысль, что бесчинства вольтерьянцев могут быть объяснены лишь нежеланием вашим оказаться в положении некоего удачного, но не слишком дальновидного охотника. Проявив единожды недюжинное усердие, сей охотник за короткое время истребил в лесу всех хищников, и за их полным отсутствием сделался ненужным…

- Вы деликатный человек, господин Победоносцев! В том разговоре, который вы изволили припомнить, сравнение шло не с охотником, а с глупым сторожевым псом, который благодаря своему усердию отвадил от господского двора всех воров и разбойников. И сделался в доме, таким образом, ненужным дармоедом… Так, если не ошибаюсь, ваш знакомец высказался? Нет, Константин Петрович, я не хитрый расчетливый пес! Видит Бог, я денно и нощно пекусь о жизни и здравии нашего государя и благополучии в государстве. И причин буйного расцвета вольнодумия в России следовало бы поискать в другом.

- Но, как бы там ни было, неудачи Жандармского корпуса дают пищу и для других выводов, не менее обидных! – живо возразил Победоносцев.

- Вы хотите сказать, что я просто плохой охотник? Никчемный брехливый пес, которого за неумение надо выгнать со двора и взять на службу другого? Побойчее и понюхастее?

- Боже упаси, Александр Романович! Я даже в мыслях такого не держу! Но, согласитесь, порой трудно найти причину неудач в военных действиях армии, которая доминирует над противником и числом, и вооружением, и уменьем… Я слышал, Александр Романович, что отбор кандидатов в Жандармский корпус жесточайший. Что для поступления туда надобно иметь не только безупречный послужной список и незапятнанную биографию, но и высочайшую эрудицию, умение размышлять и делать максимум выводов из минимума фактов. Разве не так?

- Вы хорошо, однако, осведомлены! - вновь вежливо усмехнулся Дрентельн.

- А с другой стороны баррикад – разночинцы, эти самые бомбисты, трусоватые и неумелые террористы. Кто они? Недоучившиеся студенты, «зеленая» молодежь безо всякого жизненного опыта, без багажа знаний и умений. Разве не так, Александр Романович?

- Вы судите лишь по внешним показателям, господин Победоносцев! - шеф жандармов внимательно рассматривал тлеющий кончик сигары. – И потом, хотелось бы напомнить вам – как, впрочем, и прочим недоумевающим по этому поводу господам – одну известную всем аксиому. Суть ее в том, что догонять всегда труднее, нежели, выйдя с субъектом погони одновременно, а то и заблаговременно, настигнуть его в самое короткое время. И еще, Константин Петрович: не Жандармский корпус, не полиция дали начало всем этим безобразиям! Общество, дражайший Константин Петрович! Общество породило, правительство слиберальничало! А теперь мы все спохватились, и не нашли ничего лучшего, как кидать камни в того, кто поближе! В вашего покорного слугу! Позвольте самый простой пример? Ежели не ошибаюсь, Константин Петрович, вы тоже некоторым образом – и немало! – причастны к судебной реформе?

Все аргументы Дрентельна Победоносцев знал еще до того, как тот открыл рот. И ничего не стоило Константину Петровичу, блестящему оратору и правоведу, одержать в этом споре свою очередную демагогическую победу… Но такая победа сегодня была Победоносцеву не нужна. Поэтому он лишь опять коротко дернул щекой и наклонил голову, соглашаясь с собеседником.

- И все-таки что-то делать надобно, Александр Романович!

- И не что-то, а улучшать агентурную работу в среде бунтовщиков, - уже без улыбки вздохнул Дрентельн. Резво поднявшись из кресла, он в несколько шагов пересек кабинет ресторации и рывком распахнул тяжелые бархатные шторы, отгораживающие кабинет от общей залы. – С вашего позволения, Константин Петрович, я шторы задергивать не буду: так нас подслушать труднее… Так вот – агентура. Конечно, и у меня, и у

полиции в среде революционеров есть свои людишки. Именно людишки, не люди пока! И станут ли людьми, то бишь ценными агентами – большой вопрос. Личностей у нас там нету! Мелочь, шваль, дармоеды, любители казенных подачек!

- Зачем же переводить казенные деньги на дармоедов?

- А я и не перевожу! Знаете, даже воробышек по зернышку клюет. Насчет дармоедов я погорячился, Константин Петрович! Таковых не держу. И, смею заверить, что каждый рубль наградных из секретного фонда отдачу имеет весомую. Хотелось бы больше, конечно! Очень хотелось бы! Но, верьте слову, Константин Петрович, один хороший полноценный агент всего моего секретного фонда стоил бы! А тратить тысячи на одного-единственного – ну, двух человек! – мне никто не позволит. Дорогонько, да и долгое дело это, - ращение такого агента.

- А если бы позволили? – Победоносцев оглянулся на дверной проем, сверкнув стеклами очков.

- Агентов-провокаторов надо воспитывать сызмальства, из мальчишек. В специальных, как мыслится, учебных заведениях, под бдительным надзором умных педагогов и воспитателей. Чтобы вырос мальчишка не только в ненависти к ниспровергателям – чтобы умел эту ненависть прятать. Чтобы Отечество не за деньги любил – за идею! Чтобы не дрогнула у него рука, когда придет время, доказать свою верность Отечеству и престолу кровью не только врагов – сначала же друзей! Кровью невинных жертв. Только тогда ему поверят революционеры. Лет этак десять на одного такого молодца потратить придется – да и только ли времени? Вот скажите мне как на духу, Констатин Петрович, позволят мне ради великого дела дать соизволение на то, чтобы мой агент N действующего губернатора, скажем, застрелил? Ведь только в подобном случае внедренному в революционную среду агенту его собратья-революционеры до конца поверят. А, Константин Петрович?

- Надеюсь, вы не ждете, чтобы я ответил на ваш вопрос? Впрочем, извольте. Чисто гипотетически, разумея о высшем благе, малою пешкой, как в шахматной игре, можно и пожертвовать. Только и тут возникает вопрос – теперь уже к вам, Александр Романович. Будет ли стоить ваша большая игра сей кровавой жертвы? Игра –

дело будущего. Еще неизвестно – состоится ли? Пешечка-то ведь тоже человек. Муж, отец, сын и брат чей-то. Ныне живущий!

- Опасный оборот наш с вами разговор приобретает, Константин Петрович! – вновь заулыбался Дрентельн. – Тут, пожалуй, и раздернутая занавеска не спасет! Может, на улице продолжим? Ужин был превосходен, как и коньяк, благодарствую. Теперь можно и голову прогулкой освежить – а наши экипажи пусть следом потихоньку катятся… Вы ведь недаром меня в ресторацию пригласили, Константин Петрович, а? Признайтесь!

- Да, разговор наш не закончен, господин генерал. Собственно, он даже не начинался. Что ж, прогуляемся! Первый мостик доверия, смею надеяться, мы с вами совместно уже проложили, не так ли? Теперь надо бы попробовать пройти по этому мостику.

Выйдя на вечернюю улицу, собеседники не спеша зашагали по набережной Фонтанки. Редкие фонари только подчеркивали сгущающиеся сумерки. Экипажи шефа жандармов и члена Государственного совета медленно тянулись следом. За ними угадывались в темноте фигуры двух верхоконных казаков: после последнего покушения на свою персону Дрентельн перестал пренебрегать охраной.

- Сегодня у меня состоялся весьма откровенный разговор с Наследником престола, Его Высочеством Александром Александровичем и его августейшей матерью-императрицей, - прервал наконец молчание Победоносцев. – Нам всем выпал удел: сбитая с толку, расшатанная и смятенная Россия. И Наследник, слава Богу, ясно осознает это. Александр Александрович, скажу вам откровенно, пребывает в ужасе и прострации от деяний и намерений своего отца, государя императора. Его шокирующая всю честную Россию и Европу связь с Долгорукой давно уже выросла чрез границы личной жизни императора. Наследник видит в ней, прежде всего, угрозу династическим традициям Дома Романовых. Государь официально, как вы знаете, признал своих детей, прижитых от княгини Долгорукой. На их счет высочайшим повелением, хоть и тайно, недавно положены ценные бумаги стоимостью более трех миллионов рублей! Все попытки Наследника – разумеется, в мягкой и дипломатической форме – обратить внимание своего монаршего отца

на двусмысленность его положения вызывают у государя резкий отпор. Он постоянно холоден с Наследником, и эта холодность распространяется на всех членов августейшей семьи, которые имеют неосторожность выражать симпатию Наследнику. Недавно Его Высочеству передали фразу государя, которая при всей внешней безобидности не может не вызвать самых серьезных опасений в вопросе престолонаследия…

Дрентельн молчал, приноравливая свой шаг к стремительной, не по возрасту, походке Победоносцева. «Серый кардинал» Зимнего явно ждал одобряющей реплики собеседника, но Дрентельн хорошо помнил судьбу одного из своих предшественников на посту шефа Жандармского корпуса, графа Шувалова. Всесильный, казалось бы, граф совершил серьезную оплошность: он осмелился примкнуть к «партии императрицы» и позволил себе в приватном разговоре пренебрежительно назвать княжну Долгорукую «дрянной девчонкой». Императору об этом отзыве тут же донесли. Александр Второй, и без того недовольный пристальным вниманием к своей возлюбленной, не простил Шувалову такого вмешательства в свою личную, как он полагал, жизнь. И граф был незамедлительно отправлен послом в Англию. По сути дела, это была малопочетная ссылка.

Двое следующих начальников III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии сделали из промашки Шувалова ясный вывод и никогда не осмеливались становиться на дороге влюбленного монарха. Не собирался портить свою карьеру и Александр Романович Дрентельн. Он и без того ощущал ледяную холодность императора, вызванную неспособностью Жандармского корпуса раз и навсегда покончить с «нигилятиной», совершившей целый ряд покушений и на монарха, и на его верных слуг.

Искренне ненавидя неугомонных революционеров, расправившихся-таки с его предшественником, генералом Мезенцевым и делавших попытки убить и его самого, Дрентельн в глубине души относился к Александру Второму без всякого сочувствия. И даже тайно злорадствовал и по поводу вполне естественного опасения императора за свою жизнь, и по поводу того, что активность покушающихся вынудила-таки Александра

отказаться от многолетней привычки пеших прогулок вокруг Зимнего по утрам.

Располагая всеми подробностями двух последних покушений на жизнь Александра Второго, Дрентельн с удивлением несколько раз ловил себя на смутном чувстве досады по поводу счастливого спасения императора. То были очень опасные мысли, и шеф Жандармского корпуса прилагал все усилия к тому, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не дать кому-либо повод даже подумать о том, что у него могут быть такие мысли.

Вместе с тем, анализируя порой причины своей внутренней неприязни к царю, Дрентельн ясно осознавал, что эти причины не имеют отношения к самой личности Александра. Чисто по-человечески Дрентельну даже импонировали мужские качества монарха, не побоявшегося встать в открытую конфронтацию со своим семейством и твердо отстаивающего право на любовь. Кто же без греха, рассуждал Александр Романович. Кто же без греха, какой мужчина без интрижек «на стороне»? А царь – разве не такой же мужчина, из плоти и крови? Другое дело, что царские интрижки, как правило, заканчиваются для монарших пассий весьма грустно – как минимум, отлучением от двора. Александр же не воспользовался этой «государевой привилегией», не отказался от любимой.И только за одно это заслуживал уважения!

Как ни странно, но одна из составляющих неприязни Дрентельна к Александру Второму, лежала в той же, любовной плоскости. Будучи убежденным приверженцем Дома Романовых, шеф жандармов не мог одобрять поступки монарха, ставящие под угрозу или хотя бы под сомнение авторитет этого Дома. Однако осторожность побуждала его не вмешиваться, оставаться как бы в стороне. «Партия императрицы» и примкнувшая к ним высокопоставленная царская оппозиция были такой осторожностью Дрентельна весьма недовольны. От главного охранителя русского самодержавия ждали и требовали конкретных действий – или хотя бы четко выраженной позиции – относительно «возмутительницы спокойствия». То есть того, чего Дрентельн, не рискуя собственной карьерой, дать никак не мог. Вот и выходило: кому любовь, а кому одни неприятности со всех сторон.

Немалое возражение у Дрентельна вызывала и внутренняя политика Александра Второго, открывшего шлюзы либерализации в России. Шеф жандармов искренне полагал, что все эти волнения и волна террора и инакомыслия – следствие намеренной либо невольной ошибки царя, выпустившего из кувшина опасного джина. Стоит ли удивляться, что этот выпущенный джин стал серьезной опасностью для того, кто дал ему свободу? Неужели император не понимает этого?

Сейчас же, шагая рядом с Победоносцевым по вечернему Санкт-Петербургу, Дрентельн осознавал, что его серьезно «прощупывают». Более того: сам факт приглашения Победоносцева «поужинать и заодно поговорить» есть следствие того, что он, трижды осторожный Дрентельн, все-таки дал где-то маху! Дал повод полагать, что в присутствии его, Дрентельна, присягавшего престолу на верность и слепое повиновение, можно плохо отзываться о государе.

Тем не менее, молчать далее и продлевать и без того затянувшуюся после многозначительного сообщения Победоносцева паузу было просто неприлично. И Дрентельн дипломатично поинтересовался:

- Что же за фраза такая… особенная?

- Не особенная – опаснейшая для династии Романовых! – немедленно поправил Победоносцев. – Говоря о будущем своих детей, прижитых от Долгорукой – и, в частности, о судьбе Георгия – государь не только связал это будущее с будущим всей России. Он выразился в том смысле, что очень рад, что хоть этот мальчик – русский по крови. А речь в целом шла о вреде для государства от монарших особ, в чьих жилах мало или вовсе нет русской крови. Вспомните, опять-таки, натянутые отношения государя с Наследником престола, Александром Александровичем. Учтите также неоднократно высказываемые государем опасения за судьбу империи, которую он должен вверить в руки законного Наследника. Совершенно очевидно, что Его Величество не исключает – по крайней мере не исключает! – возможность передачи скипетра в руки долгоруковского отпрыска!

- Хм! – Дрентельну удалось в темноте спрятать невольную

улыбку. – Хм, но ведь у этого долгоруковского отпрыска, как вы изволили выразиться, по отцу немало и крови Романовых. Не бастард, чай, полагаю…

- Сомнения в отцовстве государя тут не при чем, господин Дрентельн! – резко перебил Победоносцев. – И уж коль скоро речь о них, скажу вам откровенно: для Российского государства было бы несравнимо полезнее, если бы существовало основание для подобного рода сомнений. Но репутация княжны Долгорукой чиста… К сожалению! Знаете, Александр Романович, я бы не удивился, если бы государю пришла в голову мысль об изменении закона о престолонаследии – в пользу этого долгоруковского отпрыска, Георгия!

- Ну-у, уж это, по-моему, чересчур, Константин Петрович, - усмехнулся Дрентельн. – Вряд ли подобный шаг в планах государя. Позволю себе высказать убеждение в том, что Александру Николаевичу пороху на подобное решение никогда не хватит.

- Вы совершенно правы, характер у нашего монарха скорее нерешительный, - согласился Победоносцев. – Однако именно свойственное государю метание между игрой в либерализацию и жесткой, достойной монарха линией, чему мы находим наглядное подтверждение в постоянных отступлениях от монархических принципов и традиций, дает истинно русским патриотам основание предполагать худшее.

- Изволите иметь в виду влияние, оказываемое на Александра Николаевича княжной? М-да, мне доводилось слышать, что за последнее время государь не принимает ни одного решения без совета Долгорукой. Однако общеизвестно и другое, Константин Петрович! Слава Богу, у княжны хватает скромности и здравого смысла не злоупотреблять своим влиянием на государя! Уж тут, скорее, можно говорить о мыслях нашего самодержца вслух, не более! Да, справедливость прежде всего: у меня нет ни одного факта, говорящего о прямом вмешательстве Долгорукой в государственные дела!

- Но она женщина, уважаемый Александр Романович! Женская логика, кою справедливее было бы обозначить как отсутствие всякой здравой логики, совершенно непредсказуема! К тому же она

мать! Мать, горячо любящая своих детей! Озабоченная, как должно всем матерям, их будущим! Будем откровенны: нынче только приверженность трону и лично государю удерживает членов венценосного семейства от каких-либо решительных демаршей по отношению к Долгорукой и ее детям. Но Долгорукая, как и всякий нормальный человек, не может не отдавать себе отчета в том, что ее возлюбленный, увы, не вечен! Нынче монарх, увы, находится в критическом для всякого мужчины возрасте. К тому же – извините старика за прямоту – когда-нибудь анархисты и бомбисты могут добиться успеха. Что будет с княжной Долгорукой и ее детьми, когда на троне окажется Александр Третий? Лично я полагаю, что самым для Долгорукой благоприятным будет немедленная высылка из Петербурга! А, скорее всего, и из России. Вы, конечно, знаете о том, что государь уже сделал шаги к обеспечению финансового благополучия своих детей от Долгорукой? Он официально признал их, дав не только великокняжеский титул, но и свое отчество! Кто поручится за то, что завтра Екатерина Долгорукая, пользуясь благорасположением государя и своим на него влиянием, не вознамерится узаконить права Георгия на российский престол?

- Н-не знаю, не знаю, господин Победоносцев, - покрутил головой шеф жундармов. – Георгий на российском престоле? Мне это представляется маловероятным. Крайне маловероятным, почти невозможным…

- Для России страшен не только этот вариант, Александр Романович! Страшна даже попытка изменить принципы престолонаследия, чреватая самыми серьезными последствиями! Россия, и без того взбаламученная либерализмом государя, неминуемо расколется окончательно – ибо, без сомнения, найдутся силы, которым подобная ситуация будет только на руку! И не только в России, уверяю вас, господин Дрентельн!

Некоторое время собеседники молчали, искоса поглядывая друг на друга: беседа дошла уже до крайней черты благоразумной откровенности людей, не связанных узами дружбы.

- Между тем, Наследник, говорят, чрезмерно увлекается горячительными напитками, - совсем, казалось бы, некстати вздохнул Дрентельн. – И, что гораздо хуже, слухи и сплетни об этом

расползаются в столице подобно заразе и более тайны ни для кого не составляют. В том числе и для государя, чья холодность к Наследнику от этого только укрепляется. Мне кажется, Константин Петрович, что вы, как один из воспитателей Александра Александровича, могли бы употребить свое влияние на то, чтобы отвратить его от пагубного влечения.

- Слухи о пьянстве Наследника престола преувеличены, - вяло возразил Победоносцев.

- Вот как? – Дрентельн позволил себе вежливо рассмеяться. – Я, конечно, не частый гость в Зимнем, но свои доверенные люди у меня там есть! Они рассказывают ужасные вещи про Наследника и его злого гения, этого развратителя, его личного адъютанта Петра Андреевича Черевина. Генерал сводит все усилия супруги наследника на нет! Именно он, заметьте, является главным поставщиком спиртного во дворец! Вы слыхали про последнюю придумку Черевина? Рассказывают, что по его примеру Александр Александрович, например, заказал себе особо скроенные сапоги, в каждое голенище которых незаметно для глаз легко входит плоская фляжка французского коньяку. Стоит его супруге, Марии Федоровне, отлучиться или даже отвернуться – как фляга извлекаются на свет божий… Глядь – а наследник уже опять ложится на пол и начинает хватать за ноги всяк проходящих…

- Мальчишество, не более…

- Побойтесь Бога! Наследнику тридцать пятый годок! Какое тут мальчишество?! Правильнее назвать подобное следовало бы пьяными выходками – даже не гусарскими! – купеческими, но никак не подобающими представителю Дома Романовых… Простите, конечно, подобную резкость, но только боль за будущее Отечества, Константин Петрович, побуждает к оной…

Победоносцев резко остановился, сорвал с носа очки и вплотную приблизил исказившееся лицо к лицу собеседника – так, что тот невольно шагнул назад.

- Никто! – выдохнул, почти прошипел Победоносцев, грозя шефу жандармов тонким узловатым старческим пальцем. – Никто, слышите! – никто не смеет осуждать поступки будущего монарха! Особа самодержца, даже будущего, священна и неприкосновенна!

- Помилуйте, как я смею осуждать? – примирительно забормотал Дрентельн. – Я лишь констатирую наличие некоторых прискорбных, увы, привычек! Будучи облечен доверием охраны высочайших особ не только от злоумышленников, но и от покусительства злых языков, я лишь с сожалением могу обращать внимание… Далеко не всякого, Константин Петрович – но вы, будучи духовным наставником Наследника, должны знать…

- Да знаю, знаю, генерал! – Победоносцев успокоился столь же быстро, как и вскипел. – Простите великодушно за мою несдержанность! Конечно, вам по должности положено знать все и вся. В том числе и про Наследника, будущего императора. Он, кстати, очень хорошо о вас отзывался недавно. И даже заступился за вас перед своим монаршим родителем по какому-то поводу.

- Вот как? – хмыкнул Дрентельн. – Вот как? Право, вы мне льстите, Константин Петрович. Дерзкие действия вольнодумцев и губителей России, на фоне вялости и неуменья тайной полиции мне кажется, не дают повода благосклонно оценивать мои усилия по искоренению заразы – ни венценосному батюшке, ни любящему его сыну.

- Не судите опрометчиво – так учит нас Евангелие, Александр Романович! Уверяю: Наследник возлагает на вас большие надежды! Нужно только оправдать их! – Победоносцев многозначительно сжал пальцы на локте Дрентельна. – Кстати об этой «нигилятине», Александр Романович! Вам не кажется весьма символичным то, что на священную особу государя покушаются в основном те, кому император делает либеральные подачки в виде сомнительного свойства реформ?

- Хм…

- Слава Богу, что у этих башибузуков, возомнивших себя спасителями России, не хватало до сих пор практических знаний и решимости довести начатое дело до конца, - Победоносцев говорил едва слышно, как бы размышляя вслух. – Страшно подумать, что в рядах террористов могут оказаться хладнокровные и умудренные военным опытом люди. Как этот офицер с немецкой фамилией, например… Как его? Лаг… Лам…

- Ландсберг, Константин Петрович! Вы ведь изволите говорить о

хладнокровном убийце из Гродненского переулка?

- Именно о нем, да-да! Подумать только – ножом по горлу своего благодетеля и эту несчастную старуху-прислугу, вся вина которой в том, что она оказалась свидетелем смертоубийства хозяина… Знаете, Александр Романович, - Победоносцев снова остановился и прямо-таки вцепился глазами в невозмутимое лицо шефа жандармов. – Знаете, Александр Романович, мне пришла сейчас в голову крамольная мысль. Надеюсь, простите старика за откровенность?

- Разумеется, Константин Петрович! – изображая всем своим видом добродушие и готовность выслушать любую крамолу, Дрентельн внутренне подобрался. Он понял: как же! Только что пришла в голову эта мысль! Старый лис! Вот сейчас он, Дрентельн, и узнает то, ради чего «серый кардинал» Зимнего дворца и пригласил его поужинать. – Слушаю вас внимательно!

- Так вот, я подумал, что злодей, доведший свой богопротивный умысел на жизнь нынешнего государя до конца, оказал бы, как это ни ужасно, большую услугу России и всей монаршей династии! Ибо ничто более, кроме гибели, полагаю, не может отвратить нашего монарха от череды пагубных решений, грозящих России многими бедами. Оплакивая гибель священной особы одного из Романовых, лучшие силы России были бы в глубине души убеждены в том, что эта гибель спасла остальную династию… Вам не приходили в голову подобные мысли, Александр Романович?

Ошеломленный таким весьма откровенным приглашением к заговору, Дрентельн лихорадочно собирался с мыслями – понимая, что от его ответа зависит сейчас его собственное будущее. Его карьера – и даже, пожалуй больше, чем карьера.

Будучи осторожным и крайне подозрительным по своей природе, Александр Романович Дрентельн на постах начальника III-ей Собственной Его Императорского Величества Канцеляции и шефа жандармов стал еще осторожнее и подозрительнее. Вынужденный хитрить, лавировать в мутном и малопредсказуемом фарватере придворного бытия, он, разумеется, давно уже стал циником, ни во что не ставящим «души прекрасные порывы». А если и приходилось шефу жандармов в тесном кругу таких же, как и он,

высокопоставленных циников, вспоминать волнующие пушкинские строки, то имя существительное в начале строки неизменно звучало как глагол повелительного наклонения. Душить прекрасные порывы. Только душить!..

Дрентельн не верил в дружбу, не верил в искренность, в прочность союзов и даденных клятв. Он был твердо убежден, что только собственная выгода определяет все дела и поступки умного человека… Сказанное Победоносцевым его, собственно, и не удивило: ортодоксальность «серого кардинала», его фанатичная преданность идее русского самодержавия нисколько не противоречила, на взгляд Дрентельна, высказанному им пожеланию гибели царя. Ибо священная в глазах подданных персона Императора для Победоносцева – не более как сиюминутная тень этой Идеи. Если ты тень – то должна в точности отражать силуэт и каждое движение своего носителя. Не отражаешь, не повторяешь – значит, ты нечто инородное, чуждое.

Однако, допуская нынешнюю искренность «старого лиса» в его стремлении стать благодетелем и спасителем русской монархии как таковой, шеф жандармов не сомневался и в другом. В том, что «мавр», выполнивший благоугодное Победоносцеву дело, становится тут же ненужным и даже опасным. Речь даже не о непосредственном исполнителе – Бог с ним, такими пустяками не стоит даже голову забивать! К тому же исполнителю замыслов порой даже лишне знать какие-то детали, или даже конечные замыслы. Бог с ним, речь не о нем – о судьбе того, кто должен отдать нужный приказ. Кто должен подготовить исполнение этого страшного приказа.

Дрентельн хорошо ориентировался в анатомии заговоров: большинство секретных операций Корпуса жандармов и были, по сути дела, заговорами против тех или иных лиц. Случалось и самому Александру Романовичу открещиваться от подчиненных, допускавших досадные промахи. Такие мгновенно вылетали из Корпуса, а то и шли под суд, в каторгу. Таковы были жесткие условия «игры». Разделить судьбу неудачников Дрентельн, разумеется, и не помышлял.

Сейчас же его больше волновало другое – не играет ли Победоносцев с ним в другую игру? Будучи много наслышанным о

коварстве царского наставника, Александр Романович вполне допускал, что его приглашение к альянсу могло быть провокацией чистой воды. А жало заговора в таком случае направлено на самого Дрентельна. Врагов у него при нынешней должности хватало – как и завистников. Вступив на тропу заговора, он рисковал даже не карьерой – головой! Случись какая накладка – Победоносцев, безусловно, останется в стороне. Ну, в самом деле – мыслимое дело, чтобы яростный сторонник русского самодержавия, воспитатель и наставник царских детей мог злоумышлять на монарха? Такое подозрение просто абсурдно! Может быть, Победоносцеву, чье влияние на царствующего монарха за последние годы сильно ослабло, только и нужно выявить врага в ближайшем к царю окружении? И тем самым вновь стать нужным сегодня, а не в туманном будущем?

Была своя логика и в том, что Александр Второй был для Победоносцева угрозой самой Идеи самодержавия…

Время шло, а Дрентельн все еще медлил с ответом. Твердо он был уверен только в одном: категорически отказываться от навязываемой ему роли никак нельзя! Нужно хотя бы потянуть время – и попытаться выманить старого лиса подальше от его норы! Дрентельн откашлялся:

- Мне кажется, Константин Петрович, что неудачи злоумышленников, покушавшихся доселе на царя и его верных слуг, были обусловлены именно молодостью и отсутствием должного военного опыта заговорщиков. Исходя из этого, можно с уверенностью сделать и следующий вывод: вряд ли кто-то из действительно опытных и опасных для престола людей возьмет на себя дерзость довести до конца ужасный замысел. Ибо на негодяя обрушится вся мощь охранительного аппарата империи, вся ярость и негодование истинных приверженцев престола. Вспомните, Константин Петрович! Вспомните хотя бы историю с этой мерзавкой Засулич – присяжные оправдали ее после покушения на губернатора Трепова. На гуманность правительства и самого самодержца – и не без оснований! – рассчитывали и многие другие террористы. Однако я не могу себе представить, чтобы был помилован негодяй, убивший царя. И, повторяю, я убежден, что опытный человек никогда не

станет пренебрегать опасностью пойти на виселицу…

- Согласен с вами – но почему в своих отвлеченных, гипотетических, так сказать, умопостроениях мы предполагаем обязательную поимку негодяя? Не обижайтесь, Александр Романович, но тайной полиции можно адресовать множество подобных промахов по части розыска террористов. В конце концов, заговорщик может покинуть пределы империи и стать недосягаемым для полиции и правосудия, разве не так?

- Так-то оно так…

- К тому же, я слышал, некая тайная организация посулила большой куш за убийство нашего любимого монарха. Вы слыхали, конечно, об этом?

- Нет, я не слышал, - медленно произнес Дрентельн. – Не слышал – хотя знаю, что на угрозы и обещания господа нигилисты и их покровители не скупятся… Кстати, жизнь показывает, что большинство этих угроз остаются сотрясением воздуха, не более. То же самое, скорее всего, можно сказать и о денежных посулах – как вы считаете, Константин Петрович?

- Нет-нет, я убежден, что нынешние злодеи серьезны как никогда!

- В таком случае, господин Победоносцев, ваш долг – немедленно сообщить мне все подробности этого дела. – Дрентельн про себя усмехнулся, забавляясь тем, как собеседник сам себя загнал в ловушку. – А моя священная обязанность – немедленно и тщательнейшим образом расследовать сообщенную вами новость. Предлагаемый денежный куш за убийство русского царя – это вам не баловство с бомбами недоучившихся студентов и экзальтированных барышень!

- Помилуйте, Александр Романович! Этак вы и меня, чего доброго, в вольтерьянцы запишете! Я уже и не помню, право, от кого и когда про это слыхал.

- В таком случае, о какой серьезности намерений можно вообще говорить? – с издевкой продолжал наседать шеф жандармов. – Предположим – только предположим, Константин Петрович! – что отыщется тайный и умудренный опытом враг престола, готовый рискнуть ради золота заговорщиков. И что же? Где же он, исполнив

ужасный замысел, разыщет этого щедорого русского Монтекристо, ежели и я его не могу найти со всеми моими жандармами? И – кстати! – о какой сумме шла речь? Просто так, ради интереса…

- Сумму я помню хорошо: триста тысяч рублей золотом. Что же касается серьезности намерений, то не могу судить о сем предмете без обладания вашим опытом и знанием природы бунтовщиков. Могу обещать одно, Александр Романович: я постараюсь вспомнить – когда, от кого и при каких обстоятельствах я слышал эту нелепицу. Вспомню – непременно дам вам знать.

- Премного обяжете, господин Победоносцев! Премного! Буду с нетерпением ждать, надеясь на вашу могучую память. Кстати, Константин Петрович! Коль вы интересуетесь проблемами безопасности высочайшей персоны и умонастроениями русских террористов, рекомендую побеседовать с начальником Петербургского губернского жандармского управления Судейкиным. Полковник – большая умница и высочайший дока по части агентурной работы в кружках революционеров. У него в среде террористов есть свои людишки, и, полагаю, он лучше удовлетворит ваше любопытство, нежели я. Угодно? Завтра же пришлю его к вам!

Победоносцев посмотрел на шефа жандармов долгим взглядом, дернул щекой – усмехнулся.

- Да нет уж, пожалуй… Любопытно узнавать о врагах престола из первых, так сказать, рук. Из ваших. К чему мне этот ваш полковник, будь он хоть трижды умен? Однако, уже поздно, Александр Романович! И меня ждет незаконченные тезисы для речи на заседании Государственного Совета.

- Из вторых, - поправил Дрентельн, пожимая на прощанье узкую ладонь Победоносцеву. – Из вторых рук, Константин Петрович! С первыми настоятельно рекомендовал бы вам никогда не иметь дело. Опасно, знаете ли…

- Однако уже поздно, Александр Романович! Я ведь, знаете ли, в последнее время привык рано ложиться, по-стариковски. Благодарю за прекрасный вечер и ценю вашу откровенность, генерал!

Собеседники пожали друг другу руки и одновременно сделали знак кучерам своих экипажей.

Однако Дрентельну, в отличие от Победоносцева, нынче было не до сна. Вернувшись к себе на Гороховую, шеф жандармов приказал немедленно найти Георгия Порфирьевича Судейкина.

Жандармского полковника Судейкина боялись, ненавидели и презирали все – и революционеры, и сослуживцы, и собственное начальство. Сын захудалого провинциального дворянина, Георгий Судейкин с юности проявил на службе незаурядные природные способности. Не чинясь происхождением, он начал с самых низов сыщицкой карьеры, которую сделал весьма быстро – не благодаря своим образованию и воспитанию, а, скорее, вопреки им. Судейкин карабкался по служебной лестнице буквально по головам, не особо смущаясь тем, что многие эти головы принадлежали его друзьям и даже порой благодетелям. Невероятный умница, Георгий Порфирьевич в жизни и службе руководствовался исключительно соображениями личной выгоды. Начальство за глаза называло его талантливой сволочью - ибо никто лучше Георгия Порфирьевича не мог устроить ловушку и членам подпольных революционных кружков, и своим коллегам, ставших препятствием для успешной карьеры. Начальник Государственной полиции Плеве – гораздо позже описываемых событий – вслух неоднократно всерьез жалел, что у России нет еще двух-трех подобных Судейкиных! Будь это так, летопись русской революции могла, пожалуй, закончиться гораздо раньше и совсем иначе.

Поначалу начальство, давая Судейкину отличные аттестации на всех ступенях его карьеры, лишь посмеивалось над его вопиющим невежеством и казарменными манерами. И при этом же частенько ставило его в пример офицерам, при всем старании не способным добиться и четверти успехов этого плебея. Начальство спохватилось, когда Судейкин получил полковничьи погоны и орден Владимира 4-й степени – ибо плебей не собирался останавливаться и всерьез мечтал о портфеле министра внутренних дел.

Агенты-провокаторы полковника Судейкина наличествовали почти во всех революционных кружках и подпольных организациях с террористическим уклоном. Они накапливали ценную информацию, Судейкин блестяще ее анализировал и изобретательно хватал революционеров так, что его агенты по большей части оставались

вне подозрений в предательстве.

Поняв, что выше полковника его просто-напросто не пустят, Судейкин рвался получить аудиенцию у Александра Второго. Он искренне верил в то, что только государь способен оценить масштабность его планов и по достоинству вознаградить усердие. Однако с высочайшей аудиенцией не получалось: начальство Судейкина всеми силами противилось этому. Когда все мыслимые и немыслимые аргументы против аудиенции были исчерпаны, и начальство решилось на крайнюю меру. Оно объявило Судейкину, что в аудиенции ему отказывает сам Император – дав понять полковнику-карьеристу, что виной всему – его манеры, неистребимая сиволапость и бьющее в глаза плебейство.

Удивительно – то этот талантливый провокатор, чуткий карьерист и мастер интриг отчего-то сразу и безоговорочно поверил в эту выдумку. В то, что государь им просто брезгует…

С горя Судейкин ушел в недельный запой, и под влиянием винных паров у него родился план «спасения Отечества». Этим планом Судейкин рассчитывал создать в России террористическую организацию, не подконтрольную жандармам и полиции. Организация должна была подготовить такое покушение на царя, что «ахнула бы вся Европа», А он, Судейкин, в последний момент раскрыл бы «страшный заговор». Спасителю Отечества в аудиенции никакой царь не откажет – примет полковника и император Александр Второй. И вот там Судейкин без оглядки на завистников и «недалекое» начальство, сумел бы раскрыть перед государем свои таланты и способности. Со всеми вытекающими последствиями – генеральскими эполетами, министерским портфелем, орденами…

Протрезвев, Судейкин стал колебаться в целесообразности осуществления своих планов: уж слишком тонкой и безошибочной игры они требовали. Слишком опасной была бы тут любая его ошибка.

Одну ошибку Судейкин все же допустил: он пил не в одиночку. И, будучи как-то пьян, неосмотрительно намекнул о своем плане «спасения Отечества» верному, казалось бы, другу. «Друг», разумеется, немедленно донес об амбициях Судейкина Дрентельну. Александр Романович прочел рапорт несколько раз, криво

усмехнулся, но делу хода не дал, упрятал донос в потайной ящик своего сейфа. А во время своего сегодняшнего разговора с Победоносцевым его словно озарило: вот он, тот случай, который иногда решает судьбу государства!

Глава одиннадцатая
Ужин в карцере

К вечеру первого дня своего карцерного заключения Ландсберг вдруг обнаружил, что изрядно проголодался, и посему от вторичного предложения надзирателя потихоньку послать за ужином отказываться не стал. Согласие поужинать порадовало и надзирателя Дронова, который волей-неволей чувствовал себя неудобно из-за необходимости держать в «сушилке» столь неординарного арестанта.

Кабатчик прислал суточные щи и нечто в глиняном горшочке, поименованное «мясом по-господски». Дронов сгрузил доставленный

из трактира поднос на лежак в карцере, помявшись, извлек дополнительно полубутылку коньяка, о которой Ландсберг в своем «заказе» и не поминал.

- Простите великодушно, господин инженер, как говорится, сухая ложка и рот дерет. Я вот подумал…

- Не стоило хлопот, ваше благородие, - запротестовал Ландсберг. – Еще узнает кто о вашем попущении, вам же и попадет! Оставьте напиток себе, сделайте милость!

- Какое я вам благородие, господин Ландсберг! – замахал руками Дронов. – Разве что на людях. А так – с полным моим удовольствием Иваном Ильичом зовите! Я б вас и домой на ночь отпустил, да опасаюсь: Ковалев человечишко вредный, с него станется и ночью придти сюда, проверить…

- Ничего-ничего, Иван Ильич, отсижу и здесь, не беспокойтесь! В таком узилище да не посидеть, - Ландсберг обвел рукой принесенный ужин. – Грех!

- А всё ж напрасно не дозволили мне о вашем аресте сообщить кому следовает, - сокрушался Дронов, отступая к двери и пряча поглубже полубутылку. – Такого человека в «холодную» определить - это ж совсем из ума выжить нужно! Ну, да начальство все одно про ваш арест прознает! И Ковалеву энтому, надо полагать, не погладят головку! Счастливо оставаться, как говорится, а посуду я утром приберу, господин Ландсберг!

Ландсберг принялся за щи – тепловатые, но наваристые. Он поначалу подивился: в заштатном сахалинском кабаке – и неординарные блюда! Неужто всем посетителям такое подают? Потом, поразмыслив, посмеялся своей наивности – конечно, не всем! Но тюремный надзиратель – для кабатчика немалое начальство, вот для него и расстарались, из особого горшка щи наверняка наливали!

Поужинав, Ландсберг снова с удовольствием закурил – теперь уж безо всякой опаски. Уважает Дронов окружного инженера, ишь как стелется! Да и вообще, строго рассуждая, пять лет на каторге для него не совсем даром прошли. Вольным чиновникам он, конечно, ровней никогда не станет – да и не стоит, наверное, к недостижимому стремиться. А вот простые, «заштатные», как тут принято выражаться, люди потянулись к нему. И не только потому,

очевидно, что не последний Ландсберг человек в посту по должности. Видят люди отношение к себе, ценят искренность.

Ландсберг докурил папиросу, достал свою книжечку, аккуратно зачеркнул крестиком еще день в календаре. Тысяча семьсот пятьдесят восьмой день назад в историю отъехал, можно сказать…

А тогда… Тогда, в день каторжного «спытания», с утра заявился к нему на квартиру Михайла Карпов, без обиняков спросил едва не с порога:

- Что делать-то решил, Христофорыч? Примешь грех на душу, или как?

И, не дожидаясь ответа медлившего компаньона, зачастил:

- Христофорыч, а, может, дьявол с ним, с Карагаевым? Ну, какой это грех, прости мою душу, ежели кто-то такого аспида жизни лишит? Ну, не сам же будешь в смертоубийстве участие принимать, а? А ежели б не сказали тебе иваны, что умышляют?

- Эх, компаньон, компаньон! Да разве в Карагаеве этом дело? Здесь вот чувствую, - Ландсберг постучал пальцами по груди. – Здесь чувствую, что не только его, но и меня закопать иваны хотят! Если не в прямом смысле, то кровью карагаевской замазать!

- И что делать станешь? Начальство упреждать нельзя: следствие образуется, начнут иванов трясти, а те не дураки, чтоб в сознание идти. От них отступятся, а сколько тебе, Христофорыч, жить опосля останется? Упредишь Карагаева? То ж самое, в конечном итоге, выйдет…

- Знаю, Михайла. Только одно мне остается: повезу Карагаева на Ведерниковский станок, да не довезу. Коляску переверну, будто лошадь понесла, что ли…

- А Карагаев твоих хитростей не заметит? – насмешливо прищурился Карпов. –Он тебя, в таком разе, Христофорыч, в злоумышлении на свою личность обвинит!

- Да пусть хоть и меня! Надеюсь, князь Шаховской меня в обиду не даст, не дозволит по такому поводу под суд отдавать. И потом – тут, на Сахалине, столько дел для меня нашлось. Сам же видишь, загрузили строительными и архитектурными делами до макушки. Кто без меня это делать станет?

- «Не даст в обиду»! – в сердцах сплюнул Михайла. – Больно

хорошо ты про людей думаешь, Христофорыч! Ты для князя главное уже сделал, с тоннелем помог. Сам говорил – он ныне одной ногой здесь, а другой в Петербурге, на новом месте. Что ему теперь Сахалин, что всякие дома и мосты, которые ты тут строить начал, да не закончишь? Тьфу!

- Не кипятись, Михайла! По-умному ведь все сделать можно. По-хитрому! Упряжь заранее подрежу, а в опасном месте вожжи сильно рвану. С одной стороны постромка лопнет, лошадь вбок пойдет. Вот коляска и перевернется.

- Мотри, Христофорыч, сам себя не перехитри! – предостерег Михайла.

Компаньоны едва в тот раз не поссорились.

К 8 часам, как ему было указано, Ландсберг подкатил на коляске к канцелярии тюремного управления. Соскочил с коляски, и с шапкой в руках, придерживая по уздцы лошадь, дожидался у крыльца Карагаева. Тот вскоре вышел – грузный одышливый мужчина лет под пятьдесят, в нечистом мундире, трещавшем на нем по всем швам. Смерил Ландсберга неприязненным взглядом, к чему придраться не сыскал, спросил только:

- С лошадьми-то управляться способен, инженер?

- Не извольте беспокоиться, ваше благородие, с детства управлялся. Да и на военной службе тоже…

- Не тарахти. Никому про твою службу слушать не интересно! – оборвал Карагаев, забираясь в коляску и обдавая все вокруг густым перегаром. – Езжай, да не шибко гони: я солдат вперед пешим ходом отправил, чтоб на полпути примерно догнать их.

Это для Ландсберга было сюрпризом: про солдат вчера никто и не поминал. Что ж, все, что ни делается – к лучшему, подумал он, трогая лошадь.

Едва выехали за околицу поста, Карагаев принялся возиться с револьверами, которых у него, как и говорили иваны, оказалось два. Изрядно пьяный седок за спиной, с заряженным оружием невольно заставлял Ландсберга нервничать, и он искоса, чтобы не раздражить вспыльчивого надзирателя, постоянно поглядывал назад.

И все-таки выстрелы оказались для него неожиданностью. Ландсберг вздрогнул, храпнула и рванула было с места лошадь. Он

натянул вожжи, обернулся. Карагаев, как выяснилось, стрелял по собачонке, увязавшейся за коляской с поста.

- Чего встал? – прикрикнул на него Карагаев. – Не бойсь, каторга, твой час еще не пришел!

Примерно через полчаса он сам велел остановиться, раскрыл захваченный с собой саквояж, выпил водки из дорожного лафитника и наскоро закусил. Заправившись таким образом, Карагаев закурил и снова велел трогаться. Ландсберг молчал, седоку было явно скучно, и он начал придираться:

- Как же ты мог, как тебя там… Инженер, в общем… Как же ты посмел сволочню эту каторжную распустить? Почему дисциплины на Ведерниковском станке нет?

Ландсберг пожал плечами:

- Сам, как изволите видеть, арестантский халат ношу, ваш-бродь. Вот и слушают меня рабочие в пол-уха, как говорится.

- «В пол-уха»! А за сие на каторге бьют в ухо! –со смехом скаламбурил Караганов. - Сам-то, слыхать, из бывших благородий будешь? Науки-то свои где постигал?

- На военной службе, ваш-бродь, постигал. Как вы изволили заметить, из офицеров. Служил по саперной части.

- Из охвицеров, стало быть? Ох, не люблю вашего брата! Оне мне, сволочи, всю жизнь как есть поломали… Сам-то, поди, на военной службе нижних чинов поедом ел? Не так, скажешь, инженер?

- У гвардейских саперов это не принято, ваш-бродь!

- «Не принято»! Все вы так поете, как в каторгу попадаете! Ты-то, небось, сразу к князюшке нашему прибился-притулился. Вишь, на должность инженерную устроился, вместо того, чтоб на нарах гнить! Неохота на нары, инженер, а?

- Кому ж туда охота, ваш-бродь? – дипломатично отозвался Ландсберг.

- Ишь, вежливый какой! Обходительный с начальством, ваше бывшее благородие! Смотри, попадешь мне под горячую руку – не погляжу, что охвицер да инженер! Вмиг на «кобылу» пошлю. Князь твой и спохватиться не успеет.

Экая скотина, с досадой подумал Ландсберг. Экая скотина этот

Карагаев! А я еще стараюсь, спасаю это неразумное животное…

Солнце, скрытое за пеленою сплошных серых облаков, между тем поднималось все выше. Становилось душно, и Карагаева, соответственно, развозило от выпитого все больше и больше. Он продолжал брюзжать и сыпать угрозами, коротко вздрёмывал, просыпался, тут же требовал остановиться, чтобы выпить очередную рюмку водки…

По причине таких остановок продвигалась коляска весьма медленно, и, не видя впереди солдат, которых они должны были нагнать, Ландсберг начал уже беспокоиться. Свой план он мог осуществить только на одном участке дороги, весьма коротком. И если коляска нагонит солдат именно там, то весь план оказывался под угрозой.

Но вот впереди, слава создателю, показалась группа бредущих по дороге солдат. Трое. И с ними, чуть в стороне, фельдфебель. Седок спал, открыв рот, из которого на мундир свесилась длинная нитка слюны.

- Солдат догнали, ваш-бродь! – окликнул Ландсберг, и, видя, что Карагаев не просыпается, гаркнул погромче. – Солдаты впереди, ваш-бродь!

Карагаев мигом проснулся, заозирался, шаря по карманам и выдирая из них застрявшие револьверы.

- А? Кто? А-а, солдаты! Ну-ка, останови-ка рядом с ними, я им сейчас!

Посмеиваясь, Ландсберг потянул вожжи и добрых пять минут слушал виртуозную ругань, обрушившуюся из коляски - неизвестно за что - на фельдфебеля и солдат. Отведя душу, Карагаев велел Ландсбергу трогать, а команде солдат – не отставать от коляски.

Такой конвой Ландсберга совершенно не устраивал, и он незаметно для седока стал подбадривать лошадь. Солдаты сначала прибавили шагу, однако жара и усталость стали брать свое, и караульная команда постепенно отстала от коляски.

Дорога почти вплотную подошла к основанию поросшей кустарником сопки и круто повернула влево, огибая ее. Ландсберг обернулся – солдат караульной команды уже было видно за поворотом. Карагаев снова задремал – всё шло удачно! Еще

несколько минут, и…

Слева к дороге уже подступил ручей. Теперь коляска катила по узкому серпантину вдоль сопки. Ландсберг снова обернулся, проверяя – спит ли седок? Достал из-под сиденья шумовой заряд, самолично изготовленный из части динамитной шашки и охотничьего пороха. В короткий запальный шнур были вставлены головками наружу две шведские спички. Ландсберг чиркнул головками спичек по отполированному облучку, услышал шипение загоревшегося запального шнура и бросил свой снаряд через голову лошади – вперед и чуть вбок.

Рассчитано все оказалось верно: заряд взорвался, когда коляска почти миновала его. От неожиданности лошадь рванула и, пока не сдерживаемая, понесла по узкой дороге.

- Стой! Стой, кому говорят! – закричал Ландсберг, искоса поглядывая назад, на Карагаева.

Тот уже очнулся от пьяной дрёмы и теперь дико озирался вокруг, пытаясь понять – в чем дело?

Ландсберг, делая вид, что натягивает изо всех сил вожжи, привстал, внимательно следя за рельефом дороги. Вот крутой поворот начал понемногу выпрямляться. Пора!

- Эй, кто стрелял? – заорал сзади Карагаев, тоже вставая в коляске и размахивая револьвером. – Гони, скотина!

- Лошадь с испугу понесла, ваш-бродь! – закричал в ответ Ландсберг. – Дорога плохая, разобьемся!

Теперь он с силой натянул вожжи, и одна из них, как и планировалось, лопнула – в нужное время и в нужном месте. Лошадь, повинуясь рывку справа, сошла на полном ходу с дороги, коляска наклонилась и медленно упала на бок. Готовый к этому, Ландсберг успел ловко соскочить на землю и отпрыгнуть в сторону. Подскочил к лошади, бившейся в постромках, начал успокаивать ее.

Карагаев от резкого толчка вылетел на дорогу, прокатился кубарем и замер в канаве, не выпуская, впрочем, из руки револьвера.

Оставив почти успокоенную лошадь, Ландсберг осторожно приблизился к Карагаеву – как бы тот с перепугу не начал палить во все стороны.

- Ваше благородие, целы? Ваш-бродь!

Карагаев, наконец, зашевелился, поднял голову. Лицо его было разбито, из носа капала кровь.

-Ваш-бродь, это я, Ландсберг! Давайте помогу подняться! Вы целы, ваш-бродь?

- Цел, цел вроде… Кто стрелял? Что случилось? – Карагаев с опаской поднял голову, вставать не спешил.

- Из кустов стреляли, ваш-бродь. Я гляжу – впереди кусты зашевелились. То ли зверь какой, то ли человек – никого не видел, ваш—бродь! Думаю – то ли остановиться, то ли вперед от греха рвануть – а тут выстрел! Лошадь понесла, и вот…

- Варнаки беглые, должно, - прошептал Карагаев. – А солдатики где? Почему солдат нету?

- Отстали, ваш-бродь. Но вроде не очень, сейчас догнать должны, надеюсь, - Ландсберг привстал, делая вид, что прислушивается. – Может, мне один револьвер дадите, ваш-бродь? Я ведь военный, стреляю изрядно. Вдвоем сподручнее отбиваться будет, ваш-бродь!

- Еще чего захотел! Револьвер ему дай… За солдатами беги лучше, скотина!

- Да вот и они, ваш-бродь! Легки на помине!

Из-за поворота показалась караульная команда, бегущая с ружьями в руках.

Ландсберг вторично рассказал свою версию случившегося. Посовещавшись, Карагаев с фельдфебелем оставили одного солдата с собой, а двоих послали в разведку по обеим сторонам дороги. Разумеется, «разведчики» никого не сыскали, и через полчаса вернулись обратно. Ландсберг тем временем снял с лошади упряжь и осмотрел ее.

Убедившись, что в ближайшее время нападения варнаков не ожидается, Карагаев вспомнил о Ландсберге и накинулся на него.

- А ты почему лошадь не удержал, прохвост? Почему коляску опрокинул, меня едва не убил до смерти?

- Так что сами смотрите, ваш-бродь! – Ландсберг показал Карагаеву и фельдфебелю упряжь. – Ремешок перетерся, совсем ветхий оказался – вот и лопнул, когда я вожжи потянул! Я чувствую,

ваш-бродь, что поползли вроде вожжи в руках, ослабил их, пока вдоль пропасти лошадь несла. Только потом и потянул – а тут ремешок возьми да и лопни!

Фельдфебель, видно из крестьян, взял из рук Ландсберга упряжь, поглядел, помял, даже понюхал для чего-то. С опаской поглядел на крутой обрыв, в глубине которого сердито журчал ручей. Кивнул:

- Точно, гнилой ремешок. Бога благодарите, да возницу своего, господин Карагаев! Ежели б не он, лежали бы чичас во-он там, внизу! Костей бы не собрали…

- Ладно, без тебя разберемся! – сердито буркнул Карагаев, и не думая благодарить Ландсберга. – Ты лучше скажи – почему отстала твоя команда? Я ведь приказал рядом держаться, а?

- Задохлись, притомились на жаре-то, господин Карагаев! – начал оправдываться фельдфебель. – И потом, как выстрел услыхали, мы тут же мигом здеся очутились!

- Погодите, мерзавцы! Даст бог вернемся - всё начальнику воинской команды доложу!

- Воля ваша, господин Карагаев! Что дальше-то делать прикажете?

- А черт его знает, что делать! Эй, инженер! Что с коляской-то?

- Не глядел еще, ваш-бродь. Ежели солдатики помогут мне на колеса ее поставить, осмотр ей дам, доложу-с…

- Ну, чего ждете, вахлаки?- обернулся Карагаев к солдатам. – Живо коляску на дорогу вытаскивайте! Да мой саквояж там посмотрите, принесите, живо!

Коляску поставили на колеса и выкатили на дорогу, саквояж был найден и принесен хозяину. Однако бутылка с водкой оказалась разбитой, и это настроения Карагаеву, разумеется, не прибавило. Причитая над каждым осколком, вынутым из саквояжа, он виртуозно сквернословил и так, явно переживал, что воинская команда, памятуя про револьверы надзирателя, благоразумно отошла подальше от греха. В довершение ко всем напастям этого дня, Карагаев, вынимая из саквояжа осколки, сильно рассадил стеклом руку, и в конце концов опять обратил свой гнев на Ландсберга.

-Эй, инженер хренов! Так мы поедем сегодня или нет, так-

разтак-переэтак?!- заорал он, тряся окровавленной рукой. – Чего ты там вокруг коляски без толку цельный час ходишь?!

Стараясь сохранить серьезное выражение лица, Ландсберг подошел поближе.

- Ехать никак невозможно, ваше благородие! - доложил он. – Упряжь, изволите ли видеть, починить наскоро можно. Бечевкой подвязать, и до Силинского станка дотянем потихоньку. А вот ось колеса лопнула, еле-еле держится.

- Эх ты, а еще инженер! Коляску починить не можешь, мерзавец! И что же теперь нам делать?

- Если дозволите, ваш-бродь, выход вижу один. До Силинского станка отсюда не более версты будет, пешком дойти потихоньку можно. Если б солдатики коляску туда докатили, я бы верхом мог вернуться в пост, взять на конюшне новую ось и к вечеру все будет в порядке. А вы бы, ваш-бродь, на станке отдохнули бы до вечера. А то и заночевали бы тут, а с утра пораньше, благословясь, и в Ведерниковский станок.

- Гм… В этом клоповнике ночевать? Не знаю… Там хоть кто-нибудь живой-то есть, в Силинском станке?

- Есть, ваш-бродь! Смотритель там… Насчет клопов не знаю, а вот горячительное, извините за дерзость, у него водится. Руку продезинфицировать вашему благородию, к примеру…

- Гм… Дело говоришь, инженер. Да, пожалуй, больше и делать-то нечего… Гм… А откуда у твоего смотрителя тут это… как его…

- Не спрашивал, ваш-бродь! Но на вкус совершенно божественно! С дымком-с!

Карагаев поглядел на Ландсберга с недоверчивым интересом – как мог бы посмотреть на собрата собиратель изысканных раритетов, встретивший такого же любителя где-нибудь среди диких племен. И уже рот было открыл, чтобы спросить что-то, но махнул рукой, промолчал. И только вслед крикнул:

- Инженер, ты в посту-то, на всякий случай, возьми мне в «монопольке» это самое… дезинфицирующее! Погоди, слышь, записку дам!

Предложив съездить в пост на лошади, Ландсберг вдруг подумал, что последний раз ездил верхом без седла в туркестанском

походе. Тогда конь под ним был убит, а на поле битвы метались только лошади кочевников, все сплошь бесседельные. Вот конфуз-то будет, если не смогу запрыгнуть, подумал он, поглаживая лошадь и примериваясь.

Запрыгнуть, вопреки его опасениям, все же удалось.

Захватив упряжь, Ландсберг неспешной тряской рысью направился в Александровский пост, донельзя довольный тем, что его план удалось успешно осуществить. Поблагодарил Ландсберг и судьбу – за то, что уберегла его от того, чтобы заранее подрезать упряжь в нужном месте. Это могли бы заметить. А вот размочаленный камнем ремешок, к тому же обильно смоченный перед дорогой кислотой, у фельдфебеля, к примеру, никаких сомнений не вызвал. Значит, не вызовет и у конюхов.

* * *

Утром третьего дня заключения, едва в окошке под потолком карцера посветлело, замок заскрежетал, дверь распахнулась и в карцер заскочил надзиратель Дронов.

- Не спите, господин Ландсберг? А то к вам посетители с утра пораньше, хе-хе-с! Давайте-ка, я посуду приберу, а вы тюфяк сверните пока! Вот так вот!

- Кто же это ко мне, Иван Ильич? Из канцелярии? Михайла Карпов, поди?

- Не Михайла! Но личность для вас, полагаю, оч-ченно даже приятственная, господин Ландсберг!

- Неужели господин Таскин? Иван Ильич, я же вас нарочно просил, никому про меня не сказывать! – укорил Ландсберг.

- И опять не угадали!Хе-хе… Впрочем, сейчас всё разъяснится!

Дронов, подмигивая, едва не на цыпочках, пробежался по камере с веником, сгреб кабацкую посуду и, не заперев дверь, угрохотал сапогами куда-то по коридору. Ландсберг пожал плечами, вынул и повертел в руках портсигар, снова спрятал его, пригладил зачем-то волосы.

В коридоре снова послышались шаги, приглушенные голоса, громкое «хе-хе-хе-с» Дронова. А потом в дверях карцера показалась она – Ольга Владимировна Дитятева, недавняя знакомая Ландсберга. Она остановилась на пороге камеры, не решаясь

переступить его. Двумя руками Ольга Владимировна держала перед собой то ли кастрюльку, то ли горшок – нечто, закутанное в теплый платок.

- Здравствуйте, Карл Христофорович… Я вот услыхала про вас и решила… В общем, господин Дронов позволил… Тут каша с мясом, Карл Христофорыч… Узников ведь положено кормить! Не обессудьте, ничего более я не смогла… Вы не сердитесь?

- Господи, Ольга Владимировна! Какими судьбами? Впрочем… Проходите, сделайте милость… Тьфу, о чем это я – в карцер приглашаю!

Растерянность Ландсберга, и нелепость ситуации были столь очевидны, что Дитятева невольно рассмеялась. Ойкнула, прикрыла смеющийся рот ладошкой, испуганно оглянулась на надзирателя. Дронов же, распустив по лицу умильные морщины, кивал как китайский будда: ничего, мол, ничего, дети мои!

- Не извольте беспокоиться, госпожа Дитятева! В отделении никого, кроме господина Ландсберга, нынче не содержится. Так что можете чувствовать себя совершенно свободно! Да-с! Проходите, ежели вам будет угодно. А желаете, я вас и господина Ландсберга в надзирательскую провожу? Желаете-с?

- Нет-нет! К чему это беспокойство? Впрочем… Как вы полагаете, Карл Христофорович?

- Мне все равно. Проходите сюда, Ольга Владимировна!

Вот уж кого Ландсберг сегодня не ожидал увидеть, так это ее. Ольгу Владимировна Дитятеву.

Ольга Владимировна Дитятева тоже стала жертвой Сахалина, необъятной российской географии и собственного романтического сумасбродства, свойственного молодости во все времена.

Она была дочерью обедневшего тверского помещика, выросла в дряхлеющей усадьбе, получила кой-какое домашнее образование и взапой читала французские романы. Повзрослев, Ольга поняла, что никакой принц на белом скакуне никогда не доберется до скучной и серой тверской глубинки, а все попытки суетливой маман пристроить дочь за приличного обеспеченного соседа обречены на провал из-за отсутствия таковых. О замужестве как таковом Ольга думала в последнюю очередь – просто этот путь был единственной тропинкой,

могущей привести провинциальную девицу из скучных сельских кущей в интересный и яркий мир. Слава богу, что дальняя родственница в Санкт-Петербурге, давным-давно овдовевшая и к тому же похоронившая двух компаньонок-приживалок, предложила Дитятевым отправить свою дочь к ней.

Радость Ольги, впрочем, была недолгой. Вырвавшись из провинциальной глубинки в блистающую столицу, она быстро поняла, что просто поменяла одну клетку на другую. Тетушка и не мыслила выводить свалившуюся ей на голову молоденькую провинциалку в свет – да если бы даже и захотела это сделать, то возможностей к этому решительно никаких не имела. Тетушка давно одичала в своем столичном особнячке, жила настоящим анахоретом и неделями не выходила из дома. А когда выходила, то не добиралась дальше мясной и зеленной лавок по соседству, где нудно и с пристрастием проверяла счета кухарки. Единственное исключение, которое она сделала для Ольги, да и то после долгих уговоров, были редкие походы в ближайший публичный сад.

Впрочем, и садом-то единственную аллею, обсаженную чахлыми деревьями, назвать можно было с большой натяжкой. По причине большой удаленности от центра столицы он был запущен и малопосещаем. Одну Ольгу тетушка, разумеется, никуда не отпускала, и та целыми днями читала ей вслух, а по утрам пыталась разгадывать тетушкины сны – такие же сумбурные и пустые, как у оставшейся в имении под Тверью маман.

Визитеров у тетушки тоже практически не было, за исключением дряхлого сослуживца давно скончавшегося супруга. Да и тот приходил только по большим праздникам, неизменно жаловался на дороговизну жизни, воровство прислуги и упадок нравов нынешнего поколения.

Более-менее постоянным визитером в доме был доктор, за которым тетушка посылала прислугу не реже, чем раз в неделю. Доктор был тоже стареньким, основную практику давно потерял по причине собственного склероза и пользовал лишь нескольких старых пациентов, не доверяющих «всем этим нигилистам» моложе 50 лет и не желающих платить за визит больше рубля. Впрочем, скуповатая тетушка частенько ухитрялась сэкономить и этот несчастный рубль,

частенько заявляя склеротическому доктору, что в прошлый раз-де она по его же просьбе выдала ему аванс. Старичок же всякий раз смущался, долго извинялся и жаловался на «анафемское беспамятство», и спешил поскорее откланяться. Попав в такую ситуацию впервые, Ольга Дитятева смутилась от нахального тетушкиного заявления об авансе едва ли не больше самого доктора.

- Как же так, тетушка? – еле дождавшись его ухода, Ольга пробовала восстановить справедливость. – Как же так? Вы же в прошлый раз изволили дать Семену Михалычу всего семьдесят копеек, я хорошо помню! А вы, должно, запямятовали…

- Ничего, не обеднеет твой Семен Михалыч, - ворчала тетушка, упрятывая сэкономленный рубль в ветхий ридикюль. – Он всю жизнь меня пользует. Посчитай-ка, сколько он от щедрот моих поимел за сорок с лишним годков! То-то же! Молода еще мне указывать! Ты бы лучше родителям своим написала, чтобы на содержание твое присылали, хотя бы 5 рублей в месяц.

Робкие попытки Ольги напомнить тетушке о том, что та регулярно получает от ее родителей денежные письма, успеха не имела. Девушку тут же обвинили и в отсутствии уважения к благодетельнице, и в дерзости – в общем, все кончилось обоюдными слезами. Сцены эти повторялись с тоскливой регулярностью, и в конце концов Дитятева дала себе зарок не лезть более в денежные дела.

Через полгода, отчаявшись от такой беспросветной «столичной» жизни, Ольга написала родителям о том, что хочет вернуться в родное имение – а в ответ неожиданно пришло письмо отца с известием о скоропостижной кончине Ольгиной матери. Денег на дорогу отец не прислал, да и намерению дочери вернуться явно не обрадовался. Наоборот – ссылаясь на запутанные денежные дела и многочисленные тяжбы с кредиторами, отец велел Ольге повременить с возвращением.

Еще через полгода Ольга получила от отца новое письмо, из которого узнала, что те же стесненные денежные обстоятельства вынудили Дитятева-старшего, не взирая на его скорбь по горячо любимой усопшей супруге, заключить новый брак с соседской помещицей. И что новообретенная супруга очень больна, нервна и

раздражительна, и он боится, что Ольга, в случае возвращения, не сойдется с ней характерами.

Ольга была в полном отчаянии, и просто не знала, что ей делать дальше. Тетушка ворчала, брюзжала, жаловалась на безденежье и бессовестных нахлебников, совершенно забывая о том, что Ольга в ее доме и так живет практически на положении прислуги. Подает, приносит, вытирает пыль, выколачивает перины – но, в отличии от прислуги, не получает за свои хлопоты жалованья.

Бежать от тетушки? При всей дикости этой мысли она всё чаще и чаще мечтала о том, как однажны выйдет из опостылевшего особняка и никогда не вернется туда. Но куда идти? И на какие средства жить? Своих денег у Ольги никогда не было, если не считать золотого полуимпериала, который маман при расставании тайком сунула дочери «на счастье».

Конец мучениям Ольги неожиданно положила сама тетушка. Заглянув как-то утром в ее спальню, Ольга обнаружила старушку мертвой. Пославши за доктором, тем же старичком Семеном Михалычем, девушка в ожидании его прихода чуть с ума не сошла, совершенно не представляя себе – что надобно, собственно говоря, делать в таких случаях? И весьма при этом сомневаясь в организаторских способностях самого старичка. К счастью, услыхав от прибежавшей к нему перепуганной кухарки о кончине тетушки, доктор захватил с собой кстати случившегося у него в гостях племянника.

Тот и вразумил – что и как следует делать. Да к тому же оказался настолько любезен, что совершенно добровольно взял на себя тягостное бремя похоронных и всех сопутствующих хлопот. Он же, разбирая по просьбе Ольги тетушкины бумаги, нашел должным образом выправленное завещание, согласно которому девушка получила скромное наследство. Впрочем, большую часть денег пришлось отдать нотариусу и лавочникам – в счет тетушкиных долгов, которых оказалось великое множество. Но Ольга не роптала – главным в наследстве она видела полученную свободу и возможность не просить денег у отца, ставшего в одночасье чужим человеком.

Столь неожиданно обретенная свобода для Дитятевой

оказалась понятием относительным. Друзей и подруг за четырнадцать месяцев пребывания в столице Ольга так и не обрела, Петербурга по прежнему боялась, и лишь по утрам, отчаянно труся, в одиночку выбиралась в тот самый ближайший публичный сад, где присаживалась на краешек скамейки и кланялась даже угрюмым дворникам, ожесточенно шоркающим метлами по опавшим листьям. Высидев в саду часок, она спешила поскорее домой.

А потом Дитятева случайно, в том же саду, познакомилась с некоей девицей из «новых» - коротко стриженной, курившей мужские папиросы и глядевшей на весь белый свет с усталым презрением. Девица, увидев в Ольге провинциальную непосредственность, вяло заинтересовалась знакомством. И вскоре свела ее с друзьями – небольшой группой «свободномыслящих» молодых людей.

Кое-кто из группы учился в университете, часть уже была отчислена из оного. Молодежь регулярно собиралась на разных квартирах «на чаепития», долго и до хрипоты спорила о неизбежности революционных преобразований, корила общество и Россию за пассивность и долготерпение. Та же новообретенная подруга дала Ольге свою рекомендацию для вступления в некое тайное общество, где много говорили о революции, тиранах, грезили переменами в обществе и России.

Однако у Ольги, несмотря на всю ее провинциальную непосредственность, оказался живой склад ума, и очень быстро она сумела понять, что за пламенными речами бунтарей и бурными дискуссиями о будущем ничего, собственно, и не стоит. В «тайном обществе» много и красиво говорили – но ничего не делали для того, чтобы это самое прекрасное и призрачное будущее из запрещенных к чтению романов оказалось реально близко. И Ольга Дитятева понемногу стала отдаляться от бунтарей, решив для себя сначала выучиться какому-нибудь действительно полезному делу, а потом применить свое новоприобретенное умение в практической жизни.

Она закончила женские акушерские курсы при Петербургском университете, и совсем было собралась вернуться в Тверскую губернию, помогать темным и забитым крестьянкам. Однако подруга Татьяна Аржанникова, закончившая курсы вместе с нею и «доподлинно знавшая» об ужасном и бесправном положении

женщин, волею судеб оказавшихся в российской каторге, рвалась ехать и «делать дело» не просто в провинцию, а на… Сахалин. И подруги, мало представлявшие себе истинное положение женщин на каторгах и жизнь каторжан вообще, с горячностью и упорством молодости вступили в неравный поединок с мощной бюрократической машиной чиновничьей России, испрашивая дозволения поехать на каторгу добровольно.

В больших и малых кабинетах сначала над ними просто посмеивались, потом рвение подруг стало вызывать у чиновников Главного Тюремного управления империи естественное раздражение людей, хорошо понимающих, что от добра добра не ищут. И, наконец, на них просто махнули рукой: глупые романтичные барышни изволят желать принести свою молодость на алтарь Отечества? Извольте, кладите…

Бюрократическая машина скрипнула, задвигала шестеренками и пришла в движение. Письменные прошения девиц украсились надлежащими резолюциями, и однажды курьер в фуражке с гербом Тюремного управления принес Дитятевой большой конверт с множеством сургучных печатей, в котором содержалась бумага с дозволением следовать в каторгу за казенный счет.

Аржанникова, получившая такой же казенный конверт, вовремя опомнилась, неожиданно стала задумчивой, и частенько, к слову и просто так, стала заговаривать о стариках-родителях, которых этот ее сахалинский анабасис просто убьет. Видя непоколебимость Ольги, Аржанникова сменила тон и стала жаловаться на собственное нездоровье, а под конец, когда все необходимые разрешительные бумаги для поездки в каторгу были собраны, просто отказалась ехать, призывая одуматься и ее. Ольга же, переживая от предательства подруги и в глубине души боясь ехать на край света в одиночестве, все же посчитала для себя зазорным отступать в последний момент. И… уехала-таки в Одессу, где и получина билет второго класса на пароход Добровольного флота, готовый отправиться через полмира на далекий остров Сахалин с очередной партией «живого груза» каторжан.

Потом, спустя самое малое время после начала выполнения своей миссии «помощницы страждущих», Ольга Дитятева много раз

жалела о глупом своем упрямстве. О том, что тысячу раз была права оставшаяся в Петербурге «предательница» Аржанникова. О том, что напрасно не послушалась она офицеров из экипажа парохода, неоднократно и проникновенно советовавшим ей не дурить и сойти на берег во Владивостоке. О том, что не послушалась голоса сердца и интуиции уже здесь, в каторжной столице далекого острова, когда буквально на второй день пребывания услыхала множество неприличных намеков и откровенно грязных предложений, а после гордого и презрительного отказа всякий раз слышала вслед:

- Ничё-ё-ё, девка! Ничё! Сахалин и не таких обламывал…

Перестала вскоре Дитятева дивиться тому, что и грязные предложения, и сальные намеки она получала не от «дремучих и погрязших в пороке каторжан», которые на деле показались ей серыми и одинаково робко-предупредительными в своих серых халатах и картузах без козырька. А от тех, кто носил мундиры Тюремного ведомства, кто должен был в первую голову помогать ей. Пароход стоял на рейде Александровского поста еще целых четыре дня – ну что бы ей не внять голосу рассудка и не поспешить обратно на борт, где корректные и предупредительные морские офицеры в свободное от вахты время наперебой ухаживали за редкими на этом маршруте дамами и рассказывали им массу интереснейших историй о дальних странах и удивительных чужих обычаях…

Скажи кто в Петербурге Ольге Владимировне Дитятевой, дворянской дочери просвещенного 19-го века, что в эру таких прогрессов, как телефон и электричество, на каторге женщин деловито, как домашнюю живность, раздают в сожительницы сильным этого далекого и страшного мира и тем, кто просто может заплатить… Она бы просто не поверила! Корова для сахалинского поселенца стоила 10-12 рублей –лишь немногим дороже обычной мзды тюремному смотрителю за бабу из нового сплава…

Ступив на сахалинскую землю с небольшим чемоданом и сундучком с медицинской литературой и запасом лекарств на первое время, наивная Дитятева ожидала, что местные власти, явно не избалованные вниманием учеников и последователей Гиппократа, примут ее в качестве акушерки с распростертыми объятьями. Что радушно предоставят для медицинских процедур новую чистую избу,

снабдят лекарствами или средствами на их приобретение и вообще будут носить прогрессивную женщину из самого Санкт-Петербурга на руках…

Едва сойдя с парохода, Дитятева поспешила с визитом в местное Тюремное управление каторжной столицы острова. Однако все большое и малое начальство было занято, и пребывало не в присутствии, а на берегу, где правдами и неправдами пыталось получить приглашение в кают-компанию парохода. Писари же и письмоводители, едва начав выслушивать сбивчивые просьбы посетительницы, моментально вспоминали о собственных срочных делах и неизменно предлагали подождать начальство. Гостиницы в посту не оказалось и вовсе, и только к вечеру первого дня пребывания на Сахалине едва держащаяся на ногах от усталости и обилия впечатлений Ольга Дитятева сумела попасть на постой к дьяконице.

Дьяконица, ведя жиличку к себе в домик, задала ей сотни вопросов – как наивных, так и показавшихся Ольге бестактными. Она же и просветила Дитятеву насчет ближайших перспектив рандеву с островным начальством:

- И-и, милая, покамест пароход не уйдет, вы ни к кому не попадете. Зряшное дело, верьте слову! Тут как пароход приходит, все как с ума съезжают, право! Всем недосуг, вас никто и слушать не станет. Отдыхайте покамест, я вам и постельку приготовлю, а вечером мой супруг придет, почаевничаем. У вас, поди, конфетки петербургские найдутся – порадуете старичков, а?

Снятая комната в домике дьяка оказалась темной и сырой, кровать отчаянно скрипела от малейшего движения, а хозяева столь назойливыми и любопытными, что Ольга, измученная бесконечными расспросами, дала себе слово завтра же сменить квартиру.

Увы! Поначалу вся чиновничья братия, узнав о прибытии на остров одинокой молодой и красивой (и, увы, наивной!) вольной поселенки, наперебой стала предлагать ей жилье, обещать защиту и ласковое обхождение с такими сальными взглядами и даже намеками, что их прозрачность казалась вполне очевидной. Получив гневный отпор, братия пожимала плечиками и многозначительно переглядывалась. Погоди, мол, барышня! Что ты потом запоешь…

Пришлось все четыре дня, пока пароход не снялся с якоря, оставаться на постое у дьяка и его супруги. На пятый день, придя на пристань и не увидав парохода, Ольга вздохнула и решительно зашагала в Тюремное управление округа.

Все начальство оказалось, как и предсказывала дьяконица, на месте. Дитятева без труда получила аудиенцию у главного смотрителя тюрем, однако петербургская бумага не произвела на того ни малейшего впечатления.

В помещении под акушерскую амбулаторию Дитятевой было категорически отказано: казной не предусмотрено-с… Попробуйте сходить в канцелярию губернатора, хотя особых надежд и не питайте-с. Приличное жилье? А где вы на сей момент изволили остановиться? У дьяка? И что же, вы, милая барышня, почитаете сие жилище малоприличным? Гм.. Ищите, в таком разе, сами, раз вы, барышня, такая привередливая.

В канцелярии губернатора Ольгу Дитятеву тоже приняли поначалу ласково и внимательно. Чиновники ахали и не смели верить тому, что барышня из самой столицы (!) совершила столь дальнее и трудное путешествие одна, без всякой поддержки.

Как, мадмуазель Дитятева не замужем?! Очень, очень опрометчивое и, с позволения сказать, неразумное решение. На Сахалине, знаете ли, это некий нонсенс. Дальнейшая беседа с чиновным людом, как по шаблону, плавно перетекала в длинные рассуждения о необходимости непременно иметь здесь мужское покровительство и поддержку. А расправленные плечи, томные взгляды и покручивание усов должны были, как казалось их обладателям, убедить молодую и красивую посетительницу в том, что требуемая ею поддержка и опора - вот тут, напротив!

Ольга терпеливо выслушивала всё сказанное, и снова пыталась перевести беседу в русло акушерской помощи неимущим островитянкам. Однако эта тема чиновникам была совершенно неинтересна. Потеряв терпение и надежду на благосклонность одинокой столичной мадмуазель, чиновники начинали часто поглядывать на часы, подвигать поближе свои отложенные было бумаги, а тон речей становился все холоднее и суше.

Известно ли мадмуазель, что все сахалинские служащие и их

супруги живут хоть и в весьма отдаленных от материковской России пенатах, но всё же не среди диких племен и обычаев? Что тут, на Сахалине, имеются уважаемые медицинские доктора – мужчины, кстати говоря! И что получить здесь медицинскую практику приезжим барышням, хоть и столичным, представляется, мягко говоря, проблематичным.

Ах, мадмуазель, к тому же, намерена оказывать бесплатную медицинскую помощь всяким плебейкам каторжанского сословия? Фи, они этого не стоят! Да и откровенно сказать, едва ли в подобных услугах нуждаются – не говоря уже о том, что вряд ли смогут оплатить медицинские услуги… И, коль скоро речь идет о каторжанках, то мадмуазель вообще обратилась не по адресу. Такие вопросы находятся в ведении Тюремного управления. Ах, барышня там уже была? И что же? Вы не нашли там понимания? Мадмуазель, здесь мы занимаемся другими вопросами, поэтому настоятельно рекомендую вам всё же обратиться туда.

Делать нечего, Дитятева вновь побрела в Тюремное управление, где повторный ее визит вызвал откровенно кислые взгляды. Барышня изволит настаивать на своем? Ради бога! Занимайтесь акушерской практикой – но не за счет казны, как уже было сказано. За свой счет-с! Ни содержание акушерки для бедных, ни предоставление под эти занятия казенного помещения не предусмотрены-с! Как и закупка медикаментов. Мадмуазель намерена жаловаться? Извольте! Однако смеем заметить, ваши жалобы вряд ли будут услышаны. В ваших бумагах из Петербурга говорится о содействии – так ведь вам никто и не противодействует, милая барышня! Что же касается денежных средств для ваших занятий, то никаких указаний на сей счет из столицы мы не имеем-с…

Вернувшись к себе на квартиру, Дитятева пересчитала невеликую свою наличность, пробежала список захваченных ею на первый случай медикаментов и решила: раз так, она начнет практику за свой счет! И при этом непременно напишет прошения во все инстанции, от петербургских до генерал-губернаторских! Не может того быть, чтобы ее никто не услышал! Нужно только запастись терпением и настойчивостью в преодолении препятствий.

Позже, когда скудные сундучные запасы медикаментов у Дитятевой иссякли, ей столь же нагло было отказано и снабжении таковыми из казны. За свои средства? Это сколько угодно-с…

Сделать заем было просто не у кого: сахалинские чиновницы еле отвечали на ее поклоны, а заниматься поденной работой Ольге Владимировне мешали элементарные приличия и гордость.

Самцы в мундирах тюремного ведомства, между тем, уже заключали пари о сроках, когда нужда и голод заставят-таки «строптивую дворяшку» позабыть про гордость и пойти в сожительницы к тому, кто согласится взять акушерку на содержание…

Ландсберг несколько раз видел Ольгу Владимировну в канцелярии управления, где служил. Не было для него секретом и ужасное положение, в которое она попала: и чиновники, и писари вовсю смаковали «пикантную ситуацию» с гордой «дворяшкой». Ее было жалко, Ландсберг очень хотел ей помочь – но как?

Случайная встреча произошла на квартире у начальника окружного управления Таскина, которому Ландсберг принес проект и смету строительства пристройки к зданию дворянского собрания в посту. Дитятева же была приглашена супругой начальника, наслышанной о том, что у приезжей есть ноты последних музыкальных новинок. Молодые люди были представлены друг другу, и из дома начальника вышли вместе. Правда, Ландсберг тут же поспешил распрощаться с Дитятевой, с удивлением глядящей на серый каторжный халат, в который облачился перед выходом из дома ее новый знакомый.

- Да, я каторжник, Ольга Владимировна. Неужно не знали? Не обессудьте, и прощайте…

Вторая и последующая встречи произошли в единственно публичной библиотекеАлександровска. К тому времени Ольга Владимировна уже знала о Ландсберге довольно много. Ее воспитание и правила приличия, в рамках которых она жила доселе, протестовали против продолжения этого странного и весьма предосудительного знакомства. С другой стороны, этот каторжник, в прошлом дворянин и офицер, разительно отличался от всей местной публики, был на голову выше любого представителя сахалинского

«приличного общества». И уж, во всяком случае, Ландсберг решительно не походил на убийцу в традиционном для Дитятевой представлении.

Канцелярский артельщик-кассир ежемесячно выдавал Ландсбергу его «инженерское» жалованье, по ведомостям проходившее как надзирательское – 18 рублей. Тратился он только на квартиру и стол, и за неполные пять лет каторги сумел накопить весьма внушительную для Сахалина сумму. Он с радостью предложил бы Дитятевой деньги – но разве приняла бы она такую помощь от едва незнакомого ей человека, да к тому же еще и каторжника?

Выход нашелся: Ландсберг попросил мадам Таскину, весьма к нему благоволившую, передать Дитятевой сто рублей на организацию акушерской амбулатории в качестве пожертвования от некоего якобы существующего в Александровском посту благотворительного фонда. Деньги от «фонда» были с благодарностью приняты, и Ольга Владимировна принялась снова хлопотать о помещении, закупке медикаментов и поиску помощников.

Пожертвование Ландсберга, как он сам понимал, проблему Дитятевой решило лишь частично. Одинокая молодая женщина продолжала оставаться объектом назойливого преследования. Выход для Дитятевой был только один: как можно скорее обрести в посту покровителя, способного оградить молодую женщину от гнусных приставаний. Таким покровителем мог стать только законный супруг. Предлагать себя в качестве такового, пусть даже чисто формального, для «галочки», Ландсберг и подумать пока не смел.

Молодые люди продолжали раз-два в неделю встречаться в библиотеке. О пеших прогулках и даже о том, чтобы проводить Ольгу Владимировну до снимаемой ею квартиры, речи не было. Ландсберг откровенно рассказал Ольге Владимировне и об обыкновении чиновного люда поста придираться на улицах к арестантам, и об особом к себе отношении.

Так прошло короткое сахалинское лето. А через четыре месяца после знакомства с Ольгой Владимировной Дитятевой Ландсберг,

как мы уже знаем, попал в карцер.

…Явившись в библиотеку и не дождавшись там своего знакомого, Ольга Владимировна поначалу решила, что того направили в какую-то срочную поездку. Так уже бывало – удивило Дитятеву лишь то, что пунктуальный до педантичности Карл Христофорович не прислал в этом случае обычной записки с извинениями.

Не явился Ландсберг в библиотеку и на следующий день, и Ольга Владимировна нашла предлог зайти на службу инженера-архитектора Александровского поста, в окружную канцелярию. Там ей тоже ничего толком не сказали. Ландсберг оказался в своих умозаключениях прав: смотритель Ковалев, отправив инженера в «холодную», строго-настрого запретил писарям кому бы то ни было говорить об этом. Михайла Карпов, служивший в той же канцелярии чертежником, запрет счел к себе не относящимся.

Проведывать в «холодной» своего компаньона Карпов по очевидным причинам поостерегся. А вот сообщить о случившемся с Ландсбергом «казусе» молодой женщине, с коей он встречался, Михайла решился. Выскочив вслед за расстроенной непонятным отсутствием Ландсберга Дитятевой, «кумпаньон» торопливо рассказал ей главное, и посоветовал сообщить о случившемся с ним Таскину – через его супругу, разумеется.

- И начальник округа, и его супруга, дай им бог здоровья, к Христофорычу очень хорошо относятся. Ежели узнают о самоуправстве господина Ковалева, то ему не поздоровится. А Христофорыча, полагаю, тут же из «холодной», то есть, из карцера, на волю выпустят. Так-то, госпожа-барышня, а покуда прощайте!

Дитятева хотела сразу же, по совету Михайлы, отправиться к мадам Таскиной. Однако, подумав, решила с этим повременить. Господин Ландсберг, рассудила она, прекрасно знает о добром к нему отношении начальника округа. И уж наверняка бы нашел способ за два дня пребывания под арестом дать ему знать о своем заключении. А раз не дал – значит, тому есть причины.

И Ольга Владимировна решила сначала попытаться навестить Ландсберга сама. Так она и очутилась в карцере окружной тюрьмы, где, к немалому своему удивлению, была неожиданно тепло

встречена надзирателем Дроновым и немедленно препровождена к наказанному Ландсбергу.

-Карл Христофорович, с кашей-то как? – жалобно спросила Дитятева. – Она остывает, знаете ли… Хоть и в платках.

Пряча улыбку, Ландсберг принял теплый сверток из рук посетительницы и предложил:

- Не сочтите за дерзость, Ольга Владимировна – может быть, и вы присоединитесь к завтраку узника? Знаете ли, будет потом что вспомнить – как вы на далеком Сахалине кушали в карцере окружной тюрьмы. Ложку, я смотрю, вы захватили, а у меня своя имеется тут. Из одной посуды есть, правда, придется – зато как романтично!

- А надзиратель? Он не воспротивится?

- Ну что вы, Ольга Владимировна! Да вы садитесь, садитесь вот сюда! Тут чисто, тюрьма совсем новая, сам проектировал и строил, как говорится. Вот так… Это называется – нары. Или, по-тюремному, шконка.

Смущаясь и неуверенно улыбаясь, Дитятева присела на краешек нар, взяла в руку ложку.

- Не стесняйтесь! И расскажите мне, что там на воле делается, Ольга Владимировна? Узникам, знаете ли, первым делом сообщают о том, что происходит за тюремными стенами.

- Да что тут особенного может происходить? Знаете, Карл Христофорович, мне кажется иногда, что на этом острове жизнь давным-давно остановилась, а время течет как-то по иному, чем во всем другом мире!

Ландсберг держался просто, все время шутил и подбаривал посетительницу, и ее смущение необычной ситуацией мало-помалу проходило.

Под конец своего визита Дитятева, наконец, спросила – почему он не дал знать о случившемся с ним своим друзьям?

Ландсберг сразу стал серьезным.

- Друзьям? Милая Ольга Владимировна, у меня здесь нет и не может быть друзей.

- Но господин начальник округа Таскин и его супруга, как мне кажется, очень тепло к вам относятся…

- Да, это так. Но друзьями их не назовешь при всем желании. Они ценят во мне небесталанного, простите за нескромность, инженера и архитектора. Уважают мои прежние знания и опыт, ценят то, что я усердно тружусь, по мере сил, во благо этой отдаленной части России. Но моего прошлого они, уверяю вас, не забывают! И никогда не забудут обстоятельств, благодаря которым я здесь очутился. Они поддерживают меня, как мне кажется, лишь в той мере, что достаточна для сохранения моей работоспособности. Так-то, Ольга Владимировна!

- Ну, хорошо, пусть так! Но то, что вы здесь, и наказаны не за проступок, а лишь по своеволию господина Ковалева – разве здесь они не могли бы вмешаться?

- Могли бы, Ольга Владимировна. И вмешаются, ежели узнают. Но мне это вмешательство вряд ли пойдет на пользу.

- Отчего же?

- Ну, посудите сами! Карцер вполне комфортен, трехдневное заключение здесь не пойдет мне во вред. Только отдохну, знаете ли, от ежедневных текущих забот и суеты. И Ковалев будет удовлетворен. А теперь давайте рассмотрим ситуацию с моим досрочным освобождением. Меня выпускают, Ковалеву делают строгое внушение. Его досада и злость всех других моих врагов на «любимчика» начальства не исчезнут! За мной будут продолжать следить в десятки глаз, ждать случая, что я оступлюсь, нечаянно нарушу что-нибудь! Зачем мне это, Ольга Владимировна?

- Ну, коли так! – вздохнула Дитятева.

- Именно так! К тому же могу открыть вам «страшную» тайну: буквально через два месяца истекает пятилетний срок моей каторги, одна треть определенного судом наказания. И по закону я получаю право выйти на поселение – то есть становлюсь практически свободным человеком – правда, без права покинуть этот остров. Боже мой, Ольга Владимировна, вы только представьте – через самое скорое время я смогу сбросить этот проклятый каторжный халат! Мне не надо будет соскакивать с тротуара в грязь всякий раз при встрече с чином местной администрации! Так что пусть все идет так, как идет, Ольга Владимировна!

- Вы лучше меня знаете эту жизнь, Карл Христофорович.

Простите, ежели сказала что не подумав. Конечно, поступайте так, как считаете нужным, но… Я полагаю, что, узнав о вашем несправедливом наказании, господин Таскин все равно накажет Ковалева!

- Ну и пусть! Господин Ковалев в этом случае все равно будет доволен тем, что я отсидел трое суток! Лучше расскажите, Ольга Владимировна, как ваши дела? Что с амбулаторией? Когда начинаете прием?

Дитятева просидела вместе с Ландсбергом в карцере почти два часа. И только долгое деликатное покашливание потерявшего вконец терпение надзирателя заставило Ольгу Владимировну подняться и распрощаться.

Оставшись снова в одиночестве, Ландсберг с досады даже ударил себя кулаками по голове: и случай-то был удобный, и разговор о продолжающихся приставаниях к Дитятевой в посту затеялся… А он так и не решился предложить ей фиктивное замужество. Почему?

Да и надзиратель Дронов, проводив посетительницу и снова зайдя к Ландсбергу, словно вскользь заметил:

- Уезжать бы надо отсель госпоже Дитятевой. Проходу ведь не дают ей наши постовые донжуаны… Впрочем, не мое это дело…

Успокоившись, Ландсберг сам ответил на свой вопрос: до прибытия последнего парохода осенней навигации на Сахалин еще есть немного времени. Если Ольга Владимировна поймет за это время, что ее затея с амбулаторией зряшная, у нее остается возможность уехать отсюда. И в этом случае замужество, даже фиктивное, будет только связывать ее.

Чиркнула спичка, табак в папиросной гильзе затрещал и пустил первый ароматный дымок. Привычно усевшись на нары, Ландсберг снова начал вспоминать…

Ретроспектива-11
Заговорщики

Дежурный адъютант Изотов, получив срочное распоряжение разыскать и доставить на Гороховую Судейкина, почтительно щелкнул каблуками, но в дверях позволил себе чуть задержаться: Дрентельну иногда нравилось, когда подчиненные оглашают вслух его точку зрения. Мнение же о полковнике Судейкине было на Гороховой единое: небесталанная, но все-таки сволочь. Мужлан, с которым и дел-то иметь не хочется.

Чуть сдвинув соболиные брови, ротмистр задержался в дверях и повернулся в начальству.

- Позволю себе предположить, ваше превосходительство, что в это время полковник Судейкин чаще всего бывает в э… малопотребном виде…

Изотову не повезло: шефу нынче было не чьих-то оценок и выводов. Дрентельн с неприязнью глянул на красавчика-жандарма: и этот туда же! Как будто он, Дрентельн, не знает досконально всех привычек своих офицеров! Чистоплюй! Только и умеет каблуками щелкать – а на оперативной работе показал себя полнейшей бездарью.

- Ротмистр, я выразился, кажется, достаточно ясно: Судейкина ко мне! И немедленно! – Дрентельн повел глазами в сторону массивных часов. – У вас два часа, ротмистр! Если через сто двадцать минут Судейкина не будет у меня в кабинете, следующее письмо родителям и жене вы будете писать откуда-нибудь из Хивы или Ташкента. А если вы убеждены в «непотребном» состоянии полковника, то захватите с собой Прохора. Это, кстати, можно сделать безо всяких напоминаний с моей стороны.

Ротмистр испарился, и через пару минут до слуха Дрентельна донесся бешеный перестук копыт и грохот колес закрытой кареты,

которую на Гороховой называли не иначе как «прошкиным экипажем». Этот малоразговорчивый ночной сторож давно уже был известен еа Гороховой как мастер приводить в чувство самого запойного пьяницу, буде он понадобится начальству. За 5 – 7 часов он делал из пьянчуги «огурчика». Но и за час-полтора, благодаря отвратительному на вкус настою по своему тайному рецепту, прошкины «пациенты» обретали потерянную было ясность ума и по крайней мере внешним видом не оскорбляли чувства начальства.

Тем временем Дрентельн скинул мундир на руки сторожа, спросил у него же стакан крепкого грогу и уселся на любимое кресло у камина. Задачку ему Победоносцев, что и говорить, задал непростую!

Александр Романович Дрентельн хорошо помнил время вступления Александра Второго на престол. Взоры всего русского народа были устремлены на нового монарха с надеждой. Ну еще бы: этот новый просвещенный монарх, столь отличный от своего отца, истинного самодержца, поведет Россию новыми путями.

И надежды эти, казалось бы, стали сбываться! Полуазиатская Россия стала приобретать в глазах просвещенной Европы достойное великого государства обличье.

Но вскоре время всеобщих восторгов стало проходить: если простой народ боготворил своего монарха, то русское дворянство и аристократия серьезно призадумалось. Уж слишком добрым и либеральным оказался новый царь! А его упорство в движении по избранному пути неминуемо должно было привести к ущемлению прав дворянства.

Консерваторы были в шоке – сначала в тихом. И в самом деле: мало-помалу, но дворянство неуклонно отодвигали от дел и правления. Примириться с этим было никак невозможно, и консерваторы ждали только удобного момента для открытого высказывания против нового монарха. Такой момент, к несчастью для Александра Второго, дала вторая Русско-Турецкая война. Положившая в могилы сотни тысяч солдат, победоносная, казалось бы, Восточная кампания привела Россию к величайшему фиаско, потере завоеванных великой кровью позиций в международной политике.

Александр Второй чувствовал себя на троне все более и более одиноким – Дрентельн почти физически ощущал его одиночество. Дворянство же все сильнее сплачивалось вокруг наследника царствующего императора, в открытую осуждавшего многие начинания отца.

Конечно же, чисто по-человечески Дрентельну несчастного «монарха-одиночку» иногда было даже жалко: Александр Романович не понаслышке знал – что такое быть одиноким. Бывали и минуты, когда в душе шефа жандармов доминировало злорадство: назвался, брат, груздем – полезай-ка в кузов. Чаще же всего отношение Дрентельна к царствующему монарху можно было определить словами «опаска» и «неопределенность». В особой мере это касалось отношений Александра Второго с княгиней Долгорукой.

Дрентельн – в который уже раз! – вспомнил, как в одночасье рухнула карьера графа Шувалова. И хотя у Александра Романовича и в мыслях-то не было надоедать вниманием возлюбленной царя либо докучать ей слежкой – но положение-то, что ни говори, обязывало! Царь, без сомнения, не простит шефу жандармов слишком плотную «опеку» голубыми мундирами и своей особы, и Долгорукой в особенности. А как без «опеки? Не дай Бог, что случится с нею – и тут Дрентельну головы не сносить. Спросят: куда смотрел? Как государеву службу исполнял?! Тут уже посольством в Лондон не отделаешься, нет!

Так что по всем раскладам выходило, что заговор, предложенный Победоносцевым, был Дрентельну как никогда кстати. Служба у Наследника престола – ясней ясного. Пьяница горький? Да и черт с ним, с вином! Пусть хоть захлебнется! Тем более, что будущую царицу, свою законную жену, Александр Александрович явно побаивается. Да, это тебе не Иван Грозный – тому только посмотреть на жен хватало – и те сразу «под лавку». А кто не успел схорониться – того на плахе уж с топором дожидаются…

Дрентельн отхлебнул остывающего грога, хотел было кликнуть сторожа, «обновить» стакан, но передумал. Сейчас, как никогда, голова должна быть ясной, мысли трезвыми и прозрачными.

То, что Победоносцев не захотел встречаться с Судейкиным,

душой будущего заговора – это он, конечно, молодец! Сообразил, подлец! Плохо, что совсем в стороне Константин Петрович вроде остается – но это дело времени. Привяжем-с!

Самому Дрентельну первые (или даже вторые-третьи) роли тоже ни к чему. Не тот случай. В то, что Наследник престола якобы хорошо отозвался о нем, Дрентельне, Александр Романович, разумеется, не поверил. И верить не собирался. Даже если допустить, что Победоносцев хочет «убрать» Александра Второго с благословения его же сыночка – сие допустимо, но весьма сомнительно. Духу у пьянчуги не хватит отца в могилу подталкивать, хоть и чужими руками. Старый лис тоже мягко стелет – но если заговор обернется удачей, спасать того, кто по долгу службы уберечь царя должен был, он не станет. Тем более, что сам к «спасителю Отечества» с противоположной просьбой обратился. Так что в лучшем случае – почетная отставка. А он, Дрентельн, сам о себе, родимом, подумать заранее должен. И крепко подумать!

Дрентельн подошел к темному окну за тяжелой шторой, потянул за форточный шнурок. В кабинет тугой холодной волной хлынул ночной сырой воздух. И шум нарастающий вместе с воздухом в кабинет ворвался.

Однако! Дрентельн усмехнулся, снова мельком глянул на часы. Ротмистру Изотову-то очень не хочется в Ташкент перебираться! Или просто повезло – Судейкин дома да трезвым оказался…

Ротмистру, меж тем, действительно повезло: в тот самый вечер Судейкин, выдув полбутылки коньяку, совсем было собрался идти коротать вечер в заведении мадам Шольцер. Однако судьба распорядилась иначе, и к нему явились посетители. В дверь робко позвонили, и денщик, криво улыбаясь, доложил, что барина спрашивает какая-то девица. Из современных, уточнил он. Значит, стриженные волосы, папироса в зубах и на добрый час пространных разговоров о том, как жить дальше и что делать.

Надо заметить, что квартира, где обитал нынче полковник Судейкин, была самая что ни на есть конспиративная. Одна из многих. Здесь полковник проживал под видом штабс-капитана Семенова, якобы уволенного в отставку за некие «таинственные воинские нарушения» и «легкомыслие». Здесь же по четвергам

традиционно собирался кружок молодежи, из которого Судейкин со временем твердо рассчитывал в будущем организовать звено тайной террористической организации.

Как и многие остатки кружков и обществ «шестидесятников», «берлога» Судейкина служила своеобразной отдушиной для части молодого взбулгаченного петербургского населения. Как и везде, здесь до хрипоты спорили о лучших способах служения народу – по большей части народу абстрактному. Ели купленные вскладчину колбасу и булки, собирали гривенники на перевоспитание проституток и организацию для них швейных мастерских. Строчить на машинках, меж тем, проститутки не желали, привыкши зарабатывать гораздо более привычным способом. Нанятые для руководства мастерскими директора крали вовсю, и быстро доводили «островки народного капитализма» до полного банкротства.

Кружковцам, по сути дела, оставалось только продолжать строить воздушные замки, ругательски ругать власти – или махнуть рукой на свое «ребячество» и вернуться к привычному образу жизни. Впрочем, наиболее отчаянные головы становились на путь террора – или, по меньшей мере, усиленно искали дорогу к «настоящим» людям с бомбами и револьверами. Вот тут-то полковник Судейкин и был как рыба в воде!

По мере сил и возможностей он посредством многочисленных знакомств пополнял ряды революционеров и нигилистов молодыми людьми, вводил в столичные тайные общества рьяных, но по большей части бестолковых горячих провинциалов, с удовольствием посещал чужие «вторники» и «четверги» и слыл у молодежи чудаковатым, староватым, но «своим в доску» единомышленником. Причем единомышленником всегда при деньгах – разумеется, Судейкин, снабжая нуждающихся «революционеров» небольшими суммами, про себя потешался тем обстоятельством, что инакомыслие в северной столице развивалось и питалось, в числе прочего, и за счет тайных фондов полиции и жандармерии.

Соответствующим образом был экипирован и проинструктирован денщик Судейкина. Как и барин, он обычно щеголял в косоворотке, низких сапогах, даже отпустил курчавую

бородку и при случае доверительно представлялся бывшим крепостным барина, а «теперича» единомышленником и ближайшим помощником, Филиппом Сергеевичем. Для близких людишек (и барина, разумеется) – Филькой.

Услыхав от Фильки о пришедшей барышне, Судейкин мгновенно перестроил планы на вечер. Ругаясь сквозь зубы, он сорвал визитку, белоснежную манишку с галстуком, приличные брюки и облачился в проклятую косоворотку и нечищеные сапоги. Переодеваясь, Судейкин сумел мельком глянуть в тайное окошечко на гостью и порадовался, что не успел никуда уйти. Гостья была девятнадцатилетней дочерью провинциального предводителя дворянства, порвавшая со своими родителями. В Петербурге она отчаянно пыталась представить себя этакой сорви-головой, плюющей на весь мир и его условности. К чему платить девкам мадам Шольцер, если все то же самое можно было получить от девицы, панически боявшейся прослыть «старорежимной дурой» с отжившими понятиями?

- Проси дуреху в столовую, - прошипел Судейкин Фильке. – А на кухне быстренько сообрази что-нибудь этакое. Попроще, без шампанского. Ну, духом!

Филька понятливо хихикнул и исчез. Ему чрезвычайно нравилась такая служба. Тем более, что если очередная девица почему-либо упрямилась и дело доходило до усыпляющих капель, то кое-что доставалось в финале и ему, Фильке…

- Наталья Александровна, какими судьбами? – взлохматив волосы, Судейкин придал себе озабоченный и рассеянный вид. – Кого, признаться не ожидал сегодня видеть, так это вас!

Вскоре в разговоре выяснилось, что Наталья Александровна пришла к «старому верному другу» не просто за советом, но и по серьезнейшему делу. С живейшим любопытством Судейкин узнал (из многозначительных недоговорок), что совсем недавно дочь уездного предводителя дворянства, начавшая было разочаровываться в «бурной столичной жизни», познакомилась с двумя молодыми людьми, озаренными настоящим Делом! Эти двое молодых людей (тоже в недавнем прошлом провинциалы) задумали серьезно «встряхнуть сонную столицу». И проблема была только в одном:

«террористы» не знали, где им раздобыть оружие, а, лавное, взрывчатку. Добыв им все это, Наталья Александровна стала бы сразу своим человеком и одновременно приобщилась бы к настоящему Делу.

Судейкин еще больше взлохматил волосы и внутренне усмехнулся: только в подвале этой конспиративной квартиры у него хранилось полтора десятка жестянок с «гремучей ртутью», конфискованные в свое время у террористов. Поделимся – какие проблемы! Дело было явно на мази!

- Трудное и опасное дело, - нахмурился он. – Знаете, мне надо подумать, Наталья Александровна. Ну, а пока… Вы, вероятно, еще не ужинали? А мы с Филимоном как раз собирались по-холостяцки перекусить. Не побрезгуете? Заодно и о дельце вашем поговорим.

Несколько оживившись после двух-трех бокалов дешевого лже-французского вина, гостья еще прочнее укрепилась в своем намерении во что бы то ни стало добыть желанную взрывчатку. Судейкин, поломавшись, признался, что мог бы помочь – и тут же завел разговор о мужском одиночестве, отсутствии женской ласки и внимания, а заодно и о барышнях, которые исповедуют истинную свободу только на словах. А вот когда доходит до дела – то они элементарно трусят. Или проявляют свою «мелкобуржуазную сущность замаскированных самок».

Чтобы разговор шел легче, Судейкин велел Филимону принести из подвала одну из «страшных» жестянок – впрочем, ради предосторожности наполнена жестянка была обыкновенным кондитерским желе. Экзальтированная Наталья Александровна, увидев «бомбу», пришла в восторг и была готова немедленно за нее отдаться. Ее смущало пока что сходство намечаемой «сделки» с извечной работорговлей между мужчиной и женщиной. Судейкин послал Фильку за второй банкой и придвинулся к гостье поближе, самым недвусмысленным образом расстегивая пуговички на ее кофте.

В этот момент в парадную дверь громко заколотили. Стучали, по всей вероятности, кулаками и сапогами одновременно, и Судейкин мгновенно осознал, что таким способом наносят визиты одни лишь коллеги-жандармы. Кляня этих коллег на чем свет стоит,

он велел Филимону открыть дверь и прояснить недоразумение, а сам препроводил перепуганную гостью в спальню, велев сидеть мышкою и ни в коем случае никуда не уходить – даже если ему придется вдруг отлучиться.

Наталья Александровна же, убежденная в том, что ее смелого друга пришли арестовывать, не желала прятаться в спальне. А, наоборот, была полна решимости разделить «горькую судьбу» Судейкина. Пришлось дать ей для успокоения приготовленный Филькой опий и уговорить хотя бы подождать в спальне – в чем, собственно, дело?

Филька пошел открывать. Порой он так входил в роль, что забывал о своей истинной сущности тайного агента и держался с полицией и чужим начальством дерзко и вызывающе, как и подобает истинному народнику.

- Барин занят. Барышня у него, - попытался было Филька остановить порученца Дрентельна.

Однако ротмистру Изотову очень, как и догадывался Дрентельн, не хотелось ехать в Хиву. Недолго думая, он свалил полковничьего денщика ударом кулака и потребовал немедленно представить ему Судейкина.

- С-скотина! Мразь! – бушевал ротмистр. – С барышней он, видите ли, занят! Передай: Сам его немедленно требует! Александр Романович – и немедленно!

Звучно отсмаркиваясь кровью, Филька побрел за барином, успев сообразить по дороге, что все, что сейчас ни делается, только к лучшему. Полковника увезут к начальству, скорее всего – до утра, а девица, успевшая хлебнуть вина с опием, останется здесь, в полном Филькином распоряжении, к его удовольствию. А «юшка» из носа – что ж, покапает, да и перестанет…

Судейкин тем временем успел замкнуть толстенную, звукоизолированную двойную дверь спальни и поспешил мимо Фильки к разгневанному порученцу Дрентельна, успев отметить, между прочим, и разбитый вдребезги денщиков нос.

Ротмистр, открывший уже было рот для громкого рапорта, вгляделся в надвигающегося на него Судейкина – и только звякнул шпорами, откашлялся. А уж барышня бы как удивилась! За

мгновения Судейкин стал совсем другим, нежели улыбчивый и любезный друг недавней барышни. Светлые волосы были гладко зачесаны к затылку, под рыжеватыми длинными «хохляцкими» усами подковой едва шевелились тонкие губы. Прищуренный взгляд тоже не обещал ничего хорошего.

- В чем дело, любезнейший? – процедил Судейкин, остановившись напротив порученца так близко, что тот невольно сделал шаг назад. – В чем дело?! Вы врываетесь в квартиру начальника жандармского управления Петербурга как в кабак, да еще в сопровождении этой швали, - Судейкин кивнул на топчущихся сзади двух конвойных казаков и прихваченного неизвестно для чего с ближайшего угла городового. – Вы чуть не разбили – надеюсь, стучали головами! – мою парадную дверь и наверняка перебудили целый квартал…

- Осмелюсь доложить: срочнейшее поручение его высокопревосходительства господина Дретельна…

- Молчать! Вы не могли не знать, что занимаемая мной квартира проходит по управлению как конспиративная! Даже столь тупой башке, как ваша, должно быть понятно, что для прочих обитателей квартала я не полковник Судейкин, а разжалованный штабс-капитан Семенов. Вернее – был таковым до сих пор! Легенда создавалась годами, стоила немалых казенных сумм – и что теперь? Сомневаюсь, ротмистр, что пославший вас шеф Корпуса уполномочил вас именно на такой способ выполнения его срочного, не сомневаюсь, поручения!

- Виноват, господин полковник!

- Ма-алчать! Всю шваль – вон отсюда немедленно! – казаки и городовой, толкаясь и стуча шашками, устремились к выходу. – И не отирайтесь там всей толпой под дверьми! Уроды, Господи прости! – Судейкин вспомнил и о своем денщике. – А кто вам позволил, ротмистр, лупасить по мордасам моего верного человека? Тоже господин Дрентельн?

- Виноват, господин полковник!

- Что вы заладили – «виноват», «виноват»! Конечно, виноват. Вы просто глупец, ротмистр! Сколько вам лет?

- Тридцать второй годок, господин полковник.

- Тридцать второй, - грустно повторил Судейкин. – Нет, вы уже

не поумнеете. Разве что в Тобольске, куда на днях, если не ошибаюсь, отправляется очередная воинская команда… Я прослежу, ротмистр, чтобы вы непременно отправились вместе с ней. Каторжники и ссыльные – лучшая компания для таких, с позволения сказать, жандармов!

Судейкин помолчал, подошел вплотную к порученцу.

- Своим визитом вы мою прервали агентурную работу с некоей барышней. Да не то что вы подумали – это давно искомый мной выход на совершенно новую для северной столицы группу террористов. Что, по-вашему, ротмистр, она скажет своим товарищам? А? Что к верному их человечку запросто заходит жандармский офицер. А? Полгода работы – псу под хвост! А новая квартира? Новая «легенда» для меня? Не-ет, ротмистр, Тобольском вы, пожалуй, не отделаетесь! Я давненько уже обращал внимание его высокопревосходительства на то, что глупость в России побиваема только рублем! Да-с! Я сегодня же напишу на имя Александра Романовича подробнейший рапорт с обоснованием своей точки зрения. Новая «конспиративка» – за счет виновного. Плюс – крупное пожертвование в пользу… ну, скажем, призреваемых сирот одного из попечительского обществ. Нет денег? Отрабатывайте долги в Сибири-с!

Ротмистр, опущенный уже ниже некуда, подавленно молчал. Сейчас и Туркестан стал представляться ему несколько в другом свете.

- Ладно, - сменил было гнев на милость Судейкин. – Что там стряслось-то? Действительно срочное что-то?

- Не могу знать, господин полковник. Известно только, - ротмистр понизил голос до верноподданнического полушепота. – Известно только, что Александр Романович ужинал сегодня с господином Победносцевым. И, вернувшись, немедленно распорядился насчет вас…

- Час от часу не легче, - пробормотал Судейкин. – Наверное, действительно надо поспешать. Что у вас, ротмистр? Свободная лошадь или карета? Переодеться, видимо, не успею…

- Карета, - чуть помедлив и вспомнив проклятого Прохора с его снадобьем, ответил ротмистр.

- А в карете Прошка со своей отравой для вытрезвления? – немедленно догадался и вновь взъярился Судейкин. – Ваша идея, ротмистр? Признавайтесь!

Ротмистр отчаянно замотал головой и хотел было вновь все свалить на шефа – но, вспомнив уже проявленную нынче ненужную свою инициативность, промолчал.

- Твоя, значит! – уверился Судейкин и весь передернулся, вспоминая ужасный вкус прошкиного похмельного снадобья, не единожды им пробованного. Но сегодня был случай иной, можно было бы угостить врага его же «конфеткой». – Ладно, ротмистр! Сядем в карету вместе. И – уговор: хочешь, чтобы я тебя простил? Не хочешь в Тобольск? Сам всю эту прошкину отраву тогда выпьешь!

- Господин полковник! – нарочито жалобно, еще не веря в собственную удачу, запросил ротмистр. – Помилуйте! Уж лучше пожертвование сироткам!

- Не-ет, брат! Ты у меня сиротками не отделаешься! – совсем развеселился полковник. – Рыл другому яму? Вот и пожалуй туда сам! Оценишь на вкус прошкино снадобье, будь оно неладна вместе с ним!

* * *

Дрентельн встретил полковника сумрачно-равнодушным взглядом. Не отходя от камина с ног до головы оглядел ладную фигуру Судейкина в разночинном платье, хмыкнул.

Вот она, военная косточка, подумал Дрентельн. Офицера хоть в косоворотку одень, хоть в татарский халат – не спрячешь! Жестом указал полковнику на кресло у приставного стола, а сам, не спеша отомкнул громадный книжный шкаф, в глубине которого таился сейф немецкой работы. Из потайного отделения сейфа Дрентельн достал две тоненькие папочки разных цветов и без всяких надписей и пометок. Уложил папочки перед собой на середину письменного стола – одну на другую. И лишь потом поднял на Судейкина тяжелый взгляд.

- Почему осмелились, Георгий Порфирьевич, в партикулярном платье к начальству явиться? Думаете, что самого Бога за бороду держите? А ежели бы речь шла о высочайшей аудиенции, коей вы давненько, насколько я знаю, добиваетесь? А? Вот и накрылась бы

долгожданная аудиенция!

Судейкин от напоминания о больном для него вопросе чуть поджал губы, передернул плечами:

- Денно и нощно приходится с разночинной мразью работать, Александр Романович! Забыл, когда парадный мундир и одевал в последний раз. Да и вызов ваш срочным был, как передали – не осмелился задержаться хоть на минуту.

- Не осмелился, говорите? – снова хмыкнул Дрентельн. – Ну, не жандармский Корпус у меня, гляжу, а бурсацкий класс выпускной… Ладно, полковник, ваше усердие на службе мне известно, для порядка ворчу иногда. Боюсь только, что переусердствуете единожды. Пьете много? – неожиданно переменил тему Дрентельн, опуская глаза на верхнюю папку перед собой.

- Ума, чай, не пропиваем, - смело усмехнулся Судейкин.

- Оч-чень в этом стал сомневаться, Георгий Порфирьевич, - тут же возразил шеф жандармов и раскрыл, наконец, верхнюю папочку. – Читаю, Георгий Порфирьевич – и умом своим постигнуть не могу! «Довожу до сведения вашего высокоблагородия, что июня 2-го числа сего года полковник Судейкин, будучи пьян до невменяемости…». Впрочем, прочтите сами – извините, мне противно. И страшновато от вашей дерзости, господин полковник!

Дрентельн щелчком передвинул Судейкину верхнюю бумагу из открытой папки.

- Это что же такое, Георгий Порфирьевич? – шеф жандармов заходил по кабинету, звякая звездами орденов на по-прежнему расстегнутом мундире. – Что же это такое – вы мыслите о создании в Санкт-Петербурге тайной революционной организации, абсолютно не подконтрольной ни полиции, ни нашему ведомству. С вами в главе, насколько я понимаю! Цель – злоумышление на царствующего монарха и его ближайшую августейшую родню. Нет, я понимаю – вы были пьяны. До омерзения пьяны, иначе столь дерзкий план просто не мог и появиться!

- Ваше высокопревосходительство… Дозвольте объяснить, господин генерал… Честь офицера порукой, что и в мыслях не было доводить сей безумный план до конца! Верой и правдой, сами знаете, Александр Романович!

- Запомните, Судейкин! Никакие, повторяю! – никакие заслуги не могут служить оправданием столь опасному и рискованному для русской монархии делу. Столь явной угрозе! Даже поверив в отсутствие у вас собственных черных замыслов – а таких людей, уверяю, найдется очень немного! – трудно оценить степень риска, которому ваше самомнение и легкомысленность подвергает августейшую особу.

- Глаз бы не спустил!

- Да замолчите, наконец! «Глаз бы не спустил»! Ну, а с вами что случись, не дай Бог? Ведь это означает, что в Северной столице будет существовать опаснейшее, бесконтрольное и, самое главное, не известное никому гнездо ядовитых гадов, готовых ужалить в любой момент! Вы хоть это способны осознать, отчаянная вы головушка?!

- Осознаю, раскаиваюсь и посыпаю головушку свою дурную пеплом и нечистотами, - сверхъестественным своим чутьем уловив послабление в голосе начальства, уверенно заблажил Судейкин. – Не извольте беспокоиться – сия мысль, действительно посетившая меня под влиянием Бахуса, по трезвому размышлению давно оставлена и отринута!

- «Отринута»! Эх, Судейкин, Судейкин! Да ты хоть понимаешь, что, дай я этой бумаге ход – никакие заслуги тебя от Сибири не спасли бы, а? А то и похуже чего. Понимаешь ли?

- Понимаю и испытываю признательность как к отцу родному, Александр Романович! Только вы и способны поверить в искренность моих чувств.

- Да верю, верю! Вот только уразуметь до конца не могу, на что тебе так эта царская аудиенция надобна, что ты и головой своей пожертвовать ради нее готов. Вот я каждую неделю, почитай, царя вижу – и что же, легче мне живется? Близость к сильным мира сего, Судейкин, есть посох о двух концах. За один держись, да жди, чтобы второй тебя не треснул в самый неожиданный момент. – Дрентельн помолчал, покрутил толстой шеей и неожиданно спросил. – Ну, хочешь, представлю я тебя царю? Хочешь?

- Господин Дрентельн! Александр Романович, отец родной! Заставьте до конца дней Бога за вас молить!

- А что? – как бы размышлял вслух Дрентельн. – Человек ты заслуженный, тебя обласкай – втрое больше сделаешь…

- Истинно, Александр Романович! Истинно так!

- Все бы хорошо, господин полковник, да момент для представления мы с тобой, боюсь, упустили. Новое злоумышление на государя имело место перед самой его поездкой в Ливадию, сам знаешь. Вернее – явилось основанием для этой поездки. И уж тебя-то снова государю расписали как нельзя хуже… Слушай, Судейкин, давай-ка начистоту с тобой поговорим, как профессионалы. Но – строго между нами, понимаешь ли?

- Так точно, понимаю!

- А вот я не понимаю, Георгий Порфирьевич! – понизил голос Дрентельн. – Ей-богу, не понимаю – как наш государь до сих пор, несмотря ни на что, в живых пребывает? И не бережется особо, да и ближняя охрана, чего уж там! – Дрентельн махнул рукой. - Неужто, Георгий Порфирьевич, и впрямь наш Александр Николаевич, как он сам уверяет, божий любимец, пользующий небесной благодатью и неприкосновенностью? Ты глянь-ка, Георгий Порфирьевич, вот досье с доносами специальных полицейских агентов и надзирателей со столичных рынков. Глянь-ка: только с начала нонешнего года у торговцев на рынках и даже в пристойных лавках и магазинах Санкт-Петербурга выявлено около трехсот предметов разной стоимости из царских дворцов. Воруют, сволочи! Чашки, рюмки, серебряные ложки и вилки с царскими вензелями. Табакерки членов царствующей фамилии, кошельки, шкатулки…

- Не убудет небось, раз охрана такое допускает.

- Да не об убытке я, полковник! Черт с ними, с этими побрякушками – действительно, от царя не убудет. Хотя вещи порой умыкают просто уникальные. Я о другом думаю: раз из Зимнего с такой легкостью тарелку из царского сервиза украсть можно – значит, и туда лихой человек может что хочешь пронести! Бомбу по частям протащат – никто и не почешется. Любая дырка два конца имеет, сам знаешь: с одной стороны вход, с другой выход.

- На то дворцовая охрана есть, Александр Романович, - словно бы украдкой, но нарочито, чтобы разозлить начальство, зевнул в рукав Судейкин. – Вы про другое говорили, кажись…

- Про другое! - легко согласился Дрентельн. – Про недоумение, возникающее у каждого мало-мальски здравомыслящего человека относительно везучести нашего благословенного монарха. Как думаете сами, полковник?

- А тут и думать особо нечего, ваше высокопревосходительство! В России всё по-дурацки завсегда делалось и нынче делается – вот вам и вся царская везучесть! Я ведь, ваше высокопревосходительство, каждый божий день с этими бомбистами и нигилистами чуть ли не в обнимку хожу. Все про всех знаю. Болтать языками все горазды, спору нет! А как до настоящего дела доходит – так у наших вольтерьянцев да нигилятины сплошные помехи и недоразумения встречаются. Одному «прынципы» не дают в живого человека стрельнуть, другой бомбу ни за что не бросит, чтобы кого безвинного не зацепило. Вот совсем недавно история вышла – чуть со смеху не лопнул, ваше превосходительство! Приехали в столицу в феврале, дай Бог памяти, два этаких «матерых террориста» из Вологды, царя убивать. Стало быть, какой-то ихний верховный вологодский орган террористический такое решение принял. Ну, потыкались-помыкались эти двое по столице – стали связи местные искать. Куда без связей-то, ваше высокопревосходительство? Ни маршрутов царских, ни расписания государя не знают, ни системы охраны. Верите ли – у городовых уже начали выспрашивать – где царь гуляет обычно? Ну, местная революционная братия приезжих под наблюдение, естественно, взяла. А на контакт не идут с приезжими – провокаторов опасаются, ученые же! Ну, пришлось маленько помочь: тем более, что один из приезжих террористов знатным стрелком оказался…

- Как это – помочь? Ты что, с ума спятил, полковник?

- Да вы не извольте беспокоиться, ваше высокопревосходительство! Наш умишко всегда при нас. Главное ведь что – из вида подобную публику не потерять. Чтобы завсегда знать – где находится, о чем думает. В общем, устроил я им встречу со столичным революционным руководством. Дальше – самое смешное начинается, ваше высокопревосходительство. Сошлись местные с приезжими – дискуссию устроили для начала. Программы свои давай сравнивать да сопоставлять. И кончилось все тем, что

столичные террористы не признали идей вологодчины достойными воплощения. Осудили их промеж себя и отправили субчиков в провинцию свою вместе с их грозными планами. Там-то их, голубчиков, и арестовали – по моему циркуляру. Стрелку тому знатному при аресте глазик «случайно» повредили – на всякий случай, ваше высокоблагородие. Чтобы, значит, ежели вдруг наплюет на резолюцию – чтобы не то что в царя – в забор бы с десяти шагов попасть не смог бы…

- Опасный ты, однако, человек, Судейкин! – усмехнулся Дрентельн. – Опасный и предусмотрительный, не ошибся я в тебе. Ну, а вот скажи как на духу: если бы ты, не дай Бог, на царя замыслил бы вдруг покуситься – как действовать стал бы? Чтобы наверняка, а?

Судейкин покашлял в густые усы, скрывая улыбку. Лоб широкий наморщил – сделал вид, что задумался. Давно он уже дважды два перемножил, все понял. Слава господу, ротмистр-дурак про встречу шефа с Победоносцевым проговорился – еще один кусок мозаики на место свое встал. И папочку вторую шеф напрасно под верхней прячет, краешек-то высовывается. Острый глаз Судейкина давно уже определил, что папочка-то нижняя – из Литовского тюремного замка: только тамошний смотритель бордовую кожу с тиснением на свои бювары употребляет. Дальше совсем просто: из интересных шефу жандармов людишек в Литовском замке только один сегодня пребывает. Тот самый офицер-сапер, который ростовщика (тут Судейкин ошибался!) с прислугой зарезал, и был шефом полиции Путилиным пойман. Офицерика того, Судейкин слышал, застрелиться товарищи его полковые хотели понудить, да тот не стал. Жить, стало быть, любит. И справедливость понимает офицерик – по-своему, правда. Показали по секрету совсем недавно Судейкину копию того письма, снятую ушлым тюремным писарем. Смелое письмо, адресатом следователь окружного суда назван, а на самом деле государю офицерик писал. Вот только дошло ли то письмецо до истинного адресата? До царя-то?

Очень хотелось Судейкину все как на духу выложить, показать начальству силу своего мышления. Да вот беда: не любит начальство очень умных подчиненных. Опасается таких. Значит, и спешить

Судейкину совсем некуда, партию свою разыгрывать следует с умом, не торопясь. Тем более, что не все карты шефа жандармов полковнику известны пока. Ну-с, молчать больше нельзя. Судейкин еще откашлялся – на сей раз без улыбки.

- Истинную угрозу для нашего монарха может на сегодняшний день представлять не длинноволосый нигилист либо стриженая девица, а опытный, хорошо знающий жизнь человек, ваше высокопревосходительство. Лично я боюсь боевых офицеров – вот их сколько недовольных после второй Турецкой кампании развелось! Боевой офицер оружием мастерски владеет, хладнокровен, рисковать понапрасну не станет. А уж если взрывное дело знает – тогда такой офицер вдвойне опасен, ваше высокопревосходительство. Одна тут закавыка, Александр Романович: офицер присягу царю и Отечеству принимал. И очень, полагаю, того офицера царь и Отечество наше обидеть должны, чтобы он о своей присяге забыл. Чтобы спиной к ней повернулся, ваше высокопревосходительство! Чтобы проникся либо идеями нигилистов, либо такой ненавистью к царствующей особе, что далее некуда. Вот таков человек на сегодня страшен, разумею.

- Верно рассуждаете, полковник! – Дрентельн наконец вытянул нижнюю папку в бордовом переплете, самолично отнес к столику у камина. Достал из шкафа пузатый штоф, негромко вроде позвал сторожа – тот мгновенно вырос в дверях. – Сообрази-ка нам, братец, к горькой закуски соответствующей, без марципанов. Ну, рыжиков там соленых, огурчиков. Соображай, в общем – пока господин полковник читать документы будет. Господин полковник, я не ошибаюсь? Русскую монархию иностранные горячительные напитки не спасут. Тут и мысли нужны горькие, пронзительные. Ну, читай, читай, Георгий Порфирьевич. Это пока все, что есть на Ландсберга. Небогато, понимаю – ну, а с другой стороны, ты-то у нас на что, гений русского сыска? Читай, читай!

Бумаг в папке, действительно, было немного. К тому же большинство Судейкину уже знакомых. Интерес представляли некоторые детали учебы Ландсберга в полку, подробности дальнейшей службы в Туркестане и в Ташкенте, при генерале Кауфмане.

Добросовестно водя глазами по строчкам, Судейкин продолжал скоро размышлять. Судя по всему, шефа жандармов его идея организовать на царя серьезное покушение чем-то привлекла. А вот дальше пока был туман. Ну, с самим Судейкиным все понятно: чем серьезней и опасней враг, тем больше умения и смелости надобны для его обезвреживания. Тем больше козырей для будущей аудиенции у царя – в том, что она когда-либо состоится, полковник не сомневался.

Но зачем все это Дрентельну? Возможностей отличиться перед царем у него и без Судейкина предостаточно. Эвон, вся грудь и даже верхушка чрева в орденах. Победоносцев, опять-таки! Его лютая ненависть ко всем нововведениям монарха общеизвестна и особо не скрываема. Неужели?..

- Ну, что скажешь? – Дрентельн выпил водки, со вкусом сжевал пару ядреных рыжиков, жестом предложил и Судейкину: не стесняйся, мол! Пей, только не молчи!

- А что тут говорить, Александр Романович? – Судейкин рюмку свою пригубил, на закуску жалкую только покосился. – Что тут говорить? По своим боевым и деловым качествам, по образу своего мышления и воспитания фон Ландсберг лично мне подходит. Опасный он человек. Опасный и хладнокровный. Но на царя руку, полагаю, не поднимет. Власова со старухой он от безвыходности ситуации убил. А император, извините, чем ему дорогу перешел? Суд еще впереди, приговор свой Ландсберг, полагаю, опротестовывать не будет: виноват – отвечать надобно. К тому же и Власова он, как выясняется, по ошибке зарезал. Шутки не понял – это еще ему вины для себя добавляет. Вот если бы поработать с офицериком этим…

- Так-так-так-так! Поработать! Это ты молодец, Судейкин, что понимаешь – без труда и рыбки из пруда не добыть. Как поработать-то?

- Ненависть ему надобно к императорской персоне внушить!

- Так-так-так! Ненависть, говоришь? А сможешь? Ну не тяни, Судейкин, живей рассуждай! И не стесняйся, ради Бога, все свои, чужих тут нету!

- Сие возможно, ваше высокопревосходительство! Извольте припомнить в деталях его письменное объяснение причин своего

преступления. Я уж упоминал – не следователю сие послание было обращено, а с расчетом на то, что непременно оно до самых верхов дойдет. А тем, глядишь, и до государя. Далее глядим – обида едва ли не в каждой строке. Обида и воззвание к справедливости. Почему, мол, его убийцей называют, почитают, а тех, кто европейские войны развязывает, с тысячными жертвами – только политиками? А с Круппом примерец вам каков, а? Изобретатель сверхмощных орудий, изначально предназначаемых для убийства сотен и тысяч людей – и награду от кайзера получает. А ему, Ландсбергу, за вынужденное убийство – суд да каторга.

- Интересно, интересно, Георгий Порфирьевич!

- А на трактовку окончания последней Турецкой кампании внимание обратили, ваше превосходительство? Как это у Ландсберга представлено: идут русские войска с войны, на зимние квартиры – и как их народ встречает! Венками лавровыми увенчивает, цветами засыпает – как истинных победителей чествует, одним словом! И тут же наш философ развенчивает «победителей». Какие же, мол, мы герои, ежели убивали на войне таких же людей, только другой веры и обличья? Да, по высочайшему приказу убивали – но ведь убивали же! И что же – никто ни нас, ни тех, кто приказы убивать давал – супостатами не считают. Не судят, а, наоборот – славят и чествуют… Чувствуете обиду, ваше высокопревосходительство?

- Пока ничего не чувствую, полковник. Ну, выплеснул обиду на бумагу наш философ – что из того? С ним никто спорить не станет. И уж поддерживать – тем более! Думаешь, Судейкин, самодержец наш с Ландсбергом открытую дискуссию устроит? Ответом удостоит?

- Так это же хорошо, ваше высокопревосходительство! Очень хорошо! Во-первых, полагаю, в развитие моей идеи рядом с Ландсбергом в тюрьме надобен человек, который будет его целиком и полностью поддерживать. Подогревать его чувство неудовлетворенной справедливости. И даже подначивать нашего философа. А, во-вторых, ответ от царя-батюшки офицерику можно и предоставить. Весьма обидный, бьющий по самолюбию, угрожающий – да какой угодно, ваше высокопревосходительство!

- Ну, государь в полемику с уголовным преступником вступать не будет, - усмехнулся Дрентельн. – Ты что же, липовое письмецо

предлагаешь сварганить?

- А почему бы и нет? Человечка умненького на «подсадку» я найду, есть такой на примете. Как специально для подобного случая берег! Он нашего Ландсберга будет держать в постоянном нервном напряжении, гарантирую! А тут еще оскорбительная реакция монарха обиду Ландсберга умножит, ненависть породит. Чай, найдется в нашем ведомстве лист пергамента со стола императора? И специалисты по разным почеркам не перевелись. Потом и концы в воду, разумеется – какое письмо? Какого царя?

- Допустим, Георгий Порфирьевич! Допускаю – возьмем мы с тобой на душу такой грех. А дальше как мыслишь?

- Второй «редут противника» можно любовным сделать. Прямо по сердцу нашего Ландсберга ударить! Его невеста, если не ошибаюсь, дочь Эдуарда Иваныча Тотлебена? Фрейлина Ее Высочества? Высоконько наш орел залететь задумал, а, ваше высокопревосходительство? И сие нам на руку. Невеста, полагаю, и сама теперь от жениха-убийцы откажется. А сделать надобно так, чтобы отказ опять-таки монарха не миновал. Вроде мести монаршей недостойному подданному. Скажем – довести аккуратно до офицерика, что царь, разгневанный преступлением офицера, а паче его дерзким письмом, самолично решил Марию замуж за достойного человека выдать. А тут и суд подоспеет, приговор соответствующий – полагаю, не менее двадцати лет каторги!

- Кажется, я тебя понимаю, господин полковник, - медленно произнес Дретельн. – Ну и мерзавец же ты, прости, Господи!

- Кому-то и мерзкую работу делать в России надобно, - усмехнулся Судейкин. – Да я не обижаюсь, ваше высокопревосходительство! Понимаю, что не со зла вы меня этак назвали…

- Не со зла, это точно! Извини, брат Судейкин! Давай, заканчивай свой план!

- Да все почти что уже сказано, ваше высокопревосходительство! Далее побег организуем для Ландсберга и моего человечка. Устроим на нелегальном положении в столице, как полагается. Все дадим – и бомбы, и оружие – только мсти, ненаглядный, за свою поруганную часть и обиду. Да-с! Совсем забыл

– у Ландсберга ведь семейство еще осталось. Семейство не худо бы репрессиям подвергнуть – пока офицерик наш в бегах будет. Для гарантии, так сказать!

Дрентельн залпом выпил две стопки подряд, смотрел на Судейкина пристально, не мигая. Так, что у того на душе зашевелилось какое-то нехорошее малоприятное чувство.

- Ну, а дальше что? Каков конец твоей истории, Судейкин?

- Очень даже счастливый, ваше высокопревосходительство. Когда план цареубийства будет готов к исполнению, когда курок будет взведен – вот тут и наступит время выхода на сцену некоего жандармского полковника. В последнюю минуту заслоню царя-батюшку своей грудью. Спасу его и Отечество. Ввиду серьезности намерений цареубийц буду представлен вами Его Величеству с соответствующими рекомендациями. Для пущей важности осмелился бы предложить пожертвовать парочкой министров или генералов. Ну, а самого Ландсберга с моим человечком, само собой, убирать тоже придется. Неизбежные жертвы безвыходной ситуации, так сказать.

- Сколько людей потребно для исполнения этого твоего плана? Сколько человек о нем знать будут?

- Ну, мы с вами, ваше высокопревосходительство – само собой. Человечек мой, тот самый бывший штабс-капитан. Еврейчик Моисейка, который письмо от имени Александра Второго Ландсбергу напишет… Вот с «побегом» Ландсберга пока не знаю – можно было бы организовать силами самих революционеров...

- Не надо, - жестко покачал головой Дрентельн. – Могут все испортить, слюнтяи. Свои люди должны быть, проверенные. Надежные.

- Понял и целиком разделяю ваши убеждения.

- Но ты, полковник, конечно, понимаешь, что всех лишних людишек придется «убирать»? И специалиста по почерку, и тех, кто будет побег организовывать… Так что и «ликвидаторов» придется заранее подыскивать, готовить. Ну, это я на себя могу взять – есть у меня в Одессе надежный человек. Поляк по национальности. Терпеть не люблю полячишек, но тут, кроме него никто не справится. Так что, полагаю, Георгий Порфирьевич, только двое нас остается.

Тех, кому весь этот план будет от начала до самого конца ведом.

- А Победоносцев? – дерзко усмехнулся прямо в лицо шефа жандармов Судейкин. – Вы уж простите, ваше высокопревосходительство, за излишнюю, может быть, догадливость – только ведь я не первый год замужем, как в народе говорят! Очень уж мне, ваше высокопревосходительство, симптоматическим кажется то обстоятельство, что нашей весьма откровенной беседе предшествовала ваша личная встреча с Победоносцевым.

- Что именно вам не нравится в этой встрече, полковник? Обычное стечение обстоятельств, не более…

- В такие стечения обстоятельств я не верю, Александр Романович! Вы уж простите старого пса, который все зубы на своей службе съел. С Константином Петровичем вы далеко не друзья. Да и не пошел бы на контакт шеф жандармов с Победоносцевым при его-то убеждениях. Разные у вас, ваше высокопревосходительство, и мысли, и дорожки, и будущее. Стало быть, старому лису что-то от вас понадобилось, я не ошибаюсь?

- Выдумываешь ты все, Георгий Порфирьевич! Ей-богу, слушать смешно…

- Как угодно, ваше высокопревосходительство, но своему чутью я привык доверять.

- Ну, и что же оно тебе подсказывает?

- Страшно и вслух произнести, Александр Романович! Победоносцеву-то наш нынешний монарх, чего уж греха таить, поперек горла со своими реформами. Очень Константин Петрович, слышал, за будущее России опасается. И видит это будущее спокойным только при условии, что на престоле будет нынешний Наследник, Александр Александрович… Вы знаете, ваше высокопревосходительство, мне тут мысль в голову неожиданная пришла. Разрешите поделиться?

- Давай, чего уж там!

- А ведь Константину Петровичу будет только на руку, если наш план на последнем своем этапе будет иметь иной финал, нами не предусмотренный. А, ваше высокопревосходительство?

Дрентельн махнул еще одну стопку, кивнул головой – продолжай, мол, фантазировать – а сам все внимание вроде отдал

выбору грибочков.

- Вот я и говорю, Александр Романович, планчик-то наш может совершенно иной финал иметь. Удастся нам, верю, довести Ландсберга, до белого каления, устроить ему побег. Обеспечим мы его информацией, убежищем, помощниками, бомбами – а тут нонсенс! Старый волчара Судейкин в последний момент маху даст! Не успеет царя-батюшку собой заслонить… или помешает этому что-то. Или кто-то? Тогда Ландсберг добивается успеха, у России появляется новый царь, надобный Константину Петровичу. А старый пес Судейкин, буде останется до сего времени жив, становится центральной фигурой заговора. А вы, ваше высокопревосходительство, выходите в герои. Чем не складно получается?

- Дерзок ты, Судейкин. И вообще верить друг другу надо, без веры человек жить не может.

- Это вы верно заметили, Александр Романович. Верить людям надобно иногда… И я предлагаю вам такой шаг доверия. Сейчас я напишу на высочайшее имя план оперативной разработки Ландсберга – без лишних подробностей, разумеется! Ну, скажем, так и так: мне, полковнику Судейкину, из достоверных источников стало известно о существовании некоей очень злодейской и сугубо законспирированной организации революционеров. Цель – цареубийство. Жало заговора – Ландсберг. А душа заговора – некие высокопоставленные в государстве лица, называть коих до получения исчерпывающих доказательств причастности преждевременно. Далее: с ведома и разрешения шефа III-й Собственной Его Величества Канцелярии Судейкину разрешено разработать оперативный план выявления врагов. Ваше превосходительство, будучи в полном ведении относительно этого плана, дает Судейкину карт-бланш для проведения операции… Бумагу напишем, Александр Романович, в двух экземплярах. Одна бумага в ваш сейф ляжет, другую я схороню. Да не в сейф, пожалуй, а верным друзьям на хранение отдам. Вот тогда, ваше высокопревосходительство, будут у нас с вами полное доверие и даже любовь.

- Хитер ты, Судейкин, я же говорил! Хитер и недоверчив к

прямому своему начальству. Ладно. В принципе я не возражаю, но до завтрашнего дня подумать надо. Тем более, что подобные решения на трезвую голову принимают умные люди. А я, как видишь, выпил изрядно. Ладно, иди спать, Судейкин. Завтра мы с тобой встретимся и окончательно договоримся. Да… А верить-то людям нужно. Я вот тебе, Георгий Порфирьевич, в качестве жеста доброй воли сейчас один секрет скажу. Хочешь?

- Хочу, ваше высокопревосходительство. Как не хотеть?

- Ну, слушай! Когда ты зачитывал мне проект нашего будущего договора, то опять, мерзавец этакий, угадал! Есть очень высокопоставленные люди, которые готовы в случае удачного покушения на нашего обожаемого монарха заплатить 300 тысяч золотом. Возможно, и больше дадут!

- Что ж, ваше высокопревосходительство, нечто подобного я ожидал. Прикажете установить негласное наблюдение за Победоносцевым?

- Не прикажу – а порекомендую. Только очень-очень аккуратно. Ладно, иди. Пойдешь через приемную – вели ротмистру Изотову зайти.

- Честь имею, ваше высокопревосходительство. Только насчет ротмистра я очень сомневаюсь, Александр Романович! Он ведь за мной, негодяй, на «прошкином экипаже» поехал. Казаков верхоконных прихватил, каналья! Городового с перекрестка. В общем, шуму наделал. Вы уж простите, Александр Романович, но я их с Прошкой-злодеем наказал. Заставил их всё ихнее пойло для вытрезвления, что для меня приготовили, самим выпить. Так что, боюсь, непотребны пока оба. Думаю, до утра блевать будут-с.

Давно уже захлопнулись за Судейкиным тяжелые двери, а Дрентельн все смеялся. Сначала стоя, потом, не переставая хохотать, повалился на канапе, треснувшее под его грузным телом, а под конец и вовсе оказался на полу, под испуганными взглядами ничего не понимающих ночных жандармских сторожей.

Глава двенадцатая
Два одиночества

По истечению третьих суток назначенного Ковалевым наказания Ландсберг из карцера был выпущен. С надзирателем Дроновым расстались сердечно: несмотря на его протесты, Ландсберг насильно засунул ему в кармашек денежную ассигнацию «за беспокойство».

Уже подходя к снимаемой квартире, Ландсберг был встречен посыльным из окружной канцелярии, разыскивающим его по приказанию Таскина.

- Господин начальник еще вчерась вас, господин Ландсберг, оченно разыскивали. И сёдни с утра спросил. Сердитый! А вас нигде нету – не знаем, что и думать…

- Где изволите пребывать, Ландсберг? – с порога обрушился на него окружной начальник. – Что за вольности? Вы, кажется, числитесь на казенной службе-с! Уезжаете из поста по делам – извольте ставить в известность! Тут строительство встало – а вас нету нигде! Итак?..

- Был подвергнут трем суткам ареста в карцере, господин окружной начальник. Только что освободился.

- Та-ак! – Таскин отскочил назад, вернулся за свой стол, переложил на нем бумаги и вновь поднял взгляд на Ландсберга. – Кем и за что были наказаны?

Не вдаваясь в подробности, тот коротко, по-военному ответил.

- Понятно, - протянул окружной начальник. – Ну, с господином Ковалевым я, разумеется, побеседую по душам. Но почему, скажите мне, ни одна собака не доложила мне о сём инциденте? Не в пустыне, чай, обитаем!

- Не могу знать, господин начальник.

- Стало быть, Ковалев и запретил докладывать о вас… Ладно, Ландсберг, ступайте, срочно займитесь стройкой! И… простите, ради создателя, что накинулся на вас сгоряча! Ступайте, ступайте!

Хлопоты по устранению непорядков на стройке отняли у Ландсберга всю первую половину дня. Закончив с делами, он

пообедал в трактире, подумал и решил навестить Дитятеву. Повод был – поблагодарить за проявленное внимание к вчерашнему узнику.

Его визиту Ольга Владимировна явно обрадовалась. Вскочила из-за стола, за которым занималась фасовкой лекарственных препаратов, разгладились две симпатичные вертикальные морщинки на лбу, простое лицо ее осветила широкая улыбка.

- Здравствуйте, Карл Христофорович! Вы уже на свободе – я так рада! Проходите – вы у меня в амбулатории впервые, кажется? Проходите, проходите – посетителей у меня, как видите, нет! – невесело рассмеялась Дитятева.

- Не прониклись, значит, пока наши поселянки идеями амбулаторной помощи столичного акушера? – пошутил Ландсберг. – Не переживайте, проникнутся! В очередь еще стоять будут – вот когда вы вспомните с тоскою эти дни без посетителей!

- Да уж… Хотите чаю, Карл Христофорович? Я сегодня у Есаянца в магазине четверть фунта свежего, как нарочно, взяла. Говорит, что из последнего сплаву чай…

- Да вы уже и по-сахалински говорить начали, Ольга Владимировна! «Сплав»! Коммерсантов здешних по именам величаете… Даже и не знаю, хороший это признак или нет, право…

- Уезжать мне надо, наверное, Карл Христофорович! Последний пароход, мне говорили, дней через десять придет… Хотя обидно, - Дитятева с досадой прикусила нижнюю губу.

Ландсберг деликатно промолчал, не стал задавать очевидного вопроса. Он знал, что даже билет 3-го класса до Одессы нынче стоит не менее 130 рублей. Денег же у Дитятевой просто нет: сто рублей, переданные им на нужды амбулатории от имени несуществующего благотворительного фонда через супругу окружного начальника, наверняка потрачены на лекарства и аренду помещения. Сейчас или никогда, решил он.

- Ольга Владимировна, у меня есть к вам разговор, - осторожно начал он. – Надеюсь, что поймете вы меня правильно… Знаете, когда вы посетили меня вчера в карцере, мне показалось, что мы… мы с вами понимаем… Способны понять друг друга. Вам не кажется?

- И у меня возникло такое же ощущение, слабо улыбнулась Дитятева.-Прошу вас, говорите, не смущайтесь! Знаете, после всего

того, что мне довелось услышать на вашем острове…

- Ольга Владимировна, нравы здесь ужасные! Не мне вам об этом говорить – на себе испытали, я знаю! В том числе и отношение к женщинам… Причем не только простолюдины, но и интеллигентные, какими они, во всяком случае должны быть, люди. Здесь исповедуют какое-то скотское, извините за слово, отношение к женщине. Ну, вы знаете…

- Знаю, к сожалению…

- Ну, а поскольку вы приехали одна, то данное обстоятельство пробудило к вам повышенный интерес местных… не сказать ли донжуанов? Так вот, Ольга Владимировна, перед вами стоит непростой выбор. Либо просто уехать отсюда, признав при этом свое поражение и похоронив благородную идею помощи нуждающимся. Признав, что напрасно потрачены время, средства. Либо… Либо остаться, одновременно положив конец всем этим гнусным преследованиям. Что вы предпочитаете? Скажу сразу: я готов от всей души, искренне, поверьте, помочь и в том, и в другом вашем решении! Что скажете?

- Спасибо, Карл Христофорович! Но я… Я решительно не понимаю, как вы можете мне помочь? И смогу ли я, извините, принять вашу помощь? Говорите прямо, прошу вас!

- Если вы решите уехать, я легко ссужу вам сумму, достаточную для покупки билета на пароход до Одессы и далее до города, который вы укажете. Не качайте головой, я получаю за свою службу неплохое по здешним меркам жалованье, и за пять лет у меня образовалась изрядная сумма накоплений. Тем более, что тратить тут деньги особо и некуда. Дружеский заем, ни к чему не обязывающий, поверьте! Как сможете – вернете, мне тут еще долго оставаться…

- Такой вариант можно было предположить, - Дитятева встала, подошла к окну, немного помолчала и резко повернулась к вскочившему следом Ландсбергу. - Ну, а если я решу остаться?

- В этом случае я вижу единственный выход, Ольга Владимировна. Фиктивный брак. Своего рода сделка, освященная церковными, тем не менее, узами. Такой брак сразу положит конец назойливому вниманию здешних донжуанов и положительно изменит

ваш общественный, так сказать, статус.

- Но… Но у меня нет жениха, Карл Христофорович! Ни здесь, ни где бы то ни было, - Дитятева залилась краской до основания высоко взбитых впереди волос. – Не могу же я пойти к кому-нибудь из здешних холостяков, предлагавших мне пойти к нему в сожительницы и заявить, что согласна – только через венчание в церкви!

- А что бы вы сказали, если бы такую сделку предложил вам я?

- Вы?!

- Я понимаю – каторжник. Осужденный преступник, да! - горько покачал головой Ландсберг. – Лишенный, к тому же, по приговору суда и дворянства, и прав состояния. Я понимаю ваши чувства, Ольга Владимировна. Простите за дерзость, я не желал вас обидеть или оскорбить. Наверное, мне лучше уйти сейчас…

- Погодите, не уходите! – попросила Дитятева, видя, что Ландсберг направился к двери. – Я действительно удивилась столь неожиданному… предложению. Однако я вовсе и не думаю, что вы хотели оскорбить меня. Но все это так внезапно! Мы почти не знаем друг друга, и вы предлагаете мне свою жертву…

- Давайте я уж договорю, Ольга Владимировна, - Ландсберг решил немного схитрить. – Во-первых, это не жертва, а сделка, сулящая выгоду не только вам, но и мне. Видите ли, относительная свобода, которой я пользуюсь здесь, по сути своей незаконна. В том числе и мое проживание на съемной квартире. Это воля здешнего начальства, которому нужны мои опыт и инженерные знания. На вольное поселение я могу быть перечислен по истечению трети назначенного судом наказания – через два месяца. Если завтра я стану неугоден начальству, или оно сменится – меня снова отправят в тюрьму. Однако законный брак дает осужденному право на собственное домообзаведение. И наш фиктивный брак узаконил бы мою свободу – то есть, был бы небезвыгоден и для меня, Ольга Владимировна!

- А что во-вторых? В третьих?

- Согласившись на фиктивный брак со мной, вы вольны расторгнуть его в ту самую минуту, когда захотите. Это тоже предусмотрено законодательством в отношении супругов

осужденных. Ну, и, наконец, прошу не забывать о том, что я все-таки потомственный дворянин! И никакой суд не в силах лишить человека его сущности. Вы должны знать, Ольга Владимировна, что я никоим образом и никогда не посягну на вашу честь, на вашу свободу. Вы были и останетесь вольным, свободным человеком!

- Я… Я не знаю. Карл Христофорович! Право, не знаю! Это так неожиданно…

- Понимаю. К тому же считаю своим долгом предупредить вас об «оборотной стороне» медали, так сказать. Приняв мое предложение, вы избавитесь от назойливого внимания женолюбов, но за спиной наверняка будете слышать – по крайней мере, первое время – злые голоса типа «каторжанка», «жена убийцы» и прочее. Так что вам стоит подумать. Ну, а я засим все же покидаю вас, Ольга Владимировна. Решайте, я вас не тороплю!

На улице Ландсберг постоял на крыльце, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул пахнущий прелыми листьями прохладный осенний воздух. Признаться, он и сам себе удивлялся, предложив Ольге Владимировне хоть и фиктивный, но все же брак. А если она согласится? Писать ли об этом матушке? Брату Генриху? Наверное, стоит им сообщить – ведь если, не приведи господи, с ним что-то случится, известие о тайной женитьбе сына и брата неприятно поразит их.

В том, что Дитятева останется на Сахалине и примет его предложение, он не сомневался. Слишком далекий путь сюда она проделала для того, чтобы бросить выбранное дело на полпути и уехать. Кроме того, из немногих бесед с Ольгой Владимировной он сделал вывод о том, что семья ее небогата, и мысль о невозможности вернуть в обозримом будущем крупный долг угнетает девушку.

После состоявшегося разговора он дважды встречался с Дитятевой в обычном их месте – поселковой библиотеке. Говорили о чем угодно – только не о решении, которое Ольге Владимировне предстояло принять уже совсем скоро. Ландсберг постоянно ловил ее пытливые вопрошающие взгляды, но корректно молчал, не торопил.

В третью встречу замалчивать решение было уже недосуг: на

рейде Дуэ ошвартовался пароход Добровольного флота – тот самый, который пять лет назад привез Ландсберга на остров в тюремном трюме – «Нижний Новгород».

- А свадебное застолье нам тоже надо будет устраивать? – неожиданно, но как уже о решенном вопросе спросила Ольга Владимировна.

Ландсберг ободряюще улыбнулся:

- Непременно, Ольга Владимировна! Скромное пиршество – но придется! Для всех, включая моего самого близкого друга и компаньона Михайлу, наш брак должен выглядеть настоящим. И жить нам придется под одной крышей, вы уж не обессудьте! Сниму целый дом – хотел было купить что-нибудь, но подходящего в посту нынче ничего нет. Построю – я ведь инженер-архитектор, в конце концов!

- Ну, такие траты, по моему, вовсе ни к чему! – запротестовала Дитятева.

- Отчего же? – усмехнулся Ландсберг. – Отчего же – я ведь вам еще не рассказал о своих дальнейших планах на будущее. Мне понадобится большой дом…

Обвенчаться Ландсберг и Дитятева решили через два месяца: при всей условности их брака подготовка к подобному событию требует времени. Взять то же подвенечное платье – вряд ли его сошьют местные портнихи. Значит, надо ехать либо в Николаевск, либо во Владивосток. Да мало ли еще что… А вот о помолвке следует объявить не мешкая, чтобы пресечь все приставания местных донжуанов.

К тому же, через два месяца истекала треть срока Ландсберга, и можно было с полным правом ходатайствовать о перечислении в ссыльнопоселенцы.

Первой о предстоящей свадьбе Ландсберга и Дитятевой была поставлена в известность супруга окружного начальника – сам он был в это время в отъезде во Владивостоке. Если мадам Таскина и удивилась, то очень ловко это скрыла. Она поддержала и ободрила Ольгу Владимировну, хорошо отозвалась о «женихе».

- Он, конечно, каторжник, милочка. И даже убил кого-то, говорят – чего уж тут скрывать. Но даже Библия учит: не судите, да

несудимы будете. Помните? Не знаю, право, то ли тут трагическая ошибка молодости, то ли еще что – но человек он глубоко порядочный, это сразу видно. Да и знаем мы его с мужем давненько – три года, почитай, как супруг сюда назначение получил. Достойный молодой человек! Люди судачить будут? Не стоит на это обращать внимание, милочка! Люди, в большинстве своем, злы по своей природе.

С Ландсбергом мадам Таскина говорила более откровенно:

- Скажите мне по совести, Карл Христофорыч: ваше решение продиктовано лишь желанием оградить Ольгу Владимировну от назойливости наших поселковых кобелей? Или же… Или тут примешаны и чувства? Скажите честно, я даю слово сохранить вашу тайну!

- Хм… Мария Петровна, а почему вы решили, что мой будущий брак с Ольгой Владимировной является фикцией? - чуть растерялся Ландсберг.

- Вы не умеете лгать, Карл Христофорыч! – погрозила пальцем Таскина. – Я ведь давненько с вами знакома, успела многое в вас понять. На мой взгяд, вы принадлежите к немногочисленной, к сожалению, категории мужчин, которые к браку относятся весьма серьезно и ответственно. Такие мужчины женятся только на истинно любимых ими женщинах. И не умеют скрывать свою любовь. А у вас… У вас, Карл Христофорыч, нет того огня в глазах! Нет, я прекрасно понимаю и одобряю ваш поступок – но ведь это только жалость, не правда ли? Желание сильного человека взять под свою защиту того, кто слабее. Я не права?

- Сдаюсь, Мария Петровна! – шутливо поднял руки Ландсберг. – Сдаюсь и преклоняюсь перед вашей прозорливостью. И еще надеюсь, что никто в нашем Александровске таковой больше не обладает! Действительно, мы с Ольгой Владимировной решили, что статус замужней дамы – единственный выход в ее положении, не считая отъезда с Сахалина.

- Скажите, а она вам совсем не нравится? Или ваше сердце занято другой, Карл Христофорович?

- Мадмуазель Дитятева очень добрый, простой и славный человек, Мария Петровна. К перечисленным качествам стоило бы

добавить ее целеустремленность, упорство в достижении цели и смелость. Да-да, Мария Петровна, именно смелость! Согласитесь, что дать согласие на бракосочетание с нынешним каторжником и вчерашним… преступником – это вызов нашему обществу. Впрочем, все эти дополнения я бы отнес к качествам, более ценимым мною в мужчинах, нежели в женщинах.

- А вы не ответили на мой второй вопрос, хитрец этакий! – засмеялась мадам Таскина.

- Извольте! – пожал плечами Ландсберг. – Когда-то, в моей прошлой жизни, в Санкт-Петербурге, у меня была невеста. Я любил ее всем сердцем, и она, мне кажется, платила взаимностью. Но потом все рухнуло, Мария Петровна. Она вернула мне обручальное кольцо, а ее отец прислал гневное письмо с требованием навсегда исчезнуть из их жизни. Два года назад, как сообщали петербургские газеты, моя невеста вышла замуж и, кажется, покинула с супругом Россию. Разумеется, я помню свою Марию. Помню, и если кого-то и виню, то только себя. Вот так-то…

- Вы славный человек, Карл Христофорыч! – Таскина встала, давая понять, что беседа закончена. – Надеюсь, что когда-нибудь и вы будете счастливы. Разумеется, я непременно сразу же сообщу своему супругу вашу новость – не раскрывая ему ваших с Ольгой Владимировной тайн. И уверена в том, что он тоже будет рад за вас. И, конечно же, никаких препятствий для вашего бракосочетания не будет-с!

Так оно и случилось. По возвращению начальника округа из служебной поездки во Владивосток, Ландсберг был немедленно им вызван.

Получив нынешнее свое назначение относительно недавно, Таскин сразу прослыл у сахалинских чиновников большим либералом и даже любителем «излишнего гуманничания» с арестантами. Последние же не могли нарадоваться новому начальнику, практически изжившему в округе процветавшее наказание розгами. Будучи строг и требователен к лентяям и бездельникам, Таскин все же особо выделял среди прочей ссыльнокаторжной публики людей интеллигентных и образованных, отлично понимая, что на каторге им приходится тяжелее, нежели простолюдинам. Таскин не раз

устраивал разносы надзирателям и тюремным смотрителям, если узнавал, что те ставят на тяжелые общие работы попавших на каторгу образованных людей. И доказывал, что те принесут округу гораздо больше пользы, ежели будут заниматься не добычей угля в шахтах или тасканием бревен, а более привычными занятиями в школе, на метеостанции или в канцелярии.

- Ландсберг, я тут только что случайно узнал, что вы, отбыв по приговору суда уже без малого треть назначенного вам наказания, не воспользовались своим правом. И даже не написали прошение о перечислении вас в ссыльнопоселенцы. Это тем более странно в преддверии скорых перемен в вашей судьбе, о которых мне сообщила Мария Петровна. Не мне вам говорить, Ландсберг, что и божьи, и человечьи мельницы мелют медленно. Пока бумага пройдет все инстанции… Словом, могу я узнать причину такого равнодушия к собственной судьбе?

Ландсберг чуть заметно пожал плечами:

- Грех мне на судьбу жаловаться, ваше превосходительство! Я и приговорен был, как изволите видеть из моих документов, к каторжным работам в рудниках. А между тем занимаюсь бумагами в канцелярии. Как говорят, от добра добра не ищут. Да и срок не вышел пока. Так что не смею никоим образом искушать судьбу-с…

- Перестаньте, любезный! - махнул рукой Таскин.- Кому бы была польза от того, что вас, формальности ради, назначили бы на работу в каменоломню? Вас бы, наверное, и на свете уж не было. Тогда как на своем месте вы приносите округу ощутимую практическую пользу… Да вы садитесь, садитесь, Ландсберг! - спохватился Таскин.

- Благодарю, ваше превосходительство…

- Значит, скромничаете, Ландсберг? Уверяю вас, это не тот случай, когда скромность уместна! Ну, я еще могу понять, когда ссыльнокаторжный не торопится с прошением, если у него нет ни гроша за душой на домашнее обзаведение, - Таскин вышел из-за стола, сделал несколько быстрых шагов по кабинету и столь же стремительно вернулся за стол.- Ведь выделяемая казной сумма на домообзаведение, чего уж тут, невелика и несоразмерна предстоящим тратам выходящего на свободу ссыльного поселенца. Но вы-то, батенька, жалование тут получаете! Пусть не великое,

вашим знаниям и умением мало соответствующее – но ведь вы и живете скромно! Я, признаться, и справки о вас наводил – в карты не играете, водку не пьете… И женитесь, к тому же! Черт возьми, Ландсберг, до конца нынешнего же дня ожидаю от вас прошения о перечислении в ссыльнопоселенцы! Полагаю, что легко смогу присоединить к вашему прошению и свое ходатайство – не думаю, чтобы его высокопревосходительство губернатор отказал нам с вами, гм! Место в моей канцелярии, разумеется, остается за вами, коли вы этого пожелаете. Более того – я буду просить вас не покидать этого места! И готов ходатайствовать о прибавке вам жалования. – тем более, что в качестве поселенца вам уже не будет нужды числиться по нашему ведомству простым надзирателем. Ну, что скажете, Ландсберг?

- Что вы слишком добры, ваше превосходительство. И коль вы уверены, что я не получу унизительного отказа в своем прошении… Благодарю, ваше превосходительство!

- Ну, вот и славно, Ландсберг! Вот и славно! Место вы оставляете за собой, надеюсь?

- Почту за честь, ваше превосходительство! - Ландсберг, поняв, что разговор закончен, легко поднялся на ноги и поклонился.

- Ну, а на свадьбу-то позовете? – прищурился Таскин.

- Непременно, ваше превосходительство! Первыми гостями с супругой будете!

- Так я жду, Ландсберг, вашего прошения до конца дня! - напомнил Таскин.- Жду и надеюсь, что очень скоро вы сможете выбросить этот ужасный халат с тузом на спине, а я стану обращаться к вам иначе: «господин Ландсберг»…

Как и предсказывал Таскин, прошение о перечислении осужденного в ссыльнопоселенцы высоким начальством было легко подписано. Не возникло никаких проволочек и в дальнейших «странствиях» необходимых бумаг относительно перечисления в бюрократически-отлаженном механизме островной тюремной администрации.

Выйдя на вольное поселение, кое-какие свои привычки, сложившиеся за пять лет каторги, бывший офицер с некоторыми колебаниями, но изменил. Заказал себе у портного скромное платье

наподобие полувоенного мундира и темное, статского покроя пальто с барашковым воротником. Вновь, как некогда на военной службе, отрастил усы. Исхлопотал он и разрешение на возведение дома, выбрав место недалеко от речки, на самой окраине поста, выправил заказ у казны на заготовку потребного леса и досок, а потихоньку от начальства пообещав артельщикам-лесорубам по дополнительной полтине за каждое доброе бревно. Лес на Сахалине заготавливали только в зимнее время, и само строительство, таким образом, автоматически отодвигалось на следующую весну. Зато материал для строительства, в видах приближающейся зимы, можно было заготовлять.

С квартиры Фролова пришлось съезжать из-за тесноты и неудобства для будущей семейной жизни. Новое жилье удалось найти без особых хлопот, причем с новой квартирной хозяйкой Ландсберг уговорился и насчет столования.

На службе Ландсберг держал себя так же, как и раньше – скромно и незаметно. От дополнительного приработка - оплачиваемой переписки бумаг и сочинения всяческих прошений – он отказался в пользу товарищей-писарей, изрядно их этим порадовав. Двух из писарей, наиболее сообразительных и порядочных, позвал к себе на открывшиеся вакансии помощников по архитектурной и строительной частям.

На Сахалине выпал первый снег наступающей зимы, завыли первые метели – поначалу слабые, вполсилы. В это время и до прихода весны жизнь в посту словно замирала. Закончился здесь и строительный сезон: то, что запланировано, было построено, а незавершенные здания были заколочены до тепла. Как и прежде в это время года, Ландсберг обнаружил, что у него появились свободные от службы и чтения часы, которое решительно нечем было занять.

Второе «открытие» он сделал в лавках и магазинчиках Александровского поста, куда часто стал заглядывать в поисках всяких хозяйственных мелочей для будущего дома. Местная торговля, как оказалось, имела удивительно убогий ассортимент предлагаемых сахалинцам товаров. Размышляя над этим и другим обстоятельствами, Ландсберг однажды поймал себя на мысли: а что,

если и ему заняться торговлей? И показать всем местным горе-торгашам, как надо грамотно вести дело?

Сначала Ландсберг лишь улыбнулся от нелепицы, вдруг пришедшей в голову - ему, дворянину и офицеру, заняться коммерцией! Потом улыбаться перестал, припомнив, что к прошлой жизни возврат просто невозможен. Балы в дворянских собраниях, шумные вечеринки с товарищами-офицерами, театральные ложи и даже тяготы боевых походов – всё это, увы, уже не для него… Стать анахоретом, книжным червем в тридцать с небольшим лет?

Долгими же зимними вечерами, то и дело беря в руки скуки ради давно вычерченный им план будущего дома, он стал ловить себя на мысли о том, что невольно прикидывает пропорции, которые надо соблюсти при устройстве в этом своем будущем доме небольшого магазинчика.

Наконец, зима – первая свободная зима Ландсберга на каторжном острове – полностью вступила в свои права. На пустыре будущего подворья, начал расти штабель бревен – правда, рос он не слишком быстро, ибо при лесозаготовках сначала исполнялись казенные подряды, а «на сторону» канцелярия тюремного управления официально могла продавать только некондиционные, забракованные десятниками лесины. Впрочем, на острове все, от мала до велика, знали, сколь зыбка и призрачна граница сговорчивости заведывающих заготовкой деловой древесины для казенных надобностей, и сколь велика убедительная сила «барашка в бумажке». Деньги у Ландсберга, благодаря его аскетическому образу жизни, водились, и при желании он легко и моментально мог бы решить свой «древесный вопрос». Однако, чувствуя стойкое неприязненное внимание к себе со стороны большинства чиновников тюремного ведомства, он совсем не желал осложнять себе жизнь, почти болезненно дорожа теми крохами спокойствия, которые имел.

Опять же, скуки ради, Ландсберг без труда выправил в тюремной канцелярии дозволение на покупку охотничьего оружия, и вот тут уже скупиться не стал. Дрянные дешевенькие берданки из лавочек местных коммерсантов его никоим образом не прельщали, и по случаю Ландсберг выписал себе из Владивостока несколько великолепных ружей льежской работы, а к ним маузеровский

карабин. Оружие, чтобы не ждать начала навигации, было решено отправить из Владивостока в Николаевск по «зимнику». А уже оттуда, через Татарский пролив, его доставят на остров гиляки, возившие на собачьих упряжках зимой на Сахалин почту. Таким образом, Ландсберг рассчитывал, что вторую половину зимнего охотничьего сезона он не упустит.

Свадьбу вскоре после рождества сыграли более чем скромную. Гостей в откупленном по этому случаю трактире набралось шесть человек – окружной начальник и начальник канцелярии с супругами, Михайла и новый квартирный хозяин Ландсберга, не пригласить которого он посчитал просто неудобным.

Возвращаясь ежевечерне - Ландсберг со своей службы, а Ольга Владимировна из амбулатории - новоиспеченные «супруги» ужинали и, испытывая некоторое неудобство от своего положения, спешили разойтись по своим комнатам. Ландсберг боялся, что любое проявленное им внимание может быть расценено как приставание, усугубленное зависимым положением Ольги Владимировны. Она же, по всей вероятности, опасалась примерно того же самого – за исключением мотивов.

Зная о фиктивном характере брака Ландсберга, Таскин благородство своего заведывающего архитектурной частью оценил. И со своей стороны, предложил идею ввода Ольги Владимировны Дитятевой в дамское общество поста Александровский. Главным «инструментом» и действующим лицом предстоящей акции была достопочтенная супруга Таскина, второе «дамское лицо» в высшем сахалинском обществе после генеральши.

Дело в том, что в акушерскую амбулаторию Дитятевой пациентки попрежнему не спешили. Простолюдинки, для которых, собственно, и был открыт прием, не ходили сюда по причине недоверия. Традиционно докторами во всех городах и весях России были только мужчины – а тут молодая женщина!

- Барыня, известное дело! – судачили в посту. – Скучно ей, вот и решила пользовать простой народ. А чё оне понимают в болезнях, барыни-то? Дохтура, известно, наукам всяким обучаются. Деньгу за визиты, опять же, берут. Раз берут – значить, умеют! А энта фря за бесплатно к себе приглашает. А то и гривенник-двугривенный еще

сама сунет, ежели поплачешься на бедственное свое положение. Не-е, энто не дохтур! А ежели дохтур – то почему, скажите-ка мне, бабоньки, к ей благородные дамы да чиновницы не ходют? То-то же!

Жены сахалинских чиновников в амбулаторию Дитятевой, действительно, не ходили – однако причины столь явного саботирования были иными. Во-первых, «дворяшка»-акушерка приехала на Сахалин, в нарушение всех приличий, одна, без мужчины. А кто в приличном обществе в одиночку появляется? Известно, либо легкомысленные особы безнравственного статуса, либо эти нигилистки, из новомодных. Якшаться с такими – глядишь, и свою репутацию подмочишь.

Во-вторых, ходить в «заведение для бедных» представлялось для дамочек сахалинского «света» вообще зазорным.

Мария Петровна Таскина идею мужа всецело поддержала, и вскоре дамское общество сахалинской столицы стало перешептываться о том, что экипаж окружного начальника стал довольно часто доставлять к акушерской амбулатории супругу окружного начальника. Таскина не спешила протежировать «новое светило на медицинском небосводе» Сахалина и терпеливо ждала вопросов по этому поводу. И они, разумеется, последовали.

- Нет, со здоровьем у меня все в порядке, милочка! – снисходительно улыбалась Мария Петровна. – Просто, знаете ли, надо не только модные журналы читать. Живем-то на краю света, вдали от новых идей и веяний, в том числе и медицинских. А вот петербургский профессор Ростоцкий, европейское светило в области женских болезней, пишет об огромном значении профилактических врачебных осмотров. Понимаете, милочка, важно обратиться к доктору не тогда, когда болезнь уже проявилась и изрядно подкосила женский организим, а гораздо раньше, пока мы действительно здоровы. И когда есть только признаки заболевания, внешне порой совершенно не заметные. Мой супруг рассказывал мне, что в китайской медицине, к примеру, доктора получают свои гонорары только пока пациент здоров – сами понимаете, милочка, что их доктора крайне заинтересованы в благополучии своих пациентов! Кстати же, Ольга Владимировна Дитятева и училась на курсах, где преподавал профессор Ростоцкий!

- Знаете, не хочу сказать ничего плохого о наших сахалинских докторах, но спросите-ка у них, мон шер, когда они последний раз были в Петербурге либо в Москве! – рассуждала мадам Таскина с другой подругой. – Им просто некогда оторваться от здешней практики! Ведь они, бедняжки, вольно или невольно, но давно стали заложниками нашей отдаленности от центров цивилизации! Дикарями, отставшими в медицине на десятилетия! И потом, милочка – практика у наших сахалинских докторов почти исключительно мужская, согласитесь! А наши женские организмы, вы это прекрасно знаете, устроены гораздо сложнее, нежели примитивные мужские. Читали, что пишет об этом в последнем нумере журнала «Ланцет» профессор Ростоцкий?

О «Ланцете» никто из сахалинских дамочек никто, разумеется, и не слыхал. Издание это приходило на Сахалин в единственном экземпляре, доктору Лобасу и не пользовалось, к его великому сожалению, популярностью даже у его коллег-докторов. Каково же было удивление заведывающего медицинской частью Сахалинской каторги, когда у него стали наперебой выпрашивать нумера этого журнала!

Идея оказалась продуктивной. С помощью мадам Таскиной сахалинские дамы постепенно признали Ольгу Владимировну, и зачастили к ней с визитами. Вслед за благородным женским сословием пересмотрели свое отношение к молоденькой «докторице» и малоимущие пациентки. Видя популярность Ольги Владимировны у сильных мира сего, они перестали дичиться и начали посещать амбулаторию. По совету той же многомудрой мадам Таскиной Ольга Владимировна разделила часы приема посетительниц так, что бесплатные пациентки приходили с утра, а обеспеченные чиновницы после полудня. «Приличия света», таким образом, были внешне соблюдены.

Ольга Владимировна, как и предсказывал Ландсберг, очень скоро перестала скучать в своей амбулатории без дела, и даже вынуждена была нанять помощницу. И жизнь уже перестала казаться ей такой мрачной и безысходной. Дитятева прекратила считать дни до открытия весенней навигации, и невольно стала внимательно приглядываться к Ландсбергу, пытаясь разгадать молчаливую натуру

своего официального «сожителя».

Тот же, не желая докучать Ольге Владимировне своим постоянным присутствием, стал часто отправляться в охотничьи экспедиции.

Первая «семейная» зима Ландсберга на Сахалине оказалась весьма «урожайной» на лисиц. Среди них частенько попадались и чернобурки, представляющие собой особую ценность. Добывали лисиц на острове преимущественно не ружьем, а раскладыванием начиненных стрихнином приманок. И здесь между поселковыми охотниками частенько возникали нешуточные дрязги и ссоры относительно принадлежности ценных пушистых трофеев. Поди-ка, докажи, что чернобурка, позарившаяся на чью-то отравленную приманку близ поста и найденная спустя какое-то время где-нибудь в распадке, подохла именно от твоей! Поэтому Ландсберг не занимался промыслом в окрестностях островной столицы, а всякий раз нанимал гиляков с собачьими упряжками и уезжал за лисицами за несколько десятков верст, далеко на север. Из этих экспедиций он, как правило, с пустыми руками не возвращался и частенько после таких вылазок с затаенной гордостью присовокуплял к своим пушистым трофеям пару-тройку соболей.

Шкурки Ландсберг тоже выучился обрабатывать сам, однако занимался скорняжим ремеслом без особого желания и от случая к случаю – и не потому, что помнил о своем дворянском происхождении, или брезговал. Блеск мехов, их шелковая нежность неизменно вызывала у него ностальгические воспоминания о Петербурге, об оставшейся где-то по другую сторону перейденного раз и навсегда Рубикона невесте, о Марии Тотлебен. О своем похороненном раз и, видимо, навсегда, будущем…

Но с каждым прожитым и пережитым на Сахалине днем это прошлое становилось все призрачнее и дальше…

В один из необычно ясных и солнечных февральских дней местные гиляки, нанимаемые зимой для доставки с материка почты, доставили ценное денежное письмо от отца Ольги Владимировны. Сообщая в нем о скоропостижной смерти ее мачехи, отец прилагал к письму триста рублей.

Не слишком огорчившись известию о смерти женщины, которую

она так ни разу и не повидала, денежному переводу Ольга Владимировна обрадовалась как ребенок. Два-три месяца назад Ландсберг настоял, чтобы ссудить ей в долг – иначе она не соглашалась – небольшую сумму на аренду помещения, лекарства и медицинские расходные материалы. Теперь у Дитятевой появилась возможность не только вернуть долг, но и произвести дополнительные закупки, а также оказывать благотворительную помощь своим неимущим пациенткам. Кроме того, был решен отложенный до начала весенней навигации вопрос с возможностью покупки билета второго класса до Одессы – если, паче чаяния, ей все же придется уезжать.

Но придется ли? И хочет ли она нынче уехать? Акушерская практика у Ольги Владимировны с помощью жены окружного начальника вроде наладилась. Более того: деньги за визиты состоятельных пациенток стали представлять хоть и тоненький пока, но все же постоянный финансовый ручеек. Этот ручеек позволял ей в полной мере заботиться о неимущих сахалинках.

И, конечно же, Ландсберг. Если у Ольги Владимировны и были поначалу какие-то сомнения относительно правильности сделанного ею выборав пользу фиктивного брака, то время показало полную их беспочвенность. Более того: Дитятева стала ловить себя порой на досаде, которую вызывает у нее неизменная холодная корректность этого человека. Неужто он и вправду совершенно равнодушен к ней? Ольга Владимировна одновременно и боялась того, что когда-нибудь увидит в глазах Ландсберга нечто большее, чем почтительное внимание, и чисто по-женски огорчалась тому, что мужчина, с которым она живет под одной крышей, совершенно не проявляет к ней интереса.

Получив от отца письмо, Дитятева в тот же вечер впервые робко постучала в дверь комнаты Ландсберга, пригласив его распить бутылочку шампанского, чудом сохранившуюся у нее на самом дне дорожного сундучка.

Избегая смотреть друг на друга, супруги распили искристый напиток, обмениваясь односложными замечаниями и поспешили опять разойтись по своим комнатам. Тем не менее, это шампанское стало своего рода мостиком взаимопонимания, помогло двум

молодым и очень одиноким людям осознать, что у них общего больше, чем у шапочных знакомцев, вынужденных силою обстоятельств делить один кров.

Ольга Владимировна настояла на том, чтобы вернуть Ландсбергу долг и рассказала о том, что теперь имеет возможность самостоятельно купить билет до Одессы. Говоря об этом, Дитятева не удержалась, чтобы изподтишка не бросить на собеседника взгляд, оценить его реакцию на свою новость. Ландсберг, разумеется, поздравил «супругу» с решением ее финансовых проблем, однако едва заметная вертикальная морщинка между бровями у него все же появилась. И Ольгой Владимировной была, разумеется, отмечена…

Через несколько дней после вечера с шампанским Ольга Владимировна нашла повод снова постучать в комнату «супруга». Ландсберг чистил ружья, готовясь к очередной охотничьей вылазке.

- Прошу вас, Ольга Владимировна! Руки, извините, не могу подать – в масле весь!

- Я на минуточку, не хочу вас отвлекать, Карл Христофорович. А вы снова уезжаете? Надолго?

- Думаю, что дня на три-четыре. После последней метели была оттепель, а потом опять морозец прижал, если помните. Мышковать лисичкам сейчас, таким образом, затруднительно – так что, надеюсь, мои приманки они своим вниманием не обойдут!

- Мышковать? А что сие означает?

- Мышкование – это охота на мышей и прочих мелких грызунов, которые проводят зиму под снегом, Ольга Владимировна. У лис очень острый слух и обоняние дай боже. Лиса может услышать, как мышка бегает под глубоким снегом. Услышит – и прыгнет, пробьет передними лапами сугроб. Сунет нос, учует добычу – и схватит. А вот после оттепели снег покрывается ледяной коркой – ее и пробить труднее, и лапки можно поранить. Тогда лиса голодает, и уже с меньшими предосторожностями может позариться на приманку охотника…

- И не жалко вам разных зверушек, Карл Христофорович? – вздохнула Дитятева. – Я имею в виду всех охотников, не только вас. Травите, стреляете в них…

- За всех не поручусь, Ольга Владимировна, а мне бывает жалко. Зайцев, к примеру, не стреляю – хотя их здесь великое множество.

- Отчего именно зайцев?

- Кричат, если не сразу убьешь, очень жалобно. По-человечьи прямо…

- А другие не кричат?

Ландсберг пожал плечами:

- Многие молча умирают. А что касаемо лис – так я и не вижу ничего такого. Приманку разложишь – никого нет. Пришел через несколько дней- лежит лисичка, уже замерзшая. Не осуждайте меня, Ольга Владимировна, для меня ведь в охоте не убить кого-то главное.

- А что же? Вы простите мою назойливость, я понять хочу, Карл Христофорович!

- Хм… А смеяться не станете?

Дитятева затрясла головой: ни за что!

- Ну, тогда слушайте. Охота, ежели говорить высоким стилем, это духовное общение человека с природой. Единение с нею. Ну, а ежели попросту… Вот работаешь, работаешь с людьми, с кем-то ссоришься, вступаешь в перепалку, потом, наедине с собой снова и снова мысленно возвращаешься, переживаешь… Ночь прошла – и опять день начался… А у природы не так, Ольга Владимировна! Какой бы не была взведенная пружина внутри человека – умиротворение приходит. Зимой, допустим, идешь на лыжах посреди этакой тишины благостной, среди великолепия снежного. Остановишься, прислушаешься, снега пригоршню к лицу поднесешь – дух чистый, ясный… А вокруг – ели величественные замерли, березки-осинки под тяжестью снежных шапок согнулись… Нет, Ольга Владимировна, боюсь, не могу все свои чувства лесные словами передать. Здесь талант литератора нужен.

- Отчего же? Я вас прямо заслушалась, Карл Христофорович. И самой захотелось в этакое благолепие. Только боюсь я тайги этой, право. Вот вы говорите – тайга, а я сразу рассказы шепотком вспоминаю поселковые: бродяги, страсти всякие…

- Не без этого, Ольга Владимировна. Только эта публика вокруг

жилья людского вертится. А там, куда я забираюсь, им делать нечего: ни прокормиться, ни разжиться ничем… Вот мы с Михайлой заимку в глухой тайге свою соорудили – ну, домик охотничий. Больше года как стоит заимка – и все там цело, никто не добрался. Домишко маленький такой, всего-то одна комната. Доберешься туда – усталый, замерзший, а там полешки сухие, березовые, с осени еще заготовлены. Зажжешь печку – загудит пламя, потечет тепло… Сидишь, слушаешь, как за дверями вьюга воет, на огонь смотришь и мысли приятные сами в голову идут. Сидишь, философствуешь… Хорошо!

Ольга Владимировна слегка прикусила нижнюю губу, вприщур поглядела на «супруга», и, решившись, несколько нерешительно начала:

- Вы так всё живописно рассказываете, Карл Христофорович… Слушайте, знаете что… Если вам не в тягость будет, конечно – не возьмете ли меня с собой как-нибудь в вашу экспедицию? Самой хочется поглядеть на всё это…

- Ради бога, Ольга Владимировна! Когда вам угодно? Пожалуйста – однако, как быть с вашей практикой, пациентками? До заимки целый день, почитай, добираться надо. Да на обратную дорогу день положим… День там пробыть, самое малое, да на пургу возможную поправку сделать. Сможете на три-четыре дня свою практику оставить?

Дитятева подумала, прикинула.

- Серьезного у меня сейчас ничего нет – так, профилактические осмотры. Ежели завтра по посту пробежать, предупредить тех, кто явиться должен в ближайшие дни… Думаю, смогу!

- Ну и отлично! Мне тоже завтрашний день на всяческие улаживания потребуется. Только вот что, Ольга Владимировна… На лыжах вы, полагаю, ходить раньше не пробовали? Так я и думал. И одёжки таежной подходящей у вас, разумеется нет. И на собачьих упряжках не ездили никогда… Ну, с теплую одежду я вам подберу. До Рыковского на санях доедем, тройку найму – хоть и не в охотничьих сие обыкновениях, - слегка усмехнулся Ландсберг. – Гиляки со своими собаками могут нас там дожидаться, сколько можно по тайге сами доедем. Ну, а последние три-четыре версты до

заимки на лыжи встанем, там нарты не пройдут. Учиться будем. Как – не страшен такой план?

- У меня есть теплая одежда! – возмутилась Дитятева. – Кофты, юбки шерстяные, шаль…

- Это не таежная одежда, - покачал головой Ландсберг. – Ежели в зимнюю тайгу без соответствующей экипировки попасть – пропадете! Я вам, Ольга Владимировна, у знакомого гиляка, Василия, подходящую одёжку найду. У него жена сама шьет, из меха. Штаны, пардон, телогрейка, полушубок. Арктическое,пардон, белье у меня самого есть, я у норвежских китобоев прошлой зимой несколько комплектов выменял.

- Мужское белье? – Дитятева сморщила нос и вздохнула. – Ну, раз так положено, извольте! Оденусь как китобой. Вернее, как китобой, потерпевший кораблекрушение и попавший на дикий остров. Только тогда, прошу, давайте пораньше из дома выйдем. Не приведи господь – пациентки меня увидят – последние разбегутся!

«Супруги» посмеялись, а потом Ландсберг вспомнил:

-Да, но вы пришли по какому-то делу, а я вас отвлек своими ружьями и таежным живописанием, Ольга Владимировна. Я вас слушаю?

- Я собственно… Я хотела… Право, вы меня действительно заговорили, Карл Христофорович! – не нашлась Дитятева и очень мило покраснела. – Я попозже зайду, ежели вспомню…

В назначенный для экспедиции день сытая тройка лошадей из конюшни окружного начальника мигом домчала Ландсберга и Дитятеву до села Рыковское, где на околице их уже ждали нарты и каюр-гиляк с христианским именем Аввакум. Восемь гиляцких лаек, обличьем и статью необыкновенно похожие на волков, при приближении седоков нетерпеливо заскулили.

- Здравствуй, Аввакумка! Вот и мы! Не тяжело будет твоим псам троих везти?

- Здравствуй, Карла, - гиляк языком и губами ловко перебросил короткую трубку в угол рта, прищурился на Дитятеву. – Однако, бабу свою на охоту взял? Одет баба правильно, а стрелять, капканы ставить умеет?

- Аввакумка, сколько раз тебе говорить – нельзя так женщин

называть, - рассмеялся Ландсберг. – Не баба, а женщина! Дама! Моя женщина все умеет, даже лечить!

- Тогда правильный бабу взял, - серьезно кивнул Аввакум и протянул Ландсбергу бич. – Держи! Однако, нарта сам поведешь. Я брата дождусь и по следам твоим поеду. Долго на заимке своей будешь? Когда за тобой нарта прислать?

Ландсберг повернулся к спутнице:

- Два дня, как договаривались? – и уже Аввакуму. – Через два дня на третий, с утра пораньше. Сможешь?

- Твоя платит, мой возит! –пожал плечами гиляк. – К собакам сам не подходи, однако. Злые шибко. Нарты к трем соснам привяжешь, я найду.

- Хорошо, Аввакумка. Не забудь – на третий день меня заберешь! – Ландсберг протянул гиляку обусловленную плату и пригласил спутницу. – Прошу, Ольга Владимировна! Садитесь ближе к краю нарт, я на ходу запрыгну, когда собаки ход наберут. Заранее прошу прощения, если толкну или задену вас – тут, знаете ли, своя специфика!

Ландсберг дождался, пока спутница неловко с непривычки усядется на нарты, щелкнул бичом, засвистел по-разбойничьи. Лайки напряглись, налегли на постромки, завыли и понеслись вперед. Ландсберг побежал рядом с нартами, улучил момент и повалился на них, впереди Дитятевой.

- Держитесь! Ниже держитесь, Ольга Владимировна. Лучше всего прилягте на меня, не стесняйтесь. На кочках нарты сильно мотает. И лицо от ветра берегите…

Разогнавшаяся упряжка вихрем пронеслась по опушке леса и малое время спустя по команде свернула в редколесье. Здесь собаки, проваливаясь в глубокий снег едва не по брюхо, сами сбавили ход. Ландсберг взялся за шест, направляя нарты между кустами и могучими стволами лиственниц.

Миновали перелесок, упряжка снова очутилась на опушке, и Ландсберг закричал на собак, защелкал бичом. Так двигались около двух часов – то быстрее, то медленнее. В ложбинах Ландсберг соскакивал с нарт, облегчая собакам тяжкую работу. Тайга обступала со всех сторон, серое небо в сплошных тучах лишь

обрывками мелькало над головой.

Дитятева полулежала на нартах, уткнув голову в свернутую валиком меховую полость, и лишь изредка с опаской поднимала глаза.

Наконец упряжка по команде Ландсберга остановилась: перед путешественниками была сплошная стена могучих стволов.

- Все, Ольга Владимировна, приехали! Дальше нарты не пройдут, встанем на лыжи. Вставайте, вставайте, надо размять ноги!

Собаки уселись в снег, выгрызая лед, образовавшийся между подушечками на лапах и с любопытством поглядывая на седоков. Дитятева с трудом поднялась на ноги, начала топать затекшими ногами в меховых гиляцких сапожках.

- Далеко ли еще до вашей заимки, Карл Христофорович?

- Версты три, не более. Я на лыжах за час пробежал бы. С вами – не знаю, - засмеялся Ландсберг.- Ну что, Ольга Владимировна, сколько раз уже пожалели, что ввязались в сию лесную авантюру?

- Пока интересно, - Дитятева все ж с опаской огляделась по сторонам. – А здесь и правда диких зверей нет? Медведей, волков?

- Волки только изредка с той стороны пролива по зимнему времени переходят, своих на Сахалине, как местные охотники-гиляки уверяют, нету. А медведи зимой в берлогах своих спят, до весны их не увидеть. Разве что потревожить... Видите во-о-он там, под корнями упавшей ели сугроб? Вполне может быть, что как раз там Михайла Потапыч и лежит, зиму пережидает, лапу сосет.

- Ой… А мы говорим громко… Пойдемте поскорее отсюда, Карл Христофорыч! – взмолилась Дитятева.

- Шучу я. Вряд ли здесь медведь на зиму устроился – они в самую глушь забираются обычно. Но идти надо, вы правы. Часа через три стемнеет совсем. Вот ваши лыжи, Ольга Владимировна. Позвольте, я помогу их закрепить. Стойте ровнее, обопритесь на меня, пожалуйста!

Ландсберг присел на корточки, привязывая широкие самодельные охотничьи лыжи к сапожкам Дитятевой.

- А отчего на лыжах мех снизу? - полюбопытствовала она. – Нешто для тепла?

- Для тепла – ваши сапожки и прочая обмундировка, -

рассмеялся Ланндсберг. – А сей мех придумали умные люди к лыжам прибивать, чтобы по склонах вверх легче забираться было. Чтобы назад не скатываться. Это с оленьих ног мех. Когда лыжа вперед по снегу едет, шерстинки скользить помогают. А ежели назад, против шерсти, то в снег упираются.

Ландсберг привязал свои лыжи, дал последние указания:

- В тайге рядом не ходят, к сожалению. Я пойду вперед, лыжню пробивать, а вы, Ольга Владимировна, след в след идите. Не спешите, приноровитесь. Ну, давайте попробуем!

Не обошлось без казусов. Не привыкшая к подобному способу хождения молодая женщина несколько раз запиналась, падала. Ланндсберг дружески, необидно посмеиваясь, всякий раз помогал ей подняться, заботливо отряхивал от снега, указывал на ошибки. Ольга Владимировна раскраснелась, хохотала над своими падениями звонче спутника и упрямо шла и шла вслед за ним. К концу пути, когда между молодым осинником замаячила долгожданная заимка, Дитятева почти совсем уже освоилась с лыжами, и с последнего пригорка лихо скатилась самостоятельно и даже не упала.

- Ну, вот и пришли, Ольга Владимировна. Вот мои лесные, так сказать владения, - Ландсберг широким жестом показал на низенькую избушку с пристроенными большими сенями. - Добро пожаловать! Сейчас печку затопим и чаем греться будем!

Испытующе поглядев на чем-то явно озабоченную спутницу, Ландсберг сообразил: весь день с утра они были в дороге, не расставаясь ни на минуту. Он и сам чувствовал явную потребность уединиться где-то в укромном уголке.

- Вот что, Ольга Владимировна, - решительно сказал он. – Домишко выстыл, там сейчас неуютно. - Вы побудьте здесь, осмотритесь, пока не стемнело. А я в домике все приготовлю и позову вас. Хорошо?

-Да-да, Карл Христофорович! – с благодарностью и облегчением улыбнулась Дитятева. – А я пока погуляю тут…

Минут через десять она без приглашения зашла в избушку. За это время Ландсберг успел вынуть из сделанного в сенях тайника под полом свечи, лампу, несколько оленьих и медвежьих шкур, немудрящие припасы. В печке весело трещали березовые поленья,

небольшой запас которых также хранился в сенях. Иней на стенах съежился, потемнел, на полу блестели лужицы воды.

- Максимум через час тут все высохнет, сырости не будет чувствоваться, и будет очень уютно, - сообщил Ландсберг. – Вы проходите, проходите ближе к огню! Тулупчик пока не снимайте, я сейчас все приготовлю…

- Давайте я на стол помогу собрать, - решила Дитятева. – Мешок наш где?

- Вот он, - Ландсберг поднялся от печки. – Я вам помогу. Хозяйство таежное, не городское. Специфика-с!

Немного погодя, сидля за столом и держа обеими руками кружку с горячим чаем, Дитятева критически обозрела стол, покачала головой:

- Надо же! Сколько мы всего, оказывается, с собой везли! Вы даже пельмени где-то ухитрились раздобыть! И лампу керосиновую…

- Ну, что вы, Ольга Владимировна! С собой, кроме ружей и самого необходимого, у меня ничего и не было! Таежные припасы – это что-то вроде закона лесного. Соль, спички, сухари, бутылку с чем-нибудь согревающим таежники в заимке всегда держат. Не ему, так другому путнику пригодится, если набредет на заимку. Пельмени замороженные я еще с месяц назад здесь оставил. И лампу с собой не вез. Дровишки сухие, видели, наверное, в сенях припасены. Запас керосина. И шкуры медвежьи – видите, целый угол заняли! Не всё открыто, правда, держать приходится – Сахалин все-таки, не Сибирь-матушка. Это там обобрать лесную избушку страшным грехом почитается. В Сибири, мне бывалые люди рассказывали, у лихого человека и рука не поднимется что-нибудь из заимки украсть. А в наших сахалинских пенатах добрые люди, почитай, и не ходят по тайге… Забредет беглый бродяга голодный – ну какой с него спрос…

К концу таежного ужина избушка окончательно протопилась, стало жарко. В щелях бревенчатых стен кое-где заблестели капельки выступившей смолы. Пока Ландсберг курил на улице, Дитятева снова переоделась в привычную одежду – длинную темную юбку и кофточку, лишь прибавила к наряду неизвестно для чего захваченную нитку бус.

Убрали со стола. Ландсберг расстелил на полу перед печкой

несколько шкур, принес из сеней короткие чурбачки.

- Это вместо кресел, - пошутил он. – А печка пусть камином будет на сегодня. Устраивайтесь, Ольга Владимировна! Спать захотите – говорите без стеснения! Вы сегодня такой променад совершили – спать крепко будете, обещаю! Без сновидений!

- Мне всегда сны сняться, - покачала головой Дитятева. – Иногда такие странные, двойные какие-то

- Это как же?

- Ну, один сон обычный – ходишь где-то, бежишь, разговариваешь. И тут же вроде я со стороны наблюдаю за собой, опекаю себя спящую. Ежели падать, допустим, во сне приходится – я-вторая себя первую успокаиваю: не трусь, мол, это же сон! Смешно?

- Не знаю, право…

- Расскажите что-нибудь о себе, Карл Христофорович! – попросила Дитятева. – Я ведь много чего о вас не знаю, хоть и женой почитаюсь… Ну, хоть о детстве своем. Я ведь, признаться, никак вас маленьким представить не могу!

- У меня было очень холодное детство, Ольга Владимировна, - вздохнул Ландсберг. - Но это я понял гораздо позже. Когда повзрослел…

…Он не был в своем поместье больше двадцати лет – с тех самых пор, когда слякотной осенью 1872 года уехал в Санкт-Петербург и стал вольноопределяющимся. Уехал – и словно вынул свою семью из сердца и положил ее на некую дальнюю пыльную полку. Удивительное дело, много раз размышлял об этом Карл. Удивительное дело – я уехал оттуда с отчетливым чувством великого облегчения. Так покидают чужой дом не обласканные судьбой и людьми пасынки, с подобным чувством прочь и навсегда уезжает от постоянных попреков куском хлеба дальняя родня. Но ведь он-то не дальний родственник своей матери, двум сестрам, брату. Его никогда и ничем не попрекали. Не мог и младший отпрыск семейства Ландсбергов упрекнуть свое семейство в невнимании, отсутствии заботы.

Почему у нас в доме было принято холодное вежливое внимание старших к младшим – и не более, - часто размышлял

Ландсберг. - Может, окончательное разобщение семьи произошло в год смерти отца? Скорее всего – да... Отец, при всей его отстраненности от домашних дел, при всей своей молчаливости был, наверное, единственным стержнем. Стержня не стало, и семья распалась на самостоятельные звенья. Звенья функционировали – каждое само по себе. Они не отталкивали друг друга, но и взаимного притяжения тоже не было.

Но почему же тогда, после страшного вечера 25 мая 1879 года, убив двух человек, он все же ринулся домой, к семье? Он и сам этого не понимал – до сих пор!

Старший брат Генрих, сколько себя помнил Ландсберг, занимался хозяйством в поместье еще при жизни отца. Он был тут и хозяином, и управляющим, и бухгалтером, и инженером, и главной рабочей силой. Генрих всегда был при деле, даже по большим праздникам. Единственное, что он изредка позволял себе, так это посидеть со стаканом грога полчаса у камина в большой столовой – и то на коленях у него всегда был толстый хозяйственный гроссбух.

18 тысяч десятин не самой плохой земли в уезде, как иногда с гордостью подчеркивал Генрих. И непонятно было – то ли с радостью это говорится, то ли с затаенной горечью. Поместье и хозяйство у Ландсбергов и вправду было немалым. Пашня, луга, водяная мельница, механическая молотилка, большой птичник, свинарники, конюшня, коровник… Однако существенных доходов все это, по-видимому, не приносило. О доходах – больших или малых – в доме Ландсбергов вообще не говорили, и Карл с мальчишеских лет и до сей поры так и не знал – был ли от всего этого хозяйства доход вообще? Когда в доме заходила речь о какой-то покупке, неожиданной плате или найме нового работника, все ждали решения Генриха. И он решал – без лишних слов прокручивал у себя в голове какие-то цифры и кивал. Или отрицательно качал головой.

Многие в округе были уверены, что Ландсберги – сказочные богачи и редкостные скряги одновременно. Что у них где-то зарыты сундуки с золотом. Карл знал, что это не так. Он убедился в этом, когда в семье встал вопрос о жизни и смерти умирающего отца. Сельский доктор, по просьбе Генриха, устроил у ложа больного консилиум, пригласив именитого коллегу из Вильно и даже какое-то

светило медицины из Санкт-Петербурга. Консилиум вынес вердикт: старого Ландсберга может спасти только солнце Италии и последующее лечение на водах.

Генрих нахмурился и спросил:

- Это точно спасет его?

Медики и сами не были уверены в своем вердикте. Они долго говорили о рискованности прогнозов в медицине, о непознанных возможностях человеческого организма, о воле Божьей. Но Генрих не отступал: сколько шансов выздороветь у отца? И в конце концов вырвал у докторов неохотное признание. С этим он и пошел к отцу.

- Отец, доктора говорят, что тебя может вылечить поездка в Италию и лечение водами. Шансов немного – я понял, что примерно, три к десяти. Скажи мне, что делать? Чувствуешь ли ты в себе силы? Нам придется продать молотилку или отдать деревенским мужикам всю землю за тем оврагом…

- Не говори ерунды, Генрих! - Ландсберг-старший сумрачно поглядел на первенца. - Двух твоих сестер никак не удается выдать замуж, они вот-вот окончательно станут старыми девами. И Карл растет – вам всем еще пригодятся и молотилка, и земля за оврагом. Даже если доктора дали бы мне полную гарантию выздоровления, я бы не стал вводить семью в такие расходы, Генрих! Лет пять-десять назад – возможно, да. Но не сегодня! Да и волю Господа нашего нельзя со счетов сбрасывать. Если он решил меня прибрать – приберет и в Италии. Прочь сомнения, Генрих! Помни: Ландсберги решают что-то только один раз – и назад не оглядываются. Иди к докторам, поблагодари их за честный ответ, расплатись с ними – и пусть Бог решает мою судьбу! Иди, Генрих!

Через два месяца отец умер. Уездный гробовщик, ловко обмерив покойника, быстро оценил скромную обстановку в имении, и, шмыгая носом, предложил Генриху смету похоронных расходов по невысокому разряду. Тот подумал и покачал головой.

- Нет, герр Мюллер, гроб я попрошу у вас не этот, а самый лучший. И похороны по первому разряду, - он поймал осуждающий взгляд матери и повторил. – Всё по высшему разряду! Мы можем себе это позволить…

Вдова только вздохнула, подчиняясь воле старшего сына.

Младший, Карл, как и две его сестры, права голоса в этом доме не имел. Да если бы ему и позволили высказать свое мнение – что он мог сказать? Он много раз видел похороны, и знал, что люди обычно придают большое значение тому, как именно будет похоронен покойник. То, что похороны отца пройдут, на радость гробовщикам, по первому разряду, наполняло его сердце своеобразной гордостью. Значит, будет четверка белых коней с черными плюмажами, молчаливые люди в белых цилиндрах и таких же широких плащах до самой земли. Будет торжественно-нарядный катафалк, который отвезет тело отца на лютеранское кладбище и вернется в город уже без него…

Ни горя, ни тяжести от потери близкого человека мальчик не испытывал. Сколько он помнил себя – отец ни разу не приласкал его, почти не разговаривал ни с ним, ни с сестрами. Христофор Ландсберг, потомок крестоносцев, считал, что только так и нужно воспитывать детей. Карл мог припомнить один-единственный знак внимания, который уделил ему отец.

Это было почти случайностью. Накануне в доме были гости – похожие на отца суровые старики, не обращающие на молодежь никакого внимания. Изрядно подвыпив, один из гостей, хвастаясь силой рук, завязал в узел каминную кочергу. Старики засмеялись, а Христофор Ландсберг, крякнув, без труда развязал этот железный узел и сложил кочергу наподобие складного метра, которым пользовался в мастерской.

На следующее утро Карл, встав пораньше, нашел изуродованную кочергу и попытался ее разогнуть. Он пыхтел, помогал себе коленом и не заметил, что отец, бесшумно зайдя в столовую, несколько минут с холодным интересом наблюдал за ним. Потом отец кашлянул, и Карл испуганно вскочил на ноги, как будто сотворил невесть какую шалость.

- Хочешь быть сильным, Карл? – спросил отец. Он тяжело опустился в кресло, жестом подозвал младшего сына, поставил перед собой и ощупал его шею, руки и плечи твердыми, будто из дерева, ладонями. – Тебе уже 14 лет, у тебя широкие кости, крепкая шея и спина. Да, ты можешь быть сильным. Таким же, как был Иоган Ландсберг, твой предок. Его еще называли Каменным Иоганом, или

Скалой. Он пришел на Русь с берегов Рейна, да так и остался здесь, получил службу у русских князей. Говорят, что он одним ударом меча мог перерубить пополам лошадь в доспехах… Хочешь быть таким же сильным, Карл?

- Я не знаю, отец… То есть хочу – но это, наверное, невозможно.

- Пойди в нашу кузницу, скажи Вильяму – я велел! – дать тебе железные прутки разной толщины для укрепления силы рук. Гни их каждую свободную минуту. Перетаскай камни со старой мельничной запруды – по одному в день, не больше! Помнишь – там же лежит старый мельничный жернов от сгоревшей мельницы?

- Да, отец.

- Когда ты сможешь затащить этот жернов на холм, ты станешь таким же сильным, как Каменный Иоганн. А сейчас иди…

По сути дела, это был самый длинный разговор Христофора Ландсберга с сыном. Старик никогда больше не возвращался к этой теме. Не интересовался – ни тем, как Карл ежедневно гнет и разгибает железные прутки, ни как таскает камни, ни как день за днем пробует силы на мельничном жернове.

К 16 годам Карл мог повторить «фокус» с кочергой, но мельничный жернов был ему неподвластен. Уже когда отец умер, Генрих как-то неожиданно спросил у младшего брата – для чего тот часто возится с тем жерновом? Выслушав Карла, хмыкнул:

- Одной силы тут мало. Если хочешь справиться с жерновом, сначала подкопай его так, чтобы его можно было катить… Впрочем, ты все равно не успеешь этого сделать – через неделю-другую ты закончишь гимназию и мы поедем с тобой в Санкт-Петербург.

- Зачем, Генрих?

- Отец мечтал увидеть тебя военным. Так оно и будет. Я не сумел получить чин офицера: поместье требовало и требует слишком много времени и сил. Ты ведь хочешь стать военным, Карл? Офицером?

- Кавалеристом? – с надеждой посмотрел на брата младший отпрыск Ландсбергов.

- Хм… Гвардейская кавалерия – это, конечно, очень красиво. Но слишком дорого для нашей семьи, я наводил справки. Да и какая

польза в том, чтобы уметь сидеть на коне и участвовать во всяких парадах и смотрах? Я думаю, что военная профессия должна тебе дать что-то такое, что всегда в жизни пригодится. Чем плохо, Карл, быть военным инженером? Уметь не только разрушать, но и строить?

Карл разочарованно пожал плечами: инженером так инженером. Спорить он не стал: младшие в семье Ландсбергов никогда не спорили со старшими, а беспрекословно подчинялись им.

- Да, я верю в тебя, Карл! – Генриха, очевидно, все больше и больше захватывала его задумка. – К тому же и преподаватели в гимназии, и школьный инспектор хвалят тебя. Ты не лентяй, Карл, ты сделаешь замечательную карьеру, и в семье Ландсбергов будет свой инженер-генерал. Мы небогаты, ты знаешь, Карл. И твоя карьера не будет быстрой. Зато это будет твоя карьера. Ты согласен?

Последний вопрос был излишен. Генриха интересовало не согласие Карла с его выбором, а лишь принятие или непринятие логики его рассуждений. Логика была безупречной, с ней было трудно не согласиться. И младший из рода Ландсбергов стал учиться на военного сапера.

До своего 16-летия Карл дальше уездного городишки Шавли не бывал. И когда старший брат и глава семьи Генрих повез его в столичный Санкт-Петербург, Карл едва не пошел на попятную!

Петербург был подавляюще мрачен и высокомерен. Серые громады домов, холодная пустота площадей и даже дневные сумерки улиц-ущелий словно говорили робким провинциалам: вы здесь чужие! Чужие. Чужие… Чужими были братья Ландсберги и на шумных, оживленных улицах и проспектах, заполненных куда-то спешащими столичными обитателями. И на неспешном променаде по солнечной стороне Неского проспекта, подавляющем своей широтой и помпезностью, где люди никуда не спешили, они тоже были чужими…

Наметанный глаз петербуржца – будь то мастеровой или щеголь-аристократ - мгновенно, по покрою одежды, по напряженности походки, предупредительности в уступании дороги мгновенно определял чужаков, и, как правило, более ими уже не интересовался. Во время первой прогулки по столице Карл несколько раз ловил себя на детском желании взять брата за руку.

Он даже раз заикнулся брату про извозчика, где можно было бы спрятаться от насмешливых взглядов – однако извозчика Генрих не взял из экономии.

В Петербурге и сам старший брат стал каким-то чужим, открылся мальчишке с незнаемой доселе стороны. Куда делась его спокойная уверенность хозяина большого поместья – здесь он суетился, сделался многословен, и даже походка его потеряла провинциальную уверенность. Еще больше брат растерялся, когда давно осевший в столице земляк твердо заявил, что шансов сдать вступительные экзамены в училище у юного провинциала немецких кровей нет.

- Не тратьте время, - бурчал сквозь клубы дыма из короткой трубки земляк. – Мальчик лютеранской веры? Ну и что же ты хочешь, Генрих? Неужели ты никогда не слышал о триедином принципе сегодняшней политики России – «один царь, один язык, одна вера»… Ну посуди сам, Генрих: если добрая пятая часть всех учебных занятий юнкеров составляет, как мне доподлинно известно, православный Закон Божий, о чем тут говорить? Подумай-ка, где быть мальчишке во время этих уроков – в коридоре, что ли? Максимум, на что могут рассчитывать инородцы в России – это школы вольноопределяющихся. Но и там, каким бы умным не был мальчик, он закончит только по второму разряду. То, что русским будет даваться легко, немцу в России приходится отвоевывать с боем!

- Но это же несправедливо!

- Ха! Побойся Бога, Генрих! О какой справедливости ты говоришь? Скажи-ка, будь ты фельдмаршалом и набирай войско в поход – кому бы ты отдал свое предпочтение? Наверное, тем, кто предан тебе и твоей вере душой и телом. Как ты поручишься за солдат, которые имеют своего Бога и молятся по-другому? Радуйся, по меньшей мере, тому, что мы не поляки, не чухонцы и не евреи. С теми разговора в русской столице нет вообще! Конечно, ваш дворянский род достаточно знатен и славен – но кому сегодня в России нужна чья-то былая слава?

- Ну а если?.. – брат понизил голос и выразительно потер указательный и большой пальцы левой руки.

- Могут и взять, - хохотнул земляк. – Но взамен ты все равно ничего не получишь! И будь осторожен, Генрих! Те, кто здесь берет взятки, ревностно следит друг за другом. Так можно и в тюрьму угодить! Впрочем, суммы «благодарственных подношений» здесь столь велики, что вряд ли окажутся тебе по карману.

В правоте земляка Карл убедился через несколько дней, когда по настоянию упрямого брата все же держал вступительные экзамены в Николаевское специальное инженерное училище. Генрих рассудил, что наплыв аристократов в учебное заведение, где больше учат делу, а не танцам, будет ниже, нежели в кавалерийское или артиллерийское. За столом напротив Карла, кроме преподавателя, сидел и православный священник с добрым бородатым лицом. Преподаватель тоже, впрочем, не выглядел свирепым драконом – часто кивал, одобрительно щурился на кандидата в юнкера и даже похвалил его познания в области древнейшей истории. Однако в экзаменационной ведомости, вывешенной на следующий день в гулком вестибюле Инженерного замка, напротив фамилии Ландсберга все равно красовалась унылая и совсем не счастливая семерка. Семь баллов из двенадцати возможных – в списке счастливцев, выдержавших приемные экзамены, свою фамилию можно было и не искать!

- Ничего, Ландсберги никогда не оглядывались! – утешал младшего брата Генрих. – В чем дело, в конце концов?! Ты пройдешь весь курс вольноопределяющимся, зато потом, став офицером, будешь посмеиваться над неженками из юнкерских училищ.

Карл слушал, и ему казалось, что брат больше утешает себя, нежели его. Через три дня Генрих уехал, оставив Карла в присутствии казарм Лейб-Гвардии Саперного батальона, где тому и предстояло в течение 2 лет с половиной постигать премудрости офицерской профессии.

Впрочем, первую премудрость ему пришлось постичь буквально в первый день. То ли старший брат что-то не понял, то ли произошла какая-то армейская неразбериха – однако уже в полдень выяснилось, что число мест в казармах для вольноопределяющихся меньше, чем самих «вольноперов». И тем, кто не попал в списки, «дозволяется» на все время обучения в полку жить на вольных

квартирах.

Фельдфебель, сообщивший юношам эту новость, поинтересовался – все ли господа вольноопределяющиеся имеют в Петербурге жилье либо родственников? Не имеющим после обеда было предложено свободное время для поисков пристанища – причем фельдфебель подчеркнул, что в их же интересах найти жилье поближе, ибо занятия у «вольноперов» начинаются в 7 ½ часов утра, а до этого времени нужно еще успеть переодеться в форму и позавтракать.

Кто-то спросил – а к чему каждый день два раза переодеваться? Раз им выдадут форму, значит, в ней можно будет ходить и на занятия, и домой…

- Забудьте об этом, господа вольноопределяющиеся! – трубил фельдфебель, отбивая такт речи ударами кулака в ладонь другой руки. – Форма гвардейского сапера ко многому обязывает! Прежде вам нужно научиться носить ее, чистить и содержать в порядке. Выход в город в форме – все равно что первое причастие, это надо заслужить!

Увлекшись своими воспоминаниями, Ландсберг не сразу заметил, что дыхание Дитятевой стало ровным. Он приподнялся на локте, присмотрелся – но остатки керосина в лампе давно выгорели, а печка почти погасла, и лишь иногда слабые багровые блики в ее открытой дверце освещали угол стола.

- Ольга Владимировна! –негромко позвал Ландсберг. – Вы спите?

Дитятева не ответила. Он тихо хмыкнул и понимающе усмехнулся: долгое утомительное путешествие и обилие свежего таежного воздуха сделали свое дело. Женщина крепко спала.

Ландсберг хотел было встать и поправить, если нужно, шкуру на спящей супруге – но не решился. Вдруг проснется, спросонья может испугаться. Ничего, в заимке тепло, ветра на улице нет, до утра избушку не выстудит. Пусть спит…

Ретроспектива-12
Агитация

Приоткрытая, как обычно в дневное время, дверь камеры Ландсберга коротко взвизгнула, знаменуя чей-то очередной визит. Узник вздрогнул, приподнялся на локтях и с надеждой посмотрел на дверь: несмотря на неделю, проведенную в тюрьме, он еще не разуверился в чудесах.

Чаще всего происшествие с ним казалось молодому офицеру каким-то дурным, чудовищным в своей реальности сном. Надо было только суметь проснуться – и все вернулось бы на свои привычные места.

Иногда – но, увы, все реже и реже – арестанту представлялось, что хладнокровное двойное убийство в Гродненском переулке совершил вовсе не он. И что в любой момент тюремщик или следователь, широко и ободряюще улыбаясь, объявит ему об этом, с почтением и извинениями проводит к выходу из тюремного замка, вернет гвардейский мундир… Что у ворот замка его будут ждать товарищи-офицеры на нескольких колясках, загруженных шампанским и корзинами цветов. А командир полка, князь Кильдишев, первым, по-медвежьи косолапя, шагнет с раскрытыми объятиями навстречу и загудит смущенно-радостно: «Ну, брат, ты того! Уж не серчай на боевых друзей – не сразу поспели выручать…»

А в сторонке ему обязательно представлялась закрытая карета с такими знакомыми рысаками, с занавесками на окне, которые шевелят нетерпеливые и такие родные тонкие пальчики…

«Вот так люди и сходят, наверное, с ума» - каждый раз встряхивал головой Ландсберг и снова утыкался лицом в жесткую плоскую подушку с неистребимым, казалось бы, запахом пеньки и сырого грубого полотна. Нет, никто не объявится в его камере с добрыми вестями, с улыбчивыми лицами, с дружескими объятиями.

Но на сей раз дверной проем загородила действительно необычная для сих скорбных мест фигура. Ландсберг невольно сел на кровати, усиленно мигая глазами и пытаясь распознать появившееся в его камере чудо-чудное, диво-дивное.

Одето «чудо» было ни в серое арестантское отрепье, ни в черный мундир тюремных служителей и приставников. Не было на «чуде» ни темно-зеленого мундира следователя окружного суда (успевшего Ландсбергу надоесть), ни перекрещенного белыми ремнями портупеи мундира солдатской конвойной службы.

В дверях стоял высокий, под притолоку человек в черной суконной паре, казавшийся еще выше от столь необычного в тюрьме цилиндра. В одной руке фигура держала небольшой саквояж наподобие докторского, на другой, согнутой в локте, тяжелыми складками висела черная же хламида наподобие длинного плаща.

Не успел Ландсберг спросить у фигуры что-нибудь – и вообще решить – надобно ли спрашивать или нет, как человек в дверях сделал шаг вперед, учтиво и рывком склонил голову и звучным тенором представился:

- Честь имею рекомендоваться – граф Калиостро. Направлен был в сию камеру и в ваше общество, господин Ландсберг, согласно вашему же пожеланию.

- Но… Но я и в мыслях не держал просить в сокамерники вашу светлость! – совсем было растерялся Ландсберг.

- Не берите в голову, прапорщик! – фигура, сочтя формальности знакомства выполненными, смело прошла ко второй койке, швырнула на нее саквояж и тяжело плюхнулась рядом. – Не берите в голову – разве вы не понимаете, что истинный граф Калиостро едва бы позволил себе очутиться в этом гнусном узилище. Граф Калиостро - мой сценический псевдоним – носимый, правда, с гордостью и честью. Итак, честь имею представиться вторично: бывший штабс-капитан Захаренко, Сергей Григорьевич, ныне мещанин, и, как вы

догадываетесь, лицедей.

Карл Ландсберг не смог удержать легкого вздоха сожаления: лицедей – вот какое общество составила ему судьба!

- Так, может, сударь, и штабс-капитанское звание взято вами исключительнодля сценических надобностей? – поинтересовался Ландсберг.

- Не смейтесь над святым! – взвился было с койки Захаренко, однако тут же рухнул обратно. – Впрочем, имеете право сомневаться. Достоин, увы! Тем не менее, готов памятью батюшки поклясться, что в сем выдумки нет! Клянусь, сударь!

- Да я верю вам, - Ландсберг вяло пожал плечами. – Мне, собственно, все равно…

- Бросьте, прапорщик! Вам сколько лет, простите? Двадцать четыре… Боже мой! Всего лишь двадцать четыре! И вы уже считаете себя вправе быть равнодушным ко всему человечеству? Я почти вдвое старше вас, милостивый государь! И, смею утверждать, что видел побольше славных капитанов, полковников и даже генералов, чьи чины и награды добыты отнюдь не в кровавых боях. Нет-нет: я слышал про то, что вы боевой офицер, что воевали и в Туркестане, и под Плевною. Дело не в том, сударь. Я имею в виду другое: нет ничего святого на этой грешной земле. Как сказал великий сочинитель Вильям Шекспир, весь мир – театр, и люди в нем актеры. Да-с! Изволили слышать о Шекспире, господин прапорщик?

- И слышать доводилось, и видеть его пьесы видел – но никогда столь буквально не понимал и не пойму этого господина сочинителя! И не соглашусь с вами в том, что на этой земле нет ничего святого.

- Экий вы задиристый, господин прапорщик! Сами просили товарища вам в камеру дать, вам пошли навстречу. А вы меня чуть ли не взашей, право…

- Однако! – чуть усмехнулся Ландсберг. – Однако, какая поразительная осведомленность! И ваш наряд, милейший экс-штабс-капитан, меня смущает – скажите-ка, сударь, как вам разрешили сидеть в тюрьме в партикулярном? Или, может, вы и не сидите здесь вовсе? А исполняете некий долг?

- Заноза, заноза! Чистая заноза! Отвечаю по порядку: во-первых, тюремные тамтамы поразительно осведомлены обо всем,

что происходит в стенах тюрем и острогов. Вот я, к примеру, про вас знал еще в пересыльной тюрьме Динабурга третьего, если не ошибаюсь дня…

- А что же вы знали? К примеру?

- Ну, что в Литовский тюремный замок попал боевой молодой офицер. Который… ну, как бы это помягче.. Который не совладал со своими чувствами и плохо разбирается в шутках и характерах стариков. Слышал, что сия трагедия нарушила блестящие брачные планы офицера. Ходили также слухи о том, что юный герой осмелился после ареста сказать главному вершителю своего горя правду… Господин прапорщик, вы то бледнеете, то багровеете – надеюсь, вы не кинетесь на меня с кулаками? В таком случае, мне, верно, лучше умолкнуть.

- Удивительно! - помолчав, пробормотал Ландсберг. – И в Динабурге уж знают обо мне! Нет, сударь, мне ни к чему бросаться на вас – тем более, что от вас я услышал о себе правду!

- Эх-хе-хе, молодой человек! Эхе-хе, да ведь за правду-то люди, по большей части и страдают. Ну-с, позвольте продолжить объяснения?

- Продолжайте, сделайте милость…

- Относительно моей обмундировки – речь особая. Тут, изволите ли видеть, меня рост подвел. Высок очень и длинноног. Тюремную одежонку подобрать для меня затруднительно. Да и к чему казенные суммы тратить? К тому же, подолгу меня в острогах да тюрьмах не держат-с. И кончается все обычно даваемым мной на прощанье представлением. Балаганом-с! Ну, а то, что для мало-мальского фокуса подготовка и одежонка специальная нужна – вы, сударь наверняка слыхали. Фокусники и лицедеи – всего лишь люди, а не волшебники. Необыкновенная ловкость рук, усиленные довольно нудными, признаюсь, постоянными упражнениями – вот и все волшебство. Не считая, повторяю, специальной пошитой одежды, который только на вид кажется обычной.

- Значит, вас не касаются общие тюремные правила и уставы?

- Это маленькое попущение со стороны тюремного начальства продиктовано, смею заметить, личными его интересами. Арестанты за решеткой сидят – и тюремное начальство, хе-хе, вместе с ними

срок отбывает, хоть и будучи свободными, в отличие от нашего брата, людьми. Скучно-с! Уж так тут скучно бывает, что и с ума порой сходят. Между прочим, случаи умопомешательства тюремщиков более часты, чем призреваемых ими узников, клянусь честью! А тут я, вот он! И с позволения Попечительного о тюрьмах комитета мне дозволяется иной раз вселить почтеннейшую тюремную публику.

- Удивительные вещи вы рассказываете, сударь!

- Нет, меня, конечно, тоже обыскивают, как и всех прочих арестантов. Однако дозволяют оставлять при себе много больше, чем, скажем, вам.

- Удивительно, - повторил Ландсберг. – Ну, а к примеру?

- К примеру? Извольте! Есть у меня такой помощник, который со мной с десяток тюрем уже прошел. Алле – оп! – Калиостро-Захаренко ловко сбил с собственной головы цилиндр, да так, что он увесисто, будто набитый зерном, шлепнулся на пол.

Затем необычный «гость» вытянул губы и с помощью языка стал производить быстрые шипящие звуки, весьма похожие на громкое принюхивание какого-то животного. Сразу же цилиндр на полу зашевелился, наклонился, и из-под него, к несказанному удивлению Ландсберга, выбралась изрядных размеров… крыса. Впрочем, от тюремных, обычных, она отличалась белоснежным мехом, ярко-розовым хвостом и яростно горящими рубинами глаз. Под продолжающееся шипение Калиостро-Захаренко крыса поднялась на задние лапы, и, махая передними в воздухе, неуклюже направилась к молодому офицеру.

Вид у крысы был и смешон, и устрашающ одновременно. Ландсбергу стоило немалых усилий удержаться от того, чтобы не отскочить от наступающей крысы в угол, или, по крайней мере, не забраться на кровать с ногами.

Когда крыса подобралась к Ландсбергу совсем близко, Калиостро расхохотался и перестал шипеть. Крыса же немедленно опустилась на все четыре лапы, и, не обращая более на офицера внимания, вернулась к своему хозяину. Ловко взобравшись ему на колени, крыса исчезла в рукаве, и только кончик розового хвоста напоминал о том, что здесь только что было животное.

- А у вас крепкие нервы, прапорщик! – продолжая смеяться, похвалил «Калиостро»-Захаренко. – Другой бы на вашем месте либо отбежал, либо попытался мою Мотьку зашибить ногой.

- В первый раз вижу белую крысу, - облизал губы Ландсберг.

- И опять-таки ничего удивительного, сударь! – с достоинством объяснил фокусник. – Сия порода рукотворная, и специально выведена учеными для проведения научных и медицинских экспериментов. Обычные крысы в разных странах несколько отличаются друг от друга. Причем почти все – крайне агрессивны. А здесь человеческий гений нашел великолепное решение по унификации подопытного материала. И одновременно сумел избавить лабораторное животное от присущей ему природной агрессии… Ну и эстетически белая крыса, согласитесь, смотрится на сцене более эффектно, чем обычная серая или черная! Правда, должен признаться, сударь, что в смысле сообразительности лабораторные белые крысы значительно уступают диким своим собратьям, что, признаться иногда, при подготовке очередного номера, сильно раздражает! Ну, что есть, то есть.

- А что она умеет, эта ваше Мотька? – поинтересовался Ландсберг.

- О-о, Мотька великая умница! – воодушевлением заявил Калиостро-Захаренко. – Однако, прежде, молодой человек, нам надобно решить – останемся ли мы в сожителях или нет? Если ваша дворянская кровь и офицерская честь супротив такого близкого знакомства – что ж, не смею настаивать. Если вас удовлетворяет такое соседство по камере, то надобно, полагаю, представиться честь по чести, договориться о взаимных условиях и притязаниях и стать добрыми, хоть и тюремными, товарищами… Итак, сударь, ваше решение?

- Вы вполне устраиваете меня как сокамерник, сударь. А ваш характер позволяет надеяться, что мы вполне можем стать добрыми товарищами, - без колебания ответил Ландсберг. Вздохнув тут же, он добавил. – Да и кто я таков, чтобы выбирать? Я попросил у тюремщиков товарища – кто знает, может, они вольно или невольно предоставили мне лучшего, что может быть на свете. Как мне обращаться к вам, сударь?

- Да не чинитесь вы! Как я уже упоминал, меня зовут Сергей Григорьевич Захаренко. На Калиостро, графа и его светлость наплюйте, это все для афиш и дураков. Как прикажете обращаться к вам, господин прапорщик?

- Ваши тамтамы тоже ошибаются – невесело усмехнулся Ландсберг. – Уже на третий день ареста был издан Высочайший Указ о моей отставке с воинской службы. Так что зовите Карлом Христофоровичем. А с учетом разницы в возрасте, пожалуй, довольно будет и просто Карлом… Только одна просьба, Сергей Григорьевич – никаких уменьшительных и ласковых имен, производных от имени. Мне это будет напоминать… напоминать…

- Полно, молодой человек, я все понял. Вашу руку! Почту за честь! Так вы интересовались, что еще умеет делать моя Мотька, Карл?

- О-о, у меня к вам будет очень много вопросов. Боюсь, что надоем вам, Сергей Григорьевич! Вот вы упоминали, что вам часто доводится попадать за решетку – но за что, позвольте? Неужели за простое лицедейство?

- Ну, засыпали, засыпали действительно! Буду отвечать по порядку, избранному мной самим. Во-первых, ваши вопросы, смею заверить, ничуть меня не раздражают.Язык человеческий, будучи в тюрьме единственно свободной субстанцией, является к тому же универсальным инструментом общения. Случаются у арестантов, если вы пока еще не знаете, приступы хандры и меланхолии, когда раздражает все на свете, когда готов убить лучшего друга. Однако, думаю, что вы научитесь распознавать такие моменты: тюрьма – великий учитель, в том числе и деликатности. Да, мне частенько приходится бывать на казенных тюремных хлебах – но и в этом, Карл Христофорович, есть закономерность!

- Ну, а нынче, к примеру, за что вас сюда?

- Если вдуматься, то за чистую ерунду! Но, тем не менее, я здесь! Извольте, расскажу. Гастролировал я в мае месяце в Витебске. Знаете, бывали? Нет? Ну, немного и потеряли – пыльный, скучный городишко. От артистической труппы я отделился там сразу, ибо Мельпомена и витебчане – суть несовместимая разница! Труппа голодала, актеры рыскали в перехватывании обеды то тут, то там.

Хозяин гостиницы грозил всю труппу за неуплату посадить в «холодную». В общем, я ушел из труппы и поставил на ярмарке свой балаган. Расклеил афиши: «Единственное в мире чудо природы! Лошадь, у которой хвост находится там, где голова!» Вход – пятачок, лошаденку одолжил у татар-возчиков. У них же взял взаймы большой барабан и нанял одноглазого и страшного, как дьявол, цыгана. Тот бил в барабан, а всяких колеблющихся у входа жутким шепотом отговаривал заходить – если «нервы и воображение не в порядке». Да-с… Дня на два моя затея, Карл Христофорович, сработала. Витебчане – и особенно съехавшиеся на тамошнюю ярмарку крестьянское народонаселение – иной раз заходили в мою палатку и по два, и по три раза. Чтобы понять, в чем тут дело! Но потом дошло даже и до них – и мою гастроль как отрезало! Сборов едва хватило для расчета с цыганом, который грозился меня зарезать. Лошадь и барабан отдал татарам без оплаты, ибо проклятый мерин сжирал все, что оставалось от цыгана, да от полицейского билета на дозволение гастролей.

- Но я не понял сути этих ваших гастролей, - взмолился Ландсберг, слушавший «Калиостро» в большим вниманием. – В чем была соль вашей затеи?

- Все было очень просто, мой мальчик – вздохнул «Калиостро». – Мерин в палатке был привязан не головой к яслям, а, наоборот, хвостом. А простаки, ожидавшие за пять копеек увидеть какого-то необыкновенного урода или чудо природы, были раздосадованы и разочарованы. Причем настолько, что передавали друг другу по знакомству восторженные реляции о чуде. Чтобы не одним, стало быть, прослыть дураками.

- А что, бывает и так, что, обманувшись сами, обыватели спешат расширить круг обманутых?

- Карл Христофорович, как я вам завидую! Вы еще так молоды, так сильны своей наивностью… Разумеется, Карл Христофорович! Только так – иначе люди, подобные мне, оставались бы всегда без куса хлеба!

- Так за это в тюрьму?

- Не за это, молодой человек! За гордыню! – «Калиостро» вытащил крысу из рукава, погладил ей мордочку и посадил под

цилиндр, который так и оставался на полу. – Обозлившись на тупых витебчан, я задумал сыграть над ними шутку позлее прежней. Убрал из палатки проклятого мерина, задрапировал всю внутренность черным бархатом –пришлось в местном варьете занавес одалживать. Нанял теперь не цыгана – околоточного, который ни за что не должен был пускать в палату барышень, детей и господ офицеров. Сменил вывеску, которая стала намного короче и загадочнее: «Здесь угадывают!! Женщинам, детям и господам офицерам вход строго воспрещен!!! Цена билета – 50 коп. серебром». Представляете, Карл, эффект от моей выдумки? Кругом – копеечные палатки с уродами и грудастыми лже-русалками с кисейными хвостами – а посредине ярмарки – моя таинственная палатка. Кругом – вход с утра до вечера, а я придумал дополнительную хитрость: вход только ½ часа в день, начиная с полудня.

Ландсберг, предчувствуя необычный финал, уже начал недоверчиво пока улыбаться.

- Да-с, Карл! Обыватели с утра начали собираться рядом с моей палаткой. Сначала они крутили пальцем у виска, громко хохотали, но, уверяю вас, к полудню у палатки выстроилась очередь более чем в тридцать человека! Представляете?! И это при том, что среднее жалование тамошних чиновников не превышает 12-18 рублей в месяц! Стояли и ждали, голубчики!

- И что же они угадывали?

- Да ничего особенного, сударь! Ровно в 12 часов околоточный надзиратель начинал по одному впускать народ. Внутри я – весь в черном, весь из себя таинственный. Завязываю вошедшим глаза, предлагаю сделать шаг-два вперед и вытянуть руки. Вытягивают. Что перед вами? Стол, говорят. А на столе? – спрашиваю. – Кувшин какой-то, - отвечают. Прошу: суньте в кувшин руку и понюхайте! Чем пахнет-с? Плюются: помои какие-то, говорят. Я поздравляю с угадыванием, снимаю повязку и приглашаю следующего.

Ландсберг начал смеяться. Сначала тихо, потом захохотал так, что Мотька под цилиндром испуганно зашевелилась.

- Тем временем одураченного на улице обступали любопытные обыватели и начинались обычные расспросы – что да как? Не слишком ли, мол, дорого за удовольствие угадывания? – продолжал

тем временем «Калиостро». – А люди, хоть и дураки, очень быстро понимали: расскажи они правду – весь город будет над ними потешаться. И начинали расхваливать мое «представление» – кто во что горазд! Любопытные тут же бежали занимать очередь. Но все желающие в тот день в «угадайку» не попали: через полчаса, как и было обещано, вход закрылся. Зато на следующее утро толпа ждала с утра пораньше – под завистливый зубовный скрежет собратьев из других балаганов…

- Сергей Григорьевич, да неужто никто до следующего утра ваше тайну не выдал? – давясь смехом, спросил Ландсберг.

- Судя по толпе – никто! - покачал головой «Калиостро». – И я, старый дурень, уже прикидывал барыши на сегодняшний и завтрашний день – ибо больше трех дней без позволения губернатора представление оставлять было нельзя - как вдруг все испортил городской полицмейстер. Увидел толпу, хотел было разогнать по привычке. Видит – порядок околоточный вроде охраняет. Тогда полицмейстера любопытство взяло, и он, не дожидаясь часа открытия, не заплатив, пользуясь своей властью, полтинника, зашел ко мне в палатку.

- И что было потом?

- А что мне оставалось делать, сударь? Завязал глаза, велел понюхать из кувшина. У полицмейстера насморк оказался, не понял он – что нюхает. Ну, тогда я, грешник, лизнуть предложил палец…Ох, что было!

- Что же было, Сергей Григорьевич?

- Сначала полицмейстер мне кувшин на голову надел, да-с… Остатки помоев на околоточного выплеснул – за утерю бдительности. Меня – на сутки в «холодную». Утром – предписание: в 24 часа покинуть пределы губернии. Я бы и покинул с превеликим удовольствием – да тут выяснилось, что среди вчерашних угадывающих был чиновник по особым поручениям при губернаторе. Ну, тут уж все! Вид на жительство куда-то затеряли вместе с паспортом. В «пересылку» - а потом и сюда. Так-то, уважаемый Карл Христофорович!

Калиостро-Захаренко говорил не умолкая, и уже через какой-нибудь час-полтора Ландсбергу казалось, что он знает своего

веселого и остроумного собеседника всю свою жизнь. Ну, а немудрящие фокусы и всевозможные акустические эффекты заставляли молодого офицера прямо по-детски всплескивать ладонями.

Наконец, Захаренко явно подустал, стал позевывать, и, наконец, с присущей ему откровенностью признался молодому товарищу, что не прочь часа на три-четыре «задать храповицкого» – ибо предыдущие два дня были для него весьма хлопотны, а ночь, стараниями конвойных из Динабурга, была и вовсе бессонной.

В эту минуту прикрытая было дверь в коридор широко распахнулась и на пороге возникли фигуры приставника, начальника отделения для благородных, и одного из его помощников, постоянно находившемуся в коридоре отделения.

- А у вас довольно весело, господа! – криво улыбнулся приставник, присматриваясь к новой для него фигуре Захаренко. – Ну-с, господин Ландсберг, изволите ли быть довольны вашим новым товарищем?

- Так точно! – отрапортовал с улыбкой молодой офицер, вскочив с койки – в то время как «Калиостро» продолжал сидеть в довольно вольной позе – и, мало того, совершенно недвусмысленно собирался раскурить длинную тонкую «гавану», невесть откуда взявшуюся у него меж пальцев. При это «Калиостро» словно бы не замечал предостерегающих знаков, подаваемых из-за спины пристава его помощником.

- А вы, господин Захаренко – или, если угодно, господин «Калиостро», как я погляжу, не только весьма дерзки, но и явно собираетесь нарушить пункт уложения о содержании арестованных в Тюремном замке, - добродушие все еще не исчезло из голоса приставника, однако насупленные брови ясно давали понять, что доброта в любой момент может смениться строгостью.

Захаренко же, словно не слыша, чиркнул спичкой, выпустил клуб ароматного дыма, разогнал его ладонью – и только в этот момент, словно пробудившись от глубокой задумчивости, заметил грозное тюремное начальство. С нарочито испуганным видом он вскочил на ноги, изо всех сил разгоняя дым сигары. Во время этих манипуляций сама сигара куда-то таинственным образом исчезла, а

сигарный дым, растворившись в воздухе, превратился в цветочный резковатый запах.

- Я наслышан о вас и ваших удивительных способностях, Захаренко. Но в стенах вверенного моему попечению отделению тюремного замка терпеть ваши выходки не намерен!

- Ваше сиятельство, - укоризненно подсказал ему «Калиостро».

- Да, ваше балаганное сиятельство, - окончательно озлился приставник. – Не намерен-с! Потрудитесь отдать моему помощнику все курительные принадлежности, а вслед за этим проследуйте за ним в карцер. Двое суток на хлеб и воду, - приставник повернулся к своему помощнику, грозя почему-то кулаком ему, а не виновнику скандала. – Вы что – не обыскиваете арестантов при водворении их в камеру?!

- Виноват-с, господин приставник! Смею заметить, что все необходимые процедуры с господином Захаренко были соблюдены, исключая замену вольной одежды тюремной, - помощник тут же торопливо принялся обшаривать Захаренко. – Однако осмелюсь напомнить, что на сей счет имеется специальное разрешение Попечительного о тюрьмах комитета. И оно, полагаю, подразумевает…

Голос помощника по мере обыска становился все тише и растеряннее, а под конец вконец обалдевший чиновник и вовсе смолк. И не удивительно, ибо у ног «Калиостро»-Захаренко к концу обыска появилось множество самых разных предметов – ярких гуттаперчивых мячиков, разноцветных лент, кошельков, трубок, странных геометрических фигур и даже горшка с неким полузасохшим растением.

- Оно и видно, как вы, господин помощник, исполняете свой долг, - презрительно обронил приставник, направляясь к двери и доставая на ходу массивный оловянный свисток на цепочке.

Тем временем «Калиостро», подмигнув Ландсбергу, вытянул губы и опять начал издавать громкое «принюхивание» – быстро прогоняя воздух туда-сюда меж сомкнутых зубов. Крыса Мотька не замедлила вылезти из-под стоящего на полу цилиндра, поднялась на задние лапы и, раскачиваясь, сама тихонько завизжала – очевидно, не в состоянии определить объект очередной «атаки».

Обернувшийся на шум приставник при виде Мотьки вытаращил глаза и засвистел в свисток что было мочи.

Громкая пронзительная трель, очевидно, явилась для крысы каким-то сигналом. Неуклюже ковыляя на задних лапах, визжа уже изо всех сил и угрожающе размахивая короткими передними лапками с прозрачными коготками, она двинулась к приставнику.

«Калиостро» громко хохотал, помощник приставника, забившись в угол, торопливо и наскоро крестился. Выскочивший в коридор приставник продолжал наполнять помещение свистками почти без перерыва. Ландсберг, не без основания опасавшийся в результате скандального происшествия опять остаться в одиночестве, что-то пытался объяснить помощнику приставника. Самому приставнику, крепко держащему двери снаружи и едва не оглохшему от собственного свиста, объяснить что-либо не было никакой возможности.

Пронзительный сигнал тревоги, меж тем, быстро нашел отклики. Засвистели приставники смежных отделений, их помощники во дворе. Забухал во внеурочное время замковый колокол, и даже в приемной смотрителя замка в его флигеле поднялся какой-то неясный шум.

Судейкин, успевший с утра сменить штатское платье на голубой мундир с полковничьими знаками различия, легко поднялся из кресла, и, подойдя к окну, чуть сдвинул тяжелую штору, с любопытством прислушиваясь к растущему во дворе шуму. Смотритель замка Сперанский, подавляя раздражение, метнул на посетителя недобрый взгляд и резко позвонил в настольный колокольчик. Всунувшемуся в двери чиновнику в форме тюремного ведомства было велено немедленно узнать о причинах «бедлама», а самое главное – немедленно прекратить шум.

Чиновник исчез. Сперанский, столь же недовольно поглядывая на высокопоставленного жандарма, крупными глотками выпил стакан воды из графина.

- Не сомневаюсь, впрочем, что весь этот шум и суматоха во вверенном моему попечению тюремном заведении имеют отношение к вашему требованию приватного разговора с этим вашим новым арестантом, как его… Захаренко, - неприязненно предположил

смотритель и снова налил себе воды. – Извините, но, похоже, от вашего ведомства одно беспокойство.

Судейкин от души рассмеялся.

- От моего ведомства? Помилуйте, ваше превосходительство, при чем тут мое ведомство? Я явился к вам с самой обычной просьбой, подкрепленной, кстати, письменным распоряжением двух ваших непосредственных начальников-генералов. Письменным! – Судейкин легко и почтительно постучал пальцами по гербовой бумаге с витиеватой подписью председателя Попечительного о тюрьмах комитета. – А ваши, извините, остолопы превратили привод сюда арестанта в какой-то шумный и неприличный балаган! И мы же, жандармы, еще и виноваты! Знаете, господин Сперанский, случись подобное в моем учреждении, пара-тройка виновных уже была бы на гаупвахте!

- К счастью, здесь не жандармское управление, - буркнул Сперанский и налил себе третий стакан воды.

Выпить его он не успел. В приемной раздался новый взрыв шума, обе половинки двери резко распахнулись, и в кабинет ввалилась целая толпа возбужденных тюремных чиновников. Двое солдат караульной службы ввели, поддерживая под локти, «Калиостро» со скованным впереди руками. Третий солдат, наслаждаясь всеобщим вниманием, вышел веред и положил к ногам Сперанского солидный узел, наспех сделанный из какой-то тряпки.

Судейкин фыркнул и, демонстрируя свою полнейшую непричастность к происходящему, опустился в кресло. Сперанский, в крайнем раздражении поставил стакан мимо столика и, поискав глазами, обратил гневный взор на приставника отделения для благородных, несомненного виновника его унижения перед жандармом.

- Ну-с, Соколов, что за балаган вы там устроили? И скажите этим идиотам, чтобы перестали звонить в колокол! – закричал Сперанский неизвестно кому. – Не хватало еще, чтобы в городе вообразили, что у нас тут бунт!… Итак, я вас слушаю!

Несколько смущенный таким приемом, приставник начал свой рапорт, поминутно прерываемый гневными понуканиями своего начальника и насмешливым хмыканьем жандармского полковника из

кресла.

- Как вы изволили приказать, я с помощником, спустя два часа после водворения господина Захаренки в камеру Ландсберга, зашел туда по предлогом наведения справок относительно возможности совместного проживания двух арестантов из благородных. Осмелюсь напомнить, что ваше сиятельство приказало также, не возбуждая никаких подозрений со стороны Ландсберга, найти возможность препроводить арестанта Захаренку в канцелярию. Все так было бы и исполнено, если бы Захаренко не устроил в камере гнусное представление со множеством предметов, которые тюремным уставом, правилами внутреннего распорядка замка и вашими личными приказаниями запрещены…

- А вам сказали, милейший, что арестант Захаренко находится на особом, так сказать, положении? – беззаботно прервал приставника Судейкин. – И что жандармская опека, так сказать, над этим человеком дает возможность закрывать глаза тюремным служащим кое на что?

- Да, но…

- Одна крыса чего стоит, - мрачно заметил кто-то из помощников смотрителя. – Где же это видано, чтобы арестанты на тюремное начальство крыс натравляли? Да еще неестественного цвета, размера и дикого, осмелюсь доложить нрава? Может, у вас, в жандармском, такое и возможно, но никак не у нас! Вот, извольте посмотреть! Эту зверюгу солдат Ефимов шапкой накрыл и тряпицей обмотал. Покажи его сиятельству, Ефимов!

Солдат смело протолкался вперед, и, не обращая внимания на протестующие жесты Сперанского, перевернул над его столом скомканную кепи-бескозырку. Сперанский поспешно отскочил от стола – однако из тряпицы с жалобным пиканьем вывалилась не крыса неестественного цвета и размера, а крохотный желтый цыпленок.

Приставник, его помощник и солдат дружно вытаращили глаза и закрестились от такого «чудесного превращения».

- Вот видите, господин Сперанский, чего стоят ваши работнички? – укоризненно подал голос из кресла Судейкин. – Крысу с цыпленком перепутать! Захаренко, а ты что – еще в кандалах?

«Калиостро»-Захаренко, пожал плечами, позвенел наручниками под широкими рукавами и вслед за тем почтительнейшим образом, положил раскрытые браслеты на краешек стола. Солдат, нащупывая на поясе ключ от ручных браслетов и дико посмотривая то на него, то на арестанта, снова закрестился.

- Я же предупреждал ваше сиятельство, что мой подопечный в высшей степени необычный человек, - улыбнулся Судейкин. – Впрочем, он побудет некоторое время в Литовском замке, под вашим надзором. И вы сами, ваше сиятельство, будете иметь возможность убедиться в необычайных способностях господина Захаренко. Или «Калиостро» – он предпочитает именовать себя именно так… Фи-и – Судейкин кончиком трости сбросил на пол цыпленка, нагадившего на какую-то бумаженцию на столе смотрителя.

Сперанский продолжал молча багроветь.

- Ну-ну, ваше превосходительство! Стоит ли из-за зова природы птички-невелички рисковать апоплексическим ударом?! – как ни в чем ни бывало продолжал Судейкин. – На чем это я остановился? Ах, да! Надеюсь, что, разрешив господину «Калиостро» устроить для персонала Литовского замка небольшое представление, вы и сами немало подивитесь его способностям. Разумеется, все эти невинные приспособления для фокусов и факирства я попросил бы ваше сиятельство оставить при нем. Слегка закрыть, так сказать, глаза на строгий тюремный устав. Прижмуриться!

Сперанского, наконец, прорвало:

- Государь в лице Попечительного о тюрьмах Комитета поручил мне строгий надзор за вверенными мне арестантами. Это у себя, в Жандармском корпусе, вы вольны делать все, что вам угодно! А я не позволю превращать тюремный замок в балаган! Какая низость! Сегодня он осмелился дерзко, в присутствии высшего начальства, с легкостью освободиться от наручников – а завтра, с вашего легкомысленного попустительства, откроет все тюремные двери – и что же, я должен снисходительно смотреть на это безобразие?! Не выйдет, господин полковник! Либо вы удалитесь отсюда вместе с вашим комедиантом, либо он будет, оставшись здесь, строжайше наказан за свое дерзкое поведение и бунт в дисциплинарном порядке, на общих основаниях. Думаю, что не менее десяти дней

карцера…

- Хватит, господин Сперанский! – малопочтительно оборвал смотрителя Литовского тюремного замка Судейкин. – Хватит! По совести говоря, я, позволив себе и своему подопечному пару невинных шуток, рассчитывал и повеселить вас, и побудить задуматься над сутью некоторых предметов, явлением которых вы стали свидетелем. Но все напрасно. Довольно! Если вы полагает, что мой полковничий чин и высочайшей ответственности занимаемая должность делают меня в ваших глазах комедиантом – то довольно! Надеюсь, что вот это высочайшее распоряжение убедит вас в серьезности дела, порученного мне лично… Вы понимаете, о чьей персоне идет речь? Не понимаете? Тогда потрудитесь ознакомиться! Только прежде попросите всех ваших людей выйти отсюда вон! Захаренко остается!

Судейкин вынул из тонкой папки, принесенной с собой, лист бумаги, украшенный вензелем Наследника престола и ярко-красной печатью на витом шнурке и подал его Сперанскому. Тот принял бумагу обеими руками, дважды прочел и бережно положил на стол.

- Преклоняюсь и готов исполнять… Но я же не знал, господин полковник! Право, я и подумать не мог, что порученное вам дело столь серьезно и секретно…

- А вам пока и не надо ничего понимать, господин смотритель. Я имею высочайшие указания и карт-бланш для их исполнения. А вы должны слепо повиноваться.

- Слушаюсь, господин полковник!

- Значит, так: этот человек, именуемый «Калиостро», останется в вашем замке на некоторое время. С обвинением, предъявленным ему, мы что-нибудь придумаем. Останется Захаренко, надо думать, в одной камере с Ландсбергом – тем паче, что последний, слава Богу, сам изъявил желание иметь в камере соседа. Захаренко получит от меня строжайшие инструкции и указание почти не подрывать ваши условия содержания. Я говорю – почти – ну, пусть ваш персонал считает его юродивым, слегка душевнобольным – отсюда и некоторые послабления. О комедиантском представлении решение вы, господин Сперанский, примете после настоятельных просьб тюремного персонала. Они последуют, не сомневайтесь! А пока,

ваше превосходительство, я попросил бы вас оставить меня с Захаренко наедине. Ну, вы сами понимаете – строжайшая государственная тайна.

- Понимаю-с! Сей момент! Здесь, у меня в кабинете, вам будет удобно?

Сперанский засуетился, начал было собирать какие-то бумаги со стола, потом махнул рукой и едва не на цыпочках, почтительнейше обойдя все еще бегающего по полу цыпленка, вышел за дверь.

- Ну что скажешь, Захаренко? – в тоне жандармского полковника и не осталось следов снисходительной насмешки.

- А что тут сказать, ваш-бродь, если сами знаете, что я с офицериком этим часа два только и пробыл, - пожал плечами Захаренко-«Калиостро». – Впечатление на него произвел, думаю, вполне благоприятное. О деле, разумеется, пока ни-ни! Высоко вами задумано, ваш-бродь, ничего не скажешь! Даже и не знаю – хватит ли таланту моего сделать из банального убийцы, может, и случайного даже, цареубийцу. Не знаю, ваш бродь…

- Ты не придуривайся, Захаренко! Во-первых, язык свой прикуси – о какой-такой подготовке цареубийцы речь вообще? Спятил совсем? Бредишь? Я тебе таких поручений не давал и давать не мог! А то, что домыслил сам – держи при себе, целее будешь! Гм… И второе: твои свойства убеждения и влияние на человеческий разум мне известны! Захочешь – все что угодно из человека вылепить сможешь!

- Не из каждого, ваш-бродь! – быстро возразил Захаренко. – Не из каждого, как из глины сырой, любой потребный сосуд получится.

- Ладно, знаю. Что о Ландсберге скажешь? Впечатление свое составил, поди? Ну-ка!

- Впечатление… Маловато их, ваш-бродь! Из данных, предоставленных вами и короткой беседы с самим офицером что-либо определенное пока сказать трудно. Из бедных немцев он – это понятно. Бедных – но родовитых, предками своими гордится. Чин офицерский трудно достался, через многие унижения прошел. Не как сын богатеньких родителей – два года вольноопределяющимся оттрубил. А это, по себе знаю, не фунт гороху. Здесь два вывода

напрашиваются. Должна была, во-первых, у мальчишки злость и ощущение несправедливости к своим более счастливым сверстникам остаться. Им-то гораздо легче все далось. Значит, здесь надо поработать.

- Не переусердствуй, Захаренко! Слепая злость да ненависть только у дураков бывает. Офицерик что – дурак?

- Не похоже, ваш-бродь! Вот вы изволили меня перебить с моими размышлениями. О чем это я?… Да! Первый чин Ландсберг не на паркете, не на балах заслужил – в Туркестане, своей саблей добыл орден и чин. И вот тут у меня вопросик непроясненный имеется.

- Ты, Захаренко со своими вопросиками поосторожнее! А то ведь спросят – откуда ты, друг любезный, вообще про эти вопросы понятия имеешь?

- Так я, ваш-бродь, поэтому их с вами нарочно наперво прорабатываю!

- Вот и молодец! Ну, давай свой вопросик – а мы обсосем, откуда ты о сем предмете, как арестант случайный и комедиант-фокусник, знать в принципе можешь!

- Первый орден, Анну IV степени с Мечами и Бантами, Ландсберг прямо там, в Туркестане получил. А со вторым, Станиславом IV степени, задержка вышла, как из наградных документов следует. Дали Станислава за участие в разгроме полчищ Автобачи – но почти три года спустя. Ландсберг успел уже и на Турецкой войне побывать.

- Правильный вопросик, Захаренко! Молодец! Только ты об этом знать ничего не можешь, и речи о Станиславе не заводи. Заговорит сам офицерик, пожалуется на несправедливость – поддержи! А я тут попробую сам поразнюхать в штабах, может, что интересное высветится. А вот ты, друг Захаренко, попытай нашего героя насчет фон Ноймана! Его он должен непременно знать.

- А я откуда про этого фона знать могу?

- Очень даже просто! Сейчас фон Нойман, осужденный полтора года назад в каторжные работы, на Карийских рудниках пребывает. А ты мог вполне с ним… ну, хоть бы и в Тобольской пересыльной тюрьме год назад познакомиться. Сам ты, допустим, в Тобольске по

пустяковому делу отбывал, а он тем этапом дальше проходил, фон Нойман-то!

- Понятно. Так о чем речь-то, ваш-бродь?

- Нойман и Ландсберг вместе служили под началом генерала Кауфмана. Наш-то взводом командовал, а Нойман при штабе майорский чин имел, полковничьи эполеты ему уже Кауфман сам в Ташкенте вручал. Немчура, брат Захаренко, друг друга всегда крепко держалась, в том числе и в армии. Так вот: когда государь-император назначил Кауфмана своим наместником в Туркестане, тому потребовались верные люди. Край дикий, огромный, расстояния – от крепости к крепости неделю скакать надо. Так вот: генерал-адъютант Кауфман разделил огромную Туркестанскую область на округа и поставил одним из окружных начальников этого фон Ноймана – так как знал его за боевого и честного офицера. А люди, друг Захаренко, имеют свойство меняться со временем…

- Это точно, ваш-бродь!

- Вот и Нойман, не будь дурак, начал в своем округе свои делишки обделывать. Начал с конезавода – затребовал большую государственную субсидию для организации дела через Кауфмана в Петербурге. Завод-то там, наверное, и правду был нужен – иначе Кауфман эту затею не поддержал бы. Но по закону требовалось, чтобы местность вокруг конезавода имела обширные пастбища. Тут уже Нойман без Кауфмана обошелся – откуда Наместнику знать, где чья земля? В действительности все земли в округе Ноймана принадлежали богатым кочевникам – сартам, свободных, хоть там и пустыни кругом, не было. Вот Нойман и принялся этих сартов истреблять. Кого якобы за бунт повесил, а землю в казну отобрал. У кого аул неизвестно почему сгорел, и погорелец вынужден был далеко откочевать. В общем, образовалось для конезавода большая безлюдная территория.

- Лихо, ваш-бродь!

- Лиха беда начало! Конечно, кое-кого из кауфмановской наместнической администрации Нойману пришлось в долю брать. А что не взять? Субсидия-то агромадная, всем хватит!

- Но потом Ноймана этого комиссия какая-нибудь столичная поймала? – догадался Захаренко.

- А вот и нет! Остановись немчура на этом заводе – может, до сих пор бы все шито-крыто было! Какая комиссия-ревизия в Туркестан доскачет? На жадности погорел немец! На жадности, да на глупости своей.

- Вот вам и не дурак, ваш-бродь!

- Ты слушай! Кауфман регулярно совершал по округам области инспекционные поездки. Да еще какие! Любил старик, говорят, поразить людей пышностью - сам Бог, как наместнику российского императора, велел. И вот приезжает он к Нойману. Пир горой, как водится. И, как водится, местные богачи-сарты в знак своего уважения к великому белому царю приготовили ему ковры редкостные, лошадей, драгоценности. Кауфман все это принимает – по обычаю, не им заведенному. Принимает, приходует. А Нойман и тут решил копейку мимо кармана не пропустить. Собрал перед визитом Кауфмана местных богачей и велел от имени наместника собрать царю дань в 40 тысяч рублей, как доказательство их верности.

- Лихо, ваш-бродь!

- Сам-то Кауфман по-туземному не говорил – как проверишь? Поскребли сарты свои бритые затылки, а делать-то нечего! Собрали к визиту Кауфмана денежки и вручили Нойману – вместе с коврами, конями, как водится. Нойман денежки в карман, ковры велел разложить перед балконом резиденции, где Кауфман остановился. И еще, нахал, просит у наместника: там, мол, местное население коврами и конями поклониться пришло – вы бы, ваше величество, вышли бы на балкон, сказали народу милостивое слово…

Захаренко захохотал:

- И что, вышел старик?

- Вышел! – хихикнул и Судейкин. – Вышел, поклонился азиатам, поблагодарил за щедрые дары, обещал все в целости в Путебрург отправить. Те и думают, что их 40 тысяч тоже причислены к их дарам.

- Ну, на этом-то Нойман и попался, верно?

- Представь себе, брат Захаренко – опять ты не угадал! И эта «шалость» сошла бы Нойману с рук, ежели бы не дал он по случаю визита императорского наместника бал! А надо тебе сказать,

дорогой мой Калиостро, что с женскими сословием в Туркестанском крае туговато-с! То есть, бабье как таковое водится. Но по мусульманским обычаям лиц им казать чужим мужчинам нельзя – ни молоденьким сарточкам, ни старым местным ведьмам. Более того: замужние тамошние дамы, как и местные девственницы, не могут под страхом страшной кары вообще бывать в мужском обществе. И на балах тоже, между прочим. Исключение местные законы делают только для профессиональных шалав и танцовщиц. Но какой бал без женского полу? Тем более, что господин наместник, несмотря на весьма преклонные годы, до ихней сестры всегда был очень охоч! И вот этот немчура Нойман, желая потрафить Кауфману, велел двум-трем десяткам местных шалав нарядиться покрасивше, украсить себя драгоценностями, одолженными по большей части у порядочных сартских жен и явиться на бал под ихней, порядочной личиной.

- Ну, дает немчура! Сам нахал, ваш-бродь, но про такое и не слыхал.

- Да… И все бы ничего, да все эти шалавы и сартские, прости Господи, бляди, вернувшись опосля к себе в Самарканд, принялись налево и направо бахвалиться личным знакомством с Наместником самого великого белого царя. И даже, говорят, подняли по этому случаю свою обычную шалавскую таксу. В общем, слухи, как их не прячь, дошли до Кауфмана. Он был, естественно, оскорблен, велел провести строжайшее расследование. А тут всплыли и те самые 40 тысяч рублей, собранные сартами для нашего монарха и присвоенные Нойманом. А там и к липовому конезаводу ниточка потянулась. Нойман получил 20 лет каторги на Каре, его помощники и единомышленники – по 10-15 лет.

- А Ландсберг успел к тому времени уехать в Петербург?

- Да, успел. Наше ведомство тоже розыск тогда в Туркестане проводило, поэтому многое знаю доподлинно и из первых рук. Видишь ли, брат Захаренко, вся эта немецкая афера и не дала, по моему разумению, Ландсбергу карьеру в Туркестане сделать, хоть он у Кауфмана и на хороших счетах был. При штабе он служил. Нашему офицерику местная администрация раз предложила в какой-то афере почувствоваться, другой – тот отказался, а потом в отместку начали на него Кауфману грязь лить. Старик стал косо на Ландсберга

поглядывать, тот это чувствовал, но поделать ничего не мог. Так и уехал в столицу, а там, как ты знаешь, через Тотлебена добился причисления к саперному полку, отправляющемуся под Плевну – шел второй год войны с турком, если помнишь. А теперь, «господин Калиостро», слушай внимательно, ибо играть тебе предстоит, полагаю, на этом «инструменте». По имеющимся у следствия по делу фон Ноймана данным, он, спасая шкуру, договорился до того, что и афера, и дань производились им якобы по личному указанию Кауфмана! И намекал, что денежки эти предназначались в приданое морганатической жене Александра Второго, княжне Долгорукой. Тут вроде бы даже все концы сходились: царская семья Долгорукую, как ты, верно, слыхал, ненавидит, личных средств для ее обеспечения в случае чего у государя на тот момент не было.. Вникаешь? Так вот: по некоторым данным, Ландсберг в то время этой версии верил. И, соответственно, считал фон Ноймана жертвой, отданной на заклание…

- Так-так, ваш-бродь, кажется, понимаю!

- Ты ясно понимать все должен, Захаренко! А если тебе что-то не то кажется – лучше переспроси! Так вот: твой козырь – это убедить Ладсберга в том, что все так и было! Тем более, что с фон Нойманом он сражался сначала в одном отряде. И хорошее мнение о нем сохранил. Такие люди, знаешь, если уж любят, так до конца. Если преданы – так до плахи. Понял, Захаренко?

- Понял, ваш-бродь! Теперь все ясно понял. Только вот что, ваш-бродь: в мой арестантский список ту тюрьму пересыльную, где я якобы с Нойманом встретился, внести бы надо. Всякое бывает, ваш-бродь! Игру-то опасную ведем…

- Не о том печалишься, дурак! Хотя мысль, как говорится, и не лишена оснований.

- И насчет вознаграждения моего хотелось бы ясность внести, ваш-бродь… Для прибавления духу, так сказать…

Судейкин сумрачно посмотрел на собеседника и долго молчал, как бы размышляя над услышанным. Словно прикидывая размер вознаграждения небесталанному человеку, взявшемуся убедить Ландсберга стать цареубийцей. На самом деле Геогрий Порфирьевич Судейкин с мрачным, свойственным ему юмором размышлял сейчас о

том, что беспокоиться Захаренко-«Калиостро» в случае удачи его миссии надобно о другом. Не о вознаграждении, не о паспорте для выезда за пределы империи, а о том, как бы самому в случае удачи не стать опасным и совершенно ненужным свидетелем. Тем более, что мелкая масштабность фигуры и роль комедианта-провокатора были для Захаренко таковы, что он легко мог бесследно исчезнуть. Сгинуть так, что никто о нем и не вспомнил бы. Лишь бы роль свою сыграл…

Думая так, вслух Судейкин лишь сказал с широкой и доброй улыбкой:

- Не беспокойся, брат Захаренко! Сполна все получишь, добавки просить, полагаю, не станешь!

Глава тринадцатая
Гвардии коммерсант

- Желаю здравствовать, кумпаньон! – Михайла потопал на половичке у порога мастерской ногами в щегольских «хромачах», притянул дверь поплотнее и добродушно прищурился на Ланндсберга. – Ну, хозяин, показывай свое имение, хвались! В посту о твоем доме только и разговоров!

Ландсберг разогнулся, отложил на верстак рубанок, взял в руки балясину, критически осмотрел свою работу и только после этого сделал несколько шагов в сторону гостя. Обнял его на плечи, притянул, похлопал по спине.

- А ты куда запропал, компаньон? Две недели глаз не казал – неужто разбогател, гордым стал? О-о, точно разбогател! – Ландсберг отодвинул Карпова подалее, повернул кругом, разглядывая хромовые сапожки. – Чистый иван, как погляжу! Не сымут по ночному-то времени?

- А я хитрый, Христофорыч! «Хромачи» только с утра ношу. После обеда и до темна в старых котах передвигаюсь, так-то! Ну, дык как дела-то, кумпаньон? Кипишь на работе, с темна до темна трудишься – чего мешать-то? Вот и не ходил, Христофорыч. Да и новостей не было до сей поры.

- А теперь появились? – Ландсберг остро взглянул на Карпова. – Пошли, пополдничаем, расскажешь.

- Ты дом-то сперва покажи…

Мужчины прошлись по просторному дому, стены которого еще остро пахли смолой и непередаваемым таежных духом свежести. Из жилой половины Ландсберг повел Карпова в пристройку с магазином – там еще вовсю стучали и пилили плотники. С другой стороны дома отдельный ход вел в будущую амбулаторию Ольги Владимировны.

- Широко размахнулся, Христофорыч! – одобрил увиденное Михайла. – На века домину отгрохал! Я вот всё поражаюсь тебе, кумпаньон – только не обижайся, Христа ради! Ты ж дворянского происхождения, «фоном» родился, не в избе крестьянской вырос – а руки у тя в нужном месте приделаны. И плотничаешь сам, и по

кузнечному делу, и по слесарному соответствуешь! Ну, об инженерном соответствии я уж молчу – знаю, на воинской службе постиг. Но мужицкое-то ремесло ты не мог тут, на Сахалине успеть выучить!

- А кто тебе сказал, что умение хорошо работать руками суть мужицкое ремесло? – усмехнулся Ландсберг, усаживая гостя за угловой столик в своей чистой и просторной мастерской и принимаясь сноровисто накрывать его. – Мой батюшка, чтобы ты знал, мог в свое время любого кузнеца за пояс заткнуть. Брат старший без механиков городских и мельничный механизм чинил, и молотилку сам усовершенствовал. Ландсберги, брат, все умели, все могли! И мужицкой, как ты говоришь, работы не чурались… «Казенки» выпьешь, компаньон?

- Сам бы не попросил, а отказываться от такого дела грех, - согласился Карпов.

Он принял из рук Ландсберга традиционную сахалинскую чашечку с казенной водкой, чуть отлил в угол, пояснил:

- Это чтобы дом твой новый крепче стоял, кумпаньон! Сам-то не будешь, как я понимаю? Ну, тады будь здоров, Христофорыч! - он медленно вытянул из чашечки водку, потянулся за соленым огурцом, кивнул на отдельно стоящую миску с горкой красной икры. –Гляжу, и к рыбьим потрохам приучили тебя гиляки твои?

Ландсберг снова усмехнулся:

- Какие ж это потроха, Михайла? Сие красная икра, деликатес! Ты же белужьей икоркой не брезгуешь?

- То белужья! А энти красные «рыбьи яйца» на Сакалине никто, кроме гиляков, в рот не берет.

- Это как приготовить! Ты попробуй, попробуй! – Ландсберг зачерпнул полную ложку икры, с удовольствием покатал на языке, проглотил. – Ты знаешь, компаньон, я уверен: придет время, и не уголек наш главной статьей коммерции станет, а деликатес вот этот икорный! Тут, конечно, тоже свои хитрости есть, время для добычи красной икры точно рассчитать надобно. Рано возьмешь – незрелая будет, в кашу превратится. Поздно добудешь – твердыми икринки будут, зубами давить надобно.

- Не знаю, не знаю, - чтобы не обидеть хозяина, Карпов зацепил

краешком ложки несколько икринок, опасливо положил в рот, пожевал. – С белужьей, конечно, все равно тивою не сравнить – ить соленая, да и все! Но красивая, зараза! Аж светятся на столе, даром что потроха рыбьи!

- Эстетствуешь, Михайла! – Ландсберг хлопнул Карпова по плечу. – Не желаешь икры, другая закуска имеется. Бери, да рассказывай свои новости!

- Не шибко оне приятственные, нынешние новости-то! – вздохнул Карпов. – Купцы здешние прослышали, что ты магазин свой надумал в посту открывать – и не очень энтому делу рады, как ты сам понимаешь. Слыхать, на свое «толковище» тебя позвать хотят.

- Что ж, схожу, - улыбнулся краем рта Ландсберг. – Опасаются конкуренции, говоришь? И правильно опасаются, я торговлю правильную заведу! Я уж придумал как!

- Смотри, кумпаньон, как бы эти варнаки вперед тебя чего не придумали! – предостерег Карпов. – Ты что, не знаешь, что вся наша островная коммерция из бывших майданщиков состоит? В тюрьме кандальной копейку тугую на людской крови сбили, и на воле по привычке лавки с магазинами пооткрывали. Тока не под нарами торгуют, а открыто, по патентам. Тот же Есаянц, Ибрагимка, Никитин – весь пост знает, что у них и «марафетом» днем и ночью разжиться можно, и водочкой, на которую сроду патента не было. Ворованное скупают – в обчем, были майданщики- майданщиками и остались! И в дружбанах у них вся кандальная сволочь – гляди, поплачутся, что Барин коммерцию им решил испортить – нешто кандальная не заступятся за своих-то?! А ты, кумпаньон мой любезный, к кому прислонишься? Кто тут, кроме меня, у тебя есть-то?

- И что же присоветуешь, компаньон? Отказаться от затеи своей? Так и жить до конца дней по указке варначьей?

- Не кипятись, Христофорыч! Остынь! И на «толковище» к Есаянцу да Ибрагимке сходи, не побрезгуй. Мыслю я, что не станут оне тебе укорот с самого начала давать. Поостерегутся – ты у кандальной пока в авторитете! Помнят людишки, до сих пор помнят, что ты несколько варнаков в Литовском замке положил, в Псковской пересылке не побоялся с отпетыми схлестнуться. У начальства сахалинского ты, опять-таки, на примете. А самое главное – слушок

до меня дошел, что сам Пазульский тебя трогать до поры не велел! Не-е, поостерегутся оне!

- Тогда чего ж меня предупреждаешь? Попугать решил? А насчет Пазульского, патриарха каторжного, ничего не путаешь? С чего бы он симпатией ко мне вдруг проникся?

- Ну-у, кумпаньон, совсем вопросами засыпал! – шутливо поднял руки Михайла. Глаза, однако, серьезными остались, даже печальными. – Отвечаю: не тот Пазульский человек, что б к кому-то симпатиями проникаться. Для него что людишки, что воробьи. Или, лучше сказать, что тараканы. Что трогать тебя не велел – факт. А почему – никто не знает. И не спросишь у него, у Пазульского. Я так мыслю – задумку насчет тебя он какую-то имеет. Дальнюю задумку. А, может, и другое тут…

- Что ж тут может быть другого, Михайла?

- Да я и сам не знаю, - признался тот. – Тут про Пазульского много слухов и баек ходит. А точно никто про него ничего не знает. Откуда, к примеру, он вообче выплыл? Люди говорят – из благородных он, как и ты. Грамоту знает, языки чужие… Словечки иной раз запускает такие ученые, что сразу понятно: на нарах такому не выучишься! В обчем, ты его в голову пока не бери: не велел трогать – и слава богу! Время придет – узнаем, что к чему. А предупреждаю тебя насчет Есаянца и протчей братии вот почему: позовут – пойди. Вежливо говори, через себя переступи! И в глаза им не смотри, как ты умеешь! Схитри: сам, мол, хотел к вам, люди добрые, за дозволением да за советом сходить, да вы опередили. Что от тебя – убудет?

- Ну, а ежели наглеть начнут?

- Тут ты сам решай, - развел руками Карпов. – Всё одно, ежели удила закусишь, тебя ни совет добрый, ни страх не остановит. Помни тока, прошу: прежде чем ломать этих варнаков начнешь, о жёнке своей подумай! И обо мне, убогом, тоже не забудь! Пропаду ведь без тебя, Христофорыч! И Ольга Владимировна пропадут! К тому же, мыслю я, в самом скором будущем у тебя, кумпаньон, нахлебников-то прибавится, хм…

Ландсберг с подозрением уперся глазами в Карпова:

- Ишь ты, глазастый какой, компанон! – не выдержав, засмеялся

он. – Вот старый мерин! Никто не углядел живот пока у Ольги Владимировны, а он узрел!

- На том и стоим, - крякнув довольно, Михайла искоса поглядел на бутылку. – Значит, верный глаз у меня еще? Ну, тады еще плесни, за здоровье наследника твоего не выпить грех!

Проводив Карпова, Ландсберг вернулся в мастерскую, надел клеенчатый фартук и почти до вечера продолжал возиться с балясинами для будущего крыльца дома. Когда дешевенькие часы хрипло прокуковали четыре раза, он снял фартук, умылся из лохани с колодезной водой и пошел встречать супругу: в это время она, как правило, заканчивала прием посетительниц и шла домой.

Каторжанского халата Ландсберг больше не носил – опять-таки благодаря Таскину.

Как оказалось, он не забыл и свое обещание – попытаться узаконить в местном обществе ношение Ландсбергом не арестантского халата, а цивильной одежды. Несмотря на перечисление Карла Христофоровича из разряда испытуемых в вольные поселенцы и повышение по службе, унизительное правило ношения прописанной уставом о наказаниях арестантской одежды отменено не было. И, несмотря на персональное разрешение Таскина, чиновники из других канцелярий не единожды останавливали Ландсберга на улице и публично отчитывали его за «дерзость». Диктовалось сие, разумеется, не столько тщанием исполнения служивыми людьми всех уставов и правил, сколько скукой, поголовным пьянством чиновников и их мелочной злонамеренностью причинить неудобства безответному человеку.

Как-то раз Ландсберг, облаченный в арестантский халат, представил начальнику округа на подпись какую-то бумажку и поспешил, по своему обыкновению, удалиться в свой закуток. Не успел он покинуть приемную начальника округа, как двери кабинета шумно распахнулись и возникший в проеме Таскин громогласно, чтобы слышала вся канцелярия, окликнул:

- Господин Ландсберг! Извольте вернуться!

И, стоя в дверях, тут же устроил заведывающему архитектурной частью округа начальственный «разнос»:

- Кажется, я уже высказывал вам, милостивый государь, свое

нежелание видеть у себя в канцелярии этот ваш ужасный арестантский халат! Вы, кажется, изволите игнорировать мое указание? Или вашего жалованья не хватает заказать что-нибудь приличное?! Потрудитесь прямо сейчас отправиться к портному, господин Ландсберг! А начальник канцелярии, - Таскин тяжело повернул голову в сторону вскочившего со своего места начальника канцелярии. – А вы, сударь мой, потрудитесь взять на себя труд проследить за выполнением моего распоряжения!

-Но, ваше превосходительство, - нерешительно возразил тот. - Параграф Уложения о наказаниях… э-э… вылетел , простите, номер из головы… В общем, ссыльнокаторжный, не отбывший…

-Что?! – взревел Таскин. – Вы, кажется, смеете возражать мне, сударь?! М-молчать! Господин Ландсберг работает под моим началом и в моей канцелярии! И не писарем, позволю вам напомнить, а исполняет должность заведывающего архитектурно-строительной частью! Да-с! И мне нет дела до каких-то дурацких параграфов, которые вы, милостивый государь, к тому же и не помните! Водки надо меньше пить! Извольте выполнять мои распоряжения! И запомните, любезный: если я увижу господина Ландсберга еще раз в этом халате с тузом на спине – я вас, господин начальник канцелярии, тоже переодену! И велю пройтись в этой хламиде через весь поселок! Вам понятно?!

- Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, - побагровевший начальник канцелярии вытянулся в струнку. – Лично прослежу!

- Да уж, будьте настолько любезны!

- Однако, ваше превосходительство, внешний вид э-э… господина Ландсберга в статском может вызвать… непонимание и даже возмущение прочих чинов островной администрации…

- Чушь! – фыркнул Таскин. – К тому же, я не потерплю, чтобы мне тыкали внешним видом моих чиновников. Всех недовольных и непонимающих прошу, впрочем, направлять ко мне! А вы, господин Ландсберг, напоминаю, извольте немедленно отправляться к портному!

Дверь за Таскиным с треском захлопнулась.

Сохраняя сокрушенный вид, а про себя посмеиваясь, Ландсберг

с удовольствием подумал, что теперь-то сплетники точно разнесут приказ начальника округа по всем присутствиям острова. И ему можно будет без опаски ходить по поселку в цивильной одежде.

Так оно и произошло.

Выйдя на улицу, Ландсберг не удержался – остановился, чтобы со стороны критически оглядеть свой новый дом. Заготовку леса для него удалось завершить, вопреки ожиданиям, за одну зиму. Островная казна в марте неожиданно отказалась от ожидаемого подряда на строительство новых казарм, и Ландсберг сразу выкупил больше трех десятков кондиционных лиственничных бревен. Это изрядно опустошило его кошелек, однако дело того стоило.

Дом не мог не радовать взгляд – просторный, с большими «несахалинскими» окнами, украшенными резными наличниками, с обширным двором, в котором хватит места и будущей конюшне, и сараям, и лабазам для товара. Поначалу Ландсберг планировал в новом доме и мансарду, однако, по совету Михайлы, с замыслами своими решил пока повременить. Единственная мансарда в Александровском посту была только в резиденции губернатора. Вторая при доме вчерашнего каторжника, а нынче ссыльнопоселенца, неминуемо могла стать своего рода дерзким вызовом чванчивому обществу островной столицы.

- Пятачок бы подстрелить с тебя, ваш-бродь! - раздался за спиной хриплый и ломкий одновременно детский голос.

Ландсберг обернулся: совсем рядом стоял мальчишка-оборванец, босоногий и огромных портках, застегнутых почти у самой шеи. За ухом у «сахалинского гавроша» был заткнут окурок, глаза пьяные… Ландсберг вздохнул: он ежедневно раздавал на улице мелочь местным попрошайкам, однако дети здесь просили не на хлеб: вкус дешевой водки и папирос они на Сахалине познавали прежде, чем вкус молока и сладостей. Им он денег не давал.

- Хочешь, я тебе хлеба вынесу?

- Не, мне пятачок. Сам куплю. Ну, дай!

- Денег не дам. Хлеба вынесу, изволь…

- У-у, немец-перец-колбаса! – без особой злости буркнул «гаврош», повернулся на пятке и побрел прочь.

Ландсберг невольно улыбнулся: так дразнили его и в детстве

соседские мальчишки, так обзывали парнишку-вольноопредяющего и петербургские босяки. Интересно, как они все угадывали, что он немец?..

* * *

- Немец-перец, колбаса, на веревочке оса! – зачастил фальцетом заезженную дразнилку худой рыжий мальчишка, заметивший вывернувшего из-за угла Карла Ландсберга. Карл нахмурился, и, делая вид, что не имеет к дразнилке никакого отношения, продолжал шагать в сторону дома.

Но сегодня ватага мальчишек, ежедневно портящих жизнь вольноопределяющемуся Саперного батальона Карлу фон Ландсбергу, одной-двумя дразнилками и даже комком грязи в спину не ограничилась. Рыжий заступил Карлу дорогу, кривляясь, строя рожи и явно нарываясь на стычку. С другого тротуара за событиями внимательно следила стайка ребят постарше. Двух братьев-близнецов, сыновей лавочника из мясной лавки «Громов и сыновья», Ландсберг знал. Когда их отцу в лавке требовалась помощь, деловитые крепыши вели себя там более чем скромно. На улице же они разительно менялись – ходили вразвалку, часто сплевывали под ноги прохожим и задирались вовсю. Не пропускали они и Ландсберга, которому уже исполнилось 16 лет. Один из близнецов, когда рядом не было взрослых, частенько и весьма многозначительно вынимал из кармана гирьку на цепочке.

Еще двое из этой компании были наверняка ровесниками Карла, - либо чуть постарше его. Парнишки были явно из бедных семей и вовсю заглядывали в рот сыновьям лавочника.

Чтобы не столкнуться с рыжим задирой, Карл был вынужден остановиться. Стараясь, чтобы голос его звучал совсем по-взрослому и все еще надеясь, что драки удастся избежать, он строго спросил у рыжего:

- Эй, малец! Тебе чего надо-то?

- Гривенник дай! – тут же нахально потребовал рыжий и даже протянул к лицу Карла грязную ладонь. – На конфеты да папиросы!

- Курить тебе еще рано! – снова по-взрослому возразил Карл. – А на конфеты зарабатывать надо, а не стоять с протянутой рукой.

Меж тем рыжий, изловчившись, больно ухватил Карла двумя

пальцами за нос и громко закричал:

- Ах, ты, немец-перец несчастный! Ты по нашенской улице ходишь – давай гривенник, говорю!

Рассердившись, Ландсберг без труда оторвал от своего лица грязную руку оборванца, ловко вывернул ее и легонько поддал рыжему под зад. Совсем легонько – однако рыжий, нарочито взвыв от боли, покатился по тротуару. Тут уже в действие вступила главная ударная сила уличной ватаги.

Мигом оказавшиеся рядом близнецы-крепыши, разом подворачивая рукава, грозно стали наступать на Карла:

- Ах, ты, гаденыш немецкий! Нашенских бить?! На слабых силу пробуешь?!

Краем глаза Карл заметил, как двое других парнишек зашли ему в тыл. Деваться было некуда. Отскочив назад, Карл прижался спиной к стене и быстро снял с шинели ремень, бляха которого была по гимназическому «стандарту» залита свинцом.

- А-а, он свинчатку в ремне таскает, немчура проклятая! – во весь голос заорал один из близнецов, доставая свою гирьку.- Ну, мы тя тоже угостим кой-чем!

Однако беды не случилось. Выглянувший из лавки Громов прикрикнул на сыновей:

- А ну, байстрюки, марш в лавку!

Гирька мгновенно исчезла, а близнецы тут же стали громко жаловаться отцу на «нахального немца», который каждый день их задирает, а вот сегодня даже ремнем со свинчаткой хотел ударить.

Улочка была узкою, и лавочник Громов пересек ее в три шага. Легко вырвал ремень из рук Карла, разглядел тяжелую пряжку-биту и недобро прищурился на него.

- Ты чего же это, господинчик хороший, мальцов забижаешь?

- Неправда! – возмущенно крикнул Карл. – Я ни к кому не пристаю! А ремень снял только потому, что ваши сыновья раньше достали гирьку на цепочке! Чего они ко мне пристают?

- Гирьку на цепочке? – переспросил Громов. – Не знаю, не видал ни разу! Да и не таковские мои Прошка с Данькой, чтобы босяцкое оружие иметь. А вот с тобой, мил-человек, мы сейчас разберемся! Дворник! – неожиданно рявкнул Громов. – Дворник, Тимоха, где ты

есть?!

Он крепко ухватил Ландсберга за рукав и оглянулся в поисках дворника. Едва тот, зевая, показался из подворотни, Громов громко приказал ему:

- Свисти городового! Злодея словил, который мальцов забижает! А ты все дрыхнешь – свисти, говорю!

Свистнув в оловянный свисток, дворник приблизился, близоруко присматриваясь к пойманному «злодею». Узнав Карла, он сокрушенно покачал головой:

- Какой же это злодей, Тимофей Савич? Побойся Бога – это же жилец господина Власова, очень порядочный молодой господин! Он тут неподалеку, в полку саперном служит – а ты его злодеем!

- А мне плевать, где он живет и где служит, немецкое отродье! – не унимался Громов. – Вот сведет его городовой в часть, а я свидетелем пойду, как он ремнем со свинчаткой тут машет кажинный день!

- Ты б за Данькой своим лучше смотрел, - посоветовал дворник. – Вот кто гроза улицы-то нашенской! И гирьку на цепочке имеет, аки тать ночной. Отпустил бы ты, Тимофей Саввич, молодого господина добром. Да извинился бы перед ним за своих байстрюков – смотри, как бы тебе неприятностей от властей не вышло!

Громов, меж тем, продолжал скандалить и требовать городового. Понемногу на улице вокруг сгорающего со стыда Ландсберга начала собираться толпа. И неизвестно – чем бы кончилось дело, не покажись в улочке пролетка с двумя офицерами-саперами.

Совсем было проехали мимо офицеры – да один из них, Марк Ивелич, узнал вольноопределяющегося своего полка Ландсберга. Он велел извозчику остановиться, мельком что-то сказал второму офицеру и оба они, соскочив с пролетки, подошли поближе. Без особых церемоний отодвинув локтем лавочника, Ивелич строго подозвал к себе Карла:

- Вольноопределяющийся фон Ландсберг, ко мне!

Лавочник, услышав дворянскую приставку «фон», так и разинул рот, опустил руки. Воспользовавшись этим, Ландсберг вырвал у него свой ремень, мгновенно затянул его на шинели, расправил складки и

шагнул к офицеру:

- Ваше сиятельство, господин прапорщик, - начал он, вытягиваясь во фронт.

- Вольно! – перебил его граф Ивелич. – Что тут происходит? Объясните, фон Ландсберг!

Путаясь в словах и отчаянно боясь, что ему не поверят, Карл быстро рассказал все, не утаив и про ремень со свинчаткой.

- Все понятно, Карл! Успокойся! – Ивелич медленно повернулся к лавочнику и поглядел на него так, что Громов попятился. – Ты кого, быдло штатское, за рукав посмел ухватить, а? Ты что – пьян? Это вольноопределяющийся нашего Саперного батальона, дворянин фон Ландсберг, дурак! Царев слуга, будущий офицер и защитник Отечества! Как ты посмел его лапами своими касаться, быдло?!

- Дак… Дык не знал я, ваше сиятельство! – забормотал Громов, поспешно отступая в сторону спасительной лавки. – Гляжу, мальцы драться собрались – ну, и, не разобрамшись…

- Пошел вон, скотина! – совсем было закончил разговор Ивелич, однако, заметив тяжело подбегавшего, наконец, на свист городового, передумал. – Городовой! Я прапорщик Саперного Лейб-гвардии батальона граф Ивелич! Со мной – поручик Трошин и вольноопределяющийся фон Ландсберг!

- Слушаю, ваше сиятельство! – городовой молодцевато кинул руку к козырьку.

- Вот и слушай, братец! – Во-он та пьяная скотина только что жестоко оскорбила в нашем лице мундир гвардейского офицера. Сведи-ка ты его, братец, в часть, да оформи протокол. Рапорт напишешь потом на имя его сиятельства князя Кильдишева, командира полка.

- Слуш-шусь!- городовой ловко ухватил за шиворот Громова, и, подпихивая в спину второй рукой и суля всех чертей, потащил в полицейскую часть.

- Жалко, что «розаны» отменены, - посетовал Ивелич, увлекая за собой Ландсберга в другую сторону. – А то хорошо бы этому быдлу, да по филейным частям…

У пролетки офицеры замешкались: и места там было только два, да и Ландсбергу, носившему солдатскую шинель, ездить в

экипаже по воинскому уставу не полагалось, тут не спасала и трехцветная окантовка погон «вольнопёров».

- Спасибо, господа! – шаркнул ножкой Карл. – Признаюсь, вы выручили меня из серьезных неприятностей!

- Пустое, Ландсберг! - махнул перчатками Ивелич. Он был старше «вольнопера» всего на два года, но разница казалась больше из-за лихих усов и щегольской парадной формы с саблей на боку.

- Слушайте, Ивелич, а если б вас не оказалось рядом? – ужаснулся вслух Карл.

- Хм! Трудно сказать… Гвардию, как ты видишь, городовые уважают. О том, чтобы свести в участок гвардейца, даже сильно нашалившего, не может быть и речи. Однако этого остолопа могла ввести во смущения твоя солдатская шинель. Вряд ли он ночами изучает армейские уставы и знает, что желто-бело-черная окантовка на погонах солдатской шинели означает – ха-ха! – уже полгвардейца! Мог и свести, конечно, в часть. Особенно если бы ты, Ландсберг, успел помахать своим убийственным ремнем. В участке начальство пограмотнее, конечно – но черт его знает, как могло обернуться! Могли со внушением отпустить, а могли и официальную бумагу командиру сочинить. Тогда было б тебе от его сиятельства полковника Кильдишева влетело по первое число!

- Что же мне делать, господа? Квартиру менять? Я ведь на Спасской квартирую, и к дому Власова мне этого переулка никак не миновать! Меж тем эти паршивцы-мальчишки все время тут ошиваются.

- Ну-у, Ландсберг, это все, считайте, в прошлом! – рассмеялся Ивелич. – Лавочника, по моему наущению, наверняка посадят в «холодную» до утра. Хоть бы и для страховки, полагая что господа офицеры действительно доложат своему командиру об оскорблении мундира. Завтра, вернувшись, он выпорет своих чад как сидоровых коз – и никто тебя больше трогать не будет, уверяю! Поехали, Трошин!

Уже забравшись в пролетку, Ивелич придержал «лихача» и наклонился к Ландсбергу.

- Но совет один я тебе, Карл, дам! Оружие, брат, баловства и раздумчивости не терпит! Хоть ремень со свинчаткой, хоть сабля,

хоть револьвер. Уж коли достал – бей, не думай! Думать надо прежде – доставать или нет. Прощай, Ландсберг! Не беспокойся!

Уже на следующий день, возвращаясь после занятий в казармах полка домой, Ландсберг убедился, что Ивелич был прав. С некоторой опаской завернув в переулок, ведущий к Спасской улице, Карл снова увидел своих мучителей-подростков. Однако сегодня их поведение разительно отличалось от вчерашнего!

Рыжий заводила и двое приятелей-переростков, игравших в «пристеночку», игру тут же бросили и отвернулись. Сыновья же лавочника, пошептавшись, шмыгнули в лавку, откуда тут же вынырнул их отец. При виде Ландсберга он умильно заулыбался, и, кланяясь, бросился наперерез.

- Уж вы простите, господин офицер, ваше сиятельство, что я вчера вгорячах да спьяну вас обидел! Я, ваше благородие, седни с утра, как меня отпустили из полицейской части со внушением, первым делом своих байстрюков перепорол подпругой – ишь, ввели отца во искушение! Простите, ваше сиятельство, и меня, и сыновей моих! – лавочник добавил в надрывный голос слезу. – Не подавайте уж, за ради Бога, в полицию жалобу! Оштрафуют ведь, комиссиями замучают, а то и к мировому потащат. А у того, ваше сиятельство, разговор короткий: на месяц в «холодную» – и будь здоров! А торговлишка как? Один я этих байстрюков рощу, мамка ихняя померла, а мачеха, сами знаете, больше свое рыло в зеркало разглядывает, да прыщи давит, чем за пасынками следит!

Образное определение мачехи «байстрюков» рассмешило Карла, и он, едва удержавшись, чтобы по-мальчишечьи не прыснуть, серьезно кивнул головой:

- Хорошо… любезный. Забудем, если…

- Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство! – лавочник грозно обернулся на лавку и прилипшие к окнам изнутри физиономии сыновей мгновенно исчезли в темноте. – Я их, сорванцов, в субботу еще разок выпорю! Для памяти, после баньки! Не посмеют-с более приставать! Спасибо, барин! Вы уж не побрезгуйте, - лавочник заговорщицки подмигнул Ландсбергу и вдруг снова рявкнул, оборотясь назад. – Данька! А ну сей момент тащи сюда тот кусок телячьего филе, что я для генеральши Емчиновой давеча отложил!

- Что вы! Не надо!- запротестовал Карл.

- Не смущайтесь, ваше сиятельство, я ведь от всей души! Вы барин молодой, науку в казармах постигаете – вон, извините, с лица какой худой! Вам хорошо кушать надобно! А кухарка хозяйская – вы ведь у господина надворного советника Власова изволите жительство иметь? – на квартиранта, видать, совсем внимания не обращает.

Он насильно вручил смущенному Карлу изрядный кусок вырезки, аккуратно завернутый в вощеную бумагу и даже кокетливо перевязанный не простой бечевкой, а ленточкой.

- Берите-берите, ваше сиятельство! От души ведь! Насчет этого что-то и в Евангелии сказано… Как там? Забыл по причине волнения, простите великодушно! И скажите старухе Семенидовой, чтоб кажинный вторник ко мне приходила за таким кусочком мясца. По понедельникам у нас забой происходит-с…

Сгорая отсмущения, Ландсберг поспешил раскланяться с лавочником и поспешил домой. Ему вдруг пришла в голову замечательная мысль: попросить прислугу приготовить из этого филея что-нибудь этакое – и пригласить Ивелича с Трошиным на обед. Он был уверен: хозяин квартиры, отставной чиновник по медицинской части Власов, явно благоволящий к офицерам-гвардейцам, возражать не будет.

Обдумывая эту свою захватывающую идею, Ландсберг едва сдерживался, чтобы не перейти с солидного шага будущего офицера-гвардейца на мальчишеский бег вприпрыжку. И даже стены домов холодной и чопорной столицы империи сегодня для него выглядели приветливыми и гостеприимными. Карл тут же, осознав это, с удивлением отметил, что впервые с момента переезда в Санкт-Петербург думает об этом городе с симпатией и одобрением. А раньше, особенно в первые дни!..

* * *

Воспоминания не мешали Ландсбергу по укоренившейся привычке зорко посматривать вперед и по сторонам: нет ли вблизи чиновника либо офицера местного гарнизона, перед которыми он по-прежнему ломал шапку.

Фигуру Ольги Владимировны Ландсберг заметил, как только она

появилась из-за угла. Дитятева шла по шатким подгнившим дощатым тротуарам осторожно и одновременно по-женски грациозно, и он невольно залюбовался своей супругой. Беременность Ольги Владимировны пока не была заметна. Лишь осторожная походка выдавала бережливость, с которой та носила свой дарованный природой «груз».

Ландсберг остановился, поджидая Дитятеву.

Та зимняя совместная охотничья экспедиция с участием Ольги Владимировны стала поворотным моментом в их отношениях. Как-то по-детски заснув под рассказ Ландсберга о своем детстве и первых петербургских впечатлениях, утром Дитятева первым делом потребовала продолжения рассказа. Ко времени ее пробуждения он успел совершить лыжную вылазку кместам, где были разбросаны его отравленные приманки для лисиц. Вернулся Ландсберг не с пустыми руками: два охотничьих трофея, один из которых оказался чернобуркой, уже лежали в сенях, упакованные в мешки.

Когда Ландсберг вернулся, избушка уже заметно выстыла, а холод заставил Ольгу Владимировну во сне с головой залезть под покрывала и медвежью шкуру. Стараясь не шуметь, он принес из сеней несколько поленьев, затопил печку и поставил на огонь чайник. Однако, как Ландсберг не старался, Ольга Владимировна все-таки проснулась. Из-под шкуры показался глаз и прядь волос.

- Доброе утро, Ольга Владимировна! – улыбнулся Ландсберг.- Извините, разбудил своими хозяйственными делами… Впрочем, таежникам долго спать не положено-с! Как вам на новом месте?

- Ой, вы знаете, выспалась! И ничего во сне не видала, спала как убитая. Доброе утро, Карл… Христофорович.

- Я сейчас выйду, а вы вставайте, «чистите пёрышки»! Десяти минут вам хватит?

- Хватит и пяти! – весело сообщила Дитятева.

Когда Ландсберг через пять минут вернулся, чайник уже весело шумел на печке, а Ольга Владимировна, привела в порядок свое ложе и грызла найденный сухарь.

- Вчера ваша слушательница бессовестно заснула, - с милой улыбкой сообщила она. - Кажется, вы рассказывали о том, как над вами строжился фельдфебель… А когда вы расскажете мне, что

было потом? Сначала, наверное, вы займетесь своими охотничьими делами? Или… Или мы вместе займемся?

- Как вам будет угодно, Ольга Владимировна. Тем более, что в дальний распадок я уже успел с утра пораньше сбегать. Осталось проверить четыре приманки – это совсем близко. Так что – как хотите. Либо отпустите меня на часок, либо вместе прогуляемся.

- Прогуляемся! – сразу решила Дитятева. – Хочу проверить, как усвоила вчерашний урок хождения на этих ваших лыжах!

- Тогда предлагаю отправляться прямо сейчас. Нагуляем аппетит, вернемся и позавтракаем, согласны?

- И вы расскажете, что было дальше…

- Как угодно…

* * *

…Карлу Ландсбергу повезло. Выйдя на поиски жилья из Саперного переулка, где были расквартированы городские казармы и экзецирплацы батальона и не пройдя и трехсот шагов, юноша обнаружил еще один переулок, более похожий на прорубленную меж высоких домов щель. Переулок назывался Басковым, и Карл повернул налево, от души надеясь, что ему не придется обращаться за справками к сурового обличья дворникам, стоя дремавшим в каждой подворотне. При звуке шагов эти фигуры оживали, начинали шаркать метлами и глядели на всякого прохожего, нарушившего их уединение и дрему, с явным неудовольствием. Но уже в крайнем окне второго с угла дома белел вожделенный билетик. «Сдается комната для одинокого холостого господина».

Шаркнув ногой перед вышедшей на звонок старухой и покраснев, Карл заявил, что желает знать условия сдачи комнаты внаем. Старуха, однако, начала расспрашивать юношу – кто он да откуда, да за какой надобностью ему понадобилась комната в этом тихом переулке, нет ли у него многодетных родственников и не учится ли будущий жилец игре на каком-либо музыкальном инструменте?

Расспросы старухи прервал подошедший незаметно невысокий толстенький господин в шинели с пуговицами медицинского департамента и свежими газетами под мышкой. Он и оказался хозяином квартиры, вернувшимся с утренней прогулки отставным

надворным советником Власовым.

- Юнкер? Будущий сапер? Похвально, молодой человек, похвально! Я беру по полтора рубля в месяц летом и по два рубля зимой, в видах необходимости отопления в холодное время. Вас устраивает, молодой человек? Тогда пойдемте, посмотрите комнату. Только учтите, я беру за два месяца вперед!

Может быть, г-н юнкер стеснен, по молодости лет, в средствах? Извольте, в таком случае хозяин выразил готовность сбросить двугривенный с квартплаты и из «дровяных» пятачок. Ах, вы можете себе позволить такую плату? Ну, как угодно, как угодно!

Сжимая в кармане единственную пятирублевую ассигнацию, оставленную ему братом до следующей оказии, Карл ужасно стеснялся разговорчивого хозяина и самих разговоров о деньгах, и уже начал отвечать по-военному – «так точно» и «никак нет!», чем привел хозяина в восторг. Старуха-прислуга была отправлена за свежими булками к чаю, в кухне зашумел самовар, а Власов, заставив Карла раздеться и сесть на диван в хозяйской половине, продолжил расспросы, тут же сообщая сведения о себе и соседях.

Выяснилось, что Власова зовут Егором Алексеевичем, что он холостяк, а своих деток ему Бог не дал. Что хозяин двадцать лет прослужил по медицинской части, в Аптекарском департаменте, и вот уже два года в отставке. Старуху-прислугу Семенидову он, хозяин, зовет Шурой, однако молодому человеку лучше называть ее Александрой.

Повыспросив Карла обо всем на свете, отставной чиновник выразил надежду, что господин юнкер примет и оценит его дружбу и добрые отеческие советы. Старухе в присутствии Карла было велено прислуживать молодому барину столь же старательно, как и хозяину. Семенидова молча поклонилась, поджала и без того тонкие губы и ничего не сказала. А Карл, воодушевленный приветливостью квартирного хозяина, уже не смотрел на свое ближайшее будущее в этом огромном и чужом городе с прежней опаской и пессимизмом.

Он походил по комнате, которая стала его первой – пусть даже временной собственностью. Попробовал, как задвигаются занавески, посидел на краешке кровати, понюхал зачем-то подушку и решил выйти прогуляться. Во-первых, ему обязательно нужно было купить

будильник, без которого вставать по утрам в 6 часов представлялось ему делом просто невозможным! Во-вторых, надо было произвести разведку окрестностей чужого города. В-третьих, купить бумагу, конверты и письменные принадлежности, без которых вольноопределяющийся к занятиям решительно не может готовиться!

Все эти веские и радостные аргументы «за» перечеркивало одно гаденькое сомнение финансового свойства. Оставшийся от братовой пятирублевой ассигнации рубль, следуя советам квартирного хозяина, вообще-то надлежало отдать прислуге Шуре-Александре. На чаек-сахарок да на мытье сапог, - как весело упомянул г-н Власов. Утром и вечером чаю попить, конечно, следовало – но в таком случае единственным финансовым «оазисом» фон Ландсберга оставалась трехрублевая ассигнация, потихоньку от старшего брата подсунутая Карлу сестрой Марго. Но это были действительно последние деньги, которые следовало беречь до крайней возможности.

С другой стороны, рассуждал Карл, надо обязательно написать родным письмо и сообщить про вольную квартиру и связанные с этим финансовые проблемы. Опять же – бумага, чернила и карандаши. А булки или пироги к вечерним чаепитиям? Не хлебать же один чай с сахаром вприкуску?! Решено: он отправляется за покупками, меняет трехрублевую ассигнацию, а один из рублей прячет на самое-самое дно чемоданчика, с которым приехал сюда.

Сказав прислуге, что собирается немного погулять, Карл выскользнул за дверь и оказался на свободе.

Насчет места приобретения будильника и писчебумажных товаров ему охотно растолковал здешний дворник, совсем еще молодой мужик. Узнав, что Карл – новый квартирант надворного советника Власова и будущий офицер, дворник Матвей почтительно снял шапку и подробно рассказал о дороге, шевеля для наглядности пальцами.

- Как дойдете до угла, тык налево вашей милости, два квартала до улицы Бассейной. Опосля - на праву руку – и прямком до Литейного проспекта. Там и лавки всякие имеются. Ну, а коли ваша милость не найдет потребного, то по Литейному вниз опять надо. Как

пройдете «Вшивую биржу», так Невский проспект и будет. А уж там товару! – Матвей, изображая сладкий ужас от количества имеющихся на Невском товаров, прижмурился, затряс головой и тут же без стеснения попросил. – На чаишко бы с вашей милости! На счастье вам, да на радость мне…

- Вечером дам, Матвей. Нету сейчас мелких, - поражаясь сам себе, солидно ответил юноша и тут же поинтересовался. – А почему улица так странно называется – Бассейная? И что за «Вшивая биржа» такая?

Дворник, ничуть не раздосадованный временным отказом в чаевых, подробно объяснил молодому барину и про Басков переулок, названный так в честь богатейшего купчины, имеющего здесь большие земельные участки, и про другие местные достопримечательности. Бассейновая улица вела от Литейного к двум большим искусственным бассейнам, откуда вода по трубам подавалась к фонтанам Летнего сада.

- Ну, а «Вшивой биржею» перекресток Литейного и Невского называют, - закончил устную экскурсию Матвей. – На энтом самом месте издавна поденщики безработные собирались. Там их наниматели и находют. Почему «вшивая» – так ведь известно, что за публика такая – голытьба! Вот плотники и каменщики, к примеру – народ сурьезный, их на Сенной площади искать надобно. Кухарки – те на Никольском рынке новых хозяев дожидаются. Лакеи и садовники – у Синего моста... Так не забудете опосля про Матвея, раба божьего, ваша милость?

Это был истинный день открытия нового мира, и Карл несколько раз с удивлением вспоминал то, каким чужим и нелюбезным оказался для него поначалу Петербург в первые дни. Оказалось, что достаточно отсутствия вечно угрюмого и озабоченного брата Генриха, наличие теплого солнышка, вовсю греющего сегодня и шуршащей трехрублевой ассигнации в кармане.

Карл долго бродил по Невскому, не замечая насмешливых перемигиваний приказчиков при виде простодушного провинциала. Застенчиво глазел на хорошенькие лица встречных барышень, уважительно уступал дорогу попадающимся офицерам – вот кто представлялся ему истинными хозяевами столицы!

А вывески! На двух торговых кварталах Невского Карл насчитал различных вывесок больше, чем видел их за всю жизнь в своем уезде и губернском городе. Попадались и смешные вывески – смешные даже на взгляд провинциала – но и это не портило общего впечатления. Над одной ресторацией – медведь с газетой в вывернутых лапах за столиком, уставленным различными блюдами. Над входом в каждый трактир – либо жеманно топырящие пальчики мужики с чаем в подстаканниках, либо такие же бородатые дяди с лепными кружками либо штофами в руках. Турки в чалмах, задумчиво сосущие кальянные трубочки над табачными лавками. Рог изобилия, из которого почему-то сыплются то ли младенцы, то ли ангелы. А рядом – маленькими буквами разъяснение: «Повивальная бабка-голландка».

Многие вывески содержали французские слова – с такими ошибками и в таких сочетаниях, что догадаться о том, что сие означает, можно было с большим трудом. Немногим понятней были и иные надписи на русском: «Здесь красют, декатируют и такожде пропущають машину». Или – «Дамский портной Иван Ефремов из иностранцев». Какой же это Иван, если из иностранцев?

Вернулся новый открыватель столицы в свой Басков переулок на извозчике – «ваньке», нанятом за 25 копеек. Это, конечно, было мотовством, пенял сам себе Карл. Да, мотовство – но как иначе, скажите на милость, доставить на квартиру будильник, глобус, большущий куль мятных пряников, проданных земляку немцем-кондитером из Ковенской губернии со скидкой, а также бумагу, тетради и банку с ваксой для сапог? Тем более, что вакса, судя по надписи на немалой банке, сулила будущему офицеру «зеркальный блеск, недоступный даже в Нотр-дам-де Пари».

Удалось сохранить и обещанный совести последний рубль из сестриной трешницы. Высадившись со всей поклажей у дома, будущий офицер был радостно встречен дворником Матвеем, коему и перепал, наконец, обещанный гривенник.

Поздно вечером того восхитительного дня Карл Ландсберг под оглушительное тиканье будильника с циферблатом размером со сковородку сочинял первое письмо домой с военной службы.

«А завтра у меня начинаются занятия. Предметов для

изучения очень много. Чтобы вы имели представление о военной службе, перечислю:

Общая тактика *Фортификация* *Военная типография* *Военная администрация* *Военная история* *Законоведение* *Воинские уставы* *Воинская география (это, чтоб знали, изучение территории наиболее вероятных противников)* *Военная гигиена* *Атака и оборона крепостей* *Минное искусство* *Подземно-минная борьба* *Подрывное дело* *Подводные мины* *Строительное искусство* *Железнодорожное дело* *Военные телеграфы*	*Искровая связь* *Электротехника* *Закон Божий (как тут будет – не знаю)* *Немецкий язык* *Французский язык* *Латинский язык* *Древнегреческий язык* *Русский язык и риторика* *Сопротивление материалов* *Теоретическая механика* *Гидравлика* *Военные дороги и военные мосты* *Русская литература* *Верховая езда* *Фехтование* *Гимнастика* *Огневое дело и баллистика*

Самое главное: жить я, любезная матушка и братец Генрих, стану, как и др. воспитанники-вольноопределяющиеся, на вольной квартире, которую я уже нашел совсем недалеко от казарм. Это потому, что занятия начинаются очень рано. Квартиру, дрова и свечи оплачивать будет казна, однако нам сказали пока заплатить самим. Завтра выдадут деньги на питание, и мы будем выбирать артельщика для закупок и кашеваров для обедов. Хозяйская прислуга будет подавать утром и вечером чай с сахаром (мои), а все остальное придется

покупать. Наверное, стирать придется тоже на квартире, спрошу потом у хозяина. Хорошо, что ты, Генрих, оставил мне 5 р., хватило заплатить за 2 мес. вперед, как и положено. Купил еще будильник и глобус, которые мне необходимы. Ну, вот пока и все. Горячо всех обнимаю – ваш Карл».

P. S. Мой квартирный хозяин – господин Власов Егор Алексеич, служил раньше по медицинской части, имеет чин отставного надворного советника. Жены и деток не имеет, принял меня очень хорошо! И вообще, наверное, он очень хороший человек!».

Впрочем, очень скоро восторженное впечатление Карла от своего квартирного хозяина несколько поблекло. Поначалу же не было ничего удивительного в том, что юный Ландсберг, воспитанный в суровой среде патриархальной немецкой семьи и не слыхавший, пожалуй, за всю свою прежнюю жизнь дома ни одного ласкового слова, искренне потянулся на доброжелательное внимание совершенно чужого человека. Да и сам старый холостяк Власов, никогда не имевший семьи, вполне искренне обрадовался возможности взять едва ли не отеческую опеку над молодым человеком. Можно сказать – мальчиком, к тому же совсем не испорченным столичной жизнью и смотревшим на жизнь восторженными и благодарными глазами провинциала.

Однако, взяв под опеку юного квартиранта, своих многолетних холостяцких привычек Власов изменить не мог, да, пожалуй, и не хотел.

Егор Алексеевич Власов с молодости был расчетлив и недоверчив к людям. С годами расчетливость переросла в страсть к накопительству и скупость. Уже на второй день пребывания на квартире, перед обедом, Карл стал свидетелем довольно безобразной сцены. Власов, усаживаясь за стол, строгим голосом позвал служанку и учинил ей форменный разнос за цену, которую она утром уплатила на рынке за рыбу. Напрасно старуха Семенидова клялась и божилась, что обегала весь рыбный рынок – везде торговцы подняли цену на две копейки за фунт, оправдывая это тем, что лед на Неве еще не встал, и всяк рыбак, выходящий на промысел, буквально рискует головой.

- Врешь, старая! – брызгал слюной, не стесняясь квартиранта, Власов. – Третьего дня льда тоже не было, а рыба стоила по-божески! Воруешь у своего благодетеля? На свечи хочешь скономить, когда на богомолье свое отправишься?!

- Бог свидетель, невиноватая я, Егор Алексеич! – слезно оправдывалась старуха, как выяснилось впоследствии, дальняя родня Власова. – Постыдились бы молодого человека, ей-Богу!

- Ах ты, дрянь! – Власов, привстав, отвесил прислуге звонкую пощечину, отчего та, закрывши лицо передником, в слезах убежала на кухню.

Власов же, как ни в чем ни бывало, заткнул за воротник салфетку и с аппетитом принялся за обед, похваливая (?!) кулинарные способности Семенидовой и уговаривая Ландсберга взять еще кусочек. Впрочем, предложив добавку разок, Власов тут же забрал остатки к себе на тарелку, заставив Карла втайне пожалеть о своей деликатности и нерасторопности.

Сцена же, имевшая место между прислугой и хозяином, наверняка была обыденной и привычной для них обоих. Ибо к чаю, вынеся из кухни самовар, Семенидова уже улыбалась и отвечала на грубоватые шутки хозяина.

Узнав о том, что Семенидова приходится Власову хоть и дальней, но родней, Карл, улучив подходящий момент, спросил у нее – почему она не садится за общий стол, а ест на кухне?

- Всяк сверчок должен знать свой шесток, - вздохнув, ответила старуха. – Не мне бога гневить, Карл Христофорыч! На старости лет в тепле живу, не в голоде. Меня ведь Егор Алексеич, когда к себе в прислуги взял, то прежнюю кухарку рассчитал. Уважил, стало быть, меня! Ну, а что ругает иногда – так на то он и хозяин!

По наивности Карл спросил было – сколько Власов платил прежней кухарке и сколько платит ей, Семенидовой? Вопрос попал в больную точку: старуха поджала губы и что-то долго бормотала о том, что кому и сколько платить – дело барское. Что ей, сироте, обижаться на Власова грех. И на праздники ей полтиннички дает, и на богомолье два раза в год отпускает, и за битую посуду денег не высчитывает.

Слушая ее бормотание, Карл понял, что наступил на больную

мозоль. Тем паче, что буквально через день-два, в очередной перепалке с Власовым, старуха в запальчивости попрекнула того тем, что он и «сродственницу» за свой стол стесняется посадить, и платит меньше, чем другие баре прислуге, а спрос-то с нее – о-го-го!

- Ду-ра! Дура! – наливаясь кровью, выкрикнул Власов. – За стол ее, бедную, не садят! Ты лучше вспомни – где я в юношестве у твоего деда сиживал, да какие куски мне, как собаке, бросали! И как ты, девчонка еще, надо мной смеялась! Впрочем, я тебя не держу-с! Не нравится – вот тебе Бог, вот тебе порог!

Испугавшись, старуха долго вымаливала прощение, и Карл со страхом ожидал, что Семенидова, в свое оправдание, укажет на него – как на смутителя.

Между тем к юному квартиранту отношение Власова было неизменно доброжелательным. Ежевечерне он деликатно случал в дверь комнаты Карла, и если видел, что тот не сидит над учебником либо схемами-чертежами, то заходил, звал на внеурочный чай, расспрашивал о семье, о предках. И даже вызвался было начертать генеалогическое древо семейства Ландсбергов.

В школе вольноопределяющихся Карлу тоже нравилось. Каждое утро, проходя в казармы, он был встречаем «дядькой» – фельдфебелем, старым солдатом, дослуживающим последние годы солдатчины наставником «вольноперов». Когда рядом никого из офицеров не было, «дядька» позволял называть себя Михалычем, иногда, расчувствовавшись, вспоминал свою деревеньку под Вологдой, семью, которую не видел больше пятнадцати лет.

Основной обязанностью дядьки было привитие будущему офицеру основ военного уклада жизни. Михалыч регулярно занимался с Ландсбергом шагистикой, учил его приемам обращения со штыком, саблей.

После наступали часы занятий, когда «вольноперы» собирались в классных комнатах и для них начиналась настоящая учеба. Часть ее напоминала гимназические уроки, часть была лекционного типа. Все преподаватели, кроме Закона Божьего, были офицерами, но большей части боевыми, многие со шрамами и следами ранений. Двое или трое прихрамывали, один был и вовсе без одной руки, со страшно изуродованным лицом. Поскольку он преподавал минное

дело, этому никто не удивлялся, а «вольноперы» шепотом рассказывали друг другу историю о том, как капитан Егоров во время турецкой войны, спасая товарищей, отбросил голыми руками залетевший в окоп разрывной снаряд, а тот возьми да и разорвись в воздухе, правда, уже на излете. Говорили, что свидетелем сего подвига был сам великий князь, и именно его повелением Егоров не был отчислен в инвалидную команду, а навечно остался в списках личного состава батальона и был пристроен на преподавательскую работу.

Другие преподаватели школы вольноопределяющихся порой напоминали Карлу гимназических. Одни были явно увлечены своим предметом и занятия проходили интересно, не по учебнику, со множеством интересных примеров. Иные офицеры явно тяготились своими дидактическими обязанностями, гнусаво и монотонно «отчитывали» свои предметы, вызывая скуку и зевоту. От гимназических преподавателей здешние отличались лишь тем, что не били линейкой по рукам и не грозились написать записку родителям. Наказание лентяям и нерадивым – впрочем, таких в школе вольноопределяющихся оказалось немного – было, в основном, два. Лишние часы строевой подготовки под командой старшего фельдфебеля по кличке Горыныч, либо несколько часов ареста в казарменной «холодной», под присмотром другого старшего фельдфебеля, не менее свирепого и горластого, имени-прозвища которого никто не знал.

Нравились Ландсбергу и отношения «вольноперов» со штатными офицерами батальона. Офицеры были настроены к воспитанникам без исключения дружелюбно, видя под солдатскими шинелями не «пушечное мясо», не «паркетных шаркунов» и «маменькиных сынков», как именовались юнкера. «Вольнопер» был гораздо ближе любому офицеру-саперу еще и потому, что его путь к офицерским погонам был выбран наиболее трудный.

Конечно, некоторая кастовость наличествовала и здесь. Офицеров-дворян в батальоне было меньше трети. И, несмотря на всеобщее, казалось бы, равенство, офицеры-дворяне держались с прочими товарищами так, что те никогда не забывали сословной разницы.

Среди «вольноперов» дворян было и того меньше – в основном, как и Карл Ландсберг, это были сыновья славных, но обедневших дворянских родов. Не столь древних, как с гордостью думал о своих предках Карл - но все-таки дворяне. Однако он не мог не видеть, что сословное размежевание среди воспитанников школы проявляется гораздо больше, чем в офицерской среде. «Вольноперы» знатного происхождения откровенно сторонились своих товарищей-разночинцев. Причем иной раз это выглядело столь заметно, что преподаватели и другие офицеры вынуждены были делать замечания излишне гордым потомкам дворянских родов.

Что же касается самого Ландсберга, то он страшно стеснялся подобной кастовости и никогда не примыкал к «радикально» настроенным воспитанникам.

Многие офицеры батальона выделяли Ландсберга среди прочих. С несколькими, совсем молодыми прапорщиками и подпоручиками он, по их требованию, перешел на «ты», и даже несколько раз был приглашаем на товарищеские вечеринки. Впрочем, последних он старался избегать – зная, что вряд ли когда-нибудь сможет вынуть из кармана столь пухлую пачку ассигнаций, как граф Марк Ивелич или барон Гейдрих. Постоянно же быть «одолженцем» и «прихлебателем» Карл Ландсберг не желал!

* * *

- Вот так началась моя воинская служба, Ольга Владимировна, - вздохнул Ландсберг. – Я не слишком утомил вас своими рассказами?

- Ну, что вы! А чем закончилась та история с мясной вырезкой, Карл Христофорович?

- Плохо закончилась, Ольга Владимировна. Будь я тогда постарше, да поумнее – мне б уже тогда квартиру сменить надобно было. Глядишь, и не случилось бы впоследствии ужасного… Но кто, кто знал?..

* * *

Конфликт с уличной шпаной и лавочником-мясником при всей своей мерзости один положительный результат все же имел. Этот результат имел вполне физическое, натуральное выражение –

несколько фунтов отборного, «генеральского» филея, вполне пригодного для того, чтобы от души накормить несколько человек. Придя домой со своим «трофеем», Карл не утерпел и рассказал Власову об истории принесенной мясной вырезки, перспективах еженедельного получения таковой же и о своей задумке устроить для нескольких офицеров товарищеский ужин.

Егор Алексеевич пришел от рассказа в восторг, и даже несколько раз попросил рассказать – «какая рожа была у этого негодяя-мясника» и «как он порол своих байстрюков».

Задумка Ландсберга насчет ужина была Власовым полностью одобрена. Власов велел Семенидовой принести «трофейный» филей в столовую, развернул и даже понюхал телятину, велев служанке отнести ее до субботы в домашний подвальный ледник.

Узнав, что среди приглашенных на товарищеский ужин будут граф Ивелич, барон Гейдрих и несколько других гвардейцев с боевыми заслугами, Власов пришел в полный восторг. Не закончив обедать, он побежал к служанке на кухню инспектировать имеющуюся дома посуду и столовое серебро.

«Инспекция» закончилась, впрочем, обычным скандалом: Власов обнаружил, что посуда для будущих гостей скверна, серебро плохо почищено, и, к тому же не хватает одной чайной ложечки. Несколько успокоился он только после того, как Семенидова напомнила ему, что злополучную ложечку хозяин самолично подарил на день ангела дочурке управляющего домом.

В конце концов было решено взять приличную посуду, приборы и все прочее в ближайшем ресторанчике Грибова. Ландсберг было приуныл, когда старуха Семенидова, немедленно посланная к ресторатору, вернулась от него с известием о том, что тот сдает впрокат столовые принадлежности только при условии найма его официанта и поставки вина из его же ресторации. Но Власов, уже видящий себя за одним столом с бароном, графом и другими героями войны, махнул рукой: гулять так гулять! Один раз живем, не правда ли, Карлуша? И взял, несмотря на возражения квартиранта, все эти дополнительные расходы на себя.

На следующий же день, в среду, Карл, найдя в казармах Ивелича, Гейдриха и Тишкова, не без торжественности пригласил их

в субботу к нему на квартиру - «отужинать чем Бог послал». Офицеры охотно приняли приглашение.

Однако вечером того же дня на сверкающем горизонте предстоящей вечеринки появились первые тучки. В противоположность Власову, старуха Семенидова была особенно мрачна. На обед она снова подала рыбу, которую квартирант на сей раз ел один: Власов благодушно отказался обедать. Между тем в доме явственно пахло жареным мясом – тонкое обоняние Ландсберга умело отличить этот аромат от всех прочих!

Повинуясь больше интуиции, чем подозрению, Карл после обеда, улучив момент, спустился в ледник и с ужасом обнаружил, что доброй половины филея на полке нет! Это объясняло и отказ Власова обедать, и мрачность кухарки, и рыбу. Его мясо украли! Вернее – дерзко присвоили!

Все еще не веря в это, Карл осмотрел кусок филея, надеясь увидеть следы зубов, рваные волокна мяса и прочие свидетельства нашествия четвероногих хищников. Увы – был ровный след отреза острым ножом.

В отчаянии Ландсберг присел на какую-то кадушку с солониной, не замечая сырой изморози, царящей в леднике. Для него было совершенно очевидно, что мясо велел «ополовинить» сам хозяин. Но как он мог?! Без его, Ландсберга, согласия? В преддверии товарищеского ужина, которому и сам был явно рад, и даже великодушно решил поучаствовать в «складчине», наняв в ресторанчике Грибова официанта с посудой и вином впридачу…

Более, чем сама потеря мяса, Карла приводила в отчаяние необходимость отмены ужина – это было, конечно, совершенно очевидно! Но как ему вести себя с Власовым? Высказать ему все, что он, Ландсберг, думает по этому поводу? А если тот оскорбится, категорически откажется от своего проступка? А если это действительно не он? Вдруг в погреб забрался какой-нибудь бродяга, поковырял в хилом замке проволочкой, да и был с добычей таков?

Карл тяжело вздохнул и поднялся. Нет, бродяга утащил бы весь кусок. Да еще прихватил бы другую снедь, дожидающуюся своего часа на холоде… Так и не решив, что ему делать, Карл поднялся в квартиру, повесил ключ от ледника на гвоздик у входной двери – и

увидел хозяина, в упор смотрящего на него из-за штор, прикрывающих дверь в зал.

- Ты ходил в ледник, Карлуша? – деланно удивился Власов. - Странно, мы договаривались, кажется, только о сдаче комнаты… Ах да, там же дожидается субботы наш чудный филейчик!

Ландсберг молча прошел в свою комнату. Власов шел следом, не умолкая.

- Кстати о субботе, Карлуша! С Грибовым я уже договорился – насчет посуды, вина и прочего. Но каков негодяй этот Грибов! Дерет за два часа работы своего официанта, будто это и не официант вовсе, а какой-нибудь наследный принц! А вино – в семьдесят копеек бутылка! С ума сойти! Впрочем, о чем это я – не обращай внимания, Карлуша! Назвался груздем – полезай в кузов, как говорится! Сам предложил посильное участие – стало быть, нечего и жалеть!

- Ужина не будет, Егор Алексеевич, - глухо проговорил Ландсберг, не глядя на хозяина. – Я отменю приглашение, извинюсь перед товарищами…

- Отменишь? Но почему, Карлуша? Рассорился с товарищами?

- Сами знаете, Егор Алексеевич, - тихо вздохнул Ландсберг.

- Н-не понимаю! Решительно не понимаю, Карл! Если вы, милостивый государь, намекаете на то, что я, пожилой человек, позволил себе распорядиться кухарке поджарить себе малюсенький кусочек такого аппетитного филейчика… Ну, захотелось старику побаловать себя – не в лавку же бежать, право! Да этот негодяй Громов сроду такого славного кусочка не даст! Ну же, Карлуша, не будь таким скупым! Ты же молодой человек, в конце концов! Тебе должна быть присуща свойственная молодости широта души! Наконец, ты можешь сходить к лавочнику и попросить еще телятины в счет следующей недели…

Семенидова из кухни, прислушиваясь к разговору, сердито загремела посудой и заговорила:

- Говорила я вам, Егор Алексеич, что нехорошо без спроса брать мясо у молодого человека! Тем более – перед гостями. Предлагала же сама в лавку сбегать, коли вам так приспичило!

- Молчи, дура! Кто тебя спрашивает?! – обрушился Власов на прислугу. – Вот, изволите ли видеть, какую моду кухарки взяли –

хозяев осуждать! Молчать! Без места остаться захотела? Так останешься – кому такая старая и глупая служанка нужна? И рекомендации не дам, можешь не рассчитывать!

- Егор Алексеевич, прошу вас! – чуть повысил голос Карл. – Служанка-то тут при чем? И вообще – извините, у меня разболелась голова, я хотел бы прилечь.

- Вот видишь, старая, до чего ты довела своими глупыми причитаниями молодого барина! – закричал, не принимая во внимание несуразность обвинений Власов. – А, может, ты оттяпала мяса больше, чем тебе было велено, а? А ну-ка, живо неси его сюда!

- Побойтесь Бога, Егор Алексеич! – захлюпала старуха. – Сроду крошки чужой не брала. Что же я, по-вашему, как собака, сырое мясо проглотила?! Сколько вы показали сами, столько и отрезала!

Сцена была пренеприятнейшая. Карл плотно прикрыл дверь в свою комнату и бросился на кровать, закрыв голову подушкой – чтобы не слышать визгливых криков Власова и плача Семенидовой. Сегодня же, немедленно отказаться от квартиры! Переночевать разок разрешат и в казарме. А завтра он найдет другую квартиру и съедет от этого мерзкого человечишки!

Решивши так, Карл немного успокоился. Приподнял подушку – крики и плач в квартире смолкли. Вздохнув, Ландсберг вновь обрел способность рассуждать здраво. С переездом на другую квартиру придется, видимо, повременить: денег у него осталось меньше рубля. Залог же хозяин вправе не отдавать – ввиду скоропалительности отъезда жильца. Да и что он скажет в казармах? Не рассказывать же, в самом деле, о хозяине, ворующем у квартиранта продукты! Разве что занять у Ивелича? Рублей пять, с тем, чтобы рассчитаться из казенных денег, которые должны выплатить не сегодня - завтра… Но одалживаться страшно не хотелось – тем более, у приглашенного на ужин.

Невеселые размышления юноши прервал осторожный стук в дверь. Карл, не отвечая, повернулся на бок и прикрыл глаза. Пусть его стучит! Он спит – и все тут!

Однако Власов оказался человеком упорным. Постучав еще раз, он приоткрыл дверь, заглянул, испытующе поглядел на «спящего» и на цыпочках подошел поближе, присел на край кровати,

тронул Карла за плечо и заговорил, снова перейдя почему-то на «вы»:

- Ну же, Карлуша! Откройте глаза, прошу вас! Я же знаю – вы не спите. Ну, будет вам на старика сердиться! Виноват, Карлуша, аз грешен, как говорится! Я ведь, знаете ли, хоть человек и обеспеченный, но весьма экономный, да-с! И лакомкой, к тому же, на старости лет сделался. Дай, думаю, попробую дарового мясца… Да и перед торжественным ужином не мешает, знаете ли, негодяя Громова проверить – хороший ли кусок дал? Знаете, какие лавочники ловкачи бывают. И-и, батенька, не поверите! Даст с виду хороший кусок, а он, извините, от падали. Конфузу потом не оберешься.

Старик еще долго что-то говорил, придумывал новые оправдания, клялся, что завтра же отправит прислугу в самый лучший магазин, за самым лучшим мясом – не чета этому, громовскому! И ужина отменять не надо, упаси Боже! Он, Власов, уже и с ресторатором договорился, и задаток внес – не откажешься. А какие он еще деликатесы заказал!

В конце концов Карлу стало стыдно, что взрослый человек так униженно просит у него, мальчишки, прощения за невинную, в общем-то слабость. Квартирант и хозяин помирились, скрепив мир торжественным рукопожатием.

В заключение Власов, обрадованный прощением, тут же предложил Ландсбергу в случае нужды в деньгах, непременно к нему обращаться.

- Ну, форменного обмундирования мы касаться не будем! – оживленно говорил Власов. – Но и без статской одежды молодому человеку в столице никак нельзя! Простите старика, Карлуша, но я видел сорочки, которые вы отдали Семенидовой в стирку. Помилуйте – да таких в Петербурге уже давно не носят! По таким, извините, провинциала за версту видать. Нет-нет, и не спорьте, Карлуша! В субботу у нас гости, а на воскресенье извольте ничего не планировать! Мы с вами отправимся в магазин Нестерова на Невском. Нестеров, Карлуша, чтоб вы знали, одевает весь петербургский бомонд. И не думайте насчет денег! Даже в голову не берите! Как сможете, так и отдадите. А и не отдадите – от меня не

убудет, да-с! За 35 лет беспорочной службы скопил изрядный капиталец, доложу вам по секрету. А куда девать? Наследников у меня нет, деток Бог не дал. Ну, брату там сколько-то достанется, Семенидовой отписана малая толика. Остальное-то куда девать, скажите на милость? На богадельни? Лучше уж прожить то, что отпущено Богом, в свое полное удовольствие! Да вот привычка многолетняя, проклятая, заставляет копеечку к копеечке складывать. Отвыкать, отвыкать надо от этой скверной привычки, Карлуша! Ну, я надеюсь, что с вашей помощью...

- Я, кажется, не давал вам оснований, милостивый государь, подозревать меня! - Ландсберг, побагровев, вскочил с кровати, глядя на хозяина сверху вниз. Он мучительно искал подходящие слова для того, чтобы поставить на место этого ничтожного лакомку, позволившего себе, хоть косвенно, но попрекнуть Ландсбергов бедностью.

- Христос с вами, Карлуша! – хозяин по-настоящему испугался и даже отодвинулся по кровати подальше. – Я имел в виду честный и благородный заем, коими пользуются, извините, и царствующие особы! Как вам угодно, только не обижайтесь на старика! Своих-то детушек, как я упоминал, Бог не дал, наказал!

Власов даже прослезился, и Карл быстро успокоился. В конце концов, практически все офицеры, по их собственному признанию, периодически прибегали к услугам ростовщиков и заимодавцев, либо нещадно «доили» богатых родителей, дядюшек и тетушек.

Вновь последовало торжественное рукопожатие и клятвенные заверения Власова в том, что субботняя вечеринка никоим образом не отменяется.

Придя со службы на следующий день, Ландсберг, решивший было проверить состояние остатков филея, ключа от ледника на привычном месте не обнаружил. Семенидова же проворчала, что ключ забрал себе барин, а квартирантам делать в хозяйских ледниках и вовсе нечего. Судя по ароматам от недавнего обеда, Власов опять лакомился остатками филея. Однако Семенидова подтвердила, что получила от барина деньги и указание о закупке мяса и прочих деликатесов к праздничному столу.

Провожая товарищей после дружеского ужина, Ландсберг был,

в общем и целом, счастлив и горд. В глубине души его, правда, противно шевелилось несколько червячков. И Марк Ивелич не замедлил этих червячков извлечь наружу.

- Каков сквернавец, однако, этот твой лавочник! – заметил Ивелич, ожесточенно орудуя во рту зубочисткой. – Ты, по-моему, говорил о великолепном телячьем филее для жаркого, Карл? Будь я проклят, если этому «теляти» от роду меньше 20 лет!

- Да уж,.. – пролепетал Ландсберг, догадываясь, в какой именно «лучший» магазин была снаряжена Семенидова.

- Ладно, не расстраивайтесь, Ландсберг! – покровительственно хлопнул Карла по плечу Гейдрих. – Первый блин – он всегда комом!

- И вино, вино, Карл! – поддержал Тишков, слывший в казармах великим знатоком крепких и горячительных напитков. – По молодости лет вам, конечно, простительно! Но уверяю, барон: вас и тут надули! Перелили в бутылки из-под выдержанного французского вина астраханский «квасок» – и думают, что люди не заметят! Хотите, хоть сейчас заедем в ресторацию и устроим небольшой скандалёзище?

- Господа, всех жуликов не переделаешь! – зевнул Ивелич. – Славно посидели, славно поговорили… А твой хозяин, Карл, мне понравился. Сразу видно, что к армейским относится с большим уважением! Держись его, Ландсберг!

- Да уж… Постараюсь держаться, - буркнул Карл. – Прощайте, господа! Извините, коли что не так!

* * *

Пообедали по-таежному рано, в полдень. Ландсберг угостил Ольгу Владимировну знаменитыми сибирскими пельменями, изрядный запас которых хранился в подполье в сенях, на холоде. После обеда он предложил Дитятевой еще одну вылазку:

- Тут недалеко, Ольга Владимировна, я местечко знаю, где тетерева в снегу ночуют и кормятся. Дичь здесь непуганая, так что, если нам с вами повезет, тетерку добудем. Хотите?

На сей раз охотникам не повезло: сторожких птиц в присмотренном Ландсбергом таежном уголке не оказалось. Вернулись на заимку, где Ольга Владимировна тут же принялась расспрашивать Ландсберга о его бывшем квартирном хозяине. Ни в

коей мере не желая создать у Ольги Владимировны впечатления, что он, оправдывая его убийство, рисует портрет Власова в черных красках, Ландсберг, наоборот постарался опустить некоторые детали.

Вечером, когда «супруги» снова улеглись по своим углам избушки, Ландсберг, словно вспомнив, вдруг спросил:

- Не жалеете, что мое предложение осенью приняли? Если честно, а? Я ведь знаю, Ольга Владимировна, нелегко вам в посту приходится. Супругом-каторжником попрекают вас «добрые» люди, презрение выказывают.

- Привыкла уже я. Приспособилась, знаете ли… Не ругаюсь в ответ, обиду и боль свою не показываю. Обидное что-то скажут постовые кумушки – а я в ответ улыбаюсь им. По-доброму улыбаться стараюсь. И вы знаете, Карл Христофорович, помогает!

- Спасибо вам. Вот, видите, а говорят, что мудрость только в старости приходит к человеку. Вы такая молодая, а способ действий выбрали верный.

Поленья за открытой дверцей печки давно уже прогорели, съежились и стали черно-багровыми, пышущими жаром остовами. Лишь изредка короткие язычки огня вырывались на тлеющую поверхность, ярко вспыхивали и тут же обессилено гасли. Ландсберг накинул овчинный полушубок, вышел из избушки, закурил, прошелся по нетронутому снегу небольшой полянки. Тишина в тайге стояла прямо-таки оглушительная, до звона в ушах. Черные силуэты деревьев еле виднелись на фоне такого же темного, беззвездного неба.

Он покосился на единственное оконце заимки, тускло желтевшее через навешенную изнутри тряпицу. Вздохнул: может, действительно не стоило так откровенничать? Не спрашивала ведь ни о чем… Теперь уж наверняка уедет с первым пароходом, ни за что не останется рядом с… убийцей. А что будет с ним? Неужто вот так и проживет на проклятом острове до старости? Будет, конечно, что-то делать, занимать ум и руки работой. Охоться вот так станет, торговлишку заведет. Михайле, компаньону своему, он пока еще нужен, тот надолго к нему «прислонился». Но поговаривает уже про скуку смертную, «наядам» сахалинским с тоскою вслед смотрит.

Заведет себе скоро утеху в виде сожительницы, и останется он, Ландсберг, совсем один…

Он докурил сигару, аккуратно затоптал в снег окурок, растер лицо жестким снежком. Сам себе Ландсберг не хотел сейчас признаться, что просто боится возвращаться в избушку. Ольга Владимировна, наверняка шокированная услышанным за эти два дня, будет, скорее всего, холодна и молчалива. Скрипнула дверь, в светлом прямоугольнике возник силуэт Дитятевой в накинутом на плечи платке.

- Карл Христофорович, вы где? – окликнула она. – Замерзнете ведь, возвращайтесь в дом! Наконец, я тоже хочу прогуляться перед сном, неужели не понимаете?

- Иду уже! – Ландсберг боком прошел мимо посторонившейся Ольги Владимировны, притянул дверь и побыстрее улегся на шкуры, в противоположном от лежанки углу.

Она быстро вернулась после «прогулки», потопталась у двери, ища на ней какой-нибудь запор или, на худой конец, крючок. Не нашла, недоуменно спросила:

- А дверь на ночь как запирается, Карл Христофорович?

- Гм.. От кого ж в глухомани запираться? Извольте, я могу что-то наскоро придумать, но…

- Боязно… Но если вы считаете, что не надо…

Дитятева легко прошла к своей лежанке, задула лампу, пошуршала одеждой. В избушке стало совсем тихо, только последние угли тихо потрескивали в печке. Помолчав, она тихо сказала:

- Спасибо вам за откровенный рассказ, Карл Христофорович. Я… Я чувствую, что вам нелегко это далось.

- Полагаю, что раз мы супруги, хоть и фиктивные, то вы должны все обо мне знать, Ольга Владимировна. Извините, если моя откровенность вас расстроила…

- Бедный вы, бедный мой… Как вас жизнь-то не пожалела… С этаким грузом жить!

- Да уж… Живу-с, - неопределенно ответил он.

В избушке снова повисла тишина.

- Карл… Карл Христофорович, вы не совсем ко мне равнодушны?

Скажите честно, пожалуйста! Мне это важно…

- Я не равнодушен к вам, Ольга Владимировна. Правда. Но зачем об этом говорить?

- Но вы всегда так холодны, сдержанны, держитесь словно на расстоянии…

- Только потому, что не желаю докучать вам и навязывать свое общество, Ольга Владимировна. Я ведь дал вам слово, если помните…

- Помню, - Дитятева прерывисто вздохнула. – Идите ко мне, Карл…

- Что-с? –Ландсберг приподнялся на локтях, недоверчиво глядя в темноту, откуда послышался призыв. - Ольга Владимировна, вы уверены, что это не порыв, о котором вы будете потом сожалеть?

- Это не порыв, Карл. Это, наверное, судьба. Ну, идите же! Нельзя заставлять женщину ждать!

Ретроспектива-13
Утро Литовского замка

У Ландсберга в Литовском тюремном замке появилась стойкая привычка просыпаться задолго до колокола. Просыпался он беззвучно – просто открывал глаза, будто только что ненадолго прикрыл их в раздумье. Эта солдатская привычка, выработанная годами в боевых походах и полузабытая на мирной службе, в тюрьме очень быстро восстановилась. Восстановилась – хотя какая нужда, спрашивается заставляла лишенного свободы человека вставать по утрам ни свет ни заря? Однако Ландсберг ничуть не досадовал, и очень дорожил этим утренним часом, который принадлежал ему, и только ему одному. В этот час не нужно было отвечать на чьи-то вопросы, поддерживать вежливую беседу с соседом…

Тишина в камере не была мертвой и давящей на уши. Где-то слышалось тихое шарканье метлы по камням тюремного двора, на верхней полке под потолком камеры тихо шуршала и временами попискивала крыса Мотька, всякий раз водворяемая туда своим

хозяином подальше от ее серых собратьев, бесцеремонно хозяйничавших на полу по ночам. Сам Захаренко, сосед по камере № 18, еще спал ровным тихим сном большого и сильного человека.

Появление соседа в камере, которую поначалу он занимал один, обрадовало Карла Ландсберга лишь поначалу. Живая душа по соседству оказалась слишком шумной, достаточно бесцеремонной и вообще какой-то странной. Захаренко-«Калиостро» был достаточно осторожен для того, чтобы не лезть в душу с неприятными вопросами, однако Ландсберга не оставляло смутное ощущение неслучайности появления в его камере разбитного комедианта, некогда разжалованного из штабс-капитанов. Карл готов был поклясться, что Захаренко тихо и незаметно подталкивает его к какому-то рубежу, накачивает его злостью.

Гораздо проще и приятнее было Ландсбергу общение с простецким деревенским парнишкой, Васей-Васильком по фамилии Печенкин, появляющимся по утрам в камере в качестве уборщика и прислуги.

«Поварские» в обязательном порядке, хотя и исключительно по желанию, подрабатывали на уборке камер для благородных арестантов, хотя никакими тюремными уставами этого оговорено не было. Тюремный персонал вообще на многое смотрел сквозь пальцы, а иные нарушения устава содержания и прямо поощрял. При этом имелось в виду не столько облегчение арестантской тяжелой доли, сколько покой и небольшой «приварок» к скудному казенному жалованию тюремщиков.

Тюремные приставники и их помощники, наизусть зная о перечне разрешенных и запрещенных арестантам предметов бытия, смотрели на этот вопрос весьма философски. Тюремный устав запрещал, к примеру, курение, всевозможные игры и даже чтение книг, не одобренных для арестантов специальным решением Священного Синода. Так что же прикажете делать целыми днями господам арестантам, не обремененным решительно ничем, кроме собственных мыслей? И, разумеется, тюремные сторожа, не особо чинясь, охотно покупали для арестантов табачок, приносили интересные книжки помимо синодального списка и даже газеты.

Белье и одежда у всех арестантов, как правило, были н на

«одну колодку» – из грубого сукна серого цвета, без пуговиц и снабженные лишь завязками. Казенная обувь тоже была грубой, не по размеру – иметь же свое белье и обувь устав категорически запрещал. Этот запрет персонал замка соблюдал не слишком свято, и не имел ничего против, если имеющий средства арестант заказывал в замковых сапожной и портняжных мастерских «полуказенную» обмундировку. Причем и кожа для обуви, и материал для одежды покупались при этом на воле, лучшего качества и непременно самими же тюремщиками. Продавалось это всем нуждающимся, разумеется, по своей цене, иной раз втридорога. Арестанты не возражали, начальство смотрело сквозь пальцы – лишь бы такие обновки не слишком отличались от казенной аммуниции.

Особо доверенным арестантам тюремщики тайком приносили в замок даже водку. Они же выступали в роли посредников в общении арестантов со своими родственниками и знакомыми: охотно отправляли с воли телеграфные и почтовые депеши – особенно если те содержали просьбы о денежном вспомоществовании. Все знали: получив с воли денежку, арестант обязательно «поделится» ею с тем, кто помог ее раздобыть. Иначе и быть не могло!

Время, меж тем, двигалось к побудке. Ландсберг живо себе представил широкий и темный двор тюрьмы, освещаемый пока лишь факелом топчущегося у колокольного столба солдата, да открытой дверью караульного помещения у ворот. В дверях, с громадными часами в руках, сейчас стоит дежурный офицер. Солдат, ждущий сигнала дернуть за длинную сырую веревку, привязанную к языку колокола, не спускает с начальства глаз.

По сигналу побудки приставники всех отделений замка, зевая и крестясь, пойдут отпирать двери арестантских камер и выгонять их обитателей на ежеутреннюю молитву. Вскоре после этого была ежедневная и ожидаемая всеми прогулка во дворе.

Как и всякий тюремный двор, этот был столько же скучен и мрачен. Вымощен он был камнем с редкими чахлыми былинками в щелях между огромными тесаными валунами. Что могло привлекать во двор арестантов? Разве что больший, нежели в камере простор, да небо над головой вместо серых прокопченых потолков.

Было в тюремном дворе Литовского замка и еще кое-что. Некий

прежний смотритель замка загорелся как-то идеей порадовать арестантов садиками для каждого отделения.

Попечительный о тюрьмах комитет дал в свое время согласие на сию дополнительную «привилегию» для арестантов. Пригласили архитектора, и тот вместе с землемером отмерил во дворе десяток участков. Было решено вынуть на участках камни, сделав из них оградки для будущих садиков, а образовавшиеся ямы засыпать землей. Там планировалось посадить деревья и разбить грядки, на которых арестантам предстояло выращивать овощи и цветы.

Затея, поначалу одобренная поначалу всеми, включая узников замка, в своем решении оказалась не такой легкой и быстрорешаемой. Многие отказались ворочить огромные и тесно пригнанные камни «запросто так» и потребовали за работу оплату. Среди согласных трудиться оказалось почему-то много слабосильных и увечных, которым не то что огромные валуны – маленькие камни поднять было не под силу. Десятка три-четыре каторжников, дожидавшихся в замке этапа в Сибирь, и вовсе отказались трудиться «на общественное благо».

- Мы завтрева в Сибирь пойдем, нам силу беречь надо, - вразнобой хрипели они в ответ на увещевания смотрителя замка и приставников. – В Сибири успеем жилы вытянуть, так что увольте нас!

Над смотрителем-энтузиастом начали потихоньку подсмеиваться. И тут одному из чиновников Попечительного комитета пришла в голову спасительная идея. Вспомнил он давнюю нудную тяжбу между военным и гражданским тюремными ведомствами. И предложили военным, мучившимся от отсутствия в северной столице собственной «пересылки» для военнослужащих и беглых солдат, разумный компромисс: их «подопечные» ворочают камни, а гражданские власти предоставляют военным коллегам в камерах и лазаретах Литовского замка определенное количество мест.

Дело сдвинулось с мертвой точки. Звероподобные фельдфебели-надзиратели, нещадно гоняя военных арестантов, за какой-то месяц понаделали во дворе замка потребное количество каменных ям. Потом заскрипели подводы, подвозящие в Литовский

замок землю с окрестных болот.

А потом в Литовском тюремном замке сменился смотритель.

Новому человеку садовая затея показалась ненужной и глупой. Никаких семян и саженцев он, разумеется, закупать для арестантских садиков не стал. И категорически запретил это делать арестантам. И несколько чахлых деревцев, которые успели посадить едва ли не тайком склонные к земледелию приставники да тюремная прислуга – вот и все, что осталось во дворе Литовского замка от садовой затеи.

Несколько садиков, меж тем, худо-бедно процветало – перед женским отделением, отделениями для благородных и беспаспортных крестьян, едва ли не ежедневно пополнявших казематы замка. Остальные его обитатели тоже почему-то полюбили по часу-другому бывать на своих участках, берегли на них каждую травинку и, случалось, вели долгие дискуссии даже над распустившимся одуванчиком.

И не было для арестантов любого отделения Литовского замка наказания за какую-либо провинность горше и обиднее, чем лишение их ежедневной прогулки в «садовой зоне».

А Вася-Василек вчера так и не появился. И по этому поводу у Ландсберга весь день была какая-то смутная тяжесть на сердце. Для этого были все основания.

Ландсберг вспоминал свою первую встречу с этим незатейливым деревенским мужичком, Васей-Васильком Печенкиным – это произошло на второй день пребывания молодого офицера под мрачными сводами Литовского замка. Как раз в минуты и часы наибольшего отчаяния, гнетущего осознания конца всего на свете. Сколько раз в эти особенно мучительные дни в тюрьме Ландсберг с тоской и сожалением вспоминал об упущенной возможности, которую ему дали офицеры Саперного батальона – когда одной пулей, в одно мгновение можно было разом покончить со всем позором, со всей мучительной неизвестностью…

Рязанский мужичок Василий Печенкин каждое утро бесшумно появлялся в камере, что-то говорил, шаркал веником. Спросив позволения офицера, Печенкин щедро сыпал через форточку на наружный подоконник хлебные крошки. Тюремные порции в

Литовском замке были обильны, и двух с половиной фунта хлеба для арестантов, в большинстве своем не занятых физической работой, было более чем достаточно.

Именно голуби, как позднее признался сам себе Карл Ландсберг, и вырвали его из серого омута вялой апатии.

Голубиная стая Литовского тюремного замка состояла из пяти-семи десятков изрядно откормленных на арестантском пайке птиц. Обитатели замка, обреченные на долгое вынужденное безделье, открыли в голубях источник развлечения. У многих камер и их обитателей были «свои» птицы. Точнее сказать, это голуби считали те или иные окна своими, и с восходом солнца многие устремлялись именно туда, сгоняли с излюбленных подоконников непрошеных собратьев. Наскоро набив зобы арестантским хлебом, голуби с утробным воркованием принимались ухаживать за голубками, тут же дремали, и неожиданно, как по команде, вдруг срывались с места и улетали.

До поселения в камере Ландсберга его окно не пользовалось у голубиной братии популярностью. Лишь изредка сюда прилетали молодые или слабые птицы, изгнанные с других подоконников более сильными собратьями. Когда Печенкин начал сыпать за окно крошки, это подношение пару дней оставалось незамеченным. Солнце и ветер быстро подсушивали угощение, делали его невесомым и неаппетитным для избалованных кормом птиц.

Однако регулярное появление на негостеприимном некогда подоконнике крошек птицы вскоре заметили. Сначала здесь начали хозяйничать воробьи, потом их суета привлекла внимание голубей.

И вот уже Ландсберг с растущим интересом, стал ежедневно подолгу наблюдать за птицами. Сам подсыпал им крошек, открывал для себя разницу в поведении птиц, дивился строгой иерархии в стае. С удивлением он открыл для себя и то, что мирная птица голубь на самом деле довольно жестока к слабым и раненым собратьям.

Все это надолго порой отвлекало мысли Карла Ландсберга от тягостных и мучительных дум. Заставляло меньше размышлять о смерти и больше – о жизни.

Печенкин иногда и сам напоминал ему голубя – наивностью, непосредственностью, отсутствием всяческих планов на более или

менее отдаленное будущее.

Василий Печенкин никогда и ничему не учился, но на уровне подсознания хорошо понимал, что его новый «барин», потерявший всякий интерес к жизни, находится на грани того, что в народе называли тихим помешательством. Чем глубже и дольше человек уходил в себя, тем реже и короче становились его возвращения к реалиям жизни. Так неопытный пловец, устав бороться с сильным течением, все реже и реже появляется за глотком воздуха на поверхности воды, и в конце концов тонет.

Печенкин старался как мог. Он пытался подбодрить вчерашнего офицера расспросами о его брате, которому отправлена депеша и который вот-вот приедет. А приехавши, будет непременно бывать в замке два раза в неделю, как и дозволялось. И обязательно будет хлопотать за томящегося в тюрьме брата по начальству. А там, Бог даст, все образуется и все будет хорошо.

Тюремные тамтамы неслышны, но всеведущи. Следуя арестантским обычаям – никогда не расспрашивать человека о том. по какой причине он очутился в тюрьме – Василий, тем не менее, знал, в чем обвиняют Ландсберга. Обитатели «поварского» отделения, бывшие почти своими и служебной части тюремного замка, частенько обсуждали меж собой арестантов благородного происхождения, совершенные ими преступления и их мотивы. Обсуждалось в свое время и двойное убийство в Гродненском переулке – сначала письмоводителями и писарями Тюремного замка, не стесняющимися молчаливых арестантов-поломоев, а потом и этими арестантами – уже в своих камерах. Общественное мнение, не сомневаясь в причастности к этому убийству офицера, терялось в догадках о причинах, толкнувших молодого барина на преступление.

Печенкин тоже терялся. И частенько, исподтишка приглядываясь к Ландсбергу, невольно пытался представить его в роли убийцы – оскаленного, со злобным выражением лица и с ножом в руке – и не мог этого представить. Тихий и печальный офицер вызывал у него только жалость. Его наивность в вопросах тюремного бытия будила в Василии какие-то едва не родительские чувства, а состояние полнейшей апатии офицера – настоящую тревогу.

Василий пытался, как умел, вывести Ландсберга из этого

состояния. Всякое утро появляясь в камере № 18, он начинал преувеличенно оживленно рассказывать последние тюремные новости. Вчера в замок, в приют для девочек, приходила женщина, унтер-офицерская вдова. Посетительница хотела забрать из приюта племянницу, ею же отданную сюда год назад. Попечительный комитет, говорят, навел о вдове справки и узнал, что она намеревалась продать племянницу в «желтый дом». Вот какие люди бывают, ваш-бродь…

А еще вчера в замок приходил какой-то высокий чин из полицейского департамента, так голуби умудрились дважды «отметиться» на его шляпу. То-то шуму было…

Ландсберг слушал молча, и лишь когда Василий собирался уходить, тихо благодарил его за уборку.

Арестанты из прочих камер, пользуясь дневным правом свободного перемещения по всему отделению, несколько раз заходили к нему – познакомиться, поздороваться, засвидетельствовать свое почтение и пр. Они корили Ландсберга за то, что тот почти ничего не ест, рассказывали о судебных и следственных ошибках, открывшихся уже в последний момент. Финал этих историй был одинаков: оболганный или несправедливо помещенный в тюрьму арестант с триумфом выходил на свободу.

Однако, видя явное нежелание нового арестанта поддерживать беседу, соседи и заходить в камеру № 18 перестали.

К этому времени Ландсберг, почти примирившись с помощью Печенкина с тюремным своим существованием, начал было тянуться к людям. Однако делать «ответные визиты» к тем, кого он так холодно или равнодушно встречал в первые дни, казалось ему неудобным. Вот тогда-то Ландсберг, положившись на судьбу, и попросил приставника подселить к нему кого-нибудь. И, не успев попросить – тут же очутился в шумной и не всегда приятной компании Захаренко-«Калиостро».

Комедиант, со скандалом уведенный к смотрителю замка в первый же день, после двухчасового отсутствия с триумфом вернулся. Более того – к немалому удивлению и Ландсберга, прочих арестантов и тюремного персонала отделения, вернулся «на коне». То бишь сохранив и белую крысу Мотьку, и прочие причиндалы,

необходимые ему для «концертной деятельности». Более того: поползли упорные слухи о том, что с разрешения господина смотрителя замка «его сиятельству Калиостро» будет позволено дать в тюрьме поразительное концертное представление. Причем уверяли, что представление сие будет разыграно не только для тюремного начальства, но и для арестантов, наиболее смирных или отличившихся.

«Калиостро» оказался шумным и веселым, чрезвычайно общительным человеком. В первые же два дня он перезнакомился со всеми обитателями отделения для благородных, часами пропадал в чужих камерах, где шутил, балагурил, показывал фокусы и неизменно предлагал игру в карты. Однако его неизменные выигрыши привели к тому, что искусство карточной игры было арестантами единодушно отнесено к фокусам, и за карточный стол с «Калиостро» никто садиться не рисковал.

Серьезным Захаренко становился только наедине с Ландсбергом – осторожно расспрашивая молодого офицера о былых его военных приключениях, боях, наградах. К удивлению Ландсберга, оказалось, что «Калиостро» знал кое-кого из его сослуживцев и по Средней Азии, и по Турецкой кампании, и по Петербургу. И буквально в первый же вечер весьма удивил Ландсберга доскональным знанием истории фон Ноймана, «попавшего в незаслуженный переплет» во время службы под началом генерала Кауфмана в Ташкенте.

Однозначного мнения насчет Ноймана у Ландсберга не было. Зная его как храброго и толкового офицера, Ландсберг еще тогда, в Ташкенте, с трудом поверил в его «мошенничество и арапство». То, что Захаренко хорошо знал историю Ноймана и во всем виноватил старого генерала Кауфмана, выслуживающегося перед влюбленным в княжну царем, тем не менее, Ландсбергу было неприятно. Холодно относясь по ряду причин к царствующему монарху, ему, дворянину, были крайне неприятны весьма вольные выражения Захаренко и его категоричные суждения насчет вины или невиновности людей благородного происхождения.

Претила Ландсбергу и настойчивость, с которой Захаренко допытывался о подробностях его письменного объяснения своего преступления, написанного следователю. Захаренко, откуда-то зная

кое-что из этого письма, горячо поддерживал Ландсберга в его мыслях – и это тоже было достаточно неприятно молодому офицеру. Одобрять или не одобрять мысли и поступки человека дворянского звания мог, по его разумению, лишь ровня, дворянин. Между тем Захаренко происхождение имел весьма сомнительное. Его бывшее штабс-капитанство тоже вызывало достаточно неприятные предположения. О своем военном прошлом, кстати говоря, Захаренко говорить и вспоминать очень не любил.

Думая обо всем этом в предрассветные часы, Ландсберг еле слышно вздыхал и был полон сомнений. А кто нынче он сам, некогда гордый потомок фон Ландсбергов, чтобы обсуждать вопросы благородства происхождения и чистоты крови? Офицерского чина он уже лишен. Впереди был суд, который наверняка лишит его и дворянского звания. Кто он сам, фон Ландсберг, делящий кров и нишу с самыми обычными ворами и убийцами? Чем он отличается от них, чтобы брезгливо сторониться их сочувствия и поддержки?!

Колокол в тюремном дворе наконец-то протяжно уронил в сырой воздух свой медный крик – раз, другой, третий. Как и ожидалось, тюрьма немедленно стала просыпаться. Закашляли, зашаркали и загремели ключами в коридоре приставники и их помощники. Громко зевнул на своей кровати и «Калиостро». Сейчас он вставит в рот сигару (наготове он их держал, что ли?), чиркнет вонючей шведской спичкой – и день начнется.

Может, оно и к лучшему, подумал Ландсберг. Может, оно и лучше – суета дня разгонит тягостные мысли. К тому же сегодня, по всем признакам, должен был объявиться брат, Генрих.

Брат Ландсберга долго не появлялся, и Карл, не зная истинного положения дел на воле, постепенно пришел к выводу о том, что и семья, прослышав про его арест, отреклась от убийцы и не хочет более знать о нем. Меланхолии, само собой, подобные размышления не убавляли.

Между тем, брат Ландсберга приехал в Санкт-Петербург уже на следующий день после получения телеграфной депеши о болезни Карла. Не найдя его на квартире, брат отправился в казармы батальона, где и узнал, что Карл арестован по подозрению в убийстве.

Два дня Генрих ходил по кабинетам чиновников, пока не дознался, что Карл помещен в Литовский тюремный замок. Явившись туда, брат получил отказ в свидании без дозволения следователя Петербургского окружного суда Серебрякова. Ландсберг полдня просидел в приемной камеры Серебрякова – тот же, по стечению обстоятельств, все это время провел в казармах Саперного батальона за сбором свидетельских показаний.

Уже к вечеру, дождавшись Серебрякова, Генрих Ландсберг добился свидания с братом – но не ранее решающего, как ему было сказано, допроса арестованного. Когда состоится этот допрос, Генрих Ландсберг так и не сумел выяснить. и принялся ходить к Серебрякову каждое утро.

На восьмой день пребывания Ландсберга в тюрьме, 14 июня, Печенкин прибежал к своему «протеже» раньше обычного, намереваясь обрадовать барина сразу двумя вещами. Одним драгоценным в тюрьме подарком был номер газеты «Голос». Газеты в Литовском замке были под официальным запретом, неохотно носили их арестантам и тюремщики. Хоть и не отказывали в этом, однако всякий раз пытались всучить вместо городских газет духовную периодику. Так что городская газета была подарком воистину драгоценным – даже тем из арестантов, кто не умел читать. Неграмотные использовали газеты на раскурку, и в камерах простолюдинов нередко возникали вполне серьезные дискуссии на тему – чья газетная бумага мягче и при курении не перебивает собой табачный дух.

Этот номер газеты Василий долго выпрашивал у разжившегося ею повара, готовившего для тюремной канцелярии. Кто-то из письмоводителей принес в замок завернутые в нее сапоги, намереваясь отдать их в починку тюремному сапожнику. Газета тут же была сунута в печь для растопки, но повар, улучив момент, ловко заменил ее вырванными из первой попавшейся конторской книги листами, и когда чиновная братия вернулась к своим столам, сыто отдуваясь и ковыряя в зубах, в печке уже весело трещал огонь, а номер газеты был спрятан за голенище «кота». Повар нипочем не желал расставаться с газетой, и Василию пришлось отдать за «Голос» последний двугривенный.

Второй новостью, которую Василий Печенкин приберегал для Ландсберга, было долгожданное известие о скором визите его брата. Один из караульных солдат, земляк Василия, обещался сразу же шепнуть, ежели в списке арестантов, к коим допускаются посетители, увидит фамилию Ландсберга. Такие списки готовились два раза в неделю, утверждались смотрителем замка и накануне дня свидания относились в караулку. И вот в очередном списке появилось имя брата Ландсберга – Генриха!

- Значит, родственничка сегодня поджидаешь, Карл Христофорыч? – словно прочитав мысли Ландсберга, пыхнул со своей койки вонючим сигарным дымом Захаренко. Яркий тлеющий уголек его сигары прочертил в темноте замысловатые фигуры. – Ну-ну, родственники – это, брат, в тюрьме первое дело. Только толку от них в смысле реальной помощи, извини, мало. Я вот тут что подумал ночью, Карл Христофорович: нам с тобой решительнее надо действовать!

- Это как – решительнее? – не понял Ландсберг.

- Напиши-ка ты, брат, прошение на высочайшее имя. Прямо царю! А что? И посмелее! Ты, брат, в своей бумаге следователю нашего монарха, в числе прочего, хорошо отбрил. Молодец, спуску не даешь! Теперь царю надо написать напрямую! Параллелей побольше, перчику туда, перчику! Так и так: где же справедливость, достопочтимый батюшка-царь? Твоим именем, царь-надежа, полки в атаку идут, живота своего и паче чужого не жалеют. Кто же убийца из нас, вопросить надо.

- Н-не знаю! – хмыкнул Ландсберг. – Кто ж я таков, чтобы напрямую царю писать? Без субординации… Да и как доставить письмо – это ж тюрьма, через знакомого дежурного офицера не подбросишь! Бумаги подходящей, опять-таки, нету – царская почта, известно, на особой бумаге идет. А иначе – прямое оскорбление царского достоинства.

- Ерунду, извини, Карл Христофорыч, несешь! – Ландсберг почувствовал, что Захаренко, как сильный зверь, бесшумно поднялся, тихо прошлепал босыми пятками к столу, зажег свечу и вернулся с ней. Сел на табурет против изголовья Ландсберга, откинул рукой длинные волосы и вцепился темными зрачками в глаза

Ландсберга.

Тот и раньше замечал за соседом этакую странную привычку: желая убедить собеседника в чем-либо, Захаренко замирал телом и лицом. Лишь одни глаза горели на том лице, тоже почти неподвижные. Одни зрачки, как живые, впивались в глаза собеседника. Они то суживались, то противоестественно расширялись, мерцая темным, каким-то мощным огнем. В такие минуты собеседники верили всему, в чем пытался убедить их небесталанный «Калиостро».

- Ерунду несешь, Карл Христофорович, - повторил каким-то монотонно-шипящим голосом Захаренко. Держа в одной руке свечу, он сделал другой взмах – и откуда ни возьмись, меж длинными пальцами у него зашелестели две четвертушки бумаги. – Смотри, Карл Христофорыч, один листок пергаментный, другой дрянной, дешевенький. Видишь?

И хотя бумага была довольно далеко от свечки, оба листа вдруг вспыхнули ровным огнем. Бумага скручивалась, чернела, по ней пробегали быстрые синеватые сполохи пламени.

«Калиостро», словно и не обжигаясь, дождался, пока оба листа догорели до конца и черными хлопьями улеглись на его широкой ладони.

- Что, сгорела бумага, Карл Христофорыч? Сам видел, жар чувствовал? – Захаренко засмеялся, не сводя с Ландсберга ставших широкими зрачков, взмахнул рукой, рассыпая черные клочья пепла – а у него в ладони по-прежнему шевелились два целых листа бумаги. Шуршали – один чуть желтее другого.

- Бумагу царскую, говоришь, негде достать? Достанем! Ты смелость лучше в себе поищи, такое письмо царю не каждый напишет! Ну, тебе, конечно смелости не занимать – иначе какой ты боевой офицер?!

Захаренко встал, поставил свечу на место, пошел в угол брякать умывальником – словно и не было никакого о письме царю разговора. Ландсберг молчал, не зная – что сказать. И в этот как раз момент в дверь камеры, ранее отпертой приставником, постучавшись, боком залез бородатый кривенький мужичонка. Неловко поклонившись, он перекрестился на иконку в углу,

переступил с ноги на ногу.

- Здравия желаем, господа хорошие! – забасил мужичонка. – С пробужденьицем вас, стало быть! Разрешите уборочку произвесть?

- А где Печенкин? – быстро откликнулся Ландсберг, вглядываясь в мужичка. – Где Вася-Василек наш?

- Приболел Печенкин, - снова поклонился мужик. – Так что в лазарете он. А господин помощник приставника меня вот прислал.

- Погоди-ка, погоди! – заволновался почему-то Ландсберг. – Он же третьего дня живой-здоровый был!

- А про это у начальства лучше спросить, - угрюмо буркнул мужичок, все еще топчась у дверей. – Уборочку-то прикажете делать? А то ведь на молитву скоро…

- Да делай, делай свое дело, судорога! – рыкнул на него Захаренко. – А то так все утро и простоишь. А ты, брат Карл Христофорыч, чего разнервничался? Ну, приболел твой Василек, завтра снова прибежит как миленький.

Однако Ладнсберг не успокоился. Едва дождавшись конца молитвы и смены тюремщиков, он деликатно отозвал в сторонку одного из помощников приставника. Краснея, сунул ему занятый у «Калиостро» полтинник и сбивчиво попросил разузнать о судьбе заболевшего Печенкина. Тюремщик, не стесняясь, осмотрел монету с обеих сторон и рассказал то, что ему было известно и так.

По его сведениям, Печенкин был вчера сильно избит каторжниками из 5-го отделения.

- Чем-то им не угодил, небось, - равнодушно закончил короткий рассказ тюремщик. – Это ведь такой народишко поганый, что не приведи господи поперек дороги встать. Вот и Печенкин ваш, видать, чем-то эту сволочь озлобил. А чем – Бог весть! И они молчат, и Печенкин молчит. Пользует его доктор, но, по-моему, не жилец он. Сильно побила мужичка каторжная сволочь! А вы бы, господин Ландсберг, лучше насчет своего братца поинтересовались. Сегодня у вас свиданьице, стало быть! Поздравляем!

- Да-да, конечно. – рассеянно молвил Ландсберг.

- Цирюльника прикажете позвать? – поинтересовался тюремщик, все еще разглядывая полтинник.

- Цирюльника? Пожалуй, - Ландсберг провел ладонью по

обросшему лицу, вспомнил наставления Васи-Василька и, стараясь быть как можно любезнее, попросил. – А нельзя ли ко мне Петруху-цирюльника из «поварского» пригласить? Рука, говорят, у него очень легкая.

- Отчего же? Можно и Петруху, - легко согласился помощник приставника. – Мы ведь, господа арестанты, для вас днем и ночью стараемся, силов не жалеем.

Пообещав отблагодарить тюремщика еще раз, Ландсберг с нетерпением принялся ждать цирюльника. По рассказам Васи-Василька, он знал, что он с ним из одной деревни, и нары рядом. Дружатся, стало быть. Может, Петруха знает какие-то подробности?

Петруха и впрямь все знал. Брея Ландсберга, он шепотом рассказал ему про внезапную неприятность, случившуюся с Печенкиным. Того, как выяснилось, дня три назад занарядили чистить дымоходы в печи отделения для отпетых, хоть он и не хотел туда идти. Во время работы Васи-Василька в камере вспыхнула жестокая драка, кого-то сильно порезали ножом-заточкой. Когда набежали тюремщики с солдатами, то устроили всем повальный обыск: раненый успел к тому времени умереть. Убийце грозили серьезные неприятности, но он сумел сунуть окровавленный нож Печенкину: спрячь, мол!

Васе-Васильку тоже предстоял обыск, поскольку во время драки он находился в камере. Недолго думая, он забросил нож во вскрытый дымовой ход печи, имевший много колен. Теперь, чтобы отыскать его, потребовалось бы разобрать пол-печки.

Тюремщики ничего не нашли. Зато убийца, которого Печенкин, по сути дела, спас от лишней каторжной «десятки», пристал насмерть: подавай ему обратно нож, да и только! «Обиду» же от потери «заточки» он оценил во столько, сколько на воле стоили три добрые коровы.

Камера всю эту историю, разумеется, знала. Но за Васю-Василька никто и не подумал вступаться: по тюремным законам обида должна была быть возмещена.

И вот вчера четверо каторжников поймали Печенкина и расплатились с «обидчиком» по полной программе: избили поленом так, что сломали позвоночник.

- Кто? - глухо из-под мыльной пены спросил Ландсберг.

Петруха затряс головой: не знаю, мол, барин! Тогда офицер взял его за горло, вынул из руки золингеновскую бритву и поднес к глазу Петрухи.

- Говори, а то вырежу! Глаз вырежу! – спокойно уточнил Ландсберг. Петруха только глянул в его белые от бешенства глаза и тут же назвал несколько имен-кличек каторжников, искалечивших Печенкина.

Ландсберг улыбнулся, вернул бритву цирюльнику, и, словно извиняясь, пояснил:

- Пойми, Петруха, не было у меня в тюрьме человека ближе, чем Вася-Василек.

Петруха, знавший про странную дружбу бывшего офицера и деревенского мужичка, кивнул.

- Передай Печенкину, что на днях зайду к нему в лазарет. Гостинцев принесу. И вот что, Петруха: сегодня ко мне брат приходит. Мне Вася-Василек помочь обещал обставить все с братцем. Рассказывал он тебе? Поможешь? Ну, Бог тебя вознаградит – давай-ка, брат, заканчивай с бритьем!

На свидание с братом Генрихом Карл шел с тяжелым чувством. Настолько тяжелым, что несколько раз ловил себя на мысли отказаться от встречи вовсе. Однако это решение попахивало трусостью, а Ландсберг трусом никогда не был. Подталкивала его к встрече и практическая смекалка всякого умного человека, волею случая попавшего в зависимость от людей и обстоятельств.

Логика рассуждений Ландсберга была простой: что сделано – то сделано, время вспять не повернешь. Это касалось как убийства, так и упущенной возможности сбежать за границу – тогда, на побывке в родном поместье. Поймали его – что ж, убийц почти всегда ловят – зла на полицию вообще и Путилина в частности Ландсберг не держал. Офицеры его батальона дали ему возможность с честью выйти из создавшегося положения, застрелиться! Но он, Ландсберг, выбрал жизнь, положил тяжелый револьвер обратно в ящик стола. Кто ему тут виноват? Выбрал жизнь – живи!

Потом, уже в тюрьме, он несколько раз раздумчиво возвращался к той решающей минуте и думал – не напрасно ли он

выбрал жизнь? Разве можно вообще назвать жизнью то, что происходило с ним после ареста? И что будет происходить все время, отпущенное ему на земле Богом? Все его окружение, привычки остались в прошлом – все будущее потомка старинного дворянского рода теперь было связано с каторгой и ее обитателями.

И логика брала свое: раз он в тюрьме и пойдет в каторгу, надо быть готовым к этому испытанию. Это будет новая, совершенно незнакомая Ландсбергу жизнь. Но даже в этой темной и мрачной жизни тоже бывают светлые пятнышки. Свои радости, свой мир со своими законами, условиями и условностями. И если в этом мире есть хоть небольшая возможность устроиться чуть получше – почему бы нет? Десять-двадцать рублей не сократят ему срока пребывания за решеткой – зато наверняка сделают тянущиеся серые будни чуть посветлее. Хоть временами! На мгновение! Семья от такой поддержки не обеднеет – а он, Карл Ландсберг, сможет легче переносить ниспосланное ему испытание.

К тому же, как ни странно, почти все мысли Ландсберга занимало не предстоящее свидание, не ощущение горя, которое он принес в семью. С этим поделать было уже ничего нельзя. Даже случись чудо и выйди он из тюрьмы оправданным – никто из его прежних друзей и знакомых не простит его, не забудет того, что он сделал.

Ландсберга больше всего бесила хладнокровная и безжалостная расправа каторжан с его единственным сегодняшним другом. С Васей-Васильком. С добрым и безобидным человеком. Бесило то, что тюремщики, включая высшее тюремное начальство, палец о палец не ударили с тем, чтобы наказать обидчиков Васи-Василька.

И это тоже они называют справедливостью?

Для себя Ландсберг уже решил, что напишет государю письмо, попытается еще раз, прямо и откровенно, объяснить свой поступок, причину своего попадания в тюрьму. Он усилит в том письме параллели, о которых писал следователю. Он откровенно намекнет, что знает истинную причину осуждения фон Ноймана. И о Васе-Васильке он обязательно напишет – и прямо спросит царя – почему он делит убийства людей и насилие над ними на две категории?

Почему одним людям можно творить зло, а другим нет?

Ну, а пока он покарает обидчиков его друга сам!

С этими мыслями Ландсберг в сопровождении тюремщика зашел в помещение, где проходили свидания. Оно оказалось таким, каким его и описывал Печенкин. Узкая комната, разделенная по всей длине столом, а от него до самого потолка – барьером из деревянных брусьев. В помещении стоял громкий шум – несмотря на призывы тюремщиков «не повышать голос», десятки людей по обе стороны барьера едва ли не кричали, чтобы быть услышанными.

Ландсберг прошел вдоль барьера, вглядываясь в частые промежутки между брусьями – пока, наконец, не увидел Генриха. Тот сидел где-то посередине длинной скамьи, стиснутый с обеих сторон другими посетителями.

А вот и Петруха. Определив брата Ландсберга, он пихнул одного заключенного, хлопнул по плечу другого – подвинься-ка! Дай барину место!..

- Здравствуй, Генрих! – Ландсберг сел напротив брата. – Ну, вот и свиделись.

- Да…

- Генрих, слушай! Прежде всего запомни этого человека, - Карл мотнул головой в сторону Петрухи. – Я тебе позже все объясню, а пока просто его запомни! Ты встретишь его во дворе замка, когда будешь уходить отсюда. Запомнил?

Ничего не понимающий пока Генрих с трудом оторвал взгляд от брата, поглядел внимательно на Петруху и, помедлив, кивнул головой: запомнил…

- Ну, а теперь – еще раз поздороваемся. Здравствуй, брат! Ты пришел – значит, в твоем сердце еще осталось для меня небольшое местечко, а? – Ландсберг попытался улыбнуться, но, поняв, что губы его дрожат, сжал их в плотную линию.

Глава четырнадцатая
Предтеча шантажа

Возок немилосердно трясло – зимник после последнего снегопада был плохо расчищен, а редкие в эту пору проезжие еще не успели сгладить заледенелые бугры и набить полозьями саней приличную колею. Однако пассажиры возка, казалось, не замечали толчков и дремали в неровных отблесках тлеющих древесных углей в камельке, закрепленном на полу. Дремал и возница, лениво пошевеливая время от времени вожжами. Только пес Разбой – крупная гиляцкая лайка - неутомимо перебирал мускулистыми лапами, то следуя за возком, то приотставая от него и постоянно прислушиваясь к звукам ночной тайги.

Но вот пес резко остановился, повернул тяжелую лобастую голову направо, потянул носом. Прыжок – и проваливаясь в снег по брюхо, пес помчался куда-то в сторону каменистой осыпи. Еще минута-другая, и возница очнулся от дрёмы, услыхав басовитый настойчивый лай, закрутил головой, потянул вожжи, чтобы скрип полозьев не мешал слушать.

Пес, натасканный преимущественно на крупную дичь, явно кого-то преследовал. Послушав лай, возница, матерясь, с трудом повернулся в необъятном своем тулупе и постучал кнутовищем по крыше возка.

- Слышь, хозяин! Разбой кого-то поднял. Будешь глядеть, али дальше ехать?

Один из пассажиров возка, коммерсант Карл Христофорович Ландсберг, словно и не спал – протянул руку, открыл верхнее окошко и высунул в него голову, прислушиваясь к далекому уже лаю лайки. Стянув зубами перчатку с одной руки, захватил пригоршню снега с крыши возка, крепко потер им лицо, окончательно прогоняя дрему, постучал носком сапога по валенку своего спутника:

- Михайла, хватит спать! Пошли, прогуляемся – Разбой, кажется, дичь поднял.

- И то дело! - с готовностью откликнулся спутник коммерсанта. -

Давно свежанинки не пробовал, соскучился уже… Кого энто он, интересно, поднял, Карл Христофорыч?

- А вот сейчас и узнаем! - Ландсберг уже успел выпрыгнуть из возка и прилаживал к сапогам плетёнки-снегоступы.

Закинув ружья на плечи и захватив длинные жерди, загодя вырезанные и притороченные к возку – без них по присыпанному снегом таежному бурелому порой было просто не пробраться - спутники направились туда, откуда доносились отголоски призывного собачьего лая.

Добравшись до каменистого склона сопки, с которого ветер сдул весь снег, охотники отвязали снегоступы и взяли ружья в руки: лай Разбоя был слышен совсем рядом. Добравшись до гребня, Ландсберг остановился, приложил к глазам бинокль, чуть повел им и тут же увидел и Разбоя, и найденную им дичь - кабаргу, замершую на большом и недоступном для беснующегося пса валуне. Валун венчал собой осыпь.

- Тёлка? -с надеждой поинтересовался спутник коммерсанта.- А то ихние козлы шибко вонючие, никакой свежатинки не захочешь с ими…

- Кабарга, друг Михайла, не козлиного, а оленьего племени,- поправил спутника Ландсберг. - Увы, это самец… Ну, что, будем брать? Кабарожья струя нынче в цене. Засушишь, а по весеннему сплаву японцам продадашь, а?

- Твоя воля!- разочарованно сплюнул Михайла. - Тока весна ишшо далеко, а мяска свежего сейчас хотца. Ну, давай, стреляй, черт с нею, с вонищей: травки в котелок поболе положить, и ничо будет, сойдет…

- Наивные все же создания, эти оленьки, - рассуждал вслух Ландсберг, ловя перекрестьем прицела темную фигурку на светлом валуне.- Заскочат на камень и замрут, сами под выстрел подставляются… Видит же нас, дурачок, нет чтобы убежать… Гляди, Михайла, каков красавец, шельма, а? Замер, точно скульптура в Летнем саду, право слово…

- Да стреляй ты, Карл Христофорыч, не томи душу! Скакнет счас твоя скульптура – и пропала свежатинка, - стонал спутник коммерсанта. –Летний сад он вспомнил, нашел время!

- Без свежатины, говоришь? – Ландсберг медлил, откровенно любуясь застывшим в ночи силуэтом кабарги. Он то опускал ружье, то снова решительно прикладывал его к плечу. – Эх, была – не была!

Хлесткий выстрел из карабина взорвал тишину в заповедной тайге, эхом заскакал по каменным ступеням ложа ручья. Кабарга подпрыгнула на всех четырех точеных ножках, присела, и, словно подброшенная катапультой, сорвалась с валуна. Но не вниз, а вверх и в сторону, словно повисла в морозном воздухе… В наступившей после выстрела тишине звонко цокнули о камень ее копытца – и исчезла кабарга, словно растворилась в предутренней мгле…

Михайла так и замер, открыв рот над встопорщенной бороденкой. Выражение его лица было столь очевидным, что Ландсберг рассмеялся, хлопнул спутника по плечу:

- Бывает, Михайла! Не вели казнить – мазанул по темному времени!

- «Мазанул»! –сплюнул Михайла. – А то я не видал, как ты перед выстрелом-то стволом чуть дернул… «Мазанул»! С восьмидесяти-то, почитай, шагов – да чтоб ты мазанул…

- А ты углядел, старый черт! Верно, пожалел оленька! – согласился Ландсберг, перезаряжая карабин. - Сам же говоришь, мясо его мускусное нам ни к чему, до весны далеко еще – пусть живет! Пошли, часа через два, бог даст, до поста Александровского доберемся, до дома! Велю приказчику, даст он тебе мяска, разговеешься, Михайла!

Спутники снова приладили к ногам снегоступы, взяли жердины и побрели к возку. На полдороге их тяжелыми прыжками обогнал серый пес, догадавшийся, что охоты сегодня больше уже не будет.

Путешественники забрались в возок. Михайла, все еще что-то бурча под нос, подсыпал в дорожную печурку древесных углей, блаженно протянул к огню руки. Возница снаружи громко зачмокал, пару раз хлестнул застоявшуюся лошадь вожжами, и полозья снова громко заскрипели по снегу. Не тратя времени на досужие разговоры, путники поплотнее укутались в высокие воротники, устроились каждый в своем углу поудобнее и вновь задремали.

Разбудил их час спустя тот же неугомонный пес Разбой. Вернувшись из очередной разведки вперед по дороге, он уселся

прямо перед лошадиной мордой и принялся выгрызать из лап кусочки застрявшего снега. Лошадь фыркнула и равнодушно стала, дожидаясь, пока возчик проснется и распорядится дальнейшей ее судьбой. Тот быстро глянул по сторонам, всмотрелся вперед:

- Ты чаво там, Разбоюшка? Расселся, глянь-ка, на дороге, будто места другого не сыскал… Чаво ты? Али люди какие в тайге?

В выговоре псу, однако, не было никаких сердитых интонаций: сообразительный Разбой давно уже приучил, что по пустякам он людей не беспокоит. Сахалинские же дороги не были спокойными ни днем, ни ночью: на них нет-нет, да и пошаливали беглые и бродяги. Зимой, правда, на проезжающих нападали пореже: лютые морозы, глубокие снега и метели даже самых отчаянных живорезов загоняли в вонючие и сырые, но все ж теплые казармы и тюремные камеры, где днем и ночью шла нескончаемая карточная игра, где можно было всегда раздобыть краюху хлеба и тепловатую вечную баланду.

Тюремные помещения на Сахалинской каторге если и охранялись солдатами, то чисто формально. Служивые больше следили, чтобы в камеры чрезмерно не набивался вольный голодный народишко, охотчий до той пустоватой, но все ж пахнущей рыбой баланды, нежели останавливали тех, кто хотел выйти прочь.

- Эй, борода, куды собрался? -лениво окликал обычно караульный фигуру в казенном халате, бредущую мимо.

- Так что, ваш-бродь, проигрался до нитки, - не останавливаясь, сипел в ответ каторжный.- Дозволь, к твоей милости, похристорадничать в посту, копеечку подстрелить…

Оживлялся караульный только при попытке кого-либо пройти мимо него в тюрьму: каторжников, отпущенных на «вольные уроки» старались обратно в камеры не пускать, чтобы не объедали казенную пайку. И те вынуждены были долго просить, плакать и кланяться караульному последним грошом – чтобы тот смилостивился и дозволил заскочить в камеру.

Тем не менее, вблизи поселков и постов, случалось, отчаянные варнаки охотились на проезжих и зимами.

Однако спокойное поведение пса, остановившего нынче возок, беды не предвещало. Поразмыслив, возница догадался: скорее всего, Разбой учуял где-то впереди мирную ватагу лесорубов. Те

обычно брели выполнять очередной «урок» на лесные деляны среди ночи, затемно. Валили присмотренное со вчерашнего дня огромное дерево, обрубали ветки, очищали от корья, и, надрываясь, волокли ствол через сугробы и бурелом до дороги, на что и уходила большая часть ночного времени. На тракте «урочникам» было уже полегче: опустошив прихваченные вместительные чайники, ватага старательно и дружно мочилась на бревно, покрывая его на морозе ледяной коркой. Оставалось втащить лесину в желоб, накатанный на тракте предыдущими бревнотасками. Очищенный от коры ствол, покрытый к тому же ледяной корочкой от старательного «орошения», легко скользил по накатанному желобу. Тащить такое бревно по тракту было после барахтания в грубоком снегу - почти удовольствие! Только не останавливайся – и к обеденной рынде, если повезет, окажешься в тепле.

Иной раз, конечно, случались и казусы: нарядчик, обмерив аршином комель притащенного в поселок с великим трудом бревна, равнодушно браковал дерево и вычеркивал всей артели сегодняшний «урок». Тогда свирепой ругани, пинков и зуботычин для виновников - ротозеев, выбравших загодя некондиционное дерево, артельщикам хватало до самого вечера.

Кряхтя, возница забрался с ногами на козлы, сдернул с головы мохнатую шапку, чтобы не мешала слушать, всмотрелся в темноту. Так и есть: далеко впереди мелькнула искорка костра, а вздох ветра донес невнятные пока звуки человеческих голосов. Возница перекрестился: кажись, и впрямь мирные лесорубы на тракте. Живорезы, поджидая добычу, костров не жгут. Однако береженого и бог бережет: хозяину сказать о людях на дороге надо непременно! Небось не осерчает!

Ландсберг и вправду не осерчал. Разбуженный второй раз за ночь, он тоже поглядел вперед, послушал, втянул ноздрями морозный воздух и махнул рукой: трогай! Пес же, выполнив свои сторожевые задачи, тут же прекратил выгрызать льдинки из лап и вновь побежал впереди возка.

Через малое время путешественники доехали до костра, разложенного у самого тракта. Две фигуры в коротких, чтобы не мешали лазить по глубокому снегу, полушубках, поджидали

товарищей, натаптывая в сугробах тропинку и отбрасывая с пути, по которому пойдет тяжеленное бревно, валежины. Самих бревнотасков видно пока не было – только слышались их далекая ругань и надрывные вскрики.

Лошадиное фырканье и возок, появившийся из темноты, мгновенно заставило «урочников» примолкнуть. Сняв шапки, они заспешили к дороге, чтобы ненароком не прогневать ожиданием начальство – ибо кто, кроме начальства, мог еще в добром возке очутьться здесь среди ночи?

- Здорово, ребята! - поздоровался Ландсберг, разминая у возка ноги и делая успокаивающий жест Разбою, насторожившему и ощетинившемуся было при приближении фигур.

- И вам желаем здравия, ваш-бродь! –закланялись лесорубы. И, узнав Ландсберга, тут же поправились. - Ваше степенство, то исть, конечно…

- Морозец, однако, нынче! - потопал сапогами Ландсберг. - Не примерзли тут?

- Чайком, ваше степенство, греемся. Да и то сказать – пока до тракту даже без бревна долезешь, пять раз вспотеешь, снегу-то нынче – не приведи господь! А уж с бревном-то и вовсе…Чайку с нами не побрезгуешь, ваше степенство, господин Ландсберг?

- Отчего же? Михайла, тащи кружки и заварку, утробу малость погреем, пока у занятых людей время есть и кипяточек имеется… Далеко ли от тракта дерево подходящее нашли, ребята?

- Версты полторы, не более, ваше степенство. Ближе пал летось прошел, одни пеньки горелые.

Лесорубы-каторжане жадно вдыхали ароматный парок из чайников, куда Ландсберг щедро высыпал всю заварку из туеска, живо разобрали куски колотого сахара из развернутой тряпицы и блаженно жмурились, откровенно радуясь возможности передохнуть, теплу костра, а главное - своему нежданному - негаданному фарту с чаепитием. И не упустили случая пожаловаться тут же:

- До весны, конечно, лесу тут хватит, а что на следующую зиму делать – страшно и подумать! Версты на три, а то и подале забираться надо в тайгу будет, на один «урок» дня не хватит, коли дороги летом не пробить…

- Пробьют дорогу! – пожал плечами Ландсберг. – Начальство наше ведь тоже соображает. Понимает, что без дороги в тайге лесу не заготовишь…

- А ты откель, ваше степенство, путь-дорогу держишь ноне? Из Рыковского, поди? Не страшно ночью-то по тайге?

- Был я в Рыковском, верно, - признался Ландсберг.- Что ночами езжу, так это для бережения времени: днем дел много. А что до страху… Места у нас на Сахалине, конечно, лихие. И людишки лихие встречаются. Да что вам говорить – сами знаете. Так ведь и днем зарезать могут, средь поселка… А уж в тайге! Одна у меня на Разбоя надежда, с ним спокойно… Он ведь, считай, за полчаса нас о людях на дороге предупредил! Ну, о вас, я хочу сказать. И ружья в возке имеются, если что…

- Оно, конечно, так… Дозвольте еще сахарку, ваше степенство! Больно скусный он у тебя, сахарок-то!

- Конечно, забирайте весь, с артельщиками поделитесь! –махнул рукой Ландсберг. - Ладно, ребята, спасибо вам за приют, за ласку, как говорится. Отогрелись мало-мало– в дорогу пора!

- Тебе спасибо, ваше степенство! Наш-то каторжанский чаек-пустой кипяток. А ты уважил, настоящим угостил, да еще и с сахарком. Дай тебе господь здоровья, ваше степенство, поезжай с богом!

По дороге в пост Александровский возок с Ландсбергом и Михайлой обогнал еще несколько артелей лесорубов – те, запрягшись по несколько человек в «упряжки» с бревнами, в тучах пара, как загнанные лошади, волокли по ледяному желобу свои «уроки» в поселок. И хотя останавливаться с тяжелой лесиной было никак нельзя, каторжники, заслышав стук копыт и скрип полозьев, бросали бревно, срывали шапки и кланялись пролетавшей мимо повозке: неровен час, грозное начальство осердится за непочтение! Тогда в посту вместо баланды с хлебной пайкой лесорубов будут поджидать розги, а то и «холодная».

Пост Александровский, столица каторжного острова, встретил ночных путников редким и тоскливым собачьим воем, совершенно безлюдными улицами и темными, без единого огонька окнами домов. Разбой, до самого поселка бежавший впереди возка, в поселке

присмирел, держался у самых саней, словно привязанный.

Распрощавшись с Михайлой у его домика, Ландсберг дождался, пока тот не исчезнет за тяжелой калиткой, распорядился вознице:

- Все, домой! И не к парадному вези, а прямо на конюшню езжай, барыню не буди. Я через магазин зайду…

За забором из тяжелых лиственных плах завозились, загремели цепями и зарычали кобели полудиких гиляцких лаек, в чьих жилах было немало волчьей крови. Однако Разбой, вперед возницы проскочивший во двор, одним своим появлением успокоил вышколенных псов: хозяин лишнего шума не любил.

Пока кучер возился с воротами, Ландсберг выпрыгнул из возка, и, потопав затекшими ногами, направился к новому срубу, появившемуся рядом с первым его домом минувшей осенью.

Приговоренный Петербургским окружным судом к четырнадцати годам каторжных работ в рудниках, Ландсберг весной 1880 года вместе с шестью сотнями других осужденных был привезен на остров Сахалин пароходом общества Добровольного Флота «Нижний Новгород». Нынче же, по прошествии полутора десятка лет, на флагштоке у особняка вчерашнего каторжника развевались вымпелы трех крупнейших торговых домов Восточной Сибири. Кроме того, Ландсберг был местным представителем КВЖД и Владивостокского пароходного Товарищества.

Впрочем, столь счастливые и похожие на сказку перемены в судьбе бывшего столичного гвардейца не сделали Ландсберга, как это обычно бывает, столпом местного общества. Чиновная братия и администрация тюремной части острова с холодной сдержанностью сторонилась Ландсберга. При каждом удобном случае ему не забывали напомнить о каторжном прошлом. Не водили с ним дружбы и местные немногочисленные торговцы и коммерсанты – как правило, разбогатевшие ссыльнопоселенцы из каторжан – этим не по нутру было благородное офицерское прошлое Ландсберга. Жена Ольга Владимировна, урожденная Дитятева, да странноватый для многих «кумпаньон» Михайла – этим, пожалуй, и исчерпывался ближний круг общения Карла Христофоровича Ландсберга на острове Сахалин.

Однако внешне Ландсберга подобное положение, казалось, совершенно не задевало и не угнетало. Ему было вполне достаточно и такого узкого круга общения. Вот и сейчас, оббивая на заднем крыльце магазина снег с сапог, Ландсберг неприметно улыбался в густые усы, предвкушая встречу с Ольгой Владимировной. С его Олюшкой, с коей он и расстался, впрочем, всего-то три дня назад, уехавши по делам в село Тымовское.

Ключ в замке удалось повернуть без особого шума, однако тяжелая дверь из холодных сеней в проходной чулан, место бдения ночного сторожа Ильи, отчаянно завизжала и заскрипела. Ландсберг шагнул в темноту, нащупывая в кармане спички, но огонек вспыхнул в углу раньше.

- Доброго здоровьица, Карл Христофорыч,- ночной сторож затеплил свечу, с хрустом потянулся.- С возвращеньицем, стало быть! Как съездилось, барин? Все ли добром?

- Здравствуй, Илья, здравствуй. Хорошо съездилось, вернулся живой, как видишь. Вы тут как?

- Барыня здорова, слава Господу нашему. Магазин торгует – как, не знаю, но приказчики вроде как довольны.

- А ты, я гляжу, по-прежнему с открытым окном ночуешь? И дверь не смазал – сколько тебе говорить можно, Илья! Ведь скрипит – не приведи господи!

Илья не смутился, коротко хохотнул, покрутил тяжелой лохматой головой.

- Вроде как умный ты, Карл Христофорыч. Образованный! А про одно и то же каждый раз вопрошаешь! Сколь те говорить, что сторожу в тепле службу справлять никак нельзя! Теплынь расслабляет! Не хочешь, да заснешь. А какой я сторож, коли спать стану? И дверь потому не мажу, чтобы тоже сторожила. Лихой человек в избу засунется – а дверь-то и скажет сторожу: не спи, брат! Так-то, барин! Днем отосплюсь, Карл Христофорыч, не обессудь! На печь заберусь, а то и бабенку какую посговорчивей, с собой прихвачу, для сугрева!

- Ну, раз не спишь и службу несешь – на, ружье прими! - Ландсберг протянул Илье карабин.- Почисти, смажь, как полагается. Один раз, правда, выстрелил всего – но положено, сам знаешь!

Значит, все в доме хорошо?

- Да вроде… Ох, вру, Карл Христофорыч! Не все добром – у барыни, Ольги Владимировны, третьего дня стол круглый из ейной анбулатории поперли.

- Как стол? Погоди… Он же большой и тяжелый. Не скатерть, чай, и не самовар – ты часом не шутишь, Илья?

- Отучен я шутки шутить давным-давно, барин! Верно говорю - поперли стол-то! Более ничего в приемной у барыни не было удобнее спереть – вешалку-то я, если помнишь, еще в прошлый раз насмерь к стене прибил. Гвозди у кузнеца нарочно двухверхшковые заказывал! Что б, значить, чрез стену насквозь и загнуть для верности снуружи-то... Вешалка-то и висит, не смогли, видать, гвозди мои выташшить. Вот стол и поперли барыневы варначки, которых она по доброте душевной лечит, время на них, паразиток, тратит.

- «Варначки»! Как же слабые женщины могли тот стол через дверь вытянуть?- засмеялся Ландсберг.- Плотник, что его мне сделал, вдвоем с помощником еле втащили! Дверь-то узкая, крутить стол надо, набок класть!

- Жрать али выпить захочешь – и выташшишь, без кручения! Помяни слово, Карл Христофорыч, вот не велел ты в часы приемов барыни дверь входную запирать - а зря! Сколь из дому за последний год барыневы варачки поперли добра? Четыре самовара, - начал загибать пальцы Илья. – Вешалку энту, будь она неладна, три раза с кабаков вертал в дом. Скатертей, рушников барыневых и не счесть! Сколько разов железную решетку от крыльца, что ты велел для отскребания грязи с сапог приделать, выворачивали?

- Ладно, Илья, тебя не переслушаешь, - вздохнул Ландсберг.- Спать пора, я с дороги, а ты все меня отчитываешь… Завтра поутру доскажешь, ладно?

- Ты спрашиваешь, я и отвечаю! – огрызнулся Илья. – Иди, спи, у тебя, барин, и добра и деньжонок хватает. Авось купишь…

- А со столом-то что7 – не утерпел уже в дверях хозяин. – Нашел, поди, тех варначек-то?

- Я да не найду! – довольно осклабился сторож. – Как хватилась прислуга барынева стола-то энтова, я так сразу по кабакам и пошел. Куды еще добро-то нести? У Никишки Кривого и нашел… И бабенки

те зловредные, коих ты слабыми называл, там же водку трескали. Никишка их показал… Хотел я их поучить, барин, маленько, да ведь ты, знаю, не одобришь. Прознаешьпро мою «учебу», да на меня и осерчаешь. Ташшить тот стол обратно, однако, я их все ж заставил, Карл Христофорыч! Не сердись уж! Как две свинюхи визжали на всю улицу, а ташшили! Народ проходящий животики со смеху надорвал…

- Не исправишь тебя, Илья! – скрывая улыбку, покрутил на прощанье головой Ландсберг. - Ты ж не их наказал, а меня! В мой же дом тащили ведь стол-то этот, при всем честном народе! Будь он неладен, стол… Ладно, пойду спать!

В чистой половине дома Ландсберг направился, однако, не в спальню, а в гостиную, которую для себя считал каминной. Илья, досконально звавший привычки и слабости хозяина, наверняка приготовил и дровишек березовых, и растопку: чиркни спичкой – и побежит по нежной белой коре трепетный огонек. Тут и тонкие щепочки, домиком сложенные, займутся, начнут облизывать хорошо просушенные с осени аккуратные кругляки. Пока камин разгорается, можно скинуть сапоги, по медвежьим шкурам дойти по шкапчика, налить рюмку водки или коньяку и вытянуться с ней в покойном кресле, блаженно помаргивая на одомашненный огонь и неторопливо размышляя об итогах дня…

На пороге каминной Ландсберг услыхал приглушенное шипение механизма высоких, под потолок, мозеровских часов, предвещающие бой. «Четыре пополуночи, должно»,- машинально отметил он – и остановился, заметив в каминной «непорядок». Камин был уже разожжен, кресло развернуто к огню, а из-за него виделись белые носки домашних меховых туфель супруги, Ольги Владимировны. Его Олюшки. Почувствовал движение воздуха от открывшейся двери, супруга тотчас легко выбрались из кресла, шагнула навстречу, протягивая руки.

- Карл… Слава богу, ты приехал! – Ольга Владимировна обняла мужа за шею, заглянула в лицо и повторила. – Приехал! Я, верно, все-таки дура! До сих пор не могу привыкнуть к твоим ночным поездкам… Здравствуй, родной!

- Здравствуй Олюшка! – Ландсберг обнял жену. - Отчего не спишь? Илья сказал – все здоровы, в доме порядок – а супруга не

спит! Или случилось что?

Ольга Владимировна, не отвечая, увлекла мужа к его любимому креслу, усадила. Легко присела рядом с креслом на корточки, сама, не взирая на сопротивление Ландсберга, стянула с него стылые с мороза сапоги.

- Сиди, я сама! – шагнула к шкапчику, звякнула хрусталем тяжелого графина. – Я тебе коньяку наливаю, хорошо?

И уже принеся полую рюмку и уютно устроившись рядом с мужем на подлокотнике его кресла, Ольга Владимировна вздохнула:

- Ничего не случилось, Карл… Просто сегодня мне опять очень захотелось уехать отсюда. Уехать и никогда-никогда больше не возвращаться…

- Ты что-то не договариваешь, майн либе! – Ландсберг осторожно, чтобы не потревожить жену, поставил рюмку на пол, прижал Ольгу Владимировну к груди. – Расскажи же. Тебе не нравятся мои отлучки, моя привычка ездить по ночам… Но мы много раз говорили об этом, Олюшка!

- К этому невозможно привыкнуть! Я боюсь за тебя, и ничего не могу с собой поделать! Я боюсь сама лишний раз выходить из дома. Кстати, Карл – ты ведь и сам запрещаешь мне без нужды и без сопровождающего ходить попоселку! А что касаемо желания уехать…Я панически боюсь за Гошеньку, Карл! Это во-первых. Мальчик не зверек, он не может всю жизнь жить в клетке! У него все есть, но каждый ребенок должен хоть иногда общаться с другими детьми. Карл, - голос Ольги Владимировны дрогнул, она помолчала, о все же продолжила. – Карл, Господь прибрал других наших малышей во младенчестве. Он послал нам тяжкое испытание, которое в жизни называется безобидным словом «краснуха». Неужели он оставил нам Георгия только для того, чтобы из него вырос такой же ужасный человек, как все… Ну, почти все на этом проклятом острове!

- Майн либе, ты меня пугаешь! Что с Георгием? Он здоров?

- Здоров. Но… Вчера он играл во дворе, и захотел взять на руки щеночка. Собака налетела на него, сбила с ног. Она не тронула его, но Гошенька сильно испугался. Испугался и рассердился. Он плакал и ругался такими же словами, как ругаются здесь все, от мала до велика. Он тянется к детям, но ты же знаешь, Карл… Нас почти не

приглашают в приличные дома, а на улице дети ругаются, начинают курить иногда раньше, чем говорить. Даже пьют вино, если им удастся украсть его. Гошеньке скоро придет время учиться – но чему он может научиться здесь, на проклятом Сахалине!

Ландсберг вздохнул, баюкая на груди жену. Ольга Владимировна не впервые заводила с ним разговор об отъезде. Он и сам рвался с острова всей душой – но что он мог поделать!

- Олюшка, надо потерпеть! Мы можем, разумеется, купить во Владивостоке дом. Ты могла бы уехать туда с Георгием, а я навещал бы вас так часто, как только мог! Но это не выход, майн либе! Подумай сама – тебе бы пришлось вести образ жизни анахорета и стать в обществе белой вороной, вызывающей повышенное внимание и нездоровый интерес у сплетников. И услышать однажды за спиной: «каторжанка»! Жена каторжника! А каково это будет услышать Георгию? Что нам делать тогда? Уехать еще дальше? Ты знаешь, дорогая, что я мог бы в принципе тоже покинуть остров. Но в моем паспорте все равно будет проклятая отметка: мещанин из ссыльно-каторжных. И я буду обязан отметить свой паспорт в полицейском участке в том городе, где мы решим жить. Об этом немедленно узнают все новые наши соседи – узнают и станут показывать на нас пальцами. Для нас будут закрыты все двери… Дети станут дразнить Георгия… Неужели ты хочешь для него такого будущего, Олюшка?

- Карл, милый, я все понимаю! Понимаю – но… Не могу с этим смириться! Не могу не думать об этом каждый день, каждую минуту… Мне приходят в голову греховные мысли, Карл. Даже прислуга понимает весь ужас нашего положения, сочувствует нам… Наташа, моя горничная, третьего дня спрашивает: нешто, мол, барину жалко заплатить кому следует за чистый паспорт, чтобы уехать отсюда? Ведь все знают, Карл, что в наше проклятое время деньги могут решать все или почти все!

- Купить фальшивый чистый паспорт я могу легко. К тому же это обошлось бы гораздо дешевле, чем все мои хлопоты насчет помилования! Но что это будет за жизнь, майн либе! Скрывшись от полицейского надзора под новым именем, я тут же попаду в список беглых. И в один прекрасный, то есть в один ужасный день все может раскрыться, и меня вернут на Сахалин в кандалах! Каков это будет

удар для тебя, для Георгия… Нет, я решительно не могу рисковать вами! Олюшка, неужели ты не понимаешь, что это не выход? Для полного же помилования необходимо высочайшее монаршее соизволение, - Ландсберг взял рюмку, отхлебнул янтарной обжигающей жидкости. – Но Петербург молчит! Все ходатайства, мои и те, кто принимает во мне участие, остаются пока без ответа…

Ландсберг помолчал, справляясь с волнением, потом продолжил:

- Приамурский генерал-губернатор, чью аудиенцию я получил прошлой осенью, готов посодействовать частичному разрешению моего вопроса и дозволить нам покинуть Сахалин. Но отметку в паспорте «из ссыльно-каторжных» даже он не может изменить! Надо потерпеть, Олюшка! Надо верить, что скоро все может решиться. Я верю в это, дорогая! Ландсберги, мои предки, всегда верили в судьбу, и она редко подводила их. Верь и ты.

Упомянув своих предков, Ландсберг внутренне поморщился: получилось высокопарно и даже как-то выспренно. Не стоило упоминать предков, право… Каждый из Ландсбергов шел по жизни не оглядываясь и не принимая во внимание ни тех, кто был рядом, ни законов общества. У них всегда была своя правда: если перед ними враг – его надо убить. Если союзник – он не должен путаться под ногами. Если есть цель – она должна быть достигнута, цена значения ни для одного из предков, насколько знал Карл, не имела. И на судьбу Ландсберги, Карл был почему-то уверен в этом, не очень уповали, более надеясь на тяжелый и острый клинок в собственных руках.

Ольга Владимировна в первые годы замужества несколько раз задавала мужу вопросы про его предков. Карл уложил свой рассказ буквально в несколько фраз: когда-то, давным-давно, обедневшие братья Ландсберги приехали на Русь искать государевой службы у великого князя. Богатств они на Руси не нажили, но так и остались на этой земле.

- Но сколько же можно ждать, Карл? Гошенька растет, наши годы тоже идут… А если… А если за границу? Ты не думал об этом? В Германию, например. Ты же немец по крови, в конце концов! Там нас наверняка никто искать не будет.

- Бежать за границу, Олюшка, более пристало тем, кто в чем-то виноват. А чем виноваты вы с Георгием? Ну, я дело другое, - Ландсберг помолчал, поглядел сквозь хрусталь рюмки на сполохи огня в камине. – Да, прошлое давит на меня, не дает забыть. Но бежать от него я не желаю! И потом – да, я немец. Но смогу ли я жить на земле моих предков – не знаю…Так что, майн либе, давай-ка просто подождем еще немного! И, кстати, не пора ли тебе немного поспать? Пятый час утра, однако…

Ольга Владимировна вздохнула: начиная этот далеко не первый разговор, она мало надеялась на иной его итог. Так оно опять и получилось.

- Кстати!- вспомнил вдруг Ландсберг. – Кстати, в начале нашего разговора ты сказала: «во-первых». А есть что-то еще и «во-вторых»?

- Есть, к сожалению. Карл, ко мне на прием приходила эта страшная женщина. Мадам Блювштейн, которую весь мир зовет Сонька Золотая Ручка.

- И что же? Ты сама говоришь, майн либе - «на прием»! Все женщины, даже очень страшные, иногда нуждаются в медицинской помощи. Да и не страшна, я полагаю, эта Сонька более никому. Это не та быстрая, беспощадная и жестокая хищница, коей была в свои лучшие год. Сейчас это старая и беззубая волчица. Я несколько раз видел ее в посту и могу засвидетельствовать это!

- Не знаю, право, - Ольга Владимировна зябко передернула плечами. – К тому же приходила она, как выяснилось, отнюдь не ко мне. И отнюдь не за медицинской, представь себе, помощью!

- Ты говоришь загадками, Олюшка! – Ландсберг по прежнему улыбался, но внутренне подобрался, ощутив неприятную пустоту и холод в груди.

- Да какие уж тут загадки… Она оставила для тебя записку. Ей зачем-то понадобился ты, Карл! А визит к акушерке – просто маскировка, отвод глаз. Она заявила мне об этом прямо – мол, не хочу, чтобы мой сожитель Богданов узнал о моем деле к господину Ландсбергу.

- Давай-ка все по порядку, Олюшка! – попросил Ландсберг.

Успокаивая жену насчет «старой беззубой волчицы», Ландсберг

слегка кривил душой. Несмотря на то, что он подчеркнуто сторонился в общении и сахалинских чиновников, и преступного сообщества, с коим практически все более или менее зажиточные островные обитатели старались если не заигрывать, но и не отталкивать от себя, Ландсберг старался быть в курсе всего творящегося на Сахалине. Иначе тут было просто нельзя.

В свое время старейшина каторги Пазульский, разбирая прегрешения Ландсберга против иванов и бродяг, назначил ему испытание, пройти которое казалось невозможным. Однако Ландсберг сумел найти выход из сложнейшего положения, и Пазульский объявил иванам: Барина не трогать! Пусть ходит по земле как желает…

У Ландсберга после этого приговора старейшины словно камень с души скинули – однако Михайла Карпов, сдружившийся с ним еще во время сплава на «Нижнем Новгороде», предостерег:

-Ты, Карл Христофорыч, все одно ходи да оглядывайся почаще! Пазульский у здешних иванов и бродяг в агромадном авторитете, канешно, но жизнь-то переменчива! Блатной ведь своему слову истинный хозяин – сегодня дает, а завтра обратно забирает. С этакого отступника и не спросишь: по каторжанским законам, обещание лишь то свято, что один иван другому дает. Аль бродяга бродяге. А обмануть чужака, не ихнего то есть – это и за грех не считается. Скорее наоборот. Так что смотри, ваш-бродь!

Тем не менее, Ландсбергу никто из блатных больше дороги не заступал, даже после смерти Пазульского, случившейся несколько лет назад. Блатная верхушка каторги его словно не замечала.

Разумеется, занявшись торговлей и довольно скоро разбогатев, Ландсберг, как и прочие коммерсанты на всем белом свете, всегда чувствовал к себе повышенный интерес воров и налетчиков. Несколько раз его магазин грабили, да и в охотничьих странствиях по таежному бурелому встречались на пути иной раз лихие люди с топорами. Но Ландсберг знал, что это все случайные, пусть и крайне неприятные встречи. Что это не охота специально на него – а не более, чем норма бытия: ты торгуешь, я ворую, всякому свое!

Знал Ландсберг и почти все, что касалось каторжного периода

жизни Соньки Золотой Ручки, знаменитой не только в России, но и, пожалуй, в Европе.

Пойманная после очередного побега с обольщенным ею тюремщиком, мадам Блювштейн в очередной раз была приговорена к каторжным работам и осенью 1886 года на пароходе Добровольного флота «Ярославль» в числе очередной партии арестантов сошла на сахалинский берег. В тюремную камеру, как впрочем, и в рудники, она, однако, не попала.

По существовавшей на острове неписанной традиции, прибывших сюда для отбытия наказания особ женского пола в тюрьму не помещали. Тех, кто помоложе и посмазливее, сразу разбирали в сожительницы зажиточные поселенцы. Старухи и немощные арестантки были предоставлены самим себе: пригреет кто – ее счастьишко. Не пригреет – ходи по людям, нанимайся для прокорма на самые грязные и тяжелые работы.

Надзиратель, прилежно записавший прибывшую Софью Блювштейн и выдавший ей казенное платье взамен сданного, так ей и объявил:

- Мадам, вы практически свободны. И останетесь на поселении свободной и далее, ежели не сотворите очередной своей глупости. Правила вы знаете: обитать будете в Александровске, поста не покидать ни при каких обстоятельствах! Каждое утро – извольте на перекличку. Отсутствие на перекличке, либо попытка покинуть пост приравниваются к побегу. Тогда уж не обессудьте, мадам! Казенное довольствие здесь получают на месяц вперед – крупа, немного муки, соленая рыба. Однако настоятельно рекомендовал бы, мадам, прежде найти себе пристанище, чтобы не бродить по посту с мешками. Несподручно, говорят, - и чиновник злорадно захихикал.

Намек на то, что сорокалетняя Сонька выглядела старше своих лет, и по этой причине вряд ли будет востребована в качестве сожительницы, был достаточно прозрачен. Тюремный чин, донельзя довольный тем, что вот так, запросто и свысока беседует со знаменитой аферисткой, ожидал обычных слез, испуганных вопросов типа: а что же мне, бедной, теперь делать? Но не дождался.

Сонька растеряла былую красоту и привлекательность в глазах мужчин – но ее острый ум и сообразительность никуда не делись.

Будучи наслышанной о сахалинских нравах и обычаях, она еще на «Ярославле» сумела не только разжиться кое-какими деньгами, но и сговориться со знаменитым вором по кличке Блоха, «сплавляемым» на Сахалин в мужском отделении плавучей тюрьмы.

- Не извольте беспокоиться, господин начальник, - спокойно ответила она. - Жилье в посту я еще до ночи сыщу, а за провиантом завтра с кем-нибудь явлюсь.

- У мадам есть средства? – насторожился надзиратель. – По закону это воспрещено!

- У меня есть друзья повсюду, господин начальник. В том числе и на вашем острове! Неужели вы не знаете русской поговорки: не имей сто рублей – и так далее?

- Как знаете, мадам. Я вас более не задерживаю, - чин побагровел, но сдержался.

Подхватив небольшой узелок с какой-то женской мелочью, Сонька покинула канцелярию, и не обращая внимания на откровенно любопытные взгляды писарей и мелких чиновников, вышла за дверь. Буквально через несколько шагов она нашла то, что искала – небольшую стайку вездесущих мальчишек, которые отличались от материковских оборванцев лишь необычно серьезными и даже какими-то взрослыми лицами. Поманив мальчишек поближе, Сонька заговорила специальным голосом классной дамы – звучным, строгим и в то же время привлекающим:

- Мальчики, я ищу квартиру с одинокой пожилой и чистоплотной хозяйкой. Желательно, чтобы она хорошо стряпала. Поможете – денежку получите. Ну, как – по рукам?

Через четверть часа – пост Александровский был совсем не велик – Сонька уже сговаривалась с хозяйкой, гренадерского роста бабой в таком же сером, как и у нее, простом платье.

- Хорошо, пусть будет два рубля в месяц, с твоими дровами. Стряпня – еще рубль, за продукты буду платить по мере необходимости. Как тут с продуктами, кстати? Можно ли купить свежую телятину? Дичь?

- Коли деньга водится, все купить можно, - усмехнулась баба, бережно приняла в лопатообразные ладони три рублевые бумажки и ушла куда-то их прятать.

Решив вопрос с жильем, Сонька, не задерживаясь, вышла на улицу, к ожидающим ее оборванцам. Выдав провожатым гривенник, она одного задержала для еще одного поручения.

- Где-то тут есть кабак Гришки Рваного. Знаешь такого? Вот и отлично! Поди сейчас к нему и передай, что с «Ярославлем» приехала барыня, привезла ему привет с города Иркутска и просит вечером подойти для разговора. Дом покажешь сам или объяснишь, как найти.

- Рваный - мужик крутенек,- шмыгнул носом посланец. – К бабе может нипочем не пойтить. Ишшо и мне по шеям надает… А чашечку винца нальешь потом, барыня?

- Во-первых, не к бабе, а к барыне, - поправила Сонька. – Во-вторых, скажешь, что привет с города Иркутска передает ему Семен Блоха. И что Семен очень сильно огорчится, коли Рваный не придет или задержится. И, в-третьих, детям вино пить никак нельзя. Ну, ступай, оголец!

Вернувшись в избу, Сонька прошла в отведенную ей половину, повалилась на кровать с соломенным тюфяком и стала терпеливо ждать визита.

Кабатчик, разумеется, пришел. В сенях послышался грубый голос, что-то загремело. Баба-гренадер встрепенулась, закрестилась, начала через дверь расспрашивать - кто да зачем? Вместо ответа вечерний визитер дернул дверь так, что нехилый засов, затрещав вылезающими гвоздями, тут же отлетел в сторону. Хозяйка, отскочив, тут же вооружилась здоровенной суковатой палкой и заняла оборонительную позицию.

Визитер, не обращая на дубину внимания, прошел к столу, тяжело сел и только после этого повернулся к хозяйке:

- У тебя, что ль, Шурка, приезжая фря остановилась? Ну и зови ее, дура! Да не держись за свою щепочку, пока я те ее в ж..у не засунул!

Сонька уже стояла в дверях, внимательно оглядывая визитера. Всё было так, как рассказывал Семен Блоха, старый вор. Росту Рваный не великого и не маленького, держался вольготно, говорил грубо. Однако прибежал на зов быстро, глаза беспокойные – значит, ничего хорошего от привезенного с города Иркутска привета не

ожидает.

- Здравствуй, Григорий! – Сонька прошла к столу, села напротив кабатчика. – У вас тут а Сахалине все такие – неотесанные? Барыню, еще не видя, «фрёй» называешь, двери ломаешь, в дом входя не здороваешься?

Кабатчик помолчал, тяжело мигая на «барыню» глазами и осмысливая услышанное. Осмыслив, решил пока держаться прежнего.

- Смелая ты, фря, однако! На «Ярославле», гришь, прибыла к нам? И, судя по понтрету морды лица и прочему обличью, на арестантской палубе? Хто такая будешь?

- Кто я - неважно. Важно то, от кого я привет тебе, Григорий, привезла. Семена Блоху-то помнишь?

- Был один косорылый в городе Иркутске вроде, - согласился Рваный. – Ходил еще так потешно – ровно подпрыгивал на кажном шагу. Словно блоха… От него, что ли?

- От него, от самого, - Сонька, прежде чем продолжить, повернулась к хозяйке.- Алексанндра, любезная, не знаю, как тебя по батюшке, но у меня, как видишь, разговор с гостем серьезный. Ты бы в лавку сходила, что ли… Мыла хорошего купи – а мы пока поговорим. Деньги вот возьми.

Дождавшись уходя недовольной хозяйки, Сонька поплотней прикрыла дверь и снова подсела к столу.

- Слушаю сюда, Рваный, повторять не стану. Сенька Блоха со мной прибыл сюда, на «Ярославле». Да, я с арестантской палубы, ты прав. А он на другой ехал. Сейчас он в карантине тюремном. Велел мне Сенька найти тебя, привет передать и про должок напомнить. Деньги пока не ему, а мне надобны. И побыстрей. Понятно?

- Ты, фря, в сурьезные мужские дела не лезь, - посоветовал Рваный с угрозой. – Наши счеты–расчеты – это не твоего ума дело! Сами с Блохой разберемся, коли свидеться удастся. Я ведь, милая, своё кандалами-то отзвенел, остепенился, заведение вот открыл, от начальства патент имею. Может, и свидимся с ним, а, может, и нет - это уж как я решу.

Сонька засмеялась. Смеялась долго, заливисто, и, как Рваному показалось, очень для него обидно. Впрочем, так оно и было.

Одна смеялась, другой тяжело ворочал мозгами – никто не обратил внимания на легкий скрип и шорохи под ногами. А если и обратил, то не придал значения: мало ли живности под полами в каждой избе живет! Мыши ли, крысы… Никто и не подумал, что хитрая хозяйка избы Шура, снедаемая беспокойством за немудрящее свое барахлишко, воспользовалась запасным лазом из старого, огородного погреба в новый, вырытый под домой. И решила послушать, а паче того – убедиться, что новая жиличка и кабатчик Рваный не покушаются ее обокрасть. Отсюда и выплыла тайная встреча Соньки Золотой Ручки со старым должником ее нового «сердечного друга»: не утерпев, баба-гренадер позже рассказала об услышанном своему приходящему «хахалю». Тот – еще кому-то… Так и до Михайлы слушок докатился. И Ландсбергу было все доложено – как, впрочем, и многое другое из Сонькиных дел и делишек на каторжном острове Сахалине.

- Отзвенел, говоришь?- Сонька вдруг оборвала смех, презрительно оскалилась. – Остепенился? Врешь, Рваный! Ты ведь свою «пятерку» за два ограбления получил, да за кражонку в полтораста рублей. А хочешь, напомню, какое «погоняло» у тебя в городе Таганроге было, до Рваного еще? Дудошником тебя кликали – за то, что душить любил баб да барышень не сразу, а пальцами на горле играл, как на дудке. То перехватишь совсем воздух, то отпустишь маленько, чтобы засвистел горлом, захрипел человек. Тебе и морду порвала ножницами барышня недодушенная. Ты ее кончил, конечно, а сам из Таганрога съехал, потому как сильно тебя искать стали. Сказать – почему?

Даже при слабом свете единственной свечки стала хорошо видна смертельная бледность Рваного. Подавшись назад и вцепившись руками в стол, он молча открывал и закрывал рот, тряс пегой бородой.

- Потому тебя сильно искать стали, Рваный! Потому что не захотели господа сыщики такого убийцу больше в осведомителях держать. Глядишь, такого живореза пригреешь - и свои головенки полетят. Вот и отступились от тебя, платить за проданные тобою души воровские больше не стали, велели с глаз подальше убираться.

Сделав эффектную паузу, Сонька снова заговорила:

- Так-то, Дудошник! Не хочешь должок Блохе через меня возвращать – выбирай! Или снова кандалами зазвенишь за души погубленные, или шепнет Блоха иванам про тебя, стукача мерзкого… А иванам, сам знаешь, следствие да суды ни к чему, у них свое толковище.

Разумеется, Рваный вскоре покинул избу бабы-гренадера Шуры, оставив Соньки всю наличность, которая была при нем. Наличности этой было, к слову сказать, не слишком много – опасался сахалинский люд денежки по улицам носить, тем паче – по темному времени. Сонька же удовлетворилась клятвенным обещанием Рваного-Дудошника в самое близкое время вернуть должок с лихвою. Знала, не обманет.

Но слегка ошиблась Сонька в своих расчетах. Принеся на следующее же утро половину оговоренной суммы, Рваный ушел в глубокий запой. И через неделю, так и не «просохнувшим», был найден под воротами собственной своей избы с проломленной головой. Убийц, разумеется, так и не нашли… Да никто их, собственно, толком и не искал: сыщиков полицейских на каторжном острове отродясь не было, а тюремным властям хватало хлопот и забот со своими «подопечными».

Впрочем, на первое время Соньке хватило и того, что удалось получить с кабатчика. Жила она весьма скромно, из роскошеств прежней свой, вольной жизни оставила лишь тягу к вкусной еде. На свежую телятину и дичь и тратила, почти не торгуясь, все деньги. И про Сеньку Блоху, нового сердечного своего друга, не забывала: редкий день не кланялась караульному солдатику из кандальной тюрьмы пятачком- много гривенником и не шушукалась о чем-то с Сенькой где-нибудь в укромном уголке.

Прочие обитатели тюрьмы, включая самых «отпетых», относились к этой визитерше с большим уважением, отдавая должное редкой воровской «масти» и удачливости Соньки на этом поприще. Свиданиям старались не мешать, в разговор с Золотой Ручкой вступали только тогда, когда та сама заговорит. А Сонька, особо и чинясь, в такие разговоры вступала все чаще и чаще. Особо интересных ей людишек любезно приглашала на чашку чаю к себе на квартиру.

По посту Александровскому мадам Блювштейн ходила в платке и мышиного цвета платье тюремного покроя – правда, без желтого «туза» на спине, как предписывалось Уложением о наказаниях. Однако - с поднятой головой, с дощатых тротуаров при встрече с тюремным начальством, так требовалось по правилам, не спрыгивала. Между тем, за двадцать шагов до встречи с человеком в мундире арестантам предписывалось сойти с тротуара, снять шапку и низко поклониться. Кланялась Сонька лишь «самому-самому» начальству, остальных еле удостаивала коротким кивком.

Больше всего таким поведением «мерзавки» негодовали жены чиновников островной администрации, на которых распространялись общие требования к тюремному населению насчет уступания дороги и поклонов. Их Сонька и вовсе, казалось бы, не замечала. А, будучи окликнута и распекаема местной «дамой полусвета», глядела на нее обычно так, что со стороны и не понять, кто тут выше.

- Ну, что тут поделаешь, матушка! – морщась, оправдывались после перед негодующими женами местные чиновники. – Ну что поделаешь – сам знаю, что мерзавка эта Сонька! Дерзка и непочтительна, да – но в «холодную» ее за это не запрешь! А про высечь «березой» особу женского полу с европейской известностью – и думать забудь! Порядка во всем прочем не нарушает, на проверки является вовремя, за околицу поста не выходит… Что-с? Ну, да, валандается, она, конечно, с самыми подозрительными элементами. Так ведь и то сказать, матушка – ты ж ее к себе на «суаре» не приглашаешь, хе-хе! С кем ей тут разговоры еще говорить? То-то и оно, матушка! Что ходит к ней в избу всякая сволочь – про то властям тоже известно. Проверяли эти сборища, и не раз. Верь слову – не к чему придраться! Водки, собравшись, и то не пьют! Так что, плюнь, матушка, не обращай на мерзавку своего драгоценного внимания!..

Понемногу и перестали на хитрую мадам Блювштейн внимание обращать. Ей же, видимо, только и мечталось - бдительность окружающих усыпить, да чтобы о ней хоть на короткое время забыли.

Не прошло и полугода, как стылой и промозглой сахалинской зимой с одной из почтовых «собачьих» экспедиций из Николаевска

пришло неожиданное по своей сути письменное распоряжение генерал-губернатора относительно Сеньки Блохи. Кандалы с Сеньки предписывалось снять, перечислить его в разряд испытуемых, а по истечении годичного пребывания в каторге, при условии примерного поведения и прочих условий, перечислить его в ссыльнопоселенцы. Допросили с пристрастием самого Сеньку – тот божился и клялся, что никаких прошений не писал, и писать не мог, тем более тайком – по причине полной своей темноты и неграмотности. Улыбался, правда, он при этих клятвах так, что и слепому было видно: генерал-губернаторская милость не стала для него неожиданностью.

Оставалась Сонька – но сахалинские чиновники и помыслить не могли о том, чтобы Его Высокопревосходительство мог благосклонно отнестись к просьбе хоть и всероссийской, но все ж тюремной знаменитости. Самого генерал-губернатора же, понятное дело, спрашивать не посмели. Позвали кузнеца для расковки, и стал Сенька Блоха, не дожидаясь перечисления в ссыльнопоселенцы, практически вольным человеком – если читатель, конечно, помнит о порядках в сахалинских тюрьмах того времени.

Жить он, естественно, переселился к той же бабе-гренадеру, где квартировала его возлюбленная. Надзиратели, и, как поговаривали, сам начальник тюрьмы, получили хорошего «барашка в бумажке» и не беспокоили Сеньку требованиями об обязательных явках на ежедневные проверки и переклички. Старый вор и так, считай, каждый божий день объявлялся в тюрьме, шушукался с дружками-приятелями. А Сонька, наоборот, в кандальной появляться и вовсе перестала, чем огорчила разве что караульных солдатиков, приученных ею к ежедневной «копеечке».

Пролетела незаметно как-то первая зима Соньки Золотой Ручки на каторжном острове. С опозданием, но все ж пришла на Сахалин и весна 1887 года. Майское солнце окончательно растопило снег в посту Александровский, и лишь помойки, засыпанные шлаком и золой, почти до середины июня хранили в своей зловонной глубине последнюю наледь минувшей зимы.

С первой зеленью на Сахалин пришло время «генерала Кукушкина» - время почти массовых побегов из-под надзора бродяг и самых отпетых арестантов-кандальников. Побег зимой – дело совсем

гиблое, а вот весной прокормиться в тайге и попытаться добраться до самого узкого места Татарского пролива, а там и до материка желающих хватало. Обычные разговоры в тюрьмах так или иначе сходились на весеннее поре и кукушке («генерале Кукушкине»): вот, мол, как зазеленеет в тайге, так и я подамся кукушку слушать. Как вариант – пойду-ка я, послужу «генералу Кукушкину»…

На поимку беглых обычно отряжали гиляков. Те охотно, рассчитывая на призовые три рубля, установленные на Сахалине той поры за каждую пойманную «голову», шли по следу беглецов. И редко возвращались, как говорится, с пустыми руками. Солдаты, а паче чаяния тюремные надзиратели, крайне неохотно принимали участие в экспедициях по поимке беглых, особенно из бродяг, этой тюремной элиты. За бродягу запросто могли и зарезать – если не он сам, то дружки.

Не обошлось в эту весну и без «подснежников», как называли на острове страшные находки в облике человеческих тел, порой расчлененных. В одном из вытаявших по теплому времени и почти не обезображенных тел обыватели поста признали лавочника из кавказских инородцев, Махмутку, пропавшего куда-то еще по осени. Сожительница Махмутки со звучным именем Зоя, сосланная в свое время в каторгу по приговору Рязанского городского суда за отравление мужа, уверяла, что тот поехал по каким-то своим делам в село Рыковское, да так и не вернулся.

Нашлись свидетели, уверявшие, что никуда Махмутка не ездил. А в смерти лавочника винили Зою: что, мол, с нее взять? Если уж за отравление законного мужа в каторгу попала, то тут горло перерезать «нехристю», который сожительницу свою частенько поколачивал, и вовсе пустяшное дня нее дело. А тут – не успел Махмутка исчезнуть, как Зоя, ставшая хозяйкой в лавке, тут же привела в дом нового сожителя. Они и убила – кому больше-то, решили в поселке?

Зою и нового ее сожителя арестовали, допросили. Признания, разумеется, не добились, однако уголовное дело отправили с первым каботажным пароходом во Владивосток, чтобы тамошний судья вынес приговор заочно. Это была обычная практика того времени: своего судьи в островных штатах не было.

Однако дело Зои и ее сожителя едва не получило новый, неожиданные поворот. Гиляк-охотник привел в пост пойманного им беглого «слушателя кукушки», и тот, всеми силами пытаясь избежать обычного наказания плетьми – а из рук штатного каторжного палача Комлева люди здоровыми не выходили – заявил, что знает убийцу Махмутки. И, коли его освободят от плетей на специальной лавке-«кобыле», он «убивцев» укажет. И указал на… Софью Блювштейн.

Якобы та, будучи постоянной покупательницей в лавке Махмутки, вошла к инородцу в доверие и предложила купить у нее недорого драгоценности. Те драгоценности, оставшиеся от прежней жизни, она, дескать сумела не только сохранить, но и тайно привезти с собой в каторгу.

Надо заметить, что история похождений Соньки Золотой Ручки, растиражированная практически всеми российскими газетами того времени, изобиловала домыслами и выглядевшими вполне достоверно легендами о несметных богатствах виртуозной аферистки. При аресте же у нее практически ничего не нашли – ни драгоценностей, ни денег. Словом, почва для утверждений о припрятанных Сонькой сокровищах была. Махмутка, на свою беду, оказался не только грамотным, но и весьма начитанным лавочником. К тому же, он считал себя хорошим знатоком драгоценных камней.

Беглый, служивший у Махмутки по осени истопником и дворником, утверждал, что мадам Блювштейн даже оставила хозяину одну из сережек с «голубенькими такими камушками». И назначила ему свидание, куда тот должен был придти с деньгами.

Известие о возможной причастности Соньки к убийству моментально облетело островных чиновников. В новость поверили сразу, и у полицейского исправника, разбиравшего поначалу смерть Махмутки, дело сразу же забрал товарищ Владивостокского областного прокурора фон Бунге. У него тут же появилось десятка два добровольных помощников во главе с помощником адъютанта начальника местной воинской команды штабс-капитаном Домницким. Фон Бунге едва успевал осмысливать и фиксировать поступавшие ему едва ли не ежечасные донесения добровольного своего помощника.

Частью этих «проверенных фактов» выглядела просто

смехотворно, но попадались и такие, отмахнуться от которых было просто нельзя.

На квартире мадам Блювштейн провели тщательный обыск. Нашлась и сережка с голубыми камушками – позолоченная дешевая побрякушка, через час опознанная продавшим безделицу Соньке лавочником. Вразумительного ответа на законный вопрос – а где же пара сережке? –следствие не получило. «Наверное, потеряла» - спокойно ответила подозреваемая.

Ничего не дал и допрос Сеньки Блохи. К тому же чиновники тюремной администрации не понаслышке знали о том, что профессиональные преступники практически никогда не меняют ни своей «масти», при привычных способов действий. Сенька был вор, Сонька – аферистка-мошенница. Ни по одному из дел, связанных с ними, убийства не значились.

В общем, получилось «много шума из ничего» – прямо по Шекспиру. От Соньки и ее сожителя отступились. Вдове убиенного Махмутке по приговору судьи из Владивостока дали-таки десять лет каторги. С досады был высечен освобожденный было от наказания беглец-доносчик, а Сонька и ее сожитель продолжали прежнее свое житье-бытье.

-Не дотумкал, Карл Христофорыч, товарищ прокурора Махмутку раскопать, одёжку его как следует обыскать, - шептал потом Михайла своему компаньону.- А напрасно: мне верный человек сказывал, что Сонькино это дело! И сережка та у Махмутки в потайном кармане была, да так и осталась там на веки вечные! Он, слышь, сразу определил, что вещица не золотая – а на свиданку с Сонькой пошел-таки. Зачем - бес его знает. Может, Соньку хотел прижать за обман. А «порешил» Махмутку закадычный друг-приятель Сеньки, Митька Червонец. Так-то, брат Карл Христофорыч!

С докладами о том, чем «дышит» преступная головка Сахалина, Михайла бывал у Ландсберга регулярно. Поначалу тот досадовал на компаньона.

- Ну зачем, скажи, компаньон, ты мне все это рассказываешь? – сердился Ландсберг. - Какое мне дело до всех этих Червонцев, бродяг, до Соньки, наконец? Неужели поговорить нам с тобой больше не о чем?

- Ты коммерсант, Карл Христофорыч! И кумпаньон мне первейший! А посему все про наше воровское народонаселение знать должен! Где живем-то, друг любезный? То-то: среди варнаков! Ту же Соньку, опять-таки, взять – ведь бредит прямо свободою! Тесно, скучно ей тут, были бы крылья – давно улетела б! С другой стороны – понимает, вредная насекомая, что без солидных денюжек ни сбежать, ни укрыться на материке невместно! Вот и кружит, кружит по острову, ищет большого «хабара». А где его взять, «хабар», как не у купцов да лавочников богатых?

В другой раз Михайла советовал:

- Ты, кумпаньон любезный, рассчитал бы приказчика своего Герасимова. От греха подальше! Он днями, мне верный человечек сказывал, в питейной у Пантелеймона назюкался изрядно и ну про тебя хвалиться! Богатеющий, мол, коммерсант на острове, даром что немец и молчун.

- И за что же я Герасимова прогнать, по-твоему, должен? – хмыкал Ландсберг. – За комплименты?

- За язык длинный его, Карл Христофорыч! Сидел-то он в питейной с другими приказчиками, а по суседству «шестерки» Сеньки Блохи пребывали и все слышали! Потом и сам Сенька, как по волшебству, объявился. Посидел в сторонке, а как Герасимов домой собрался, он с ним вышел. Тут же знакомство свел, и повел его в ресторацию «Прибой». Пьяному-то всякий друг и сват! А уж что он у Герасимова в «Прибое» вызнал – про то не знаю! Гони его, Карл Христофорыч, верно тебе говорю!

- Ладно, поглядим, - помрачнел от неприятного известия Ландсберг.

Когда скудное сахалинское лето закончилось, и из речушек и ручьев гигантские иссиня-черные вороны повытаскали всю заморную рыбу, Михайла в очередной свой визит к Ландсбергу снова вспомнил Соньку.

- Слышь, друг Карл Христофорыч, каторга не сегодня-завтра громкого дела ждет. Нашла жидовка-то наша тельца златого, прости меня, боженька, грешного…

- Это кого же? - машинально спросил Ландсберг, и тут же прикусил язык: расспрашивать про подробности таких дел, еще не

сотворенных даже, считалось здесь, на острове, не то что малоприличным, но и порой опасным.

И Михайла тут же сию истину подтвердил:

- Считай, я ничего не говорил, а ты ничего не слышал, Карл Христофорыч. К чему тебе лишнее?

- Ну, мы ж с тобой и друзья, и компаньоны, Михайла…

- Не про нас речь, Карл Христофорыч! Вот, гляди, какой расклад получиться может: брякну я тебе сейчас, что именно и от кого новость услыхал, а вслед за мной к тебе исправник припожалует. И потребует: ну-ка, господин коммерсант, выкладывай, что знаешь о готовящемся либо совершенном преступлении! Не скажешь – снова в каторгу угодить можешь за недонесение. Скажешь – каторга определит: Барин «руку начальства держит». Доносчик, ату его! А коли не знаешь, так и перекреститься можешь по своему, по-лютерански – знать ничего не знаю, господа хорошие!

- С тебя тоже спросить могут, Михайла…

- С меня спрос невелик! Звание мое – бродяга, про «устав бродяжий» даже дети малые знают. Каторга – она, канешно, спросить за язык может. Вот я и помолчу лучше, ты уж прости, Карл Христофорыч! Тебя б касалось – предупредил бы, не сомневайся! Однако знай – Сонька вплотную «на дело» нацелилась!

Не прошло и двух дней, как Сахалин потрясла предсказанная Михайлой криминальная новость: в своем доме были найдены зарубленные топором лавочник Никитин и его жена. Потряс, впрочем, не способ убийства и не число жертв: топор на острове был «расхожим» средством вынесения приговора. Найденная тетрадка лавочника позволила точно определить добычу, унесенную злодеями из железного ящика, хранимого Никитиным на потолке спальни. Пятьдесят две тысячи двести рублей – сумма, прямо скажем, умопомрачительная! Для сравнения: ялая корова стоила на Сахалине в те времена «целых» десять рублей. Или с другой стороны: жалование военного губернатора острова, включая сюда и «столовые», и «разъездные» деньги, составляло в год 11 тысяч.

Велика означенная сумма была и для лавочника, даже не последнего «пошибу». Но с Никитиным вопросов «как» и «откуда» не возникало: вся каторга знала, что до выхода из тюрьмы на

поселение Никитин держал «майдан», дело весьма и весьма доходное. А, став лавочником, не брезговал скупать-перепродавать краденое барахлишко, пушнину и старательское золотишко.

Злодеи-убийцы, впрочем, были вскоре схвачены: их подвела, как водится, глупая алчность: при «агромадейшем «сламе» грабители польстились на серебряные часы-луковицу Никитина, красная цена которым была в два рубля серебром. С каковыми часами и были схвачены при попытке заложить их в трактире.

Грабители оказались из ближнего Сонькиного окружения, один – и вовсе ближайший – ее сожитель Сенька Блоха. Все трое были изобличены свидетельскими показаниями и уликами. Денег при этом, как ни старались военные и гражданские власти, не нашли ни копейки.

Подозрение в соучастии и вероятном подстрекательстве опять пало, разумеется, на мадам Блювштейн. Но трое грабителей упорно на ее счет молчали и даже «отмазывали», несмотря на посулы спасти убийц от верной виселицы. Двоих в марте следующего года сахалинский штатный палач Комлев и повесил, третьему горемыке в последний момент виселица была «милостиво» заменены сотней плетей и бессрочной каторгой с приковыванием к тачке в первые пять лет.

Бить Комлев, как знала вся каторга, мог по всякому. Поклонится перед экзекуцией наказанный горемыка палачу «копеечкой» - плеть Комлева ложилась на спину хоть и звучно, «взаправдишно», но бережно. Такой наказанный сам мог встать с «кобылы». Тех, кто поскупился, или чья родня либо дружки-приятели деньжонок не имели, Комлев сёк «сурьезно», сотня плетей имела следствием до костей просеченную спину и скорую мучительную смерть наказанного.

Все ожидали, что Сонька Золотая Ручка непременно нанесет перед экзекуцией Комлеву визит, «поклонится» денежкой - если не сама, то пришлет кого. И сам Комлев ждал – да напрасно! Наказанный, рассказывали, тоже потихоньку спросил у Комлева, уже лежа на «кобыле» – не заступился ли кто за него?

- Не-а, паря, не заступились, - ощерился Комлев, доставая из лохани с соленой водой тяжелую многохвостую плеть.- Так что

поддержись-ка!

И высек так, что бедолагу два раза водой отливать пришлось, для чего экзекуция по команде надзирающего медика, младшего врача Александровской окружной лечебницы надворного советника Ромуальда Антоновича Погаевского, дважды прерывалась. В камеру наказанного тоже отнесли без памяти. В сознание тот так и не пришел – так в забытье и помер, избежав, во всяком случае, приковывания к тачке.

- А у Соньки энтой бессовестной , слышь, Карл Христофорыч, уже новый хахаль объявился, - докладывал накануне экзекуции «кумпаньону» Михайла. – Сеньке отставку дала, вроде как Колька Богданов к ней похаживать стал. Не иначе, новое дело готовится! Попомнишь меня, Карл Христофорыч!

- Ну, хоть намекни! - не выдержал Ландсберг. – Или вовсе тогда не рассказывай, что ли…

- Намекнуть, говоришь? Да ты и сам умный, Карл Христофорыч! И местных богатеев наперечет, не хуже меня, знаешь. Ну, тебя, братьев Бородиных да Есаянца из сонькиного списка исключить легко можно: коммерсанты вы все сурьезные, денежки не под полом, а в банке да в ссудно-сберегательной кассе держите. А Соньку больше интересуют те, кто кубышку предпочитает. Всё, Карл Христофорыч, более не скажу ничего, и не пытай даже!

Допытываться, разумеется, Ландсберг не стал. И через неделю сам узнал имя новой жертвы, коим оказался опять-таки лавочник и тайный ростовщик Лейба Юровский, из евреев. Ограбленного и убитого Юровского перед смертью, судя по следам на теле, изрядно пытали. Сколько у него было взято – точно так и не было установлено: осторожный ростовщик либо не вел никаких денежных записей, либо хранил их как зеницу ока. Жена Лейбы, Ривка поначалу сгоряча заявила было следствию про двести украденных у мужа тыщ. Но в такую цифру просто не поверили, да и сама Ривка вскоре от своих слов отказалась.

По подозрению опять были взяты под стражу уголовники из Сонькиного ближнего окружения. И на нее, опять-таки, пало подозрение в подстрекательстве. Однако доказать ничего не удалось, и арестованных по делу вскоре выпустили. Денег, как и в

деле Никитина, не нашли и следа.

- Теперь жди Сонькиного побега, - шептал Ландсбергу Михайла. – Ежели теперь мадам Блювштейн в бега подастся – значит, точно она это дело спроворила. С таким «сламом» и бежать сподручно!

Как в воду глядел Михайла – либо знал больше, чем «кумпаньону» рассказывал. Сонька на очередную проверку не явилась, к следующему утру хватились и Сеньки Блохи. На поимку беглецов была отряжена воинская команда с двумя охотниками-гиляками в проводниках.

Гиляки-таежники быстро нашли след, солдатам был указан и наиболее вероятный маршрут беглецов. Часть воинской команды, совершив марш-бросок, село в засаду в указанном гиляками месте.

Хитрая Сонька и в организации побега не обошлась без столь любимой ею всю жизнь театральщины. Сенька Блоха шел как есть, а она надела солдатскую форменную одежду, изображая конвоира, ведущего пойманного беглеца в пост. Не ожидали беглецы только одного: что обозленные трехдневной погоней солдаты сговорились при обнаружении беглых стрелять на поражение.

И едва «беглый с конвоиром» показались на опушке, солдаты открыли огонь. Сеньку Блоху убили сразу, Соньке опять-таки повезло: после первого смертоносного залпа она упала в высокую траву и заголосила:

- Не стреляйте, сдаюсь я!

Денег при беглых, как ожидалось, опять-таки не оказалось. Обманулись в ожидании и те, кто предвкушал непременное следствие всякого пресеченного побега – наказания Соньки плетью. К 10 ударам плетью ее все-таки приговорили – однако по заявлению мадам Блювштейн перед экзекуцией она была освидетельствована медиками на «предмет подтверждения беременности». И по ходатайству врачей Александровского лазарета Сурминского и Перлина, подтвердивших беременность Соньки, от плетей она была освобождена.

Разговоров после этого ходило множество. Одни утверждали, что сей диагноз обошелся мадам Блювштейн в кругленькую сумму. Другие, не оспаривая «липовый» характер медицинского заключения, уверяли, что ни копейки Соньке сие ходатайство не стоило. И что

врачи пошли на этот шаг, будучи принципиальными противниками телесных наказаний, особенно женщин. И к тому же они, неоднократно присутствуя на экзекуциях, знали страшные последствия наказания плетью.

Как вариант – народонаселение Сахалина шептало о том, что родилось медицинское заключение о «беременности» Соньки с ведома и подсказки самого генерал-губернатора, вынужденного по закону приговорить беглянку к плетям. А кто-то и вовсе уверял, что Сонька, заявив о своей беременности, вместо себя послала на освидетельствование какую-то брюхатую поселянку. Как в таком случае медики не обнаружили подмены – Сонька ведь была весьма знаменита и легко узнаваема всеми на острове – досужие сплетники не уточняли.

В общем, темной оказалась эта история с Сонькиной «беременностью». И время на нее свет истины не пролило до сих пор. Бесспорны только две вещи: что никакого ребенка на свет в результате той беременности на свет не появилось. И что Сонька наказания за побег все же не избежала: кандалы на ней все же заковали. И в одиночку, где ее и лицезрел прибывший на Сахалин писатель Антон Павлович Чехов, посадили.

В кандалах мадам Блювштейн провела меньше года, однако и этого хватило для того, чтобы от постоянного ношения пятифунтовых оков у нее начала сохнуть левая рука. Выпущенная из тюрьмы, она снова, спустя малое время, пыталась бежать – и снова еепоймали. Поймали и приговорили к 15 ударам плетью, избежать которых Соньке не удается.

- Вот те и сонькин «фарт»! – шушукались и в Александровском посту, и по всему Сахалину.

Как могли убедиться многочисленные зрители экзекуции, спину Комлев «взлохматил» Соньке изрядно, однако ее криков никто не услыхал, слез никто не увидел. И встала она с «кобылы» сама, прикрылась содранным платьем и своими ногами ушла в камеру – что, по свидетельству искушенных лиц, само по себе говорило о том, что Комлев, получив свою мзду, «клал плети» на ее спину не всерьез.

И сидела Сонька после второго побега совсем недолго, прямо из тюрьмы была выпущена на поселение – в пределах острова. И

вместе с бешеным, как его называли сами уголовники, Богдановым вскоре перебрались в пост Корсаковский, на самый юг острова. Там она испросила позволения на открытия квасной лавки, а чуть позже попробовала организовать в Корсаковском что-то наподобие кафе-шантана с фокусником, шпагоглотателем и жонглерами-акробатами.

Досужая молва утверждала, что перебралась на юг острова Сонька неспроста, а имея целью сбежать в Японию: малые и большие рыболовные суда из этого соседнего с Сахалином государства дневали и ночевали в посту Корсаковский безвылазно. Но не сбежала, хотя возможность таковая имелась. Почему – молва и на этот вопрос знала ответ: Сонька не желала бежать без огромных денег, зарытых где-то на острове после ограблений Никитина и Юровского. Добраться же до этих сокровищ возможностей никаких не было, к тому же Сонька опасалась и нового своего сожителя, Кольки Богданова, которому случалось с легкостью убивать людей и за гораздо меньшие деньги.

В 1896 году Михайла первым донес до Ландсберга очередную новость из жизни Соньки: невесть как она получили разрешение уехать с Сахалина. Жить ей дозволялось в любом выбранном ею месте, за исключением Семиреченской, Семипалатинской и Акмолинской областей. Ну, и, конечно, пресловутая черта еврейской оседлости в любом месте поселения на мадам Блювштейн тоже распространялась.

Далеко от Сахалина она опять-таки не уехала – поселилась на станции Иман в Приморье, где опять-таки, как и на Сахалине, открыла квасную лавку.

- Не может она далеко от Сахалина уехать, - убежденно рассказывал Ландсбергу Михайла. – Тут ее агромадные тыщи где-то закопаны. Попомнишь меня, Карл Христофорыч, вернется она за ними!

И опять Михайла оказался прав! Не прошло и трех лет, как Софья Блювштейн вновь оказалась на Сахалине – теперь уже вольной крестьянкой из ссыльнопоселецев. Вместе с не на остров вернулась и ее «свита» во главе с Богдановым. Лавочники и тайные ростовщики крякнули и поглубже стали зарывать свои кубышки. А у всезнающего Михайлы и насчет возвращения Соньки своя версия

была.

- За деньжищами своими она приехала, Карл Христофорыч! Это первое. А второе – не желает она в сибирской глуши обретаться. Хочет Сонька в Европейскую Расею податься. А с иудейским ее происхождением туда ни-ни! Людишки сказывали, что добилась Сонька во Владивостоке аудиенции с самим епископом Камчатским и Приморским Евсевием – тот в епархию из отпуска возвращался - и заручилась якобы его предварительным на переход в православие благословением. Денег на нужды церкви пожертвовала изрядно – и во Владивостоке, и здесь. И ждет здесь Сонька якобы телеграфную депешу с Камчатки, каждый день в телеграфную контору человека посылает.

- Да бог с нею, с Сонькой, - досадливо отмахивался Ландсберг.- Пусть в православие переходит, а хоть и в магометанство. Мне-то что за дело?

- Нам-то, канешно, и дела до ее делишек нету, - соглашался Михайла, теребя бороденку. - Только, мыслю я, не шибко поможет ей переход в православие! Уж больно личность у Соньки известная! Такая ведь, где ни осядет – везде под людским приглядом окажется! Ей бы лучше личность сменить, как наш брат, бродяга, делает порой. Неужто не догадывается?

Сейчас же, держа в руках записку Софьи Блювштейн, или, вернее, новообращенной в лоно православной церкви Марии Блювштейн, Ландсберг не мог не вспомнить изумительную, поражавшую его много раз прямо-таки звериную интуицию Михайлы Карпова. Чуял ведь, чуял всегда старый «кумпаньон», что пересечет непременно судьба жизнь Ландсберга и этой старой авантюристки мадам Блювштейн! Чуял – и словно готовил его, Карла Ладсберга, к этой встрече!

С утра надо будет послать за Михайлой, отметил про себя Ландсберг и перечитал полученное через жену послание.

«Дорогой господин Ландсберг! Надеюсь, что вы не откажете несчастной женщине во встрече, не только крайне для нее важной, но и могущей оказаться небезынтересной для вас. Прошу прощения за некоторую вольность, с которой я, не будучи вам представленной, прошу этой встречи. А также за способ

моих действий, извинительный, впрочем, обстоятельствами моего бытия. Надеюсь, что вы не проигнорируете мою нижайшую просьбу. Ваша дражайшая супруга, несомненно, посвятит вас в детали, которые я не смею излагать на бумаге. Искренне ваша – Мария Блювштейн.»

- Итак, Олюшка?

- День вчера вообще с утра как-то не так задался, - начала рассказ Ольга Владимировна. – В амбулаторию я пришла к 10 часам, как обычно. Просмотрела журнал записи больных, приняла одну пациентку. Пока я ее пользовала, появились еще две женщины – они, впрочем, пришли не на прием…

- А-а, кажется, я знаю! – хмыкнул Ландсберг. –Те самые, которые уволокли из приемной круглый стол и снесли его в кабак.

- Сторож рассказал уже? Илья? – слабо улыбнулась Ольга Владимировна. – Впрочем, все это пустяки. Часам к 12 пришла моя помощница Катерина, и пациенты стали подходить. Катерина собирала в приемной анамнез, измеряла температуру. И тут появилась мадам Блювштейн со своим «сердечным дружком», Богдановым. Он только вошел, и сразу объявил, что мадам пойдет без очереди. Женщины благоразумно промолчали, а вот Катерина моя не стерпела. Ответила Богданову, что внеочередной прием только для больных с острой болью либо кровотечением. Она мне потом уже рассказывала – одернула Богданова и сама испугалась. А уж он как разозлился! Кровью налился весь, пальцы на дубине, которую он вместо трости повсюду носит, побелели – вот-вот ударит! Ну, тут уже мадам вступилась: а у меня, говорит, как раз острые боли и кровотечение…

Ландсберг покачал головой: рисковая чересчур помощница жены, Катерина! Поперек слова Богданова пойти, которого в посту бешеным кличут и боятся самые отпетые уголовники. И Катерину вполне зашибить мог, и Ольгу Владимировну, если бы она на шум вышла…

- Ну, заходит мадам. Вежливая такая, голос как у великосветской дамы, речь грамотная. Объясняет мне, что на здоровье по женской части пока не жалуется. А визит свой придумала для Богданова, который никуда ее от себя не отпускает.

И просит она передать записку моему мужу. Попросить тебя о тайной встрече здесь же, в амбулатории.

Ольга Владимировна такой неожиданной просьбе хоть и удивилась, но виду не подала. Записку мужу обещала передать, но вот согласится ли муж – она гарантировать не может.

- А вы от себя его еще попросите, - сладко улыбнулась мадам. – Авось и не откажет несчастной женщине…

- Не вижу причин подкреплять такую странную просьбу!- не приняла предложенный посетительницей тон Ольга Владимировна.- Извините за прямоту, мадам, но мой муж – коммерсант, партнер крупных торговых домов, член правления пароходных и железнодорожного товариществ. Встреча с вами, да еще обставленная таким образом, может его скомпрометировать.

- «Скомпрометировать!» - с Соньки тут же слетело все благообразие, голос стал пронзительным и злым. – У меня, значит, компрометирующая репутация, а он у нас ангел! Это не про него я в газетах читала, что двух человек в Петербурге, как свиней, зарезал! И на Сахалин господин Ландсберг не по приговору суда в каторгу попал, а своей волей приехал! Коммерцией тут заниматься!

- Милостивая государыня! Я не могу и не желаю продолжать с вами разговор в подобном тоне! - Ольга Владимировна встала. – Записку мужу я передам, обещаю! Все остальное – увольте-с! Скорее уж наоборот – я приложу все усилия, чтобы отговорить мужа от встречи с вами. И не трудитесь более приходить сюда, ежели вы здоровы и не нуждаетесь в медицинской помощи!

- Не пожалеть бы тебе, дворяночка, о своих словах! – Сонька тоже встала, по привычке придерживая закутанную в шаль сохнущую левую руку. - И господину коммерсанту не пожалеть бы, коли откажется.

Женщины сердито сверкали друг на друга глазами несколько мгновений. Первой взяла себя в руки Сонька. Улыбнулась Ольге Владимировне прежней доброй улыбкой, сделала шаг вперед.

- Бога ради, простите мою несдержанность, Ольга Владимировна! Не своей волей научилась – с волками жить, как говорится… Простите, душа моя, простите великодушно! В сущности, я ведь прошу о пустячном деле. Всего-навсего о встрече без лишних

глаз и ушей. Поверьте, я действительно несчастна. И этот Богданов, мой сожитель! Он не убил меня до сих пор только потому… Впрочем, зачем вам знать такие мерзости. Прошу вас, устройте нашу встречу! Даю слово, она может оказаться небезвыгодной и для вашего супруга! Как бы там ни было, мы с ним – две жертвы своей судьбы. Нам помогать друг другу следует, а не отталкивать! Всего одна встреча! Ну, не захочет он несчастной помочь – так и бог ему судья! Я повернусь да и пойду себе…

Мадам Блювштейн сделала попытку взять Ольгу Владимировну за руку, та отстранилась. Впрочем, не слишком резко: Ольга Владимировна сознавала, что спорить с мадам и бесполезно, да и чревато последствиями.

- Хорошо. Письмо я Карлу Христофоровичу отдам. И наш разговор передам, вместе с выраженным вами беспокойством, что мы можем оба пожалеть об отказе. Но гарантировать его согласие, повторяю, не могу. Он должен вернуться из поездки завтра-послезавтра. Извольте: я запишу вас на прием на субботу, на это же время.

- Премного благодарна, душа моя!- пятясь к дверям, мадам откуда-то выудила и ловко сунула на специальный подносик на столике у входа бумажный рубль. – Раз вы настаиваете, я приду на вторичный осмотр!

Ольга Владимировна невольно усмехнулась: последнюю фразу мадам произнесла уже при открытой двери, с расчетом на то, что Богданов услышит…

- М-да, что же, интересно, мадам Блювштейн могло от меня потребоваться? Денег? Свободы? Так она и так свободна. Денег я ей не дам, тоже понимать должна…Так сразу все и не сообразишь! – Ландсберг с силой потер ладонями лицо. – Пойдем все же спать, майн либе! Утром покличем Михайлу Карпова, он нам все, надеюсь, и растолкует!

Ретроспектива-14
Фляжка с коньяком

Когда дежурный офицер доложил смотрителю Литовского тюремного замка о визите полковника Судейкина, Сперанский едва не застонал вслух. Еле сдержался – так уж не хотелось вновь видеть этого наглого господина с большими полномочиями. Открыл было уже рот, чтобы в визите отказать – ну, хотя бы в видах нездоровья – но, подумав, грустно признался сам себе, что тот все равно прорвется. А если даже и не снахальничает – так ведь в другой раз непременно явится.

- Проси…

Судейкин заявился хмурым и озабоченным донельзя – подстать хозяину Литовского замка. Устало плюхнулся в предложенное кресло, зябко потирая будто бы замерзшие ладони. Денек, хоть и летний, действительно выдался прохладным, с залива с самого утра тянул холодный «северяк», а солнце пряталось в тяжелые темные тучи. Скрепя сердце, Сперанский решил быть гостеприимным: предложил незваному гостю рюмку коньяку.

- Лучше водочки, - буркнул Судейкин.

Выпив две рюмки подряд, полковник затеял какие-то пустопорожние расспросы об охране замка, о посетителях. Рассказал, что только что был свидетелем дебоша подвыпившего купчины, требующего у офицера охраны Литовского замка принять целую телегу «гостинцев» для арестантов – битую птицу, и уже с душком.

«Ну, говори, зачем пришел», - мысленно молил Сперанский. Он ни на минуту не поверил в то, что жандармский полковник явился к нему по пустяковому делу, либо мимоходом. Однако беседу в нужное русло направить поостерегся. Подыгрывая «гостю», вызвал караульного офицера, расспросил насчет купца и испытующе поглядел на Судейкина, когда офицер доложил, что пьяный дебошир

препровожден городовым в полицейскую часть.

- Вы, господин полковник, вероятно, своим протеже интересуетесь? – предположил, наконец, Сперанский. – Насчет Захаренко? Занятного «постояльца» вы мне «сосватали»! Уступая просьбам служащих, я разрешил этому прохвосту устроить небольшое представление. Занятно, занятно, ничего не скажешь! Даже моя супруга была поражена фокусом с ее платочком – Захаренко специально испросил для этого номера соизволения. Как он это сделал – никто понять не может до сих пор.

- Что же там непонятного? – сумрачно поинтересовался Судейкин, без спроса наливая из пузатого графинчика третью рюмку очищенной.

- Он попросил у моей супруги ее собственный, с меткою, платочек, у всех на глазах порвал его на кусочки. Потом зажег свечу и попросил кого-либо из господ офицеров погасить ее выстрелом из револьвера. С моего позволения такой выстрел был произведен, свеча погасла, и тогда ваш Захаренко, не прикасаясь к свечке, попросил того же офицера разломать ее. И что бы вы думали? Платочек моей супруги оказался внутри, целый и невредимый! С ее меткой! Супруга даже духи свои узнала – каков подлец!

- Ерунда все это! – зевнул Судейкин. – Второй платок «Калиостро» наверняка заранее выпросил у вашей же горничной. И запихал его заранее в свечу. Вы нарочно попросите супругу счесть свои платки –ведь дюжинами, полагаю, заказывает, как и прочие дамы. И горничную хорошенько тряхните – наверняка признается! Да-с… Все это чепуха, милейший. У нас с вами проблемы посерьезнее – вот почему я здесь! Как тут у вас Ландсберг поживает? Завтра, если не ошибаюсь, у него суд, верно?

- Подследственный Ландсберг подвергнут мной взысканию и в настоящее время отбывает наказание в карцере. Суд у него, действительно, завтра. К вечеру я и так собирался его выпустить – чтобы привел себя в порядок, побрился, почистил платье.

- Вот как! И что же наш бравый офицер натворил? – заинтересовался Судейкин.

- С неделю назад он настоятельно потребовал у меня личного приема по некоему важному, как он утверждал, делу. И потребовал,

представьте себе, сурового наказания для двух каторжников, якобы искалечивших его прислужника…

- Однако! – перебил Судейкин, заметно оживляясь. – Хорошо в тюрьмах, однако, устраиваются гвардейские офицеры, совершившие уголовные преступления! Даже прислугу имеют!

Поморщившись, Сперанский объяснился. Прислуга Ландсберга в данном случае – такой же арестант, только из простолюдинов. По тюремному уставу обитатели камер для лиц благородного происхождения освобождаются от обязанностей по уборке помещения, в котором содержатся. И обычно этим делом занимаются тихие и благонравные арестанты из «поварского» отделения – те, которые обеспечивают хозяйственные работы в тюремном замке. За ничтожную доплату и, вероятно, возможность свободного передвижения внутри тюрьмы они с удовольствием выполняют подобные обязанности.

- Ну и что же с этим прислужником стряслось? Как его к каторжным-то вообще занесло? Они ведь, кажется, содержатся отдельно от прочих арестантов?

- Этот Печенкин, помимо всего прочего, на воле был изрядным печником. Да и вообще публика из «поварского» –мастера на все руки. А в каторжном отделении задымила печь – вот его и послали туда дымоходы почистить. Очевидно, Печенкин поссорился с кем-то из каторжан. Что они там не поделили – один Господь ведает. А через пару дней этот Печенкин оказался в лазарете с поломанным хребтом. Сам он уверяет, что просто поскользнулся на лестнице, и ничьей вины тут нет. Обычная, знаете ли, история. Врет, конечно – боится или не хочет выдавать обидчиков. У них ведь, отпетых, свои законы, неписаные. Я, признаться, и следствия не назначал – все равно никто ничего не скажет.

- А что Ландсберг?

- Он, как я уже упоминал, в дерзкой форме потребовал от меня назначить следствие и наказать виновных. Я, разумеется, строго указал ему как на недопустимость подобных требований со стороны арестантов, так и его дерзкий тон. И вообще порекомендовал ему не указывать тюремной администрации – что ей делать.

- Ну-ну?

- А третьего дня Ландсберг во время прогулки в тюремном дворе на глазах караульных солдат и тюремного персонала приблизился к участку для прогулок каторжных и устроил там настоящее побоище. Вообще-то мы этих отпетых стараемся на прогулки с другими отделениями во двор не выпускать, - нехотя признал Сперанский. – Но тут произошла какая-то накладка или недосмотр со стороны тюремного персонала. Такое бывает иногда – и каторжники, надо признать, на прогулках обычно ведут себя тихо, опасаясь за какие-либо нарушения потерять прогулки. А прочие и сами стараются держаться от отпетых подальше –в замке ведь у каждого отделения свой садик имеется для прогулок.

- Садик? Что-то я, милейший господин Сперанский, не замечал во дворе вашего замка никаких садов и райских кущ! – совсем развеселился Судейкин, снова берясь за графинчик.

- Разумеется, никаких деревьев и кустов тут нет, да и быть не должно, - с досадой поправился смотритель. – Я же употребил слово «садик», столь вас развеселившее, в общепринятом, так сказать, смысле. Ну, пусть будет называться местом, отведенным для прогулок – какая нам с вами разница?

- Да вы рассказывайте, не томите! Что там Ландсберг-то учудил?

- Поначалу все было чинно и благородно. Ландсберг, кажется, даже попросил у конвойного солдата позволения подойти к каторжным – якобы знакомого какого-то увидел там. Солдат разрешил, но по-хорошему предупредил арестанта из благородных, что с каторжанами лучше дел никаких не иметь. Потом, рассказывают, вдруг крики поднялись, шум – у каторжных драка началась. У них промеж собой частенько бывает – только в камерах обычно, не на виду. Конвой – туда. Караульный офицер на бегу несколько раз в воздух выстрелил, драку приказал прекратить. А там уже и драться некому: двое каторжных без памяти лежат, несколько человек кто за головенку разбитую, кто за бок держатся, остальные к стенке прижались. А посреди побоища наш Ландсберг стоит. Одна царапина на лице и костяшки на руках раскровянил – вот и все его «повреждения».

- Ловок, шельмец! Как же он сумел с целой оравой справиться?

- Офицеру Ландсберг доложил, что драка началась из-за его шутки, неправильно понятой каторжниками. Они, дескать, набросились на него гурьбой – и он, спасая свою жизнь, был вынужден отбиваться как мог. Выдернул, кстати, кол, к которому яблонька молодая была привязана, им и орудовал. Но так ловко – офицер только потом припомнил, что это больше на своеобразное фехтование было похоже.

- И что дальше?

- Всех арестованных солдаты со двора разогнали по камерам. Двоих, правда, пришлось в лазарет отправлять: у обоих оказались сломанными позвоночники.

- Назначили следствие? – улыбаясь, поинтересовался Судейкин.

- Какое тут следствие? Каторжники уверяют, что офицер первым драку начал. Причину, правда, не называют. Ландсберг по-прежнему утверждает, что драку не начинал и всего лишь оборонялся.

- Я бы не удивился, господин Сперанский, если бы узнал, что те двое, с поломанными спинами, и есть обидчики прислужника Ландсберга, - Судейкин, чуть наклоня голову и по-прежнему улыбаясь, глядел на Сперанского с явной насмешкой.

- Я и сам не удивился, - мрачно согласился тот. – Меня другое поражает: тех двоих покалеченных даже свои, «отпетые» боялись. Они и на воле немало душ погубили, и тут отличились. Из Сибири бегали не раз, у обоих – бессрочная каторга. Терять им нечего – вот и куролесили.

- Выходит, было что терять, - задумчиво протянул Судейкин. – Со сломанными хребтами они, полагаю, не жильцы?

- Доктор то же самое говорит – вопрос времени, не более.

- Та-ак… А вы Ландсберга, значит, в карцер? За то, что он вас от такой головной боли избавил? Да что вас – вся Сибирь, поди, перекрестится, что никогда не вернутся туда Дерюгин с Ванькой-Хомутом. А вы – в карцер героя!

Судейкин умел удивлять: услыхав от него небрежно, словно вскользь названые имена покалеченных каторжников, Сперанский не сразу закрыл рот. Пошелестев бумагами на столе, смотритель

убедился в осведомленности полковника: выходит, все знал еще до прихода сюда – или сейчас кто успел шепнуть, из тюремной обслуги. Сперанский уже хотел было поинтересоваться источником осведомленности жандармского полковника, но передумал: все равно не скажет. Только еще глубже в калошу посадит, прохвост. Помолчав, смотритель только и спросил:

- Что же мне делать с Ландсбергом? Следствие учинить никак не возможно: свидетелей нет. Да и кто поверит, что человек в одиночку, будучи в здравом уме, сам на кучу отъявленных и опаснейших убийц кинется? К тому же у Ландсберга завтра суд, и он будет перечислен за судебными властями…

- Вы что же, указаний у меня спрашиваете? – хохотнул Судейкин. – Полноте, господин Сперанский! Я вам не начальник! Совет, правда, могу дать: молите Бога, что избавляетесь завтра от Ландсберга! Свечку поставьте в церкви, а то и две. Дюжину! Две дюжины, черт возьми! И не за то, что он двух злодеев на тот свет снарядил – туда им, в конце концов, и дорога! Вы мне, милейший, лучше расскажите – каким образом вверенный вам арестант сумел из стен Литовского замка, из-под вашего носа, предерзкое письмо самому государю переправить?

Сперанский едва не сел мимо кресла: сцена снова вышла эффектной.

- Какое письмо? – забормотал он. – Какому государю – тьфу, то есть как это сумел переправить? Н-не понимаю!

- Да еще на гербовой бумаге! –криво улыбаясь, подлил масла в огонь Судейкин.

И налил еще одну рюмочку,про себя забавляясь тем обстоятельством, что заслуга в передаче этой самой «царской» бумаги Ландсбергу – через «Калиостро», разумеется – принадлежит ему самому.

– Да еще и в конверте из тех, в коих Его Величество важнейшие письма получает. Поэтому и адъютант царский, заметив оставленный кем-то в одной из комнат Зимнего знакомый конверт, поспешил передать письмо государю. Искренне полагая, что кто-то его по нечаянности обронил…

Глядя на помертвевшего смотрителя с самым серьезным

выражением лица, Судейкин вспоминал свой недавний спор с шефом III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Дрентельном. Судейкин полагал, что письмо, написанное Ландсбергом, стоит действительно подбросить монаршему адресату. То бишь российскому императору Александру Второму. Осторожный же Дрентельн категорически возражал: в затеянной ими игре это, на его взгляд, было совершенно ненужным. Более того: появление у государя дерзкого письма, таинственным образом попавшего из тюремного замка прямо на стол императора, могло вызвать строжайшее и тщательнейшее следствие. И хотя заговорщики сделали все возможное, чтобы скрыть свое участие в этой афере – чем черт не шутит? Сколько людей и великих замыслов в истории погублено из-за нелепых случайностей.

- Неужели вы полагаете, полковник, что смотритель замка, из чьих стен вышло сие страшное письмо, будет устраивать свое следствие? Или добиваться высочайшей аудиенции с тем, чтобы убедиться в том, что письмо арестанта действительно побывало в руках монаршего адресата? Произойди подобное на самом деле – ему не сносить головы! Просто покажите ему это письмо – да он и не усомнится в ваших словах!

- Но если так, то зачем было тратить столько усилий, чтобы заставить Ландсберга написать подобное письмо, Александр Романович? – возражал Судейкин. – Царскую-то резолюцию по поводу письмеца наш специалист-шрифтовик шутя сварганил – не проще бы, в таком случае, сфальсифицировать и само письмо Ландсберга? Добыть образцы его почерка было бы не сложно, уверяю вас! А так нам пришлось вводить в нашу игру Захаренко, подсаживать его в камеру нашего героя. А главное – использовать его таланты, в том числе и магнетического свойства, для того, чтобы подтолкнуть Ландсберга к написанию дерзкого письма самому царю! Знаете, Александр Романович, я верю «Калиостро»: это было совсем даже непросто! Ландсберг – потомок древнего рода, многие поколения которого верно служили русской короне, для которых присяга – не пустой звук! И если бы не его маниакальная, на наше счастье, убежденность в необходимости Высшей справедливости для всех…

- Вы уже упоминали о долгом внутреннем сопротивлении Ландсберга, - кивнул Дрентельн. – Но наши труды не были зряшными! Написав оскорбительное письмо государю, Ландсберг пересек Рубикон! Он готов, понимаете – готов к следующему шагу. Он готов к ответной гневной реакции оскорбленного монарха – ничуть не меняя, насколько мне известно, своих убеждений! Ландсберг нанес первый удар – в слабой надежде, что его аргументы заставят царя считать Высшую справедливость обязательной и для себя, самодержца! Но эта надежда слаба, и с большой вероятностью Ландсберг ожидает репрессий! И они последуют! Скоро суд вынесет ему суровый приговор, потомок древних родов станет каторжником, отверженным изгоем общества. Это должно освободить его дух от всех обязательств данной некогда присяги на верность. Присягу давал офицер – мстить будет каторжник. Человек, лишенный всех прав состояния… Нет, вы не правы: он должен был написать это письмо! Должен был сделать первый шаг – и он его, слава Богу, сделал!

- Да, тут с вами не поспоришь. Каюсь: я сморозил глупость, Александр Романович! Вы правы: Ландсберг должен был написать письмо. Но давайте тогда подумаем над другим аспектом проблемы: стоит ли рисковать и вводить в нашу игру Сперанского? Ведь он с перепугу может наделать глупостей, поднять шум, который дойдет до высших сфер. И тогда император может узнать о письме, которое до него на самом-то деле не дошло. Может всплыть и его сфабрикованная резолюция… Вы-то в стороне, Александр Романович! А меня, безродного авантюриста, возьмут под белы рученьки и спросят ласково: зачем ты все это сотворил, раб божий? Вы же сами, Александр Романович, и возьмете! Коли прикажут, а?

- Коли прикажут – возьму, конечно! – недобро усмехнулся Дрентельн. – Да ведь и ты, Георгий Порфирьевич, не лыком шит, не пальцем делан! Тоже, небось, подстраховался на крайний случай, а? Чтобы не одному кандалами по Владимирскому тракту звенеть, а в хорошей компании. В моей, например, а?

- Бога побойтесь, Александр Романович! – перекрестился Судейкин. – Да и кто мне поверит, ежели сойду с умишка и начну, в случае чего, родное начальство топить?!

- Ты Богом не прикрывайся. И не крестись при мне – я-то знаю,

что тебе, Георгий Порфирьевич, для пользы дела что крест святой положить, что высморкаться. Ты мне лучше ответь: куда то приказание, подписанное мною, дураком, и подтверждающее твои полномочия в Литовском замке, делось? Уничтожил? Затерялось где-то в бумагах? Врешь, Григорий Порфирьевич! Лежит сия бумага где-то, ждет своего недоброго часа… А Моисейка, специалист по подделке чужих почерков, куда вдруг исчез вместе с семейством своим жидовским? Знаю я все. Знаю – и как тебе не покажется странным, не осуждаю. Сам бы, будучи на твоем месте, подстраховался бы насколько возможно.

Помолчали собеседники, изредка взблескивая друг на друга пытливыми быстрыми взорами. Дрентельн тяжело, со свистом дышал, массируя свекольного цвета шею. Судейкин, зажав коленями ладони, мелко вздыхал и еле слышно покашливал.

- Ладно, полковник! Хватит о плохом болтать да думать, - нарушил молчание Дрентельн. – Одно великое дело задумали, одной и веревочкой повязаны. Кончать нам это дело надо тоже вместе, а не порознь. Со Сперанским игру надо сыграть так, чтобы комар носа не подточил. Ландсбергу он должен устроить истерику – но только ему! Чтобы дело дальше не засветилось. И это твоя забота.

- Понял, Александр Романович. Постараюсь.

- Постарайся уж… К-хм… С каторжниками, иванами этими, ты хорошо придумал. Они Ландсберга обозлили, еще больше его любимую Высшую справедливость попрали. Тут ты точно сыграл, офицер сам полез справедливость восстанавливать. Но не слишком ли рискованно было стравливать Ландсберга с профессиональными убийцами? Могли ведь и его убить в драке – и вся игра наша посыпалась бы как карточный домик…

- Не извольте беспокоиться, Александр Романович, риску тут, считайте, и не было. Когда Ландсберг начал сражаться с иванами, не все остальные каторжники им на помощь кинулись. Мои людишки из «отпетых» больше Ландсберга от ударов своих товарией прикрывали, мешали им. Хотя он, не зная этого, и защитнику одному своему тайному головенку проломил сгоряча, - Судейкин хихикнул. – А еще один мой человечек во время драки всю честную компанию на мушке держал, прямо из окна канцелярии. Дрянь человечишко, но

вот стрелок изумительной редкости! Пятиалтынный за пятьдесят шагов пробивает, сам видал не раз. Но – слава Богу, его искусство не понадобилось, Ландсберг сам справился.

- Где ж он так палкой махать ловко выучился, Григорий Порфирьевич? И как ты про это прознал?

- Служба у меня такая – знать все! - расплылся в довольной улыбке Судейкин. И тут же признался. – Случайно узнал. В полку, с которым Ландсберг под Плевной в Турецкой кампании был, пленный был один, испанец. Как он в туретчину попал – не знаю, врать не буду. Но что знаю – владел тот испанец старинным редкостным умением фехтования на пастушьих посохах. А Ландсберг, говорили, всерьез этим фехтованием на деревяшках увлекся, с испанцем тем подружился. Ну, тот его и научил всем хитростям. Потом, уже после войны, в Петербурге, Ландсберг про забаву испанскую не забыл. Наоборот – всерьез заинтересовался. Тем более, что до войны Ландсберг был знаком, как выяснилось, с японским посланником, тот несколько лет в Петербурге жил. И якобы у них, у японцев, тоже что-то подобное в истории было, хоть с испанцами они и не знались никогда. Тогда занялся Ландсберг русской историей, стал искать – не было бы чего похожего у наших предков? И, представьте, нашел какую-то древнюю книгу с описанием уже русской школы сражения без оружия. Это он Захаренке рассказывал, когда только собирался иванов проучить…

- Ты мне целую лекцию про драки с дрекольем прочел, - ворчливо перебил Дрентельн. – Узнал – молодец. Что воспользовался умеючи тем, что знаешь, вдвойне хвалю. Получилось всё по-твоему – честь тебе и хвала. Но нос, полковник, задирать рановато. Ступай-ка ты в Литовский замок! Пора уже ко второму этапу нашей операции приступать.

* * *

- Ну-с, господин смотритель, - Судейкин нахмурился и подался вперед. – Ну-с, не угодно ли будет вам ознакомиться с письмом, написанным прямо под вашим носом? Вопреки тюремному уставу, запрещающему арестантам иметь письменные принадлежности? – он достал из принесенной с собой папки длинный голубоватый конверт

и подтолкнул его Сперанскому. – Извольте полюбопытствовать.

Сперанский, помедлив, взял письмо и отошел к окну.

- В камерах проводятся регулярные обыски, - вяло возразил он. – Не удивлюсь, если письменные принадлежности попали к Ландсбергу от вашего же клоуна, этого Захаренко. Он принес с собой в тюрьму массу запрещенных здесь предметов. Как он говорил – реквизита. Одна его белая мерзкая крыса чего стоит! – смотритель передернул плечами и продолжил уже увереннее. – А вы, именно вы, господин Судейкин, запретили мне отбирать у Захаренко весь этот р-реквизит, черт побери!

- Меня хотите виноватым оставить? – Судейкин рассмеялся. – Полно вам, господин смотритель! Я же не имею никакого отношения ни к тюремному комитету, ни к другому вашему непосредственному начальству! Ну, а если и заступился за комедианта – так что с того? Он вполне безобиден, посажен по пустяковому делу. Чем не юродивый, наконец? Да и откуда у Захаренко гербовая бумага, особый конверт? Зачем они ему? Впрочем, вы можете и спросить у него сами, господин Сперанский.

- Так он мне и признался…

- Да и какая разница, в конце концов, откуда у Ландсберга взялась бумага? Гораздо важнее то, что он на ней написал и как сумел переправить письмо во дворец? В этом пособничестве вы «моего» Захаренко обвинять, надеюсь, не собираетесь? Как и меня? Да вы читайте, читайте!

Но Сперанский и без приглашения уже впился глазами в текст письма, изредка восклицая: «Вот дерзец!», «Нахал!», «Уму непостижимо!». Закончив чтение, смотритель поднял на Судейкина умоляющий и в то же время недоверчивый взгляд.

- И государь… Государь все это тоже читал? Его батюшка, царствие небесное, за одно такое письмо бы в Сибирь отправил дерзеца. Навечно!

- Ну, нынешний у нас великий либерал! – махнул по-свойски рукой Судейкин. – Впрочем, не скрою: император был весьма раздосадован. И отдал распоряжение строжайшим образом учинить следствие по поводу легкости проникновения подобных писем в свои апартаменты. Следствие поручено Жандармскому корпусу – ввиду

крайней щекотливости ситуации и возможности существования у Ландсберга тайных помощников и единомышленников в самом тюремном замке и охране покоев Его Величества. Вот мои полномочия, милостивый государь!

Судейкин небрежно перебросил смотрителю листок бумаги с царским вензелем и короткой резолюцией, написанной знакомым Сперанскому почерком. Специалист по царскому почерку предусмотрел даже то, что, будучи в гневе, император писал вкривь и вкось, брызгая чернилами и оставляя кляксы. Впрочем, Сперанскому и в голову не пришло сомневаться в авторстве: он с тоской размышлял – чем все это закончится для него?

- Успокойтесь, милейший! – сбавил нажим Судейкин. – Вас лично никто в вольнодумстве или попустительстве упрекать не собирается. Начальник не может, в конце концов, отвечать за каждого тюремщика или караульного. Тем более – в Зимнем своя охрана, а вы, насколько мне известно, там сроду не бывали и знакомств в кругах, близких государю, не водите. Дайте мне возможность поговорить с Ландсбергом тет-а-тет! Ну и с Захаренко, разумеется. Как вы могли догадаться, «Калиостро» – мой человек, и был приставлен к Ландсбергу с целью выяснения образа мышления этого субъекта. Именно по этой причине он не мог и способствовать Ландсбергу в его дерзкой афере. Прошляпил, негодяй – это да! Куда смотрел, сидючи в одной камере с Ландсбергом… Ну, это мой спрос! Вы же, господин Сперанский, распорядитесь пока под каким-нибудь благовидным предлогом убрать из карцерного отделения приставника с помощниками. Ни к чему, чтобы меня там видели. И распорядитесь, чтобы меня снабдили ключами – и от отделения, и от самого карцера Ландсберга.

- Право, я не уверен, - заколебался Сперанский.

- Я же в своем докладе непременно отмечу ваши усилия и ваше тщание, с которым вы исполняете свой долг, господин смотритель, - многозначительно подчеркнул Судейкин. – Главное сейчас не дать распространиться всяческим слухам! Никакой самодеятельности, господин смотритель! Никакого самочинного следствия и огласки. Передайте-как мне государеву резолюцию. Вот так – и никому о ней ни слова! Речь идет, по сути дела, об оскорблении монарха. И всякие

разговоры вокруг этой темы просто неуместны!

* * *

Карцер, куда попал Карл фон Ландсберг после устроенной им расправы с убийцами Василия Печенкина, был самым страшным местом Литовского тюремного замка. Даже в коридоры этого отделения никогда не заглядывал луч солнца. Узкие окна, выходящие в Тюремный переулок, наполовину заложены кирпичом, а кусочки стекла, вмурованные в крохотные отверстия под самым потолком, были замазаны известью и так заросли грязью, что практически не пропускали света. Сами же карцеры представляли собой каменные мешки, сырые и вонючие. В них не было ни кроватей, ни нар, ни табуретов – наказанные пребыванием в карцере все время проводили на трухлявом обломке доски, служившем им и столом, и сиденьем. От тишины звенело в ушах: даже крысы, эти непременные спутники всех арестантов, казалось, избегали карцерного отделения. Вечную сырость здесь добавляла ждановская дезинфицирующая жидкость, кою тюремщики, не жалея, ведрами разливали в коридоре и самих камерах.

Освеение в виде огарка свечи появлялся в камерах карцерного отделения дважды, во время коротких и скудных «завтраков» и «ужинов». Даже приставниками сюда назначали в виде наказания за промашки по службе.

Здешних карцеров боялись даже»отпетые», прошедшие, казалось бы, огонь, воду и медные трубы. Утверждали, что неделя в карцере пагубно отражается на здоровье. А две-три недели здесь – верная чахотка и смерть. Ландсберг, получивший за нарушение режима содержания и драку трое суток карцера, мог считать себя счастливчиком. К тому же предстоящий судебный процесс сокращал время наказания более чем на пол-суток: сегодня утром тюремщик сообщил об этом Ландсбергу.

Поэтому, заслышав отдаленные шаги и чьи-то голоса, он воспрял духом в надежде, что время его заточения закончилось. И вот загремел-заскрежетал наружный засов на двери, под ней замаячила полоска света. Наконец, дверь распахнулась и в проеме появилась фигура человека со свечой в руке. Однако вместо

долгожданной команды: «Встать! Выходи!» Ландсберг с изумлением услыхал знакомый голос Захаренко:

- Карл Христофорыч, ты живой?

- Боже мой, Захаренко, как ты-то тут очутился? Тебя что – тоже наказали за что-то? Хотя… Послушай, да у тебя свеча…

- Когда Бог решает наказать человека, он лишает его разума, - ворчливо и несколько туманно ответствовал «Калиостро». Чтобы разглядеть что-либо, он прикрывал глаза от свечи ладонью и осторожно продвигался вперед, шаркая ногами – будто боялся ощутить под собой пустоту. – Возьми свечу, Карл Христофорыч, пристрой куда-нибудь… Черт, у тебя тут даже чурбака нет! Сесть не на что!

Ландсберг принял свечу дрожащей рукой. Даже этот тусклый огонек на время ослепил его, и он часто заморгал, прикрывая глаза, как щитком, ладонью.

- Как ты сюда попал? – повторил Ландсберг свой вопрос.

- Да уж не своей волей, как понимаешь. Гостя я тебе привел, Карл Христофорыч. Господин полковник, тут даже сесть некуда, - обернувшись к двери, чуть повысил голос Захаренко.

Лишь тогда Ландсберг обратил внимание на второй силуэт, едва виднеющийся в дверном проеме. Ему почему-то стало жутко от этого молчаливого спутника «Калиостро». Он поднял было свечу повыше, чтобы лучше рассмотреть гостя – но Захаренко, очутившийся рядом, мягко опустил руку товарища.

- Гость твой прибыл сюда инкогнито, и знать его тебе до поры до времени, Карл Христофорович, нужды нет. Так что – прикажете добыть стул где-нибудь? – обратился Захаренко к своему спутнику.

- Давай, да побыстрее! - подал тот голос. – Не знал я, что тут такие «хоромы»… А какое амбре! Хоть святых выноси!

«Калиостро», зажегши вторую свечу, побрел по коридору, разыскивая помещение для караульных. Пока его не было, гость молчал, прикрывая нос и нижнюю половину лица платком. Молчал и Ландсберг. Потоптавшись, он снова сел на обломок доски, скрестив по-турецки ноги.

- Свечу оставь за дверью, - распорядился незнакомец, когда Захаренко появился с табуретом в руках. – А табурет поставь здесь,

у двери. И погуляй пока, Захаренко, подальше где-нибудь. Стихи почитай вслух! – распорядился гость.

- То есть как стихи? – не понял тот. – Какие стихи?

- Какие хочешь! – оборвал его гость. – Лишь бы я был уверен, что ты поблизости, подкравшись, не подслушиваешь. Ну, пшел!

- С кем, все же, имею честь? – устало-равнодушно разлепил губы Ландсберг.

- Всему свое время, господин Ландсберг! Пока же я попрошу вас переставить свечу так, чтобы мое лицо было в тени. Мы познакомимся ближе лишь в том случае, если достигнем некоей договоренности в важном для меня - и вас, разумеется, - вопросе. Пока же вам довольно знать, что я офицер, как и вы. Полковник. Обладаю, как можно легко догадаться, достаточной властью, чтобы легко проникнуть в тюрьму и столь же легко покинуть это мрачное место. Добавлю к сказанному, что принадлежу к числу патриотов своего Отечества и являюсь верным слугой престола. Последнее, правда, с некоторыми оговорками – но об этом мы поговорим позже. Сейчас речь пойдет о вас, господин Ландсберг!

Гость скрипнул табуретом, помолчал – явно вглядываясь в освещенное свечой лицо Ландсберга и заодно прислушиваясь, как где-то вдалеке что-то бубнит Захаренко.

- Итак, плохи ваши дела, господин Ландсберг! – начал полковник. – Службе вашей и карьере пришел конец. Обидно, конечно – но этого уже, простите за прямоту, не поправишь. Ваши планы жениться на любимой, ради которой вы и совершили необдуманный поступок – тоже рухнули. Ваша невеста отказалась от вас, а ее отец – проклял.

- Я бы попросил вас не касаться этого предмета…

- Бросьте, Ландсберг! Раньше надо было думать! И уметь разбирать глупые шутки старого дурака Власова… Ежели хотите знать мое мнение, так это именно он виноват во всем – сначала дав денег на возможность вести светский образ жизни и сорить ими, а потом решив покуражиться над вами. Впрочем, этого ничего уже не исправить.

- Кто вы? – глухо повторил Ландсберг. – Откуда вы все знаете? И какое имеете право рассуждать обо всем этом?

- Кто я – вы узнаете, повторяю, в свое время. Во всяком случае, я надеюсь на это, - подчеркнул полковник слово «я». – Ну, а что до права знать и рассуждать – не вам в вашей ситуации, диктовать свои условия, господин фон Ландсберг! Не вам быть судьей в вопросах чести! Смиритесь и будьте скромнее… На чем я остановился-то? Ах, да – хотел спросить, отчего не сбежали из имения за границу? Отвечать, впрочем, не нужно: мне, собственно, более или менее ясно. Влиятельной и богатой родни в Европе у вашего семейства нет, приличной службы без связей и рекомендаций там не достать. Доходы же с вашего имения столь мизерны, что еле-еле позволяют семейству вести достойный фамилии образ жизни. Да-да, вы, наверное, были правы: бежать вам тогда было некуда, да и глупо.

- А сейчас? – Ландсберг не мог не обратить внимание на то, что собеседник сделал ударение на слове «тогда».

- Ина данную минуту тоже некуда, - согласился незнакомец. – Тем более, что вы, к тому же, находитесь в тюрьме, из которой удалось в свое время бежать, если не ошибаюсь, всего одному человеку. Однако обстоятельства могут измениться… Вы лучше скажите, господин Ландсберг – почему вы не застрелились? Там, в казармах батальона, куда по настоянию ваших товарищей и командира вас завезла полиция? Вот что меня действительно интересует – вам же хотели помочь спасти честь!

- Теперь я почти жалею о том, что не воспользовался этой возможностью, - глухо произнес Ландсберг.

- Жалеете? Ой ли, господин Ландсберг? По роду моей службы мне довелось основательно узнать человеческую природу. Бывал ваш покорный слуга и свидетелем множества поступков, на первый взгляд бессмысленных – или явно преследующих совершенно ясную, казалось бы, цель. А на самом деле все обычно оказывается не так просто… Ладно – а как быть с дерзким письмом государю? Сначала вы в своем признании следователю высказали ряд мыслей, оскорбляющих царское достоинство. С явным расчетом широкой огласки выдвинутых теперь уже вами – не против вас! – обвинений. Потом, не удовлетворившись этим, вы нашли возможность лично обратиться к государю – оправдывая свое преступление высочайшими примерами…

- Откуда вы всё знаете?! – Ландсберг вскочил на ноги. – Вы, верно, сам черт! Дьявол, который знает все на свете – недаром Захаренко несколько раз похвалялся, что ему помогает в жизни нечистая сила!

- Сравнение не вполне корректное, но для меня лестное! – усмехнулся незнакомец. – Вам же лучше сесть на место. Или, по крайней мере, оставаться там, не пытаясь ко мне приблизиться… Да, господин Ландсберг, ваше письмо попало к адресату. Попало и вызвало высочайший гнев, уверяю вас! Правда, знаете ли, никому не нравится. И цари тут не исключение. Вы, разумеется, должны понимать, что это письмо значительно ухудшило ваше положение. Не хочу скрывать: до написания этого письма у вас были тайные покровители, которые убеждали государя замять все это дело – уповая на вашу молодость, неопытность в житейских делах, на ваше происхождение и военные заслуги, наконец! Но теперь, после случившегося, конец всему!

- Что ж… Зато теперь государь знает то, что думают о нем его верноподданные.

- А что будет с вами – вы отдаете себе отчет, господин Ландсберг? Вас лишат дворянства, всех прав состояния. Вы пойдете в Сибирь в кандалах, на одном «пруте» со всякой мразью и отпетой дрянью. Вы будете махать кайлом где-нибудь в каменоломне или руднике – и при этом все время чувствовать рядом ненависть мужиков-каторжан, для которых вы тоже до конца жизни останетесь чуждым по духу и происхождению. Вы все время должны будете жить оглядываясь, ибо законы каторги страшны. Вам не простят убийства двух иванов здесь, в Литовском замке. Чего вы добились тем, что до смерти искалечили их? Добро бы ваш Васька Печенкин от этого поправился – так ведь тоже помрет калекою…

- Дьявол! Настоящий дьявол!

- Крестьянин, который сжег поместье своего господина, со временем отбудет каторгу, уйдет на поселение и будет заниматься тем же, чем занимался до каторги – пахать землю. Ямщик, убивший кистенем богатого седока и раскаявшись в этом, тоже рано или поздно сможет при желании вернутся к прежней жизни. Пусть не в Петербурге, а где-нибудь в Иркутске или Тобольске. А что ждет вас,

господин Ландсберг? Презрение общества, ненависть окружающих. Вы никогда – слышите, никогда! – не сможете вернуться в Санкт-Петербург. Не увидите свою родню, своих боевых товарищей. Единственной возможностью покончить со всем ужасом новой для вас жизни для вас нападение на вооруженного часового – чтобы вас застрелили как собаку! Сразу, без мучений! Да-да, этот путь тоже ужасен – но, по крайней мере, быстр.

- Что вам угодно от меня? Зачем вы говорите все это? Вам доставляет удовольствие мучить меня беспросветным будущим? Это бесчеловечно, господин полковник!

- Ага! Вспомнили, наконец, что перед вами полковник! Вспомнили о моем чине и полагаете возможным, чтобы русский офицер издевался над другим офицером, попавшим в ужасное положение? Если вы действительно так думаете, то мне остается только уйти восвояси…

- Но зачем же тогда вы явились? Зачем все это?

- Слушайте меня внимательно, Ландсберг! Я – офицер, и также, как и вы, в свое время, присягал на верность государю. Но прошло много лет, прежде чем я понял, что служу самолюбивому ничтожеству.

- Господин полковник! Я требую уважительного…

- М-молчать! – взревел полковник. – Молчать, несчастный юнец! Молчите и выслушайте меня до конца. Да, я давал в свое время присягу – но не отдельной личности царского происхождения, а самой идее русского самодержавия! Присягал России – но не тому, кто гонит ее в бездну вольнодумства… У нынешнего государя много грехов перед Богом и людьми. К тому же он, нарушая Божьи заповеди прелюбодейством, ставит под угрозу сам принцип русского самодержавия тем, что официально признает своих бастардов государевыми правопреемниками. В угоду своей любовнице он обирает чужими руками покоренные дикие народы – не думая о том, что порочит тем самым корону Российской Империи! Вспомните Ноймана, про него вам должен был рассказать Захаренко. Человек пошел на каторгу потому, что стал ненужным свидетелем формирования «приданого» любовницы вашего обожаемого монарха. Отец Ноймана с горя застрелился, его мать и сестры буквально

пошли по миру – опозоренные, обесчещенные. И это только один пример…

Незнакомец, задохнувшись от гнева, выхватил откуда-то фляжку, сделал из нее глоток. Подумав, встал, сделал несколько шагов вперед и протянул фляжку арестанту:

- Выпей, фон Ландсберг! Глотни – хотя бы за упокой душ, погубленных нынешним царем. Выпей и вспомни, кстати: ведь у твоего отца была когда-то своя псарня. Была?

Ландсберг, машинально сделав глоток из фляжки, мучительно закашлялся. Полковник вынул у него из рук фляжку, вернулся на место. И, явно успокоившись, продолжил:

- Тогда ты должен помнить, как отец безжалостно топил щенков, носящих признаки вырождения породы. А ты, наверное, плакал… Твой же отец, меж тем, спасая породу, проявлял кажущуюся жестокость. Спаси Россию, фон Ландсберг! Наследник нынешнего государя мудр не по годам. Он крепок духом, верен семье. Он еще успеет исправить великое зло, причиненное России его беспутным отцом.

- Спасти Россию? Убить… Поднять руку на государя?.. – голова у Ландсберга кружилась, мысли путались.

- Его уже не раз пытались убить, - глухо заговорил полковник. – Только недавно, меньше месяца назад, был повешен еще один герой, пытавшийся спасти Россию. А ты обратил внимание – кто посягает на государя? Ведь это те люди, с которыми Александр Второй пытается заигрывать. Кому дает волю, ненужную им свободу. Вспомни! Это ли не перст Божий?

- Но царь каждый раз спасается от пуль и бомб, - машинально возразил Ландсберг, не замечая, что таинственный незнакомец уже стал обращаться к нему на «ты». – Скорее уж, это перст Божий, спасающий своего помазанника!

- Ты ошибаешься, - покачал головой полковник. – Бог дал этим людям силу духа, он вразумил их на угодное и спасительное дело. Беда этих людей в том, что они – не профессионалы.

- Но я же здесь, в тюрьме! – Ландсберг почувствовал, что выпитый коньяк ударил ему в голову. –Это безумие… Но… Даже если бы я решился, то как я могу сделать ЭТО? И что ЭТО изменит в

моей судьбе? Меня поймают и повесят, проклинаемого всей Россией, которая тут же забудет грехи убиенного монарха и будет лишь жалеть его.

- Хорошие вопросы задаешь, фон Ландсберг! – чуть усмехнулся гость. – Похоже, мы с тобой сговоримся! Что ж, придется быть с тобой более откровенным. Завтра тебя будут судить – с этим ничего уже поделать нельзя. Возможно, это даже к лучшему – завтрашний приговор позволит тебе лучше оценить «милость» монарха, которого ты до сих пор жалеешь. Судья уже получил указание – никакого снисхождения! Присяжные тоже специально отобраны, завтра ты убедишься в этом. А вот потом… Потом тебя переведут в пересыльную тюрьму – и, начиная с этого момента, ты должен быть ежечасно готов к побегу. Тебе его организуют, не сомневайся! У меня много высокопоставленных друзей, таких же патриотов России. У нас уже все готово – тайное убежище, оружие, взрывчатка (ты же сапер!), помощники. Члены нашей организации вхожи в царские дворцы, пользуются доверием государя. Они знают наперед все расписанные на месяцы вперед выходы и выезды царя, маршруты его следования, места его встреч с людьми. У нас есть все, Ландсберг – не хватает только такого, как ты, солдата – умного, хладнокровного профессионала. Ты сделаешь свое дело – и исчезнешь из России. Тебя ждут несколько настоящих паспортов, в том числе и дипломатические, обеспечивающие свободный проезд всюду. Мы разработали несколько маршрутов твоего ухода за границу – и по суше, и морские. Скажи только одно слово – и в банках Женевы, Ниццы, Парижа будут открыты счета на названное тобой имя или пароль.

- Я не знаю, что вам сказать, господин полковник.

- А я тебя и не тороплю, фон Ландсберг. У тебя есть время подумать. Да, ты никогда не сможешь вернуться в Россию – но кто помешает выписать в Европу твою семью? Ты не хочешь быть «проклятым цареубийцей»? Уверяю тебя, очень скоро в России будут смотреть на твой подвиг совсем по-другому. Ты молод, и проживешь долгую жизнь – такую, какую захочешь. Эту свободу дадут тебе деньги, которых у тебя очень скоро будет очень много.

Полковник встал, высунулся в коридор, громко свистнул.

Далекое бормотание Захаренко смолкло, послышались его приближающиеся быстрые шаги.

- Прощай, фон Ландсберг! Прощай и подумай над всем, что услышал от меня. Время, повторяю, у тебя еще есть. Надеюсь, ты сделаешь правильный выбор. И тогда у меня и моих друзей не будет причин прятать от тебя свои лица. Пошли, Захаренко!

Изрядно поплутав по запутанным темным коридорам первого этажа замка, Судейкин и Захаренко, наконец, выбрались во внутренний двор. Всю дорогу они молчали, если не считать виртуозной ругани по причине нестерпимой вони, наполненных водой выбоин в каменном полу, да крыс, шныряющих прямо по ногам.

Глубоко вздохнув, Судейкин снова достал свою фляжку, глотнул и отдал остатки «Калиостро».

- Ну, как? – осторожно поинтересовался тот, почтительно возвращая полковнику пустую фляжку. – Поверил вам офицерик?

Судейкин рассмеялся:

- Я, брат Захаренко, в минуты своего вдохновения и сам себе верю! Знаешь, если б не мое призвание по сыскной части, ей-богу бы в актеры подался. И не то что ты – великим бы стал, знаю!

- Какие же мне теперь указания будут, господин полковник?

- Возвращайся в камеру. Скоро туда, не сомневаюсь, и Ландсберга приведут. Суд завтра у него, перышки офицерику почистить надобно. Он, полагаю, слегка обалделый после моей обработки вернется – ты к нему лишний раз не лезь, ни с разговорами, ни с агитацией. Про меня он спросит наверняка... Тут как договаривались – побольше туману и ничего конкретного. Далее: после суда его здесь пару недель подержат, и в «пересылку». Тут ты с ним и расстанешься. Намекнешь, что встретитесь уже на воле. И – побольше ужасов о жизни на каторге. Побольше!

- А со мной-то как, господин полковник?

- Как договаривались: Ландсберга отсюда переведут – и тебя сразу выпустят. Не вздумай, негодяй, исчезнуть куда! Под землей сыщу! Выпустят – иди прямиком на Кирпичную, по известному тебе адресу. И сиди там, жди от меня весточку.

- А вознаграждение, осмелюсь напомнить? Месяц, почитай, в тюрьме зазря просидел. А уж старания с этим Ландсбергом проявил!..

Личность трудная, внушению поддается плохо, сами знаете.

- Все там, на Кирпичной тебя ждать будет, старатель! Ну, пшел!